ЕВРОПА

СТАРЫЙ СВЕТ — НОВЫЕ ВРЕМЕНА

СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА

РЕГИОН НОВОГО РАЗВИТИЯ

Под редакцией
Ю. С. Дерябина
Н. М. Антюшиной

ВЕСЬ МИР

Серия: Старый Свет — новые времена

СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА
РЕГИОН НОВОГО РАЗВИТИЯ

Научный руководитель серии
«Старый Свет — новые времена»
академик РАН Н.П. Шмелёв

Редакционная коллегия серии Института Европы РАН:
акад. РАН Н.П. Шмелёв (председатель),
к.э.н. В.Б. Белов, д.полит.н. Ал.А. Громыко,
Чрезвычайный и Полномочный посол РФ Ю.С. Дерябин,
акад. РАН В.В. Журкин, чл.-корр. РАН М.Г. Носов,
д.и.н. Ю.И. Рубинский, д.э.н. В.П. Федоров,
д.и.н. В.Я. Швейцер, чл.-корр. РАН В.Н. Шенаев,
д.и.н. А.А. Языкова

Российская академия наук
Институт Европы

СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА
РЕГИОН НОВОГО РАЗВИТИЯ

Под редакцией
Ю.С. Дерябина
Н.М. Антюшиной

ВЕСЬ МИР

Москва 2008

УДК 323+327(4-012.1)
ББК 66.3/66.4(41)
С 28

Руководитель научного проекта
академик РАН Н.П. Шмелёв

Редакционная коллегия страновой серии Института Европы РАН:
акад. РАН Н.П. Шмелёв (председатель), к.э.н. В.Б. Белов,
д.полит.н. Ал.А. Громыко, Чрезвычайный и Полномочный посол РФ
Ю.С. Дерябин, акад. РАН В.В. Журкин, чл.-корр. РАН М.Г. Носов,
д.и.н. Ю.И. Рубинский, д.э.н. В.П. Федоров, д.и.н. В.Я. Швейцер,
чл.-корр. РАН В.Н. Шенаев, д.и.н. А.А. Язькова

Руководитель авторского коллектива
Ю.С. Дерябин

Научный редактор
к.э.н. Н.М. Антюшина

Авторский коллектив:
к.э.н. Н.М. Антюшина (разд. 1.1; 1.2; 1.4; 2.1; 2.3–2.7; 3.1; 3.4; 3.5;
4.1–4.4; 5.1–5.3; 5.5; 5.6); Ю.С. Дерябин (разд. 1.3; 2.2; 3.2; 3.3; 5.4; гл.6);
к.и.н. В.Е. Можаев (разд. 4.5; 4.6), к.и.н. Н.С. Плевако (разд. 7.1),
к.филол.н. Т.А. Чеснокова (разд. 7.2).

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект № 07-02-16002д

Мнения отдельных авторов могут не совпадать с позицией редколлегии.

ISBN 978-5-7777-0392-7

© Издательство «Весь Мир», 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 9

Глава 1. Место Северной Европы в современном мире 13
1.1. Место Северной Европы в мировой экономике 13
1.1.1. Природные ресурсы стран Северной Европы 22
1.2. Значение Северной Европы для России
(вопросы двусторонних отношений) 29
1.2.1. Россия и Дания 31
1.2.2. Россия и Исландия 32
1.2.3. Россия и Норвегия. 33
1.2.4. Россия и Финляндия 36
1.2.5. Россия и Швеция. 40
1.3. Значение приграничного и субрегионального
сотрудничества для Северной Европы и России 41
1.4. Роль и перспективы региональных организаций
в формировании нового профиля Северной Европы . 47

**Глава 2. Социально-экономические процессы
в североевропейском регионе**. 67
2.1. Роль государства в социально-экономическом
развитии. 67
2.1.1. Развитие государственной собственности. 76
2.1.2. Политика приватизации. 85
2.2. Можно ли одолеть коррупцию? (опыт Финляндии) . . . 96
2.3. Народное хозяйство стран Северной Европы:
динамика и структура. 100
2.3.1. Структурный аспект экономического развития . . 107

2.4. Экономические ресурсы Северной Европы 113
2.4.1. Человеческие ресурсы, занятость и безработица . . 113
2.4.2. Финансовые ресурсы и кредитно-банковская система Северной Европы 119
2.5. Инфраструктура Северной Европы 126
2.5.1. Транспорт 126
2.5.2. Энергетика 128
2.5.3. Экология 132
2.6. Производственный сектор экономики: превращение из аграрно-промышленного в ведущий промышленный регион Европы 139
2.6.1. Промышленность 139
2.6.2. Сельское хозяйство 151
2.7. Особенности внешнеэкономической деятельности в условиях глобализации 163
2.7.1. Внешняя торговля: динамика, структура и направления 163
2.7.2. Участие региона в процессах международной миграции капиталов 173

Глава 3. Инновации — ключ к успеху 181
3.1. Инновационная ориентация — новое качество развития региона (Северная Европа — общество инновационной культуры) 181
3.2. Финский феномен 197
3.2.1. Среди мировых лидеров прогресса 198
3.2.2. Инновации и технологии — ключ к успеху 199
3.2.3. Государство или неолиберализм 203
3.2.4. Борьба за выживание и сохранение национальной идентичности 205
3.3. Наследие Нобеля (Чему поучиться у Швеции) 206
3.4. Голубоглазые шейхи (Инновационная модель управления топливными ресурсами в Норвегии) 211
3.5. Инновации: датский стиль 225

Глава 4. Опыт создания социально ориентированной модели развития экономики стран Северной Европы 233
4.1. Принципы и предпосылки североевропейской модели 233
4.2. Причины и направления реформирования социальной сферы 245

4.2.1. Изменения на рынке труда 252
4.2.2. Реформа пенсионной системы. 256
4.2.3. Реформа системы социальной защиты 260
4.3. Развитие отношений на рынке труда в странах Северной Европы в условиях глаболизации 263
4.4. Североевропейская модель в контексте ЕС 276
4.5. Современные проблемы социального развития на Севере Европы 291
4.6. Основные социальные права в северных странах и система их реализации 301

Глава 5. Многообразие форм многостороннего сотрудничества на Севере Европы 313
5.1. «Северное измерение» — инструмент стратегии ЕС по отношению к России 313
5.2. Совет Баренцева Евроарктического региона — новая общность. 339
5.3. Совет государств Балтийского моря — фактор создания нового мегарегиона 353
5.4. Неиспользованный потенциал Арктического совета . . 366
5.5. Северная Европа и интеграция: превратности отношений с ЕС 373
5.6. Северный совет — система северного сотрудничества 390

Глава 6. Военно-политическая ситуация в Северной Европе 397
6.1. Вашингтон вновь обращает свои взоры на северных соседей России (Норвегия, Дания, Исландия) 397
6.1.1. НАТО активизируется на северном фланге 400
6.1.2. Норвегию и Данию подключают к системе американской ПРО. 403
6.1.3. «Непотопляемый авианосец Запада» 412
6.1.4. Военное сотрудничество со странами Балтии 414
6.2. Эволюция в сторону НАТО (Финляндия, Швеция) . . . 418
6.2.1. Трансформация внешней политики Финляндии и Швеции 419
6.2.2. На острие дискуссии 424
6.2.3. Все готово к вступлению в НАТО? 431
6.2.4. Когда и как это может произойти? 435

6.2.5. Вопросы без ответа 436
6.2.6. Россия не может оставаться пассивной 440
6.3. Северные страны и военное измерение Евросоюза . . . 442
6.3.1. Финляндия 443
6.3.2. Швеция 451
6.3.3. Дания 456
6.3.4. Норвегия 458

Глава 7. Проблемы демократии и гражданского общества. Некоторые тенденции развития культуры северных стран 463
7.1. Проблемы демократии и гражданского общества 463
7.1.1. Принцип гласности и его экспорт в ЕС 477
7.1.2. Независимые административные управления 480
7.1.3.Политика равноправия полов 480
7.1.4. Интеграция иммигрантов в общество 484
7.2. Культура северных стран на рубеже веков 489

Заключение 501
Сведения об авторах 503
Указатель имен 505

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее исследование «Северная Европа — регион нового развития», разработанное Центром Северной Европы Института Европы РАН при поддержке РГНФ и издательства «Весь мир», входит в серию монографий, подготовка и издание которых осуществляется Институтом Европы и которые посвящены анализу положения и перспектив развития различных регионов Европы.

В основу монографии в целом положен проблемно-аналитический подход к региону Северной Европы (под которым понимаются Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия и Швеция) с использованием в необходимых случаях, страноведческих аспектов для характеристики особенностей развития отдельных стран и всего региона за последние 15–20 лет. При этом положение в регионе и перспективы его развития рассматриваются через призму интересов национальной безопасности России в широком комплексе.

Особенности настоящего труда определяются сочетанием политического, экономического, социального и культурологического подходов к изучению североевропейского региона, в котором выделяются черты, определяющие своеобразие Северной Европы, ставшей во многом регионом нового развития.

Еще пару десятилетий назад североевропейский регион находился как бы на периферии европейской политики и рассматривался, особенно в период «холодной войны», в силу своего геополитического положения, с военно-стратегической точки зрения. Это нашло свое отражение и в официальной политике Кремля, и в публикациях советского периода. Хотя отдельные страны региона, прежде всего Финляндия, находились в зоне пристального внимания Москвы, но

опять-таки исходя из специфических военных соображений. (Исключением была та же Финляндия, с которой развивалось весьма активное торгово-экономическое сотрудничество.)

В первые годы после окончания «холодной войны» и распада СССР Северная Европа фактически выпала из обоймы приоритетов российской внешней политики, ориентировавшейся в первую очередь на США, и отношения с северными странами скорее носили традиционный характер. Соответственно, исследования отдельных российских скандинавистов вызывали интерес, в основном, только у специалистов. Да и серьезных, комплексных публикаций на эту тему не было, в лучшем случае рассматривались отдельные аспекты и проблемы.

Положение стало меняться в последние годы. Ведь на Севере Европы произошли существенные изменения, связанные с радикальными переменами во всей Европе, прекращением блокового и идеологического противостояния, распадом СССР и социалистических режимов в Восточной Европе. Появились новые факторы, создающие предпосылки для плодотворного сотрудничества в регионе, укрепления стабильности в нем. По-иному ставятся вопросы обеспечения безопасности. Если раньше во многом доминировали военно-политические аспекты (они в известной степени сохраняются и до сих пор), то сейчас на первый план вышли проблемы «мягкой» безопасности (социально-экономические, экологические, гуманитарные и др.). Одним из приоритетов политики стран Северной Европы стало участие в трансграничном, субрегиональном сотрудничестве с активным вовлечением в него России, нахождение новых форм взаимодействия.

По-другому стало выглядеть геополитическое окружение Северной Европы. Существенно раздвинулись географические рамки, изменилась конфигурация североевропейского региона. Возникло и все больше входит в оборот понятие «новая Северная Европа», охватывающая и «традиционные» северные страны, и обретшие свою независимость государства Балтии, и Россию — в лице ее северо-западных регионов. Поскольку составной частью Северной Европы является Балтийское море, то вполне естественно включить в рамки «новой Северной Европы» также Польшу и Германию, во всяком случае их районы, примыкающие к Балтике.

Не случайно Европейский союз в последнее время повысил внимание к Северу Европы, разработав и приняв концепцию «Северного измерения» своей внешней и трансграничной политики, включающую сотрудничество в самых различных областях со странами «новой Северной Европы». О возросшем интересе США к региону свидетель-

ствует выдвинутая в 1997 г. так называемая североевропейская инициатива. Североевропейцы играют все более заметную роль и в ЕС, и в ООН, и в Совете Европы, в ряде других ключевых международных организаций и к их голосу прислушиваются.

Сами страны Северной Европы (население которых составляет всего 24,8 млн человек или 0,4% населения мира) за полтора-два последних десятилетия сумели вырваться в число европейских, а в ряде случаев и мировых лидеров по многим показателям: по уровню развития экономики, конкурентоспособности, степени развития инноваций, развитию информационных, коммуникационных и других высоких технологий, охраны окружающей среды, науки и образования, уровню развития демократических институтов, социальной и правовой обеспеченности населения, борьбы против коррупции, отсутствию криминализации общества.

Поэтому не случайно одной из главных тем монографии является выявление особенностей социально ориентированной североевропейской модели экономического развития как наиболее развитой на данный момент формы государства всеобщего благоденствия в условиях углубления европейской интеграции, развития информационного общества и глобализации.

При этом вопреки теориям неолибералов, в том числе и российских, государство в северных странах продолжает играть важную роль в определении экономического развития. Государство не поставило экономику под бюрократический контроль, но использовало стимулы и стратегическое планирование в качестве дополнения к рыночным механизмам, а не в качестве замены их.

В монографии подчеркивается значение североевропейского региона для внешней и оборонной политики России как стратегически важной зоны с точки зрения обеспечения национальной безопасности страны. На сегодняшний день северо-западный фланг России является наиболее спокойным, а сам регион — наименее проблемным в Европе, по сравнению с другими частями континента. В то же время сохраняются и могут возникнуть риски нестабильности, вызов и угрозы в области военно-политической безопасности на Севере Европы и в районе Балтийского моря, связанные с поддержанием военного присутствия НАТО в Норвегии, Дании и Исландии; расширением НАТО за счет стран Балтии; возможным вступлением Финляндии и Швеции в НАТО.

Отдельный сюжетом, характеризующим изменения в политике безопасности стран Северной Европы после окончания «холодной войны», является анализ усиливающегося сотрудничества с Евро-

союзом, возрастающее участие (хотя и в различной степени) в его военно-политической составляющей — ОВПБ и ЕПБО.

Особое внимание уделяется преемственности и дальнейшему развитию сотрудничества в решении традиционных проблем, которым всегда придавалось большое значение в северных странах, таких как развитие демократии, гражданского общества, обеспечение прав человека. В области культуры рассматриваются основные тенденции, национальная специфика и своеобразие культурного развития североевропейского региона, наиболее значительные достижения и творчество известных представителей этих стран.

Для России Европейский Север исторически всегда имел особое значение, которое в нынешних условиях еще больше повышается, но, к сожалению, не всегда находит адекватное отражение в практических действиях. Для того чтобы правильно сформировать российскую политику на этом важном направлении, необходимо реально и более детально оценить перспективы развития в регионе, не уходя и от оценки проблем, которые здесь существуют или могут возникнуть.

Авторы монографии надеются, что предлагаемое исследование будет в какой-то мере способствовать разработке более ценной и активной концепции России — как на федеральном, так и на региональном уровнях — в отношении политики и практических действий на североевропейском направлении. Опыт стран Северной Европы, несомненно, будет полезен как для России в целом, так и для ее субъектов, особенно северо-западных.

Глава 1. Место Северной Европы в современном мире

1.1. Место Северной Европы в мировой экономике

Исходя из количественных параметров, Северная Европа и составляющие ее страны занимают скромное место в мировой экономике. Действительно, численность ее населения составляет около 24,9 млн человек, ближайшими ее аналогами по размерам населения являются Республика Корея (21,7 млн) и Узбекистан (26,0 млн)[1].

Население стран Северной Европы в 2006 г. составило 7,9% численности ЕС, но создаваемый ими ВВП достиг 11,6% от ЕС, а ВВП на душу населения — 122% от среднего по ЕС. Безработица в Северной Европе ниже, чем в ЕС (5,8% против 7,9%), а темпы прироста населения — выше, чем в ЕС (1,9% против 1,5%)[2]. Интересно сопоставить эти показатели с российскими: население нашей страны больше, чем в Северной Европе в 5,7 раза, однако показатели ВВП в России выше только в 1,9 раза[3].

Более крупными масштабами отличается территория Северной Европы. Швеция, например, — одно из крупнейших государств Европы по территории, она находится на 5-м месте на континенте по размерам занимаемой площади. Однако заметная часть территории североевропейских стран (за исключением Дании) расположена в полярных и приполярных областях, обладание которыми не представляет собой значительного экономического преимущества. Некоторые статистические показатели, характеризующие экономический потенциал Северной Европы, представлены в таблице 1.1.

---

[1] Российский статистический ежегодник. Росстат. 2006. С. 751.

[2] Nordic Statistical Yearbook. 2007. Vol. 45. P. 9.

[3] CIA. World Fact Book. 2007 (www.cia.gov).

Таблица 1.1

Экономический потенциал стран Северной Европы

	Дания	Исландия	Норвегия	Финляндия	Швеция
Территория (тыс. кв. км) (2006)	43,4	103,3	323,8	338,1	450,3
Население (млн чел.) (2006)	5,4	0,3	4,6	5,25	9,05
Плотность населения (чел. на кв. км) (2006)	127	3,3	15,2	17	22,0
Население столицы (тыс. чел.) (2006) (с пригородами)	593 (1831)	114 (187)	538 (1039)	560 (988)	771 (1889)
ВВП (млн евро по ППС в текущих ценах) (2005)	156 248	9 010	166 256	139 332	249 946
ВВП (евро на душу населения по ППС) (2005)	28 800	30 452	36 000	26 600	27 700
Социально значимые расходы, вкл. образование и здравоохранение* (2006), % к ВВП**	70,2 (41,8)	60,4 (21,0)	70,1 (38,9)	67,6 (42,0)	67,5 (42,2)
Расходы на НИОКР (%, 2005)	2,44	2,83***	1,51	3,48	3,86
Экспортная квота* (%, 2005)	43,2	27,6	50,2	37,6	41,2
Главные статьи экспорта общего объема (2005), % к итогу	продукция машиностроения — 27,9; продукты питания — 12,0, пром. оборудование — 6,4	продукция машиностроения — 9,3; рыба и морепродукты — 52,0; цветные металлы — 18,6	продукция машиностроения — 8,4; нефть и нефтепродукты — 50,0%; газ — 17,5	продукция машиностроения — 44,1; в том числе средства дальней связи — 18,8; продукция цел. бум. пром. — 13,9	продукция машиностроения — 45,1; средства дальней связи — 13,9; транспортные средства — 13,9
Безработица (%, 2005)	4,9	2,7	4,7	8,5	6,0

Источник: Nordic Statistical Yearbook. 2006. Vol. 44. P. 17–31, 144, 189– 190, 214, 222; Vol. 45. P. 222, 227.
* Расчет.
** В скобках — без образования и здравоохранения.
*** 2004.

Если оценивать роль и место Северной Европы, принимая во внимание качественные характеристики, то она становится заметным феноменом в европейской и мировой экономике, который наложил отпечаток на развитие современной цивилизации. Скандинавские страны и Финляндия в последние 10–15 лет выдвинулись в лидеры мировой экономики по уровню и качеству экономического развития *(см. табл. 1.2)*.

Таблица 1.2

Место североевропейских стран в мировых рейтингах

Дания	Исландия	Норвегия	Финляндия	Швеция	Для сравнения: Россия
Место в мире по индексу развития человеческого потенциала (ООН — 2006)					
№ 15	№ 2	№ 1	№ 11	№ 5	№ 65
Место в мире по индексу глобальной конкурентоспособности (Всемирный экономический форум — 2006)					
№ 4	№ 14	№ 12	№ 2	№ 3	№ 62
Место в мире по индексу экономической свободы (Heritage Foundation — 2006)					
№ 13	№ 15	№ 30		№ 21	№ 120
Место в мире по индексу степени защиты окружающей среды (www. yale.edu/epi) (2006)					
№ 7	№ 13	№ 18	№ 3	№ 2	№ 32
Место в мире по индексу свободы от коррупции (World Transparency International) (2006)					
№ 4	№ 1	№ 8	№ 1	№ 6	№ 121
Место в мире по расходам на здравоохранение (ООН — 2006)					
№ 11	№ 4	№ 1	№ 18	№ 12	–
Производство ВВП на душу населения в долларах США (CIA Fact Book) (2006)					
34 800	35 700	42 800	31 100	29 800	8 900
Продолжительность жизни в годах (ООН — 2005)					
77,8	80,3	79,5	78,5	80,5	67,1

В 2005 г. по статистическим данным ОЭСР, Норвегия вышла на 2-е место среди стран — членов этой организации по размерам ВВП на душу населения, Дания — на 7-е, Швеция — на 12-е, Исландия — на 6-е, а Финляндия — на 15-е место[1]. (Для сравнения — *см. табл. 1.3.*)

Помимо высокого уровня экономического развития и жизненных стандартов, важен тот факт, что этим странам удалось внести

[1] См.: OECD in Figures 2006–2007. OECD Observer. 2006. Suppl. 1.

заметный вклад в развитие европейской культуры и цивилизации (подробнее см. главу 7), в формирование социально ориентированной модели экономического развития (см. главу 4). Знаменитый датский теолог Сёрен Кьеркегор (1813–1855) и шведский мистик Эмануэль Сведенборг (1688–1772) внесли вклад в развитие мировой философской мысли. Целая плеяда скандинавских кинематографистов: Ларс фон Триер, Анна Карина, Ингмар Бергман (1918), Грета Гарбо (1905–1990), Анита Экберг (1931) прославили свои страны, работая на родине или в американском и европейском кино. В литературе получил известность целый ряд скандинавских и финских писателей: норвежский драматург Хенрик Ибсен (1828–1906), знаменитый датский сказочник Ханс Кристиан Андерсен (1805–1875), детская писательница Астрид Линдгрен (1907–2002). В музыкальном творчестве ярко проявили себя финский композитор Ян Сибелиус (1865–1957), норвежец Эдвард Григ (1843–1907), шведский эстрадный ансамбль АББА и т.д.

Таблица 1.3

Показатели экономического развития и благосостояния, 2006 г.

Страны	**ВВП (млрд долл. ППС)**	**ВВП на душу населения (долл. ППС)**
Дания	202,1	37 078
Исландия	11,38	38 011
Норвегия	213,6	46 326
Финляндия	175,2	32 209
Швеция	290,1	32 174
Итого 5 стран	892,38	35 958
Для сравнения: Россия	1746	12 129

Источники: CIA. World Fact Book. 2007. (www.cia.gov.)

Финская школа архитектуры и скандинавский дизайн оказали влияние на мировые тенденции в архитектуре и промышленном конструировании. Послужила развитию экономической мысли так называемая шведская школа экономики: основателями ее явились Кнут Виксель (1851–1926), автор теории распределения и модели кумулятивной инфляции. Гуннар Мюрдаль (1898–1987) разработал

институциональную теорию преодоления экономической отсталости. Шведские экономисты Эли Хекшер (1879–1952) и Бертиль Олин (1899–1979) выявили связь национальных издержек производства с факторными преимуществами стран, объяснив таким образом принципы, определяющие экспортную специализацию отдельных стран на производстве той или иной продукции, которые служат обоснованием современной теории международного разделения труда.

В наши дни получила большую известность концепция «национальной инновационной системы», разработанная экспертом международных организаций, профессором Б.О. Лундваллем. С точки зрения влияния на развитие современной социально-экономической мысли и хозяйственной практики большое влияние оказали концепции шведских профсоюзных деятелей и шведской социал-демократии, которые легли в основу так называемой шведской модели развития — модель Ёсты Рена и Рудольфа Мейднера, которая служит теоретической основой регулирования рынка труда в социальной рыночной экономике. Шведская концепция «Дом для народа» Пера Альбина Ханссона (1885–1946) легла в основу социальной политики государства всеобщего благоденствия, которое было практически реализовано в скандинавской модели вообще и шведском государстве, в частности.

Важен вклад скандинавской фундаментальной науки и инженерных конструкторских разработок в создание современных промышленных технологий и постиндустриального общества. На Севере Европы были изобретены или кардинально усовершенствованы следующие виды промышленных изделий: спички, ледоколы, технологии выплавки цветных металлов, дизельные двигатели для судов, средства мобильной телефонной связи, нефтяные платформы и многое, многое другое, без чего немыслима современная технократическая цивилизация.

Несмотря на небольшой удельный вес в мировом производстве, Скандинавские страны и Финляндия, учитывая высокое развитие специализации и кооперирования в промышленном производстве, по некоторым его видам делают значительный вклад в мировое производство и торговлю. Например, их доля значительна в производстве средств мобильной связи, применении сети Интернет в торговле и обслуживании, производстве оборудования для предприятий целлюлозно-бумажной промышленности, военной техники, рыбы и рыбных консервов, сыра, сливочного масла, мясомолочной продукции, лифтов и другого подъемно-транспортного оборудования и т.д.

Специализация североевропейских стран складывалась первоначально на основе их преимуществ в природных факторах производства, которые имелись благодаря наличию лесных богатств (все страны Северной Европы, кроме Дании и Исландии), железной руды (Швеция), руд цветных металлов (Исландия, Норвегия, Финляндия), рыбных ресурсов (Исландия, Дания, Норвегия), благоприятных условий для ведения сельского хозяйства (Дания). Но по мере технического и экономического прогресса постепенно повышалась степень переработки того природного сырья, которым Северная Европа была изначально одарена. Постепенно стали появляться, а затем и расширяться новые, нетрадиционные виды производства, такие как машиностроение. В настоящее время получили преимущественное развитие так называемые наукоемкие отрасли, а именно: информационные технологии, средства связи, биотехнология, фармацевтика и т.д.

Значительно выражена экспортная направленность экономического развития Северной Европы. Две трети производимых в Дании продуктов питания идет на экспорт, причем половина — в ЕС, правда доля аграрной продукции в совокупном экспорте страны падает. Однако Дания продолжает оставаться самым крупным экспортером свинины в мире — она вышла на 6-е место в мире по ее производству. Доля экспорта в датском производстве сливочного масла, сыра, мяса превышает 4/5. Датская «Ново Нордиск» является мировым лидером в производстве инсулина (50% мирового производства) и промышленных энзимов (ферменты). Она занимает лидирующие позиции в мире по многим направлениям исследований и производства в области биотехнологии и фармацевтики, в том числе производит генно-инженерный инсулин, антибиотики, витамины и т.д. Датская компания «Х. Лундбек» является крупнейшим в мире производителем препаратов для лечения заболеваний центральной нервной системы и обезболивающих средств. Датская фирма «Хальдор Топсе», на которую приходится 25% мирового производства серной кислоты, разработала технологию безотходного производства серной кислоты. Датский производитель слуховых аппаратов «ДжейЭн Ресаунд» удерживает 25% мирового рынка. Дания занимает 1-е место среди стран — членов ЕС по объему производства продуктов питания на душу населения. Датский экспорт мясных продуктов в семь раз превышает средний для 15 стран ЕС показатель, а рыбы и морепродуктов — в 12 раз.

Норвегия, помимо добычи нефти и газа, специализируется на рыболовстве и марикультуре, морских перевозках, цветной металлургии, химии, судостроении, гидроэнергетике, информационных услугах.

Норвегия — крупнейший в мире экспортер сжиженного природного газа, который занимает третью в мире позицию после Саудовской Аравии и Алжира. По экспорту нефти Норвегия также находится на третьей позиции после Саудовской Аравии и России. В Норвегии нефтегазовая промышленность, рыболовство и судоходство носят экспортно-ориентированный характер. 90% выловленной рыбы и 90% добытой нефти отправляется на экспорт, а ее торговый флот является одним из крупнейших мире и за счет него страна получает около 1/5 своих валютных доходов. Норвегия занимает 1-е место в мире по производству электроэнергии на душу населения. Благодаря сохранению государственного контроля над добычей углеводородов на норвежском шельфе норвежское государство не имеет внешней задолженности, что является показателем эффективного использования имеющихся природных и экономических ресурсов и высокой экономической безопасности.

Экспортная специализация Исландии является почти монокультурной, так как из-за бедности природных ресурсов основное место в ее экспорте приходится на две товарные группы: рыба и алюминий. Исландия (так же, впрочем, как Норвегия) является одним из крупнейших в мире экспортеров рыбы и морепродуктов. Кроме того, более 18% промышленного экспорта Исландии приходится на алюминий, так как страна богата дешевыми источниками энергии, которые используются для его выплавки.

Швеция и Финляндия являются крупными экспортерами наукоемкой продукции электроники. По данным компании «Эрикссон», число пользователей ее продукции в мире превысило 500 млн человек. Швеция занимает заметное место в мировом экспорте звукозаписывающего оборудования и средств дальней связи, является одним из ведущих в мире экспортеров продукции развлечений (музыкальные записи и т.д.). Финляндия вышла на одно из первых мест по доле наукоемкой продукции в экспорте страны (более 1/4). Промышленное производство Финляндии высоко специализировано — ее доля на мировом рынке машин для производства бумаги и бумажной массы, лесозаготовительных машин, кранов и подъемного оборудования, мобильных телефонов колеблется в диапазоне 37–45%[1].

Но, пожалуй, самый главный вклад североевропейские страны внесли в золотой фонд человеческого опыта, осуществив на практике североевропейскую модель социально ориентированного экономического

[1] См.: Statistics of Federation of Finnish Metal, Engineering and Electrotechnical Industries. Helsinki, 2006.

развития, переход к которой был реализован мирным, эволюционным путем. Особенностью североевропейского пути социально-экономического развития является сочетание социальной ориентации с инновационной и экологической направленностью развития. (Подробнее см. главы 2, 3 и 4.) Также очень большое значение для всего человечества имеют успехи североевропейской цивилизации в достижении экологически дружественного варианта индустриального развития. На основе переплетения этих трех особенностей, характеризующих североевропейское развитие (социальная, инновационная и экологическая ориентация), можно считать, что североевропейская модель представляет собой особый вариант в рамках европейской цивилизации. Именно североевропейские страны неукоснительно выполняют решение ООН о предоставлении помощи развивающимся странам в размере 0,7% ВВП страны. А в Норвегии ассигнования на помощь странам третьего мира достигают даже 1% ВВП, что, безусловно, помогает стране завоевать доверие и пользоваться поддержкой в различных международных организациях со стороны развивающихся стран. Эти средства направляются непосредственно в страны — получатели помощи или распределяются через различные органы ООН.

Важной чертой североевропейской модели развития является высокая гибкость и приспособляемость к изменениям на мировом рынке, высокая способность к новациям, относительная независимость от шаблонов, склонность к усвоению новейших достижений технологического и общественного развития, проявление высоких адаптационных возможностей, а также готовность к социальным нововведениям. Например, Норвегия стала пионером развития нового вида хозяйственной деятельности человека, которое получило название аквакультура или марикультура. Швеция и Финляндия стали лидерами в развитии информационного общества, которое основано на широком распространении компьютеров и средств мобильной связи, а Дания наряду со Швецией — в промышленном освоении новинок биотехнологии и генной инженерии. Дания, Исландия и Швеция сейчас принимают довольно успешные усилия по применению экологически чистых источников энергии: энергии ветра, геотермальной энергии, биотоплива. Гренландия, Лапландия, Шпицберген и Исландия стали пионерами в развитии северного экстремального и экологического туризма и т.д. Число туристов в Исландии растет на 10% в год; а доля доходов от туризма выросла в этой стране в два раза за последние 30 лет[1].

---

[1] http://www.icetourist.ic.

В свое время эти страны быстрее, чем другие достигли всеобщей грамотности, всеобщего среднего образования, ввели избирательное право для женщин, разработали и ввели в действие щедрую и универсальную систему социальной защиты на все трудные случаи в жизни человека и т.д. Несмотря на свои малые размеры, североевропейские страны не всегда подстраиваются под политику крупных государств, а их участие в европейской интеграции никогда не принимало автоматический или конформистский характер. Интересным примером проведения самостоятельной политики являются действия Гренландии — самоуправляющейся части Датского королевства, которая вышла из состава ЕЭС в 1985 году[1]. Норвегия дважды в 1972 и 1985 гг. отвергла возможность вступления в ЕС. Исландия также остается вне Европейского союза. Из трех североевропейских стран, которые вошли в состав ЕС, только одна страна, а именно Финляндия, приняла валютный союз на основе евро. (Подробнее см. раздел 5.5.) Итого, из североевропейского региона шесть раз прозвучало «нет» развитию западноевропейской экономической интеграции.

Если взглянуть на Север Европы с точки зрения масштабов ее участия в международной торговле, то регион участвует в мировом экспорте в 1,6 раза больше, чем Россия, а в импорте даже в три раза больше чем Россия, а по товарообороту превышение достигает двух раз. Предоставим читателю оценить экономическое значение этого явления, учитывая, что население России в шесть раз больше, чем всех стран североевропейского региона вместе взятых[2]. Обратим внимание также на асимметрию долей по экспорту и импорту, которая имеет определенный экономический смысл, образуя основу для утечки капитала из России за рубеж. Североевропейские страны тоже вывозят капитал, но в отличие от России за рубежом их экспортные капиталы чаще принимают форму производственных инвестиций, в большинстве случаев находя производственное применение.

Североевропейские страны, используя свои уникальные условия, превратились в мировых лидеров в некоторых областях, которые соответствуют их международной специализации. Например, Норве-

---

[1] В 1972 г., когда Дания проводила референдум по поводу присоединения к ЕЭС, 70% гренландцев проголосовало против участия в Общем рынке. После проведения в 1982 г. (то есть уже после обретения ею независимости от Дании): всенародного референдума, Гренландия вышла из Общего рынка в 1985 г.

[2] См.: Российский статистический справочник. Госкомстат РФ. С. 751, 790–792.

гия занимает 4-е место в мире по тоннажу своего торгового флота, находится на 1-м месте в мире по производству электроэнергии на душу населения. Финляндия занимает 1-е место в мире по производству ледоколов, судов-лайнеров, специализированных судов, оборудования для целлюлозно-бумажной промышленности, лидирует по производству и экспорту средств мобильной связи в пересчете на душу населения. В Хельсинки размещается самый большой в Европе завод по производству изделий из фарфора, а в Норвегии и Исландии — крупные заводы по выплавке алюминия. Швеция является одним из крупных экспортеров вооружения и военной техники: ее доля на мировом рынке вооружения превышает ее долю в промышленном производстве.

1.1.1. Природные ресурсы стран Северной Европы

Как известно, уровень экономического развития и место, занимаемое в системе международного разделения труда, в значительной мере определяется размерами и составом экономических и природных ресурсов, которыми располагают соответствующие страны.

Среди всех североевропейских стран Дания является, пожалуй, самой бедной по своим природным ресурсам, если не считать Исландию. Однако у нее самые хорошие условия для развития сельского хозяйства. Традиционно Дания была импортером топлива, но после открытия нефти на морском шельфе она превратилась в его экспортера. По оценкам экспертов Дании и Норвегии хватит запасов углеводородов примерно на 10 лет, исключение — природный газ Норвегии (около 30 лет). На территории самой Дании имеются запасы бурого угля и торфа, а в датской автономии — Гренландии есть каменный уголь. Имеется также сырье, необходимое для производства строительных материалов: мел, известняк, глина, инертные материалы. На о. Гренландия обнаружены крупные запасы урановых и цинковых руд, редких металлов (торий и молибден). Воды Дании и особенно ее автономных территорий богаты рыбными ресурсами. На Борнхольме ведется добыча каолина, который применяется в производстве керамики и в целлюлозно-бумажной промышленности, а также гранит, используемый в строительстве дорог и домов. Гренландия более богата природными ресурсами, чем ее бывшая метрополия Дания: на самом большом острове в мире есть железная руда, золото, каменный уголь, урановая руда, но они не добываются из-за суровых климатических условий. Обнаружены запасы нефти и на морском шельфе вблизи Гренландии.

Основное богатство Исландии — это геотермальная энергия, руда и рыбные ресурсы. Исландия, как и Норвегия, является мировым чемпионом по производству и потреблению энергии на душу населения. Ее преимущество — это геотермальная энергия, которая используется не только для производства электрической энергии, но и для отопления и снабжения крупных промышленных предприятий. Она обходится примерно в два раза дешевле, чем электрическая энергия, получаемая на основе сжигания твердого топлива. Кроме того, ее преимущество в том, что это — возобновляемый источник энергии. Такая энергия является самой дешевой и экологически чистой. Все ТЭС и сеть энергоснабжения в Исландии принадлежат Исландской национальной энергетической компании (ИНЭК), половина акций которой находится в собственности государства. Распределением энергии в сельской местности занимается Исландская национальная электрическая компания — ИНЭК, которая тоже находится под контролем правительства. В Исландии только 1/5 часть земли пригодна для сельского хозяйства (примерно как в Норвегии) и только 6% пригодно для растениеводства. Овощи, фрукты и цветы выращиваются в теплицах с использованием геотермальной энергии. Еще в 1970-х гг. был достигнут предел в увеличении улова рыбы и осуществлен переход к рациональному использованию рыбных ресурсов. Упор делается на повышение степени переработки выловленной рыбы, а не на увеличение улова.

Все североевропейские страны сами обеспечивают себя продуктами питания, а некоторые из них являются крупными экспортерами продовольствия. Две трети производимого в Дании продовольствия идет на экспорт, причем половина — в страны ЕС. Дания является самым крупным экспортером свинины в мире. 80% производимого в Дании сливочного масла потребляется за рубежом.

Когда были найдены нефть и газ на континентальном шельфе Северного моря, положение этих стран в мировой экономике кардинально изменилось, а Норвегия превратилась в своеобразный европейский Кувейт. Поиски нефти велись с середины 1960-х гг., но первое месторождение было открыто в 1969 г. в районе Экофиск в норвежской части Северного моря. С середины 1990-х гг. Норвегия не опускается ниже 3-го места в мире по экспорту нефти. Нефть приносит около половины экспортных доходов Норвегии. У страны большой потенциал гидроэнергетики, благодаря чему она получает много дешевой электроэнергии. Почти вся электроэнергия производится на ГЭС. Благодаря этому Норвегия вышла на 1-е место в мире по производству электроэнергии на душу населения (показатель

в два раза выше, чем в США), что позволяет развивать энергоемкие виды производства, в том числе для последующей поставки продукции за рубеж. Третья часть производимой в стране энергии используется для выплавки металлов. Норвегия превратилась в крупнейшего в Европе производителя алюминия и магния, заметное место занимает по добыче титановой, медной и цинковой руды. Кроме рыбных и лесных ресурсов, Норвегия обладает месторождениями гранита, железа, меди, молибдена, мрамора, никеля, свинца, серебра, титана, цинка. Норвежская компания «Норск гидро» владеет алюминиевым комбинатом «Сундаль», который является самым крупным алюминиевым заводом в Европе. Электроэнергетические сети и общественный автодорожный транспорт в Норвегии находятся в собственности муниципалитетов, а центральное правительство обладает остальной инфраструктурой.

Основным природным ресурсом Финляндии является лес, который покрывает 3/4 части финской территории. Кислотные дожди, которые причинили значительный вред лесам в Центральной Европе, и сам процесс индустриализации, сопровождаемый на первых этапах активной вырубкой леса, Финляндии урона практически не нанесли. Страна обладает большими залежами торфа, который используется как топливо. На севере Финляндии имеются запасы железной руды, кобальта, меди, никеля и цинка, хрома. Золото, кадмий, серебро и титан получают в качестве побочных продуктов при добыче металлических руд. Слюда добывается в основном на экспорт. Финляндия испытывает энергетическую зависимость от импорта топлива, за счет местных видов топлива удовлетворяется только 1/3 потребностей ТЭЦ.

Что касается Швеции, то лес, железная руда и гидроэнергия служили основой развития шведской промышленности с самого начала эпохи индустриализации. Запасы железной руды были найдены в Лапландии около Кируна в конце XIX в. В настоящее время руда вывозится в норвежский порт Нарвик по норвежской железной дороге, которая обслуживается шведской компанией. В северной провинции Швеции Норланд ведется добыча меди, золота, свинца, серебра, цинка. Залежи серебра, железной руды и меди раньше разрабатывались и в Центральной Швеции, но сейчас они уже почти исчерпаны и добыча не ведется из-за низкой рентабельности. Доля Швеции в мировом объеме добычи железной руды равняется 2%; заметна ее доля в мировой добыче меди, свинца и цинка. Имеются также залежи урановой руды, которые не разрабатываются по экологическим и политическим соображениям.

Лесными ресурсами природа одарила все североевропейские страны, кроме Исландии, но в Дании леса пострадали от массовой вырубки, и в настоящее время сохранили лесные богатства Финляндия и Швеция, а также Норвегия. Швеция лидирует в Западной Европе по величине запасов лесных ресурсов, более половины территории страны покрыто лесами, а сама Швеция, как известно, находится на 3-м месте в Западной Европе по размерам территории после Испании и Франции и на 5-м месте в Европе в целом (после России, Украины, Испании и Франции).

Таблица 1.4

Лесные территории (%)

	Дания (2000)	**Исландия (2006)**	**Норвегия (2005)**	**Финляндия (2004)**	**Швеция (2003)**
Доля территории страны, занятой лесом, % (вся территория = 100%)	11,3	5,0	16,1	75,6	25,7
Количество кв. км в расчете на 1000 жителей	0,9	1,7	24,4	44,2	55,8
Доля леса, который находится в частной собственности (вся территория леса = 100%)	46,1	–	82,1 (1990)	59,6	50,5 (2004)

Источник: Nordic Statistical Yearbook. 2007. Vol. 45. P. 245, 246.

Важнейшим экономическим ресурсом североевропейских стран являются человеческие ресурсы. Всего население стран Северной Европы составляет (в млн человек): в Швеции — 9,1, Дании — 5,4, Финляндии — 5,3, Норвегии — 4,7, Исландии — 0,3[1]. Итого: 24,9 млн человек. Трудовые ресурсы стран Северной Европы отличаются высоким уровнем образования и профессиональной подготовки, высокой продолжительностью жизни, в том числе ее активной части, что превращает их в человеческий капитал.

[1] Nordic Statistical Yearbook. 2007. Vol. 45. P. 60

Таблица 1.5

Доля получивших образование среди людей работоспособного возраста (от 25 до 74 лет) (%, 2005) (общая численность трудоспособного населения = 100%)

	Дания	Исландия	Норвегия	Финляндия	Швеция
С начальным образованием	30	32	18	30	21
Со средним образованием	43	46	53	40	51
С высшим образованием	27	22	29	30	28

Источник: Nordic Statistical Yearbook. 2006. Vol. 44. P. 127.

Как следует из таблицы, доля людей с высшим образованием варьирует в отдельных североевропейских странах от 22% (в Исландии) до 30% (в Финляндии). Финляндия и Норвегия входят в число мировых лидеров по доле людей с высшим образованием среди населения, а именно около 29–30% населения в возрастных группах от 25 до 74 лет имеют дипломы о высшем образовании. В Скандинавии их называют академиками (имеются в виду люди с академическим, то есть высшим образованием), они образуют отдельные профсоюзные организации. Людей с начальным образованием больше всего в Исландии (32% общей численности), а меньше всего — в Норвегии (18%). Работников со средним образованием больше всего в Норвегии (53%), а меньше всего в Финляндии (40%). В последние годы на человеческие ресурсы все большее влияние оказывает иммиграция.

В эпоху глобализации страны Северной Европы вступили относительно безболезненно, так как этот процесс несет с собой углубление участия в международном разделении труда, в которое эти страны уже были глубоко включены, поэтому либерализация международных экономических отношений не могла привести к серьезной перетряске их внутриэкономической системы или к болезненной ломке производственных структур. Однако серьезно выросла степень их участия в международном движении капиталов. Североевропейские страны в силу узости их внутренних рынков и высокого уровня эко-

номического развития раньше других стран встали на путь открытой к мировому рынку экономики и успели не только приспособиться к такой стратегии, но и извлекать из нее пользу. Однако это процветание не носит устойчивого характера. Например, моноспециализация (можно даже сказать, монотонная специализация), которая исторически сложилась в Исландии, несет с собой определенные опасности, так как ее следствием является возникновение сильной зависимости от конъюнктуры мирового и европейского рынка. Во всех северо-европейских странах под влиянием глобализации увеличивается степень специализации производства и экспорта, значит, возрастает зависимость их экономики от все более узкого круга промышленных изделий.

Все труднее сочетать политику социального государства, которая основана на активной роли государства в регулировании, с дерегулированием экономики, которое влечет за собой устранение государства от управления экономическими процессами. Приходится признать, что эти процессы и те цели, которые они преследуют, внутренне противоречивы. Когда такое сочетание станет невозможным (то ли из-за углубления интеграции и унификации социально-экономической политики внутри ЕС, то ли из-за усиления конкуренции со стороны новых индустриальных стран на мировом рынке или социального демпинга со стороны стран — новичков в ЕС), то, скорее всего, выбор произойдет не в пользу социального государства. Тогда ставший традиционным социально-политический консенсус будет нарушен, и это несет угрозу острых социальных конфликтов. Однако в настоящее время позиции стран Северной Европы в мире продолжают оставаться относительно крепкими и благоприятными, так как страны этого региона лидируют по ряду показателей, которые характеризуют высокий уровень их экономики, условий жизни и экономической политики: по уровню развития экономики и благосостоянию населения; по степени финансирования НИОКР; по конкурентоспособности; по индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП)[1]; по индексу экономической свободы; по использованию компьютеров, мобильных телефонов, телефонных линий, сети Интернет, использованию информационных технологий; по числу опубликованных научных работ в расчете на душу населения; по степени развития научно-технической кооперации; по продолжительности

[1] ООН публикует индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) для 177 стран начиная с 1990 г. Подсчет ИРЧП основан на широком круге показателей, отражающих экономическое развитие, образование, качество и уровень жизни.

жизни; по размерам и универсальности охвата населения мерами социальной поддержки со стороны государства и т.д.

Посмотрим, как складываются позиции североевропейских стран на примере Швеции. ОЭСР в 2002 г. поставила Швецию на одно из первых мест в мире по степени развития Интернета и информационных технологий наряду с США и Финляндией. В том же году «International Data Corporation» поместила Швецию на 1-е место среди 55 стран по комплексному индексу, характеризующему развитие информационного общества, который вычисляется как средний из 23 индексов более частного характера. Один из важных факторов, позволивших Швеции достичь высокого уровня развития информационных технологий, — большое число активных пользователей внутри страны. В Швеции 2/3 взрослого населения имеют ПК с доступом в Интернет; более 6 млн человек являются обладателями мобильных телефонов. Кабельным телефоном обеспечено 98% населения страны. В 1999 г. Швеция вышла на 1-е место в ЕС по количеству покупок, совершаемых с помощью Интернета. В сети можно приобрести книги, музыкальные записи, компьютерное оборудование, получить банковские услуги, заказать билеты и т.д. 30% шведов используют Интернет для осуществления своих банковских операций и покупок товаров, 60% — используют электронную почту, 55% шведских избирателей предпочитают голосовать через e-mail. 44% шведских фирм используют возможности электронной торговли (в ЕС — только 29%). Швеция лидирует по развитию дистанционного обучения, занимает ведущие позиции в мире по количеству биотехнологических компаний в расчете на душу населения. По данным на 2002 г. в Швеции было 183 биотехнологические компании, в том числе сосредоточенные в восьми научных парках; в Финляндии — 120, в Дании — 100[1].

Несмотря на небольшие размеры внутреннего рынка отдельных стран Северной Европы, промышленный и финансовый капитал этих стран высоко сконцентрирован. По данным ЮНКТАД за 2004 год среди 100 крупнейших компаний мира находится по одной компании от Дании, Норвегии и Швеции и две от Финляндии. А именно финская «Нокиа» (электроника) занимает 24-е место; шведская «Нордеа Банк» (финансы) — 28-е место; финская «Стура Энсо» — 31-е место; датская «Ден Данске Банк» — 35-е место; а норвежская «Статойл» (нефть) — 88-е место в мировом перечне 100 крупнейших компаний мира.

---

[1] www.scanbalt.org.

В отношении финансовых ресурсов страны Северной Европы обеспечены лучше, чем Россия, показателем доступности кредитов является уровень учетного процента, по которому центральные банки предоставляют кредиты другим банкам. В России этот процент на всем протяжении 1990-х гг. и вплоть до настоящего времени измерялся двузначной или даже трехзначной цифрой (колебания в диапазоне от 13 до 210%), в то время как во всех североевропейских странах он был ниже 14% на всем протяжении 1990-х и 2000-х гг.

1.2. Значение Северной Европы для России (вопросы двусторонних отношений)

«Есть мечта о стабильной, демократической и благополучной России, которая глубоко интегрирована в европейскую систему безопасности»[1]

После того, как мы рассмотрели роль североевропейского региона в мировой и европейской экономике, его позиции в Европе и мире, оценим значение стран этого региона для экономики России. Прежде всего следует отметить, что эти страны не относятся к важнейшим партнерам нашей страны в области внешнеэкономических связей, за исключением Финляндии. Действительно, по данным за 2005 г. на Скандинавские страны и Финляндию приходится только 5,5% российского экспорта, 9% ее импорта и 6,3% товарооборота[2]. Оценить масштабы торговли поможет сравнение с торговлей между Российской Федерацией и ФРГ, которая является крупнейшим партнером России вне экономического пространства СНГ. Действительно, на ФРГ приходилось в том же 2005 г. 7% экспорта России, 18% импорта и 10% товарооборота. Таким образом 24 млн жителей Скандинавии и Финляндии имеют товарооборот с Россией лишь в 1,8 раза меньше, чем 82 млн жителей ФРГ, так как товарооборот России с Северной Европой достигает 55% товарооборота с ФРГ. Это значит, что с учетом численности населения Север Европы теснее сотрудничает с Россией, чем ФРГ, которая опережает по масштабам товарооборота, но уступает по его интенсивности в расчете на душу населения *(см. табл. 1.6)*.

---

[1] Dagens Nyheter. 24.03.2001; Редакционная статья, написанная в связи с визитом Президента Российской Федерации В.В. Путина в Швецию..

[2] Расчет по данным: Российский статистический ежегодник. 2006. Москва. Росстат. С. 726–727.

Таблица 1.6

Торговля России со странами Северной Европы и ФРГ в 2005 г.

	Млн долл.		%		Товарооборот	
	Экспорт	**Импорт**	**Экспорт**	**Импорт**	**млн долл.**	**%**
Всего, вне СНГ	208 625	79 641	100	100	100 266	100
ФРГ	19 736	13 260	9,4	16,6	32 996	11,4
5 стран Севера Европы	11 386,7	6651,7	5,5	8,3	18 038,5	6,3
			100%	100%	–	100%
Дания	725	920	6,4	13,8	1 645	9,1
Исландия	7,8	39,7	0,1	0,6	47,5	0,3
Норвегия	682	746	5,9	11,2	1 428	7,9
Финляндия	7 651	3 089	67,2	46,4	10 740	59,5
Швеция	2 321	1 857	20,4	27,9	4 178	23,1

Источник: Российский статистический ежегодник. 2006. Москва. Росстат. С. 726–727.

Россия обеспечивает сырьем финскую лесоперерабатывающую промышленность на 1/5, а заводы, которые на севере Норвегии перерабатывают рыбу, примерно на 2/3.

Обращает на себя внимание резкая несбалансированность торговли России с североевропейских регионом как в отраслевом разрезе, так и по географическим направлениям. Торговля России с Финляндией составляет 60% от оборота торговли со всем регионом, тогда как на Швецию приходится 23%; Данию — 9% и Норвегию 8%. Торговля Россия–Финляндия в 1,6 раза превосходит ее торговлю со Скандинавскими странами[1]. Не сбалансирована также товарная структура. Например, в шведском экспорте в Россию 65% приходится на машины и оборудование, а в импорте из России 70% составляют нефть и сырье. Экономические связи нашей страны с североевропейским регионом асимметричны в региональном аспекте в том смысле, что североевропейские компании отдают явное предпочтение северным

[1] Расчет по данным таблицы 1.6.

и северо-западным регионам Российской Федерации, а также столичному региону. Рассмотрим теперь особенности развития отношений России с отдельными странами Северной Европы за последние годы.

1.2.1. Россия и Дания

Российско-датские связи имеют длительную традицию, так как между царствующими домами Романовых и Ольденбургов были установлены родственные отношения[1]. Дания одной из первых признала Россию в качестве правопреемника СССР. Договорно-правовая база отношений между Россией и Данией включает в себя соглашения о техническом сотрудничестве, сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах, техническом содействии и сотрудничестве в области продовольствия и сельского хозяйства и т.д. Регулярно осуществляется обмен визитами и двусторонние контакты на уровне министерств и ведомств. Дания выделила несколько миллионов долларов на проведение в России проектов, предназначенных для охраны окружающей среды. Среди российских регионов Дания отдает предпочтение тем, которые участвуют в сотрудничестве по линии СГБМ, СБЕР и «Северного измерения», в частности Ленинградской и Калининградской областям. На Данию приходилось в 2005 г. 1,6% товарооборота России со странами дальнего зарубежья, что в абсолютном выражении составило 1,6 млрд долл.[2] В отличие от большинства других стран ЕС Дания не испытывает потребностей в импорте углеводородного топлива из России, так как она сама ведет добычу нефти и газа на морском шельфе Северного моря и даже немного экспортирует (9,9% экспорта в 2005 г.[3]). Для Дании торговля с Россией имеет примерно такое же значение: на нее приходится 1,5% датского экспорта и 1,7% датского импорта[4]. В то время как Финляндия проявляет интерес в первую очередь к Республике Карелия и Ленинградской области, Норвегия — к Мурманской области, Дания и Швеция больше всего заинтересованы в сотрудничестве с Калининградской областью, что объясняется не только географическим фактором, но и историческими традиция-

---

[1] Николай II был внуком датского короля Кристиана IX и сыном его дочери принцессы Дагмар.

[2] Расчет по данным: Российский статистический ежегодник. 2006. Москва. Росстат. С. 726–727.

[3] См.: Nordic Statistical Yearbook. 2006. Vol. 44. P. 214.

[4] См.: Ibid. 2006. Vol. 44. P. 210, 212.

ми. В мае 2000 г. в Копенгагене была организована международная конференция: «"Северное измерение" и Калининград: европейская и региональная интеграция».

Взаимный товарооборот между Россией и Данией всегда был ограничен по масштабу, после превращения Дании в нефтедобывающую страну его потенциал еще больше сузился, так как страна стала обеспечивать себя жидким топливом. Малый объем товарооборота Россия–Дания играет роль сдерживающего фактора и для инвестиционного сотрудничества. Датские инвестиции в Россию являются незначительными не только по сравнению с капиталовложениями других стран ЕС (в том числе Финляндии), но и в сравнении с датским вывозом капиталов в целом. Инвестиции Дании в экономику России не достигают даже 1% общего экспорта капитала этой небольшой, но важной в рамках Балтийского региона страны. Тем не менее датские компании, среди которых такие известные фирмы, как «Данфосс» (терморегуляторы), «Грундфосс» (циркулярные насосы), «Дэнди» (жевательная резинка), «Роквул» (строительные материалы) и др., создали в России 150 предприятий, причем большая их часть действует в реальном секторе экономики. Объем датских капиталовложений в России оценивается примерно в 0,8 млрд долл. Чтобы минимизировать инвестиционные риски, датское правительство содействует их осуществлению с помощью Инвестиционного фонда для стран ЦВЕ, который работает под руководством датского МИДа. За 10 лет его работы Дания предприняла в России 25 инвестиционных проектов, некоторые из которых оказались весьма успешными. Например, компания «Дэнди» построила фабрику «Дирол» в Новгороде, которая завоевала около половины российского рынка и успешно конкурирует с американской компанией «Риглиз». Датская компания «Роквул» модернизировала завод по производству изоляционных материалов для строительства в городе Железнодорожном. В Нарофоминске была построена фабрика по производству металлической тары для напитков. Так же как и другие страны ЕС, Дания принимает на стажировку российских специалистов и менеджеров. Россия начала выходить на датский рынок с инвестициями: Новолипецкий металлургический комбинат в 2002 г. приобрел сталелитейный завод «Данстил», расположенный в Фредериксверке.

1.2.2. Россия и Исландия

Торговля России с Исландией в 2005 г. достигла 47,5 млрд долл. *(см. табл. 1.6)*. Сальдо торговли складывается в пользу Исландии. Россия экспортирует в Исландию в основном нефтепродукты, алюминий, ав-

томашины ВАЗ, а покупает суда и орудия лова, рыбу и морепродукты, химические удобрения, оборудование. Российско-исландская торговля носит асимметричный характер не только в отношении товарной структуры, но и в географическом отношении. Ее торговля ориентирована на северо-запад нашей страны, а приоритетным для Исландии регионом в России является Мурманская область.

1.2.3. Россия и Норвегия

Являясь крупнейшими в мире экспортерами нефти и газа, Россия и Норвегия имеют сходную специализацию в мировом хозяйстве. В 2005 г. на Российскую Федерацию приходилось 11,5% мировой добычи нефти и 22% природного газа, а на Норвегию 4% и 3% соответственно[1].

Во внешней торговле России Норвегия занимает еще более скромное место, чем Дания — 1,4% товарооборота нашей страны с зарубежьем. Товарооборот в 2001–2004 гг. составлял ежегодно около 1 млрд долл., но в 2005 г. перешагнул этот рубеж, достигнув 1,4 млрд[2]. Низкий уровень торговли объясняется тем, что Норвегия не импортирует углеводородное топливо, которое составляет главную статью российского экспорта на Запад. Около 60% российского экспорта в Норвегию приходится на три товарные группы: сырье, цветные металлы и рыба и морепродукты, а импорт состоит опять-таки из рыбы и морепродуктов, продукции машиностроения, первично обработанного сырья.

Объем норвежских инвестиций в экономику нашей страны составляет примерно 1 млрд долл., норвежский капитал участвует в деятельности 120 российских предприятий. Норвежские инвестиции концентрируются в основном в северо-западных регионах России. Основными инвесторами являются такие крупные норвежские компании, как «Теленор», «Статойл», «Норск гидро», «Акер Квернер» и т.д. Например, компания «Теленор» выкупила 25% акций «Вымпелкома» и получила возможность через нее контролировать значительную часть российского рынка мобильной связи. Консультационная фирма «Де Норске Веритас» занимается обслуживанием нефтепроводов, вопросами экологии и безопасности на производстве, в том числе на территории Российской Федерации. «Норск гидро» добывает нефть на Харьягинском месторождении (Тимано-Печорский район) на основе Соглашения о разделе продукции. «Статойл» обладает сетью АЗС в северо-западных районах. Многоотраслевой конгломерат

---

[1] См.: CIA. World Fact Book. 2006.

[2] См.: Российский статистический ежегодник. 2006. Москва. Росстат. С. 726–727.

«Оркла» инвестировал капитал в производство пива в Российской Федерации. Совместно с финской компанией «Хартвалл» они создали «АО Балтик Беверэджес Холдинг» по формуле 50 : 50. Россия тоже делает вложения в Норвегии, например, российский капитал участвует в норвежской компании «Акер Квернер», которая строит морские нефтяные платформы, в том числе для проекта «Сахалин-1» и «Сахалин-2».

Отличительной чертой российско-норвежского сотрудничества является развитие промышленной кооперации между норвежскими судостроительными компаниями («Умоэ Стеркодер», «Нордвижн Парнерс Марин») с судоверфями Санкт-Петербурга (танкеры для «Лукойла»), Калининградской верфью «Янтарь» (рыболовные суда), верфью «Звездочка» в Архангельской области (строительство танкеров). Создано СП «Квернер-Звездочка». На базе северодвинских судоверфей («Севмаш» и «Звездочка») развивается сотрудничество по изготовлению оборудования для нефтегазовых месторождений и приливных станций.

Норвегия сотрудничает в первую очередь с северо-западными регионами России: Республика Коми и Карелия, Мурманская и Архангельская области. Для Мурманской области Норвегия превратилась в самого важного внешнеторгового партнера, а для Карелии Норвегия стала партнером № 3 после Финляндии и Эстонии, опережая Швецию и ФРГ.

Если посмотреть на сотрудничество с Норвегией в отраслевом и тематическом разрезе, то главные направления сотрудничества — это нефтегазовый сектор и экология. Важной отличительной чертой взаимодействия наших стран является сотрудничество в социальной (медицина, охрана материнства и детства, борьба с опасными болезнями) и гуманитарной сфере (обмен стажерами, студентами, преподавателями, переподготовка кадров). Опыт Норвегии важен для экономики России; Норвегия уже более 30 лет производит добычу нефти и газа на морском шельфе Северного моря. Она располагает технологиями и опытом в области сжижения природного газа для последующей его транспортировки на дальние расстояния, а также строительства нефтяных платформ, в том числе устойчивых к воздействию льдов. Для Норвегии также важно сотрудничество с Россией, так как ее запасы нефти и газа, по оценкам экспертов, должны истощиться раньше, чем в России, и поэтому она проявляет интерес к кооперации с российскими нефтяными фирмами в совместной разработке месторождений углеводородного топлива на шельфе Северных морей (Баренцева, Карского и Охотского морей). Уже сейчас

норвежская компания «Норск гидро» участвует в разработке Харьягинского месторождения в Тимано-Печорском районе. Достигнуто соглашение об участии «Статойл Гидро» в разработке крупнейшего в мире Штокмановского газоконденсатного месторождения в Баренцевом море. Здесь предполагается построить три плавучие платформы, устойчивые к воздействию льдов.

Поскольку Мурманская область непосредственно граничит с Норвегией, то взаимное сотрудничество является наиболее разнообразным. Идет сотрудничество в прибрежном рыболовстве и аквакультуре, строительстве судов для рыболовного флота. Россия не только поставляет на норвежские рыбозаводы рыбу и морепродукты, но и помогает обеспечить их рабочей силой, так как в северных губерниях Норвегии отмечается ее нехватка. Создана российско-норвежская фирма «Гигантe Печенга» для товарного разведения атлантического лосося в Печенгском районе. Норвежская компания «Акваплан-Нива» сотрудничает с мурманским полярным научным институтом морского рыбного хозяйства (ПИНРО) по вопросам искусственного выращивания ценных пород рыбы. «Гиганте Сифуд» специализируется на товарном разведении семги и делает вложения в аквафермы на Кольском полуострове. В Мурманске эта компания построила гигантские холодильники, совместно с российским институтом ВНИРО выращивает камчатских крабов по обе стороны российско-норвежской границы. Кольский научный центр РАН сотрудничает с норвежскими учеными по вопросам сохранения биоресурсов северных морей.

Центр энергоэффективности в Кировске сотрудничает с норвежской группой по энергоэффективности (НГЭЭ) при финансовой поддержке Северной экологической финансовой корпорации (НЕФКО) по вопросам реконструкции систем отопления и снабжения горячей водой на предприятиях социальной сферы в Кировске, Апатитах и Кандалакше.

В Мурманской области давно уже идет сотрудничество с Норвегией в сфере ядерной и радиационной безопасности, совместными усилиями реализуется ряд проектов. Этому сотрудничеству открылись широкие перспективы в связи с подписанием в мае 2003 г. в Стокгольме Соглашения о многосторонней ядерной экологической программе в Российской Федерации. Долгие годы вызывала озабоченность норвежской стороны неблагоприятное влияние на окружающую среду металлургического комбината «Печенганикель». Девятнадцатого июня 2001 г. было подписано межправительственное соглашение о реконструкции этого комбината. Часть средств выделяет Норвегия и Северный инвестиционный банк, остальные необходимые средства

предоставляет «Норильский никель». Общие затраты на реконструкцию комбината оцениваются примерно в 100 млн долл., что должно обеспечить резкое снижение вредных выбросов в атмосферу.

Норвегия оказывает финансовое содействие реализации в Мурманской области программы «Чистое производство», которая предусматривает обучение управленческого и инженерно-технического персонала, совершенствование промышленных технологий, энергосбережение.

Сотрудничество в социальной сфере и по гуманитарным вопросам опять-таки направлено в основном на Мурманскую область. Начало было положено в период между 5 и 6 сессиями СБЕР (1998–1999) по инициативе Кнута Воллебэка, министра иностранных дел Норвегии, который выполнял тогда функции председателя в СБЕР. Норвегия профинансировала в России несколько программ по здравоохранению, в том числе по борьбе с социально значимыми заболеваниями контактного характера (туберкулез), охране материнства и детства, улучшению медицинского обслуживания. Норвежская народная помощь и Норвежский Красный крест оказали помощь Мурманской области в строительстве детской деревни для детей-сирот и их приемных родителей в Кандалакше. Норвегия приняла участие в строительстве автострады между Киркенесом и Мурманском.

Норвежский стортинг одобрил не только сотрудничество в рамках СБЕР, но и гуманитарную помощь, оказываемую Норвегией России на основе прямых контактов между северными губерниями Норвегии и северными областями России. Спорными вопросами между Россией и Норвегией являются серая зона в Баренцевом море (в настоящее время уже согласованы границы по большей части зоны) и вопросы ведения хозяйственной деятельности на острове Шпицберген, которую ограничивает правительство Норвегии, расширяя на острове природоохранные зоны.

1.2.4. Россия и Финляндия

«Геополитическая мудрость принципов
Паасикиви никуда не исчезала»[1]
П. Лехтомяки,
министр внешней торговли и развития Финляндии.

Финляндия традиционно является самым важным для России партнером на Севере Европы и в торговле, и по другим формам экономического сотрудничества. На нее приходилось в 2005 г. 10,7% товарообо-

[1] Лидеры. 2003. № 12. С. 6.

рота с дальним зарубежьем. Это заметно превосходит торговлю Российской Федерации с другими странами Севера Европы[1]. Взаимный товарооборот с Финляндией, по данным российского торгпредства вырос в 2005–2006 гг. с 10,7 до 17,5 млрд долл., составив 12% финской внешней торговли. Однако он все еще не достигает по интенсивности советско-финской торговли, ведь доля СССР в товарообороте Финляндии превышала 20%, а в отдельные годы доходила до 24%.

Для Финляндии Россия продолжает оставаться важным партнером, на протяжении 1990-х гг. ее доля в финском товарообороте колебалась в диапазоне от 4 до 9%, сейчас она выросла до 12%[2]. Россия вновь завоевала важное место среди торговых партнеров страны. Претерпев два обвала в начале (из-за отмены клиринга) и конце 1990-х гг. (из-за дефолта), взаимная торговля продолжила свое поступательное развитие

Если в 2000 г. Россия была для Финляндии партнером № 3 по импорту и № 5 по экспорту, то уже в 2003 г. она вышла 2-е место по импорту и 5-е место по экспорту, что обеспечило России 3-е место в финском товарообороте. В 2004–2006 гг. оборот взаимной торговли рос ударными темпами. А по результатам 2006 г. Россия заняла 2-е место в финской торговле после ФРГ. В отличие от других кредиторов, финны соглашаются на погашение части задолженности Финляндии поставками товаров. АО «Финвера» открыла счет на имя Внешэкономбанка для покрытия части долга России перед Финляндией поставками наукоемкого оборудования. Финляндия арендует часть российской территории, необходимой для эксплуатации Сайменского канала. Срок аренды истекает в 2013 г., имеется возможность его продления.

Российско-финляндская граница одна из самых обустроенных в России, на этом участке имеется восемь пограничных пропускных пунктов, через которые ежегодно проходит 6 млн человек.

В финском экспорте в Россию 3/4 составляют готовые изделия (в том числе продукция машиностроения — 46%, электронная и электротехническая продукция — 30%), в то время как в импорте 81% приходится на сырьевые товары (в том числе 56% приходится на нефть и другое топливо и 16% — на древесину и другие продукты лесной промышленности).

В Финляндии зарегистрировано около 2 тыс. предприятий с участием российского капитала, правда, бóльшая часть из них относится к категории мелких, но среди них есть и крупные предприятия, такие как: «Суомен Петроли», «Тебойл» (производство горюче-смазочных

---

[1] Российский статистический ежегодник. 2006. Москва. Росстат. С. 726–727.

[2] Nordic Statistical Yearbook. 2001. Vol. 39. P. 217, 219; 2006. Vol. 44. P. 209, 211.

материалов, обслуживание автозаправочных станций совместно с «Суомен Петроли»), «Газум и Нордтрансгаз» (импорт и распределение природного газа), «Конела» (продажа и техническое обслуживание автомобилей). Ряд мелких компаний специализируются на перевозке грузов между Россией и Финляндией.

В России образовано 700 финских предприятий[1]. Финские инвестиции достигли 1,3 млрд долл., а их доля в общем объеме иностранных инвестиций составляет около 2%. Активно действуют на российском рынке товаров и инвестиций такие финские компании как «Фортум» (энергетика), «Оутокумпу» (цветные металлы), «Фазер» (кондитерские изделия), «Стура Энсо и Партек» (лес и бумага), «Нокиа», «Телиа Сонера» и «Элкотек» (телефонная мобильная связь), «Кемира» (химия), «Сканска» (строительные услуги), «Стокман» (розничная торговля).

Финляндия традиционно экспортирует в Российскую Федерацию в значительных объемах строительные услуги. Например, финская фирма «Сканска» построила в России новое здание посольства Великобритании, магазин ИКЕА, коммерческий центр и табачную фабрику в Санкт-Петербурге, погранично-пропускной пункт в Светогорске и т.д. В свою очередь, российская фирма «Зангаз» осуществляет строительство газопровода Лаппеенранта–Луумяки протяженностью 25 км.

Сальдо в торговле в настоящее время положительно для России, так как Финляндия в большом количестве импортирует из нашей страны топливные ресурсы, а также лес. В последние годы заметна тенденция к увеличению взаимной торговли и Россия снова становится одним из основных торговых партнеров Финляндии. По объему торговля между Россией и Финляндией превосходит торговлю России с США. Лесная промышленность Финляндии на 20–25% работает на российском сырье[2]. За последние 15 лет торговля между Россией и Финляндией претерпела два обвала. Оба раза она пострадала от политических рисков: первый раз в начале 1990-х гг. (в связи с отменой клиринга), второй раз — в конце 1990-х (из-за дефолта). Но каждый раз она возрождалась, хотя при этом неизменной оставалась ее структура: 2/3 финского импорта — это нефть, газ и древесина. Структура финского экспорта в Российскую Федерацию более разнообразна, в настоящее время 1/3 приходится на мобильные телефоны, электротовары и бумагу.

Финляндия является крупным в международном сопоставлении инвестором в российскую экономику. Например, финская компания

---

[1] Коринф. Спецвыпуск «Россия–Финляндия». 2001. № 13.

[2] Лидеры. 2003. № 12. С. 11. (Данные Тимо Киенанена, советника от МИД Финляндии.)

«Тиккурила» производит лаки и краски в Московской области, а «Марли» — соки в Санкт-Петербурге. Энергетический концерн «Фортум» строит в Санкт-Петербурге и Выборге автозаправочные станции, ТЭЦ в Санкт-Петербурге, осуществляет инвестиции в разработку нефтяных ресурсов в Тимано-Печорском и Штокмановском месторождениях, а также в Республике Коми. Финская телекоммуникационная компания «Сонера» купила пакет акций петербургской компании «Норд-Вест ГСМ». Возможно участие финской фирмы «Фортум» в строительстве новой ветки (северо-западной) газопровода из России в Западную Европу.

Финляндия является для России важным партнером по масштабам накопленных инвестиций в российскую экономику, причем финские инвестиции в России имеют по преимуществу производственную направленность[1]. Для финских капиталовложений в России характерным является преобладание прямых инвестиций над портфельными. Доля Финляндии в общем объеме иностранных вложений в российскую экономику составляет около 2%, но если рассматривать только прямые вложения, то Финляндия входит в десятку крупнейших иностранных инвесторов. Финские инвестиции имеют весьма определенную географическую ориентацию: бóльшая их часть (около 80%) направляется в северные и северо-западные регионы Российской Федерации, которые охватываются политикой «Северного измерения». Очевидно, что инвестиционная политика Финляндии следует тем приоритетам, которые были ею ясно выражены политическим языком, тем более что в этом она получила одобрение со стороны ЕС. Еще одно отличие финской инвестиционной политики в России состоит в том, что большая часть капиталовложений направляется в реальный сектор экономики. Наиболее активно с российскими предприятиями сотрудничают: «Фортум» (энергетика — компания принимает участие в разработке Тимано-Печорского и, возможно, Штокмановского МСР), «Раутаруукки» и «Оутокумпу» (металлургия, изделия из черных металлов), «Кемира» и «Тиккурила» (химия, лаки и краски), «Хартвалл», «Синебрюков» «Фазер», «Райсио» (пищевая промышленность и напитки), «Стура Энсо», «Мется Лиито», «Кюммене», «Метсо», «Партек» (лесная и деревообрабатывающая промышленность), «Телиа Сонера», «Нокиа», «Элкотек» (телекоммуникации), «Сканска» (строительство), «Стокман» (розничная торговля).

Развитию сотрудничества с Россией оказывают содействие такие финские организации как Ассоциация внешней торговли Финляндии (Финпро) и Финско-российская торговая палата (ФинРосТП).

---

[1] По данным Российского торгового представительства в Финляндии.

1.2.5. Россия и Швеция

На Шведское королевство приходится, по данным за 2005 г., 4,2% российского товарооборота со всеми странами мира, что составляет 4 млрд долл.[1] Швеция является вторым по значению торгово-экономическим партнером Российской Федерации в североевропейском регионе после Финляндии, но разрыв между ними большой: около четырех раз по состоянию на 2006 г. Россия находится на 15-м месте среди торговых партнеров Швеции. Торговый баланс России со Швецией — пассивен. Россия не является принципиально важным партнером для Швеции: на нее падает 0,65% шведского экспорта и 0,8% шведского импорта[2]. Швеция импортирует из России главным образом пиленые лесоматериалы, сырую нефть.

Швеция является инвестором № 1 в России среди североевропейских стран, опережая даже Финляндию. Объем шведских инвестиций в России превысил 1,5 млрд долл. На российском рынке выступают такие крупные шведские компании как «Эрикссон», «Вольво», «Сандвик», «Тетра-Лаваль», «Скания», «Сааб», «Электролюкс», «Орифлейм», «Телия Сонера», ИКЕА и т.д., которые выступают в России как экспортеры товаров и капиталов. В России зарегистрировано около 300 предприятий с участием шведского капитала, в том числе 100 — в Москве и Санкт-Петербурге. Швеция входит в десятку крупнейших инвесторов в российскую экономику: а в 2001 г. Швеция даже вышла на 6-е место по объему прямых иностранных инвестиций в Российской Федерации.

Шведско-финская компания «Телиа Сонера» контролирует третью по величине компанию мобильной связи «Мегафон» в России. Среди успешных совместных проектов можно назвать компании «Балтика», «Первомайская заря», «Балтимор», «Орифлейм», ИКЕА и др. Компания «Вольво» (Volvo Trucks) осуществляет сборку грузовиков в Зеленограде. Для содействия инвестициям в России в Швеции был создан фонд «Ист Кэпитэл Руссланд» (East Capital Ryssland).

Так же как и Дания, Швеция проявляет наибольший интерес к Балтийскому региону, особенно к состоянию окружающей среды. В этой связи Швеция выделяет средства для строительства современных очистных сооружений в Калининграде и Санкт-Петербурге, модернизации систем центрального отопления в Мурманске и других городах России.

---

[1] См.: Российский статистический ежегодник. 2006. Москва. Росстат. С. 726–727.

[2] См.: Nordic Statistical Yearbook. 2006. С. 209, 211.

Тридцать три коммуны, 15 ленов и восемь ландстингов Швеции участвуют в сотрудничестве с Россией на региональном уровне в многостороннем порядке.

В этом разделе были рассмотрены некоторые вопросы развития отношений между Россией и странами Северной Европы на двусторонней основе, многостороннее сотрудничество, развиваемое по линии СБЕР, СГБМ, «Арктического окна» и «Северного измерения» будут проанализированы в главе 5 (см. также разделы 1.3 и 1.4).

1.3. Значение приграничного и субрегионального сотрудничества для Северной Европы и России

В России 83 субъекта Федерации, из которых 49 занимают приграничное положение, составляя более 70% территории страны, и которые являются весьма различными по геополитическому положению, природному и экономическому потенциалам. Поэтому для нее разностороннее сотрудничество, развитие трансграничных связей на региональном и местном уровнях призвано стать важным продуктивным компонентом всего комплекса отношений с сопредельными государствами. Приграничное и субрегиональное сотрудничество отвечает долгосрочным национальным интересам России. В политическом плане оно должно содействовать созданию по периметру российских границ «пояса добрососедства», а в экономическом смысле — более эффективному использованию сырьевого и промышленного потенциала регионов, решению их социальных, экологических и других проблем. Межрегиональное и приграничное сотрудничество становится одним из главных катализаторов интеграции России с сопредельными государствами.

Север Европы, который в нынешнем понимании включает не только традиционные пять северных стран, но и независимые государства Балтии, а также Германию и Польшу, во всяком случае их районы, непосредственно примыкающие к Балтийскому морю, может стать примером успешного развития межрегионального сотрудничества. Принципиально важно, что и Россия с ее северо-западными территориями рассматривается ныне как неотъемлемая и перспективная часть «Новой Северной Европы».

Северо-запад России уже является, пожалуй, одним из наиболее продвинутых регионов в отношении развития субрегионального сотрудничества. Весьма широк спектр прямого взаимодействия, на-

пример, между Санкт-Петербургом, Ленинградской, Мурманской областями и Финляндией и ее отдельными регионами, особенно восточными. Оно осуществляется на основе межправительственного российско-финляндского соглашения 1992 г., которое, кстати, могло бы стать неплохой моделью для трансграничного сотрудничества и других российских регионов. К сотрудничеству с Финляндией сейчас практически подключены все 11 северо-западных регионов России.

На пути дальнейшего развития трансграничного субрегионального сотрудничества предстоит решить немало проблем — и России, и Европейскому союзу, который в последние годы повысил внимание к российскому северо-западу. В первую очередь это относится к России — причем на федеральном уровне.

Если в Европейском союзе, например, политика в отношении регионов и субрегионов является одним из наиболее приоритетных и развитых направлений деятельности, то в Российской Федерации до сих пор нет достаточно четко и детально разработанной региональной политики, которая учитывала бы особенности и потребности отдельных субъектов Федерации.

Не до конца еще решена одна из главных проблем — надо четко разграничить компетенцию между Федеральным центром и субъектами Федерации, в том числе в области внешнеэкономических связей и международного сотрудничества. И это притом, что именно регионам должна принадлежать особая роль в осуществлении приграничного и трансграничного сотрудничества. Необходимо ускорить принятие базовых законов, развивающих соответствующие статьи Конституции Российской Федерации, прежде всего разграничивающие полномочия по предметам совместного ведения.

Еще большую актуальность приобретает обеспечение надежной, детально разработанной правовой базы трансграничного субрегионального сотрудничества, которая до сих пор оставалась во многом узкой и фрагментарной, регулировалась в основном указами Президента.

В последние годы на федеральном уровне был предпринят ряд шагов, которые позволяют сделать вывод о том, что вопросы приграничного сотрудничества реально находят свое место в ряду приоритетных направлений государственной политики. Определенная правовая основа для развития внешних связей российских регионов на сегодняшний день сформирована. Это, в частности — положения, которые содержатся в Конституции, ряде федеральных законов, таких как:

«О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации»;

«О государственном регулировании внешнеторговой деятельности»;
«О международных договорах Российской Федерации»;
«О Государственной границе Российской Федерации»;
«Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»;
«О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации»,
в договорах о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации;
в соглашениях между Правительством Российской Федерации и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации о разграничении полномочий в области международных и внешнеэкономических связей.

Девятого февраля 2001 г. Правительство Российской Федерации утвердило Концепцию приграничного сотрудничества в Российской Федерации, которая определяет цели, принципы и приоритеты в деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций и граждан в сфере приграничного сотрудничества.

Однако механизм правового, хозяйственного и политического регулирования всего комплекса вопросов приграничного сотрудничества на федеральном и региональном уровнях еще не разработан. В настоящее время в Российской Федерации нет специального законодательного акта, определяющего понятие, цели и принципы приграничного сотрудничества, формы и порядок его осуществления. Неоправданно затянулась разработка Федерального закона «О приграничном сотрудничестве в Российской Федерации». В феврале 2004 г. Совет Федерации внес соответствующий проект на рассмотрение парламента. Этот документ должен стать ключевым для приграничного сотрудничества.

Выглядит парадоксальным то, что в нашем законодательстве фактически отсутствует само понятие «приграничная территория» и, соответственно, нет и перечня таких территорий. Давно уже назрел вопрос о принятии Закона «О правовом статусе приграничных территорий», проект которого был внесен в Федеральное Собрание еще в 1996 г.

К сожалению, иногда принимаются законы, наносящие ущерб трансграничным связям России и ее регионов. Например, статья 11 Закона «О государственной границе Российской Федерации», вводящая дополнительные сборы при пересечении грузами и пассажирами российских границ.

В общем, нужно признать, что имеющийся на сегодня арсенал правовых средств не позволяет решать наиболее актуальные проблемы приграничных территорий на должном уровне. Состояние законодательной базы не отвечает запросам субъектов Федерации в развитии международных и внешнеэкономических связей России, не обеспечивает решение самых насущных проблем российского приграничья. Многие вопросы решаются в регионах фактически за пределами правового поля. Это не только сдерживает потенциально мощный внешнеэкономический фактор социально-экономического развития приграничного пояса страны, но и зачастую способствует распространению коррупции и криминала на стратегически важных для России территориях.

В целом, чтобы реализовать интересы и возможности субрегионального сотрудничества, от России требуется более реалистичный и гибкий подход к возникающим проблемам, в том числе в области пограничко-таможенных процедур. Стоило бы, например, подумать о введении какого-то льготного, преференциального режима в отношении адресных проектов, связанных с российским северо-западом, используя, в частности, опыт российско-финляндского соглашения 1992 г.

Значительный потенциал для развития межрегионального сотрудничества на Севере Европы (пока, к сожалению, реализованный весьма слабо) содержится в концепции «Северного измерения» (СИ) политики Европейского союза, которая во многом ориентирована именно на северо-западные регионы России.

До сих пор не согласованы многие конкретные проекты сотрудничества, не найдены необходимые источники финансирования. Во многом «Северное измерение» пока остается на уровне деклараций о намерениях. Здесь ответственность несет и ЕС, и Россия.

Для решения проблем финансирования необходимо более активно привлекать средства международных организаций, ЕС делает немало, но средства как бы распыляются.

Не вызывает сомнения необходимость координации между действующими программами ЕС (ТАСИС, ИНТЕРРЕГ, ФАРЕ). Но достаточно ли ограничиться лишь перераспределением средств этих программ, воздерживаясь от постановки вопроса о целевом финанси-

ровании столь значимых для многих стран программ? Назрел вопрос о более активном привлечении к проектам в рамках СИ структурных фондов ЕС. Целесообразно было бы комбинировать средства ТАСИС, ИНТЕРРЕГ и ФАРЕ для объединенного финансирования трансграничных проектов.

Важную роль должны сыграть — и уже в ряде случаев играют (хотя и недостаточно активно) — международные финансовые институты ЕБРР, Северный инвестиционный банк (СИБ). Первые шаги делает Европейский инвестиционный банк, этот «собственный» банк Евросоюза, который длительное время воздерживался от финансирования проектов в России, но сейчас начинает выделять средства на экологию. Следующим шагом могло бы стать вовлечение ЕИБ в инфраструктурные проекты.

До сих пор недостаточно активна роль европейского и российского частного бизнеса. Это, впрочем, понятно — деловые люди подключаются к финансированию коммерчески выгодных программ самостоятельно, у них свои критерии оценки целесообразности участия в проектах. И здесь дело не только в выгоде, но в риске. Необходимо поощрять частные предприятия и коммерческие банки, с тем чтобы они могли воспользоваться возможностями разделения риска, предоставляемыми международными финансовыми институтами. В настоящее время слабо используется в приграничных проектах капитал третьих стран.

Хотелось бы подчеркнуть, что успех приграничного сотрудничества во многом будет зависеть от действий России. Необходимо окончательно отделаться от иллюзий (а они еще сохраняются в некоторых регионах) относительно того, что речь идет об очередной программе помощи России, что Финляндия, Европейский союз будут опять донорами, а Россия — пассивным получателем средств. Россия должна активно и на равноправной основе участвовать в определении приоритетности отдельных направлений и проектов, добиваться, чтобы по возможности полнее учитывались народно-хозяйственные, социальные и иные потребности, как российских северо-западных регионов, так и страны в целом. И наоборот, чем полнее согласованные проекты отразят эти потребности, тем активнее и объемнее будет участие России в СИ.

Одна из проблем — отсутствие координации у нас на федеральном уровне по вопросам реализации «Северного измерения», недостаточная активность в продвижении предложений, в том числе выдвигаемых регионами.

Значительные возможности содержатся в нашем участии в Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве

территориальных сообществ и властей. Важно ускорить ее ратификацию. Следующим шагом в деле полномасштабного присоединения к общеевропейскому процессу трансграничного субрегионального взаимодействия должно стать подписание Дополнительного протокола к этой Конвенции, который допускает создание институциональных инструментов приграничного сотрудничества в форме органов, обладающих правосубъектностью. Особое значение будет иметь присоединение России к другому Дополнительному протоколу, который распространяет действие Конвенции на сотрудничество местных властей и сообществ, которые не являются приграничными в буквальном смысле этого слова.

Следует упомянуть еще об одном, политическом аспекте приграничного сотрудничества. Не вызывает сомнений, что его успешное развитие будет способствовать снятию остроты вокруг так называемых территориальных вопросов. Например, в Финляндии сейчас вновь оживились дискуссии о возвращении «утраченных» в результате войн с СССР территорий (Карельский перешеек, Приладожская Карелия и др.).

Ясно одно — и здесь не должно быть никаких иллюзий, — что вопроса об изменении российско-финляндской границы быть не может. Но проблему нужно перевести в другое, более конструктивное и перспективное русло — как совместно содействовать возрождению и процветанию этих пришедших в упадок территорий, столь дорогих для многих поколений финнов и важных для России. Вариантов может быть немало — совместное хозяйственное освоение этих районов, аренда отдельных участков, привлечение средств Финляндии, Евросоюза, частных инвесторов, предоставление специальных льготных условий и т.д. Совместный проект финских губерний и Карелии является примером уже существующего и успешно функционирующего еврорегиона «Карелия». И наконец, «человеческое измерение». Нужно обеспечить беспрепятственный допуск к местам бывшего проживания финнам, которые были вынуждены переселиться из этих районов. Из 400 тыс. их осталось не более четверти. Необходимо дать возможность посещать родные места, привести в порядок кладбища, установить памятники, перенести останки павших в войнах на территорию Финляндии. Кое-что в этом отношении уже делается, однако излишних формальностей в этом гуманном деле быть не должно.

1.4. Роль и перспективы региональных организаций в формировании нового профиля Северной Европы

Западные партнеры России — страны ЕС явились инициаторами создания на Севере Европы региональных механизмов сотрудничества, таких как: «Северное измерение», СГБМ, СБЕР, «Арктическое окно». До последнего расширения ЕС в 2004 г. именно в этом регионе территории России и ЕС приходили в непосредственное соприкосновение. Действительно, в основе «Северного измерения» лежит финская инициатива, идея создать СБЕР исходила от Норвегии, а СГБМ — результат совместного датско-немецкого предложения. Создание на Европейском Севере региональных организаций явилось попыткой расширить ресурсную базу ЕС за счет привлечения в сотрудничество России с ее экономическими ресурсами. Здесь проявилась тенденция перерастания малых регионов (в частности, СГБМ и СБЕР) в более крупные регионы, такие как большой Балтийско-Баренцев регион.

Развивая сотрудничество с Россией, прежде всего на севере Европейского континента, Западная Европа расширяет доступ к источникам природных ресурсов, прежде всего газа, который является ключевым ресурсом, содействующим переходу к устойчивому развитию. Современная энергетика на 90% основывается на невосполнимых источниках энергии, а природный газ — наиболее экологически дружественный среди них. Практическая реализация этой стратегии требует мощного притока финансовых ресурсов, поскольку эти месторождения расположены в суровых климатических и сложных геологических условиях (например, месторождение «Приразломное» расположено в 70 км от береговой линии и на глубине 2500 м). Кроме того, этот регион не имеет развитой инфраструктуры, необходимой для ведения широкой хозяйственной деятельности. Возможности освоения этих ресурсов тесно зависят от изменения цен на мировом рынке на углеводороды и степени развития современной инфраструктуры в регионах их залегания, в том числе в арктических и субарктических районах Российской Федерации.

В XXI в. Северная Европа вступила как регион, проявляющий объединительные тенденции, перерастающие по ряду направлений в институционально оформленные партнерские связи. Скандинавские страны и Финляндия, присоединившись к ЕС, усиливают в нем тенденции к формированию «социально ориентированной Европы». Специфическая «северная модель» социально-экономического развития превра-

тила эти страны в процветающие государства с высоко конкурентной промышленностью инновационного типа, основанной на интеграции промышленности с наукой и сферой образования, высоким качеством жизни. Эта модель включает высокий уровень защиты и человека, и его среды обитания. Для нее характерна также высокая политическая стабильность, основанная на социальной и экологической ответственности предпринимательского сектора; всеобъемлющем и глубоком государственном регулировании, сопровождаемым контролем за государственной политикой со стороны гражданского общества. Этот контроль осуществляется благодаря участию в политической жизни широких слоев населения, выражающих свою волю через образование разного рода местных, профсоюзных, профессиональных, общественных организаций и/или объединений граждан. Развитое структурно гражданское общество обеспечивает не только местное самоуправление и равенство всех граждан перед законом, но и относительное равенство жизненных возможностей для вступающих во взрослую жизнь молодых граждан и возможность их участия в принятии политических решений. Именно эти особенности скандинавской модели развития вкупе с высоким уровнем благосостояния обеспечивают странам Северной Европы политическую и социальную стабильность.

Принятый курс развития обеспечивается благодаря высоким адаптационным возможностям всех общественных институтов, приоритету традиционных нравственных ценностей скандинавов, без которых трудно выжить в климатических условиях Севера и Крайнего Севера. Среди этих ценностей — трудолюбие и организованность, обязательность исполнения и уважение к законам, коллективизм и готовность к взаимовыручке, социальная солидарность и социальная ответственность, приоритет скромного достатка перед роскошью, высокая адаптация к требованиям НТП, инновационные подходы к решению не только технологических, но и социальных проблем. Некоторые достижения североевропейского сотрудничества (а именно, единое правовое, культурное, социальное, образовательное пространство, а также единый рынок труда и единая система социального обеспечения в рамках Северного совета, существующие с 1950-х гг.) предвосхитили действия ЕС и опережают его по своим результатам.

Интересы стран Северной Европы (включая Россию) совпадают по ряду параметров, таких как:

— достижение энергетического баланса;
— уменьшение нагрузки на биосферу;
— регулирование трансграничного движения трудовых ресурсов;

— содействие уменьшению безработицы, благодаря поддержанию трансграничных контактов и осуществлению региональных проектов (например, по развитию транспортной инфраструктуры);
— рациональное использование запасов промысловой рыбы в северных морях;
— развитие научных, образовательных и туристических обменов;
— поддержка коренных народов Севера;
— освоение новых месторождений полезных ископаемых и т.д.

Вместе с тем по ряду конкретных вопросов, возникающих в сотрудничестве между Российской Федерацией и североевропейскими странами, возникает несовпадение или даже конфликт интересов, например беспрепятственный доступ к природным ресурсам, финансирование общеэкономической инфраструктуры, гарантии сохранности частных инвестиций.

На протяжении XX в. неоднократно выдвигались различные идеи и концепции, отражающие стремления европейцев к объединению всей Европы, такие как Соединенные штаты Европы, «Европа от Атлантики до Урала», «Европа отечеств», «Единый Европейский дом», «Большая Европа», «Европа регионов». Само обилие этих идей и концепций говорит о сложности совмещения различных представлений по практическим путям единения Европейского континента, действительно укрепляющего его конкурентные позиции на мировом рынке по сравнению с другими центрами мирового хозяйства. Это способно повысить его адаптационные возможности по отношению к сложным вызовам современности, таким как энергетическая и экономическая безопасность, защита и улучшение окружающей среды, конкурентные позиции, НТП и т.д. В действительности объединение Европы в настоящий момент происходит путем адаптации стран Центральной и Восточной Европы к тем структурам, которые возникли на Западе континента. Каждая из североевропейских стран проявила стремление к тому, чтобы стать своеобразным центром либо Балтийского, либо Баренцева Евроарктического пространства. Однако, как показал действительный ход событий внутри региона, единственным лидером может стать только внерегиональный участник сотрудничества: это может быть либо Россия, либо Европейский союз, который пытается реализовать свою лидерскую роль через политику «Северного измерения».

Концепция «Северного измерения» способна заметно усилить внешнеэкономические позиции ЕС и служить балансиром его Средиземноморской политики, имеющей традиции тридцатилетнего сотрудничества, но институционально оформленной лишь в середине

1990-х гг. Имея две опоры: Средиземноморскую и Северную системы сотрудничества, Европейский союз приобретает бóльшую устойчивость: если через «Средиземноморское измерение» он притягивает к себе страны Магриба и Ближнего Востока, то через «Северное измерение» — Россию, обеспечивая в дальнейшем перспективу выхода на Содружество Независимых Государств и мощный Азиатско-Тихоокеанский регион. Расширение позиций ЕС одновременно на южно-европейском и северо-восточном фланге может стать серьезным козырем ЕС в его глобальном соперничестве с США, Японией, Китаем и новыми индустриальными странами.

Выбор ЕС кооперационной стратегии внутри Европы помогает странам Севера Европы не раствориться полностью в Европейском союзе, а играть в нем роль активной интегрирующей силы, объединяющей Восточную и Западную части Европы. Этот сценарий повышает и политический, и экономический вес стран Фенно-Скандинавии, помогает ей в какой-то мере проявить свою самостоятельную роль, и таким образом сохранить свое особое «лицо». Однако пока еще нельзя сбрасывать со счетов возможность реализации другой альтернативы: региональные структуры могут превратиться в инструменты ЕС, обеспечивающие поглощение и растворение «североевропейского угла» в Евросоюзе, превратить его в безынициативного участника общего «концерта», действиями которого дирижируют брюссельские коммунитарные институты.

Для России интенсификация сотрудничества с североевропейскими странами открывает пути к расширению и модернизации инфраструктуры, интенсификации промышленного и инвестиционного сотрудничества, что более выгодно для экономики нашей страны, чем наблюдаемая ныне преимущественно внешнеторговая экспансия западноевропейских стран на внутренний рынок Российской Федерации. При условии создания макроэкономических предпосылок (прежде всего, усиления инвестиционных процессов и предотвращения массовой утечки капиталов за рубеж), это будет содействовать поддержанию экономического роста.

Незначительность практических результатов региональных организаций по сравнению с их потенциальными возможностями, неопределенность перспектив «Северного измерения» во многом объясняется неоднозначным отношением к этим инструментам внутри охватываемого ими региона. Например, Германия не проявила особой заинтересованности в укреплении североевропейского сотрудничества. Польша и Прибалтийские республики зачастую рассматривают Россию как конкурента в развитии их отношений с Западной Европой. Ограничителем североевропейского сотрудничества при

участии России является нехватка внутри региона финансовых ресурсов, которой в настоящее время противодействует тенденция к увеличению цен на углеводородные виды топлива. В этом смысле ситуация в регионе аналогична той, которая наблюдалась в отношении освоения нефтяных и газовых месторождений Северного моря: их широкое освоение стало возможным только после резкого увеличения цен на топливо, которое произошло в 1970-е гг.

Особенностью современной Северной Европы, является то, что большинство проявляющихся здесь проблем требуют для своего решения крупного или даже общеевропейского формата. Например, экологическая, энергетическая и транспортная проблемы, планы сооружения нефтяных и газовых трубопроводов предполагают участие Германии, других стран ЕС и его финансовых институтов. Проекты сооружения новых трубопроводов из России в Европу, освоение Штокмановского месторождения на территории ЕС показывают, как Баренцево сотрудничество сливается с Балтийской системой кооперации и не может быть реализовано без участия Германии и поддержки Европейского союза.

Анализ деятельности региональных организаций на Севере Европы показывает, что главным ограничением их деятельности является дефицит финансовых ресурсов. «Северное измерение» призвано усилить координацию и обеспечить приток инвестиций. Фактически такие многосторонние организации, как СГБМ и СБЕР, явились предпосылкой «Северного измерения».

Уже за первые 10 лет существования СБЕР его деятельность привела к реализации примерно 300 совместных проектов. Это содействовало укреплению инфраструктуры и транспортно-коммуникационной сети региона, включая российскую часть. Североевропейские государства предоставляют ресурсы для регионального сотрудничества по линии Северного совета и по межгосударственным каналам. Швеция, например, образовала специальный фонд для стран Центральной и Восточной Европы, часть средств которого направляется для объектов в Балтийском регионе и на северо-западе России. СГБМ содействовал либерализации условий хозяйственного и делового общения внутри региона, важной с точки зрения последующего присоединения ряда расположенных здесь стран к Евросоюзу.

Доля североевропейских стран — участниц СБЕР (без России) в мировом экспорте за период с 1950 по 2005 г. почти не изменилась[1].

---

[1] UNCTAD. Handbook of International Trade and development Statistics. 1995. UN, NY. 1997. P. 2–9. Direction of Trade Statistics. Quarterly. June 2000. IMF. P. 2–9.

Однако заметный подъем безработицы в Финляндии и Швеции в 1990-х гг. показал, что положению этих стран угрожают более динамично развивающиеся конкуренты. Напротив, бассейн Балтийского моря вступил в 1990-е гг. в полосу экономического подъема, удельный вес стран — участниц СГБМ в мировой торговле медленно, но верно растет[1], и он почти сравнялся с долей стран Средиземноморского бассейна в мировом товарообороте. Преобразование экономики на рыночных началах в странах, расположенных на восточных берегах Балтики, создало дополнительный спрос, что содействовало интеграции внутри Балтийского экономического региона и возрастанию экономической активности региона в целом.

Главная цель политики «Северного измерения» политики ЕС — интенсификация сотрудничества с Россией, которое позволяет расширить *ресурсную базу* Западной Европы, содействует поддержанию экономического роста и занятости благодаря реализации совместных промышленных, транспортных и иных инфраструктурных объектов, притоку инвестиций в разработку природных ресурсов. Оно является одной из предпосылок перехода ЕС при условии соответствующих технологических и социально-политических изменений на *устойчивое развитие.*

Запасы природного газа в российской части шельфа Баренцева моря оцениваются в 10 000 млрд $м^3$, что намного превышает совокупные ресурсы газа стран, имеющих выход к месторождениям Северного моря (Норвегии, Великобритании, Дании и Голландии). Кроме того, запасы газа в Тимано-Печорском нефтяном месторождении, расположенном в Республике Коми и Ненецком АО, оцениваются в более чем 600 млрд $м^3$. Эти ресурсы необходимы Западной Европе для перехода к устойчивому экономическому развитию. Альтернативные источники снабжения Западной Европы природным газом и нефтью из Норвегии, Северной Африки и Ближнего Востока, как показывают, например, расчеты финских экспертов, не способны в период до 2020 г. восполнить растущие энергетические потребности Евросоюза[2]. ЕС заинтересован в диверсификации источников снабжения и расширении добычи природного газа.

Взаимная заинтересованность ЕС и России в интенсификации сотрудничества в области энергетики уже реализуется благодаря

---

[1] UNCTAD. Handbook of International Trade and development Statistics. 1995. UN, NY. 1997. P. 2–9. Direction of Trade Statistics. Quarterly. June 2000. IMF. P. 2–9.

[2] Northern Dimension, Sectors, Projects and Financing Requirements. Working Paper. 1998. Lar Con Oy & Paakkary Consulting Oy. P. 16–17. Financing of Projects in North-West Russia. Ministry of Trade and Industry. Finland. No 30. P. 18–21, 130–131.

тем решениям, которые были приняты на высшем уровне в Париже 30 октября 2000 г. об организации энергетического диалога с целью достижения партнерства в сфере энергетики. На Парижской встрече тогдашний председатель Комиссии ЕС Романо Проди заявил, что Западная Европа может удвоить закупки природного газа в России. В ответ президент Владимир Путин предложил диверсифицировать не только источники снабжения ЕС энергоносителями, но и средства транспортировки энергетического сырья путем сотрудничества в строительстве нефтяных и газовых трубопроводов, а также расширить поставки электрической энергии. Ныне это предложение уже реализуется путем сооружения на основе сотрудничества Североевропейского газопровода (проект Норд Стрим (Nord Stream)). Реализация сотрудничества по указанным направлениям способна привести к «позитивной взаимозависимости» между Россией и Европейским союзом, прежде всего в области энергетики, которая, по сути, представляет собой структурную взаимозависимость. В последующем эта взаимозависимость может трансформироваться и расширяться в связи с увеличением поставок из северных районов Российской Федерации цветных и редких металлов, леса и лесных продуктов, что предполагает расширение инвестиционного сотрудничества.

В течение 1990-х гг. заметно выросла концентрация торговли северо-западных областей России на Западной Европе. Например, доля ЕС в импорте Республики Карелия, Республики Коми, Мурманской области значительно превышает соответствующий показатель для России в целом[1]. Северо-запад уже реально играет роль связующего звена между экономикой России и ЕС.

Если рассматривать вопрос в глобальном контексте, то реализацию «Северного измерения» можно рассматривать как предпосылку налаживания новых торговых путей (сухопутных и морских), связывающих два центра мировой торговли: Европу с доминантой в Европейском союзе и быстро развивающийся Азиатско-Тихоокеанский регион. В настоящее время ЕС уступает по своим позициям в этом регионе США и Японии благодаря их более выгодному географическому положению. Раскрытие имеющегося здесь потенциала возможно благодаря интенсификации взаимного хозяйственного общения между Европой и Азией через территорию России. Необходимую для этого многокилометровую и мультимодальную транспортную инфраструктуру можно развивать последовательно звено за звеном с запа-

[1] Financing of Projects in North-West Russia. Ministry of Trade and Industry. Finland. No 30. P. 144–152. Российский статистический ежегодник. 2006. Росстат. С. 790–792.

да на восток и с востока на запад. Губернатор Сахалина, например, выдвинул предложение связать остров с материком транспортным туннелем или мостом. С технической точки зрения такое сооружение аналогично недавно введенному в строй мосту через Эресунн, связавшему побережье Дании и Швеции. Аналогичным образом можно было бы связать Сахалин с японским Хоккайдо, тогда кардинальным образом изменилось бы направление товарных потоков. В этом случае североевропейские и транссибирские звенья транспортной инфраструктуры превратились бы в компоненты мощной трансконтинентальной транспортной системы. Прямой выигрыш для торговли между Европой и Азией несет с собой введение в постоянную эксплуатацию международными пароходствами Северного морского пути, что позволило бы в два раза сократить путь и время морской транспортировки между Японией и ФРГ. Улучшение условий железнодорожных и автомобильных перевозок между Европой и Азией также способно привести к переключению грузопотоков. В современной ситуации региональные системы типа «Волгобалт», имеющей выход и в Белое море через Сайменскую систему каналов, помимо регионального значения приобретают и европейское значение.

Инфраструктура в российской части Евроарктического региона, вовлекаемого в хозяйственный оборот «Северным измерением», отстает от европейских стандартов. Причинами являются имеющийся разрыв в уровнях экономического развития, а также особенности ее исторического формирования. На этой территории транспортно-коммутационная сеть развивалась главным образом в меридианном направлении, что уже не вполне отвечает потребностям сегодняшнего дня, когда стали усиливаться грузопотоки в направлениях запад-восток и восток-запад. Это резко увеличивает потребность в инвестициях в транспортное и портовое хозяйство, средства связи, информационно-коммутационный комплекс, гостиничные услуги, туристическую инфрастуктуру.

В отличие от СССР Россия не обладает удобным морским сообщением с Западной Европой, портовое хозяйство нашей страны не вполне отвечает потребностям. Поэтому рост объема грузопотоков вынудил Россию к сооружению трех новых морских портов (в Усть-Луге, Приморске и бухте Батарейная). Конкуренция между портами и транспортными системами, безусловно, улучшает для России условия торговли с Западной Европой.

Налаживание сотрудничества внутри региона затрудняет значительный разрыв в уровнях экономического развития и благосостояния, который отражается на степени развития инфраструктуры, эко-

логической защиты, проблемах социального и гуманитарного плана. Разрыв по уровню экономического развития между ЕС и Российской Федерацией существенно превышает разброс по этому показателю внутри ЕС, особенно резкая разница отмечается в области социального обеспечения. Препятствует также политизированный подход к некоторым экономическим вопросам.

Другой вызов — это экологическая проблема. Плохая совместимость рыночной модели с устойчивым (то есть экологически дружественным) развитием обусловлена особенностями товарно-денежного производства. При этом способе производства учитываются только издержки производства, связанные с затратой живого или материализованного в продуктах труда. Это значит, что экологические издержки не учитываются в цене товаров и технологий, впрочем, так же как и другие сопряженные расходы культурного и социального назначения. Последний вид издержек, как правило, в более или менее полном виде берет на себя современное государство, если оно имеет четко выраженную социальную ориентацию. Перспектива перехода к устойчивому экономическому и экологическому развитию открывается по мере преобразования нынешнего технократического общества в общество инновационное. Такое общество, видимо, будет основано на новых эталонах и стандартах потребления, исключающих его искусственное форсирование и создающее иные формы взаимодействия между различными секторами народного хозяйства (наукой, образованием и производством, государственной машиной и гражданским обществом, политическими, социальными и культурными институтами). Инновационным может быть названо только такое общество, в котором будут учитываться долгосрочные последствия производственной деятельности, а негативные для природы или человеческого сообщества последствия будут тем или иным образом нейтрализовываться или устраняться. Трансформация индустриального общества в информационное ведет к повышению ценности двух производственных факторов: технологий и высококвалифицированного научно-технического и инженерного персонала, что отразилось в формировании новых теоретических категорий — «технологический капитал» и «человеческий капитал». Экологический кризис заставляет пересмотреть коренным образом отношение к биосфере на основе формирования понятий: «экологический капитал», «экологическая цена» и «экологические издержки производства», пересмотреть также экономические стратегии, отказаться или резко ограничить применение экологически вредных и опасных технологий. Страны Северной Европы как раз являются лидерами в применении на практике этих новых теоретических подходов.

Исторически сложилось так, что на Севере Европы самые острые столкновения происходили между Швецией и Россией, сейчас это ушло в прошлое, но возникают новые спорные области. Таким яблоком раздора, похоже, становится остров Шпицберген, который по Парижскому договору 1920 г. подлежит юрисдикции Норвегии; но по условиям того же договора присоединившиеся к нему страны (ныне это уже 40 стран) получают право на экономическое использование ресурсов Шпицбергена и ведение хозяйственной деятельности. В настоящее время этим правом помимо Норвегии пользуется только Россия. Острота вопроса о доступе к экономическим ресурсам острова возрастает в связи с тем, что на острове обнаружены месторождения нефти. В этих условиях Норвегия перешла к политике ограничения хозяйственной деятельности на острове Шпицберген других стран, используя ужесточение экологических стандартов (более половины его территории объявлены норвежскими властями природными резервациями или национальными парками). Еще раньше — в 1977 г. — она в одностороннем порядке ввела 200-мильную зону рыболовства вокруг острова, которую российские власти признают де-факто, но не де-юре. Среди других трудных вопросов, возникающих внутри североевропейского региона, следует упомянуть территориальные споры в Баренцевом море между Российской Федерацией и Норвегией, в том числе и в отношении газо- и нефтеносных участков морского шельфа. В Баренцевом море имеется так называемая серая зона площадью в 150 тыс. кв. км, на которые претендуют как Россия, так и Норвегия, переговоры о которой идут в течение уже 25 лет. Сейчас эти переговоры уже близятся к завершению.

Еще одна проблема — это исключение России из балтийской зоны экономического благоприятствования, которая была создана при содействии СГБМ и последующего присоединения ряда балтийских стран в ЕС. В 1990-е гг. политические элиты Прибалтийских республик всеми способами укрепляли свой новый альянс с Западом, в том числе ставя под угрозу риска даже самые выгодные участки своего народного хозяйства, если они основывались на экономическом партнерстве с Россией. Например, устанавливали высокие транзитные и транспортные тарифы, допускали несправедливую конкуренцию при проведении приватизации, не учитывая интересы сохранения экономического сотрудничества с Российской Федерацией. Ведь в случае последовательной реализации дружественной модели развития отношений с Россией даже простое посредничество в сотрудничестве между Россией и ЕС в форме обслуживания транзитных перевозок грузов могло бы перерасти в более сложные формы экономическо-

го взаимодействия, содействуя процветанию всего региона в целом. Образцом могло бы служить сотрудничество России с Финляндией, которое имеет длительную историческую традицию.

Раскрытие потенциала большого Балтийско-Баренцева региона предполагает преодоление специфического способа мышления и соответствующего ему способа действий, которое мы можем наблюдать в некоторых балтийских странах, когда политические пристрастия берут верх над соображениями экономической целесообразности, которые усиливают дезинтеграционные тенденции на постсоветском пространстве. Север Европы на рубеже двух тысячелетий дает примеры применения обеих стратегий. Переход на модель, характеризующуюся кооперационной культурой, партнерством, отсутствием конфронтационности, контуры которой начинают обозначаться в отношениях между интегрирующимся европейским центром и окружающей его периферией, наиболее возможен именно в североевропейском направлении. Ведь вся система внешних отношений ЕС организована таким образом, что они проявляют сильный эволюционный потенциал.

Наиболее оптимистичным для России является сценарий, подразумеваемый тезисом о «позитивной взаимозависимости», введенным в оборот в коммунитарных документах[1].

Подобная взаимозависимость предполагает ряд условий. Со стороны России таким условием является переход к интенсивному экономическому развитию, а со стороны ЕС — последовательное применение политики развития равноправных международных экономических отношений, развиваемых не на основе асимметричного перераспределения ресурсов, а за счет их более рационального использования, повышения качества экономического взаимодействия.

Североевропейский ракурс позволяет выявить суть политики Западной Европы по отношению к России: приготовилась ли она к дальнейшему геополитическому натиску на Восток или к прагматичному сотрудничеству на основе «позитивной взаимозависимости». Новую ситуацию для развития сотрудничества на Севере Европы создает решение об образовании четырех общих пространств, которые бы объединяли Россию и ЕС.

На рубеже двух веков и двух тысячелетий перспективы Балтийско-Баренцева региона почти так же не однозначны, как и в годы «холодной войны». Английский журнал «Экономист» в статье «Балтийская

---

[1] Термин «позитивная взаимозависимость» введен в докладе КЕС для заседания ЕС в Вене, которое состоялось в декабре 1998 г. (См.: Евро. 1999. № 11. С. 42.)

революция», опубликованной в июне 1998 г., резюмирует: «...решающе важный вопрос для всего Балтийского региона: нынешняя эра — это... начало нового золотого века или... просто интерлюдия между двумя трагедиями».

Действительно, в Баренцевом регионе дефицит инвестиционных ресурсов и неопределенность перспектив для производственных инвестиций, тормозят развитие сотрудничества; а на Балтике — политика трех новых независимых государств Балтии, которые до настоящего времени предпочитали скорее увеличивать дистанцию от России, чем укреплять сотрудничество. Перед ними стоит та же дилемма, которая стояла перед Финляндией после революции 1917 г., — увеличение дистанции или сближение. Финский опыт показал продуктивность второго варианта стратегии. Развитие отношений по первому варианту политики влечет за собой узкий подход к Балтийскому сотрудничеству и превращение его из инструмента объединения Европы в орудие возведения новых разделительных барьеров внутри континента, при этом во многом обесценивается и Балтийское сотрудничество, и «Северное измерение».

Второй вариант — это взаимодействие с Россией на прагматической основе равноправия и взаимной выгоды, которое открывает двери к устойчивому развитию и к тому «золотому веку», о котором писал «Экономист».

Неопределенность со стороны ЕС состоит в том, что не вполне ясно, как скоро удастся Европе уменьшить зависимость от невозобновляемых источников энергии, а от этого зависит интенсивность заинтересованности в энергетических ресурсах севера России. Этим будет определяться возможность выбора между двумя стратегиями. Сотрудничество в рамках СБЕР (особенно в гуманитарном направлении) показало, что североевропейские страны действительно заинтересованы в равноправном взаимодействии с Россией, и не только в экономической, но и в социальной области. Сможет ли «Северное измерение» воспроизвести эту ценностную ориентацию на расширенной основе? Реализация такого подхода зависит и от России, и от ЕС, и от североевропейских стран, именно поэтому «Северное измерение» — это очень интересный фрагмент европейской и мировой политики.

На Севере Европы готовность к углубленному сотрудничеству, в том числе в нетрадиционных формах получила ясное политическое выражение в ряде региональных инициатив. Среди них — «Северное измерение» политики ЕС, Совет Баренцева Евроарктического региона (СБЕР) и Совет государств Балтийского моря (СГБМ), а также

«Арктическое окно». Эти договорно-правовые механизмы образуют собой опоры нового для международных отношений явления, которое получило название «Новой Северной Европы». В этих рамках был разработан и введен в действие механизм региональной североевропейской кооперации, которая реализуется на внеинтеграционной основе через программы и конкретные проекты.

«Северное измерение» политики ЕС — это комплексная и по-своему уникальная концепция. Оно представляет собой одновременно инструмент региональной политики, средство уменьшения разделительных барьеров в Европе, а также координационный механизм для ряда программ, проектов и действий финансовых институтов. Если в первые годы его иногда называли программой-призраком, то сейчас его механизмы стали приобретать более прагматичный и внутренне не противоречивый характер. Раньше эта программа была инициативой ЕС, которая как бы приглашала Российскую Федерацию к участию, сейчас она преобразуется в совместный проект России, ЕС, Норвегии и Исландии. Последнее расширение ЕС сместило фокус сотрудничества в рамках СГБМ и Северного измерения на отношения между Россией и ЕС. В этом же направлении действует политика ЕС, направленная на повышение энергетической и экологической безопасности ЕС, которые являются важными компонентами безопасности экономической и политической. «Северное измерение» в принципе предоставляет потенциальные возможности для этого, а реализация этих возможностей на практике будет зависеть от дальнейшего развития политической ситуации, от того, насколько ЕС сможет обеспечить самостоятельность своей роли в европейских и мировых делах, противостоять давлению своих геополитических противников и конкурентов.

Важная отличительная черта североевропейской системы кооперации состоит в том, что межгосударственное сотрудничество в регионе опирается на содействие со стороны интеграционной группировки западноевропейских стран — ЕС и ее исполнительного органа, отвечающего за развитие внешних связей — Комиссии Европейского союза. Это участие можно рассматривать как дальнейшее развитие одного из важнейших принципов, определяющих деятельность ЕС: его «открытость вовне». ЕС, используя разные формы сотрудничества с внешним миром (от соглашений об ассоциации и «Барселонского соглашения» до политики «Северного измерения»), постепенно подводит граничащие с ним по внешнему периметру страны к углубленному сотрудничеству, соответствующему по своим формам требованиям развития постблоковой Европы, движущейся в направлении все

большего единства. Именно в этом контексте следует рассматривать решение об образовании четырех общих пространств между Россией и ЕС, а также новую программу ЕС «Широкая Европа — политика по отношению к новым соседям».

Благодаря ЕС возникла реальная возможность привлечения для североевропейских проектов финансовых средств ЕС, в том числе из его регионального фонда. Возникла также возможность для эффективной координации между различными программами, реализуемыми в большом Балтийско-Баренцевом регионе (который, собственно говоря, сливается с понятием «Новая Северная Европа») и даже рассматривать его в ряде случаев (например, с точки зрения транспортной сети) как единое целое.

Все страны Северной Европы заинтересованы в обеспечении условий для достижения экономической безопасности в широком смысле этого понятия. В современном понимании она имеет такие компоненты, как: экологическое равновесие, энергетический баланс, развитие транспортной и иной инфраструктуры, включая север и северо-запад России, взаимодействие в области науки, образования и культуры, эффективное воздействие на движение трудовых ресурсов и т.д. Региональный потенциал может быть использован для решения высокоприоритетных задач. Среди них можно назвать: снижение высокой безработицы в некоторых частях этого региона; противодействие опасным формам международной преступности; соответствующее профилирование финансовых потоков, включая средства международных финансовых институтов типа: ЕБРР, ЕИБ, НЕФКО, Всемирного банка, Северного инвестиционного банка и т.д.

Для участия России в международном сотрудничестве на Севере Европы из-за комплекса уникальных факторов, действующих в этом регионе, открываются более благоприятные перспективы, чем по другим европейским направлениям. Осуществляемое на Европейском Севере сотрудничество обогащает опыт хозяйственного и политического взаимодействия европейских стран, несмотря на резкие различия по многим параметрам, таким как: уровень экономического развития и благосостояния, экономический потенциал и размер природных ресурсов, особенности применяемых социально-экономических моделей, степень зрелости институтов социально-рыночного хозяйства, масштаб включения в мирохозяйственные связи и т.д.

В эпоху, когда в международные отношения все больше проникают силовые методы решения международных проблем, на Севере Европы продолжает развиваться особый, североевропейский тип кооперации, который не дублирует ни один из других институционально

оформленных видов европейского сотрудничества. Опыт североевропейского экономического и научно-технического сотрудничества содействует формированию особой (что важно в эпоху глобализации) североевропейской культуры межгосударственных отношений, которая базируется на уважении суверенитета и сохранении национальных и межгосударственных различий, разработке взаимно приемлемых правил международного сотрудничества, вырабатываемых с учетом национальных особенностей и интересов. При определенных условиях (прежде всего при решении инвестиционных аспектов проблемы) «Северное измерение» может стать предпосылкой налаживания новых торговых путей (сухопутных трансконтинентальных и морских через Северный морской путь), связывающих Европу и мощный Азиатско-Тихоокеанский регион через территорию России, которые приведут к созданию мощной трансконтинентальной инфрастуктуры. Этот проект вкупе с освоением нефтегазовых ресурсов Баренцева моря действительно мог бы обеспечить удвоение ВВП России. Такое развитие событий повышало бы роль ЕС и России в мировом хозяйстве при их взаимодействии и представляло бы собой реальную альтернативу системе сотрудничества в рамках АТЭС, в котором роль дирижера играют США.

В долгосрочной перспективе североевропейское направление сотрудничества имеет возрастающее значение, так как энергетическая и экологическая безопасность (а, следовательно, и экономическая) Западной Европы в XXI в. во многом будут определяться тем, как пойдет развитие сотрудничества в этом географическом направлении, учитывая его роль для энергетической и экологической безопасности Европы. Уже сейчас Россия обеспечивает почти половину потребностей ЕС в природном газе — стратегически важном виде топлива, доля которого в энергобалансе ЕС увеличивается. Если глобальная политика США во многом замешана на нефти, то отношения между Россией и ЕС во многом определяются все увеличивающимися потребностями в природном газе. Вот почему роль «Северного измерения» политики ЕС в общей стратегии ЕС будет увеличиваться. Это значит, что следует ожидать новых инициатив со стороны ЕС в направлении «Северного измерения». Если в первые годы в реализации этой политики, преобладали инфраструктурные и экологические проекты, то, начиная с 2006 г., акценты смещаются в направлении энергетического сотрудничества, поскольку тенденция к стойкому повышению цен на нефть создает благоприятные условия для освоения топливных ресурсов на шельфе Баренцева и других северных морей. Решение о создании четырех общих прост-

ранств России и ЕС создает благоприятный фон для развертывания политики «Северного измерения».

Что касается Швеции и Финляндии, то с их стороны действуют дополнительные факторы заинтересованности в развитии отношений с их восточным соседом, простирающейся, прежде всего, на северные и западные районы нашей страны. В конце XX в. эти два государства, хотя и по разным причинам, вступили в такую полосу экономического развития, которая сопровождалась резким увеличением безработицы. Если в период 1960–1980-х гг. в Шведском королевстве норма безработицы не достигала 2% (в Финляндии — около 3%), то на протяжении 1990-х гг. она колебалась между 5–9% (в Финляндии от 17% до 10%). В настоящее время она составляет 7,7% в Финляндии и 7% в Швеции[1]. Пик безработицы в обеих странах пришелся на 1993–1994 гг. Особенно высоких отметок достигает безработица среди молодежи до 25 лет (здесь она подскакивает в отдельные годы даже до 21–25%), а также в восточных провинциях Финляндии и северных ленах Швеции, которые близко подходят к российской границе[2].

Скачок безработицы в Финляндии был связан с разрушением существовавшей между СССР и Финляндией клиринговой системы расчетов, что вызвало резкое сокращение объемов экспорта на Восток, традиционно высокого в годы «холодной войны», когда Финляндия играла ведущую роль в торгово-экономическом сотрудничестве СССР с Западом. Причиной увеличения безработицы в Швеции явился экономический кризис начала 1990-х гг., который был преодолен в ходе последующей экономической реформы, проведенной коалиционным правительством. Однако ни Швеции, ни Финляндии уже не удалось вернуться к такому высокому уровню занятости населения, который был характерен для периода до наступления кризиса. Более независимый от регионального аспекта характер носит экономика Дании и Норвегии: их промышленность выигрывает благодаря сочетанию двух благотворных факторов — инновационной ориентации и обладанию нефтяными ресурсами Северного моря, которые играют особенно важную роль в норвежской экономике, помогая поддерживать состояние экономической безопасности, включая относительно высокий уровень занятости.

Пограничные с Балтийско-Баренцевым регионом области России тоже отличаются более высоким уровнем безработицы по сравнению

---

[1] Employment in Europe. 1999. EC, Employment & European Social Fund, August. 1999. P. 140–141. Nordic Statistical Yearbook. 2007. Vol. 45. P. 187.

[2] Europe. No 1056/1998. No 1083/1999. No 1127/1999.

с другими частями нашей страны. Это объясняется более трудной адаптацией северных и северо-западных ее территорий к любым изменениям экономической ситуации.

Обострение проблемы занятости, необходимость повышения энергетической безопасности в условиях, когда западноевропейская интеграция переходит к валютному союзу и строительству «Социальной Европы», заставляет европейские страны — участницы ЕС искать новые способы ее решения, в частности по линии углубления регионального сотрудничества на Севере Европы с использованием «Северного измерения» политики ЕС.

Несмотря на то что интересы всех североевропейских стран и России по многим пунктам совпадают, однако между ними есть и спорные вопросы, и даже конфликты интересов. Много лет идут переговоры по демаркации границы между Россией и Норвегией в серой зоне, содержащей месторождения нефти и газа в Баренцевом море, на которую претендуют оба государства. Норвегия предпринимает действия по вытеснению России с острова Шпицберген. Имеет место конкуренция между разными вариантами прокладки нефтяных и газовых трубопроводов и т.д. В целом экономическое сотрудничество между Россией и североевропейскими странами носит асимметричный характер, и западным партнерам оно приносит больше выгоды, чем России. Дело в том, что неблагоприятный для предпринимательства климат, который сложился в России в 1990-е гг., ведет к массовому оттоку финансовых ресурсов, а также предпринимательских капиталов из России. Это положение хорошо иллюстрирует парадоксальная ситуация, которая сложилась в области рыболовства и переработки рыбы в Мурманской области. Существующие экономические условия вынуждают мурманских рыбаков продавать выловленную рыбу в Норвегию для переработки на рыбоконсервных заводах (на которые, кстати говоря, привлекается рабочая сила из той же Мурманской области), причем в последующем изготовленная рыбоконсервная продукция импортируется обратно в Россию. То есть из России «убегает» не только денежный, но и предпринимательский капитал, а бизнес с северо-запада России постепенно перемещается в соседнюю Норвегию. Это значит, что в России осуществляется подготовительная стадия технологического процесса, а также осуществляется сбыт готовой продукции, в то время как та стадия, когда создается наибольшая часть стоимости добавленной обработкой, переносится за рубеж. К сожалению, это очень характерная для современной России ситуация, которая ведет к увеличению отставания России по уровню благосостояния и увеличению социальных контрастов.

В настоящее время перспективы развития сотрудничества в рамках «Новой Северной Европы» четко не определены, что связано с действием нескольких факторов. Во-первых, до сих пор не ясно, когда в России сложатся предпосылки для повышения эффективности участия в международном экономическом сотрудничестве. Во-вторых, расширение ЕС на Восток в 1990-х гг. не благоприятствовало развитию сотрудничества по североевропейскому направлению, так как отвлекало финансовые ресурсы на другие цели из-за конкуренции между регионами, в которой Северная Европа часто проигрывала региону ЦВЕ. В-третьих, есть элементы неопределенности и в общей стратегии ЕС по отношению к России: будет ли он поддерживать дезинтеграционные тенденции на постсоветском пространстве, или будет развивать «позитивную взаимозависимость» на бесконфликтной основе. Последний вариант стратегии в целом соответствует социально ориентированной модели развития, которой придерживаются Скандинавские страны и Финляндия.

В Балтийском регионе на протяжении 1990-х гг. параллельно происходило два процесса: подготовка стран-претендентов к вступлению в ЕС и адаптация сотрудничества между Западной Европой и Россией к новой ситуации, созданной в результате распада СССР и расширения ЕС. Финансовый капитал североевропейских стран, как бы подготавливая страны Балтии к вступлению в ЕС, захватил господствующие позиции в экономике трех Прибалтийских республик, особенно в финансово-банковской сфере и наукоемких отраслях, таких как сфера телефонной и телевизионной коммуникации. Одновременно происходил и встречный процесс: усиление притока российского капитала в страны Балтии, так как перспектива вступления государств Балтии в ЕС вселяло надежду российскому предпринимательскому сектору приобрести после 2004 г. серьезную опору внутри Европейского союза. Таким образом, вступление трех Прибалтийских республик в ЕС, в каждой из которых имеет позиции российский предпринимательский сектор, имеет своим следствием усиление переплетения российского капитала с европейским.

Анализ разработки и реализации политики «Северного измерения» приводит к выводу о том, что эта концепция Евросоюза с самого начала отличалась внутренней противоречивостью. Во-первых, наблюдается явная асимметрия между странами — участницами региона, охватываемого политикой «Северного измерения» и по экономическим потенциалам, и по уровню благосостояния, и по степени зрелости рыночных институтов, что всегда осложняет их экономическое взаимодействие. Во-вторых, «Северное измерение» на первых порах не

привело к созданию специальных организационных структур и/или механизма финансирования, что снижало результативность этого направления политики на первых этапах и ограничивало практические результаты. В-третьих, в период 1990-х гг. не просматривалось четкой связи между развитием сотрудничества в рамках «Северного измерения» и между отношениями Россия–ЕС. Теперь, когда принято решение рассматривать «Северное измерение» как региональное воплощение четырех общих пространств между ЕС и Россией, ситуация принципиально изменилась. На самом деле «энергетический диалог» может привести к достижению практических результатов в форме достижения «позитивной взаимозависимости» между Российской Федерацией и ЕС в условиях формирования четырех общих пространств только при условии использования возможностей «Северного измерения», что стало просматриваться только в 2000-е годы.

Изучение ситуации, которая складывается в рамках «Новой Северной Европы» показывает, что экономическая политика России нуждается в весьма серьезных корректировках, так как пока не создает благоприятную среду для инновационного бизнеса и инвестиций.

Последнее расширение ЕС до сих пор влияло на реализацию политики «Северного измерения» скорее в негативном направлении, смещая его приоритеты в сторону тех проблем, которые выделились как главные для Балтийского региона. В современной ситуации положение изменяется к лучшему с точки зрения раскрытия потенциала «Северного измерения». Именно поэтому роль «Северного измерения» в общей стратегии ЕС в ближайшей перспективе, скорее всего, будет увеличиваться (особенно в том случае, если сохранится высокий уровень цен на нефть и газ). Следует ожидать новых инициатив со стороны ЕС, в частности, обсуждается вопрос о выделении финансовых средств, используемых для «Северного измерения», в едином бюджете ЕС отдельной строкой.

Парадокс «Северного измерения» состоит в том, что оно выявляет суть и истинный характер современной политики ЕС по отношению к России, подчеркивает также результаты экономического реформирования в Российской Федерации. В период 1990-х гг. политическая поддержка реформ в России со стороны ЕС превалировала над экономической. Об этом говорят следующие особенности политики ЕС: почти десятилетняя задержка с предоставлением статуса страны с рыночной экономикой; первоначально жесткие условия, предложенные России при ее вступлении в ВТО (требование значительно повысить внутренние цены на топливо противоречит общепризнанной классической теории компаративных преимуществ в торговле, а также по-

пулярной концепции конкурентных преимуществ Майкла Портера); негибкая на первых порах позиция, занятая Евросоюзом по вопросу обеспечения доступа российских товаров и граждан в Калининградскую область.

Все эти сложности не содействовали раскрытию потенциала политики «Северного измерения» и, в конечном счете, привели к тому, что в настоящее время экономические достижения довольно ограниченны. Перспективы «Северного измерения» связаны с тем, что оно играет все бóльшую роль в рамках общей стратегии отношений между Россией и ЕС, следовательно, будет приобретать со стороны ЕС все бóльшую поддержку.

Глава 2. Социально-экономические процессы в североевропейском регионе

2.1. Роль государства в социально-экономическом развитии

Североевропейская модель рыночного хозяйства характеризуется важной ролью государства, которая проявляется в проведении государством экономической политики, служащей целям макроэкономического регулирования, а также в существовании значительного государственного сектора экономики. Благодаря этому государство на Севере Европы не только регулирует совокупный спрос, оказывая влияние на профилирование финансовых, трудовых и товарных ресурсов, но и влияет на конкурентоспособность промышленности, предоставляя относительно дешевые и качественные инфраструктурные и социальные услуги, а также прямо участвует в материальном производстве, увеличивая ВВП страны. В отличие от англосаксонской традиции, которая в первую очередь направлена на сферу обращения, североевропейская модель государственного регулирования в большей мере обращена непосредственно на производство товаров, услуг (особенно социальных), интеллектуальных и культурных ценностей. Эта модель развития основана на гармоничном сочетании рыночных механизмов с государственным регулированием и допускает существование государственных предприятий в сфере производства. Такое сочетание, идеологически основанное на понятии общего блага (общего благосостояния), приводит к созданию смешанной экономики, которая (по мнению норвежского исследователя Эрика Райнерта) содействует экономическому росту, так как позволяет воспользоваться эффектом

синергии[1], возникающей благодаря сочетанию противоположностей. Такой подход, подразумевающий признание существования системного общественного блага весьма отличается от англо-саксонских либеральных концепций, основанных на индивидуализме.

Установившаяся в североевропейских странах хозяйственная система отличается от других стран Запада по:

- своим теоретическим основам (включая признание концепции общего блага или благосостояния, окружающей природной среды — в качестве важного общественного блага, а национальной инновационной системы — в качестве приоритета);
- своей экономической политике и практическим действиям в социально-экономической сфере, которые направлены на создание универсальной системы социальной поддержки, особой системы налогообложения;
- этике предпринимательской деятельности и признанию бизнесом своей социальной и экологической ответственности;
- характеру и степени вмешательства государства в рыночные механизмы, а также по его роли в совокупном производстве тех товаров и услуг, которые имеют социальную направленность.

Эти отличия отражаются во множестве важных макроэкономических показателей, таких как доля госбюджета и налогов в ВВП, удельный вес социально значимых статей в бюджете государства, размеры социальных пособий и степень поддержки социально уязвимых групп населения, доля бизнеса в финансировании общественно значимых расходов и т.д. По всем этим показателям Скандинавские страны и Финляндия являются лидерами в ЕС.

Например, в 2006 г. доля государственных расходов в ВВП в Швеции составила 65% (в отдельные годы — в 1980 и 1985 гг. — это соотношение поднималось даже до 70%[2]), в Дании — 68%, в Финляндии — 55%, что заметно превышает средний уровень ЕС или ОЭСР[3]. Структура государственных расходов, характерная для Швеции, с небольшими вариациями отмечается и в других Скандинавских странах и в Финляндии. В том же 2006 г. на социальные расходы (социальная

---

[1] Reinert Erik S. *The Role of the State in Economic Growth* // Journal of Economic Studies. 1999. Vol. 26. No 4/5. P. 268–326. MCB University Press.

[2] Веттенберг Гуннар. Новое общество. О возможностях общественного сектора. М.: Ad Marginem, 1999. С. 147.

[3] См.: таблицу 2.1.

защита, здравоохранение, образование) приходилось 60–70% в отдельных странах Севера Европы *(см. табл. 2.1)*, что также превышает уровень ЕС или ОЭСР и подтверждает социальную ориентацию их экономического развития.

Таблица 2.1

Роль государства в экономике стран Северной Европы в 2006 г. (%)

	Дания	**Исландия**	**Финляндия**	**Норвегия**	**Швеция**	**Север Европы (5 стран)**
Доля государственных расходов в ВВП (ВВП=100%)	67,8	55,9	54,7	54,1	64,6	60,6
Доля социальных расходов в общих расходах государства (расходы госбюджета=100%)	70,2	60,4	67,6	70,1	67,5	67,5
Доля налогов в ВВП (ВВП=100%)	64,8	54,5	48,7	52,7	58,3	56,4

Источник: расчет по данным Nordic Statistical Yearbook. 2007. Vol. 45. P. 189, 221, 222.

Политика экономического роста в странах Северной Европы переплетается с инновационной, социальной и экологической политикой, каждая из которых основана на активной государственной роли, являясь частью его стратегии, что прослеживается в структуре расходов государственного бюджета. Это сочетание и определяет особенности их социально-экономической модели (см. также главу 4).

Североевропейские страны занимают первые места среди стран — участниц ЕС и ОЭСР по доле налогов в ВВП. Она составила в странах Северной Европы в 2005 г. 48% по сравнению с 39% в ЕС (13 стран еврозоны)[1]. Высокий уровень налогов является необходимой предпосылкой функционирования государства всеобщего благоденствия.

[1] См.: Nordic Statistical Yearbook. 2007. Vol. 45. P.9.

Его образование основано на признании необходимости оказания социальной поддержки наиболее уязвимым группам населения, которые не могут быть конкурентоспособными на рынке труда (инвалиды, пожилые люди, безработные, несовершеннолетние и т.д.). Помимо подоходного налога, применяются налоги на все виды прибылей или других доходов (дивиденды и проценты по вкладам), налоги взимаются с наследства, недвижимости или дарений, транспортных средств и т.д. Самыми важными налогами являются подоходный, налог на богатство и налоги на потребление продуктов (косвенные налоги, НДС). В некоторых странах региона важную роль в наполнении бюджета государства играют обязательные социальные налоги (а именно, в Финляндии и Швеции).

Таблица 2.2

Структура доходов государственного бюджета в 2005 г. (%)

	Дания	Исландия	Финляндия	Норвегия	Швеция	ЕС (25)
Доля налогов в доходах госбюджета	50,0	41,3	44,5	44,2	51,1	39,7
В том числе налоги на производство и импорт	36,1	51,3	43,7	35,7	46,0	–
Налоги на доходы и прибыль	63,4	48,6	55,3	63,9	53,9	–

Источник: Nordic Statistical Yearbook. 2006. Vol. 44. P. 220–221; Taxation Trends in the EU. Eurostat. 2007. P. 4.

Итак, наиболее важным источником наполнения бюджета во всех северных странах являются налоги (от 41% в Исландии до 51% в Швеции — этот уровень является высоким в международном сопоставлении)[1]. Роль подоходного налога максимальна в Норвегии и Дании, но минимальна — в Исландии. Налоги на производство и импорт важнее

[1] Nordic Statistical Yearbook. 2006. Vol. 44. P. 221.

в Исландии и менее важны — в Дании и Норвегии. В Швеции, например, размер необлагаемого подоходным налогом дохода (минимальный доход) установлен на таком высоком уровне, что значительная часть населения не платит подоходных налогов в пользу центрального правительства, а только коммунальные (местные) налоги (по ставке 26–35% в зависимости от величины дохода).

Государственная собственность в экономике североевропейских стран выполняет одновременно две функции. Во-первых, она позволяет решать конкретные социально-экономические задачи (например, предоставлять качественные и относительно дешевые социальные услуги). Во-вторых, она помогает воздействовать на совокупный спрос и таким образом регулировать рынок и оказывать антициклическое воздействие, благодаря чему в послевоенный период времени этим странам удалось избежать глубоких экономических кризисов.

Взаимная связь социально ориентированного государства и государственного сектора экономики, частью которого являются предприятия, находящиеся в государственной собственности, обусловлена следующими факторами. Государственный сектор экономики, в том числе предприятия, которые находятся в государственной собственности, способен поглощать рабочих и служащих, которые вытесняются из частного сектора, что активно происходит на стадии перехода от индустриального к постиндустриальному обществу. Это действовало как сдерживающий фактор увеличения безработицы в странах Северной Европы на протяжении 1970–1980-х гг. Кстати, и в 1990-е гг., когда безработица выросла во всех странах ЕС, на Севере Европы она продолжала оставаться на более низком уровне, чем в ЕС в среднем.

Государственный сектор играет важную роль в антициклическом и конъюнктурном регулировании экономики, так как он подчиняется иным законам, чем частный сектор и его развитие не носит явно выраженного циклического характера, поскольку спрос на продукцию, производимую большинством государственных предприятий, является малоэластичным. Например, спрос на коммунальные услуги, газо-, водо-, электроснабжение, социальные услуги государственных и муниципальных предприятий (уход за престарелыми или маленькими детьми, инвалидами), транспортные услуги и т.д. В целях оживления экономической ситуации государство увеличивает инвестиции в государственный сектор экономики в периоды стагнации и уменьшает их в периоды хозяйственного подъема. Таким образом, чем больше государственный сектор экономики, тем эффективнее конъюнктурная политика и антициклическое регулирование.

Предприятия, которые находятся в государственной собственности, способны увеличивать доходы государственного бюджета. Поскольку не все государственные предприятия организованы как акционерные общества, то они могут быть объединены с государственным бюджетом в финансовом отношении, тогда их доходы и расходы рассматриваются как его часть. Разумеется, в этом случае инвестиции в такие предприятия должны быть предусмотрены в расходной части бюджета. Государственные предприятия содействуют развитию конкуренции, в том числе возникает специфический вид конкуренции между частным и государственным сектором.

Госпредприятия оказывают функции специфического характера, обусловленные рядом соображений.

А) Услуги, которые выгоднее возложить на государственный сектор, так как их качество повышается, если они организованы в масштабе всей страны или ее административно-территориальных подразделений. Например: почта, транспорт, энергетическая инфраструктура, коммунальные службы, а также социальные услуги.

Б) Услуги, которые государство предпочитает предоставлять на льготных условиях, исходя из своих социально-экономических задач, например, в целях поддержки более уязвимых групп населения или в целях обеспечения равенства возможностей (здравоохранение, образование, социальная защита).

Государственный сектор экономики способен регулярно перераспределять часть доходов в пользу малообеспеченных слоев. Он в состоянии предоставлять социальные услуги на льготных условиях или в зависимости от потребности, содействуя таким образом сокращению бедности и социальной неустроенности. Госпредприятия, как правило, проводят стабильную политику расценок на предоставляемые ими услуги, что делает их более доступными для бедных, или предоставляет их отдельным категориям потребителей по льготному тарифу или даже бесплатно (медицинские услуги, образование). Например, в Швеции доля бедных благодаря выплате социальных пособий и компенсаций в начале 2000-х гг. сокращалась с 28 до 9% (то есть в три раза), в Дании: с 24 до 11% (то есть в два раза), в Финляндии — с 21 до 11%, в то время как в ЕС в среднем: с 25 до 15%, то есть в 1,6 раза[1].

[1] См.: Europe. No 1287. 10.05.2003.

Государственный сектор экономики содействует поддержанию темпов экономического роста (так как государственный спрос способен поддержать совокупный спрос в периоды ухудшения экономической конъюнктуры), повышению конкурентоспособности отечественных товаров благодаря финансированию НИОКР, оказывает антициклическое воздействие. Перераспределяя доходы в пользу менее обеспеченных граждан, госсектор содействует обеспечению равенства жизненных шансов для молодежи, независимо от уровня жизни их родителей.

Поэтому наблюдается прямая зависимость между развитием государственного сектора экономики, представленного государственными предприятиями и широтой социальных функций государства. Если государственный сектор начинает сокращаться, как это происходило на Севере Европы в 1990-е гг., то это осложняет исполнение государством его социальных функций. В то же время, чрезмерно щедрые социальные гарантии влекут за собой увеличение дефицита государственного бюджета и могут стать причиной валютных и финансовых осложнений, привести к напряженности государственного бюджета. Поэтому необходимо достижение определенного баланса.

В Дании государственные предприятия имеются в нефтегазовой промышленности, энергетике и транспорте. Датское государство поддерживает промышленность, предоставляя экспортные кредиты и субсидии на проведение НИОКР. В Норвегии госпредприятия сосредоточены в энергетике, на транспорте, почте, оптовой торговле лекарствами, телекоммуникациях, добыче нефти и газа, химической промышленности. В Финляндии с 1991 г. проводится политика дерегулирования экономики, которая привела к сжатию государственного сектора экономики и передаче значительной части государственной собственности в частные руки. Однако сохраняются государственные предприятия в области транспорта (воздушного и железнодорожного), металлургии и машиностроения, оборонной промышленности, энергетики, химии и целлюлозно-бумажной промышленности, телекоммуникаций, производства и продажи алкогольной продукции и т.д. В Швеции был самый крупный на Севере Европы государственный сектор экономики и самая обширная система социальных услуг. Однако в результате кризиса в начале 1990-х гг. и последующей реформы произошло сжатие государственного сектора экономики в результате приватизации. Превратности судьбы государственных предприятий на Севере Европы связаны также с тем, что во время кризиса в Швеции в начале 1990-х гг. некоторые крупные предприятия (в том числе принадлежащие «Эрикссон» и Швейцарско-шведскому

концерну ABB), которые попали в сложное финансовое положение, были выкуплены государством, которое покрыло их долги. В свою очередь, это увеличило государственный долг и явилось аргументом в пользу проведения дальнейшей приватизации, с тем чтобы покрыть доходами от приватизации образовавшуюся задолженность.

Инновационный характер экономического развития североевропейских стран ведет к тому, что в бюджетах относительно высока доля расходов на науку и высшее образование; в странах Северной Европы она была равна в 2005 г. 2,91% ВВП по сравнению с 1,86% в 13 странах — членах еврозоны[1]. Социальная ориентация экономической политики стран Северной Европы проявляется в том, что расходы на социально значимые цели являются самой крупной статьей расходов государственного бюджета. На них расходуется от 60–70% во всех североевропейских странах *(см. табл. 2.1)*.

Таблица 2.3

Структура расходов государства в 2005 г. (% ко всему бюджету)

	Дания	Исландия	Норвегия	Финляндия	Швеция
Управление	12,6	12,0	9,4	13,4	13,6
Оборона	3,0	0,1	3,7	3,3	3,1
Образование	14,8	19,8	13,9	12,0	12,9
Здравоохранение	13,6	19,6	17,2	13,6	12,4
Социальная защита	41,8	20,9	38,9	42,0	42,2
Социальные расходы, всего	70,2	60,3	70,0	67,6	67,5

Источник: Nordic Statistical Yearbook. 2007. Vol. 45. P. 222.

Государственная собственность в рыночной экономке выполняет двойственные функции. Во-первых, она позволяет решать конкретные социально-экономические задачи. Во-вторых, она позволяет регулировать рынок. Между государственным сектором экономики (включая государственные предприятия) и социальными функциями государства имеется прямая связь и зависимость: социально

[1] См.: Nordic Statistical Yearbook. Vol. 45. P. 9, 227–228.

ориентированное государство при осуществлении своих социальных функций опирается на государственный сектор экономики. Если государственный сектор сокращается (как это происходило на Севере Европы в 1990-е гг.), то это влечет за собой передачу некоторых социальных функций или услуг (например, транспортных) в руки частных компаний. Как правило, это ведет к повышению их стоимости. В то же время, чрезмерно щедрые социальные гарантии в условиях замедления экономического роста могут привести к возникновению дефицита государственного бюджета, валютным и финансовым осложнениям.

Если посмотреть в динамике, то доля государственного бюджета в ВВП в большинстве северных стран на протяжении 1990–2000-х гг. сохранялась на высоком уровне. В этот период эта доля колебалась в диапазоне от 50% в Финляндии до 68% в Дании.

Налоговая политика меньше различается между странами Северной Европы, чем по сравнению с ЕС. Для них характерным является более высокая степень налоговой нагрузки, измеряемой по отношению к ВВП, а их налоговая политика основывается на сходных принципах, хотя и есть небольшие различия в структуре налогов и налоговых ставок.

Таблица 2.4

Налоговая политика в странах Северной Европы в 2005 г.

%	Дания	Норвегия	Финляндия	Швеция	ЕС (25)
Предельные ставки налогов на личные доходы	59	40	50,9	56,6	40,2
Ставки корпоративных налогов*	28	28	26	28	25,5
Соотношение между налоговыми поступлениями в центральный и местные бюджеты	2 : 1	5 : 1	2,6 : 1	2 : 1	–

Источник: Taxation Trends in the EU. Eurostat. 2007.

* В Исландии минимальная ставка корпоративных налогов составляет 18%.

Все страны Северной Европы являются лидерами в ЕС по доле налогов в ВВП: от 49% в Финляндии до 65% в Дании (40% в ЕС). Взносы социального страхования играют незначительную роль в финансировании социальных расходов, так как бóльшая их часть покрывается за счет центрального и местных бюджетов, формируемых в основном за счет прямых налогов: от 1/2 до 2/3 налоговых поступлений (главным образом, в форме подоходных налогов). Доля косвенных налогов ниже, чем в ЕС, а значение местных налогов, напротив, выше, чем в ЕС из-за длительных традиций местного самоуправления и значительной роли нижних уровней власти в исполнении социальных функций. Это отражает децентрализацию исполнения государством социальных функций. Во всех странах региона сложилась дуальная система налогообложения. Личные подоходные доходы облагаются высокими ставками (но установлен довольно высокий порог необлагаемого налогами минимума доходов), а капитал облагается налогами по умеренной ставке, но выше, чем в ЕС в среднем: 26–28% в Скандинавских странах и Финляндии против 25,5% в ЕС в среднем для 25 стран. Начиная с 1990-х гг., отмечается тенденция к снижению налогового давления на капитал. По отношению к личным доходам применяется прогрессивное налогообложение, на основе различной шкалы в зависимости от источника дохода: заработная плата, дивиденды, доход от продажи ценных бумаг и т.д. Ставка НДС установлена на уровне 22–25%, но на продукты питания, товары культурного назначения, лекарства налог взимается по льготной ставке или не взимается вообще. Несмотря на решения ЕС в направлении налоговой гармонизации, между странами ЕС (в том числе между странами Северной Европы) остаются значительные различия в структуре налогов и размерах налоговых ставок, а также в налоговой политике, поскольку эти различия основываются на укоренившихся традициях, изменения которых мгновенно отражается на состоянии бюджетов.

2.1.1. Развитие государственной собственности

В странах Северной Европы был создан особый тип рыночной экономики, которая носит смешанный характер, так как наряду с частной собственностью большое развитие получила государственная и кооперативная формы собственности. Государственная собственность служит основой государственного регулирования экономики и социальной ориентации экономического развития. В североевропейских странах около 2/3 расходов государственного бюджета расходуется на

социальные цели, а существование государственных предприятий позволяет держать цены на коммунальные и социальные услуги, а также на некоторые элементы производственных затрат на низком уровне, что помогает поддержанию международной конкурентоспособности продукции североевропейской промышленности.

Исторически государственный капитал сыграл важную роль в индустриализации стран Северной Европы, а в последующие годы обеспечивал экономическое развитие и поддерживал благоприятное положение в системе международного разделения труда. Именно благодаря государственному капиталу была налажена добыча нефти и природного газа в Дании и Норвегии на континентальном шельфе Северного моря. В настоящее время государственная собственность играет важнейшую роль в инфраструктурном обеспечении экономического развития, снабжении энергией и обеспечивает преимущества в инновационном и социальном развитии.

Государственная собственность концентрируется на инфраструктурных направлениях и социальных и коммунальных услугах, однако во всех североевропейских странах, кроме Дании, она играет или играла заметную роль и в производственном секторе. В настоящее время, когда осуществляется сжатие государственной собственности, в первую очередь приватизируются государственные предприятия именно в производственном секторе экономики и на транспорте. Крупный государственный сектор экономики в странах Северной Европы является результатом их исторического развития, он сыграл важную роль в ликвидации отставания региона от ведущих промышленных держав на этапе индустриализации, а в послевоенный период — в усилении социальной ориентации развития. Сразу после Второй мировой войны прокатилась волна национализации (в частности, путем передачи государству бывших немецких активов), а в конце XX — начале XXI в., напротив, прошла волна приватизации, сопровождаемая дерегулированием экономики и проведением курса на неолиберальную политику. В результате государственный сектор экономики заметно сократился даже в таких странах, в которых он традиционно играл весьма заметную роль, например, в Швеции и Финляндии, где она достигала до последней приватизационной волны 26%–22%[1], а в настоящее время на первое место по масштабам государственной собственности в Северной Европе вышла Норвегия. Тем не менее государственная собственность продолжает сохранять за собой некоторые ключевые позиции в народном хозяйстве, прежде всего в инфраст-

[1] http://www.privatisationbarometer.net/atlas.

руктурных, коммунальных и социальных услугах[1]. Согласно банку данных, которые лежат в основе подсчета индекса экономической свободы в странах Северной Европы масштабы государственной собственности характеризуются следующими данными.

Таблица 2.5

Значение государственной собственности в странах Северной Европы в 2003 и 2006 гг. (%)

	Доля доходов от государственной собственности в общих доходах государства	
	2003	**2006**
Дания	9,12	3,7
Исландия	7,1	4,2
Норвегия	17,43	14,9
Финляндия	6,7*	3,1
Швеция	8,3	5,5

Источник: Heritage Foundation (Wall Street Journal), Index of Economic Freedom 2005. Index of Economic Freedom 2007.

* Данные за 2002 г.

В Дании, в отличие от ее соседей по региону, государственная собственность никогда не играла заметной роли в обрабатывающей промышленности или финансово-банковском секторе, которые развивались на частной основе. В конце XIX в. в государственной собственности оказались все железные дороги страны, затем государство сосредоточило в своих руках владение морскими, а позднее и воздушными портами. В настоящее время в государственной собственности осталось 39,2% акций копенгагенского аэропорта. В 1972 г., когда началось освоение нефтегазовых месторождений, в Дании было создано пять государственных компаний, крупнейшей из которых является «Донг»[2]. В собственности Датского государства находятся 23 компании, в 14 из которых

[1] Полный перечень предприятий, которые находятся в государственной собственности, содержится в ежегодно публикуемых национальными правительствами докладах о государственных предприятиях.

[2] Эту компанию, которая ведет добычу нефти на датском шельфе и производит 80% электроэнергии в стране, предполагается приватизировать.

оно владеет контрольным пакетом акций[1]. В этой стране в государственной собственности находится в основном инфраструктура: почта, порты, железные дороги, а также энергетика (добыча нефти и газа). Крупнейшими в стране государственными компаниями являются «Донг» и «Дангаз», которые занимаются добычей нефти и газа в Северном море, а также их последующим распределением. Частный консорциум по проведению подземных работ в Дании — ДАК (Дэниш Андерграунд Консорциум)[2] продает весь добытый природный газ государственной компании, которая обладает государственной монополией на транспортировку, хранение и продажу природного газа в Дании — «Дангазу», которая затем продает газ пяти распределительным компаниям, находящимся в собственности датских муниципалитетов. Цены на газ для конечных потребителей устанавливаются в соглашении между «Дангазом» и распределительными компаниями. «Дангаз» экспортирует 45% добытого газа (главными потребителями являются Швеция и ФРГ), а также 25% добытой нефти. В собственности датского государства находятся морские и воздушные порты Копенгагена, почтовая служба Дании, авиационные компании, компании по торговле недвижимостью, выставочный центр, лотереи (доля государства — 80% акций), датские железные дороги. Датское государство имеет пакет акций авиационной компании САС. Все государственные предприятия в Дании находятся в ведении Министерства финансов.

К началу 1990-х гг. в Исландии в государственной собственности находилось два из трех крупнейших в стране банков, другие финансовые институты, несколько промышленных предприятий, электростанции, почта и телевизионная связь, но в начале века была проведена крупная компания по приватизации, в результате которой в частные руки перешли оба государственных банка и телефонная компания (исландский «Телеком»). В государственной собственности остаются производство и распределение электроэнергии, водо- и газоснабжение, венчурный фонд. В 1990-е гг. был приватизирован еще ряд предприятий: компания каботажного плавания, типография, компания по производству и продаже алкогольных напитков, предприятие по переработке рыбы, фармацевтическая фабрика, металлургический комбинат (по производству железистого кремния), инвестиционный банк, строительная компания, завод по производству удобрений, коммерческий банк, Интернет-компания.

---

[1] Statens Selskaber. 2007. Danmark. K benhavn. S. 6.

[2] ДАК — это консорциум из 10 частных фирм, который добывает 80% нефти на датском шельфе.

В Норвегии начало государственному сектору экономики было положено передачей норвежскому государству бывших немецких активов. С 1970-х гг., когда началось широкое освоение нефтегазовых месторождений норвежского континентального шельфа, произошло его дальнейшее расширение, так как норвежский частный капитал не обладал достаточными активами для того, чтобы освоить нефтегазовые богатства страны, поэтому эту задачу возложили на государственный капитал. В результате роль государственного сектора и государственного регулирования в Норвегии возрастала по мере увеличения добычи и экспорта нефти и газа. Этот период в истории Норвегии получил название «государственная революция». Одновременно стал расширяться объем социальных услуг, оказываемых государством населению — формировалось социальное государство. Доступность образования позволяла людям улучшить свое материальное положение. Государство всеобщего благоденствия позволяло преодолевать экономическое отставание и бедность. Проводилось перераспределение продуктов между регионами и отраслями, с тем чтобы преодолеть отставание северных и внутренних (восточных) регионов Норвегии. Норвежское государство сосредоточило в своих руках стратегически важные и капиталоемкие отрасли народного хозяйства.

Всего в Норвегии 80 компаний находятся в государственной собственности, большая часть которых находятся в ведении Министерства торговли и промышленности. Государственные предприятия сосредоточены в следующих отраслях хозяйства: ТЭК («Статойл», «Норск гидро»), телевизионная связь («Теленор»), почта («Постен Норге»), железные дороги, авиаперевозки (САС), производство и распределение электроэнергии («Статскрафт»), лесное хозяйство («Статског»), металлургия («Норск гидро»), торговля алкогольными напитками, банковские услуги («Коммуналбанкен»), добыча каменного угля («Стуре Норске Шпицберген Кулькомпани») и т.д.

Крупные финансовые активы государства накопились в Государственном нефтяном фонде, размеры которого сопоставимы с ВВП страны. Регулирование нефтегазового сектора опирается на государственное предпринимательство, законодательство, лицензионную систему, специальное налогообложение и специальные финансовые инструменты. (Подробнее об этом см. раздел 3.4.)

В середине 1990-х гг. в Норвегии была отменена государственная монополия на телесвязь, торговлю алкоголем, зерном и медицинскими препаратами. Бóльшая часть производства электроэнергии продолжает сохраняться в руках государства, а распределение кон-

тролируется норвежскими муниципалитетами. Государственная собственность в Норвегии рассредоточена между разными отраслями, от добывающей промышленности до современных средств телевизионной связи. Акции шести крупнейших государственных компаний котируются на фондовой бирже, а их стоимость достигает 40% стоимости всех акций, обращающихся на фондовой бирже Осло. 90% капитала компаний, которые находятся под контролем Министерства торговли и промышленности Норвегии, приходится на четыре крупнейшие государственные компании: «Норск гидро», «Статкрафт», «Теленор» и «Ден Норске Банк». Начиная с 2002 г. Министерство торговли и промышленности Норвегии публикует доклады о результатах деятельности государственных компаний.

Особенно сильные позиции у норвежского государственного капитала в нефтегазовом секторе. Государственное участие осуществляется в двух формах:

— непосредственное ведение добычи нефти и газа при помощи государственных компаний («Статойл АСА» — государственный пакет после первого этапа приватизации составил 81,7%, «Норск гидро АСА» — государственный пакет 44% акций, а также «Петро АС» и «Гасско АС», которые принадлежат государству на 100%);
— финансовое участие в деятельности частных компаний, занимающихся добычей углеводородов. Для этого в Норвегии был создан специальный финансовый инструмент «Стэдифин» (Стейт директ файненшл интерест — СДФИ), который позволяет норвежскому правительству получать долю от доходов тех частных компаний, которым было предоставлено право на добычу нефти и газа на норвежском морском шельфе. В настоящее время в результате приватизации 2001–2002 гг. 21,5% СДФИ перешло в частные руки. В Норвегии принято решение слить подразделение «Норск гидро», которое занимается нефте- и газодобычей, с компанией «Статойл», что позволит увеличить концентрацию нефтяного капитала и, соответственно, инвестиционные возможности этой компании.

Вся государственная собственность в нефтегазовом секторе Норвегии находится в ведении Министерства нефти и энергии. В стране был создан государственный Нефтяной фонд Норвегии[1], средствами

[1] Ныне Фонд переименован в Государственный пенсионный фонд Норвегии.

которого управляет Министерство финансов через Банк Норвегии, но направления расходования средств определяет правительство после консультаций с парламентом, и оно обязано регулярно отчитывается о работе фонда. (Подробнее см. раздел 3.4.)

Норвежское население твердо сохраняет приверженность курсу на социальное государство. В 1999 г. шесть профсоюзов Норвегии объединились в поддержку социального государства против приватизации, дерегулирования и проведения неолиберальной политики. Затем к ним присоединилось еще 20 национальных профсоюзных организаций. Таким образам движение в поддержку социального государства является в Норвегии самым массовым, объединяющим около 1 млн рабочих и служащих (что составляет более 50% всей рабочей силы страны). Поэтому совершаемая в стране приватизация под давлением требований, вытекающих из присоединения Норвегии к ЕЭП, совершается медленнее, чем в других странах североевропейского региона. В настоящее время в Норвегии не планируется проведения масштабной приватизации.

Частный сектор в Швеции занимает преобладающие позиции, а доля государственной собственности резко сократилась с 26% ВВП в 1982-е гг. до 5,5% государственных доходов[1]. Численность государственных компаний в стране за эти годы упала с 1777 до 55, а численность занятых сократилась до 190 тыс. человек[2]. В Швеции частная собственность сочетается с государственной, кооперативной и коммунальной (муниципальной). Государственная собственность очень разнообразна, но если раньше она была представлена и в производственном секторе, и в секторе услуг, то после приватизации производственный сектор сжался. Однако шведское государство все еще имеет сильные позиции в экономике страны: государственная компания «Ваттенфалль» производит электроэнергию; телевизионная связь осуществляется через «Телиа Сонера», которая находится частично в государственной собственности; большая часть государственных лесов в Швеции принадлежит государственной компании «Свеаског» и т.д.[3]

Так же как и в Норвегии, в Швеции государство является крупнейшим собственником акций, включенных в оборот на фондовой бирже.

---

[1] Heritage Foundation (Wall Street Journal), Index of Economic Freedom 2007; Privatization Barometer.

[2] Privatization Barometer; Annual Report State-owned Companies. 2005. N 6022. 22.08.2006/ Regeringskanslet.

[3] См.: Annual Report State-owned Companies 2002. Regeringkansliet, Stockholm. 2003; Verksamgetber Helse f r f retag med statlig gende. 2006. Stackgolm. Regeringskansliet. 2007.

Среди тех 55 компаний, которые ныне находятся в собственности шведского государства, 28 компаний имеют оборот свыше 500 млн шведских крон, в том числе 8 — свыше 10 млрд крон, а 12 шведских государственных предприятий или предприятий с государственным участием входят в число 100 крупнейших предприятий страны, а именно такие компании как: «Телиа Сонера», САС, «Мерита-Нордбанкен», «Ваттенфалль», «Свеаског», «Постен», «Апотекет», «Сустемболаг», «Статенс Ернвагар», «Цельсиус», «Свенска спиль», «Самхалль». Более 80% совокупного оборота всех государственных компаний Швеции приходится на пять крупнейших компаний: «Ваттенфалль», САС, «Телиа Сонера», «Апотекет», «Постен». В Швеции курируют деятельность государственных предприятий шесть министерств, но созданное в 1969 г. Министерство промышленности координирует их деятельность. С 1981 г. риксдаг утверждает отчеты о деятельности государственных предприятий.

В течение 1990-х гг. в Швеции происходит поворот от политики расширения государственного сектора к его сокращению. Риксдаг принимает решение полностью или частично приватизировать 35 государственных компаний, а также ликвидировать государственный холдинг «Форвалтнингсакциеболагет Фортиа». Государственная энергетическая компания «Ваттенфалль» была преобразована в акционерное общество «Ваттенфалль АБ», а также происходит отделение электрораспределительной сети и на ее основе образуется новая государственная компания «Свенска Крафтнет». Государство продает 75% акций «Постен» группе «Цельсиус», и таким образом ликвидируется государственная монополия на почтовые отправления, затем прекращается государственная монополия на торговлю алкогольными напитками; начинается конкуренция на рынке электроэнергии.

Происходят слияния в банковской сфере и в сфере телекоммуникаций Швеции. На базе трех шведских министерств образуется одно — Министерство промышленности, занятости и коммуникаций, которое управляет большей частью шведской государственной собственности. В настоящее время в Швеции в государственной собственности продолжает находиться 55 компаний[1], из которых 42 находятся в его полной собственности. На этих компаниях работает около 190 тыс. человек. Таким образом, государство продолжает оставаться в Швеции крупнейшим работодателем, а также крупнейшим собственником акций.

---

[1] http://www.privatisationbarometer.net/atlas.

Водоснабжение в Швеции традиционно осуществляется компаниями, которые находятся в собственности шведских муниципалитетов. Эти компании снабжают 90% населения страны высококачественной водой как в городах, так и в сельской местности. Очистка сточных вод тоже производится муниципальными предприятиями, так как в Швеции водоснабжение и очистка сточных вод объединены в одном предприятии. Однако с началом 1990-х гг. стали производить приватизацию некоторых таких предприятий.

Финское государство сохраняет в своей собственности 55 компаний. Государство имеет возможность контролировать железные дороги («Валтиораутатиет»), авиаперевозки («Финнэйр»), нефтеочистительные заводы («Несте»), производство электроэнергии («Иматран Войма»). В настоящее время проводится политика приватизации. Позиции государственного капитала продолжают оставаться сильными в энергетике («Фортум», «Иматран Войма»), оборонной промышленности («Финнярд», «Кемира», «Финавитек»). Почта и железные дороги продолжают оставаться на 100% в руках государства.

Так же как и в Швеции, значительно развитый государственный сектор финляндской экономики, подвергся значительному сжатию: с 22% ВВП страны он был уменьшен приватизацией до 3% государственных доходов[1]. Начиная с 1992 г. в Финляндии было передано в частные руки 13 компаний, в полной собственности государства осталось 27 компаний, в четырех государство владеет контрольным пакетом, а в восьми оно является миноритарным владельцем. На государственных компаниях всех типов собственности работает около 200 тыс. человек.

Проведение приватизации поддерживает ЕС, ВТО, Всемирный банк и МВФ. В рамках ВТО, как известно, были проведены переговоры по торговле услугами (ГАТС), который открыл государственный сектор для конкуренции с частными компаниями. Процессы дерегулирования экономики в Дании, Швеции и Финляндии путем проведения приватизации являются в значительной мере результатом влияния принятия в ЕС так называемой Лиссабонской стратегии (2000), когда было принято решение о превращении ЕС в самую динамичную и конкурентоспособную экономику.

---

[1] См.: Heritage Foundation (Wall Street Journal), Index of Economic Freedom 2007; Privatization Barometer.

2.1.2. Политика приватизации

В 1990-е гг. по Северной Европе прокатилась волна либерализации экономической политики и хозяйственной жизни, а также приватизации значительной части государственной собственности. Приватизация осуществлялась, как правило, более интенсивно в тех странах, в которых государственная собственность ранее была более развита.

Таблица 2.6

Приватизация в странах Северной Европы

Страны	**Доход от приватизации в 1990–2000 гг., % ВВП 2000 г.**	**Инвестиции в государственные предприятия, % от общих инвестиций за 1978–1991 гг.**
Дания	2,9	13,5
Норвегия	1,7	22,7
Финляндия	6,6	–
Швеция	5,7	16,0
ЕС (15)	4,2	–
ОЭСР	0,2	–

Источник: Schneider Fr. *Privatization in OECD countries.* OECD. 20.08.2003. P. 9.

Поскольку приватизация является политически острым и экономически высоко значимым вопросом, то вокруг нее ведется много споров, поэтому рассмотрим доводы за и против ее проведения. Обычно в качестве доводов за проведение приватизации приводят следующие:

1) Госпредприятия требуют субсидий и капиталовложений из государственного бюджета, что может вызывать его дефицит.
2) Ликвидация государственной собственности усиливает конкуренцию.
3) Господствующая ныне на Западе неолиберальная доктрина требует минимизации роли государства в экономических про-

цессах. ОЭСР, ВТО, МВФ рекомендуют снижать долю государственной собственности и проводить приватизацию, а соглашение о ЕЭП[1] прямо обязывает проводить либерализацию экономики.

4) В Лиссабоне Европейский совет принял критерии конвергенции, которые означают, что дефицит госбюджета должен быть не более 3%, а государственный долг не более 60% ВВП. Поэтому многие правительства стали продавать государственную собственность, чтобы достичь соответствия этим критериям.
5) Старение населения и рост безработицы вызывают увеличение социальных расходов, что ведет к усилению давления на госбюджет.

Таким образом, можно суммировать, что причиной приватизации на Севере Европы являются не столько внутренние факторы, сколько внешние, связанные с развитием глобализации и интеграции.

Наряду с этим выдвигаются серьезные доводы против приватизации:

1) Отмечаемая сторонниками приватизации неэффективность государственной собственности во многом носит ложный характер, так как государственные предприятия часто не имеют возможности свободно повышать цены на свою продукцию так, как это делают частные предприятия, поскольку они должны оказывать социальную поддержку своим клиентам — гражданам социального государства.
2) Частные предприятия, создаваемые на основе приватизации, меньше зависят от экономической политики государства, но зато они впадают в зависимость от финансовых рынков.
3) Приватизация ведет к сокращению занятости и росту цен на продукцию бывших государственных предприятий.
4) Приватизация часто ведет к передаче соответствующих предприятий в руки частных монополий, что ведет к снижению, а не повышению конкуренции.
5) Когда сужается госсектор, а частный сектор, как правило, не в состоянии поглотить всю высвобождаемую им рабочую силу, то это ведет к увеличению численности безработных, нуждающихся в социальной поддержке.

---

[1] ЕЭП — европейское экономическое пространство.

Рассмотрим теперь национальные особенности процессов приватизации государственных компаний в отдельных странах Северной Европы.

Таблица 2.7

Приватизация государственных предприятий в Европе в 1990–2000 гг.

	Масштабы приватизации (доля доходов от приватизации в % по отношению к ВВП в 2000 г. за период 1990–2000 гг.)	**Инвестиции в государственные предприятий к общему объему инвестиций (принят за 100%) в 1978–1991 гг.**
Австрия	3,9	6,2
Бельгия	3,0	8,8
Великобритания	4,9	11,0
Германия	1,1	11,6
Греция	8,8	17,9
Дания	2,9	13,5
ЕС (15 стран)	4,2	–
Ирландия	7,2	–
Испания	5,3	10,7
Италия	8,2	12,5
Люксембург	–	–
Нидерланды	2,7	8,1
Норвегия	1,7	22,7
Португалия	20,2	16,6
Турция	4,3	35,7
Финляндия	6,6	–
Франция	4,2	14,5
Швейцария	1,3	–
Швеция	5,7	16,0

Источник: Документ ОЭСР от 20.08.2003. C:\Privatization OECD corr.doc.

В отличие от других североевропейских государств, в Дании государственная собственность не получила широкого развития, так как в этой стране рано сложилась открытая внешнему миру экономическая система, основанная на высокой экспортной специализации. В датской экономике всегда преобладали малые и средние предприятия, которые не

имело смысла передавать в государственные руки. В государственной собственности находились только несколько портов и железные дороги. Увеличение государственной собственности было обусловлено переходом к социальному государству в 1960–1970-е гг., а также началом добычи нефти и газа на континентальном шельфе. Однако со временем из-за увеличения давления на государственный бюджет социальных расходов было признано необходимым провести реформы, частью которых явилась приватизация. Приватизацию начало социал-демократическое правительство, на первом этапе она происходила путем реорганизации государственных предприятий в акционерные компании. Так, например, Национальная почтовая служба была преобразована в «Пост Денмарк АС». Приватизация сопровождается сопротивлением профсоюзов, так как она, как правило, ведет к сокращению занятости. В 1993 г. был приватизирован государственный «Жиробанк», который слился с «Бикубанк» и преобразован в «БГ Банк». В 2001 г. приватизации подверглась компания, которая является частью датской железнодорожной группы компаний — «ДСБ Гудс», а в 2005 г. — датская почта «Пост». Намечены к приватизации следующие объекты: компания телевизионного вещания «ТВ2», паромный перевозчик «Скандлайнс», нефтедобывающая компания «Донг», возможно будет продан датский пакет интерскандинавской компании авиаперевозок САС.

Затем в частные руки в 1994–2000 гг. был передан несколькими порциями аэропорт Копенгагена, в государственном владении остается пакет в 39,2% акций. Самой крупной приватизационной сделкой Дании явилась продажа 48% акций «Теледенмарк», которая ранее была монополистом на рынке коммуникаций в стране, в настоящее время компания уже полностью приватизирована. В 2001 г. полностью была приватизировано подразделение «Дэниш Рейлуэйз Груп» — «ДСБ Гудс» — крупнейшая в Дании транспортная компания.

В Дании в 1990-е гг. была приватизирована государственная компания в области телевизионной связи, автобусное сообщение, пароходная компания, почтовый банк, компания водоснабжения, аэропорт в Копенгагене. В государственной собственности остаются почта, железные дороги, добыча нефти и газа. Приватизация государственных предприятий в Дании продолжается, в частности предполагается продажа части акций следующих компаний: «Пост Денмарк», «Донг АС», «ТВС», «Скандлайнс», энергетической компании «Элсам А/С»[1]. Датское правительство заявило о намерении

[1] См.: Danish Financial Supervising Authority. Copenhagen Stock Exchange. Ministry of Finance SOE Portfolio. www.dst.dk.

продать государственный пакет акций авиационной компании САС, если то же самое сделает шведское правительство, которое пока отложило этот вопрос.

В Исландии в 1990-е гг. проводилась политика приватизации государственных компаний, особенно активно с 1995 г. Приватизировано два банка, телекоммуникационная компания «Телеком». В 2003 г. в частные руки перешел ряд компаний по оказанию общественных услуг стоимостью 600 тыс. евро. Всего с 1992 по 1995 г. было приватизировано 26 государственных предприятий, стоимость которых соответствует 4% ВВП этой страны.

Норвегия ныне вышла на 1-е место на Севере Европы по размерам государственного сектора, хотя до приватизационной волны, развернувшейся на рубеже веков, лидером была Швеция. Были подвергнуты частичной приватизации крупнейшая нефтедобывающая компания «Статойл» и телекоммуникации. Государственная собственность в Норвегии на начало столетия достигала 17% ВВП страны; в настоящее время ее доля — лишь 14% государственного бюджета[1] и она насчитывает 52 предприятия, с годовым оборотом свыше 1 трлн норвежских крон[2]. В собственности государства находится 30% акций, которые котируются на фондовой бирже в Осло.

За 1980–1990 гг. было подвергнуто реформированию 50 государственных предприятий в Норвегии[3], на рубеже двух веков было приватизировано еще 19 предприятий, главным образом в обрабатывающей промышленности. Тем не менее, государственный сектор остается очень сильным в этой стране. Одновременно с приватизацией произошла отмена государственной монополии на некоторые виды деятельности, а именно на телевизионную связь; на радио и телевизионное вещание; на оптовую торговлю зерном и медицинскими препаратами, на торговлю алкогольной продукцией. В настоящее время в Норвегии не планируют масштабной приватизации, так как, по словам министра торговли и промышленности Норвегии Дага Терье Андерсена «государственная собственность имеет важное значение. Она обеспечивает эффективное использование общих природных ресурсов и сохранение в национальной собственности важнейших компаний»[4].

---

[1] Heritage Foundation (Wall Street Journal), Index of Economic Freedom 2007.

[2] Regulation, Productivity and Growth: OECD Evidence. Economic Department Working paper No 437. By G. Nicoletti and S. Scarpetta. 13.01.2003. P. 23–24; State's Ownership Report for 2006.

[3] Reforming Public Enterprises — Case Studies: Norway by Roger Josevold. Statkonsult. OECD. 1998. P.13.

[4] Government's Ownership Policy. Ministry of Trade and Industry of Norway, 13.06.2007.

Государственная собственность в Норвегии является высокодоходной и эффективной, например в 2006 г. те государственные компании, акции которых котируются на бирже, принесли доход в 30%. Норвежское государство ставит перед государственными компаниями наряду с краткосрочными и долгосрочные цели. Например, от них требуется соблюдать этические стандарты, уважать экологические требования, соблюдать социальные требования, не допуская неоправданного повышения заработной платы (что особенно важно в отношении высшего руководства компаний), а также выдерживать конкуренцию на рынке с другими компаниями, которые работают на обычных рыночных условиях. Стратегия в отношении государственной собственности в Норвегии разрабатывается с учетом разбивки всех компании, которые находятся в государственной собственности, на четыре категории:

— компании с коммерческими целями;
— компании с коммерческими целями, штаб-квартиры которых должны оставаться внутри страны;
— компании, которые помимо коммерческих целей имеют другие специфические цели;
— компании, которые имеют отраслевое значение.

Если рассматривать в международном плане, то в Норвегии приватизация происходит менее интенсивно, чем в других странах Северной Европы или в ЕС. По данным ОЭСР, приватизация в Норвегии за 1992–2000 гг. произошла в объеме 1,7% ВВП за 2000 г. по сравнению с 2,9% в Дании; 5,7% в Швеции; 6,6% в Финляндии и 20% в Португалии[1]. Норвежское государство продолжает сохранять ведущие позиции во многих областях (например, в энергетике). В отличие от других североевропейских стран Норвегия отказалась от проведения масштабной политики приватизации, так как целью ставится не столько сокращение государственной собственности путем передачи предприятий в частные руки, сколько совершенствование управления государственной собственностью при сохранении контроля над стратегическими секторами экономики. В государственной собственности остается производство электроэнергии («Статкрафт СФ» — 100%, «Норск гидро» — 51%), почта («Постен Норге БА»), железные дороги (НСБ); оптовая торговля лекарствами, сохраняется государственный контроль над банковскими услугами («ДНБ/Постбанкинг» — 60%;

[1] См.: Privatization in OECD Countries: Theoretical Reasons and Results Obtained. Friedrich Schneider, 20.08.2003. C:\Privatisation OECD corr.doc.

банк «Кристиания» — 34,7%), телекоммуникациями («Теленор/Телиа» — 40%), авиаперевозками (САС Норге АСА — 14,3%). В ходе частичной приватизации компании «Статойл» контрольный пакет был сохранен за норвежским государством. В 2001 г. под давлением требований со стороны ЕС, который через ЕЭП распространяет на Норвегию требования Европейского союза либерализировать рынок газа и электроэнергии, норвежский стортинг разрешил правительству провести частичную приватизацию компании «Статойл», ограничив пакет акций, который может быть передан в частные руки, в 1/3 от общего. В мае 2001 г. на продажу был выставлен первый пакет акций государственной компании «Статойл» размером в 18,2%. Акции этой компании были включены в листинг на биржах Осло и Нью-Йорка. Сразу после частичной приватизации «Статойл» была создана новая, полностью государственная компания для продолжения государственного контроля над нефтяным сектором — «Петоро АС» (ранее эту роль выполнял «Статойл»). «Петоро» создана специально для того, чтобы осуществлять контроль за «Статойлом» и «Стэдифином» (СДФИ). Одновременно была создана компания «Гасско АС» для транспортировки нефти и газа (ранее эту функцию выполнял также «Статойл»).

Норвегия сохраняет сильный государственный сектор, опираясь на следующие доводы:

1) Государственные предприятия позволяют сохранять качественные и дешевые общественные услуги, а также осуществлять государственную монополию в необходимых случаях (торговля алкогольной продукцией).
2) Государственная собственность позволяет сохранять национальный контроль над стратегическими отраслями (добыча топлива, финансы, освоение арктических территорий), а также над использованием природных ресурсов, имеющихся у страны.
3) Сохранение государственной собственности гарантирует, что штаб-квартиры будут размещаться в Норвегии, следовательно, эти компании будут платить налоги именно в Норвегии, а также использовать местный персонал. Приватизация, как правило, сопровождается сокращением занятости.

В 1994 г. государственная компания «Телеверкет» была преобразована в АО. Правительство продолжало регулировать рынок телекоммуникационных услуг через государственную компанию «Теленур». В электроэнергетике приватизация привела к разделению на «Статнетт» и «Статкрафт».

После вступления в действие соглашения о ЕЭП Норвегия была вынуждена преобразовать государственную монополию по торговле лекарствами «Норск Медисинальдепо» сначала в государственное АО, а затем продать 17% акций новой компании.

Приватизация часто влечет за собой рост цен на предоставляемые услуги. До 1983 г. в Норвегии было много коммунального жилья, теперь 75% населения проживает в собственных квартирах. Поскольку государственные субсидии на муниципальное жилье были устранены, стоимость аренды выросла на 35–40% за вторую половину 1990-х гг., а в столице — даже на 50%.

Государственные предприятия сыграли значительную роль в индустриализации Финляндии и в последующем ее переходе к постиндустриальному социально ориентированному обществу. Но на протяжении 1990-х гг. в стране было ликвидировано несколько государственных предприятий: государственное издательство, государственный компьютерный центр, центр картографии, Финский институт общественного управления и т.д.[1] Начало политике приватизации положило коалиционное правительство в 1993 г., но пришедшее ему на смену правительство левого центра во главе с П. Липпоненом продолжило приватизацию. Первыми были частично приватизированы компании «Оутокумпу», «Вальмет», «Раутаруукки». Затем были приватизированы: компания по производству электроэнергии, телекоммуникации, государственные компании, действовавшие в машиностроении и нефтепереработке, общественный транспорт в Хельсинки, а также частично — воздушное сообщение. В государственной собственности остаются оборонная промышленность, энергетика, почта, телекоммуникации (частично), розничная торговля алкогольными напитками. Частично были приватизированы следующие компании: «Финланд Телеком», бывшая «Сонера», ныне — «Телиа Сонера» (телесвязь), «Несте», (нефтепереработка и химия), «Кемира» (обрабатывающая промышленность), «Финнэйр» и «Финнлайнс» (транспортные перевозки), «Фортум» (энергетика), «Оутокумпу» (обрабатывающая промышленность), «Раутаруукки» (металлургия и металлообработка), «Сампо» и «Спонда» (финансовые услуги и торговля недвижимостью), «Стура Энсо» (лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность), «Валмет» (машиностроение). В этих компаниях финское государство сохраняет пакеты акций различного размера в диапазоне от 0,53% («Финнлайнс») до 55,78% («Финнэйр»).

---

[1] OECD Working Group on Privatisation and Corporate Governance of State-Owned Assets. 26.06.2003. P. 6.

Полностью была продана в частные руки компания «Оутокумпу Технолоджи», которая является владельцем ценных промышленных технологий. В 2004 г. финский парламент принял решение полностью приватизировать четыре финские компании («Телиа Сонера», «Спонда», «Метсо», «Стура Энсо»), снизить государственный пакет акций в двух компаниях («Раутаруукки», «Кемира»). Однако на 2007 г. все еще не было предложено программы дальнейшей приватизации.

Компания «Прималко» была отделена от сети магазинов «Алко» в целях последующей приватизации, и она ушла в руки компании «Алтия Груп». Общественный транспорт в Хельсинки, ранее находившийся в государственной собственности, ныне перешел в частные руки. В настоящее время политика приватизации идет по пути уменьшения государственного пакета акций в предприятиях: предполагается снизить размер государственного участия в «Оутокумпу» — с 39,6 до 10%, в «Раутаруукки» — с 40 до 20%, в «Кемира» — с 56,2 до 15%[1].

Несмотря на значительное сжатие государственного сектора экономики в Швеции после кризиса начала 1990-х гг. и последующего ее вступления в ЕС, государственный сектор продолжает сохранять значимые позиции. Масштабная приватизация была проведена с 1992 по 2001 г., а ее пик пришелся на 2000 г., когда состоялась самая крупная в Швеции приватизационная сделка по продаже 20% акций компании «Телиа АБ». Начало было положено решением риксдага, принятым в условиях кризиса начала 1990-х гг., приватизировать 35 из имеющихся на тот момент государственных компаний. Это решение в полном объеме еще не реализовано, так как в государственной собственности продолжает оставаться 55 компаний. Из них 41 компания полностью принадлежит государству, а 14 компаний — в частичной собственности. На государственных компаниях в Швеции трудится 190 тыс. человек. Доходность государственных предприятий в Швеции — высокая (27% по результатам девяти месяцев 2005 г.). Приватизация началась с реорганизации государственных организаций, оказывающих инфраструктурные и социальные услуги, в акционерные общества. Например, «Свидиш Форест сервис» была преобразована в «Асси Домайн АБ», «Свидиш Стейт Пауер Борд» — в «Ваттенфалль АБ», «Нэшнл Телекоммуникейшн Администрейшн» — в «Телиа АБ», а «Свидиш Пост» — в «Постен АБ».

В период с 1992 по 2001 г. были приватизированы компании в оборонной промышленности, энергетике, газо- и водоснабжении,

---

[1] По данным Министерства торговли и промышленности Финляндии, Минфина, Financial Supervision Authority, Privatisation Barometer, OECD.

банковской сфере. В 2006 г. была продолжена приватизация, в частности полностью приватизирована компания «Резидор Хотел Груп», а в 2007 г. продано 8% акций «Телиа Сонера». Предполагается продать в частные руки оставшийся пакет акций в 19,9% «Нордеа Банк» (и тогда он полностью станет частным банком), 6,7% акций оператора фондовой биржи «ОМЕКС», компанию по торговле алкогольными напитками «Вин энд Спиритус Груп», «Вазакронан» (торговля недвижимостью), «СБАБ» (ипотека). С авиационной компанией САС шведское правительство пока не собирается расставаться.

В результате приватизации к 2004 г. шведское правительство получило от приватизации 19,21 млрд долл. дохода, в том числе: 41% — от телекоммуникаций, 20% — от промышленных предприятий, 17% — от недвижимости и финансовых компаний, 15% — от коммунальных и общественных услуг, 5% — от социальных услуг, 2% — от транспорта[1].

Шведская телекоммуникационная компания «Телиа» была приватизирована. Ее акции котируются на Стокгольмской и Нью-йоркской фондовых биржах. В 2001 г. было объявлено о преобразовании государственной «Статенс Ернвагар» в акционерную компанию, которая в качестве материнской компании владеет шестью дочерними предприятиями по перевозке грузов, продаже билетов и перевозке пассажиров, обслуживанию подвижного состава, уборке и обслуживанию на терминалах, компьютерному обслуживанию и торговле недвижимостью.

Рассмотрим теперь соотношение частного и государственного сектора в отраслевом разрезе. Государственная собственность получила развитие в снабжении электроэнергией («Ваттенфалль» в Швеции, ИВО — в Финляндии, «Статкрафт» — в Норвегии); в водоснабжении (в Дании оно полностью обеспечивается государственными предприятиями; в Финляндии и Швеции — примерно на 90%)[2]. На государственных предприятиях в странах ЕС было занято в 1993 г. от 4 до 15% числа всех занятых в народном хозяйстве. Крайние позиции занимали, соответственно, Великобритания (4%) и Греция (15%). Североевропейские страны занимали промежуточные позиции: в Дании, например, 8% трудящихся работало на государственных предприятиях[3].

Политика приватизации или, напротив, расширения государственного сектора во многом определяется политическим выбором, а не

---

[1] http://www.privatisationbarometer.net/atlas.

[2] См.: David Hall. *Public Enterprise in Europe*. PSIRU. University of Greenwich. February. 1998. P. 5, 6, 15.

[3] Ibidem.

экономическими соображениями. Британский ученый Декстер Уайтфильд оценивает политику приватизации следующим образом: «Приватизация не только обедняет государственный сектор. Это — широкомасштабная стратегия, направленная на пересмотр государства всеобщего благоденствия и сужения социальных услуг, оказываемых государством в интересах капитала»[1].

Негативным следствием приватизации является то, что в ее результате бывшие государственные компании часто оказываются в собственности частных монополий. Например, британская частная компания «Бритиш Оникс» купила норвежскую государственную компанию по переработке отходов. Шведская частная компания «Линьебус» купила государственную компанию по автобусному сообщению. Датская частная фирма «Дэниш Кругер» приобрела датскую государственную компанию по водоснабжению. Но все эти три частные компании являются филиалами ТНК французского базирования «Вивенди»[2]. Приватизацию часто обосновывают необходимостью развития конкуренции, но фактически далеко не всегда эта цель достигается. Например, в Швеции в результате приватизации вместо нескольких сотен компаний автобусного сообщения три частные компании захватили контроль над 2/3 частями рынка автобусного сообщения.

Таблица 2.8

Доходы от приватизации стран Северной Европы в 1990–2000 гг.

Страны	Млн долл. США	% по отношению к итогу
Дания	5 404	14,6
Исландия	400	1,1
Норвегия	2 900	7,8
Финляндия	11 000	29,7
Швеция	17 295	46,7
Все страны Северной Европы	36 999	100

Источник: Recent Trend in Privatization: 2000. 01.07.2001. OECD.

[1] Dexter Whitfield. *Public Services or Corporate Welfare* (www.velferdsstaten.no/privatisation).

[2] См.: www.veefersstaten.no/globalisiring).

Самая широкая по масштабам приватизация была проведена на Севере Европы в тех странах, где она была ранее более развита, а именно в Швеции и Финляндии. Тем не менее североевропейские страны проводят социально и экономически взвешенную политику приватизации, и они не относятся к лидерам приватизационных процессов в ЕС.

2.2. Можно ли одолеть коррупцию? (опыт Финляндии)

Общепризнанно, что коррупция является одной из наиболее серьезных угроз не только для экономики и социального развития отдельных стран, но и для национальной и международной безопасности в целом. Как пишет известный финский специалист в этой области профессор Сеппо Тиихонен, сегодня, как никогда раньше, ясно, что безопасность и благосостояние народа зависит от хорошего правления, то есть способности политической власти управлять делами нации. Коррупция — это болезнь государственной власти и показатель плохого управления. Она подрывает принцип верховенства закона и ослабляет институциональные основы политической стабильности, социальное единство и затрудняет экономическое развитие[1].

Борьба с коррупцией ведется (хотя и, к сожалению, нередко просто декларируется) большинством государств мира. В последние годы в исследование причин коррупции и разработку методов ее предотвращения и преодоления включились многие международные и национальные правительственные и неправительственные организации, видные ученые. Причем, в отличие от недавнего прошлого, все больше внимания уделяется развитым промышленным странам.

В этом отношении представляет большой интерес коллективная монография Международного института административных наук (International Institute of Administrative Sciences) в Брюсселе, вышедшая в 2003 г. «История коррупции в центральных органах власти»[2]. В книге содержатся исследования, касающиеся девяти стран — Австралии, Бельгии, Германии, Греции, Италии, Канады, Нидерландов, Соединенных Штатов и Финляндии (особо следует отметить весьма содержательную статью о борьбе с коррупцией в Финляндией совет-

---

[1] Tiihonen Seppo. Central Government Corruption in Historical Perspective. The History of Corruption in Central Covernment. IOS Press. 2003. Amsterdam. P. 1.

[2] The History of Corruption in Central Government. IOS Press, Amsterdam, 2002.

ника комитета Парламента Финляндии по вопросам будущего Паулы Тиихонен)[1].

Однако в эффективном преодолении коррупции лишь немногим из государств удается добиться ощутимых результатов на практике. Среди них — страны Северной Европы, прежде всего Финляндия.

Влиятельная неправительственная международная организация «Транспаренси Интернешнл» («Transparency International») целью которой является противодействие коррупции в государственных органах, начиная с 1995 г., публикует Индексы восприятия коррупции (Corruption Perception Index)[2]. Согласно данным «Транспаренси Интернешнл», в 1995–1997 гг. Финляндия занимала 4-е место среди наименее коррумпированных стран мира, затем в течение последующих трех лет — 2-е, а в 2001 г. становится лидером и прочно удерживает эти позиции в международных рейтингах. Достижения Финляндии в борьбе с коррупцией подтверждаются и другими исследованиями, проводимыми указанной организацией, в частности Барометром мировой коррупции (Global Corruption Barometer) и Мировым индексом взяточников (Global Briber Index).

По десятибалльной шкале (10 баллов — полное отсутствие коррупции) по данным «Транспаренси Интернешнл» Финляндия в 2001 г. получила 9,9 балла (исследовались 102 страны), за ней шли Дания и Новая Зеландия, разделившие 2-е и 3-е места (9,5), на 4-м месте — Исландия и на 5–6-м — Швеция и Сингапур. Наиболее «чистой» по степени коррупции страной Финляндия остается и в последующие годы. Согласно данным, опубликованным в октябре 2004 г. (опрос на этот раз проводился в 146 странах) ее показатели составили 9,7 балла[3]. В шестерку наименее коррумпированных стран мира вошли также Новая Зеландия, Дания, Исландия, Сингапур и Швейцария (около 9 баллов). Заметим, что практически все страны Северной Европы вошли в десятку наименее коррумпированных стран. Россия за пять лет опустилась с 71-го на 90-е место (2,7 балла), по соседству с такими странами, как Кения, Камерун, Непал и Танзания.

Сейчас в Финляндии ежегодно рассматриваются три-четыре дела по обвинению во взяточничестве и столько же — взяткодательстве. Наибольший пик дел о взятках пришелся на первое послевоенное десятилетие и на 1980-е гг., когда страна вступила в полосу экономического

---

[1] Издание монографии в России несомненно привлекло бы внимание как экспертов, так и политиков.

[2] См.: www.transparency.org.

[3] См.: www.virtual.finland.fi. 21.10.2004.

кризиса. В 1945–1954 гг. были осуждены за получение взяток 549 лиц, в 1980–1989 гг. таких приговоров было вынесено 81, а в 1990-х гг. всего 38.

Интересно, что думают финны о коррумпированности различных государственных институтов. Барометр мировой коррупции за 2002 г. (опросы проведены в 44 странах) показывает, что на 1-е место они поставили бы политические партии (38%), суды (27,7%), лицензирование бизнеса (9,5%), медицинское обслуживание (6,2%), полицию (4,4%). Любопытно, что во многом эти приоритеты совпадают и с мнением опрошенных в России.

Кстати говоря, в Уголовном кодексе Финляндии само слово «коррупция» не упоминается. Вместо этого говорится о взяточничестве чиновников, за которое предусматривается наказание от штрафа до тюремного заключения до четырех лет, в зависимости от серьезности правонарушения.

В Финляндии фактически никогда не создавалось специального закона о коррупции или специальных органов для контроля за ней. Коррупция рассматривается как часть уголовной преступности и регулируется на всех уровнях законодательства, норм и других систем контроля. Так, коррупция всегда подпадала под действие Конституции, Уголовного кодекса, законодательства о гражданской службе, административных инструкций и других подзаконных актов. Особую роль играют этические нормы.

Контроль за соблюдением антикоррупционных норм и принятие мер, в случае их нарушения, осуществляют традиционные судебные и правоохранительные органы. Особую роль играют канцлер юстиции и омбудсман парламента (уполномоченный по конституционным и другим правам человека), которые назначаются президентом республики, но полностью независимы (в том числе, и друг от друга) в своей деятельности и имеют в распоряжении все инструменты и права, необходимые для проведения расследований и принятия мер. Канцлер юстиции осуществляет контроль за деятельностью всех ветвей и уровней государственной власти — так же как и «омбудсман» (за исключением депутатов парламента).

Для рассмотрения обвинений против высших должностных лиц особой категории (членов правительства, канцлера юстиции, омбудсмана парламента, членов Верховного или Административного суда) существует специальный институт — Государственный суд, который созывается *ad hoc,* то есть по мере необходимости, но действует на основании установленных Конституцией страны правил. Этот суд может также рассматривать обвинения против президента страны. Государственный суд возглавляется президентом Верховного суда, состо-

ит из председателя административного суда, надворного суда и пяти депутатов парламента, избираемых самим парламентом. Фактически это «суд импичмента», который может принимать решения об отстранении от должности лиц указанной категории. За послевоенную историю страны Государственный суд созывался только один раз.

От обвинений в коррупции и наказаний в Финляндии не спасают ни высокое положение, ни депутатские мандаты, ни общественная популярность. Вот несколько примеров.

В 1993 г., впервые за послевоенные десятилетия, был созван специальный Государственный суд для рассмотрения дела бывшего министра торговли и промышленности, депутата парламента от Партии центра Кауко Юхантало. Он обвинялся в том, что в бытность министром содействовал выдаче государственных гарантий для находящегося на грани банкротства одного из финских банков — взамен на получение, с помощью этого банка, кредитов для собственного бизнеса. В соответствии с решением Государственного суда Юхантало был лишен депутатского мандата. Правда, позднее он, будучи в своем округе весьма популярным политиком, был вновь избран в парламент.

В том же году в прессу просочились сведения, что бывший министр промышленности и торговли и депутат парламента, председатель Социал-демократической партии Ульф Сундквист также способствовал выдаче кредита под правительственные гарантии банку, в котором он имел собственный интерес и который находился на грани банкротства. Сундквист, обвиненный в преступлении (а он, кстати, считался одним из наиболее вероятных претендентов на пост президента Финляндии), подал заявление об отставке с поста председателя СДПФ. Позднее окружной суд Хельсинки приговорил его к выплате денежной компенсации за причиненный ущерб.

За последние 10 лет были уволены или сами ушли в отставку по юридическим или этическим мотивациям шесть членов правительства и 23 высших правительственных чиновников.

Следует особо отметить, что указанные случаи, а также ряд других (коррупция в фирмах «Салора», «Валко», «Ноппа», «Метро») стали широко известными благодаря выступлениям средств массовой информации, которые действительно играют в Финляндии роль эффективного инструмента гражданского контроля. В отличие от нас, власти этой страны прислушиваются к голосу СМИ и, как правило, реагируют на их выступления.

В борьбе с коррупцией Финляндия активно использует международно-правовые инструменты, сотрудничает с основными организациями и странами в этой области, приводит свое законодательство и

практику в соответствие с международными нормами и стандартами. Она подписала и ратифицировала основные документы, в том числе Конвенцию ЕС о борьбе с коррупцией 1997 г., Конвенцию ОЭСР 1998 г. по борьбе со взятками, конвенции Совета Европы 1999 г. по уголовному и гражданскому праву, касающиеся коррупции, Конвенцию ООН против коррупции, принятую в Мехико в декабре 2003 г.

Определенные сложности возникли с ратификаций антикоррупционных документов Совета Европы, действие которых распространяется не только на всех государственных служащих и судей, но и на членов парламента и ряде случаев требует внесения изменений в национальное законодательство. При обсуждении этого вопроса возникли разногласия. В комиссии финского парламента по конституционным делам высказывалось мнение, что при ратификации следует сделать оговорку о том, что конвенция по уголовному праву не распространяется на парламентариев, однако не все депутаты согласились с этим. Процесс затянулся на несколько лет, и только в конце 2002 г. Финляндия ратифицировала конвенцию.

Что все же главное в финском опыте борьбы с коррупцией? В целом нужно отметить, что было бы преувеличением говорить о какой-то специфической «финской модели» борьбы с коррупцией. Разумеется, имеется ряд законодательно-правовых особенностей, которые могли бы быть использованы и в России. Однако, как думается, главное все же — в «финской модели» социально-экономического развития, в формировании условий, которые не создавали бы питательной почвы для коррупции и которые, если бы не исключали ее (возможно ли это вообще?), то, во всяком случае, минимизировали это явление, делали возможной эффективную борьбу с ним.

2.3. Народное хозяйство стран Северной Европы: динамика и структура

В настоящее время страны североевропейского региона являются мировыми лидерами не только по качественным показателям своего экономического развития, но и по структурным параметрам, так как они являются лидерами в формировании общества, развитие которого основано на интенсивном использовании ресурсов научного знания и информации, опережая многие другие страны в структурном развитии. Их макроэкономические показатели — лучше, чем в зоне евро (за исключением высокой безработицы в Финляндии, которая, правда, ныне сократилась до среднего для ЕС уровня), а конкурентоспособ-

ность — выше. Однако их экономическое развитие, так же как и других стран Западной Европы, является неравномерным в хронологическом, отраслевом и пространственном отношении. Наиболее высокие темпы роста наблюдались до 1970-х гг., затем они снизились, вторая половина 1990-х гг. характеризуется улучшением динамики по сравнению с первой половиной. Ранее отставшие от своих соседей по региону по уровню жизни и степени социальной защиты Норвегия и Финляндия заметно улучшили свои показатели. Ныне именно Норвегия превратилась в лидера региона по уровню экономического развития — ранее эту роль выполняла Швеция. Характерно, что Норвегия ныне опередила свою бывшую метрополию по уровню экономического развития и благосостояния. Швеция, которая в начале 1970-х гг. занимала 4-е место в мире по уровню жизни, ныне входит во 2-ю десятку стран, но сейчас тенденция ее развития меняется, в последние годы она ускорила свое развитие и ныне она развивается быстрее, чем ЕС в среднем. В 2002–2003 гг. в регионе произошло сокращение темпов роста экономики до минимальных величин, составляющих менее 1%.

Таблица 2.9

Динамика экономического роста и уровня жизни в странах Северной Европы 1900–2005 гг.

	ВВП в млрд долл. (по ППС)				ВВП на душу населения в тыс. долл. (по ППС)			
Годы	**Дания**	**Норвегия**	**Финляндия**	**Швеция**	**Дания**	**Норвегия**	**Финляндия**	**Швеция**
1900	11	6	6	20	4,2	2,7	2,2	3,8
1913	17	9	9	27	5,7	3,8	3,0	4,8
1929	22	14	14	36	6,3	5,0	4,1	5,9
1938	26	18	20	45	6,8	6,0	5,4	7,1
1950	36	29	25	56	8,4	8,3	6,1	7,8
1960	49	42	33	79	10,4	11,4	7,5	10,3
1970	79	65	55	123	15,8	16,7	11,5	15,0
1980	100	72	80	143	19,6	17,6	16,3	17,2
1990	120	92	109	180	23,1	21,4	21,8	20,5
2000	146	128	134	216	27,5	29,1	25,3	24,2
2005	186,3	199,5	164,6	295,1	34,4	43,2	31,4	32,7

Источник: МЭиМО. 2001. № 9. С. 94, 98; OECD in Figures 2006–2007. OECD Observer, 2006, Suppl. 1.

Население пяти стран Северной Европы выросло с 21,74 млн человек в 1970 г. до 24,93 млн в 2007 г.[1] Прирост составил 14% за 35 лет или 0,4% в год. 37% людского потенциала приходится на Швецию, 22% — на Данию, 21% — на Финляндию, 19% — на Норвегию и 1% — на Исландию[2]. Население стран Северной Европы составляет около 8% общей численности населения Европейского союза[3].

По уровню жизни Северная Европа опережает ЕС. В 2007 г. ВВП (на душу населения) в Норвегии достиг 55 600 долл., в Исландии — 39 400 долл., в Дании — 37 400 долл., в Финляндии — 35 500 долл., в Швеции — 36 900 долл. (по ППС), что превышает средний уровень ЕС[4]. Причина более высокого уровня экономического развития — высокая степень развития специализации на производстве и экспорте промышленной продукции с высокой долей стоимости, прибавленной обработкой, особенно наукоемкой продукции, достижению которой способствуют некоторые особенности модели социально-экономического развития стран этого европейского региона. По уровню экономического развития и благосостояния в североевропейском регионе в настоящее время на 1-е место вышла Норвегия, на 2-м — Исландия, на 3-м — Дания, на 4-м — Швеция, а на 5-м — Финляндия.

Таблица 2.10

Рынок труда в странах Северной Европы в 2000–2005 гг.

	Дания	Исландия	Норвегия	Финляндия	Швеция
Занятость, % к общей численности населения					
2000	76,7	86,6	77,8	66,9	74,2
2004	76,2	82,8	75,4	67,2	73,5
2005	76,5	84,4	75,2	68,0	73,9
Безработица, % к численности трудоспособного населения					
2000	4,6	2,3	3,5	9,8	4,7
2004	5,6	3,1	4,5	8,9	5,5
2005	4,9	2,7	4,7	8,5	6,0

[1] Nordic Statistical Yearbook. 2007. Vol. 45.
[2] Ibid.
[3] Ibid. P. 8.
[4] CIA — The World Factbook. 2007 (www.cia.gov).

Продолжение таблицы 2.10

	Дания	Исландия	Норвегия	Финляндия	Швеция
Занятые в программах переобучения и повышения квалификации, % к численности трудспособного населения					
1999	3,6	1,6	0,4	3,9	4,6
2003	2,7	4,9	0,6	3,1	3,4
2004	2,7	–	0,7	3,2	3,8

Источник: Nordic Statistical Yearbook. 2001. Vol. 39. P. 116, 150, 152; 2005. Vol. 43. P. 106, 142, 144; 2006. Vol. 44. P. 106, 142, 144.

Все страны Северной Европы, кроме Норвегии, пережили экономический кризис в начале 1990-х гг., и это отразилось на всех макроэкономических показателях, в том числе на безработице. Наиболее глубоким экономический кризис (и, соответственно, безработица) был в Швеции и Финляндии, а пик безработицы пришелся на 1993–1994 гг. Начиная с 1995 г. начался экономический подъем. В Финляндии уровень безработицы вырос до 16% в 1994 г., но в 2000-е гг. он сократился до среднего для ЕС уровня.

Поскольку в 1990-е гг. безработица выросла во всех европейских странах, включая североевропейские государства, если сравнивать с периодом 1960–1980-х гг., то борьба за повышение занятости превратилась в один из важнейших приоритетов социально-экономической политики. Особенно важен этот приоритет для североевропейских государств, так как они развиваются по социально ориентированной модели. Один из способов преодоления высокой безработицы связан с созданием информационного общества. Он состоит в привлечении временно свободной рабочей силы к обучению на курсах повышения квалификации или переквалификации кадров, в том числе новым профессиям, связанным с применением новых информационных технологий. Другой способ — это временный уход с рынка труда по семейным обстоятельствам для ухода за маленькими детьми, больными родственниками или престарелыми, третий способ — оформление более раннего выхода на пенсию[1]. В случае отсутствия таких программ, существование которых обусловлено социальной ориентацией развития, эти люди влились бы в ряды безработных, почти удваивая ее уровень.

[1] В этом случае пенсия устанавливается на более низком уровне, чем по достижении нормального пенсионного возраста.

Таблица 2.11

Численность людей на курсах повышения квалификации

	Тыс. человек	Тыс. человек	% общей численности рабочей силы	% общей численности рабочей силы
	1995	**2005**	**1995**	**2005**
Дания	110,9	70,2	4,0	2,5
Норвегия	48,6	13,2	2,2	0,5
Финляндия	103,7	79,5	4,2	3,0
Швеция	275,1	186,0	6,1	4,1

Источник: Nordic Statistical Yearbook. 2001. Vol. 39. P. 116; 2007. Vol. 45. P. 107.

Как известно, динамика безработицы тесно связана с общеэкономической динамикой.

Таблица 2.12

Динамика производства ВВП в 1990–2005 гг. на Севере Европы (1995=100)

	Дания	Исландия	Норвегия	Финляндия	Швеция
1990	90,7	97,6	83,4	103,4	–
1991	91,7	98,3	86,0	97,0	–
1992	92,3	95,0	88,9	93,7	–
1993	92,3	95,6	91,3	92,7	92,6
1994	97,3	99,9	96,3	96,3	96,4
1995	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1996	102,5	105,2	104,9	104,0	101,1
1997	105,6	110,2	109,8	110,6	103,2
1998	108,4	116,2	113,6	115,7	107,5
1999	111,2	121,2	116,1	120,2	112,4
2000	115,1	126,2	119,3	126,2	117,2
2001	115,9	131,0	122,6	129,6	118,5
2002	116,5	129,7	124,0	131,7	120,9
2003	117,3	133,6	125,4	134,0	122,9

Продолжение таблицы 2.12

	Дания	Исландия	Норвегия	Финляндия	Швеция
2004	119,5	144,6	129,2	138,0	127,5
2005	123,5	152,6	132,2	140,8	131,0
1995–2005	+23,5	+52,6	+32,2	+40,8	+31,0

Источник: Nordic Statistical Yearbook. 2001. Vol. 39. P. 193; 2006. Vol. 44. P. 187.

Все страны Северной Европы в начале 1990-х гг. столкнулись с экономическим кризисом (кроме Норвегии), но глубина падения производства и рост безработицы были выражены в разной степени. Сильнее всего кризис проявил себя в Швеции и Финляндии, наиболее стабильно в период с 1990 г. по настоящее время развивалась экономика Норвегии. После 1993 г. улучшение ситуации отмечается во всех странах Севера Европы. Максимальные темпы прироста для североевропейского региона на протяжении 1990-х гг. наблюдались в Норвегии, Финляндии и Исландии, менее динамично росла экономика Швеции и Дании *(см. табл. 2.12)*.

Таблица 2.13

Индекс промышленного производства в 1990–2005 гг. (1990=100)

	Дания	Исландия	Норвегия	Финляндия	Швеция
1990	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1991	100,8	101,6	105,2	89,0	95,3
1992	102,4	98,8	112,0	89,4	91,9
1993	99,2	97,9	114,4	93,9	91,4
1994	107,7	100,8	123,0	105,0	102,6
1995	113,8	102,4	130,7	111,3	114,7
1996	111,7	109,0	137,8	115,5	117,5
1997	119,7	112,9	144,8	125,4	125,6
1998	120,0	115,4	141,5	135,8	134,1
1999	122,5	120,5	140,9	145,6	144,8
2000	127,3	127,9	146,3	163,7	156,5
2001	127,0	132,5	149,0	171,7	154,1
2002	124,4	132,6	149,2	178,0	161,1

Продолжение таблицы 2.13

	Дания	Исландия	Норвегия	Финляндия	Швеция
2003	121,3	134,8	149,5	182,6	165,6
2004	119,2	142,7	152,4	190,6	181,0
2005	119,6	143,9	152,4	165,8	185,6
1990–2005	+19,6	+43,9	+52,4	+65,8	+85,6

Источник: Nordic Statistical Yearbook. 2006. Vol. 44, 258.

Развитие промышленного производства в странах северной Европы на протяжении 1990-х гг. происходило менее плавно, если сравнивать с изменением валового внутреннего продукта (ВВП). Наиболее быстро выросло промышленное производство в Швеции и Норвегии. Падение производства промышленной продукции имело место в Дании в 1993, 1996 и 2001–2005 гг., в Финляндии в 1991–1993 гг. и 2005 г., в Исландии в 1992–1994 гг., в Норвегии — 1998–1999 гг.; в Швеции в 1991–1993 гг. и 2001 г.

Асинхронность циклов промышленного развития стран Северной Европы объясняется различием структуры их производства и экспорта, определяющим их место в системе международного разделения труда. В период с 1990 г. по настоящее время усилилась зависимость их экономического развития от конъюнктуры мирового рынка, так как заметно выросла открытость экономики этих стран и углубилась специализация. Выросло влияние иностранного капитала на их экономическое развитие, усилилось переплетение процессов производства и зависимость от спроса зарубежных стран на производимую ими промышленную продукцию.

2.3.1. Структурный аспект экономического развития

Информационное общество в будущем уступит
место "обществу мечты", в котором на цену товаров
и услуг будет влиять их "эмоциональная ценность"».
Рольф Енсен,
директор Института исследований будущего, Копенгаген[1]

Экономическое развитие стран Северной Европы в эпоху информационного постиндустриального общества характеризуется уменьшением значения производственного сектора в пользу сектора услуг и информационного комплекса.

Таблица 2.14

Структура экономики стран Северной Европы в 2000–2005 гг.
(по численности занятых в народном хозяйстве, %)

		Дания	Исландия	Норвегия	Финляндия	Швеция
Сельское и лесное хозяйство, рыболовство	2000	3,2	8,0	4,1	5,9	2,4
	2005	2,8	6,3	3,3	4,6	2,0
Промышленность, включая энергетику	2000	17,5	16,3	15,2	21,2	19,1
	2005	15,5	14,0	13,8	19,3	16,1
Строительство	2000	6,2	6,7	6,5	6,4	5,4
	2005	6,4	7,7	6,9	6,6	5,9
Торговля, транспорт и связь	2000	24,8	25,3	25,9	22,5	22,0
	2005	24,3	24,5	25,0	22,8	21,6
Финансовый сектор, услуги для бизнеса	2000	12,4	12,8	11,3	12,3	14,1
	2005	13,9	13,6	12,3	13,4	14,3
Прочие услуги	2000	35,6	30,8	36,9	31,5	36,9
	2005	36,8	33,9	38,6	33,0	39,8
Итого, производство товаров	2000	26,9	31,0	25,8	33,5	29,3
	2005	24,7	28,0	24,0	30,5	24,0
Итого, производство услуг	2000	73,1	69,0	74,2	66,5	70,7
	2005	75,3	72,0	76,0	69,5	76,0

Источник: Nordic Statistical Yearbook. 2001. Vol. 39. P. 154; 2006. Vol. 44, 146.

[1] Цит. по: «Глобус» ИТАР-ТАСС. № 43 (0251). 22.10.1999.

Традиционно аграрный сектор наибольшую роль играл в Дании, там он раньше, чем в других странах региона, фактически превратился в отрасль промышленного производства в форме АПК. Численность занятых в сельском хозяйстве во всех североевропейских странах упала ниже 4%, за исключением Финляндии и Исландии (5 и 6% соответственно). Продолжаются процессы укрупнения производственных единиц в сельском хозяйстве. Наиболее интенсивно эти процессы происходят в Норвегии, менее интенсивно — в Швеции.

Таблица 2.15

Концентрация сельскохозяйственного производства в странах Северной Европы в 2000–2005 гг.

	Дания	Исландия	Норвегия	Финляндия	Швеция
Число с.-х. предприятий (ферм) в 2000 г. (численность)	54 541	4 277	64 684	78 434	80 119 (1999)
Число с.-х. предприятий (ферм) в 2005 г. (численность)	48 275	–	51 140	69 517	74 863
Уменьшение, %	11,5		21,9	11,4	6,8

Источник: Nordic Statistical Yearbook. 2001. Vol. 39. P. 243; 2006. Vol. 44. P. 240.

В экономике всех североевропейских стран преобладающей стала сфера услуг. Несколько отстают Финляндия и Исландия, которые вступили на этот путь чуть-чуть позднее. Поэтому доля производительного сектора экономики (то есть сельского хозяйства, промышленности и строительства, вместе взятых) выше всего в Финляндии и Исландии. Удельный вес услуг (то есть торговли, транспорта и связи) выше всего в Норвегии и Дании. Финансовые услуги более развиты в Швеции и Дании.

Таблица 2.16

Значение сектора информационных технологий (ИТ) в экономике стран Северной Европы в 1998–2005 гг.

	Дания*	Исландия	Норвегия	Финляндия	Швеция*
Изменение численности предприятий в секторе ИТ (%)					
	–27	–9	+33	+12	+25
Изменение численности занятых в секторе ИТ (%)					
	+4	+30	–2	+15	–10
Изменение общего оборота продукции в секторе ИТ (%)					
	+19	+134	+23	+100	+15

Источник: Nordic Statistical Yearbook. 2001. Vol. 39. P. 287–288; 2006. Vol. 44. P. 279–280; 2007. Vol. 45. P. 279–280.

* Данные за 2004 г.

Так как все страны Северной Европы вступили в фазу развития информационного общества, то их экономика специализируется на ряде отраслей информационного комплекса. В настоящее время такая специализация получила наиболее явное выражение в Швеции и Финляндии, где на эту отрасль приходится около 9% общей численности занятых в частном секторе. В Норвегии — самый низкий показатель среди этой группы стран, эта доля составляет 4,4%[1]. Большинство предприятий в этих странах имеет доступ в Интернет (от 91% в Норвегии до 98% в Финляндии)[2].

Страны Северной Европы лидируют по степени обеспеченности населения компьютерами, доступу в информационную систему Интернет и количеству мобильных телефонов. Это, с одной стороны, создает относительно широкий рынок сбыта для отечественных компаний, производящих соответствующую продукцию и услуги, а с другой стороны, положительно отражается на качестве рабочей силы. Это способствует развитию торговли товарами и услугами в ее наиболее современных и комфортных для потребителя формах (торговля через Интернет). В настоящее время этот первоначально чисто технологи-

[1] Nordic Statistical Yearbook. 2006. Vol. 44. P. 279.

[2] Ibid. P. 281.

ческий феномен превратился в важный фактор общественного развития, который затрагивает все стороны жизни или даже формирует новые ее формы, например дает возможность североевропейским гражданам принимать участие в выборах и/или получать высшее образование (или повышать свою профессиональную квалификацию) дистанционно.

Таблица 2.17

Обеспеченность стран Северной Европы современными средствами связи в 2005 г., %

	Персональные компьютеры	Доступ к Интернету	Доступ к высокоскоростным средствам связи
Дания	84	75	51
Исландия	89	84	63
Норвегия	74	64	41
Финляндия	64	54	36
Швеция	80	73	40

Источник: Nordic Statistical Yearbook. 2006. Vol. 44. P. 282.

Все страны Северной Европы имеют, кроме основной, еще и дополнительную специализацию. Норвегия и Исландия специализируются на рыболовстве, причем для Исландии она является основной, а для Норвегии побочной специализацией. Количество рыболовных судов в Норвегии в 4,4 раза больше, чем в Исландии, однако по улову рыбы норвежцы отстают в 5,8 раза[1]. Пик улова пришелся на 1997 г., после чего объемы вылова стали уменьшаться во всех североевропейских странах, что связано с истощением запасов морской рыбы и ухудшением условий ее вылова. Норвегия лидирует по развитию аквакультуры. На рыбных фермах норвежцы выращивают в 90 раз больше рыбы, чем исландцы[2]. В Норвегии, которая является лидером и по количеству рыбных ферм и по весу выращенной рыбы, в основном выращивается рыба ценных сортов — лосось и семга.

Структура экономики по стоимости также отражает переход от индустриального к постиндустриальному обществу.

---

[1] Nordic Statistical Yearbook. 2006. Vol. 44. P. 248–249.

[2] Ibid. P. 252.

Таблица 2.18

Структура народного хозяйства в странах Северной Европы в 1994 и 2004 гг. (по стоимости, добавленной обработкой) (%, 100% — все народное хозяйство)

	Дания	Исландия	Норвегия	Финляндия	Швеция
1994					
Сельское хозяйство	3,2	10,5	3,0	5,1	2,7
Промышленность	24,6	27,9	32,9	31,0	28,7
Сфера услуг	72,2	61,6	64,1	63,9	68,7
2004					
Сельское хозяйство	1,9	6,7	1,5	3,1	1,8
Промышленность	24,1	24,8	39,2	30,2	27,7
Сфера услуг	74,0	68,4	59,2	66,7	70,5

Источник: OECD in Figures. 2006–2007. OECD. Observer. 2006/Suppl. 1. P. 16–17.

В тех странах Северной Европы, которые расположены на Скандинавском полуострове, наиболее развитые в экономическом отношении регионы расположены на юге и юго-западе. На севере и северо-востоке плотность населения стремительно сокращается, соответственно это отражается на всех экономических показателях. Развитие новой экономики, в первую очередь связанное с микроэлектроникой, средствами мобильной и телевизионной связи, еще больше способствовало усилению региональных диспропорций. Например, территория около Хельсинки и Стокгольма — это регионы, специализирующиеся на информационных технологиях; регион Копенгаген–Хельсингер–Мальмё специализируется на биотехнологиях.

В Дании двумя основными опорами национальной экономики является машиностроение и АПК. Добывающая промышленность, несмотря на разработку нефтегазовых месторождений на континентальном шельфе играет незначительную роль.

В Норвегии главную роль играет ТЭК, машиностроение и рыболовство. В экспорте значительна роль транспортных услуг, так как у нее большой торговый флот. Машиностроение специализируется на строительстве оборудования для нефтедобывающей и нефтеперерабатыва-

ющей промышленности и нефтяных платформ, производство которых было налажено на базе судостроения. В Норвегии была построена самая большая в мире нефтяная платформа, предназначенная для добычи нефти с морского шельфа.

Финляндия поздно начала свое индустриальное развитие. Только в 1960 г. доля промышленности сравнялась с сельским хозяйством вместе с лесоводством, но сейчас доля промышленности в 2 с лишним раза меньше, чем сектора услуг. Индустриализация началась с лесного хозяйства, причем последовательно повышалась степень переработки лесного сырья: от древесины и целлюлозы к производству бумаги, картона, строительных материалов и мебели. В настоящее время произошел сдвиг к специализации на производстве средств мобильной связи и информационного комплекса отраслей.

В Швеции в частном секторе промышленности занято 711 тыс. человек, то есть почти в 3 раза больше, чем на государственной службе[1]. Последовательное расширение государственного сектора экономики по мере развития общества всеобщего благосостояния длительное время помогало поддерживать занятость и поглощать избыточную рабочую силу, вытесняемую из промышленных предприятий. В настоящее время резко усилилось внимание к инновационному предпринимательству в связи с усилением специализации на развитии наукоемких производств.

Перевод экономики североевропейских стран на развитие инновационного общества благоприятно отразилось на темпах экономического развития.

Таблица 2.19

Динамика ВВП в странах Севера Европы в 1995–2005 гг. (%)

	2003–2004	2004–2005	1995–2005
Дания	1,9	3,1	2,1
Исландия	8,2	5,5	4,3
Норвегия	3,7	1,9	2,8
Финляндия	3,6	2,1	3,5
Швеция	3,7	2,7	2,7
ЕС (15 стран)	2,3	1,5	2,2

Источник: OECD in Figures. 2006–2007. OECD. Observer. 2006/Suppl. 1. P. 14–15.

[1] Statistisk rsbok. f r Sverige. 2006. SCB. Stockholm. S. 310.

Экономика всех стран североевропейского региона развивается быстрее, чем в ЕС в среднем, а уровень безработицы — ниже, чем в ЕС (кроме Финляндии).

2.4. Экономические ресурсы Северной Европы

2.4.1. Человеческие ресурсы, занятость и безработица

Человеческие ресурсы Северной Европы отличают не столько количественные (всего здесь проживает 24,8 млн человек) сколько качественные характеристики. Это является причиной специфического фактора воздействия на спрос и предложение. Высокий уровень образования и профессиональной подготовки содействует развитию в странах региона инновационных, ориентированных на экспорт видов производства (например, средства мобильной связи, компьютеры, биотехнологические продукты: витамины, медицинские препараты и т.д.), которые формируют спрос преимущественно на высоко квалифицированную рабочую силу.

Высокий уровень жизни определяет характер и структуру спроса населения. БСпрос концентрируется на товарах высокого качества, инновационные продукты, например информационные технологии, средства мобильной связи и персональные компьютеры, которые очень быстро вошли в потребление и превратились в предметы повседневного спроса, что содействует развитию соответствующих отраслей промышленности. Развитый государственный сектор экономики, включающий социальные службы, через государственные и муниципальные предприятия также предъявляет широкий спрос на эти товары. Например, государственные и муниципальные учреждения (больницы, школы, университеты, дома для престарелых, коммунальные службы и т.д.) закупают современное оборудование: компьютеры, медицинскую технику, средства для очистки сточных вод и охраны окружающей среды, энергетические установки, в том числе работающие на возобновляемых и чистых источниках энергии, медикаменты, средства мобильной и дальней связи и т.д. Государственный спрос благоприятно влияет на соответствующие отрасли.

Безработица на Севере Европы ниже, чем в ЕС, а население, хотя и медленно, но увеличивается. За последние 35 лет население северо-европейского региона выросло примерно на 3 млн человек, в том числе за последние 15 лет — на 1,5 млн человек[1]. Это неплохие

[1] Nordic Statistical Yearbook. 2006. Vol. 44. P. 60.

показатели для Западной Европы. Правда, в некоторых регионах Северной Европы отмечалось уменьшение населения, например на Фарерских островах оно уменьшилось в период с 1990 по 2000 г. Изменение численности населения определяется двумя факторами: соотношением между числом рождений и смертей, а также соотношением между процессами иммиграции и эмиграции. Оба эти фактора на Севере Европы содействуют увеличению прироста населения, так как число рождений превышает число смертей, а иммиграция происходит интенсивнее, чем эмиграция. На прирост населения в Дании, Швеции и Норвегии сильнее влияет иммиграция, а в Финляндии и Исландии ощутимее действует естественный прирост населения[1]. Однако отмечается такая негативная демографическая тенденция, как старение населения, то есть удельный вес пожилых возрастов в общей численности населения растет быстрее, чем детей и молодежи. Число жителей старших возрастных групп (старше 65 лет) растет во всех североевропейских странах и автономных территориях, кроме Гренландии, но она все-таки пока еще ниже, чем в ЕС: 15,9% всего населения против 17,5% в ЕС и 19,2% в Японии[2]. Наиболее высокий удельный вес пожилых возрастов отмечается в Швеции, а самая высокая динамика — в Финляндии. Рождаемость в Северной Европе несколько выше, чем в ЕС и Европе в целом: коэффициент фертильности составляет 1,9 против 1,5 в ЕС[3]. Продолжительность жизни в среднем достигает 82 лет; наиболее высокая в Исландии (83,0 года для женщин и 79,4 года для мужчин) и Швеции (82,9 года для женщин и 78,4 года — для мужчин), а самая низкая — в Дании (75,9 года для мужчин и 80,4 года год для женщин)[4].

Либерализация рынка труда и свободный обмен студентами привели к увеличению, прежде всего, внутрискандинавской миграции, а экономическая интеграция и глобализация — к другим направлениям перемещения рабочей силы через границы. В странах Европейского Севера на внутреннюю миграцию приходится примерно 1/4 часть, а на миграцию внешнюю — 3/4. Многие иммигранты получают местное гражданство. Число иностранцев варьирует от 5,9% населения в Исландии до 2,3% в Финляндии[5], если считать жителей, у которых один из родителей имеет иностранные корни, то эти цифры увеличиваются.

---

[1] Nordic Statistical Yearbook. 2001. Vol. 39. P. 69; 2006. Vol. 44. P. 51.

[2] Nordic Statistical Yearbook. 2007. Vol. 45. P. 9.

[3] Ibid.

[4] Ibid. P. 70.

[5] Ibid. P. 52–53.

Самый высокий уровень образования — в Финляндии: каждый пятый имеет высшее образование, в Швеции и Исландии — каждый шестой, в Норвегии — каждый седьмой, а в Дании — каждый восьмой[1]. На период 1997–2002 гг. правительство Швеции разработало специальную программу, которая дает возможность повысить уровень образования взрослым людям, что рассматривается как эффективное средство увеличения занятости и уменьшения безработицы.

Динамика занятости и, соответственно, безработицы, точно следует за динамикой экономического роста. Наиболее глубокие кризисные падения (и соответственно, рост безработицы) отмечались в Швеции и Финляндии. Безработица в Швеции, достигшая максимума в 16% в 1994 г.[2], в последующие годы она сократилась, но не достигла докризисного уровня. В Финляндии имел место резкий скачок безработицы во время кризиса 1991–1994 гг. На протяжении всего послевоенного периода она была умеренной, но с 1991 стала расти и в 1994 г. достигла 16%, но уже в 1999 г. она сократилась до 10%.

Таблица 2.20

Безработица в странах Северной Европы в 1990–2005 гг., %

	Дания	Исландия	Норвегия	Финляндия	Швеция	ЕС (страны зоны евро)
1990	2,0	1,8	5,0	3,0	2,0	–
1991	–	2,5	5,1	7,0	3,5	–
1992	–	4,8	5,2	12,0	5,0	–
1993	–	5,0	5,2	17,0	8,0	–
1994	–	5,0	5,1	16,0	7,5	–
1995	7,1	4,9	5,0	15,4	9,2	10,8 (15 стран)
1996	7,0	4,0	4,8	14,0	7,8	–
1997	6,0	4,5	4,5	12,0	7,5	–
1998	5,0	3,0	3,0	11,0	6,0	10,2
1999	5,0	2,0	3,5	10,0	5,0	9,4
2000	4,6	2,3	3,5	9,8	4,7	8,4
2001	4,8	2,3	3,6	9,2	4,0	8,0
2002	4,7	3,2	3,9	9,2	4,0	8,4

[1] Nordic Statistical Yearbook. 2006. Vol. 44. P. 119.

[2] См. таблицу 2.20.

Продолжение таблицы 2.20

	Дания	Исландия	Норвегия	Финляндия	Швеция	ЕС (12 стран зоны евро)
2003	5,5	3,5	4,5	9,1	4,9	8,9
2004	5,4	3,1	4,4	8,8	6,3	8,9
2005	4,8	2,6	4,6	8,4	7,8	8,6
2006	3,9	2,6	3,5	7,7	7,1	7,9

Источник: Nordic Statistical Yearbook. 2001. Vol. 39. P. 152; 2005. Vol. 43. P. 15, 184; 2007. Vol. 45. P. 187; The Nordic Countries in Figures. 2004. Copenhagen, 2005. P. 17.

В связи с принятием в ЕС Лиссабонской стратегии, которая ориентирована на высокую конкурентоспособность европейской экономики, в том числе на основе повышения занятости, борьба за ее повышение превратилась в один из важнейших приоритетов социально-экономической политики, особенно для североевропейских государств, так как их экономическое развитие социально ориентировано. В настоящее время разрабатываются и применяются нетрадиционные методы борьбы с безработицей: поддержка мелкого предпринимательства, ранний выход на пенсию, временный уход с рынка труда для повышения образования или по семейным обстоятельствам.

Единый рынок труда во всей Скандинавии был образован еще в 1954 г., а в 1955 г. было введено в действие Североевропейское соглашение о социальной защите, в соответствии с которым все граждане Северной Европы наделяются равными правами в отношении социального обеспечения, независимо от места их проживания. Жители североевропейских стран не нуждаются в специальном разрешении, чтобы поменять место жительства, работы или учебы. Одновременно это позволило внести организацию в процессы внутренней миграции, так как большинство внутренних мигрантов находит работу с помощью агентств по трудоустройству, и поэтому межскандинавская миграция осуществляется с соблюдением экономической и социальной безопасности.

Бóльшая часть мер социальной поддержки оказывается на уровне местных властей. Во всех североевропейских странах значительная часть социальных расходов приходится на поддержку пожилых людей. Самая высокая доля получателей социальной помощи в Финляндии — 7,1% в 2004 г., а самая низкая — в Исландии — 2,8%[1].

[1] Nordic Statistical Yearbook. 2006. Vol. 44. P. 96.

Североевропейские страны отличаются от других стран ОЭСР более высоким уровнем налогообложения и меньшей степенью дифференциации доходов, то есть североевропейское общество относительно однородно в социальном отношении. Менее обеспеченные слои населения получают бóльшую социальную поддержку через различные социальные пособия и выплаты, например, на оплату жилья или детские пособия. Негативной чертой демографической ситуации является высокая доля семей с одним родителем — 20% в среднем для всей Северной Европы[1]. Поддержка этим семьям оказывается из центрального бюджета, и доходы таких семей освобождаются от налогов, независимо от величины (за исключением Исландии). Другое важное отличие североевропейских стран — высокая степень вовлечения женского населения в трудовую деятельность. В свою очередь, это требует создания широкой сети детских учреждений для содержания детей в то время, когда их матери находятся на работе. Поэтому бóльшая часть детей в возрасте между 3 и 6 годами содержится в заведениях такого рода, в Дании, например, 95% детей в возрасте 3–5 лет посещают детские сады, а в Финляндии — 68%[2].

Страхование от безработицы только в Норвегии является обязательным, в Дании, Швеции и Финляндии оно осуществляется на добровольной основе, в Исландии осуществляется автоматическое страхование от безработицы для всех занятых. Повышение квалификации или переобучение играют все более важную роль в регулировании рынка труда в странах Севера Европы.

Если человек не имеет право на получение социальных пособий (по болезни, безработице, инвалидности и т.д.), но нуждается в средствах, то ему предоставляется социальная помощь. Она выдается или в порядке возмещения утраты личных доходов или как компенсация для тех, у кого низкие доходы. Этот вид социальной поддержки оказывается на индивидуальной основе и зависит от стоимости жизни. В Дании и Исландии такие доходы подлежат налогообложению, а в других странах региона они освобождаются от уплаты налогов. В 2004 г. в Дании, Норвегии и Швеции численность получателей социальной помощи с 1990 г. уменьшилась, а в Исландии и Финляндии увеличилась[3]. Размер социальных выплат на душу населения в североевропейских странах — довольно высокий, например в 2000 г. Швеции он составил

---

[1] Nordic Statistical Yearbook. 2006. Vol. 44. P. 95.

[2] Ibid.

[3] Ibid. P. 106.

7367 евро на душу населения, а в Дании — 7754 евро[1], что выше, чем ВВП в расчете на человека во многих развивающихся странах.

Выплаты по больничному листу осуществляются в разных странах неодинаково. В Дании, Исландии и Финляндии больные сохраняют свою заработную плату на период болезни в полном объеме, правда, в Дании это правило распространяется не на всех трудящихся, а только на тех, кто работает в государственном секторе или на некоторых частных предприятиях. Этот вид дохода подлежит налогообложению.

Пенсии бывают трех видов: по старости, инвалидности и по случаю утраты кормильца. Пенсия также может быть предоставлена в случае частичной утраты работоспособности. В Дании и Исландии пенсии подлежат налогообложению наряду с остальными видами дохода, в других странах имеются льготы по налогообложению для пенсионеров либо они освобождены от налогов. Пенсионеры имеют право на компенсационные выплаты для покрытия жилищных расходов, которые не облагаются налогами (кроме Исландии). Пожилые люди, нуждающиеся в постоянном уходе, проживают в домах престарелых или обслуживаются социальными работниками по месту своего постоянного жительства.

Согласно методологии МОТ население делится на три группы: занятые, безработные (которые вместе образуют экономически активное население) и не выступающие на рынке труда (экономически не активное население). В последнюю категорию входят пенсионеры, инвалиды, молодежь, которая проходит обучение, а также лица, которые работают без вознаграждения (занятые в домашнем хозяйстве или работающие на основах благотворительности). На Севере Европы высокая норма вовлечения населения в трудовую деятельность — от 68% в Финляндии до 84,4% в Исландии[2]. В среднем по региону занятость достигает 80% для мужчин и 75% для женщин[3]. В Швеции доля занятых составляет 73,9%, в Дании — 76,5%, в Норвегии — 75,2%[4]. Самая высокая безработица на Севере Европы — в Финляндии (8,5%), на 2-м месте — Швеция (6%), а самая низкая безработица — в Исландии (2,7%)[5].

Занятость по отраслям народного хозяйства отражает переход к постиндустриальному обществу. Быстрее всего растет занятость в финансовом, страховом деле, торговле недвижимостью и в секторе услуг для бизнеса.

---

[1] The Social Situation in the EC. EC. 2003.

[2] Nordic Statistical Yearbook. 2006. Vol. 44. P.142.

[3] Ibid. P. 8.

[4] Ibid. P. 142.

[5] Ibid. P. 144.

2.4.2. Финансовые ресурсы и кредитно-банковская система Северной Европы

«При хорошей конъюнктуре развитие реальной и финансовой экономики — синхронизировано, оба сектора экономики образуют симбиоз, взаимно укрепляя друг друга»[1].

Северная Европа хорошо обеспечена финансовыми ресурсами, но благодаря некоторым благоприятным факторам экономического развития (высокое качество рабочей силы, высокая специализация производства, инновационный характер экономики и т.д.) она является привлекательным регионом мировой экономики в инвестиционном отношении, и все более интенсивно привлекает капитал из-за рубежа. Все страны региона активно участвуют в экспорте и импорте капитала, а ссудный процент по долгосрочным инвестициям в Дании, Финляндии и Швеции — ниже, чем в ЕС.

Таблица 2.21

Некоторые показатели обеспеченности финансовыми ресурсами

	Ставка ссудного процента по долгосрочным кредитам		**Прямые иностранные инвестиции, накопленные к 2006 г. в млрд долл.**	
	1995	**2005**	**Экспорт**	**Импорт**
Дания	8,27	4,03	150,1	138,4
Исландия	9,65	12,86	13,2	7,5
Норвегия	7,43	4,26	120,6	66,3
Финляндия	8,79	4,02	90,9	64,2
Швеция	10,24	3,93	262,9	218,4
ЕС (12 стран еврозоны)	8,73	4,07	–	–

Источник: OECD Factbook 2005. OECD. 2005; OECD in Figures. 2006–2007. OECD Observer. 2006. Suppl. 1. P. 70–71; World Investment Report. 2007. BNCTAD. Country Fact Sheet.

[1] The Other Canon. Reconstructing the Theory of Uneven Economic Development. The Four Papers. The Other Canon Foundation. Norway.

Формирование современной кредитно-банковский системы в североевропейских странах, аккумулирующей финансовые ресурсы, происходило одновременно с индустриализацией, главной целью которой является обслуживание реального сектора экономики, где происходит получение прибыли, распределяемой между промышленным и банковским сектором страны. Бóльшая часть североевропейских банков носит универсальный характер, можно выделить два основных типа банков: сберегательные и коммерческие банки. Во всех североевропейских странах почта выполняла банковско-расчетные функции через свои т.н. почтовые банки. Например, в Дании — «Жиро Банк», в Норвегии — «ДНБ/Постбанкинг», а в Швеции — «Постжиро Банк» Во всех североевропейских банках наряду с частными имеются банки, которые полностью или частично находятся в государственной собственности и занимаются обычной банковской практикой, включая работу с клиентами. Например, в Дании до 1993 г. находился в государственной собственности ранее упомянутый «Жиро Банк» (ныне приватизирован). В Исландии до начала 1990-х гг. два крупнейших банка страны были государственными; в Норвегии — два банка «Кристиания», «ДНБ/Постбанкинг» частично находятся в государственной собственности; в шведско-финском банковском консорциуме «Мерита-Нордбанкен» имеется доля государственного капитала.

На основании переплетения промышленного и банковского капитала постепенно формируются финансово-промышленные группы (ФПГ). Например, в Дании самой мощной в стране является ФПГ «А.П. Мёллер Груп», в Норвегии выделяется своими размерами машиностроительный концерн «Квернер», а также государственные нефтяные компании, в Швеции наиболее мощной является ФПГ Валленберга, а также группа «Вольво», в Финляндии крупнейшими являются ФПГ, сформировавшиеся вокруг фирм «Нокиа» и «Стура Энсо». Наиболее высокого уровня концентрация финансового капитала достигла в Швеции, где всего несколько семей владеют или контролируют бóльшую часть шведской экономики. Это, наряду с уже упомянутыми Валленбергами, семья Сёдерберг, Боньер, Лундберг, Джонсон, Стенбек, а также банковская группа «Свенска Хандельсбанкен». Еще один крупный банк Швеции «Скандинависка Эншильда Банкен» входит в финансово-промышленную империю Валленберга. Шведскую банковскую систему контролируют всего четыре банка: «Свенска Хандельсбанкен», «Скандинависка Эншильда Банкен», «Фёренингсспарбанкен» и «Нордеа Свериге» (который входит в панскандинавскую банковскую группу «Нордик Нордеа Груп»)[1].

[1] См.: 2006 Index of Economic Freedom. Sweden.

В 1980–1990-х гг. во всех странах этого региона была осуществлена реструктуризация национальных банковских систем в направлении ее либерализации и полной или частичной приватизации государственных кредитно-финансовых учреждений. В ответ национальные кредитно-финансовые учреждения путем слияний и поглощений заметно повысили концентрацию банковского капитала. Некоторые из этих слияний носили интерскандинавский характер, например был создан шведско-финский банковский консорциум «Мерита-Нордбанкен». Существует банковское объединение «Нордик Балтик Холдинг», в которое входят банки трех стран: Швеции, Дании и Финляндии; интерскандинавская банковская группа «Нордеа».

Крупные банки укрепляют позиции на всем североевропейском рынке, рассматривая его как единое целое. Они развивают сеть филиалов в соседних странах, прежде всего в рамках Балтийского региона. В эти же годы усилилось участие стран Северной Европы в экспорте и импорте капитала, в процессах которого активно участвуют кредитно-финансовые учреждения. Началась экспансия скандинавских и финских банков за границу, прежде всего в три новые независимые государства Балтии, над кредитно-финансовой системой которых фактически был установлен контроль со стороны, прежде всего шведских банков. Вместе с тем усилилось влияние политики ЕС на формирование и развитие кредитно-банковской системы североевропейских стран. Например, в 2001 г. два крупнейших банка Швеции «Свенска Эншильда Банкен» и «Фёренингсспарбанкен» приняли решение о слиянии, которое выводило их на позиции самого крупного банка в стране. Однако Комиссия ЕС наложила запрет на это слияние, так как оно могло бы нарушить конкуренцию на шведском рынке и позволило бы новому банку занять доминирующие позиции.

Финансово-банковскую систему Дании образуют 187 кредитно-банковских учреждений, включая коммерческие банки, сбербанки, пенсионные фонды (30 фондов), страховые компании (200 компаний), ипотечные банки (в том числе 26 иностранных банков). Высокой степени достигла концентрация банковского капитала: два банка сконцентрировали в своих руках 75% активов банковских учреждений. Торговля ценными бумагами ведется на Копенгагенской фондовой и фьючерсной биржах (фондовая биржа действует в Дании с 1861 г.), в Датском центре торговли ценными бумагами. В 1975 г. датский банковский сектор был открыт для иностранных банковско-кредитных институтов, которым было разрешено открыть в Дании свои

отделения. Всего в стране около 100 коммерческих банков, но два крупнейших банка аккумулируют 75% всех банковских активов. Это «Ден Данске Банк» и «Унибанк». Первый из них после слияния с банковским концерном «Реалкредит Денмарк» (который, в свою очередь, был образован в результате слияния «БГ Банк» и «Реалкредит Банк») вышел на 1-е место на датском рынке, а «Унибанк» занял 2-е место. В 2001 г. датский «Унибанк» вошел в интерскандинавскую банковскую группу «Нордеа».

После присоединения к Европейскому экономическому пространству финансовый рынок Исландии был либерализирован; правительство продало в 2003 г. свои пакеты акций в двух крупных банках страны, которые до этого частично находились в государственной собственности. Государство сохраняет в своей собственности Фонд финансирования жилищного строительства, на который приходится 80% внутреннего рынка жилищных займов. В стране действует также 13 исландских страховых компаний и несколько иностранных.

Норвегия обладает стабильным финансово-валютным положением, наблюдается низкая инфляция, страна не имеет внешней задолженности, а ее государственный бюджет, как правило, сбалансирован или даже сводится с профицитом. В этой стране 15 коммерческих банков, 129 сберегательных банков, несколько государственных банков, которые специализируются на предоставлении средне- и долгосрочного кредита для промышленных предприятий. Государство владеет пакетом акций в 34% «Ден Норске Банк», на который приходится 40% всех банковских активов страны. На 2005 г. в стране было зарегистрировано восемь иностранных банков и три филиала иностранных банков. Первые три места на рынке банковских услуг Норвегии занимают три банка: «Ден Норске Банк», «Кредиткассен» и «Фокус Банк», на которые приходится 3/4 банковских активов. В 1999 г. «Фокус банк» был приватизирован и продан датскому «Ден Данске Банк». Наряду с коммерческими банками на рынке работает более трех десятков сберегательных банков, среди которых ниже степень концентрации капитала. Самым крупным сбербанком Норвегии является концерн «Йенсидиге НУР», который возник в результате слияния «Норвежского Сберегательного банка» со страховой компанией под одноименным названием. Второй по величине страховой компанией является «Стуребранд». В отличие от коммерческих банков, сберегательные банки более сконцентрированы на работе с физическими лицами. Всего в Норвегии работает несколько десятков коммерческих и сберегательных банков, финансовых компаний и кредитных институтов, а также

около двух десятков филиалов иностранных банков. Кредиты норвежским экспортерам предоставляет компания «Экспортфинанс», образованная крупными норвежскими банками для содействия норвежскому экспорту продукции машиностроения. Его деятельности содействует государственный Институт гарантий по экспортным кредитам, действующий под эгидой норвежского Министерства экономики и торговли.

Финансово-банковский сектор Финляндии подвергся дерегулированию в течение 1980–1990-х гг., что привело к повышению концентрации банковского капитала. На конец 2005 г. в этой стране было зарегистрировано 345 банков, однако ведущую роль играли три банка: «Нордеа», «ОП Банк Груп» и «Сампо Груп», которым удалось сконцентрировать на своих счетах 80% финансовых активов. Государство сохраняет пакет акций в размере 14% в банке «Сампо Груп», бóльшая часть акций которого находится в руках иностранных владельцев. Центральный банк Финляндии — «Суомен Паннки» отвечает за финансовую стабильность, а до перехода на евро в 1999 г. он следил также за обращением национальной денежной единицы — марки. Либерализация банковского сектора происходит с начала 1980-х гг., когда иностранные банки получили право работать на денежном рынке этой страны. В 1991 г. им разрешили открывать свои отделения. Одновременно иностранным вкладчикам разрешили покупать и продавать ценные бумаги на фондовом рынке в Хельсинки.

В Швеции — самая сильная банковско-кредитная система на Севере Европы, а ее банки по размерам капитала и устойчивости считаются одними из самых надежных в Европе. В число крупнейших банков страны входят четыре банка: банковский холдинг «Свенска Хандельсбанкен», а также коммерческие банки «Нордбанкен», «Фёренингсспарбанкен», «Скандинависка Эншильда Банкен». В одном из них — «Нордеа» (он же — «Нордбанкен») государство сохраняет пакет акций в размере 19,5%. Четыре крупнейших шведских банка обладают доминирующими позициями на внутреннем рынке финансово-банковских услуг: на них приходится 80% банковских активов страны. Иностранным банкам и страховым компаниям разрешается открывать в Швеции свои филиалы. По состоянию на 2005 г. в стране действовало 28 иностранных банков[1].

В Швеции банковская система серьезно пострадала от экономического кризиса в начале 1990-х гг., который, собственно говоря, и начался с кризиса ее кредитно-финансовой сферы. Ряд шведских

[1] См.: 2006 Index of Economic Freedom. Sweden.

банков оказался на грани банкротства, что вызвало необходимость вмешательства правительства, опасавшегося, что обвал банковской системы затруднит выход из кризиса. Вмешательство осуществлялось в направлении поддержания ликвидности банков, восстановления их кредитно-расчетных функций, реструктуризации банковский системы путем восстановления платежеспособности или ликвидации, укрепления государственного контроля и надзора за состоянием кредитно-финансовой системы. Была разработана и введена в 1992 г. в действие система государственных гарантий по банковским вкладам населения, что позволило предотвратить массовый отток средств физических лиц из банковской системы страны. Государственные гарантии распространялись на вклады, не превышающие 250 тыс. крон (37 313 долл. США по курсу на 1996 г., когда был введен этот максимум). Для помощи в оздоровлении банковской системы Швеции правительство разработало и реализовало в 1992–1994 гг. государственную программу поддержки банковского сектора, которая была закрыта, когда миновал кризис. В рамках программы шведское правительство создало государственные компании по управлению банковскими активами, которым шведские банки, испытывающие затруднения, передавали или продавали часть своих неработающих активов. Государственные компании по управлению активами сознательно пошли на принятие текущих убытков тех банков, чью деятельность им было поручено санировать, так как предполагалось получить положительный эффект в долгосрочной перспективе, когда минует кризис. Данный расчет оправдался на практике. Государственные компании по управлению активами возвратили часть проблемных кредитов через банкротство соответствующих должников или иными способами, например путем получения в собственность объектов недвижимости или доли собственности в соответствующих промышленных или иных компаниях и последующей продажи полученных активов на рынке. Государственные компании по управлению проблемными банковскими активами, выполнив свои задачи по санированию шведской банковской системы, были ликвидированы в 1997 г. В результате кризиса количество банковских служащих и численность филиалов уменьшились, что привело к улучшению экономических показателей, которые характеризуют эффективность деятельности банков.

В итоге шведский «Нордбанкен» вышел из кризиса, укрепив свои позиции, а также повысился уровень концентрации шведского банковского капитала, в частности, «Нордбанкен» поглотил «Гота Банкен». Некоторые слияния приняли трансграничный характер, а именно: шведский «Нордбанкен» слился в 1997 г. с финским банком

«Мерита», в результате образовался объединенный банк «Мерита-Нордбанкен». В акционерном капитале обоих банков участвует государство, шведское правительство владело 60% акций «Нордбанкен», а финское правительство 8% банка «Мерита». В объединенном банковском концерне «Мерита-Нордбанкен» шведскому банку принадлежит 60% акций, а остальные 40% — финскому партнеру, но голоса распределяются между финским и шведским банками поровну: 50 на 50. Финский участник концерна «Мерита» возник в 1995 г. путем объединения двух финских банков «Объединенный банк Финляндии» («Union Bank of Finland») и «Консаллес Осаки Панкки» и был крупнейшим банком страны. Объединенный банк «Мерита-Нордбанкен» является лидером на рынке обеих стран (более 6 млн клиентов), а также на банковском рынке всего североевропейского региона. На этом процесс слияний не остановился. В коалицию с новым финансовым гигантом (по североевропейским масштабам) в 2000 г. вступил второй по величине датский банк «Унибанк», а в следующем 2001 г. — норвежский «Кредиткассен», который ранее находился в частичной собственности норвежского государства. Пакет акций размером в 34,6% был продан норвежским правительством новому финансовому концерну, который получил название «Нордеа». В концерн вступила также норвежская страховая компания «Веста».

В 2001 г. Стокгольмская биржа была реконструирована, чтобы объединить на одном рынке торговлю разными видами ценных бумаг: и акциями, и облигациями, и деривативами. Стокгольмская биржа входит в биржевой союз «ОМЕКС», в котором участвуют биржи североевропейских стран и стран Балтии. По состоянию на май 2003 г. на Стокгольмской бирже котировались акции 302 компаний. Рыночная капитализация акций компании «Эрикссон» достигала 1/3 стоимости всех котируемых акций.

В начале 1970-х гг. североевропейские страны создали Северный инвестиционный банк, который является их коллективным финансово-кредитным институтом. Штаб-квартира банка расположена в Хельсинки. Приоритетами финансирования СИБа является финансирование инфраструктурных, экологических и промышленных объектов в Балтийско-Баренцевом регионе. С 2005 г. три балтийские республики вошли в состав стран — участниц этого банка.

Поддержанием стабильного денежного обращения занимаются центральные банки североевропейских стран: «Сверигес Риксбанкен», «Денмаркс Национальбанк», «Норгес Банк», «Суомен Паннки» («Bank of Finland»). После вступления Финляндии в европейский

валютный союз на базе евро «Суомен Паннки» вошел в европейскую систему поддержания стабильности.

Существование разветвленной финансово-банковской системы, сочетающей коммерческие банки универсального характера со специализированными финансово-кредитными учреждениями, содействует экономическому развитию всех стран региона. Сохранение процентных ставок по кредитам на относительно низком уровне в течение длительного времени свидетельствует о том, что кредитная система этих стран достаточно насыщена финансовыми ресурсами. Она аккумулирует и распределяет среди промышленных и иных предприятий финансовые средства в необходимом для их производственной деятельности объеме. Действительно, в феврале 2004 г. Центральный банк Швеции снизил процентную ставку с 2,75 до 2,5%, что является самым низким уровнем за последние полвека. Банк Норвегии в конце 2003 г. тоже снизил ставку до 2,25%, а в 2004 г. она была снижена до 2%[1], что свидетельствует о достаточности денежных ресурсов в регионе.

2.5. Инфраструктура Северной Европы

2.5.1. Транспорт

Развитие экономики в странах Северной Европы опирается на развитую транспортную инфраструктуру. В Дании железнодорожная сеть сложилась еще во второй половине XIX в., когда все железные дороги превратились в собственность государственной компании «Данск Статсбанер». В собственности государства остается пакет акций в размере 39,5%. В стране существует густая сеть автомобильных дорог, а поскольку велосипедный транспорт также достаточно популярен, то и в городах, и между ними параллельно автомобильным дорогам, как правило, пролегают велосипедные дорожки. Все автодороги имеют твердое покрытие. Основные морские порты: Ольборг, Орхус, Копенгаген, Эсбьерг, Оденсе, Фредерисия и т.д.

Авиакомпания САС обслуживает все Скандинавские страны, на внутренних линиях в Дании перевозки обслуживает дочерняя компания САС «Данэйр». Копенгагенский аэропорт «Каструп» — один из самых оживленных в Европе, раньше он находился в государственной собственности, ныне приватизирован[2]. Все датские аэропорты обладают

---

[1] Сообщение Банка Норвегии.

[2] В собственности государства остается пакет акций в размере 39,5%.

твердыми (бетонными) взлетно-посадочными полосами. Телефонная и телеграфная связь отлично развиты. Восемнадцать оптоволоконных кабелей соединяют Данию с основными европейскими городами, заморскими датскими территориями (Гренландия и Фареры), а также с Исландией и Канадой.

В Норвегии железные дороги эксплуатируются государственной компанией «Норгес Статсбанер», более половины железных дорог — электрифицировано. На севере Норвегии расположена железнодорожная ветка, которая эксплуатируется шведской компанией, так как она предназначена, главным образом, для вывоза шведской железной руды к норвежскому порту Нарвик для последующей транспортировки морским транспортом. Для 75% автомобильных дорог обеспечено твердое покрытие. Главная автомобильная магистраль, Осло—Берген, зимой от четырех до шести месяцев в году закрыта для движения из-за погодных условий. Работу железных и автомобильных дорог дополняют паромные маршруты, которых в Норвегии более двухсот. Большую роль играет каботажное плавание, так как страна имеет большую протяженность в меридианном направлении и бóльшая часть населения живет в прибрежной полосе между горами и океаном. Морских портов в Норвегии очень много, так как практически вся страна располагается вдоль морского побережья, важнейшими являются: Берген, Осло, Берген, Нарвик, Тромсё, Ставангер, Тронхейм и др.

Почти все аэродромы обладают бетонными взлетно-посадочными полосами. Норвежский флот — один из крупнейших в мире, на него приходится 10% от европейского и 4% от всего мирового тоннажа. Бóльшая часть норвежских судов зарегистрирована под норвежским флагом, но часть судов, принадлежащих норвежским владельцам, приписана к иностранным портам. Грузовые перевозки являются для Норвегии важным источником валютных поступлений.

В транспортной инфраструктуре всех североевропейских стран большую роль играет государство и государственная собственность. САС обслуживает датские, шведские и норвежские маршруты. Все пять североевропейских стран имеют систему связи через спутник «Инмарсат». Североевропейские страны лидируют в мире по степени развития телефонной связи традиционного типа, а также по мобильной телефонной связи. Проложены газопроводы, соединяющие Данию со Швецией, Норвегию с Великобританией и другими странами Западной Европой. В Финляндии государство контролирует и железные дороги («Валиораутатиет») и авиаперевозки («Финнэйр»). Бóльшая часть автомобильных дорог имеет твердое покрытие. Поскольку железнодорожная сеть Финляндии начала складываться,

когда она была Великим княжеством в составе Российской империи, то все ее железнодорожные линии — с широкой колеей. Все 69 финских аэропортов снабжены бетонными взлетно-посадочными полосами. Важнейшие порты Финляндии: Хельсинки, Турку, Куоккала, Котка, Ловииса, Оулу, Пори, Раума, Усикаупунки. Телефонная связь, так же как во всех странах Скандинавии, находится на высоком уровне. Международная телефонная связь обеспечивается через морской кабель. Финляндия пользуется шведским спутником связи и совместно с другими североевропейскими странами — спутником «Инмарсат». По газопроводу из России в Финляндию поставляется природный газ.

В Швеции также развита сеть железных и автомобильных дорог, бóльшая их часть — с твердым покрытием. Почти все аэропорты оснащены твердыми взлетно-посадочными полосами. Основные порты: Гётеборг, Хельсинборг, Кальмар, Мальмё, Стокгольм. Природный газ в Швецию поступает по трубопроводу из Дании.

Трубопроводный транспорт более всего развит в Норвегии, в которой проложено 22 трубопровода для транспортировки нефти и газа с континентального морского шельфа в страну, в том числе шесть трубопроводов связывают территорию Норвегии с Европой, один из которых имеет выход на Великобританию.

Транспортная система североевропейских стран отвечает потребностям экономического развития и позволяет народному хозяйству успешно развиваться.

2.5.2. Энергетика

Страны североевропейского региона весьма различаются между собой по степени обеспеченности энергоресурсами и их составу. Дания делает упор на использование тепловой энергии, получаемой от сжигания углеводородов, а также энергии ветра. В Исландии широко применяется геотермальная энергия и гидроэнергия. В Норвегии преимущественно используется гидроэнергия. Швеция и Финляндия потребляют все виды энергии, в том числе атомную, в то время как в Дании, Исландии и Норвегии не было построено ни одной АЭС. В Швеции за счет атомной энергии производится 35% энергии, а в Финляндии — 18%[1].

---

[1] См.: Nordic Statistical Yearbook. 2006. Vol. 44. P. 34.

Таблица 2.22

Производство энергии в странах Северной Европы в 1990–2004 гг.

	Производство энергии (млн тонн нефтяного эквивалента)		Население (млн человек)		Производство энергии на душу населения (тонн нефтяного эквивалента в год)*	
	1990	**2005**	**1990**	**2005**	**1990**	**2005**
Дания	10,0	31,2	5,135	5,411	1,9	5,8
Исландия	1,3	2,6	0,256	0,294	5,5	8,8
Норвегия	120,1	233,6	4,233	4,606	28,4	50,7
Финляндия	11,7	16,2	4,998	5,237	2,3	3,1
Швеция	29,8	34,3	8,591	9,011	3,5	3,8
Итого	**163,9**	**317,9**	**23,316**	**24,664**	**7,0**	**12,9**

Источник: Nordic Statistical Yearbook. 2001. Vol. 39. P. 59, 61, 77; 2007. Vol. 45. P. 44, 61.
* Расчет.

Из данных таблицы 2.22 следует, что больше всех на Севере Европы производят энергии в расчете на душу населения в Норвегии, а меньше всех — в Финляндии. Это обусловлено различиями в составе и количестве энергетических ресурсов, а также разными потребностями в энергии, связанными со структурой производства. Посмотрим теперь, какие есть различия в потреблении энергии.

Таблица 2.23

Потребление энергии в странах Северной Европы в 1997–2004 гг.

	Потребление энергии в 1997 г. (в млн тонн нефтяного эквивалента)	Потребление энергии на душу населения (тонн в год)	
	1997	**1997**	**2005**
Дания	15,8	2,9	2,83
Исландия	1,9	6,9	7,50
Норвегия	19,3	4,4	4,03
Финляндия	24,0	4,7	4,82
Швеция	35,7	3,8	3,74

Источник: Nordic Statistical Yearbook. 2001. Vol. 39. P. 61; 2007. Vol. 45. P. 44.

Больше всего энергии на душу населения потребляют в Исландии и Финляндии, где развита цветная металлургия — энергоемкое производство. Меньше всего энергии на душу населения потребляется в Дании, в промышленности которой меньший удельный вес занимают энергоемкие производства (например, выплавка стали и цветных металлов), которые, напротив, имеют большое значение для Финляндии и Исландии. Заметна также тенденция к сокращению потребления энергии на душу населения, что связано с реализацией мер по ее более экономному использованию. Кроме того, Финляндия больше нуждается в энергии, так как климат здесь более суровый, а зима — длиннее, чем у ее соседей по Скандинавскому полуострову.

Страны региона весьма различаются по структуре энергобаланса. В Дании преобладающая часть энергии производится на ТЭС, в последнее время широко используется энергия ветра, так как Дания бедна гидроэнергией. В Норвегии в производстве электроэнергии преобладают ГЭС, используются также ТЭС и альтернативные источники энергии.

Источники энергии в убывающем порядке по их использованию распределяются на Севере Европы следующим образом: нефть, твердые виды топлива (уголь и древесина), атомная энергия, гидро- и геотермальная энергия, солнечная энергия и природный газ. Гидро- и геотермальная энергия на Севере Европы, особенно в Норвегии и Исландии, используются гораздо активнее, чем в странах ОЭСР в среднем.

Электроэнергетическая сеть Финляндии связана со Швецией и Россией, что дает возможность обмениваться электроэнергией из-за несовпадения пиковых нагрузок. Это позволяет Финляндии импортировать электрическую энергию из России, а ранее она импортировала ее из СССР. Все североевропейские страны участвуют в системе «Нордпул», организованной в 1996 г. для обмена энергией.

СССР построил в Финляндии АЭС в Ловиисе (вблизи Хельсинки), на которой было установлено два реактора. Бóльшая часть электроэнергии в Финляндии производится на ТЭС (около половины), остальное — на ГЭС, АЭС и электростанциях другого типа.

Начало разработок по добыче нефти на континентальном шельфе превратило Данию из импортера нефти в ее экспортера. По предварительным оценкам нефти Дании хватит на 14–17 лет, а природного газа — на 24 года. Часть добываемой нефти и газа экспортируются. Нефть добывается на 16 месторождениях в датском секторе Северного моря, в которых расположены 42 платформы и 281 скважина. Объем ежегодно добываемой нефти растет, так как происходит рост цен, одновременно увеличиваются доходы государства от ТЭК.

Начиная с 1997 г., Дания достигла самообеспеченности по энергоресурсам. На возобновляемых источниках энергии (главным образом на энергии ветра) производится около 12%, остальные 98% производятся на ТЭЦ[1].

Производство энергии в Северной Европе выросло с 1980 по 2004 г. в миллионах тонн нефтяного эквивалента в четыре раза, большая часть этого прироста обеспечивается Норвегией[2]. Это позволило увеличить потребление энергии, в том числе на душу населения. При этом потребление энергии на душу населения в Норвегии — чемпиона по этому показателю на Севере Европы — в 16 раз выше, чем в Финляндии. Выше всего доля экологически чистых источников энергии в Исландии и Норвегии. Большая часть электроэнергии в Дании в настоящее время производится на ТЭЦ. В Финляндии на АЭС производится 18% потребляемой в стране электроэнергии, 21% — на экологически чистых источниках энергии, остальные 61% на ТЭС, ГЭС и станциях другого типа. Финская компания «Иматран Войма» с 1977 г. эксплуатирует АЭС в Ловиисе (около Хельсинки)[3].

В Норвегии в 1992 г. государственное предприятие, монополист по производству электроэнергии было разделено на два: «Статнет», которое обладает монополией на эксплуатацию центральной сети и «Статкрафт», которое занимается производством и продажей электроэнергии. В качестве целей реформы электроэнергетики были провозглашены энергосбережение, привлечение инвестиций для совершения крупных проектов, выполнение юридических обязательств, связанных с укреплением ее связей с ЕС через ЕЭП и формированием единого экономического пространства. В середине 1990-х гг. был создан общий энергетический рынок североевропейских стран, а также северная электрическая биржа и общие правила торговли электрической энергией. Потребители получили возможность выбирать поставщиков электроэнергии, но обещанного снижения цен на электричество не произошло. В Норвегии в конце 1990-х гг. 85% электроэнергетических мощностей находилось в руках государства.

АЭС обеспечивают 35% потребляемой в Швеции электроэнергии. На экологически чистых источниках энергии (включая ГЭС) производится 27%, остальные 38% электроэнергии, потребляемой в Швеции,

---

[1] Nordic Statistical Yearbook. 2006. Vol. 44. P. 43.

[2] Ibid. 2001. Vol. 39. P. 59; 2006. Vol. 44. P. 43.

[3] Ibid. 2006. Vol. 44. P. 43–44.

производится на ТЭЦ. ТЭЦ работают на нефти, угле и коксе. В ноябре 1999 г. был закрыт первый атомный реактор на АЭС «Барсебек», а второй реактор на той же станции тоже предполагается вывести из эксплуатации. С 1997 г. реализуется семилетняя программа, направленная на внедрение энергоэкономных технологий и использование альтернативных источников энергии, с целью прекращения использования АЭС. Разработана программа перехода на энергетику, свободную от углеводородов.

Энергетическая система североевропейских стран не только полностью обеспечивает потребности развития народного хозяйства и личные потребности их граждан, но и позволяет в некоторых странах региона (Исландия, Норвегия) развивать энергоемкие производства с последующим вывозом продукции на экспорт. Страны Северной Европы, являясь лидерами по многим показателям качественного развития экономики, лидируют в мире также и по переводу энергетики на безвредные для окружающей среды виды топлива и другие источники энергии. В качестве таковых используются биотопливо (лидер — Швеция), ветровая энергия (лидер — Дания), геотермальная энергия (лидер — Исландия), гидроэнергия (лидер — Норвегия).

2.5.3. Экология

Поскольку территория Северной Европы довольно значительна, а население в совокупности составляет только 24 млн человек, то регион по плотности заселения является одним из самых малонаселенных в мире. Низкая плотность объясняется тем, что значительная часть региона находится в полярных и приполярных широтах, не пригодных для сельскохозяйственного производства и мало пригодного для жизни вообще, так как почти все необходимое для жизни человека туда требуется завозить. Поэтому наибольшая плотность отмечается на территории Дании (124 человека на квадратный километр), которая весьма отличается от остальных североевропейских стран по географическому положению и климатическим условиям. Внутри отдельных стран тоже четко прослеживается концентрация населения в более мягких по климату территориях на юге и юго-западе. Почти половина населения Дании и Норвегии сосредоточена в их столицах и вокруг них, так как столицы являются административными, промышленными и культурными центрами, а также крупными портами.

Низкая плотность населения на большей части Северной Европы является, безусловно, фактором, несколько снижающим остроту

проблемы загрязнения окружающей среды, которая резко возрастает по мере увеличения плотности населения и усиления концентрации хозяйственной деятельности. Однако высокая степень урбанизации и обеспеченности автомобилями, а также высокий уровень энергопотребления, напротив, действуют как факторы, усложняющие сохранение среды обитания человека. Значительная зависимость экономики отдельных североевропейских стран от сельского и лесного хозяйства, рыболовства также повышают их чувствительность к экологическим вопросам. А если глобальное потепление климата приведет к заметному повышению уровня Мирового океана, то это вообще будет иметь для региона катастрофические последствия, особенно для Дании. На территориях, покрытым лесом, особенно в Швеции, ощущается негативное влияние кислотных дождей.

Вот почему североевропейские страны являются твердыми и последовательными сторонниками Киотского протокола, действие которого направлено на снижение выбросов в атмосферу газов, вызывающих парниковый эффект и кислотные дожди. Протокол ставит целью снижение к 2008–2012 гг. вредных выбросов не менее чем на 5% к уровню 1990 г., а страны ЕС поставили целью снижение даже на 8%. Потепление климата сильнее всего зависит от выбросов диоксида углерода в атмосферу при сжигании топлива на ТЭС или на транспорте; выбросы этого газа росли в странах Скандинавии и Финляндии на протяжении последних десятилетий из-за увеличения количества автомобилей и производства тепловой и электрической энергии на ТЭЦ. Наиболее доступным способом снизить их является переход на природный газ, что возможно при увеличении его добычи на Северном море и перемещения разработок в Баренцево и и другие северные моря. Вот почему рост цен на нефть и такие инициативы, как «Северное измерение», Балтийское и Баренцево сотрудничество приобретают столь большое значение для поддержания достигнутого на Севере Европы высокого качества жизни, северные стандарты которого служат эталоном для всего мира.

Североевропейским странам удалось уже к середине 1990-х гг. заметно снизить выбросы в окружающую среду диоксида серы по сравнению с уровнем начала 1980-х гг., которая является фактором образования кислотных дождей. Им удалось также понизить выбросы окиси азота, правда, не в такой степени, как диоксида серы *(см. табл. 2.23)*. До сих пор на Севере Европы медленнее всего (по сравнению с другими газами, вызывающими парниковый эффект) снижались выбросы диоксида углерода. Такие обязательства взяты странами региона по Киотскому протоколу, который ими выполняется. Газы, вызывающие

разрушение озонового слоя Земли, запрещены к использованию, и в североевропейских странах они выведены из употребления.

Таблица 2.24

Выбросы вредных газов (диоксида серы, окислов азота и др.), вызывающих кислотные дожди

		Дания	Исландия	Норвегия	Финляндия	Швеция
Всего, тыс. тонн ПКЭ*	1990	19,4	0,8	7,7	17,2	13,5
	2004	10,5	0,8	6,8	9,0	9,1
В 2004 г., % по отношению к 1990 г. (1990 = 100)		54	100	88	52	67

Источник: Nordic Statistical Yearbook. 2006. Vol. 44. P. 47.

* ПКЭ — потенциальный кислотный эквивалент.

Жидкие отходы производства и коммунального хозяйства тоже представляют собой угрозу для окружающей среды. Их очистка обычно состоит из трех стадий: на первой осуществляется механическая очистка, позволяющая извлечь твердые загрязнения, на второй — биологическая с использованием анаэробных или аэробных микроорганизмов, третья стадия состоит в использовании химических методов очистки. На протяжении 1990-х гг. в Скандинавских странах и Финляндии постоянно увеличивалось число подключений домашних хозяйств к сетям, позволяющим очищать жидкие отходы. Начиная с середины 1980-х гг. регион перешел к использованию наиболее современных и совершенных методов очистки сточных вод.

Некоторые виды производства в Дании относятся к экологически опасным. Однако, в условиях перехода стран региона к проведению так называемой политики промышленной экологии, такие компании, считаясь с общественным настроением и государственной политикой, вынуждены уделять повышенное внимание обработке своих производственных отходов. Например, все датские предприятия датской компании «Кеминова» (производство пестицидов, аэрозолей, инсектицидов, фосфорной кислоты и т.д.) имеют оборудование по биологической очистке сточных вод, по сжиганию мусора и газов, образующихся в процессе производства.

Правительство Дании приняло решение снизить уже к 2005 г. на 20% выбросы углекислого газа в атмосферу. Поэтому стимулируется использование экологически чистых возобновляемых источников энергии. За их счет уже удовлетворяется 12% потребностей Дании в энергии, а к 2030 г. планируется довести эту долю уже до 35%. Дания занимает, наряду с США, ведущее место в мире по применению энергии ветра. На ТЭС наряду с традиционными видами топлива используется биомасса, солома, древесная стружка. Наряду с биомассой в Дании, Швеции, Исландии и Финляндии производится биогаз (он представляет собой смесь: метан, углекислый газ, а также сероводород), который производится из органического мусора в процессе переработки бытовых органических отходов и который может быть использован в качестве горючего. В Дании активно проводятся НИОКР по возобновляемым источникам энергии. Датское правительство выделяет субсидии в размере 30% общих расходов предприятий, связанных с оснащением дизельных грузовых автомобилей очистными фильтрами, предназначенными для снижения вредных выбросов в атмосферу.

Законодательство во всех североевропейских странах ориентировано на защиту экологии. Например, датские законы жестко регулируют применение химических веществ в сельском хозяйстве, порядок и масштабы применения органических удобрений, запрещают сброс отходов производства в окружающую среду, поэтому внедряются экологически чистые технологии. Государство и кооперативы финансируют научные исследования по разработке чистых аграрных технологий, применение которых позволяет не только уменьшить загрязнение окружающей среды, но и повысить конкурентоспособность датского сельского хозяйства. Во всех североевропейских странах четко прослеживается тенденция к сокращению применения пестицидов и других химических средств (прежде всего, удобрений) в сельском хозяйстве, хотя и в разной степени. Часть датских фермеров специализируется на экологически чистом сельском хозяйстве. Датские фермеры не выращивают генно-модифицированные культуры (ГМК).

В результате выбросы загрязняющих и вредных веществ в пяти странах Северной Европы уменьшились в течение семи лет (с 1990 по 1997 г.) таким образом: по окислам серы — на 98%; по окислам азота — на 11%; по окиси углерода — на 29%; по отходам органического происхождения — на 9%[1].

[1] Расчет по данным Nordic Statistical Yearbook. 2001. Vol. 39. P. 44.

В целях уменьшения вредной нагрузки на окружающую среду и улучшения качества продовольствия страны Северной Европы стали уменьшать количество внесенных в почву химических удобрений, пестицидов. В частности, в 2004/2005 г. по сравнению с 1999/2000 сельскохозяйственным годом размер внесенных азотных удобрений был уменьшен во всех странах Северной Европы на 13%, фосфорных удобрений — на 10,3%, а калийных — тоже на 13%, но потребление пестицидов увеличилось на 19% *(см. табл. 2.25).*

Таблица 2.25

Потребление удобрений и пестицидов в странах Северной Европы

	Потребление удобрений (тыс. тонн)			**Потребление пестицидов, всего (тонн)**
	азотные	**фосфорные**	**калийные**	**Всего (инсектициды, фунгициды и гербициды)**
1999/2000 сельскохозяйственный год				
Дания	251,5	17,8	72,6	2874
Исландия	12,7	4,1	3,9	–
Норвегия	107,4	13,3	50,5	380
Финляндия	167,2	20,6	60,5	1150
Швеция	189,4	17,6	38,9	1648
Всего	728,2	73,4	226,4	6052
2004/2005 сельскохозяйственный год				
Дания	206,3	15,1	62,8	3246
Исландия	9,8	4,4	3,0	4*
Норвегия	106,9	12,7	45,9	530
Финляндия	149,6	18,3	51,6	1860
Швеция	161,5	15,4	33,2	1566
Всего	634,1	65,9	196,5	7202

Источник: Nordic Statistical Yearbook. 2001. Vol. 39. P. 49, 52; 2006. Vol. 44. P. 48.

* Данные за 2003 г..

Еще одно направление защиты окружающей среды — это рациональное использование земли, создание национальных парков и охраняемых территорий.

В странах Северной Европы число национальных парков выросло с 70 в 1998 г. до 92 в 2005 г. Наибольший удельный вес по своей территории национальные парки занимают в Норвегии, где они распространяются на 10% площади страны[1]. По площади национальных парков, которая приходится на одного жителя страны лидирует Исландия. Охраняемая территория составляет от 8 до 12% территории отдельных североевропейских государств. Норвегия и Швеция лидируют и по общей площади охраняемых территорий, а Норвегия и Исландия — по размеру природных охраняемых территорий в расчете на одного жителя[2].

В целях снижения вредной нагрузки на окружающую среду проводится политика, направленная на рециркуляцию природных материалов после их переработки. Например, производство бумаги на основе ее вторичного использования выросло в четырех странах Северной Европы только с 1990 по 1997 г. на 48%, то есть прирост составил 7% в год[3].

Усиление экологической составляющей экономического развития Северной Европы выразилось в том, что ассигнования на научные цели экологической направленности увеличились в четырех странах Северной Европы (без Исландии) с 1980 по 1998 г. на 95%. Особенно интенсивный рост отмечается в Финляндии и Норвегии (в восемь и два раза соответственно). В Швеции эти расходы сначала выросли к 1990 (предкризисному) году в два раза, но после кризиса они были уменьшены в два раза по отношению к 1980 г.[4]

Следуя рекомендациям всенародного референдума по применению атомной энергии, 30 ноября 1999 г. в Швеции был остановлен агрегат «Барсебек-1». Правда, лидер умеренно-коалиционной партии, представляющей интересы крупного капитала, заявил при этом, что с приходом к власти его партия опять введет в действие этот агрегат, если это будет еще возможно с технической точки зрения. Предполагается также закрыть вторую очередь АЭС — «Барсебек-2». АЭС принадлежит компании «Сюдкрафт», которая получила от правительства гарантии того, что ее потери в производстве электроэнергии будут полностью компенсированы. Другая энергетическая компания — «Ваттенфалль» согласилась продать АЭС в Рингхальсе (четыре атомных реактора) государству по рыночной стоимости.

---

[1] Nordic Statistical Yearbook. 2006. Vol. 44. P. 50.

[2] Ibid. 2006. Vol. 44. P. 49.

[3] Ibid. 2001. Vol. 39. P. 56.

[4] Ibid. 2001. Vol. 39. P. 68.

Поскольку в Северной Европе индустриализация была относительно поздней, то ее жители еще не утратили своих крестьянских корней. Для них характерно подчеркнуто бережное отношение к природе. На Севере Европы имеются в достатке и доступны каждому свежий воздух, чистая вода и огромные пространства.

Экономический рост и увеличение благосостояния в условиях современной техногенной цивилизации ведут к увеличению отходов производства и бытовых отходов, особенно в странах, которые достигли высокого уровня экономики и высоких жизненных стандартов. В процессе разложения отходов образуются газы, которые являются одной из причин тепличного эффекта. Бытовые отходы в Скандинавских странах варьируют от 630 кг в год на душу населения в Норвегии до 360 кг в Швеции[1]. Обработка бытовых отходов осуществляется муниципалитетами, в Финляндии, Исландии и Норвегии они в основном закапываются в землю, в Дании — сжигаются, а в Швеции применяются оба метода примерно в равной степени.

Отходы бумаги и картона в североевропейских странах, как правило, используются в качестве вторичного сырья. Причем в Швеции вторично используют 62% отходов, а в Норвегии — 44%[2].

Государство использует различные методы проведения экологически ориентированной политики. Во-первых, это административные меры и прямой запрет на использование определенных веществ или технологий, а также создание закрытых для промышленного использования или проживания людей территорий (национальные парки, природные резервации, охраняемые территории и т.д.). Используются также экономические меры для улучшения состояния окружающей среды, например, предоставляются налоговые льготы за снижение вредного воздействия на окружающую среду или, напротив, осуществляется введение налогов, если компании или индивидуальные домашние хозяйства не принимают мер к снижению загрязнения (так называемые зеленые налоги). Налогами может облагаться использование определенных продуктов (например, воды или газолина).

Государство выделяет из бюджета также средства на проведение мероприятий по улучшению состояния окружающей среды, а также на проведение НИОКР экологической направленности. Такие расходы довольно сильно колеблются в отдельных североевропейских странах в зависимости от приоритетов их национальной научно-исследова-

---

[1] Nordic Statistical Yearbook. 2001. Vol. 39. P. 53.

[2] Ibid.

тельской политики, наибольшее внимание этому направлению придают в Швеции *(см. табл. 2.26)*[1].

Таблица 2.26

Государственные расходы на охрану окружающей среды на Севере Европы (млн евро)

	Дания	Исландия	Норвегия	Финляндия	Швеция
1997	33	3	28	26	23
2003	19,9	0,3	30,0	24,3	32,6
2005	19,2	0,5	24,6	26,1	56,8

Источник: Nordic Statistical Yearbook. 2001. Vol. 39. P. 237; 2005. Vol. 43. P. 224; 2006. Vol. 44. P. 230.

Несмотря на высокий уровень промышленного развития и потребления, североевропейские страны достигли больших успехов в переходе к устойчивому развитию и являются лидерами в мировой экономике по разработке механизмов защиты окружающей среды. По данным американского Университетского центра в Йеле, по индексу защиты окружающей среды в 2006 г. Швеция находилась на 2-м месте в мире, Финляндия — на 3-м, Дания — на 7-м; Исландия — на 13-м; а Норвегия — на 18-м месте в мире[2].

2.6. Производственный сектор экономики: превращение из аграрно-промышленного в ведущий промышленный регион Европы

2.6.1. Промышленность

Индустриализация на Севере Европы началась позднее, чем в Западной Европе. В настоящее время во всех странах региона отрасли, развитие которых основано на использовании природного сырья (АПК, деревообработка и целлюлозно-бумажная промыш-

[1] См.: Nordic Statistical Yearbook. 2001. Vol. 39. P. 68.

[2] www.yale.edu|epi.

ленность, черная и цветная металлургия), соседствуют с наукоемкими отраслями, основанными на использовании передовых технологий и высокообразованной рабочей силы. Отраслевая структура промышленности в разных североевропейских странах может значительно отличаться, но общей чертой является последовательное повышение степени переработки природного сырья в ходе исторического развития и высокая степень специализации производства и экспорта, что связано с ранней интернационализацией. Наиболее широкий набор промышленных отраслей представлен в Швеции, в то время как промышленность Исландии носит почти монотоварный характер.

Индустриализация на Севере Европы началась с отраслей, использующих местное природное сырье, а также отраслей, направленных на удовлетворение насущных нужд человека, таких как продукты питания, одежда, обувь и т.д. В Дании, Гренландии и Фарерских островах до сих пор пищевая промышленность — одна из основных. В Норвегии, Финляндии и Швеции развитие пищевой промышленности основано не только на использовании своих естественных преимуществ, но и на стремлении достичь продовольственной самообеспеченности в целях экономической безопасности. В этих странах металлообработка и машиностроение с самого начала индустриализации приобрели важное значение, хотя в Швеции, опять-таки, представлен более широкий диапазон производства машиностроительных изделий, включая автомобили (которые самостоятельно не производятся больше нигде на Европейском Севере), самолеты и разнообразную военную технику. В Норвегии и Исландии в силу преимуществ в получении дешевой электроэнергии получили развитие энергоемкие отрасли промышленности, в первую очередь — цветная металлургия. Отрасли, основанные на использовании лесных богатств, более всего развиты в Финляндии и Швеции. Однако первой наладила производство бумаги на промышленной основе в широких масштабах Норвегия.

Несмотря на важную роль промышленности для экономики североевропейских стран, доля занятых в ней сокращается во всех странах региона, хотя стоимость промышленной продукции довольно быстро растет, особенно обрабатывающих отраслей *(см. табл. 2.27)*. Однако доля промышленности в создании стоимости, добавленной обработкой, довольно стабильна во всех странах региона, кроме Норвегии, где она растет из-за увеличения спроса на мировом рынке на нефть и газ. Промышленность наиболее развита в Швеции, Финляндии и Норвегии (здесь она составляет от 24 до 38%), чем в Дании и

Исландии (где ее доля менее 20%)[1]. Доля промышленности в численности занятых снижается во всех странах региона.

Таблица 2.27

Значение обрабатывающей промышленности для экономики стран Северной Европы в 2000–2005 гг.

	Дания	Исландия	Норвегия	Финляндия	Швеция
Доля обрабатывающей промышленности в общей численности занятых в хозяйстве, %					
2000 2005	17,5 15,5	16,3 14,0	15,2 13,8	21,2 19,3	19,1 16,1
Индекс производства продукции в обрабатывающей промышленности (1990=100)					
2005	119,6	143,9	152,4	165,8	185,6

Источник: Nordic Statistical Yearbook. 2001. Vol. 39. P. 154; 2006. Vol. 44. P. 146, 258.

Северная Европа — лидер мировой экономики по степени развития информационных технологий. Доля этого сектора народного хозяйства в 2005 г. достигла 9% всей рабочей силы в Швеции и Финляндии, в которых этот сектор экономики более развит, чем в Дании, Исландии и Норвегии и опережает другие отрасли по динамике своего развития[2].

Основные отрасли датской промышленности — это металлообработка и машиностроение (включая судостроение, дизелестроение, производство сельскохозяйственной техники, радио- и электротехника), пищевкусовая промышленность (мясомолочные продукты, продукция мукомольной промышленности, пивоваренное производство), химия и фармацевтика, целлюлозно-бумажная промышленность, текстильная промышленность. К новым динамично развивающимся отраслям относятся электроника, производство медицинской техники, биотехнология, фармацевтика.

Основной проблемой исландской промышленности является стремление преодолеть ее монотоварный характер, для чего активно используются государственные инвестиции и другие формы государственной поддержки.

---

[1] Nordic Statistical Yearbook. 2006. Vol. 44. P. 259.

[2] См.: Ibid. P. 277.

В Норвегии главной отраслью промышленности является добыча нефти и газа, а также нефтепереработка. Эта отрасль промышленности приносит стране более половины ее валютных доходов, значительную часть поступлений в государственный бюджет. Рост добычи нефти вывел Норвегию на 3-е место в мире по размеру ее экспорта. Ежедневно добывается около 3 млн баррелей нефти. Около 1/4 части норвежских инвестиций направляется в строительство нефтяных платформ на континентальном шельфе Северного моря, а в начале века началось освоение месторождений на Баренцевом море. Как уже было сказано выше, в Норвегии, как и в России, сложилась дуальная экономика, обе части которой развиваются разными темпами и с разной степенью интернационализации. Все отрасли норвежской промышленности можно разделить на четыре группы: топливно-энергетический сектор с сильным участием государства, экспортно-ориентированные, ориентированные на внутренний спрос отрасли, а также отрасли пользующиеся протекционистской защитой государства. В машиностроении преобладает производство оборудования для нефтедобывающей промышленности, платформы, рыболовецкие суда. Начиная с 1980-х гг., строительство судов стало сокращаться, но одновременно, стало расти строительство буровых нефтяных платформ. К крупнейшим норвежским фирмам относятся: «Акер», «Элкем», «Хафслунд Никомед», «Квернер», «Норск гидро», «Норск Ског», «Оркла», «Статойл».

Индустриализация Финляндии началась с деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности, которая длительное время преобладала в производстве и экспорте. Необходимость выплаты военных репараций послужила толчком к развитию в Финляндии тяжелой промышленности и машиностроения. Торговая дискриминация СССР странами Запада через КОКОМ и другие ограничения торговли в годы «холодной войны» тоже сыграли для финской промышленности положительную роль, так как это обеспечивало ей стабильные заказы Советского Союза на финскую продукцию машиностроения. В результате Финляндия превратилась в крупного производителя машин и оборудования для целлюлозно-бумажной промышленности, подъемного и холодильного оборудования, судов, ледоколов, лайнеров и других специализированных судов. Уже к 1970-м гг. финская экономика приобрела вторую важную опору, так как наряду с традиционными отраслями быстро стали формироваться металлообработка и машиностроение. В настоящее время появилась третья опора — наукоемкие отрасли, прежде всего информационные технологии, электроника, средства мобильной связи. Развита текстильная, пищевкусовая, фарфоровая промышленность, производство строительных материалов.

Основой развития шведской промышленности явилась металлургия и машиностроение, развитие которых было основано на крупных залежах железной руды и угля. Поэтому главные промышленные центры располагаются в Центральной Швеции, или на побережье (Лулео). Самая крупная шведская металлургическая компания «ССАБ» являлась государственной, но в конце 1980-х гг. она была приватизирована. В начале 1990-х гг. в стране началась крупномасштабная приватизация, в ходе которой полностью или частично перешли в частные руки такие компании, как: «Цельсиус Индастрис Корпорейшн» (оборонная промышленность), «Фармация» (фармацевтические препараты). В 2000 г. частично перешла в частные руки телекоммуникационная компания «Телиа АБ» — у государства осталось 46% акций. Шведская промышленность является наиболее диверсифицированной по составу на Севере Европы.

Почти половина продукции шведской промышленности создается на предприятиях машиностроения. Автомобили производит «Вольво» в Гётеборге и «Сааб-Скания» в Тролльхаттене. Шведско-швейцарский концерн «АББ» (который образовался в результате слияния шведской «АСЕА» и швейцарской «Браун—Бовери»), производит широкий набор машиностроительной продукции: оборудование для электростанций, в том числе для АЭС, электрические двигатели, насосы и системы вентиляции, военное оборудование (в кооперации с «Сааб»), потребительские товары длительного пользования (совместно с «Электролюкс»), промышленные роботы и многое другое. На предприятиях этой компании занято около 27 тыс. человек. Шведская фармацевтическая промышленность специализируется на производстве лекарственных препаратов, применяемых в кардиологии, гастроэнтерологии, онкологии. Среди шведских производителей лекарственных препаратов такие известные фирмы, как: «Астра», «Фармация», «Ново Нордиск», «Джонсон и Джонсон», «Сандоз» и др. Производство телекоммуникационного оборудования, электрическая и электронная промышленность сосредоточены вокруг Стокгольма. Крупнейшей компанией в этой области является «Л.М. Эрикссон», которая обеспечила своими мобильными телефонными аппаратами уже около 600 млн человек. На предприятиях компании работает 70 тыс. человек, из которых 32 тыс. — в Швеции.

Промышленность образует становой хребет и старой, и так называемой новой экономики. Швеция первой на Севере Европы вступила в эпоху индустриализации, так как эта страна, обладая богатыми залежами железной руды, стала развивать черную металлургию, чтобы производить металл — хлеб промышленности. Это повлекло за собой

развитие разных видов металлообработки и т.д. Ускорению индустриализации весьма способствовал тот факт, что шведское инженерное дело оказалось на высоте, и было сделано довольно много полезных для индустриализирующейся страны инженерных и технических открытий.

Финляндия вступила в индустриализацию в середине XIX в., и она происходила под влиянием спроса Российской империи. Норвегия и Исландия вступили в индустриальную фазу позднее всего из-за того, что малое количество человеческих ресурсов и богатство природных запасов определяли узкую специализацию этих стран на рыбной и лесной промышленности. В Дании первые шаги индустриализации были связаны с необходимостью обслуживать высокоразвитое и интенсивное сельское хозяйство (пищевкусовая промышленность, формирование АПК, сельскохозяйственные машины и инструменты, удобрения) и морской транспорт, необходимый для экспорта мяса, сливочного масла, сыра и т.д. (дизельное машиностроение и судостроение).

Второй этап индустриализации, произошел после первого энергетического кризиса, который подтолкнул экономику Северной Европы к переходу на интенсивный путь развития. На этот раз ускоренными темпами развивалось машиностроение и особенно те его отрасли, которые необходимы для сбережения энергии и материалов. В эпоху глобализации произошел сдвиг в направлении наукоемких отраслей промышленности, в первую очередь информационных технологий и передовых средств дальней связи, фармацевтики и биотехнологии и т.д. Каждый структурный сдвиг происходил в формах, позволяющих использовать эффекты глубокой специализации.

Электроника в североевропейских странах до наступления информационной революции играла небольшую роль и встала на ноги благодаря поддержке государства. Например, частная фирма «Нокиа» в 1977 г. слилась с государственной компанией «Телева», в результате получения государственных субсидий для НИОКР новой фирме удалось получить современные технологические разработки, обеспечившие ей хорошие возможности для развития.

Похожая схема была применена норвежской частной компанией «Норск Дата» которая воспользовалась крупными государственными контрактами на закупку оборудования, что обеспечило ей хороший старт. Технологии, необходимые для выполнения контрактов, она получила благодаря участию в совместном предприятии при участии государственного капитала и получению государственных субсидий на НИОКР.

Шведская промышленность, развитие которой ранее основывалось на запасах железной руды, лесе, гидроэнергоресурсах, в послед-

ние годы сосредоточилась на отраслях так называемой новой экономики. Государство постепенно передает в частные руки те предприятия, которые были в отраслях обрабатывающей промышленности. Раньше шведское государство поддерживало неконкурентоспособные отрасли при помощи предоставления государственных субсидий, но ее сокращение привело к свертыванию таких традиционных для Швеции отраслей промышленности, как судостроительная и текстильная. В других отраслях произошла рационализация и концентрация на узких сегментах рынка. Основными отраслями являются: автомобилестроение, пищевкусовая, химическая, металлургия и металлообработка, транспортное машиностроение, электротехника и электроника, лесная промышленность. В производстве преобладают крупные капиталоемкие предприятия, интенсивно использующие капитал, так как налоги, система социального обеспечения и регулирование рынка труда не способствуют существованию мелких предприятий, которые преобладают в сфере услуг. Одна треть промышленного производства, рабочей силы и экспорта приходится на отрасли машиностроения. К крупным машиностроительным компаниям Швеции относятся: «Эрикссон», «Электролюкс», «Вольво» (в настоящее время перешла в руки компании «Форд»), «СКФ», «Сааб», «Сканиа», «Сандвик».

ОЭСР относит Швецию к ведущим странам по степени распространенности Интернета и развитию информационных технологий, наряду с Финляндией и США. Швеция также лидирует в области биотехнологии и занимает 1-е место в мире по числу биотехнологических компаний в расчете на душу населения. Одна пятая промышленного производства — лесная промышленность. У Швеции самые крупные в Западной Европе запасы леса.

Вплоть до 1970-х гг. электроника не играла большой роли в экономике Северной Европы, государство рекомендовало закупать необходимое оборудование у американской фирмы «ИБМ». Но в настоящее время все страны Северной Европы имеют развитую электронику, которая носит узкоспециализированный характер, позволяя занять свою нишу в электронной промышленности. Дания специализируется на выпуске электроники медицинского назначения, инструментах, средств телевизионной связи. В Датском королевстве почти нет крупных фирм, преобладают мелкие и средние, такие как: «Радиометер», «Бруэл & Кьэр», «Бэнг & Олуфсен». Норвегия специализируется на выпуске средств для телевизионной связи, инструментах и компьютерах. Крупнейшие фирмы — «Тандберг Дата» и «Норск Дата». На вторую компанию приходится более половины норвежского экспорта электроники. Финляндия производит медицинские инст-

рументы с электронной начинкой, бытовую электронику, средства мобильной телефонной связи. Крупнейшие финские электронные компании — это: «Нокиа», «Салора», «Люксор». Бурный подъем фирмы «Нокиа» начался после того, как она объединилась с государственной компанией «Телева», чтобы создать устройство, необходимое для совершенствования средств мобильной связи (цифровая коммутационная система — «digitalized switching systems»). Швеция специализируется на производстве и экспорте медицинской электроники, компьютеров, средств телевизионной связи. Крупнейший производитель — «Эрикссон» — фирма, которая была создана еще в 1876 г. для производства телефонов. Развитию североевропейской электронной промышленности способствовало создание в 1981 г. системы «Nordic Mobile Telephone System» (NMT), которая позволила согласовать стандарты между всеми североевропейскими странами, что содействовало расширению спроса на их продукцию.

В промышленности всех североевропейских стран преобладают мелкие и средние предприятия, но так как их экономика рано приобрела интернациональный характер из-за глубокой специализации, то сформировался слой крупных и мощных компаний, полем деятельности которых является европейский и даже мировой рынок. Такие компании, оперируя на рынках десятков стран и располагая там своими предприятиями, легко могут перемещать производство между странами, реагируя на изменения политических и социально-экономических факторов. Если до 1970-х гг. Северная Европа оставалась в основном в стороне от процессов международной концентрации капиталов и их перемещения между странами, то в 1980-е и последующие годы в связи с либерализацией рынков капиталов она все глубже вовлекается в эти процессы, особенно сильно, начиная с 1990-х гг., когда развернулась глобализация. В результате узкий слой североевропейских компаний, которые смогли воспользоваться преимуществами либерализации международного движения капиталов, по размерам своего производства, своей финансовой и экономической мощи вполне может конкурировать с ТНК США, Японии, Германии и других стран.

По данным журнала «Форбс», который ведет мониторинг крупнейших компаний мира, в число крупнейших 2000 компаний Европы в 2005 г. вошло 65 компаний из североевропейских стран и только 13 российских компаний. Это свидетельствует о более высокой концентрации капитала в североевропейской экономике по сравнению с российской. В это число вошли 28 шведских компании, из Дании — 10, из Финляндии — 15, из Норвегии — девять, из Исландии — три компании.

Таблица 2.28

Крупнейшие компании североевропейских стран и России (в скобках указано место, которое они занимают среди 2000 крупнейших компаний Европы)

	Компании страны, которые входят в число 2000 крупнейших компаний мира
Дания	«АП Мёллер-Мэрск» (149) «Ден Данске Банк» (148) «Ново Нордиск» (581) «ТДС Груп» (587) «Карлсберг» (1181) «Юске Банк» (1303) «Х. Лундбек» (1592) «Зюдбанк» (1718) «ИСС» (1756) «Даниско» (1823). Итого: 10 компаний
Исландия	«Кауптинг Банк» (1033) «Ландсбанк» (1529) «Исландсбанк» (1712). Итого: 3 компании
Норвегия	«Статойл Груп» (96) «Норск гидро» (165) «Ден Норске Банк» (302) «Теленор» (375) «Оркла» (663) «Яра Интернешнл» (896) «Сторебранд» (919) «Акер» (1495) «Норске Скогиндустриер» (1566). Итого: 9 компаний
Финляндия	«Нокиа» (105) «Фортум» (251) «Стура Энсо» (292) «УПМ-Кюммене» (310) «Сампо» (428) «Оутокумпу» (789) «Коне» (938) «Раутаруукки» (1373) «М-реал» (1430) «Кеско-груп» (1461) «Санома» (1530) «ОКО БАНК» (1570) «Метсо» (1727) «Тието Инатор» (1770). Итого: 15 компаний
Швеция	«Нордеа Банк» (114) «Л.М. Эрикссон» (170) «Вольво Груп» (179) «Телиа Сонера Груп» (204) «Свенска Хандельсбанкен» (238) «СЕБ-Скальд Эншильда Банкен» (258) «Фёренингсспарбанкен» (261) «Свенска Целлюлоза» (418) «Электролюкс Груп» (526) «Сканиа» (533) «Сандвик» (573) «Хеннес & Мауриц» (583) «Атлас Копко» (622) «Сканска» (610) «Скандиа Иншуранс» (699) «СКФ Груп» (848) «Теле2» (899) «Секьюритас» (941) «Асса Аблой» (1214) «Инвестор» (1286) «Гамбро» (1307) «Свенск Столь» (1396) «САС Груп» (1397) «НСС Груп» (1679) «Свидиш Мэтч» (1681) «Индустриварден» (1688) «Вилборгс Фастигхетер» (1891) «Лундберг» (1964) Итого: 28 компаний
Россия	«Газпром» (67) «ЛУКОЙЛ» (161) РАО «ЕЭС России» (252) «Сургутнефтегаз» (360) «Сбербанк» (409) «Сибнефть» (452) «Норильский никель» (504) «МТС» (759) «Татнефть» (938) «Северсталь» (1091) «ВымпелКом» (1468) «Автоваз» (1836) «Мечел Стил Групп» (1985). Итого: 13 компаний

Источник: Forbes. Special Report. The Forbes Global 2000.

Из данных этой таблицы следует, что в Дании крупнейшими компаниями являются: «Мёллер-Мэрск», «Ден Данске Банк» и «Ново Нордиск»; в Финляндии — «Нокиа», «Фортум» и «Стура Энсо»; в Исландии — три банка («Кауптинг Банк», «Ландсбанк», «Исландский банк»); в Норвегии — «Статойл», «Норск гидро», «Ден Норшке Банк» и «Теленор»; в Швеции — «Нордеа Банк», «Эрикссон», «Вольво», «Телиа Сонера», «Свенска Хандельсбанкен». Из 65 крупнейших североевропейских компаний в число 500 компаний мира входит 19 компаний.

В Дании большая часть промышленных и торговых компаний относится к категории малых и средних. Датская федерация малых и средних предприятий объединяет примерно 23 тыс. предприятий, на каждом из которых работает менее 150 человек. Конфедерация датских промышленников объединяет 5800 крупных предприятий. Эти объединения отстаивают групповые интересы промышленников перед лицом общества и государственного аппарата, а также получают государственную поддержку, стремятся отстаивать свои интересы в интеграционных и глобализационных процессах, а также в рамках международных организаций. Двадцать пять монополий контролируют более половины промышленности, сельского хозяйства и торгово-финансовых предприятий. Существует около 100 банков, два из них располагают большей частью совокупных банковских активов. Производство, организуемое некоторыми датскими компаниями, высоко интернационализировано. Например, датская компания «Карлсберг» 88% производимого ею пива продается вне Дании[1], а ее предприятия разбросаны по 40 странам мира. Самой крупной компанией по переработке мяса в Дании является «Дэниш Краун» с 19 тыс. занятых. В датском отделении датско-шведской компании «Арла» занято 10 тыс. человек. К крупным предприятиям относятся «Ново Нордиск» (производитель инсулина), «Лего» (детские игрушки), «Данфосс» (контрольно-измерительное оборудование, насосы).

В Швеции — 700 тыс. компаний, более 4/5 из них — малые. Акции компаний широко распылены: 8 из 10 шведов являются владельцами акций. Шведский капитал достиг высокой концентрации раньше, чем другие страны региона. Еще в 1968 г. шведская комиссия по проблемам собственности сообщила, что 15 семей обладают финансовым контролем над 200 крупнейшими предприятиями страны, на которых

---

[1] См.: The Danish National Encyclopedia. The Royal Danish Ministry of Foreign Affairs. Department of Information. Copenhagen. 1998. (www.um.dk.danmarksbog).

трудится почти полмиллиона человек[1]. Всю банковско-финансовую сферу Швеции контролирует 4 крупных банка[2].

Крупнейшими работодателями в Швеции являются предприятия с числом занятых более 10 тыс. человек каждое, в том числе такие компании, как: «Вольво» (51,7 тысяч занятых), «Постен» (41,9), «Эрикссон» (41,5), «Телиа» (27,5), «Самхалль» (25,7), «АББ» (24,1), «СКФ» 17,4), «Статенс Ернвагар» (15,6), «Сканска» (14,9), «Фёренингсспарбанкен» (13,2), «НСС» (13,1), «СЕБ» (11,5), «Стура Энсо» (11,3), «Сандвик» (11,0), «Скания» (10,3). Из них четыре компании, а именно «Постен», «Телиа», «Самхалль» и «Статенс Ернвагар» полностью или частично находятся в государственной собственности. Таким образом шведское государство продолжает оставаться крупным работодателем.

Швеция — крупный производитель и экспортер вооружения. Крупнейший шведский военно-промышленный концерн «Сааб», получив поддержку Министерства обороны и правительства, купил 90% акций концерна «Цельсиус». В результате этой сделки в Скандинавии был создан крупный военно-промышленный концерн с оборотом около 3 млрд долл. и числом занятых в 18 тыс. человек. По объему продаж новый концерн вошел в десятку крупнейших военно-промышленных компаний Западной Европы. Концерн производит военные самолеты, системы вооружения, высокоточное оружие, системы управления воздушным боем и другую военную технику.

Глобализация, сопровождаемая либерализацией международного перемещения всех факторов производства, и прежде всего капиталов, гигантски ускоряет процессы концентрации и интернационализации капиталов. При этом оказались охваченными этими процессами страны Северной Европы, ранее мало участвующие в такого рода явлениях. Пока международные потоки капиталов были незначительными, они мало затрагивали Европейский Север, но резкое увеличение их масштабов (которые можно сравнить по их внезапности и масштабности с финансовыми цунами), способствовало тому, что Скандинавские страны и Финляндия оказались вовлеченными в эти процессы. Ускорение концентрации финансово-промышленного капитала демонстрируют данные об увеличении масштабов слияний и поглощений, пик которых приходится как раз на 1990-е гг. и начало 2000-х гг.

---

[1] См.: *Мелин Я., Юханссон А.В., Хеденборг С.* История Швеции. М., 2002. С. 287.

[2] Имеются в виду «Свенска Хандельсбанкен», «Нордбанкинг Холдинг», «Фёренингсспарбанкен», «Скандинависка Эншильда Банкен». Последний из них возник в 1971 г. в результате слияния «Эншильда Банкен» и «Скандинависка Банкен», председателем нового банка стал Маркус Валленберг.

В результате даже мощные шведские промышленные концерны, такие как «Вольво», «Астра», «Фармация», «ACEA», «Сааб», оказались в иностранных руках.

Таблица 2.29

Участие североевропейских стран в трансграничных слияниях и поглощениях в 1990–2006 гг. (млн долл.)

	1990–2000 (в среднем за год)	2001–2003 (всего)	2004–2006 (всего)
Дания			
продажа активов	371	5 859	29 900
покупка активов	382	8 889	24 576
Исландия			
продажа активов	1	371	402
покупка активов	7	807	6 013
Норвегия			
продажа активов	759	10 821	14 565
покупка активов	835	8 636	20 821
Финляндия			
продажа активов	565	12 253	8 852
покупка активов	450	13 477	8 731
Швеция			
продажа активов	4 455	17 709	43 602
покупка активов	4 623	24 024	32 280

Источник: UNCTAD. World Investment Report 2004; UNCTAD. World Investment Report 2007; Country Fact Sheet, Denmark, Finland, Iceland, Norway, Sweden.

Среди крупных слияний в Северной Европе можно назвать слияние двух финских энергетических компаний «Несте» и «Фортум»; переход в руки американской фирмы «Форд» шведской «Вольво», слияние двух финских банков «Union Bank of Finland» и «Konsalles Osaki Pankki», результатом которого стало создание крупнейшего банка страны и последующее объединение со шведским банком и образование банка «Мерита-Нордбанкен» — крупнейшего в Северной Европе. Шведский лесоперерабатывающий концерн «Стура» слился с финским «Энсо».

Слияния и поглощения порождают в жизни множество противоречий и социально-экономических и даже политических следствий. Например, рассмотрим случай шведской автомобильной компании «Вольво». Еще в 1990 г. эта фирма договорилась с французской «Рено» о слиянии. Дело в том, что в автомобильной промышленности такой высокий уровень концентрации производства и капитала, что даже фирмы среднего масштаба, такие как «Вольво», вынуждены добиваться укрупнения масштабов производства, чтобы выдержать конкуренцию на рынке. Однако Комиссия ЕС наложила запрет на это слияние, мотивируя тем, что новая компания станет монополистом на шведском рынке. В 2000 г. «Вольво» собиралась слиться со вторым по величине шведским автомобильным концерном «Сканиа», но Комиссия ЕС наложила запрет и на это слияние. В результате «Вольво» была поглощена американской компанией «Форд», которая сочла за благо сохранить традиционное название предприятия, но Швеции не удалось сохранить национальный контроль за производством автомобилей марки «Вольво», что, возможно, удалось бы сделать, если бы не сорвалась сделка между «Вольво» и «Сканией».

2.6.2. Сельское хозяйство

Главные сельскохозяйственные территории Северной Европы находятся в Дании, на юге Швеции и затем через Центральную Швецию простираются до юго-запада Финляндии. Сельское хозяйство утратило свою былую роль, но все еще является важным средством поддержания продовольственной безопасности, а для Дании оно также является значительным источником валютных поступлений. Его значение более велико в экономике Исландии и Финляндии, чем в остальных Скандинавских странах. Исландия и Норвегия специализируются на рыболовстве, а лесное хозяйство более всего развито в Финляндии.

Сельское хозяйство традиционно относится к сильно регулируемым отраслям народного хозяйства. Государственные субсидии сельскому хозяйству по отношению к общим доходам сельскохозяйственных предприятий составили в 2001 г. в Норвегии — 77%, Финляндии — 71%, Швеции — 59%[1]. В последнее время в качестве его регулятора все больше выступают интеграционные органы ЕС. Вмешательство государственных и интеграционных органов носит

[1] Труд. Деловой вторник 25.05.2003.

настолько глубокий и системный характер, что можно сказать, что эта отрасль народного хозяйства фактически развивается за рамками традиционной рыночной системы в прямом смысле этого слова. ЕС, правда, приступил к реформе этого сектора экономики, постепенно уменьшая прямое вмешательство через предоставление аграрных субсидий, размер которых уменьшается. Также сокращается круг сельскохозяйственных товаров, на которые распространяется механизм субсидирования. ЕС противодействует оказанию поддержки сельскому хозяйству по национальным каналам, считая ее не вполне законной, поскольку она нарушает единство рынка в рамках ЕС.

На сельское хозяйство (вместе с рыболовством и лесным хозяйством) в 2004 г. приходилось 2% ВВП Дании; 7 — Исландии; 1,5 — Норвегии; 3,0 — Финляндии и 2% ВВП Швеции[1]. По числу занятых в сельском хозяйстве на 1-м месте находится Финляндия (117 тыс. человек), далее следуют Швеция (99 тыс.), Дания (86 тыс.), Норвегия (77 тыс.) и Исландия (11 тыс.)[2].

Несмотря на давно начавшиеся процессы концентрации производства и капитала, в том числе в сфере аграрного производства, небольшие хозяйства размером менее 30 га все еще доминируют во всех североевропейских странах. На такие хозяйства (до 30 га) приходится 53% в Дании, 60% — в Финляндии, 67% — Швеции, 81% — в Норвегии[3]. В то же время наибольший удельный вес крупные хозяйства (свыше 50 га) имеют в Дании (33%) и Швеции (21%). 65% сельскохозяйственной земли в Дании, 40% в Швеции и 52% в Финляндии используется для производства зерна, частично предназначенного на корм скоту[4].

В соответствии с требованиями глобальной экономики, страны Северной Европы (за исключением Дании) должны были бы превратиться в импортеров продовольствия, однако этого не происходит, так как государство во всех североевропейских странах оказывают поддержку сельскому хозяйству, исходя из соображений экономической безопасности. Сельское хозяйство в этих странах пользуется также поддержкой ЕС, благодаря Общей аграрной политике ЕС (ОАП). Переход на экологический тип развития, обострение проблемы безработицы, сохранение социальной ориентации экономики

---

[1] См. таблицу 2.18 на с. 111.

[2] Nordic Statistical Yearbook. 2001. Vol. 39. P. 243; 2006. Vol. 44. P. 238.

[3] Ibid. 2001. Vol. 39. P. 239; 2006. Vol. 44. P. 240.

[4] Ibid. 2001. Vol. 39. P.239; 2006. Vol. 44. P. 231.

усиливают стремления поддерживать сельское хозяйство, так как это важно для сохранения природных ландшафтов и закрепления на селе сельского населения.

Во всех странах Северной Европы сельское хозяйство высоко механизировано, фактически оно превратилось в разновидность промышленного производства. Поддержка правительством сельского хозяйства максимальной степени достигает в Исландии и Норвегии, в Дании она минимальна по сравнению с другими странами Севера Европы. Например, шведские фермеры получают значительные дотации от государства за выращенный урожай. Норвежское правительство скупает часть произведенной продукции по твердым государственным ценам, превышающим уровень свободного рынка. Длительно сохраняемая поддержка со стороны государства и значительное развитие кооперативного движения определяют специфику аграрного производства в регионе.

Во всех странах Северной Европы (кроме Дании и Исландии) высоко развито лесное хозяйство, а в Норвегии, Исландии, Дании и Швеции — рыболовство и переработка рыбы и других морских продуктов.

В сельском хозяйстве на Севере Европы развито кооперативное движение торгового (предназначенного для снабжения фермеров средствами производства и сбыта произведенной ими продукции) и производственного направления. В Дании консультанты, оплачиваемые кооперативами, выполняют важную роль в поддержании высокого технологического уровня аграрного производства. Без этого института кооперативных консультантов датское сельское хозяйство не смогло бы достичь столь высокого уровня эффективности.

Кооперативы образуются для проведения НИОКР, для закупки, переработки и реализации аграрной продукции, материально-технического снабжения, лизинга аграрной техники. Многие фермеры являются членами сразу нескольких кооперативов. Кооперативы скупают до 75% произведенной продукции в отдельных североевропейских странах. Кооперативы снабжают фермеров сельскохозяйственной техникой и инструментами по более низким ценам, чем это возможно при закупках на свободном рынке. Однако кооперативы не обладают монополией на такого рода деятельность, так как наряду с ними аналогичной деятельностью занимаются и частные предприятия, что поддерживает конкуренцию. Например, в Дании действует около 300 кооперативных обществ, сформированных фермерами на местном, региональном и национальном уровнях. Особенно велико значение кооперативных форм сотрудничества в организации сбора и переработки таких скоропортящихся продуктов, как молоко. Кооперативы

созданы на основе применения функционального (производственные, перерабатывающие, снабженческие, сбытовые, обслуживающие, кредитно-финансовые) и территориального принципа (местный, региональный, национальный).

Сильное кооперативное движение является мощным инструментом поддержания конкурентоспособности аграрного производства на Севере Европы. Оно дает возможность средним и мелким фермерам, сохраняя экономическую независимость и самостоятельность, воспользоваться теми преимуществами, которыми обладают крупные производственные системы в силу своего размера, а именно — крупномасштабным сбытом произведенной продукции, возможностью снижения издержек обращения, скидками с цены, которые доступны только крупным покупателям необходимых для фермеров машин, инструментов и других средств производства, доступностью льготных кредитов. Кооперативные организации — это практический механизм, позволяющий защищать финансовые интересы своих участников в условиях, когда происходит экспансия крупного бизнеса. Хотя кооперативное движение на Севере Европы возникло в индустриальную эпоху, оно продолжает существовать вплоть до настоящего времени, поскольку доказало на деле свою практическую полезность. Оно существует на демократических основах (один фермер — один голос), но прибыль кооперативных организаций распределяется в зависимости от размера финансового вклада участников.

Для всех североевропейских стран (кроме Дании) характерно, что в сельском хозяйстве используется незначительная часть территории. Например, в Швеции для аграрного производства используется только 7% всей территории страны. Большинство ферм — это семейные предприятия, которые привлекают рабочую силу только на время сева или уборки урожая. Часто сельскохозяйственная деятельность не позволяет поддерживать жизнь семьи, и бюджет вынужденно дополняется другими видами занятости (рыболовство или рыборазведение, лесное хозяйство, промышленная деятельность, государственная служба). Сельское хозяйство имеет уклон в сторону животноводства.

Хотя во всех североевропейских странах большая часть земли находится в частной собственности (18–26% лесов принадлежит государству во всех странах региона, кроме Норвегии, где эта доля равна 10%)[1], однако это право применяется своеобразно. На Севере Европы сложился оригинальный правовой феномен — так называ-

[1] См.: Nordic Statistical Yearbook. 2006. Vol. 44. P. 245.

емый «allm nr tt» — то есть право каждого человека иметь доступ к использованию земли и ее богатств (в том числе собирать лесные ягоды, грибы, цветы, ловить рыбу и т.д.) при условии непричинения вреда животному и растительному миру или неудобств владельцам земли. На основе этого принципа каждый человек получает право свободно гулять, заниматься спортом, ловить рыбу на удочку или леску, и даже ставить палатки, если при этом не наносится вред урожаю, зеленым насаждениям и деревьям, сельскохозяйственным угодьям. Но есть и некоторые ограничения, например, если вы хотите поставить палатку на несколько дней подряд, то это надо согласовать с владельцем участка, запрещается проходить и тем более ставить палатки в непосредственной близости от строений. Запрещается рубить деревья и кустарники, жечь костры, причинять вред урожаю, оставлять мусор. Не рекомендуется близко приближаться к домам и постройкам, пересекать сады, поля и огороды во время созревания урожая. Однако разрешается вставать на якорь и выходить на берег и т.д.

Таблица 2.30

Основные показатели сельского хозяйства в странах Северной Европы в 1996–2005 гг.

	Дания	Исландия	Норвегия	Финляндия	Швеция
1996					
Картофель (тыс. тонн)	1 645	10	380	785	968
Пшеница (тыс. тонн)	4 693	–	230	538	2 397
Сахарная свекла (тыс. тонн)	3 345	0	–	1 046	2 586
Ячмень (тыс. тонн)	3 980	3	624	1 985	1 632
Крупный рогатый скот (тыс. голов)	1 868	74	987	1 057	1 713
Свиньи (тыс. голов)	11 922	4	91	1 296	2 115

Продолжение таблицы 2.30

	Дания	Исландия	Норвегия	Финляндия	Швеция
2005					
Картофель (тыс. тонн)	1 576	14	–	743	947
Пшеница (тыс. тонн)	4 887	–	386	801	2 247
Сахарная свекла (тыс. тонн)	2 763	–	–	1 181	2 381
Ячмень (тыс. тонн)	3 797	4	592	2 103	1 593
Крупный рогатый скот (тыс. голов)	1 544	66	933	959	1 605
Свиньи (тыс. голов)	13 466	4	100	1 401	1 811

Источник: Nordic Statistical Yearbook. 2001. Vol. 39. P. 245; 2006. Vol. 44. P. 242–243.

Во всех странах Северной Европы преобладает мясомолочное направление животноводства, растениеводство занимает 2-е место или является подсобной отраслью. Преобладают мелкие хозяйства, развитие которых поддерживается благодаря их участию в кооперативном движении. Все североевропейские страны, кроме Норвегии и Исландии, достигли самообеспечения основными продуктами питания. Норвегия и Финляндия вынуждены импортировать пшеницу, так как собственное производство не способно удовлетворить спрос. Все страны региона (кроме Финляндии), особенно Исландия и Норвегия, являются крупными экспортерами морской рыбы и морепродуктов. Все страны, кроме Дании и Исландии, имеют развитое лесное хозяйство. По количеству площади, вовлекаемой в сельское хозяйство, лидирует Дания (65,5%). Напротив, в других странах региона сельскохозяйственной обработке подвергается незначительная часть земли: в Норвегии — 3%, а в Швеции — 7%. Поскольку Норвегия, Швеция и Финляндия вытянуты в меридианном направлении, то размещение сельского хозяйства крайне неравномерно по территориям этих стран, и оно концентрируется в южных и юго-западных районах.

Площадь лесов в Скандинавии увеличивается в результате проведения лесопосадок на непродуктивных землях. Во всех странах проводится политика сохранения лесных ресурсов, а размер вырубки и естественной убыли леса уравновешивается лесопосадками. Значительная часть лесов находится в частной собственности. Многие фермеры совмещают лесоводство с сельским хозяйством или рыболовством. Хвойные породы преобладают во всех странах региона, кроме Дании, в которой 40% занято широколиственными породами деревьев. Исландия по своим природно-климатическим условиям практически лишена леса, так как ее березовые леса были использованы на топливо еще в Средневековье. Для Финляндии, Швеции и Норвегии лес является очень важным экономическим ресурсом. Финляндия и Швеция вместе взятые прочно удерживают свою долю на мировом рынке, поставляя около 14% целлюлозно-бумажной массы[1], которая является для этих стран важной статьей экспорта.

Рыболовство служит традиционным занятием во всех североевропейских странах. Скандинавские страны используют схожую технологию отлова рыбы и ведут его практически в одних и тех же районах моря. Бóльшая часть промысловой рыбы отлавливается в Северной Атлантике. Для Финляндии и Швеции этот вид деятельности имеет меньшее значение, чем для трех других Скандинавских стран в силу их географического положения, так как Балтийское море никоим образом не может конкурировать с Северной Атлантикой по своим рыбным ресурсам. Треска и сельдь, а также макрель — основные виды промысловых рыб для скандинавских рыбаков. В Гренландии и на Фарерах ведется отлов также морских животных: тюленей, китов. В 1985 г. Международная комиссия в защиту китов запретила отлов этих животных, поэтому с 1990 г. Исландия прекратила их отлов. Норвегия в 1993 г. вновь начала китобойный промысел, но в ограниченных масштабах. Рыболовство является ключевым сектором экономики Исландии, Гренландии и Фарерских островов: рыба и морепродукты составляют 87% экспорта Гренландии и 52% экспорта Исландии. Он играет также важную роль для Норвегии и Дании, составляя соответственно 5 и 3% их экспорта[2].

Марикультура или искусственное разведение рыбы и других видов морской фауны играет большую роль в Норвегии и также она значима для Дании. В Норвегии выращивают главным образом лосося, а в Дании — форель и морского угря.

---

[1] См.: Nordic Statistical Yearbook. 2001. Vol. 39. P. 247; 2006. Vol. 44. P. 232.

[2] Ibid. Vol. 39. P. 254; Vol. 44. P. 214.

В Дании 90% сельскохозяйственной продукции приходится на животноводство. Большая часть продукции производится на экспорт. Основные культуры — это картофель, сахарная свекла, пшеница. В Дании — самый высокий среди североевропейских стран процент использования земли в производстве — 65,5%. Почти 80% сельскохозяйственной продукции проходит через датские кооперативы. Число коров, приходящихся на одно хозяйство, выросло в Дании с 12 в 1970 г. до 32 в 2005 г.[1], что говорит, с одной стороны, о возрастании производительности труда, а с другой стороны, об увеличении его интенсивности.

Таблица 2.31

Концентрация сельскохозяйственного производства в странах Севера Европы в 2000–2005 гг.

		Дания	Норвегия	Финляндия	Швеция
Число ферм	2000	54 541	64 684	78 434	80 119*
	2005	48 275	51 140	69 517	74 863
Изменение в 2005 г., % (2000=100%)		88,5	79,1	88,6	93,4

Источник: Nordic Statistical Yearbook. 2001. Vol. 39. P. 243; 2006. Vol. 44. P. 240.
* Данные за 1999 г.

Кооперативы создают 80% всей товарной продукции датского сельского хозяйства, в котором занято 3% рабочей силы и создается 2% ВВП, то есть в этой стране аграрное производство утратило свое прежнее значение, причем сельское хозяйство не уступает по производительности труда промышленности. Местные кооперативы объединены в национальные федерации.

Датское сельское хозяйство выиграло от вступления страны в ЕЭС. По линии ЕС датские фермеры получают субсидии, равные по стоимости примерно 5% общей стоимости датского экспорта продовольствия. Правда, ЕС постепенно уменьшает свой аграрный бюджет (следовательно, уменьшаются дотации) в соответствии с требованиями ВТО и так называемой кернской группы стран, которые являются основными экспортерами продовольствия на мировой рынок[2].

---

[1] Nordic Statistical Yearbook. 2001. Vol. 39. P. 243, 245.; 2006. Vol. 44. P. 240, 243.

[2] В кернскую группу входят США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Аргентина и т.д.

Дания продолжает играть заметную роль в мировом экспорте мяса, молочных продуктов, семян, норковых шкурок и рыбных продуктов, являясь крупнейшим экспортером свинины, а также семян луговых трав. Около половины ее продовольственного экспорта направляется в ЕС. Экспортная квота в производстве датского сливочного масла, сыра, мяса превышает 4/5. Цены на аграрную продукцию растут медленнее, чем на другие товары, что приводит к относительному снижению доходов фермеров. Особенно задевает интересы датских фермеров изменение политики субсидирования в ЕС свинины и продуктов из свинины.

Дания уступает Франции и Германии по общим объемам сельскохозяйственного производства, но если пересчитать в расчете на душу населения, то она является крупнейшим аграрным производителем в ЕС, а по объему производства свинины она занимает 6-е место в мире. Основные статьи датского экспорта продовольствия — это свинина, рыба, молоко и молочные продукты.

Восемьдесят шесть тысяч человек[1], которые заняты в датском сельском хозяйстве, производят столько продуктов питания, что могут прокормить несколько миллионов человек, так как один датский фермер способен удовлетворить потребности в питании более сотни человек.

В качестве экспортера рыбы и морепродуктов Дания уступает на Севере Европы лишь Норвегии и Исландии. Наиболее популярные сорта рыбы — треска, камбала, семга, салака и сельдь. Так же как и в Норвегии, в Дании занимаются разведением рыбы, в первую очередь разводят форель и угрей. Страна также является крупным импортером рыбы, так как мощности ее предприятий, перерабатывающих рыбу, превосходят возможности вылова рыбы (из-за налагаемых внутри ЕС ограничений на отлов рыбы в целях сохранения рыбных запасов). Центром датского рыболовства на Балтике является остров Борнхольм.

Ведущую роль в кооперативном движении Дании играют четыре организации: Сельскохозяйственный совет, Федерация датских кооперативов, Федерация датских фермерских союзов, Объединение мелких фермеров.

Большое внимание уделяется вопросам защиты окружающей среды во взаимосвязи с аграрным производством. На Севере Европы законы жестко регулируют применение химических средств, порядок использования органических удобрений, они направлены на предотвращение выбросов отходов производства в окружающую среду. Экологиче-

[1] См.: Nordic Statistical Yearbook. 2001. Vol. 39. P. 241; 2006. Vol. 44. P. 238.

ски дружественные аграрные технологии внедряются успешно также потому, что это выгодно фермерам. Государство и кооперативы финансируют технологические разработки, предотвращающие загрязнение и способствующие выпуску экологически чистой продукции, так как это повышает конкурентоспособность сельскохозяйственного производства. И в Норвегии, и в Дании отмечается стойкая тенденция к сокращению применения химических удобрений. В Дании примерно 1/5 сельскохозяйственной территории занято экологически чистым производством. Североевропейские страны не поддерживают внедрение генномодифицированной продукции.

Леса занимают только 1/10 часть Дании[1], причем большая часть — это лесопосадки, а не дикорастущий лес. 1/4 леса принадлежит государству, остальное — частным владельцам и компаниям. Наиболее распространены ель, бук и дуб. Лесоматериалы в основном импортируются. Лесная политика Дании отличается тем, что леса находятся под усиленным надзором со стороны государства, так как ставится задача не только сохранить существующие лесные массивы, но и увеличить их. Датский лесной закон гарантирует неприкосновенность лесных территорий, причем датская государственная инспекция осуществляет надзор не только над лесами, которые находятся в государственной собственности, но и над частными лесными владениями, чтобы не допустить нарушения лесного закона. Ежегодно датское правительство выделяет субсидии для охраны лесов, рек, озер, а также на разведение лесов.

В Норвегии для сельского хозяйства пригодна лишь малая часть территории (около 3% всей земли). Число фермерских хозяйств достигает 51 тысячи, из которых только 5% относится к крупным хозяйствам[2]. Большая часть хозяйств не применяет наемной рабочей силы и обходится трудом членов своей семьи. Самая развитая отрасль — животноводство мясомолочного направления. Норвегия достигла самообеспеченности продуктами питания на 40%, причем вся животноводческая продукция производится в стране, тогда как зерновые культуры частично импортируются. Государство проводит политику поддержки сельского хозяйства, в том числе методами аграрного протекционизма.

Почти 1/4 территории Норвегии покрыта лесами, что примерно в восемь раз больше ее сельскохозяйственной территории[3]. Многие

---

[1] Nordic Statistical Yearbook. 2006. Vol. 44. P. 244, 245.

[2] Ibid. P. 240.

[3] Ibid. P. 42.

фермеры используют лесозаготовки в качестве дополнительного источника дохода. Прибрежный улов рыбы играет примерно такую же роль, как и лесоводство, то есть используется фермерами как дополнительный источник дохода. Только половина норвежских рыбаков в состоянии прокормить свои семьи за счет рыболовства, остальные вынуждены совмещать его с другими видами занятий.

Почти половина улова рыбы перерабатывается в костную муку и рыбий жир, 90% остального улова идет на экспорт. В рыболовстве по количеству преобладают мелкие траулеры, но большая часть улова приходится на крупнотоннажные рыболовецкие суда, часть из них фактически являются фабриками по переработке рыбы.

Несмотря на то, что Финляндия расположена в высоких северных широтах, страна достигла самообеспеченности продовольствием еще в начале 1960-х гг. Экспортирует молочные продукты, корма; импортирует пшеницу. Бóльшая часть леса находится в частных руках. Развито звероводство (лисица, норка). В Балтийском море ведется промысловый лов рыбы, в основном сельди.

Швеция является относительно крупной страной по размерам территории, однако к сельскохозяйственной обработке пригодна лишь небольшая часть земли. Часть территории занята лесами, водоемами, горами или относится к приполярным территориям. Почти 51% страны покрыт лесами. Бóльшая часть обрабатываемых земель располагается на юге страны. Самые сельскохозяйственные провинции Швеции, это: Вестра, Гёталанд и Сконе. Сельское хозяйство специализировано по районам: в средней части страны выращивают крупный рогатый скот, культивируют картофель, на юге производство более разнообразно, выращивают также пшеницу, подсолнечник, ячмень, разводят свиней и домашнюю птицу. На Крайнем Севере развито оленеводство. Менее 1/3 части аграрных предприятий получают основной доход именно от сельскохозяйственной деятельности, остальные сочетают ее с другими видами занятий (рыболовство, лесное хозяйство, организация досуга и отдыха для городских жителей и т.д.).

Шведские фермеры активно участвуют в кооперативном движении. Национальный союз шведских фермеров объединяет 16 отраслевых ассоциаций, созданных по производственному принципу. Производители молока объединены в ассоциацию «Шведское молоко», а производители мяса — в ассоциацию «Шведское мясо».

Половина лесов находится в частной собственности, остальная половина примерно поровну распределяется между частными компаниями и государством. Бóльшая часть леса — это хвойные поро-

ды. Объем вырубки строго контролируется государством. Лесами, находящимися в государственной собственности, распоряжается компания «Свеаског», которая частично находится в государственной собственности. 1/3 бумажной массы и 1/2 произведенной бумаги направляется на экспорт. Шведские леса страдают от кислотных дождей, которые приносятся ветром из-за границы. Именно поэтому Швеция является сторонником усиления международного сотрудничества в деле охраны окружающей среды; она участвует во всех видах международных соглашений, направленных на ее защиту, проявляет также активность в этом направлении в рамках ЕС. Целлюлозно-бумажная промышленность сосредоточена вокруг устьев рек, по которым сплавляется в направлении Ботнического залива лес, вырубаемый во внутренних районах страны.

В Швеции развито также рыболовство, хотя оно не имеет такого значения, как в Норвегии или Исландии, так как страна утратила ряд традиционных для нее мест рыбной ловли в Северном море. В основном оно сосредоточено вокруг Гётеборга. К промысловым видам в Швеции относятся сельдь, треска, лосось, макрель, креветки.

Поскольку сельское хозяйство в большинстве стран Северной Европы пользуется государственной поддержкой, то такая политика входит в противоречие с курсом ВТО. Норвегия, например, активно выступает в ВТО за сохранение возможности поддерживать сельское хозяйство из государственного бюджета, а теоретической основой подобной политики является теория многофункционального подхода к сельскому хозяйству. Этот подход разделяется также в Японии и в ЕС[1]. Норвегия выступает и за усиление экологической ответственности, с тем чтобы достичь устойчивого развития и рационального использования природных ресурсов, за введение критериев, позволяющих выделить производство и торговлю экологически чистыми продуктами питания.

---

[1] По этому вопросу позиции ЕС, Японии и Норвегии противостоит позиция стран — экспортеров аграрной продукции: Канады, Австралии, Новой Зеландии Аргентины, которые заинтересованы в либерализации торговли аграрной продукции. В июле 2000 г. в Улленсванге в Западной Норвегии была проведена конференция по неторговым аспектам сельского хозяйства, в которой приняли участие 34 страны. Благодаря поддержке конференцией позиции Норвегии ей удалось избежать санкций со стороны ВТО за протекционистскую политику в области сельского хозяйства.

2.7. Особенности внешнеэкономической деятельности в условиях глобализации

2.7.1. Внешняя торговля: динамика, структура и направления

«Международная торговля несет с собой тенденцию увеличивать уже имеющиеся различия в уровнях доходов между богатыми и бедными странами»[1]

Экспорт стран Севера Европы растет почти вдвое быстрее, чем их импорт, что позволило экспорт товаров постепенно дополнить экспортом капиталов. В течение последних 15 лет все страны региона (кроме Исландии) имеют активный торговый баланс. Торговля внутри североевропейского региона имеет длительные традиции: на нее приходится около 1/5 части внешнеторгового товарооборота этих стран. Более половины экспорта приходится на другие европейские страны, главным образом на ЕС. Торговля с новыми индустриальными странами Азии растет вдвое быстрее, чем по другим географическим направлениям. Подобная динамика развития характерна и для импорта Скандинавских стран.

Внешняя торговля всех стран Северной Европы успешно развивается *(см. табл. 2.32)*. Так, например, только за период с 1990 по 2005 г. экспорт и импорт вырос у отдельных стран региона в два-три раза[2].

Поскольку североевропейские страны обладают относительно узким внутренним рынком, то для поддержания экономического развития их торговля с третьими странами должна расти несколько быстрее, чем торговля внутри региона *(см. табл. 2.33)*.

Для всех стран североевропейского региона партнером № 1 являются страны — члены ЕС, на которые приходится 56–81% экспорта и 58–80% импорта отдельных стран региона *(см. табл. 2.34)*. Различия в удельном весе Европейского союза в торговле отдельных стран Северной Европы объясняются особенностями их товарной структуры. Экономика Исландии, Финляндии и Норвегии менее сосредоточена на ЕС, чем экономика Дании и Швеции *(см. табл. 2.34)*.

Товарная структура экспорта отдельных стран Севера Европы отражает их специализацию и основана на использовании их специфических природных и иных экономических ресурсов. Например, Норвегия спе-

---

[1] Myrdal G. *Development and Under-development: a Note on the Mechanisms of National and International Economic Inequality.* Cairo. National Bank of Egypt. 1956.

[2] Nordic Statistical Yearbook. 2006. Vol. 44. P. 202, 204.

Таблица 2.32

Внешняя торговля стран Северной Европы (2005)

	Дания	Исландия	Норвегия	Финляндия	Швеция
ВВП (млрд евро)	156,25	9,01	166,26	139,33	249,95
Экспорт (млрд евро)	67,51	2,49	83,51	52,45	103,09
Импорт (млрд евро)	60,05	4,02	44,66	47,03	87,38
Товаро-оборот (млрд евро)	127,56	6,51	128,17	99,48	190,48
Экспортная квота (%)*	43,2	27,6	50,2	37,6	41,2
Внешне-торговая квота (%)*	81,6	72,2	77,1	71,4	76,2

Продолжение таблицы 2.32

Главные статьи экспорта (%)	машины и оборудование включая суда (28), продукты питания (12), топливо (10), суда и средства транспорта (4)	рыба и морепродукты, (58), алюминий (19%), продукция машиностроения (9)	нефть, газ, нефтепродукты (67), продукция машиностроения, включая суда (8), пищевые продукты, включая рыбу и морепродукты (5), цветные металлы, включая алюминий (5,5)	электроника (19), продукция машино-строения (44), в том числе электро-техника, средства транспорта, суда (10), продукция целлюлозно-бумажной промышленности (14), химические изделия (6)	продукция машиностроения (45), средства транспорта (14), продукция целлюлозно-бумажной промышленности (7), сталь и чугун (6), химикаты (6), средства дальней связи (10)
Главные торговые партнеры по экспорту (% к итогу)	ФРГ (17) Швеция (13) Англия (8,8) США (6,6) Норвегия (5,3)	ФРГ (16) Англия (17,8) Нидерланды (12,5) США (8) Испания (7)	Англия (25) ФРГ (13) США (7) Швеция (6,5) Дания (4)	РФ (11) Швеция (10,8) ФРГ (10,6) Англия (7) США (6)	США (10,7) ФРГ (10,4) Норвегия (8,8) Англия (7,4) Дания (6,6)
Главные торговые партнеры по импорту (% к итогу)	ФРГ (21) Швеция (14) Нидерланды (7) Англия (6) Норвегия (4,5)	ФРГ (14) США (9) Дания (7) Норвегия (7) Англия (6)	Швеция (14) ФРГ (13) Дания (7) США (5) Китай (6)	ФРГ (14,9) РФ (13,9) Швеция (11) Англия (4,5) Франция (3,6)	ФРГ (18) Дания (9) Норвегия (8) Англия (7) Нидерланды (7)
Оборот внешней торговли в расчете на душу населения (в евро)*	23 575	22 122	27 828	18 996	21 138

Источник: Nordic Statistical Yearbook. 2006. Vol. 44. P. 189, 209–216.

* Расчет.

циализируется на экспорте топлива (69% экспорта), Исландия — рыбы и морепродуктов (58%), Дания, Финляндия и Швеция — продукции машиностроения (28–45% экспорта) *(см. табл. 2.35)*. Финляндия достигла высокой концентрации в производстве и экспорте наукоемкой продукции. Дания постепенно уходит от характерной для нее прежде специализации на экспорте продуктов питания (все еще 12% ее экспорта), а Финляндия и Швеция — от традиционной специализации на продукции лесобумажной промышленности (14% у Финляндии и 7% у Швеции). Для Норвегии и Исландии большую роль играет экспорт цветных металлов (19% у Исландии и 5,5% у Норвегии). На химические продукты приходится от 8 до 14% экспорта отдельных стран региона (кроме Исландии и Норвегии), наиболее важен этот вид экспорта для Дании (14%). Поскольку экспортная специализация отражает сравнительные преимущества стран, в том числе по природным факторам, то многие статьи экспортной специализации сохраняются на протяжении длительных периодов и становятся традиционными, в то же время появляются новые статьи экспорта и это вызывает структурные изменения в торговле. Например, Норвегия превратилась в экспортера нефти и газа № 3 в мире, а стоимость экспорта топлива в Дании почти сравнялась с продукцией АПК (10% против 12%)[1].

Таблица 2.33

Значение для североевропейских стран торговли внутри региона

	Экспорт (млн евро)		Импорт (млн евро)	
	1990	**2005**	**1990**	**2005**
Дания	6 892,5	15 438,4	5 559,1	12 869,2
Исландия	137,5	239,2	299,9	971,4
Норвегия	5 225,4	9 839,1	5 432,4	11 210,7
Финляндия	4 349,7	8 270,5	4 189,3	7 512,5
Швеция	10 023,4	22 406,6	9 665,0	20 615,3
Итого внутри региона	26 628,5	56 193,8	25 145,7	53 179,1
Доля по отношению к общему экспорту или импорту (%)	–	18,2	–	21,9

Источник: Nordic Statistical Yearbook. 2001. Vol. 39. P. 206–207, 210–215; 2006. Vol. 44. P. 202–205, 209–211.

[1] Nordic Statistical Yearbook. 2006. Vol. 44. P. 214.

Таблица 2.34

Север Европы: значение торговли по двум важнейшим направлениям торговли в 2005 г. (ЕС и Север Европы) (% к итогу)

	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
	Страны — члены ЕС		Страны Северной Европы	
Дания	69,5	67,8	22,8	24,5
Исландия	75,8	61,9	9,7	24,3
Норвегия	80,7	69,2	11,5	25,1
Финляндия	56,2	58,2	15,8	16,0
Швеция	57,3	79,2	21,7	23,6

Источник: Nordic Statistical Yearbook. 2006. Vol. 44. P. 210–212.

В экспорте Норвегии превалируют углеводороды (69%); остальное — продукция машиностроения, металлы, химия, суда, рыба. В импорте преобладают продукция машиностроения, химии, металлы и продовольствие. Структура финского экспорта характеризуется следующими товарными группами: машины и оборудование, химикаты, лес и лесоматериалы, целлюлозно-бумажная масса. В импорте преобладает продовольствие, нефть и нефтепродукты, химикаты, транспортные средства, железо и сталь, текстиль, зерно. 58% экспорта Исландии — рыба и морепродукты *(см. табл. 2.35)*.

Со времени своего вступления в ЕЭС/ЕС Дания, Швеция, Финляндия перешли на его таможенно-торговый режим. Для ЕС характерна высокая степень свободы передвижения всех факторов производства, свобода торговли поддерживается строгими правилами о конкуренции, контролем органов ЕС над слияниями и поглощениями между компаниями. Происходит гармонизация трудового, корпоративного, налогового и коммерческого права, например, выработан устав европейской компании.

Дания специализируется на внешнем рынке на экспорте контрольно-измерительных и навигационных приборов, фармацевтических препаратов и медицинского оборудования, сельскохозяйственной техники и оборудования для пищевкусовой промышленности. Экспорт продовольствия традиционно составляет значительную часть

датского экспорта (внутри страны потребляется только 1/3 часть произведенной сельхозпродукции, а 2/3 экспортируется), но его доля в общем экспорте страны падает. Тем не менее Дания продолжает оставаться одним из крупных экспортеров свинины, рыбопродуктов, сыра, сливочного масла. Самой крупной статьей экспорта стала продукция машиностроения, на 2-м месте продукция АПК, другие промышленные товары (игрушки, фармацевтика и т.д.).

Таблица 2.35

Товарная структура экспорта стран Севера Европы в 2005 г. (%)

Номенклатура изделий по МСТК	Дания	Исландия	Норвегия	Финляндия	Швеция
Продукты питания, напитки, растительные и животные жиры и масла (статьи 01–12, 41–43)	17,7	58,5	5,3	1,9	3,9
Топливо и минеральное сырье (статьи 21–29,32–35)	13,8	2,7	69,0	10,1	11,0
Продукция химии и фармацевтики (статьи 51–59)	13,8	3,5	4,7	7,6	11,3
Продукция машиностроения (статьи 71–79)	27,9	9,3	8,4	44,1	45,1
Прочие готовые промышленные изделия (статьи 60–69, 80–89, 91–97)	26,8	26,0	12,6	36,3	29,0

Источник: Nordic Statistical Yearbook. 2006. Vol. 44. P. 214.

Экспорт Исландии носит наиболее однообразный характер, если сравнивать его с другими странами региона. До середины 1980-х гг. в Исландии проводился строгий государственный контроль над экономикой, крупнейшие банки и промышленные компании, не го-

воря уже о социальных услугах, находились в руках государства, но в начале 1990-х гг. все основные виды коммерческой и банковской деятельности, включая международное движение капиталов, подверглись либерализации. Почти 60% экспорта — рыба и морепродукты, 26% — другая промышленная продукция и полуфабрикаты (прежде всего, алюминий и ферросилиций).

Первоначально Финляндия специализировалась на экспорте лесобумажной продукции, затем стали усиленно развиваться металлообработка и машиностроение, и наконец, электроника и средства мобильной связи. На одну компанию — «Нокиа» приходится 70% финского экспорта информационных технологий, две трети стоимости акций, торгуемых на Хельсинкской фондовой бирже. Поэтому Финляндию иногда называют страной «Нокиа». На самом деле, это — не совсем финская, а скорее международная компания, ведь только малая часть рабочей силы «Нокиа» — это финны. «Нокиа» проводит НИОКР в 15 странах мира, производит продукцию в 10 странах, а продажи осуществляет в 130 странах. На долю Финляндии приходится незначительная часть продаж этой фирмы. История становления этой компании, превратившейся в ТНК, полна драматизма и острых моментов. Ведь на рубеже 1990-х гг. она была на грани поглощения шведской фирмой «Эрикссон». Но в 1994 г. «Нокиа» вошла в листинг на фондовой бирже Нью-Йорка, в 1997 г. ликвидировала различия между двумя видами акций, которые дают разные права их владельцам. После этого начался прилив иностранного капитала в «Нокиа», и компания стала быстро развиваться. Хотя информационные технологии занимают менее 4% общей численности финской рабочей силы, но на них приходится более 1/4 части финского экспорта. Бóльшая часть продукции идет на экспорт. Финляндия вышла на одно из первых мест в мире по специализации экспорта на производстве коммуникационного оборудования.

Вплоть до 1960-х гг. электроника занимала скромные позиции в промышленности североевропейских стран, закупалась в основном американская продукция. Становление наукоемкой отрасли электроники в экономике Северной Европы во многом обязано стимулирующей роли государства, которое способствовало структурному сдвигу в направлении электроники, оказывая финансовую поддержку НИОКР, а также обеспечивая государственные заказы на соответствующую продукцию. В области электроники существует два направления развития: сбыт на массовый рынок (средства телевизионной связи, полупроводники, компьютеры) и на рынки мало-

масштабные, где требуются мелкосерийные специализированные изделия, отвечающие специфическим потребностям потребителей. Фирмы североевропейских стран особенно преуспевают на рынке второго направления: они успешно находят специфические ниши на мировом рынке, умеют работать в сотрудничестве с ТНК из других стран, используя эффект высокой специализации.

Экспорт электронной продукции Швеции лишь в два раза меньше, чем США и почти равен английскому или японскому; страна вышла на 4-е место в мире по экспорту продукции информационных технологий. Доля телекоммуникационного оборудования достигла 10% общего экспорта готовых изделий Швеции. Если рассчитать на душу населения, то Швеция занимает 3-е место в мире по экспорту телекоммуникационной продукции после Финляндии и Сингапура.

Швеция и Финляндия специализируются на производстве мобильных телефонов. Дания производит медицинскую электронику, инструменты, средства телевизионной связи (фирмы «Радиометер», «Бруэл & Кьэр», «Бэнг & Олуфсен»). Ведущими отраслями датского экспорта являются машиностроение (судостроение, судовые двигатели, сельскохозяйственные машины, электротехника, радиоэлектроника), пищевкусовая, химическая, целлюлозно-бумажная и текстильная отрасли промышленности. Продукция машиностроения постепенно вытеснила продукцию сельского хозяйства с 1-го места. Но и сейчас Дания все еще довольно много экспортирует продовольствия и потребительских товаров.

Девяносто процентов объема рыбы, выловленной норвежским рыболовецким флотом, а также 90% нефти, добытой на норвежском морском шельфе, идет на экспорт. Судоходство обеспечивает около 1/5 экспортных доходов, причем Норвегия занимает одно из первых мест в мире по этому показателю. Норвегия специализируется на производстве средств телевизионной связи, медицинской техники и инструментов, бытовой электроники. На фирму «Норск Дата» приходится 50% норвежского электронного экспорта, в этом же направлении специализируется «Тандберг Дата». Становлению крупнейшей в Норвегии электронной фирмы «Норск Дата», которая производит компьютеры, содействовало получение от государства контрактов на закупки компьютеров.

Электронная специализация Финляндии сходна со специализацией других североевропейских стран (средства телевизионной связи, медицинская техника и инструменты, бытовая электроника), но у нее более сильный уклон в направлении средств мобильной

телефонной связи, производство которых осуществляют фирмы: «Нокиа», «Салора», «Люксор». Государство содействовало становлению «Нокиа». Во-первых, ей были переданы научные разработки от государственного предприятия «Телева» по цифровому коммутатору. Во-вторых, «Нокиа» получает субсидирование от финского государства на проведение НИОКР. В-третьих, государство в свое время одобрило слияние «Нокиа» с «Телефенно» (совместная компания «Нокиа и Телева»), которая имела права на важные для мобильной связи НИОКР.

Подобно тому, как «Нокиа» превалирует в наукоемком экспорте Финляндии, в Швеции его во многом формирует компания «Эриксон». Созданная в 1876 г. для производства телефонов, эта фирма является крупнейшим в современной Швеции производителем электроники и средств мобильной связи, на которую приходится более 80% экспорта по соответствующим товарным позициям. Компания находится под контролем группы Валленберга. Выходу на мировой рынок содействовало согласование между североевропейскими странами в начале 1980-х гг. стандартов мобильной телефонной связи («Nordic Mobile Telephone System» — NMT).

Отличительной особенностью шведского экспорта являются успехи страны на рынке развлекательной продукции, что превратило ее в крупного экспортера произведений музыки, литературы, кино, танца, моды и дизайна. Экспорт продукции индустрии развлечений (upplevels-industrien) — относительно новое явление международной специализации. Кроме того, страна экспортирует информационные технологии, продукцию биотехнологий и биомедицины. Важнейшими статьями шведского экспорта продолжают оставаться следующие товарные позиции: бумага, электротовары и компьютеры, легковые автомобили, станки, химические и фармацевтические товары, железо и сталь, продукты питания. В экспорте сохраняют свои позиции традиционные виды лесобумажной продукции, ряд шведских фирм входит в число крупнейших экспортеров этой продукции.

Почти половина продукции промышленности Швеции приходится на машиностроение, главным образом сосредоточенного в Южной и Центральной Швеции. Заводы «Вольво» расположены в Гётеборге, а «Сааб-Сканиа» — в Тролльхаттене. Компания «АВВ» выпускает промышленные роботы и она входит в промышленно-финансовую группу шведских и швейцарских компаний «АСЕА АБ» и «Браун Бовери», которая выпускает чрезвычайно широкую номенклатуру продукции машиностроения.

Самые динамичные шведские компании — это фармацевтические и биотехнологические. Шведские компании специализируются на производстве лекарств, применяемых для лечения самых опасных и распространенных заболеваний, в том числе в области гастроэнтерологии, кардиологии и онкологии. В число крупнейших экспортеров фармацевтических препаратов в Швеции входят: «Астра», «Сандоз», «Джонсон и Джонсон», «Лундбек», «Ново Нордиск», «Фармация». Шведский машиностроительный экспорт сильно сконцентрирован в руках небольшого числа крупных концернов: примерно 1/3 ВВП, занятых и экспорта Швеции приходится на продукцию машиностроения, производимую такими компаниями, как: «Электролюкс», «Эрикссон», «Вольво», «Сааб», «Сандвик», «Сканиа», «СКФ».

Североевропейские страны рано включились в международное разделение труда, и они стали поставлять свою продукцию на мировой рынок на основах специализации, так как у них узкий внутренний рынок и богатые природные ресурсы (за исключением, пожалуй, Дании), что стимулировало их взаимодействие с мировым рынком. Поскольку экономика всех североевропейских стран носит ориентированный на внешний рынок характер *(см. табл. 2.32),* то государство активно поддерживает экспортеров. Особенно важно для вывоза машиностроительной продукции предоставление экспортных кредитов и государственных гарантий по ним. В Швеции, например, существует Шведская корпорация экспортных кредитов («АБ Свенск экспокредит»), которая находится в совместной собственности государства и коммерческих банков; а также Государственное управление по гарантированию экспортных кредитов, которое страхует от потерь, вызванных неплатежом зарубежного покупателя или заемщика экспортного кредита. Страхование покрывает 85–90% потерь.

В Дании функцию поддержания интересов экспортеров выполняет Фонд экспортного кредитования. Фонд предоставляет финансовые гарантии, которые покрывают так называемые чрезвычайные риски, не подлежащие страхованию через частные кредитно-финансовые учреждения. В Швеции корпорация экспортных кредитов находится в совместной собственности государства и коммерческих банков. В Финляндии в целях продвижения экспорта работает Ассоциация внешней торговли, ныне переименованная в «Финпро», которая в России работает в тесном сотрудничестве с Финско-российской торгово-промышленной палатой.

Несмотря на либерализацию внешнеэкономических связей, все североевропейские страны сохраняют политику валютного контроля.

В Дании все предприятия при открытии счета в иностранном банке обязаны уведомить об этом центральный банк страны с указанием всех реквизитов (название и адрес банка, номер открываемого счета). Платежи с заграницей осуществляются только через уполномоченного валютного посредника или ЦБ. Все шведские банки обязаны информировать о всех переводах валютных средств государственный «Риксбанк», а также о всех получаемых из-за рубежа их клиентами займах.

Что касается торговой политики, то она вышла из национальной компетенции и перешла в юрисдикцию органов ЕС: для Дании — с 1973 г., а для Швеции и Финляндии — с 1996 г. Все страны Севера Европы применяют единую номенклатуру товаров ЕС. В отношении импорта товаров, произведенных в зоне Европейского экономического пространства, а также ЕАСТ, импортные пошлины полностью отменены. На товары третьих стран пошлины взимаются в диапазоне от 4 до 16% в зависимости от товарной группы. В ЕС могут временно вводиться импортные квоты, например, в 2003 г. были введены квоты на импорт зерна из РФ и Украины.

2.7.2. Участие региона в процессах международной миграции капиталов

1990-е гг. характеризовались усилением глобализации мировой экономики, что сопровождалось увеличением участия всех стран североевропейского региона в международном движении капиталов. По данным ЮНКТАД, накопленный объем прямых иностранных инвестиций в страны региона достиг в 2005 г. 406 млрд долл., которые распределились по отдельным странам региона следующим образом *(см. табл. 2.36)*.

Из данных таблицы 2.36 следует, что на 1-м месте по объему привлеченных из-за рубежа инвестиций на Севере Европы находится Швеция, далее за ней следуют Дания, Норвегия, Финляндия и Исландия. Если расположить страны региона по степени влияния прямых иностранных инвестиций на экономику страны, то на 1-м месте окажется Дания, далее следуют Швеция, Исландия, Финляндия и Норвегия. В отношении экспорта капиталов лидирует Швеция, далее следуют Дания, Норвегия и Финляндия, а Исландия замыкает ряд. Если соотнести вывоз капиталов с ВВП, то на 1-е место выходит Исландия, далее идут Швеция, Дания, Финляндия и Норвегия.

Таблица 2.36

Значение прямых иностранных инвестиций для экономики стран Северной Европы в 2005 г.

	1980	1990	2000	2005
	Накопленные прямые иностранные инвестиции в млн долл.			
Дания Импорт	4 193	9 192	73 574	115 489
Экспорт	2 065	7 342	73 106	127 116
Исландия Импорт	–	146	497	4 709
Экспорт		76	664	10 089
Норвегия Импорт	6 584	12 391	25 285	60 235
Экспорт	561	10 884	46 308	109 994
Финляндия Импорт	539	5 132	24 272	54 307
Экспорт	735	11 227	52 109	81 366
Швеция Импорт	2 852	12 636	93 970	171 266
Экспорт	3 572	50 720	123 230	208 836
	1980	**1990**	**2000**	**2005**
	Накопленные прямые иностранные инвестиции в % к ВВП			
Дания Импорт	6	6,8	46,0	44,6
Экспорт	–	5,4	45,7	49,1
Исландия Импорт	–	2,3	5,7	29,0
Экспорт	–	1,2	7,6	62,2
Норвегия Импорт	10	10,7	15,1	20,4
Экспорт	1	9,4	27,7	37,2
Финляндия Импорт	1	3,7	20,1	28,1
Экспорт	1	8,1	43,2	42,1
Швеция Импорт	2	5,2	38,8	47,9
Экспорт	3	20,9	50,9	58,4

Источник: World Investment Report. 2007. UNCTAD. Country Fact Sheet. Denmark, Finland, Iceland, Norway, Sweden.

Либерализация внешней торговли и валютного законодательства в соответствии с ВТО и реализация требований, налагаемых участием в ЕС или ЕЭП, привели к более свободному движению капиталов в североевропейском регионе, который был ранее относительно изолирован от интенсивных переливов трансграничных инвестиций.

Основная часть иностранного капитала, привлекаемого в Норвегию, вкладывается в добычу нефти и газа, куда в отдельные годы привлекается до 6 млрд долл. в год. Что касается континентальной части норвежской экономики, то она не привлекательна для иностранных инвестиций, более того, сами норвежские промышленные компании все больше перемещают производство за границу. Поэтому в Норвегии наблюдается дефицит капиталовложений, который восполняется за счет государственных инвестиций. В Норвегии создана Норвежская инвестиционная компания (НИК), которая действует на паритетных началах с частными инвесторами. Вклад государства равен 51% ее акционерного капитала. Цель Инвестиционной компании Норвегии — содействие структурным преобразованиям и концентрации капитала. В деятельности НИК отразился один из главных принципов норвежской экономической политики, а именно: сотрудничество частного капитала с государственным, при сохранении регулирующих функций за государством. В целях стимулирования инвестиционных процессов в Норвегии в ноябре 2002 г. были предоставлены налоговые льготы. Актуальная тенденция увеличения цен на нефть и газ привела к накоплению в Норвегии значительных инвестиционных ресурсов, которые превосходят инвестиционные потребности страны. В результате Норвегия — этот европейский Кувейт — превратилась в одного из крупнейших на Севере Европы экспортеров капиталов.

Нынешний этап глобализации привел к заметному усилению позиций иностранного капитала в экономике всех стран Северной Европы. Например, в Финляндии более 2/3 акций, которые котируются на Хельсинской фондовой бирже, принадлежит иностранцам. А в Швеции две крупнейшие автомобильные компании, традиционно составляющие основу национальной индустрии, оказались под иностранным контролем. Так, например, шведская компания «Вольво» оказалась поглощенной американским «Фордом», а «Сааб» перешла в руки «Дженерал Моторс». Ныне на предприятиях, принадлежащих иностранцам, работает около 1/6 общей рабочей силы Швеции, что составляет более 500 тыс. человек[1]. Иностранные инвестиции, которые поступают в североевропейские страны, как правило, осуществляются крупными транснациональными компаниями. ТНК, действуя в духе отвечающей их интересам неолиберальной доктрины, поддерживают приватизацию и монетаристскую политику, которая направлена на экономию государственных расходов.

---

[1] World Investment Report. 2007. P. 10, 281.

В Дании около 1/3 промышленных предприятий контролируется иностранными компаниями. Больше всего компаний из США, Швеции и Германии, которые действуют, главным образом, в таких отраслях, как машиностроение, нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая промышленность, а также в пищевой и химической отраслях. Наряду с датской государственной компанией «Донг» добычей нефти и газа в датском секторе морского шельфа Северного моря занимается частная компания «Мерск Олие о Газ», которая является дочерней компанией «А.П.Мёллер Груп». Частные компании ведут по лицензиям поиск и добычу нефти на датском континентальном шельфе. В некоторых крупных компаниях Дании значительный пакет акций находится в иностранной собственности, например в коммуникационных компаниях «ИСС» и «ТДК» — 75%; а также в фармацевтических компаниях «Ново Нордиск», «Колопласт» и «Лудберг»; продовольственной компании «Даниско»; энергетической «Вестас» и банковской «Ден Данске». На ведение некоторых видов предпринимательской деятельности в Дании требуется получение лицензии от государства, например, датский консорциум, образованный для ведения подземных работ по поиску и добыче полезных ископаемых, в том числе топлива — «ДАК», который образован совместным капиталом датской «А.П. Мёллер» и американскими «Тексако» и «Шелл», получил от датского правительства лицензию сроком на 50 лет (срок истекает в 2012 г.). В 1975 г. иностранные банки получили право открывать в Дании свои отделения. Датская компания по производству программного обеспечения «Дамгорд о Навишон» полностью перешла под контроль американской компании «Майкрософт».

Крупнейшим экспортером капитала на Севере Европы является, конечно, Швеция — вывоз капитала составил 262,9 млрд долл. за период 1980–2006 гг.[1] Ряд шведских компаний, в том числе промышленных гигантов, были куплены иностранными инвесторами и перешли в руки иностранных владельцев, среди них: «Вольво», «Сааб», «Астра», «Фармация», «АСЕА», «Стура» и некоторые другие. Этот процесс идет в двух направлениях, так как шведы также покупают иностранные компании, то есть происходит перекрестное финансирование. Эти процессы переплетения капиталов и собственности между разными странами получают различные оценки. Одни расценивают это как признак серьезных проблем, с которыми сталкивается в современных условиях шведская промышленность, другие предпочитают

[1] См.: World Investment Report 2007. UNCTAD. Country Fact Sheet. Sweden.

рассматривать данные факты как доказательство привлекательности шведских промышленных предприятий для иностранных владельцев и их высокой конкурентоспособности, или как следствие и проявление глобализации.

На протяжении 1990-х гг. Швеция отдавала приоритет в своей внешне-экономической экспансии Балтийскому региону, в результате она завоевала доминирующие позиции в банковском и телекоммуникационном секторе трех государств Балтии. Недаром шведское правительство в конце 1990-х гг. предприняло инициативу, которая получила название «Балтийский миллиард». Шведское правительство два года подряд (в 1998 и 1999 гг.) выделяло по 1 млрд шведских крон для развития экономического сотрудничества в Балтийском регионе, средства из которого предназначены для шведских компаний, сотрудничающих с другими странами этого региона, или для создания условий в этих странах, благоприятных для последующего продвижения в этом направлении шведских фирм.

Финляндия длительное время была закрытой для иностранного капитала. Но с 1980-х гг. ситуация стала постепенно меняться в направлении все более глубокого вовлечения страны в международные потоки капиталов. В начале 1980-х гг. Финляндия открыла двери для иностранных банков, а с 1990-х гг. было разрешено открывать здесь филиалы иностранных банков. Одновременно иностранных инвесторов допустили к работе на фондовом рынке страны, а крупнейшие финские компании стали выходить на зарубежные фондовые биржи. Бурный рост «Нокиа», международной компании, по сути являющейся ТНК, начался после того, как ее акции стали продаваться на Нью-Йоркской фондовой бирже, что обеспечило приток иностранного капитала в эту компанию. Фактически финский рынок не обеспечивает функционирование этой компании ни в отношении сбыта, ни в отношении производства. «Нокиа» — это международная компания, ведь бóльшая часть ее производства и занятой рабочей силы находится за рубежом. Правда, в Финляндии осуществляется значительная часть НИОКР, которые обеспечивают этой фирме передовые позиции на рынке средств мобильной связи.

Об усилении интернационализации капитала североевропейских стран говорит тот факт, что процессы слияния бирж в Европе захватили и этот регион. В ЕС сейчас происходят процессы слияния фондовых бирж: Немецкая и Лондонская фондовые биржи («Deutsche B rse», «London Stock Exchange») договорились о слиянии и создании международной биржи («IX International Exchange»), а ряд континентальных бирж («Paris Stock Exchange», «Brussels Stock

Exchange», «Amsterdam Stoch Exchange») договорился о слиянии в единую биржу («EuroNext»). Одновременно биржи Стокгольма и Копенгагена договорились о слиянии и создании общей биржи «Норекс» («Norex»), причем биржи Хельсинки, Таллина, Риги и Литвы сразу же заявили о намерении присоединиться. Этой системой биржевой торговли ценными бумагами владеет ныне компания «OMX». Слияние североевропейских бирж первым среди всех биржевых слияний было осуществлено на практике. Хотя этот биржевой союз охватывает шесть стран, она уступает по размерам операций своим двум другим европейским конкурентам. Технически «Норекс» — это не одна биржа, а биржевой союз — единая система торговли ценными бумагами. На бирже Стокгольма, которая является частью общей системы, в 2003 г. котировались акции 302 компаний. С осени 2006 г. североевропейские биржи перешли на торговлю ценными бумагами по единому списку.

Из данных ЮНКТАД следует вывод о том, что все североевропейские страны являются нетто-экспортерами капитала. Наиболее сильный перевес оттока инвестиций по сравнению с их притоком отмечается в Норвегии, несмотря на то что ее нефтегазовый комплекс является сильным фактором привлечения иностранных инвестиций, причем в форме прямых вложений. Резкое возрастание влияния иностранных инвестиций на экономику стран произошло на протяжении 1990-х гг., когда доля иностранных капиталовложений (причем в данном случае речь идет только о прямых вложениях) выросла до 20–48% ВВП пяти стран североевропейского региона *(см. табл. 2.36)*.

Посмотрим теперь, насколько интенсивно эти процессы проявляются на севере Европы по сравнению с Европейским союзом в целом[1].

Из данных таблицы 2.37 следует, что если раньше доля стран Европейского Севера в экспорте капиталов была заметно ниже, чем в импорте, то теперь эти доли почти равны. Их внутренняя экономика быстрее раскрывается вовне, чем допускает иностранный капитал внутрь страны. Эти тенденции совпадают с аналогичными тенденциями для ЕС в целом.

---

[1] См.: UNCTAD, World Investment Report. 2007. Country Fact Sheet, Denmark, Finland, Iceland, Norway, Sweden.

Таблица 2.37

Участие стран Северной Европы
в международном движении капиталов в 1990–2006 гг.
(накопленные прямые иностранные инвестиции)

	Экспорт капитала		Импорт капитала	
	1990	2006	1990	2006
	млрд долл. США			
5 стран Севера Европы	80,25	637,7	39,5	494,8
Страны ЕС (27)	808,0	6 428,7	749,8	5 434,3
Мир в целом	1 815,2	12 474,3	1 779, 2	11 998,8
	% (страны Севера по отношению к ЕС, а страны ЕС по отношению к миру в целом)*			
5 стран Севера Европы	9,9	9,9	5,3	9,1
Страны ЕС (27)	44,5	51,5	42,1	45,3

Источник: World Investment Report. 2007. UNCTAD. P. 255.

* Расчет.

Анализ процессов участия североевропейских стран в международной миграции капиталов показал, что приток и отток капиталов за границы региона резко увеличился в 1990-е и последующие годы, что связано с участием этих государств в процессах экономической интеграции в Европе и глобальной миграции капиталов. В результате многочисленных международных слияний и поглощений, прямых и портфельных инвестиций производственные процессы в североевропейских странах все больше переплетаются с международными. Север Европы перестал быть относительно изолированным и независимым островом мировой экономики, как это было в первые послевоенные десятилетия. Выросла зависимость экономического развития региона от конъюнктуры европейского и мирового рынка.

Глава 3. Инновации – ключ к успеху

3.1. Инновационная ориентация — новое качество развития региона

(Северная Европа — общество инновационной культуры)

Теории экономического роста в XX в. развивались в направлении признания роли научно-технических факторов роста. Сначала появилась теория позитивного разрушения Й. Шумпетера, затем теории экзогенного и эндогенного НТП. И экономическая теория, и практическая политика сошлись на том, что без инновационной ориентации нельзя достичь качественного развития экономики. На практике это означает признание необходимости создания и развития национальных инновационных систем (НИС), которые в последней трети XX в. начинают функционировать таким образом, что они становятся звеньями интернациональных инновационных систем. Необходимость НИС теоретически обоснована в работах профессора Орхусского университета Б.О. Лундвалля, которая легла в основу экономической, научно-технической и технологической политики стран ЕС, положила начало теории инноваций и инновационной политики[1]. Эта теория лежит в основе научно-технической и инновационной политики всех стран Севера Европы.

---

[1] См.: Lundvall B. . *Product Innovation and User-Producer Interaction*. Iborg, 1985; Idem. *Innovation as an Interactive Process: from User-Production Interaction to the National System of Innovation»*, in G. Dosi, C. Freeman (eds), *Technical Change and Economic Theory»*. London, 1988; Lundval B. . *National Systems of Innovation: towards a Theory of Innovation and Interaction Learning*. London, Pinter Publishers, 1992.

Понятие «общества знания» ввел американский экономист М. Кастелс[1], а норвежский исследователь Кнут Согнер разработал понятие «инновационной культуры», которая, как он не без оснований полагает, является отличительной чертой североевропейской модели экономического развития.

В настоящее время страны Северной Европы являются лидерами инновационного развития в ЕС. Опыт этих стран подтверждает важное значение инновационной ориентации для экономического развития, например и Швеция, и Финляндия вышли из кризиса начала 1990-х гг. за счет развития и реализации инновационного потенциала. Их антикризисная стратегия была противоположной той, которая проводилась в России в те же годы. Когда в начале 1970-х гг. экспорт Финляндии был основан на использовании природных факторов (специализация на лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности), то она относилась к группе среднеразвитых стран; но когда в этой стране произошел качественный сдвиг к развитию инновационной специализации, основанной на информационных технологиях, то она обогнала по уровню благосостояния не только ЕС в среднем, но и — по некоторым оценкам — свою бывшую метрополию — Швецию. В настоящее время все североевропейские страны, включая Финляндию и Швецию, являются мировыми лидерами экономического, технологического и социального развития, а также идут впереди по конкурентоспособности и по индексу развития человеческого потенциала.

Предпосылкой перехода на инновационный тип развития является высокое качество экономической политики, а также особое качество рабочей силы, когда она приобретает свойства человеческого капитала. Эта концепция была разработана чикагской школой экономики и разделяется такими известными экономистами, как Л. Туроу, Э. Дэннисон, Дж. Кендрик и др. Человеческий капитал образуется за счет массированных инвестиций в образование, здравоохранение, информационное обеспечение, поддержание семьи, включая условия для поддержания духовной стабильности, профессиональной мобильности, которые в совокупности обеспечивают возрастающие способности человека анализировать поступающую информацию и творчески ее использовать. Человеческий капитал означает запас здоровья, знаний, навыков, опыта, используемых в производстве с целью достижения высокой заработной платы, которая выплачивается за выпуск высо-

---

[1] Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. I–III. Oxford, Blackwell, 1996–1998. Рус. пер.: *Кастелс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ–ВШЭ, 2000.

кокачественной, конкурентоспособной, инновационной продукции. Лидерство североевропейских стран по индексу развития человеческого потенциала доказывает, что их социально-экономическая модель позволяет накапливать человеческий капитал.

В основе инновационной политики и инновационной деятельности лежит становление и развитие так называемой новой экономики. Это — многокомпонентное понятие, которое основано на наукоемких технологиях и инновационной деятельности. В основе организации и управления этих процессов лежит сетевой принцип. Это значит, что единицей планирования и управления является не предприятие, не сектор народного хозяйства, не стадия НИОКР, не фирма, и даже не замкнутый инновационный цикл, а особая форма взаимодействия между разными участниками инновационной деятельности, которым государство оказывает поддержку доступными ему средствами, ставя ее в центр своей экономической политики. Успешная инновационная деятельность основана на интеграции особого рода, осуществляемой между производством, наукой и образованием, которая приводит к формированию и развитию инновационных сетей. Одна из главных задач политики новой экономики — это поддержание эффективного взаимодействия (кооперации) между разными звеньями инновационной цепочки, связывающее их в единую сеть. Частные предприятия получают возможности создавать инновационный продукт, если они вплетены в сети инновационной кооперации, если они действуют не изолированно, а как звенья одной цепи, то есть если они способны целесообразно функционировать, нацеливаясь не на индивидуальный, а на групповой результат. Участники инновационной деятельности представляют собой функциональное объединение сетевых предприятий, то есть они действуют совместно как соучастники сетевого бизнес-проекта, основанного на взаимных интересах и совместной деятельности. Сетевое предприятие (в отличие от классического рыночного предприятия) реагирует не только на импульсы от рынка, но и на импульсы от поставщиков и партнеров по кооперации, на сигналы, исходящие от государственных органов, и благодаря этому они способны к эффективному взаимодействию со всеми участниками инновационного процесса. То есть сетевое предприятие функционирует не автономно (как обычное рыночное предприятие), реагируя лишь на импульсы рынка, а как участник кооперационной сети инновационного характера, которая имеет определенную цель — получение принципиально нового продукта или технологии.

Успешная инновационная деятельность требует определенных макроэкономических предпосылок, совокупность которых в концент-

рированном виде выражает понятие — инновационный климат, представляющий собой комплекс условий, необходимых для интенсивной инвестиционной и инновационной деятельности. Он включает в себя обеспечение притока ресурсов в наукоемкие отрасли, развитие человеческого и информационного потенциала, расширение спроса на инновационные товары и технологии, доступность современной научно-технической, экономической и технологической информации, развитую патентную службу и непротиворечивое патентное законодательство, прозрачность и простоту патентных процедур и т.д.

В число макроэкономических предпосылок успешной инновационной политики и инновационной деятельности входят социальные предпосылки. Рост жизненного уровня широких слоев населения создает развитый внутренний рынок для инновационных изделий, который является непременной предпосылкой для последующего выхода с соответствующей продукцией на мировой рынок. Например, опыт Финляндии и Швеции показал, что даже узкий внутренний рынок, ориентированный в силу высокого жизненного уровня на инновационные, качественные продукты, может создавать сильные импульсы для развития информационных технологий и мобильных средств связи. То есть структура потребительского спроса имеет не меньшее значение, чем его масштабы. Таможенная и торговая политика может усиливать или, напротив, погашать инновационную ориентацию внутреннего спроса.

Инновационная деятельность предъявляет особые требования к качеству человеческого потенциала. Важна не только способность к анализу новой информации, но и к приобретению новых знаний и навыков в самом процессе инновационной деятельности, иными словами — способность к самообучению и самопрограммированию в процессе трудовой деятельности, что усиливает творческий характер трудовой деятельности. Если бизнес, наука и образование имеют более или менее равный социальный статус и обеспечивают примерно одинаковый уровень доходов, то человеческие ресурсы распределятся в соответствии с их качеством. В противном случае резкое различие доходов и социального статуса приводит к искажению распределения человеческих ресурсов, причем, когда отсутствует инновационный климат — не в пользу инноваций. Если отдельные звенья инновационной цепочки не получают качественных человеческих ресурсов (впрочем, это касается и других ресурсов тоже), то инновационный цикл остается незавершенным, и тогда вложенные ресурсы не окупаются.

Инновационная политика имеет особый характер выработки и реализации. С одной стороны, она должна получить четкое концеп-

туальное обоснование и поддержку адекватными механизмами реализации. В то же время, она носит интеграционный характер. То есть она вплетается в ткань структурной, региональной, экологической, социальной, образовательной и других направлений политики, которые, с одной стороны, создают социальный и экономический заказ на инновации, с другой стороны, позволяют ввести механизмы их реализации. Инновации, являясь особым объектом управления, пронизывают все другие направления политики и практической деятельности.

Инновационная политика и инновационная деятельность высокочувствительна к ресурсному обеспечению. Оно должно носить многокомпонентный характер, некоторые из ресурсов не являются свободно производимыми и не могут быть свободно куплены на рынке, так как они являются специфическим продуктом инновационной культуры. Значение имеет не только достаточный уровень финансирования (в Финляндии и Швеции он более 3%), но и сбалансированность ресурсов по составу, их концентрация на критических направлениях (там, где возможно накопление критической массы) и т.д. Все ресурсы должны быть увязаны в организационном плане и согласованы по количественным и качественным параметрам.

Важен состав и количественные параметры ресурсов, которые включают в себя финансовые, материально-технические (в том числе коммуникационная инфраструктура и информационные сети) и человеческие (студенты и научные работники, уровень квалификации профессиональных кадров, способность к обучению, социальная защищенность, коммуникативность и способность к кооперации) ресурсы. Имеют значение также их качественные характеристики и условия, в которых эти ресурсы используются, например: особенности системы образования, степень развития кооперационной культуры, наличие навыков коммуникации и т.д. В состав ресурсов входят такие специфические виды, как: информационные и технологические ресурсы, организационный ресурс, развитие технологической интеграции и кооперации (возможности организационного объединения различных звеньев инновационной цепочки, например, с помощью инновационных программ, проектов или иным образом). Имеет значение также поддержка государственных органов, непротиворечивость (согласованность) разных направлений политики. Важен также коммуникационный ресурс (возможность интерактивной коммуникации между участниками), политический ресурс (то есть поддержка на микро- и макроуровне политическими средствами), ресурс новизны и уникальности (новыми могут быть не только знания, навыки и умения, но и комбинация различных факторов). Далеко не все ресурсы могут быть

обеспечены чисто рыночными методами, некоторые из них являются политическим, культурным или инфраструктурным продуктом.

Инновационная деятельность весьма требовательна к финансовому обеспечению. Важен не только размер и состав финансирования (соотношение между частными, государственными и другими источниками, доступность венчурного финансирования и льготы для инновационных инвестиций). Играет роль гибкость финансовых рынков, возможность перелива средств между разными сегментами финансового рынка, наличие венчурных и инновационных фондов и предприятий. Используется введение разумных, контролируемых государством налоговых льгот, механизмы паритетного финансирования, концентрация финансовых ресурсов на ударных направлениях. Эти механизмы работают при условии политически осознаваемой и экономически действенной государственной поддержки, возможности притока средств из разных источников (ресурсы предприятий, государственных средств, национальные и международные программы, средства фондового рынка, заемные средства), объединении финансовых средств благодаря научно-технической кооперации, обеспечению притока капитала в инновационные отрасли (льготы, субсидии) и т.д. На первых порах ресурсы фондового рынка и заемные средства не могут быть задействованы для инноваций, поэтому важным становится обеспечение притока государственных финансовых ресурсов в начальные фазы новаций и создание особых инновационных фондов (так называемый стартовый капитал).

Таким представляется поход к инновационной политике и инновационной деятельности в широком смысле слова, который практически реализуют страны Северной Европы, в первую очередь Швеция и Финляндия. Для принятия подобного курса необходимо сделать ясный политический выбор и проявить политическую волю для создания инновационного климата. Возможен также более узкий подход к инновационной политике и инновационной деятельности, когда удается реализовывать фрагменты инновационной политики и инновационной деятельности. В соответствии с этим подходом создаются замкнутые зоны, в рамках которых формируется инновационная среда, благоприятная для развертывания инновационной деятельности. Эти зоны могут называться по-разному. В Германии их называют инкубаторами бизнеса, в Британии — научными парками, во Франции и Японии чаще всего используют понятие технополиса, в Финляндии — технологические деревни, а, например, в Китае — зоны высокой технологии. Но суть этих разнообразных форм одна — это выделение территориально замкнутой зоны, где создаются особо благоприятные условия

для инноваций. Стержнем является потенциал, возникающий вокруг научных или образовательных центров, где создаются условия для применения знаний в производстве конкретных рыночных товаров или услуг, или создание промышленных технологий.

По интенсивности финансирования НИОКР в мире лидируют Швеция и Финляндия (в диапазоне от 3 до 4% ВВП). Все североевропейские страны (кроме Норвегии) опережают страны — члены ЕС и ОЭСР по финансированию науки и инноваций. В расчете на душу населения преимущество Швеции в инновационном финансировании становится еще более очевидным *(см. табл. 3.1)*. Швеция также заметно опережает другие страны региона по количеству персонала НИОКР: 72 тыс. человек, что составляет 35% общей численности научно-технического персонала в странах Северной Европы[1].

Большая часть НИОКР ориентирована на потребности промышленности и, прежде всего, наукоемких ее отраслей. Особенностью североевропейских стран является тот факт, что бóльшая часть ресурсов для финансирования НИОКР поступает из частного сектора[2], то есть инновационный характер имеет не только экономическая политика государства, но и предпринимательство. Причина состоит в ранней интернационализации промышленности этих стран, которая вела к концентрации производства, капитала и экспорта, а также усиливала стремления к поддержанию на высоком уровне международной конкурентоспособности.

Наиболее высоких показателей достигают расходы на НИОКР в Финляндии и Швеции, причем как по абсолютному размеру ассигнований, так и по отношению к ВВП и на душу населения, причем Швеция заметно опережает Финляндию.

Все североевропейские страны занимают одно из первых мест в мире по распространению персональных компьютеров. Дания занимает передовые позиции по ветроэнергетике, развитию биотехнологий, некоторым отраслям машиностроения. Датские наукоемкие компании, например, члены Датской ассоциации фармацевтической промышленности, тратят на НИОКР 15–18% общего оборота отрасли. В этой стране планируется создать фонд поддержки НИОКР за счет прибыли от добычи нефти с шельфа «Фонд Северного моря для развития высоких технологий». Предполагается, что в течение 2005–2012 гг. будет отчисляться в этот фонд по 2 млрд датских крон ежегодно, таким образом в фонд будет отчислено не менее 16 млрд крон.

---

[1] См.: Nordic Statistical Yearbook. 2006. Vol. 44. P. 229.

[2] См. таблицу 3.3.

Таблица 3.1

Расходы на НИОКР в странах Северной Европы (% ВВП)

	1985	1995	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Дания	1,25	1,92	1,94	2,06	2,10	2,27	2,40	2,55	2,59	2,61	2,44
Исландия	0,74	1,54	1,82	2,08	2,39	2,76	3,08	3,14	2,97	3,01	2,6
Норвегия	1,48	1,72	1,68	–	1,65	–	1,60	1,67	1,75	1,64	1,51
Финляндия	1,58	2,37	2,78	2,86	3,21	3,38	3,38	3,43	3,48	3,51	3,48
Швеция	2,88	3,59	3,85	3,62	3,65	–	-4,27	–	3,98	3,74	3,89
Север Европы в среднем	1,96	2,55	2,65	–	–	–	–	–	–	2,9*	2,9
ЕС (12 стран)	–	1,83	1,83	1,90	1,90	1,90	1,90	1,90	1,90	1,89	1,89
Страны — члены ОЭСР	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2,26	2,25

Источник: Nordic Statistical Yearbook. 2001. Vol. 39. P. 233; 2005. Vol. 43. P. 189, 221, 229; 2006. Vol. 44. P. 227. Statistisk rbog 2007. Danmarks Statistik. Juni 2007, Tabel. 257. OECD in Figures. 2006–2007. Ed. Observer OECD. P. 10–11, 40–41.

* Расчет.

Таблица 3.2

Расходы на НИОКР в Северной Европе в 1995 и 2005 гг.

1995	**Дания**	**Исландия**	**Норвегия**	**Финляндия**	**Швеция**	**5 стран**
Расходы на НИОКР (млн евро)	2 123	83	1 585	2 071	5 737	11 599
НИОКР, % к ВВП	1,95	1,54	1,72	2,37	3,59	2,55
Расходы на НИОКР (долл.) в расчете на душу населения*	407	310	364	404	649	488
2005						
Расходы на НИОКР (млн евро)	3 859	238	2 700	5 012	9 359	21 168
НИОКР, % к ВВП	2,44	2,6*	1,51	3,48	3,89	2,9*
Расходы на НИОКР (долл.) в расчете на душу населения*	713	809	586	957	1 039	858
Рост в 2005 г. расходов на НИОКР (1995 = 100)	182	287	170	242	163	182
Рост в 2005 г. расходов на НИОКР в расчете на душу населения (1995 = 100)	175	261	161	237	160	176

Источник: Nordic Statistical Yearbook. 2001. Vol. 39. P. 76, 194, 233; 2007. Vol. 45. P. 60, 227–228.

* Расчет.

Наиболее ярко инновационная ориентация экономического и общественного развития выражена в Финляндии и Швеции, которые лидируют по всем показателям, характеризующим обеспечение научных исследований и технологических разработок.

По абсолютным размерам ассигнований Швеция опережает Финляндию в 1,9 раза *(см. табл. 3.2)*. Бóльшая часть исследований имеет технологическую направленность и предназначена для совершенствования продукции, вырабатываемой промышленностью. По размеру ассигнований на науку и технологии, которые приходятся на душу населения, северные страны не очень сильно различаются между собой, за исключением Норвегии и Швеции, которая выделяет на 77% больше Норвегии (минимальный размер финансирования на Европейском Севере) *(см. табл. 3.2)*.

По источникам финансирования во всех североевропейским странам частные средства преобладают над государственными. Финансирование исследований через университеты и другие вузы (на Севере Европы все вузы являются государственными, а немногочисленные частные учебные заведения высшего уровня получают государственные субсидии) играет значительную роль. Преобладание частных источников финансирования сильнее выражено в Швеции и Финляндии, так как там выше удельный вес наукоемких отраслей. В отдельных странах Северной Европы государство (включая финансируемые государством вузы) финансирует от 24 до 46% исследований *(см. табл. 3.3)*.

Таблица 3.3

Источники финансирования НИОКР в странах Северной Европы в 2005 г.

Источники финансирования	**Дания**	**Исландия**	**Норвегия**	**Финляндия**	**Швеция**
Частные (1)	68,7	56,3	54,0	70,8	75,7
Государственные источники (2)	7,2	21,0	16,0	9,3	3,1
Вузы (3)	23,8	20,2	29,9	19,4	20,8
(2) + (3)	31,0	41,2	45,9	28,7	23,9
Другие источники (5)	0,7	2,5	–	0,6	0,4

Источник: Nordic Statistical Yearbook. 2007. Vol. 45. P. 229.

Переход на инновационный тип развития сопровождается формированием национальных инновационных систем (НИС). Как реально происходят процессы становления НИС можно проиллюстрировать на примере Финляндии.

1963 г. — образование Национального Совета по научной политике.
1967 г. — создание фонда СИТРА — финского Национального фонда по исследованиям и развитию. СИТРА — это венчурный фонд для инновационного предпринимательства.
1979 г. — создание Комитета по технологиям.
1982 г. — увеличение финансирования НИОКР с 1,2 до 2,2% ВВП.
1983 г. — создание Национального технологического агентства («Текес»), который формально подчинен Министерству торговли и промышленности, но вправе самостоятельно принимать финансовые решения. «Текес» финасирует на паритетных началах, предоставляя 50–70% стоимости проекта, стимулируя таким образом научно-техническую кооперацию.
1986 г. — Создание Совета по научной и технологической политике.
1996 г. — Новое увеличение финансирования НИОКР до 2,9% ВВП (в настоящее время эта доля превышает 3%; см. таблицы 3.1 и 3.2; подробнее см. раздел 3.2).

Финские фонды «Текес» и СИТРА финансируют НИОКР на венчурной стадии, когда труднее всего найти средства для финансирования, так как результат трудно предвидеть.

Новации подразделяют на технологические (ведут к увеличению наукоемкого экспорта), социальные (ведут к уменьшению социальной дифференциации и бедности) и экологические (ведут к уменьшению вредного влияния на окружающую среду и гармонизации отношений между обществом и природой). Перестройка экономики североевропейских стран в инновационном направлении происходила в три этапа. Первый этап — в начале 1970-х гг., когда энергетический кризис подтолкнул их экономику к трансформации в направлении интенсификации использования ресурсов; второй — после экономического кризиса в начале 1990-х гг. и присоединения к ЕС в середине 1990-х гг.; третий — в результате ускорения глобализации вследствие окончания «холодной войны». Под влиянием этих мощных импульсов экономика североевропейских стран все больше перестраивалась на инновационных, интенсивных основах. Перестройка шла в направлении увеличения вклада ресурсов в НИОКР, а также

по пути организации и совершенствования национальных инновационных систем и их включения в международные системы. Профиль их международной специализации, как в производстве, так и в обслуживающей его сфере НИОКР, шел по давно определившемуся для них направлению: производство и дальнейшее совершенствование продуктов, производимых на основе специализации для особых групп потребителей, которые согласны платить больше за хорошее качество изделий. Инновации происходили путем совершенствования традиционной продукции, производимой странами Европейского Севера. В первую очередь — это продукция лесобумажного комплекса, цветной металлургии, продукты питания, рыба и морепродукты, продукция специального машиностроения, суда, подъемно-транспортное оборудование и т.д. Одновременно стал осуществляться переход к производству новых, нетрадиционных продуктов (средства мобильной связи, биотехнологии, фармацевтика, медицинская техника, средства телевизионной связи, информационные технологии и т.д.).

Развитию современных инновационных систем весьма содействует сложившаяся в североевропейских странах модель социально ориентированного развития. Именно такая модель обеспечивает развитие человеческого потенциала и придает ему нужные качества, превращающие его в человеческий капитал, то есть рабочую силу, обладающую ценными навыками и умениями, которая создается за счет высоких социальных, инфраструктурных расходов, а также хорошего образования. Инновации — это сложный процесс, невозможный без кооперации и взаимопомощи между разными звеньями инновационной системы, как раз скандинавская модель обеспечивает благоприятные условия для развития такой кооперации.

Аналогично тому, как в эпоху индустриализации складывалось международное разделение труда по поводу производства промышленной продукции стандартной номенклатуры, производимой в массовых масштабах, так в эпоху экономической интеграции и глобализации формируется разделение труда по поводу НИОКР и обусловленных ими наукоемких производств. Преимущества получают те страны, которым удается первыми наладить производство продукции, необходимой для такого перехода к информационному обществу и связанной с этим технологической перестройке, происходящей в настоящий момент в мировой экономике.

Переход на инновационную модель развития связан с институциональными, технологическими, финансовыми и социальными изменениями, которые воплощаются в создании так называемой инновационной культуры, связанной с культурой научно-технической коопера-

ции и для которой североевропейская модель создает благоприятные условия. Инновационная культура (мы реализуем новации) возникает на основе умения (мы умеем осуществлять новации), знаний (мы знаем, какие нужны новации и в чем они заключаются) и информации (мы имеем доступ к инновационной информации и можем ею обмениваться с другими участниками НИС).

В этом главное отличие теории НИС от теории «созидательного разрушения» Й. Шумпетера. Главный акцент он делал на роль индивидуального предпринимателя в организации нововведений, тогда как теперь в «обществе знания» главным условием новаций становятся инновационные сети и научно-техническая и инновационная кооперация, что получило отражение в концепции НИС. Инновации на первых порах сильно зависят от спроса на инновационную продукцию. Высокий спрос со стороны социального государства североевропейских стран и склонность социально благополучного населения этих стран к потреблению продукции высокого качества создают первоначальный спрос, который обеспечивает благоприятные условия для последующего выхода на мировой рынок новых видов продукции. Например, датское правительство осуществляет массовые закупки медицинской техники для системы здравоохранения, что способствует развитию этой отрасли машиностроения в Дании. Широкое развитие доступного для населения здравоохранения содействовало развитию фармацевтики во всех Скандинавских странах; а высокий уровень жизни населения — спросу на компьютеры, средства телефонной и мобильной связи. В отличие от Й. Шумпетера Б.О. Лундвалль исследовал роль потребления в качестве элемента инновационного процесса и показал, что оно играет важную роль. В этом отношении именно у североевропейских стран есть серьезные преимущества перед другими государствами. Высокий уровень защиты интересов потребителей, достигнутый в Северной Европе, также содействует инновациям и стимулирует повышение конкурентоспособности производимой с их использованием продукции. Профсоюзы и сильные социал-демократические партии, которые во многом содействовали становлению североевропейской социально-экономической модели, придерживаются концепции «экономической демократии», реализация которой в экономической политике сопровождается необходимыми для перехода на инновационный путь развития институциональными изменениями.

Таким образом Б.О. Лундвалль дал толчок развитию новой философии инноваций и выработке инновационной политики. В отличие от Й. Шумпетера он показал, что главным условием современных но-

ваций становятся национальные инновационные системы (а не индивидуальный предприниматель), при этом на первый план выходят малые инновационные фирмы (а не крупные фирмы, как у Шумпетера). Нововведения, по Лундваллю — это внутренний фактор развития фирмы, а не внешний, как у Шумпетера, когда созидательное разрушение заставляет конкурирующие фирмы следовать тем новациям, которые были произведены технологическим лидером. Шумпетер расчленяет инновационный процесс и изучает его изолированно, Лундвалль рассматривает его как интегрирующий процесс, объединяющий не только различные звенья национальной инновационной системы, но и придающий значение их включению в международные системы инновационного характера (например, научно-технические программы ЕС или международные стратегические альянсы).

В качестве примера инновационной активности малых фирм можно привести успех норвежской фирмы «Нюегорд & К°», которой удалось в 1969 г. получить фармацевтический продукт амипак, на основе которого в 1980-е гг. была создана новая группа лекарственных препаратов. В результате такого открытия эта небольшая прежде чисто семейная норвежская фирма приобрела трех иностранных партнеров для сотрудничества в производстве лекарств новой группы и проверке их качества. Став создателем новой группы лекарств, компания «Нюегорд & К°» фактически выступила как катализатор создания транснациональной инновационной системы в области фармацевтики и биохимии.

Швеция превратилась в лидера в применении инновационных электронных технологий. Не менее 1/3 клиентов шведских банков используют Интернет для проведения своих банковских операций, 2/3 шведов используют электронную почту (в том числе 1/3 — для совершения покупок). Более половины шведских избирателей голосуют через электронную почту. Почти все жители Швеции имеют кабельный телефон, 2/3 из них имеют еще и мобильный телефон. Более 2/3 шведов имеют персональный компьютер и доступ к Интернету. В 1999 г. Швеция вышла в Европе 1-е место по осуществлению покупок через Интернет. Почти половина шведских фирм практикует торговлю через Интернет, что превышает показатели ЕС. Швеция лидирует в Европе также по дистанционному обучению.

Человечество не знает, кто изобрел колесо, зато известно, кто изобрел молочный сепаратор, разводной ключ, термометр, ремень безопасности, замок-молнию, холодильник, компьютерную мышку, искусственный сердечный клапан, паровую турбину, шарикоподшипник, газовый маяк и многое другое. Все это изобрели шведские инженеры и изобретатели. Не менее изобретательны датчане, норвежцы

и финны, можно даже сказать, что изобретательность свойственна североевропейским народам. Есть много теорий, объясняющих этот феномен. Североевропейские страны имеют глубокие традиции изобретательства, возможно, что суровые географические условия служат стимулом к изобретениям, так как они помогают выживать в имеющихся там условиях, избегать тяжелого физического труда, связанного с необходимостью пребывания на Севере. Это послужило важным фактором формирования промышленного потенциала: большинство из ныне крупных шведских промышленных компаний возникло на рубеже XIX и XX вв. на базе всемирно известных изобретений, таких как: телефон, шарикоподшипник, молочный сепаратор, газовый маяк, паровая турбина и т.д.

Интересно сравнить уровень финансирования НИОКР в странах Северной Европы с другими промышленно развитыми странами. Доля расходов на НИОКР в Швеции — 3,86%, в Финляндии — 3,48%; тогда как в США — 2,62%, Японии — 3,33%, а в ФРГ — 2,46%[1]. Финляндия и Швеция наряду с Сингапуром и Южной Кореей являются мировыми лидерами по доле населения с высшим образованием[2].

Помимо достаточного финансирования, важную роль в становлении НИС играет институциональная структура НИОКР. В Швеции, например, в начале XXI в. было создано три новых научно-исследовательских совета: Научный совет и два специализированных совета по сельскому и лесному хозяйству и по социальному планированию. В Швеции в пригороде Стокгольма — Чисте возникла шведская «силиконовая долина», в которой были сконцентрированы предприятия, действующие в области наукоемких производств. Швеция лидирует в мире по развитию биотехнологий в расчете на душу населения. На Севере Европы хорошо развита информационная инфраструктура, которая позволяет внедрять информационные технологии и в производство, и в обслуживание населения, и в торговлю, развиваются все виды применения Интернета (в банковском обслуживании, заказе билетов и даже в голосовании). Восемьдесят из каждых 100 жителей региона обеспечены средствами беспроволочной телефонной связи. Интенсивное использование компьютерных и информационных технологий создает благоприятные условия для их дальнейшего развития, так как спрос стимулирует предложение. Благоприятным фактором является также то, что население этих стран — не многочисленно, это содействует развитию личных кон-

---

[1] OECD in Figures 2006–2007. OECD Observer. 2006. Suppl. 1. P. 39–40 (см. табл. 3.2).

[2] www.worldinformation.com/World/europe_eu/Sweden.

тактов между представителями мира науки, образования и бизнеса. Помогает также ранний выход на курс интернационализации и наукоемкой специализации, что позволяет сконцентрировать ресурсы на ключевых направлениях, делая возможным рывок вперед. В настоящее время таким ключевым направлением для Севера Европы стали информационные технологии, фармацевтика и биотехнологии. Быстро развивается биотехнологический комплекс в Балтийском регионе, в котором располагается 870 таких компаний. В рамках региона возник научно-инновационный парк с биотехнологической направленностью — Эресунн. Новый европейский биотехнологический регион образовался по обеим берегам пролива Эресунн после введения в эксплуатацию моста через пролив. Первого июля 2001 г. 16-километровый мост соединил район Копенгагена с третьим по величине городом Швеции Мальмё. По мосту осуществляется также железнодорожное сообщение. В регионе достигнута высокая концентрация биотехнологических научно-исследовательских институтов и медицинских центров. Здесь сложился крупный, третий по величине в Европе центр биотехнологических исследований, и регион продолжает развиваться в инновационном направлении. Здесь сосредоточено множество университетов и научных институтов[1].

Швеция вышла на чемпионские позиции не только по размерам финансирования НИОКР, но и по числу патентов, получаемых на душу населения, лидирует по развитию технологий, основанных на биологических процессах. Помимо региона Эресунн, в биотехнологическом направлении специализируются регионы Мальмё–Лунд–Копенгаген–Гётеборг, а также Стокгольм–Упсала. В Дании также явно выражена биотехнологическая направленность НИОКР, венчурного финансирования и инновационной деятельности.

Анализ инновационной стратегии североевропейских стран во взаимосвязи с экономической стратегией показывает, что благодаря сочетанию социальной и инновационной ориентации экономического развития в странах Северной Европы развивается общество инновационной культуры. Организационной его основой является формирование и развитие НИС, благодаря чему произошел переход на интенсивную модель экономического роста. Это позволяет странам региона занимать выгодное место в системе международного разделения труда, специализируясь на выпуске инновационных промышленных изделий с высокой долей стоимости, добавленной обработкой, а также на наукоемких видах продукции.

---

[1] Подробнее см.: www. resundsbron.com.

Таблица 3.4

Развитие биотехнологий в Балтийском регионе

	Число университетов, принимающих участие в биотехнологических исследованиях	**Число биотехнологических компаний**	**Центры развития биотехнологий**
Дания	12	100	Копенгаген «Медикон Велли Академи» «Биомедико Форум» «БиоТИМ Сауз» «Хелз Тек»
Норвегия			«МедКоаст Скандинавия Норведжиан Биоиндастри Ассоциэйшн»
Финляндия	20	120	Оулу и Турку «БиоТурку» «БиоФорумОулу»
Швеция	12	183 (а также 8 научных парков)	Мальмё–Лунд–Гётеборг Стокгольм–Упсала Кальмар «КальмарБиоСайенс» «Медикон Велли Академи» «МедКоаст Скандинавия»

Источник: http://www.scanbalt.org.

3.2. Финский феномен

В 1905 г. консул Португалии в Хельсинки Анхель Ганивет, отметивший в своей книге «Финские письма», что в Финляндии телефонов почти столько же, сколько кухонной утвари, писал: «Можно с полным основанием утверждать, что Финляндия — страна, влюбленная в прогресс и всеми возможными путями мчащаяся к нему. Не хватает главного: того, как в ней понимают прогресс». Но тут он ошибся.

...Прошло сто лет. И вот, показатели нынешней Финляндии на начало XXI в.

3.2.1. Среди мировых лидеров прогресса

Ежегодный прирост ВВП в 2006 г. составил 5,5% (в 2004 г. — 5,1%) и является одним из самых высоких в мире, превышая соответствующие показатели в США (4,3%), Японии (1,3%) и в среднем по странам Евросоюза (2,6%). ВВП на душу населения — 25 тыс. долл., в США — 36,4 тыс. долл. в среднем по развитым странам — 22,6. Финляндия принадлежит к числу стран, где меньше всего ощущается социальное расслоение. Если взять в качестве меры социальной несправедливости соотношение между доходами 20% самых богатых и 20% самых бедных граждан, то в США оно составит 9 раз, в Сингапуре — 9,6, в среднем в наиболее развитых странах — 5,8, а в Финляндии — 3,6 раза. В Финляндии самое малое в мире число бедных, то есть живущих за чертой бедности — всего 3,8% (в США — 14,1%, в среднем по развитым странам 10,6%). Безработица по данным на март 2007 г. составила 7,7%. Нынешнее правительство обещает снизить этот уровень до 5%.

Финляндия является наименее коррумпированной страной в мире. Согласно данным международной организации «Транспаренси Интернешнл», целью которой является противодействие коррупции в государственных органах, в 1995–1997 гг. Финляндия занимала 4-е место среди наименее коррумпированных стран мира, затем в течение последующих трех лет — 2-е, а в 2001 г. стала лидером и прочно удерживает эти позиции в международных рейтингах.

По десятибалльной шкале (10 баллов — полное отсутствие коррупции) Финляндия в 2001 г. получила 9,9 балла, за ней шли Дания и Новая Зеландия, разделившие 2–3-е места, 4-е — Исландия и на 5-м и 6-м месте — Швеция и Сингапур (обследовалось 110 стран). Согласно данным, опубликованным в октябре 2004 г. (опрос на этот раз проводился в 146 странах) ее показатели составили 9,7 балла. В шестерку наименее коррумпированных стран мира вошли также Новая Зеландия, Дания, Исландия, Сингапур и Швейцария (около девяти баллов). Менее трех баллов набрали в 60 странах мира.

Сенсацией 2001 г. явились данные Всемирного экономического форума: финны вышли на 1-е место по глобальной конкурентоспособности, обогнав США, Швецию, Данию, Тайвань, Сингапур, Исландию, Швейцарию, Норвегию, Австралию.

Если в 1990–1995 гг. производительность труда в финской экономике росла ежегодно в среднем на 1,6%, то в 1995–2005-х гг. она составила 2,5% (2-е место после Ирландии среди стран ОЭСР).

Лидерство принадлежало телекоммуникационному сектору, производительность труда в котором ежегодно возрастала на 25%. Один из критериев конкурентоспособности — технологическое и инновационное развитие. По этим показателям Финляндия вышла соответственно на 3-е и 4-е места.

Финляндия лидирует по распространению мобильных телефонов среди населения, использованию компьютеров и Интернета. Сейчас постоянный доступ к Интернету имеют более 75% финнов, для людей в возрасте до 40 лет этот показатель равен 100%. Практически все пользователи Интернета в этой стране используют широкополосный доступ (96%), а половина населения пользуется 3G-телефонией. Интересно, что мобильными телефонами пользуется более 100% населения. Как это возможно? Дело в том, что у многих финнов более одного «мобильника». Если вспомнить, что Финляндия — родина «Нокиа», то в этом нет ничего удивительного.

3.2.2. Инновации и технологии — ключ к успеху

В чем же успех этого поразительного рывка небольшой северной страны с населением немногим более 5,2 млн человек, не обладающей сколько-нибудь значительными природными ресурсами, кроме леса? Ответ — не единственный, но, пожалуй, главный.

Одним из главных приоритетов Финляндии, основных «моторов» бурного роста экономики и социального прогресса страны стали за последние два десятилетия научные исследования и технологические разработки. Финляндия — пионер в развитии национальной инновационной системы, основанной на объединении в единое целое производителей и потребителей знаний.

Среди ключевых элементов этой системы: активная государственная политика, основанная на крупных инвестициях в исследования и разработки (напрямую и через специальные фонды), общедоступная, бесплатная, высококачественная система высшего образования, активное участие бизнеса, предоставляющего финансовую базу для превращения инноваций в продукцию через механизмы рынка и инновационной культуры компаний. Финская модель основана на трехстороннем сотрудничестве: университеты, государственные предприятия и частные компании объединили свои исследовательские ресурсы.

Опять обратимся к цифрам. Финны не скупятся на финансирование НИОКР. Если расходы на НИОКР еще 20 лет назад составляли 1,2% ВВП, то в 2004 г. они выросли до 3,5% (5 млрд 474 млн евро), из

стран ОЭСР финны уступают лишь шведам (3,8%) (выше, чем в среднем по странам ЕС (2,2%) и в США и Японии (соответственно 2,4 и 2%). К 2010 г. увеличение ассигнований на НИОКР планируется еще на 300 млн евро в год. В области НИОКР в 2005 г. было занято около 77 тыс. человек (в 1991 г. — 45 тыс.), более половины в частном секторе. При этом в государственном секторе женщин примерно треть, в общественном секторе и образовании — почти половина, а в частном — только одна треть.

Все более вовлекается в финансирование науки и технологических разработок частный бизнес. Сейчас он вкладывает в этот сектор 71% средств (еще 10 лет назад — 57%), а остальное — государство.

А как государство финансирует науку?

Во-первых прямые ассигнования для университетов (25,87%), во-вторых, важным источником финансирования является Академия наук (15,9%). В третьих — и это главное в финской системе — государственные фонды поддержки науки и разработки технологий, выделяются такие как «Текес» и «Ситра» (иностранные источники финансирования составляют всего 6%).

В то время как Академия наук сосредоточивает свои усилия на финансировании фундаментальных исследований, «Текес» стал основным каналом финансирования (29,12%) государственных разработок, ориентированных на бизнес. При большом объеме деятельности «Текес» в этом фонде занято всего 200 человек. В отличие от «Текеса», фонд «Ситра» не занимается финансированием технологических исследований и разработок как таковых, но превратился в венчурного капиталиста, который финансирует новые компании на стадии начала и расширения их деятельности. Одновременно «Ситра» играет роль «государственного мозгового центра», финансируя яркие и смелые идеи. В фонде работает примерно 60 сотрудников.

Показателем успехов Финляндии в инновационной политике стал резкий рост доли продукции «хай-тек» в ее внешней торговле. Если в 1988 г. эта продукция не превышала 4% финского экспорта, то в 2005 г. она составила уже 25%. Прежде всего это относится к электронике, которая превратилась в третьего «кита» финской экономики — наряду с традиционным лесом и развившимися после войны металлургической и машиностроительной промышленностью. Доля импорта наукоемкой продукции составила 15,7%.

Развитие Финляндии в 90-х годах XX в. и начале третьего тысячелетия — хороший пример роли информационных технологий (ИТ). Ведомая сектором ИТ, совокупная рыночная стоимость финских ком-

паний возросла на 900–1000%. Кластер ИТ стал самым динамичным и конкурентоспособным экспортным сектором. Этот кластер, в котором заняты всего лишь 3–4% общей численности рабочей силы, дает 1/3 общего объема экспорта и составляет ныне около 45% ВВП. Крупнейшая (52 тыс. сотрудников) и наиболее известная — «Нокиа», объем продаж которой превышает 30 млрд евро. Это больше, чем оборот российского «Газпрома». Расходы «Нокиа» на НИОКР составляют около 9% объема чистых продаж.

Электроника является не единственным, как многие думают, примером прогресса финнов в мировой научной и технологической революции. Следует отметить энерготехнологии. Древесной биомассой покрывается 20% энергетической потребности Финляндии и 10% производства электроэнергии. До 70% энергии, потребляемой финской лесной промышленностью, производится на основе древесины. Ни в одной другой развитой стране использование биоэнергетики не получило столь широкого распространения. За последнее десятилетие экспорт энерготехнологий увеличился в четыре раза, и его стоимость составляет сегодня примерно 3 млрд евро (6% совокупного экспорта). Знания финнов в области биоэнергетики и технологий сжигания — значительное преимущество на международном рынке технологий, направленных на сокращение атмосферных выбросов. В России же древесные отходы производства как топливо практически не используются (считается, что газ дешевле), а продаются в ту же Финляндию.

Другой пример относится к атомной энергетике. Финляндия — единственная из стран ЕС, которая собирается построить дополнительные ядерные мощности. Интересно сопоставить эффективность использования АЭС в Финляндии и России. Четыре атомных реактора в Финляндии (два — советского производства и два — шведского) генерируют 21,4 ТВтч в год, а 30 российских реакторов — 141,6 ТВтч. Коэффициент использования реакторов в Финляндии составляет 94% — самый высокий показатель в мире. Соответствующий показатель для России — примерно 70%. Будет построен еще один блок АЭС, обсуждается вопрос о дополнительных трех.

Традиционная область финской экономики — лесная промышленность. Внедрение новых технологий и крупных инвестиций привело к тому, что доля Финляндии, лесные ресурсы которой составляют лишь 0,5% мирового лесного фонда, выросла, например, в производстве мелованной бумаги до 25% от всего мирового производства. Вокруг лесного хозяйства и лесной промышленности образовалось значительное средоточие высоких технологий — лесной кластер.

В последние десятилетия Финляндия активно вкладывала средства как в образование, так и в исследования и разработки. Это обеспечило трехстороннее сотрудничество: университеты, государственные предприятия и частные компании объединили свои исследовательские ресурсы.

Всего в высших учебных заведениях Финляндии сейчас обучаются около 170 тыс. студентов, еще 170 тыс. — в так называемых открытых университетах и на курсах совершенствования.

Финское образование весьма сильно замкнуто на технологии. 27% общей численности студентов занимаются наукой, математикой и инженерными специальностями, что вдвое выше показателя сопоставимых стран. Финская система образования соответствует самым высоким мировым стандартам. Согласно исследованиям ОЭСР, среди подростков в возрасте 15 лет, проживающих в странах ОЭСР, наилучшими навыками чтения обладают финские школьники. По знаниям математики они — на 3-м месте, естественных наук — на 4-м. По числу научных публикаций общее количество возросло с 4 тыс. в 1990 г. до 7300 в 2002 г. По этому показателю в пересчете на душу населения — Финляндия на 1-м месте, опережая Данию, Швецию, Норвегию, США, Японию.

До 60-х годов XX в. в Финляндии были лишь два полноценных университета. Уже в 70-х годах в 10 городах функционировало 20 государственных университетов. И именно университетское образование, научные исследования, проводимые в университетах стали интеллектуальной основой финской инновационной системы.

Финляндия одной из первых в Западной Европе использовала опыт «силиконовой долины» (но не механически — как это часто бывает в России), а применительно к своим специфическим условиям. Одним из первых был создан технопарк в Оулу на основе местного университета. Технопарки — пример объединения в единое целое образования, исследования и внедрения. Сюда пригласили частные компании, в основном небольшие и очень гибкие. Для реализации идей разработчиков государство выделяло субсидии. Всячески поощрялась здоровая конкуренция идей. В рамках такого подхода родилась, например, знаменитая операционная система «Линукс», разработанная 22-летним студентом Хельсинкского технологического университета Линусом Торвальдсом. Сейчас таких технопарков (в Финляндии их иногда называют «технологическими деревнями») свыше 20. Многие из них расположены в северной части страны.

3.2.3. Государство или неолиберализм

Обобщая опыт Финляндии, профессор Хельсинкского университета Пекка Химанен в книге «Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель», написанной им совместно с Мануэлем Кастелсом, профессором Калифорнийского университета[1], делает, как представляется, весьма важные выводы о роли государства в нынешних условиях. П. Химанен, в частности, пишет, что финская модель сложилась в очень специфических условиях, которые нельзя воспроизвести в других странах. Однако есть ряд ключевых уроков, которые можно и следует извлечь из финского опыта.

1. Опыт Финляндии показывает, что развитое государство благосостояния не является несовместимым с развитием информационного общества и с динамичной, конкурентоспособной новой экономикой. Наоборот, государство благосостояния представляется одним из решающих факторов роста такой экономики на стабильной основе. Без высокого уровня налогообложения государство благосостояния нельзя воспроизводить и поддерживать. Но до тех пор, пока производительность и конкурентоспособность растут быстрее, чем налоги, и пока народ признает блага, получаемые в виде социальных услуг и качества жизни, налогообложение не является экономической проблемой. В этом смысле финская модель представляет собой резкий контраст с моделью «силиконовой долины», которая развивается исключительно и всецело под воздействием рыночных механизмов, индивидуального предпринимательства — при значительных социальных издержках и остром социальном неравенстве.

2. Сотрудничество между трудом и капиталом, практикуемое в государстве благосостояния при участии правительства, допускают развитие гибких форм использования труда в рамках стабильной системы индустриальных отношений. Финский опыт показывает, что профсоюзы могут принять трансформацию методов ведения бизнеса при условии, что на них не взваливают несправедливую долю социальных издержек, с которыми сопряжен переход к информационной модели. Способность финских методов найма и использования рабочей силы в обмен на предоставление социальных благ государством и высокие темпы экономического роста резко контрастируют с жесткостью трудовых и управленческих отношений, например в Германии, где жест-

---

[1] *Химанен П., Кастелс М.* Информационное общество и государство благосостояния: финская модель. М.: Логос, 2002.

кое сопротивление профсоюзов стало одним из главных препятствий на пути перехода к новой экономике.

3. В Финляндии государство играло и продолжает играть важную роль при определении направления экономического развития и построении информационного общества. Но государство не поставило экономику под бюрократический контроль. Вместо этого оно стало одним из главных агентов либерализации экономической системы. Финское государство использовало стимулы и стратегическое планирование в качестве дополнения к рыночным механизмам, а не в качестве их замены.

4. У Финляндии есть ярко выраженная политика, направленная на включение в информационное общество всего населения страны. Финляндия стала во многом экспериментальной площадкой для измерения степени освоения людьми информационно-технологической революции.

Нельзя не согласиться и с выводами Бориса Кагарлицкого, сделанными в послесловии к книге П. Химанена и М. Кастелса. Он, в частности, пишет, что с точки зрения либеральной теории (так называемый Вашингтонгский консенсус) финны сделали все неправильно. Высокие налоги сохранялись, государство прямо участвовало в производственных и научных программах, сохраняя изрядную долю собственности, социальные расходы оставались на высоком уровне. По логике либеральных экономистов, все это должно было закончиться полной катастрофой. Между тем к началу XXI в. Финляндия опережала США и многие другие страны и по темпам роста экономики, и по размаху технологической революции.

В разгар кризиса 1980-х гг. в Финляндии сделали ставку не на свертывание социальных программ и тотальную приватизацию, а на развитие информационных технологий. При этом, в отличие от «силиконовой долины», где все делалось на основе частного предпринимательства, здесь решающую роль в технологическом рывке сыграло именно государство. Опыт «Ситра» опровергает ключевой миф неолиберализма о том, что государственные компании неэффективны и убыточны по определению. «Ситра» — это модель, имеющая ценность не только применительно к Финляндии, и не только в информационном секторе.

В принципе финское государство, как и российское, могло бы заявить, что денег на науку нет. Однако бюрократы в Хельсинки поступили совсем не так, как их коллеги в Москве. С началом экономического спада вложения в развитие новых технологий не упали, а, наоборот, резко возросли.

Но в Финляндии государство вовсе не отказалась от участия частного капитала в технологической революции. Оно взялось за создание благоприятных условий для нее — вместе с частным бизнесом и поощряя его.

Опыт Финляндии свидетельствует о том, что эффективная инновационная стратегия может не только содействовать экономическому росту, но и успешно выводить из кризиса. В Финляндии, практически одновременно с Россией, хотя и по разным причинам, в начале 1990-х гг. произошел экономический кризис. Страна сравнительно быстро, в отличие от России, вышла из него, прежде всего путем использования технологических и инновационных факторов.

Принято говорить о «финском чуде» (как «японском», «китайском», «сингапурском» и др.). Но, как известно, чудес, кроме библейских, не бывает. Все зависит от людей, от курса, который выбирает общество и государство. В финском случае, это — стремление сохранить свою национальную идентичность, выжить, постоянно ощущать свою принадлежность к общности «мы».

А что касается нас, россиян, то мы привыкли надеяться действительно либо на чудо, либо на «царя-батюшку». Посмотрим... Но, право, не грех поучиться у финнов, которые в течение многих веков были частью Швеции, более ста лет — на положении окраины (хотя и не самой отсталой) Российской империи, а потом, уже в советские времена, проиграли три войны, затем пережили экономический спад в связи с ликвидаций клиринга и распадом СССР, бывшего в течение десятилетий крупнейшим донором финской экономики.

3.2.4. Борьба за выживание и сохранение национальной идентичности

И наконец, чтобы понять причины столь разительных за последние 10–15 лет успехов этой небольшой (всего 5,2 млн человек или менее одной тысячной населения планеты) страны, не обладающей сколько-нибудь значительными природными ресурсами, кроме леса, и исторически всегда значительно отстававшей в экономическом и социальном развитии от большинства государств Европы, в том числе от своих скандинавских соседей, нужно особо сказать об одном, пожалуй, самом главном факторе.

Вся история Финляндии это весьма непростая история ее выживания, биологического, экономического, культурного и государственно-политического, сохранения национальной идентичности.

Как независимое государство Финляндия существует в течение жизни всего лишь трех поколений. Еще полвека назад она, в сущнос-

ти, была аграрной страной, около половины населения которой было занято в сельском хозяйстве. В политическом и национальном отношении выживание финского народа, расположенного между Востоком и Западом, никогда не было гарантировано. В течение многих столетий она находилась под властью Швеции, а затем вошла в состав Российской империи. В этих условиях сохранение национальной идентичности, традиций, культуры, языка приобретало особое значение.

Специфическая финская история выживания стала одним из важнейших факторов, лежащих в основе государства благосостояния. Финский опыт принадлежности к национальной общности «мы» сплачивает финнов воедино, заставляет их, вынужденных в течение многих столетий чувствовать себя ущемленным меньшинством, относиться друг к другу как к равным, как к части единого целого, где морально недопустимо приносить кого-либо в жертву, бросать на произвол судьбы. В результате финское государство обрело легитимность или, иначе говоря, гарантировало своим гражданам не только выживание, но и благосостояние. Культурная идентичность и сильные национальные чувства служат источниками оправдания активной роли государства. Национальная идентичность проецируется в будущее и создает у финнов чувство гордости за коллективный успех их страны. В целом социальная однородность общества и национальная солидарность финнов укрепляют финское государство, его во многом лидирующие позиции в экономике, науке, образовании, инновациях, борьбе с коррупцией. И многим странам, в том числе России, есть чему поучиться у финнов.

3.3. Наследие Нобеля
(Чему поучиться у Швеции)

Альфред Нобель говорил: «Самое главное все же победа труда, предприимчивости, инициативы. Эта победа дороже денег». Согласно докладу ОЭСР о науке, технологиях и промышленности, подготовленному в 2001 г., Швеция признана ведущей страной мира, экономическое развитие которой базируется на знаниях. Она сохранила лидирующие позиции, несмотря на спад на мировом рынке в результате завышенных ожиданий и инвестиций на пороге XXI в. Совокупные расходы на высшее образование, исследования и устойчивое развитие, информатику составили 6,6% ВВП (в США — 6,1%, Южной Корее — 5,2%)[1].

[1] Sarback S. National Report 2003 //www.utbildning.regeringen.se.

Высочайший уровень университетского образования, продуманная и эффективная инновационная политика, уникальные достижения в ряде областей науки и техники позволяют говорить о специфике «шведской модели» социально-экономического развития, которая вывела эту небольшую северную страну с населением немногим более 9 млн человек в число мировых лидеров

В результате реформ, проведенных в 1980-х гг. и особенно в середине 1990-х гг. в Швеции, была создана единая система высшего образования[1]. Основу ее составляют университеты (15) и университетские колледжи (25). Сейчас действуют 13 государственных и два частных университета. Крупнейшие их них — университеты в Лунде (42 тыс. студентов, самый большой в Северной Европе), Упсале (северный старейший университет, основанный в 1477 г., в котором обучаются около 40 тыс. студентов), Гётеборге, Стокгольме. Относительно молодыми являются университеты в Карлстаде, Лулео, Эребру, Вэкше. Два вуза, приравненных к университетам, специализируются на научных исследованиях — Каролинский медицинский институт и Королевский технологический институт в Стокгольме.

Другой сектор университетского образования — относительно новый и получивший развитие в 1990-х гг. включает 25 университетских специализированных колледжа. Все они имеют право выдавать общие университетские дипломы, за исключением докторских. Число студентов, обучающихся в высших учебных заведениях, значительно увеличилось за последнее десятилетие — примерно на 50% и составило в 2003 г. 303 тыс. Примерно половина студентов изучают гуманитарные науки, треть — инженерные технологии и естественные науки. Профессорско-преподавательский состав насчитывает около 30 тыс., то есть в среднем один преподаватель на 10 студентов (всего в вузах работают около 50 тыс. человек).

Совокупные государственные расходы на высшее образование и научные исследования составили в 2002 г. 52,3 млрд крон (1 шв. крона — 0,09 долл. или 0,10 евро) или 2,2% ВВП. Из них на университеты и университетские колледжи — 73,4%, частные вузы — 5,9%, финансовая помощь студентам — 19,7%. Для сравнения укажем, что на оборону из государственного бюджета расходуется немногим более 44 млрд крон. В целом в Швеции на высшее образование выделяется (в процентном отношении) больше средств, чем во всех других странах — членах ОЭСР. Общий бюджет вузов составил в 2002 г. около 42 млрд крон. Из общих расходов вузов в среднем на обучение идет

[1] См.: Higher Education in Sweden // www.sweden.se.

44%, на науку 56%. Университеты в Швеции располагают значительным собственным основным капиталом — около 3 млрд крон. Что же касается зданий, то большинство (70%) находятся в собственности созданного в 1993 г. холдинга «Академишка Хус АБ», полностью принадлежащего государству, а университеты пользуются ими на правах аренды и отвечают за эксплуатацию. Холдинг занимается также инвестированием в строительство новых и модернизацию существующих зданий (ежегодно порядка 2 млрд крон).

В отличие от многих других стран, основная часть научно-исследовательских работ, финансируемых государством, проводится в университетах и других институтах, входящих в систему высшего образования Швеции. Все университеты имеют постоянные фонды для научных работ. Наибольшая часть расходов на научные исследования в университетах идет на медицину (25%), технологические разработки (22%), естественные науки (19%), социальные науки (11%), гуманитарные науки (6%). Координацией всей исследовательской деятельности вузов занимается Министерство просвещения и науки, в составе которого имеется специальное управление по делам высшей школы.

Правительственная программа финансирования научных исследований в высших учебных заведениях сосредоточена на следующих приоритетах: биотехнология и биология, информационные технологии, экология и устойчивое развитие, гуманитарные и социальные науки, образование, искусство, здравоохранение и социальное обеспечение.

Средства, получаемые университетами для исследовательских работ, составили в 2002 г. около 22 млрд крон. Расходы на научные исследования покрываются из бюджета государства — 45% и так называемых внешних источников — 55% (в 1980-х гг. доля бюджетных средств составляла 2/3). В университетских кругах в последнее время все чаще высказывается мнение, что доля государства должна быть увеличена и составлять не менее половины расходов.

К внешним источникам финансирования относятся национальные научно-исследовательские советы, правительственные агентства и научные фонды, управляемые государством. Ряд университетов получили разрешение от правительства создавать собственные холдинговые фирмы для коммерческого использования результатов исследований и сотрудничества с частным бизнесом, которые уже хорошо зарекомендовали себя.

Важную роль в организации внебюджетного финансирования университетской науки играет система специальных научно-исследовательских советов, созданная в 1990-х гг. В 2001 г. была проведена централизация этой системы. Ныне в нее входят Шведский научно-исследо-

вательский совет (с годовым бюджетом в 2 млрд крон, через который финансируется в виде грантов около тысячи проектов); а также два национальных совета, которые координируют и финансируют исследования (прежде всего — в трудовой и социальной сферах, а также в области охраны окружающей среды, сельского и лесного хозяйства и общественного планирования). Создано также правительственное Национальное агентство инновационной системы «Виннова» (годовой бюджет около 1 млрд крон).

В финансировании университетских исследований принимают также участие губернские и муниципальные власти, выделяющие на эти цели ежегодно более 2 млрд крон (главным образом, в области здравоохранения и социального обеспечения). Правительство Швеции придает особое значение дальнейшему повышению эффективности научных исследований в университетах. С 2006 г. в порядке эксперимента в 16 высших учебных заведениях созданы специальные исследовательские школы, на функционирование которых выделены дополнительные средства в размере 250 тыс. крон. Получит дальнейшее развитие система университетских холдинговых фирм для исследовательской деятельности.

Одним из приоритетов объявлено повышение практической отдачи от исследований, их коммерциализация. Правительство, ссылаясь на рекомендации ОЭСР, высказывается за следующий шаг на этом пути: изменение права собственности на научные открытия, которые до сих пор принадлежали исключительно самим исследователям. Сейчас предлагается разделить это право и ответственность между исследователями и университетами, что позволит более эффективно внедрять их в промышленность и другие отрасли хозяйства, более тесно привлечь к финансированию науки частный бизнес, усилить взаимодействие с ним.

Швеция является мировым лидером по удельному весу расходов на НИОКР — 3,9% ВВП, уступая лишь Финляндии (3,5%) *(подробнее см. табл. 3.1 и 3.2)*. Общий объем расходов (2001) составил 96,7 млрд крон (увеличение более чем на четверть с 1999 г.)[1]. Доля частного сектора составляет 77%, высших учебных заведений — 20%, других институтов общественного сектора и некоммерческих организаций — 3%. Развитию инноваций в большой мере способствует венчурный капитал, по темпам роста которого Швеция опережает многие другие страны мира. Постоянно возрастает объем средств, выделяемых частным сектором на научные исследования. Сейчас он составляет около 60 млрд крон (2,7% ВВП). Две трети приходится на 20 крупнейших компаний Швеции. Основное значение шведский бизнес придает разработке высо-

[1] Kjell Sedig. *Swedish Innovations* // Svenska Institutet. Stockholm. 2003.

ких технологий в области телекоммуникаций и информатики, а также медицины и фармацевтики, где Швеция традиционно является одним из мировых лидеров. Главный упор делается на технологии будущего.

Особое внимание уделяется тесному сотрудничеству между бизнесом и академической наукой. В немногих странах путь от инноваций к их промышленному использованию является столь коротким, как в Швеции[1]. Сотрудничество государства, университетов и частного бизнеса в развитии исследований осуществляется через совместно финансируемые «промышленные исследовательские центры», которые не входят в систему высшего образования, но тесно взаимодействуют с университетами. Другая форма сотрудничества — технологические парки, и так называемые исследовательские центры высших достижений, создаваемые совместно с университетами. Их около тридцати.

Старейший (и первый в Скандинавии) — технопарк «Идеон» в Лунде, созданный в 1983 г. в сотрудничестве с местным университетом (ему принадлежит 60% акций). На территории 100 кв. км сейчас работают 196 фирм (в основном средних и малых). За 23 года существования «Идеона» количество занятых здесь увеличилось со 175 до 2100. Основной профиль — информационные технологии, биотехника и фармацевтика. Бурно развивается крупнейший в Швеции и занимающий третье место в мире технологический парк «Чисте» (вблизи Стокгольма) в котором работают более 27 тыс. специалистов по информационным технологиям, действуют 350 фирм и более 10 исследовательских институтов. Разработке инноваций и их внедрению, сотрудничеству между бизнесом и академическими заведениями способствуют Шведский фонд стратегических исследований и упомянутое выше правительственное агентство инновационных систем «Виннова».

Живой интерес к технике и изобретательству всегда был в Швеции на удивление силен. Поэтому и на международной арене она имеет репутацию истинно инженерной страны. Пределы шведской технологии непрерывно раздвигаются, захватывая все новые сферы приложения творческой энергии.

Сегодня Швеция продолжает лидировать в двух областях технологии, которым во многом предстоит определить развитие в XXI в. — беспроводные коммуникации и биотехнологии[2].

Информационные технологии за последнее десятилетие стали в Швеции наиболее бурно развивающимся сектором. Экспорт телекоммуникационной и информационно-технологической продукции составляет 15%

---

[1] The Swedish Research System // www.si.se/ Fact Sheets on Sweden.

[2] Innovative Sweden // Invest in Sweden Agency/ www.isa.se.

всего шведского экспорта. Частные компании израсходовали в 2001 г. на исследования в области информационных технологий около 17 млрд крон, государство — 800 млн крон (в 1997 г. — 1,3 млрд), на исследования в области электроники и телекоммуникаций до 3 мдрд крон.

В 2001 г. более 80 шведов из 100 имели мобильные телефоны и примерно 60 — персональные компьютеры. Швеция на 1-м месте в мире и по числу пользователей Интернета на душу населения (каждый третий швед имеет доступ к всемирной паутине). 80% студентов используют Интернет по месту учебы и дома, 2,7 млн шведов знакомятся с газетами и периодикой через глобальную сеть.

Среди последних достижений Швеции в области биотехнологий, нацеленных на будущее, следует особо упомянуть открытия в области генной инженерии, функциональной геномики и протеомики. Швеция активно включилась в новую сферу биотехнологии, которая возникла в начале нового тысячелетия — исследование стволовых клеток взрослого человека. Из созданных в мире центров в этой новой области 1/3 приходится на Швецию.

Одним из приоритетов в последние годы стали исследования в области микро- и нанотехнологий (создание сверхтонких материалов и компонентов — до миллионной доли миллиметра), которым предсказывают одну из решающих ролей в развитии информатики, в частности компьютерных систем XXI в., а также биотехнологии.

3.4. Голубоглазые шейхи
(Инновационная модель управления топливными ресурсами в Норвегии)

«Государственная собственность имеет важное значение. Она обеспечивает эффективное использование общих природных ресурсов и обеспечивает сохранение в национальной собственности важнейших компаний».
Даг Терье Андерсен, министр торговли и промышленности Норвегии[1]

Особенности норвежской модели социально-экономического развития определяют высокую эффективность механизмов управления экономическими ресурсами, и прежде всего топливными, которые находятся под контролем государства.

---

[1] Government's Owbership Policy, State's Ownership Report for 2006. Press Release. 13.06.2007.

Как и в других североевропейских странах, индустриализация норвежской экономики начиналась с освоения природных ресурсов. Постепенно происходило облагораживание структуры производства и экспорта путем перехода к более высоким ступеням переработки первичного сырья: от древесины к экспорту целлюлозно-бумажной массы, от руды к производству и экспорту сплавов цветных металлов, от вывоза рыбы — к экспорту рыбных полуфабрикатов и консервов и т.д. Ход этих процессов, характерных для всех стран Скандинавии, следующих сходной стратегии индустриального развития, был прерван в результате перехода к широкой разработке месторождений (МСР) нефти и газа, расположенных на норвежской части континентального шельфа Северного моря. Это резко усилило сырьевую направленность норвежского экспорта: доля углеводородного топлива выросла в 2005 г. до 67% экспорта этой страны[1]. Однако, благодаря эффективной экономической политике, народное хозяйство Норвегии и в этих условиях продолжило развитие своей экономики в качественном отношении. В начале XXI в. Норвегия вышла на 1-е место в мире по индексу развития человеческого потенциала[2], определяемого по комплексу показателей, характеризующих качество и уровень жизни. Она находится также на одном из первых мест по конкурентоспособности[3] — показателя, характеризующего использование в норвежской экономической системе ресурсов, которые она получила от природы и/или благодаря труду своего населения. Норвегия вышла на 1-е место среди стран ЕС по уровню экономического развития и благосостояния[4], а также является наиболее крупным донором структурных фондов ЕС в перерасчете на душу населения. По уровню благосостояния Норвегия превзошла свои бывшие метрополии — Данию и Швецию, не говоря уже о России, которая все еще опережает Норвегию по размерам экспорта нефти и газа на мировой рынок[5]. Несмотря на большую разницу в демографических масштабах, Норвегия вывозит на мировой рынок всего лишь в два раза меньше, чем Россия, а импортирует немногим меньше. И Россия, и Норвегия сталкиваются с одной и той же проблемой: из-за топливной направленности экспорта их экономика приобрела двойственный характер,

---

[1] См.: Nordic Statistical Yearbook. 2006. Vol. 44. P. 221.

[2] UN, Human Development Report. 2005. Aftenposten. 26.08.2005.

[3] World Economic Forum. Growth Competitiveness Index Rankings. WEF Report 2007.

[4] 53 100 долл. на душу населения против 31 300 в ЕС (13 стран) и 44 000 в США в 2006 г. (OECD in Figures 2007).

[5] Россия находится на 1-м месте по экспорту газа и на 2-м по экспорту нефти, а Норвегия — на 3-м месте и по газу, и по нефти (CIA — The World Fact Book. 2008).

то есть сформировалось резкое различие между топливно-энергетическим сектором, который значительно зависит от сбыта на внешнем рынке, и внутренним сектором экономики, связь которого с мировым рынком менее интенсивна. В Норвегии этот сектор экономики называется материковой экономикой в отличие от так называемой шельфовой экономики.

Состояние норвежской экономики, ее государственных финансов, социальное благополучие, высокое качество жизни населения, достижение экономической безопасности, отсутствие у Норвегии внешнего долга, относительная стабильность экономического роста и устойчивость политической системы — все это свидетельствует о том, что норвежская система управления природными ресурсами отличается высокой эффективностью, а ее экономическое развитие относительно независимо от неблагоприятных внешних факторов мирового рынка. Разные элементы общей системы управления природными ресурсами направлены к одной цели — обеспечению экономической безопасности страны, понимаемой комплексно. Главное место в системе принадлежит ТЭК, на который в отдельные годы приходится от 18 до 46% ее ВВП[1]. Часть государственных доходов от добычи нефти и газа отчисляется в Государственный нефтяной фонд (ныне переименован в Пенсионный фонд Норвегии), накопления в котором на конец 2007 г. почти сравнялись с ВВП страны (более 375 млрд долл.)[2].

Рассмотрим подробнее норвежский стиль управления топливными ресурсами и конкретные инструменты, используемые в этом механизме. Добыча нефти и газа превратилась в самый крупный сегмент норвежской экономики: Норвегия занимает 3-е место в мире по экспорту нефти (после Саудовской Аравии и России) и 3-е место по экспорту газа (после России и Канады)[3]. Норвегия обеспечивает потребности Западной Европы в природном газе на 14%, в сырой нефти — на 20%, а в Германии и Франции она покрывает даже 30% потребления. По объему создаваемой продукции норвежский ТЭК в два раза превосходит обрабатывающую промышленность, а ее доля в норвежском импорте в отдельные годы колеблется от 63 до 67%[4].

По оценке специалистов норвежского Министерства нефти и энергетики, Норвегия обеспечена нефтяными запасами на 50 лет, а запасами газа — на 100 лет. Добыча нефти ведется с 1971 г. В настоящее

---

[1] См.: Fact Sheet 2005 Norwegian Petroleum Activity.

[2] Press release. 05.10.2007. No 72/2007 (Norsk regeringen).

[3] См. сноску 5 на с. 212.

[4] См.: Nordic Statistical Yearbook. 2001. Vol. 39. P. 221; 2006. Vol. 44. P. 214.

время разрабатывается 48 месторождений (42 — в Северном море и шесть в Норвежском) и еще три намечены к эксплуатации в Баренцевом море, разработка началась в 2006 г. с месторождения «Сневит» («Белоснежка»). Объем добычи достиг 3,3 млн баррелей нефти в день, и уже извлечено из норвежских недр примерно 30% от общих запасов топлива.

Норвежская система управления топливными ресурсами отличается инновационным характером и активной ролью государства, которая основана на государственной собственности и разнообразных инструментах регулирования. Именно государственные компании начали в конце 1960-х гг. поиск нефтяных и газовых месторождений, а в начале 1970-х приступили к их разработке. На протяжении последующих 30 с лишним лет норвежское государство сохраняло и продолжает укреплять контроль над топливными ресурсами. Наряду с государственными компаниями по добыче и разведке нефти и газа, государство использует систему инструментов для контроля над топливными ресурсами, разрабатываемыми частными иностранными компаниями. Она включает в себя: налоги и сборы, лицензионную систему, выделение государственной доли в каждом месторождении, а также выработку законодательства, которое определяет направления и формы регулирования норвежского ТЭК.

Государство владеет значительными пакетами акций крупнейших в Норвегии нефте- и газодобывающих компаний: «Статойл»[1] и «Норск гидро». Кроме того, в топливно-энергетическом секторе Норвегии функционирует около 30 частных компаний. «Статойл» производит 60% нефти и газа, добываемых в Норвегии, число занятых составляет около 24 тыс. человек, оборот превышает 300 млрд крон, компания развернула свою деятельность в 29 странах мира. Эта компания располагает самой крупной в мире системой подводных трубопроводов, является крупным морским перевозчиком углеводородного топлива. Она осуществляет глубоководное бурение на глубину до 2 тыс. метров, обладает сетью автозаправочных станций в Скандинавских странах, Ирландии, России, странах Балтии, Польше, заводами по сжижению газа и переработке нефти, нефтяными терминалами, дочерними компаниями и т.д. Ее акции котируются на биржах Осло и Нью-Йорка.

---

[1] Полное название компании — Den Norske Statsoljeselskab — Нефтяная компания норвежского государства. В октябре 2007 г. «Статойл» слился с нефтяным подразделением «Норск гидро», государство получило 62,5% акций новой компании — «Статойл гидро».

Учрежденная решением стортинга 2 июня 1972 г. компания «Статойл» длительное время находилась полностью в государственной собственности. Частичная приватизация компании началась 18 июня 2001 г., когда был продан (на биржах Осло и Нью-Йорка) пакет акций в размере 18,22% (соответственно доля государственного пакета сократилась до 81, 78%; затем она была снижена до 70,9%). Стортинг допускает дальнейшее разгосударствление, но в частные руки может перейти не более 1/3 акций компании, а 2/3 акций должны остаться в государственной собственности. Таково решение стортинга. Одновременно с учреждением «Статойл» было установлено, что норвежское государство будет иметь в каждом месторождении, предоставляемом во временной пользование той или иной компании, не менее 50% (потом эта доля стала устанавливаться более гибко).

Частичная приватизация крупнейшей норвежской нефте- и газодобывающей компании была вызвана тем, что Норвегия вступила в единое экономическое пространство с ЕС, в соответствии с которым Норвегия должна гармонизировать свое внутреннее хозяйственное законодательство с законодательством ЕС («acquis communautaire»), учитывать в своей экономической политике директивы Комиссии ЕС, в том числе о либерализации энергетического рынка. Ранее в Норвегии существовала особая система торговли природным газом под управлением так называемого Переговорного комитета по газу (GFU), который служил посредником между производителями газа и его покупателями, при этом покупатель не знал, с какого месторождения поступил купленный им газ. Эта система торговли пришла в противоречие с директивой ЕС по либерализации газового рынка, которая в соответствии с соглашением о ЕЭП была инкорпорирована в норвежское законодательство, поэтому деятельность норвежского комитета с начала 2002 г. пришлось упразднить.

Исторически развитие государственной собственности в Норвегии связано с индустриализацией страны, созданием необходимой инфраструктуры и оказанием социально значимых услуг (почта, железные дороги, торговля лекарствами, алкогольной продукцией, жилищное строительство), а также с передачей в руки государства немецких активов после Второй мировой войны. В свое время развертывание процессов индустриализации Норвегии во многом происходило благодаря деятельности государства, государственные компании налаживали производство и распределение электроэнергии, развивали металлургию и машиностроение, закладывали нефтедобывающую промышленность. Сейчас политика расширения государственной политики сменилась приватизационной волной, однако в Норвегии эта политика не явля-

ется самоцелью, она подчинена задаче повышения эффективности управления и государство продолжает сохранять ведущие позиции во многих областях. Производство и распределение электроэнергии по большей части остается в руках центрального правительства или муниципалитетов. Норвежское государство сохраняет монополию на торговлю алкогольной проукцией с 1922 г. По размерам государственной собственности Норвегия опережает другие североевропейские страны, а также Россию. В Норвегии 14% против 8% в России (по отношению к доходной части бюджета) приходится на доходы от государственных компаний и другой государственной собственности[1]. В период 1980–1997 гг. в Норвегии было полностью или частично приватизировано 50 предприятий, но 80 компаний продолжают оставаться в собственности государства; в 32 из них государство является единственным владельцем, еще в одной оно владеет 99% капитала. 90% государственного предпринимательского капитала приходится на четыре крупные компании: «Статойл», «Норск гидро», «Статкрафт», «Теленур», «Ден Норске Банк». В настоящее время Норвегия не планирует проведения масштабной приватизации. По данным ОЭСР, в Норвегии за 1992–2000 гг. была проведена приватизация в масштабе всего лишь 1,7% ВВП за 2000 г. по сравнению с 5,7% — в Швеции и 6,6% — в Финляндии[2].

Государство участвует в эксплуатации всех месторождений на норвежском континентальном шельфе (НКШ). Это участие может быть прямым (через государственные компании) либо косвенным (через выделение государственной доли с помощью так называемого механизма «Стэдифин» или через выдачу лицензий, разрешающих деятельность других, негосударственных компаний по поиску и добыче углеводородов). Этот инструмент государственного регулирования нефте- и газодобывающей деятельностью получил название в Норвегии «Стэдифин» — «State Direct Financial Interest», что означает — «Процентный доход государства от непосредственного финансового участия». Таким образом норвежское государство в любом случае участвует в доходах от добываемого топлива. Сначала государственными долями в каждом МСР на НКШ управляла «Статойл». После ее частичной приватизации эта функция была передана новой полностью государственной компании «Петоро».

Эта компания выполняет три функции: 1) управляет государственными долями во всех нефтяных разработках, 2) контролирует

---

[1] Согласно данным The Heritage Foundation. Wall Street Journal. Index of Economic Freedom. 2007.

[2] Privatization in OECD Countries: Theoretical Reasons and Results Obtained by Friedrich Schneider, 20.08.2003. C: Privatisation OECD com.doc.

процесс сбыта нефти и газа, осуществляемый «Статойлом» и делает отчисления в пользу государства пропорционально его доли, 3) управляет финансовой системой «Стэдифин», включая ведение бухгалтерского учета. Компания не только управляет государственными долями в каждом месторождении нефти и газа, но и продает лицензии на добычу, а также право использовать норвежские трубопроводы. Она распоряжается государственными долями в совместных предприятиях. Вся торгово-предпринимательская деятельность осуществляется практически через «Статойл», а «Петоро», являясь управленческой компанией, только наблюдает за тем, чтобы не было нанесено ущерба интересам государства. Одновременно управление трубопроводами было передано вновь созданной компании «Гасско», которая также находится в государственной собственности. Компания «Гасско» учреждена в 2001 г., а с 2002 г. взяла под свое управление все норвежские трубопроводы протяженностью 6,6 тыс. км, которые связывают Норвегию и НКШ с Францией, Британией, Германией и Бельгией. Эта компания призвана обеспечивать доступ к транспортной системе для всех компаний, добывающих газ на НКШ.

С 1965 г., когда была введена в действие лицензионная система, вплоть до настоящего времени было проведено 18 раундов продажи с торгов лицензий на разведку и добычу нефти и газа на НКШ. По условиям выдачи каждой лицензии в пользу норвежского государства отчуждается его доля в каждом месторождении. В 2001 г., когда была проведена реформа государственной системы участия, 15% «Стэдифина» было передано компании «Статойл», еще 6,5% было продано в 2002 г. другим компаниям.

Норвежское государство проводит в ТЭК особую налоговую политику, оно учреждает для нефте- и газодобывающих компаний налоги по повышенной ставке, а также специальные сборы. Помимо обычного корпоративного налога на прибыли в 28%, взимается дополнительный специальный налог в 50%. Таким образом в пользу государства изымается 78% прибылей топливодобывающих компаний. Кроме того, налагается еще три вида сборов: роялти за добычу нефти (отменен с 2005 г.), ежегодный сбор с компаний в пользу государства за доступ к территории, налог за выбросы двуокиси углерода.

Налоговая политика распространяется как на норвежские, так и на иностранные компании. В Норвегии ведут разведку и добычу нефти и газа примерно 30 иностранных компаний, в том числе такие всемирно известные крупные нефте- и газодобывающие компании, как: «Шелл», «Шеврон Тексако», «ЭНИ», «КонокоФиллипс»,

«ЭкссонМобил», «Маратон Петролеум», «Тоталь», «Ругаз», «Газ де Франс» и т.д.

Норвежское государство через Совет по ценам на нефть устанавливает так называемую нормальную цену на сырую нефть. Нормативная цена устанавливается после всесторонней оценки состояния рынка, учитывая различные виды транзакций, представительность рынка, методы оценки, и основывается на сделках между независимыми участниками торговой сделки (то есть исключая возможность сговора о ценах). Нормативные цены используются не для регулирования рынка, а только в расчетных целях при начислении налогов на нефтедобывающие компании, чтобы исключить попытки уклонения компаний от налогов путем искусственного занижения своей прибыли.

Законодательную основу для регулирования нефте- и газодобывающей деятельности в Норвегии создает Закон о нефтяной деятельности, утверждающий право государственной собственности на нефтяные запасы на НКШ, таким образом, с 1963 г. над ними был установлен норвежский суверенитет. Закон допускает возможность передачи права на добычу нефти по лицензиям частным или государственным компаниям. Нефтяной Закон утверждает, что нефть и газ представляют собой часть национального богатства, и поэтому все население должно извлекать пользу из разработки этих ресурсов. Норвежская экономическая политика строится с расчетом, что нефтяными ресурсами следует управлять таким образом, чтобы не наносить вреда интересам не только нынешнего, но и будущих поколений граждан Норвегии.

Лицензии регулируют взаимоотношения между собственником топливных ресурсов — норвежским государством и пользователями ресурсов, в качестве которых могут выступать частные или государственные компании как Норвегии, так и других стран. Налогообложение регулируется Законом № 35 от 13.06.1975. Надзор и регулирование осуществляет Министерство нефти и энергетики. Лицензионная система в ее современном виде регулируется Законом № 72 от 29.11.1996. Первоначально в период с 1973 по 1991 г. доля государства по каждой выдаваемой лицензии была установлена в размере 50%, затем эта система стала применяться более гибко: на более выгодных МСР она может быть больше 50%, а на менее выгодных — ниже. Тарифы на транспортировку нефти или газа по трубопроводам установлены в инструкции норвежского Министерства нефти и энергетики от 20.12.2003.

Непосредственно управление нефтяным сектором норвежской экономики возложено на Министерство нефти и энергетики. В подчинении министерства находится Норвежский нефтяной директорат, который был учрежден стортингом в 1972 г. Он расположен в нефтяной

столице Норвегии — Ставангере. Этот орган служит консультативным органом правительства по вопросам шельфовой экономики. С 2004 г. из него был выделен отдельный орган, который отвечает за вопросы безопасности в нефтяной промышленности, включая безопасность людей и окружающей среды.

В Норвегии большое внимание уделяется развитию технологий добычи нефти и газа, так как эта отрасль промышленности является самым важным источником средств для финансирования государства всеобщего благоденствия. Кроме того, поскольку топливо добывается в море на континентальном шельфе, а рыболовство является третьей опорой норвежской промышленности, то важно обеспечить сохранение морской среды, чтобы нефте- и газодобывающая промышленность не наносила урона рыболовству. В частности, благодаря совершенствованию технологий добычи, начиная с разработки первого МСР Экофиск (Ekofisk) в Северном море в 1971 г., норвежцам удалось увеличить отдачу нефтяных пластов с 17 до 46%[1]. Поставлена задача повысить отдачу до 50%[2]. Постоянно растет глубина бурения. Применяются как стационарные, так и плавучие платформы. Новые технологии были разработаны компанией «Статойл» для подводной добычи газа на шельфе Баренцева моря на МСР «Белоснежка». Добываемый газ направляется по газопроводу на расположенный на суше завод по сжижению газа, а затем в сжиженном виде будет поставляться заграничным потребителям, прежде всего, в таких поставках заинтересованы США.

ТЭК Норвегии отличается высокой эффективностью по сравнению с другими отраслями народного хозяйства, о чем говорят следующие данные. Например, по данным норвежского министерства нефти и энергетики в 2001 г. на нефте- и газодобывающую отрасль приходилось 23% ВВП, 32% государственных доходов, 22% совокупных инвестиций, 45% экспорта, но только 3% занятых[3].

Норвежская система управления финансовыми ресурсами используется для обеспечения стабильности государственного бюджета и поддержания сложившейся системы социальной защиты населения. В Норвегии нефтяные деньги являются объектом государственного управления. Главным механизмом, гарантирующим устойчивость государственных финансов в Норвегии, является Нефтяной фонд Норвегии (НФН)[4]. Он был образован в 1990 г. За 30 лет эксплуатации

---

[1] См.: Fact Sheet 2005 Norwegian Petroleum Activity.

[2] См.: Oil and Gas Activities. Report No 38 to the Storting. (2001–2002). P. 19.

[3] Ibid. P. 11.

[4] С 2006 г. переименован в Государственный Пенсионный Фонд (ГПФ).

нефтегазовых месторождений норвежское правительство получило 2800 млрд крон дохода (что соответствует 434,6 млрд долл. по курсу 2005 г.). По состоянию на конец 2007 г. 2018,6 млрд крон было перечислено в Государственный Пенсионный Фонд (более 375 млрд долл.), что приблизительно соответствует ВВП Норвегии[1]. НФН создает финансовый буфер, обеспечивающий свободу маневра при проведении экономической политики, в случае, например, падения мировых цен на нефть, или обоснованного увеличения государственных расходов. Долгосрочной целью является превращение Норвегии в государство-рантье (как Швейцария или Лихтенштейн) путем приобретения постоянного рентного дохода, с тем чтобы компенсировать последующим поколениям норвежских граждан вероятное сокращение доходов от нефти, вызванное истощением нефтяных запасов.

Средства НФН образуются за счет отчисления в него части средств, которые получает норвежское государство от всех применяемых им инструментов участия в доходах нефте- и газодобывающей промышленности и которые образуются благодаря превышению реальных цен над прогнозируемыми. НФН служит финансовым буфером на случай снижения цен на топливо или сокращения экономической активности в материковой или шельфовой части экономики страны, его средства также могут быть использованы для решения экономических проблем, которые могут возникнуть в будущем из-за старения населения.

Эта тенденция угрожает многим европейским странам и фактически является отложенным во времени «эхом» женской эмансипации, которая привела к резкому сокращению числа детей в одной семье и, как следствие, к заметному замедлению роста численности населения. (Скандинавы, как известно, являются мировыми лидерами в отношении обеспечения равенства полов.) Официально провозглашенной целью НФН является обеспечить будущим поколениям норвежцев возможности воспользоваться преимуществами, связанными с нынешними нефтяными богатствами страны, поэтому этот фонд называли также Фондом поколений. Норвежцы считают, что нынешнее поколение не имеет права израсходовать все доходы от нефти, так как нефть досталась им от Бога, а следовательно, принадлежит всем гражданам Норвегии, включая будущие поколения. Этот Фонд — один из крупнейших в мире институциональных инвесторов, который превосходит по своему объему самый большой Пенсионный фонд США, в два раза превышает активы Пенсионного фонда Швеции.

---

[1] По данным Банка Норвегии (Norges Bank — NBIM).

По прогнозу, накопления фонда к 2010 г. будут равны двум ВВП страны. Отчисления правительства в НФН в 1996–2005 гг. (в млрд крон) представлены в таблице 3.5.

Таблица 3.5

1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
47,48	60,99	32,84	24,42	149,84	251,19	125,35	103,91	138,16	249,91

Источник: Norges Bank. The Government Petroleum Fund. Annual Report. 2004; Aftenpost. 23.08.2005.

Средства НФН находятся под строгим контролем: ни правительство, ни Центральный банк Норвегии не могут их тратить без разрешения стортинга, без предварительного проведения парламентских дебатов и без информирования общественности о результатах обсуждения. В настоящее время средства НФН вкладываются в ценные иностранные бумаги (40% в акции и 60% — в ценные бумаги), поскольку в Норвегии нет достаточного количества конкурентоспособных производств, которые могли бы обеспечить прибыльное вложение таких огромных по масштабам этой страны средств. Бóльшая часть средств НФН инвестируется в европейские ценные бумаги. В 2001 г. при НФН был создан так называемый Экологический фонд, который в 2004 г. был слит с НФН. В настоящее время НФН переименован в Пенсионный фонд Норвегии, который разделяется на две части: Пенсионный фонд глобальный и Пенсионный фонд Норвегии. Первое подразделение фонда инвестирует средства за рубежом страны, а второе подразделение, располагающее примерно 1/10 средств размещает средства внутри страны. Внутренние инвестиции более эффективны.

В ноябре 2004 г. был принят Этический кодекс политики инвестирования НФН, который включает три принципа.

1) Ориентацию на документы ООН и ОЭСР относительно принципов корпоративного управления и выработанных ОЭСР направлений долгосрочного финансирования многонациональных предприятий.
2) Мониторинг уже осуществленных инвестиций, с тем чтобы обнаруживать такие компании, которые осуществляют деятель-

ность, связанную с производством вооружений и его последующим применением в целях, противоречащих основным гуманитарным принципам. Такие компании исключаются из списка.

3) Исключение из списка для возможного инвестирования таких компаний, которые систематически нарушают человеческие права, причиняют большой вред окружающей среде, замечены в коррупции и т.д. НФН, например, не вкладывает средства в акции компаний, которые производят противопехотные мины, так как Норвегия является участником Конвенции против их использования.

Доход, полученный на инвестиции НФН в 2004 г., составил 8,9% (по корзине валют)[1]. Наиболее высокая доходность портфеля инвестиций НФН была достигнута в 2003 г., когда она составила 12,6%, но в 2001 и 2002 гг. отмечался убыток. В среднем доходность вложений НФН составляет 5,8% в расчете по корзине валют (4% после вычета управленческих расходов)[2].

Банк Норвегии управляет 78% капитала НФН, остальной капитал передается в управление иностранным финансовым институтам. На конец 2004 г. во внешним управлении участвовали 22 внешние управленческие компании, которые занимаются инвестициями в акции (в том числе такие как: «Морган Инвестмент Менеджмент Корпорейшн», «Фиделити Интернешнл Менеджмент» и т.д.) и 16 внешних управленческих компаний, которые занимаются инвестициями в облигации (такие, как: «Мерил Линч», «Морган Стэнли Инвестмент Менеджмент» и т.д.). Инвестирование разрешается осуществлять в 27 странах, примерно половина капиталовложений приходится на Европу, чуть больше 30% — на США и Канаду, остальное распределяется между Японией, Бразилией, Мексикой, ЮАР, Австралией, Новой Зеландией, Сингапуром, Таиландом, Турцией, Южной Кореей и Тайванем. Распределение инвестиций определяется задачей рассредоточения рисков и сведения их до минимума при максимально высокой доходности. В этих целях доля НФН в капитале иностранной компании, акции которой он покупает, как правило, не превосходит 1%, а количество приобретаемых акций должно быть пропорционально ее доле на фондовом рынке соответствующей страны. Среди компаний, акциями которых владеет НФН фигурируют всемирно известные и высоконадежные компании, такие как: «Нокиа», «Эрикссон», «Майкрософт», «Дженерал элект-

---

[1] The Government Petrole um Fund. Fnnual Report. 2004. Table 11.

[2] См.: Norges Bank. The Government Petroleum Fund. Annual Report. 2004.

рик», «Маннесманн», «Бритиш Телеком Ройал Датч Шелл», «Эксон», «Интел» и т.д. Всего, ценные бумаги включают в себя акции более чем 2 тыс. компаний 27 стран мира. Предпочтение отдается телекоммуникациям, добыче углеводородного топлива, нефтехимии, а также производству оборудования для этих отраслей.

Большинство политических партий Норвегии, кроме Партии прогресса, выступает за то, чтобы использовать средства НФН не внутри самой Норвегии, а за рубежом, так как это могло бы вызвать резкое увеличение потребления (и частного, и инвестиционного), что приведет к перегреву экономики. Партия прогресса, лидер которой — К.И. Хаген, выступает, напротив, за активное использование средств НФН внутри страны для сокращения налогового бремени и решения различных социально-экономических задач, например строительства дорог, школ и больниц. Поскольку средства, вкладываемые в акции компании североевропейских стран и Норвегии, отличаются более высокой доходностью, поэтому было принято решение увеличить этот вид капиталовложений.

Основные принципы рационального управления природными и экономическими ресурсами в Норвегии в наиболее развернутом виде проявляются в главном секторе ее экономики — топливно-энергетическом комплексе и состоят в следующих положениях.

1. Основой выработки экономической политики Норвегии является представление о том, что нефтяные ресурсы, расположенные на НКШ, принадлежат всему обществу, что обеспечивает *национально-государственную ориентацию* топливно-энергетической политики.
2. Топливные ресурсы должны использоваться во благо нынешнего и будущих поколений норвежских граждан ради поддержания экономического роста и государства всеобщего благоденствия. Данное положение привело к утверждению норвежского суверенитета над топливными запасами в Нефтяном законе и определило общую направленность топливной политики и конкретные механизмы, предназначенные для реализации ее целей (в том числе НФН), которые имеют *социальную направленность.*
3. Топливные ресурсы должны использоваться таким образом, чтобы обеспечить возможность их использования в долгосрочной перспективе. Этой цели служат: а) лицензионная система, обеспечивающая постепенность введения в эксплуатацию новых МСР, постепенное раскрытие для эксплуатации имеющихся ре-

сурсов; б) постоянное совершенствование технологии добычи, которые направлены на повышение отдачи нефтяных пластов. То есть политика в области ТЭК переплетается с другими направлениями политики, приобретая таким образом *научно-техническую и технологическую ориентацию.*

4. Освоение топливных ресурсов под контролем государства организуется таким образом, чтобы ТЭК мог мирно сосуществовать наряду с рыболовством и другими видами хозяйственной деятельности, которым ТЭК потенциально может принести вред (туризм, охрана флоры и фауны, создание заповедников ради сохранения традиционных ландшафтов и дикой природы и т.д.). Таким образом, топливная политика имеет также *сильную экологическую компоненту.*
5. Эксплуатация нефтяных и газовых МСР в Норвегии с самого начала проводилась на основе сотрудничества с иностранными компаниями, которые привлекались для добычи топлива на НКШ. Но условия сотрудничества устанавливались таким образом, чтобы их деятельность не приходила в противоречие с норвежской политикой, которая, не отрицая международной кооперации, подчиняет сотрудничество с такими компаниями целям, определяемым норвежским правительством и парламентом, то есть *профилирует деятельность международных компаний таким образом, чтобы она отвечала интересам Норвегии.*
6. В условиях увеличения цен на нефть, растущая часть государственных доходов от ТЭК аккумулируется в Нефтяном фонде, который служит страховым механизмом, гарантирующим *стабильность государственных финансов и поддержание социального государства* как для нынешнего, так и для будущих поколений норвежских граждан.
7. Механизм государственного регулирования топливных и иных экономических ресурсов имеет комплексный характер, адекватно отражает цели принятой политики и обеспечивает *сохранение государственного контроля* в изменяющихся условиях (в том числе в условиях вступления Норвегии в ЕЭП). Использование разнообразных инструментов и законов в совокупности носит *комплексный характер,* обеспечивает рациональное использование имеющихся ресурсов и не оставляет лазеек для нарушения поставленных целей, функцию выражения и защиты которых возлагает на себя государство.

3.5. Инновации: датский стиль

Дания перешла к инновационной модели развития позднее, чем Швеция и Финляндия. С одной стороны, Дания — это страна мелких компаний и предприятий, которые, как правило, отличаются более высокой способностью к инновациям, но в структуре ее экономики больший удельный вес имеют отрасли с невысокой долей стоимости, добавленной обработкой, такие как: пищевая, мебельная и швейная отрасли промышленности. В экономике Дании еще в 1950-е и 1960-е гг. преобладало сельское хозяйство и АПК. Однако на стадии постиндустриального общества и инновационного развития все страны региона более или менее сравнялись и стали строить свою инновационную политику на основе концепции национальной инновационной системы, что позволяет ускорить процессы нововведений.

Национальная система Дании, как и других североевропейских стран, носит специализированный характер, она нацелена, прежде всего, на развитие информационных технологий, телевизионной связи, фармацевтики, медицинской техники, биотехнологии, а в последнее время также и на использование возобновляемых источников энергии, прежде всего энергии ветра. Согласно исследованиям ЕС по некоторым показателям, характеризующим НИС, Дания входит в число лидеров ЕС[1], а именно по показателям, характеризующим степень развития человеческих ресурсов, по получению новых знаний, инновационной кооперации и венчурного капитала. Однако Дания слегка отстает от Швеции и Финляндии в отношении финансирования НИОКР, в создании новых фирм, в развитии системы образования, кооперации между университетами и предприятиями[2].

Поэтому в апреле 2005 г. либерально-консервативное правительство Дании разработало многолетнюю программу превращения страны в лидера в развитии предпринимательства и формирования общества знания, которая рассчитана на период до 2010 г. и предусматривает размещение 1,33 млрд евро в усиление системы образования, НИОКР, инноваций и бизнеса[3]. Согласно этой программе предполагается приблизить финансирование НИОКР к уровню Швеции и Финляндии,

---

[1] См.: Annual Innovation Policy Trends and Appraisal Report. Denmark. 2004–2005. European Trend Chart on Innovation, EC. P. iii.

[2] Ibid.

[3] Ibid. P. iv.

а к 2010 г. достигнуть уровня 3% ВВП. Планируется также увеличить долю молодежи с полным средним и высшим образованием, с тем чтобы повысить конкурентоспособность экономики страны.

В соответствии с поставленными целями в Дании был осуществлен пересмотр научно-технической и инновационной политики, а институциональная система, обеспечивающая достижение выбранных целей, была существенно преобразована. И теперь она соответствует обозначенным довольно амбициозным целям. А именно, было образовано Датское министерство по науке, технологии и инновации (2001), Датский совет по глобализации (2005), Датский научно-политический совет (2004). Начиная с 2002 г. была проведена реформа всей системы научных исследований и инноваций в соответствии с вновь принятым фолькетингом Законом о технологиях и инновациях. В 2001 г. проведение инновационной политики было передано из Министерства экономики и предпринимательства в новое Министерство по науке, технологиям и инновациям, созданное вместо ранее действующего Министерства по технологиям и научным исследованиям. В ведение этого министерства было также передано управление университетским сектором. Был также создан новый орган — Совет по инновациям (2002) в качестве консультативного органа при новом министерстве. Новые структуры призваны обеспечить лучшую координацию между различными звеньями национальной инновационной системы и повысить ее эффективность и целостность. Вопросы проведения технологической и инновационной политики датское правительство считает приоритетными, начиная с 2005 г., когда состоялись очередные выборы, проводится курс на превращение страны в лидера в развитии экономики, бизнеса и общества знания.

Датская научная и технологическая сеть включает в себя две подсистемы: университеты и государственные научные институты. В Дании 12 университетов и 22 государственных научно-исследовательских института, которые в зависимости от направления своей специализации находятся в ведении девяти министерств, в исследованиях принимают также участие три университетские клиники.

Чтобы увеличить взаимодействие между различными звеньями инновационной системы был принят новый Закон о национальных государственных научных институтах (2003) и Университетский акт (2004). В НИС входит также девять Институтов Технологических услуг, которые оказывают технологическое содействие датским предприятиям на коммерческой основе. Это особенно важно для малых и средних предприятий, которые не имеют возможности самостоятельно финансировать собственные научно-технические и технологичес-

кие подразделения. Совет по технологиям и инновациям заключает с Институтами технологических услуг трехгодичные контракты, в соответствии с которыми они получают финансовые средства из государственного бюджета. Кроме того, имеется Датский национальный фонд по научным исследованиям и Фонд развития высоких технологий, которые финансируют различные проекты в области наукоемких технологий в тех отраслях, которые соответствуют датской специализации на мировом рынке.

Наряду с министерствами (имеются в виду Министерство по экономике и предпринимательству, Министерство по науке, технологиям и инновациям, Министерство образования) в проведении датской инновационной политики принимают участие Конфедерация датской промышленности, Датская федерация малых и средних предприятий, Датская академия технических наук, Ассоциация датских банков, отдельные фирмы, прежде всего, крупные (например, «Данфосс»). Именно по их инициативе в Дании был создан в 2002 г. Совет по инновациям, призванный поощрять нововведения в датской экономике. В него входит около 100 членов, представляющих датские предприятия, государственные научно-исследовательские институты, а также университеты, Предполагается, что этот новый орган будет определять возможности датской экономики в создании общества знания, соответствующего требованиям глобальной экономики.

Таким образом, в настоящее время датская инновационная система переживает этап реструктуризации. Целью является усиление координации и кооперации между различными звеньями инновационной системы, улучшение научно-технической, технологической и инновационной политики. Полномочия всех государственных органов в области инноваций и развития наукоемкого бизнеса были переданы созданному в 2001 г. Министерству по науке, технологиям и инновациям. Под эгидой министерства действуют Совет по инновациям, а также Датский научно-политический совет (2004). Они имеют консультативные функции и возможности распределять финансовые средства.

В свою очередь, Датский научно-политический совет разделяется на два органа: Совет независимых научных исследований и Совет стратегических исследований. Первый из них принимает решения непосредственно по распределению ресурсов, и он объединяет пять специализированных научных советов: по культуре и коммуникациям, по окружающей природной среде и естественным наукам, по обществу и торговле, по здравоохранению и по технологиям и

производству. Второй Совет распределяет средства по программам, решения по которым были приняты на политическом уровне. В его задачу входит также стимулирование кооперации между частными и государственными научно-исследовательскими организациями. Он также распределяет средства по тем научным проектам, которые осуществляются при поддержке различных датских министерств. Оба Совета распоряжаются примерно 10% всех средств, отпускаемых в Дании на осуществление НИОКР.

Кроме этого, специальный орган занимается координацией деятельности этих институтов, призванных повысить инновационные возможности датской экономики, а именно — Координационный комитет. В него входят председатели Совета независимых исследований, Совета стратегических исследований, Датского фонда научных исследований, Датского совета ректоров университетов, Ассамблеи директоров датских государственных научно-исследовательских институтов, а также датского Совета по технологиям и инновациям. Этот комитет координирует работу всех советов между собой и с остальными звеньями национальной инновационной системы.

Важной частью датской инновационной системы является региональный потенциал. В Дании за здравоохранение, высшее образование, охрану окружающей среды, транспорт, рынок труда и региональную промышленную политику отвечают региональные власти, а муниципалитеты — за политику по развитию местных предприятий и трудоустройство. Традиционно региональные и местные органы власти обладают автономией в областях своей компетенции и распоряжаются значительной частью государственных финансов, однако в области научных исследований до реформы они занимались только финансированием медицинских исследований, на которые отводилось менее 10% всех государственных расходов, предназначенных для проведения НИОКР. В ходе административной реформы в Дании компетенция местных и региональных органов власти в научной области была расширена, и теперь они стали отвечать на своем уровне за развитие национальной инновационной системы. Отныне в их ведение передаются такие вопросы, как развитие инфраструктуры, системы образования, консультирование предприятий, развитие научных парков, инкубаторов новых технологий и т.д. В каждом из пяти новых регионов Дании, созданных вместо 14 старых, предполагается создать Форумы по развитию экономики региона, в которых будут представлены местные производственные предприятия и учреждения, занимающиеся научными исследованиями и инновациями. Эти форумы определят стратегию регионального развития, кото-

рая будет координироваться с национальной стратегией. С 2005 г. начали работать региональные Советы по инновациям, которые будут подчинять свою деятельность реализации региональной стратегии инновационного развития. Форумы будут выдвигать предложения по распределению средств, которыми располагают региональные инновационные фонды.

В 2004 г. был разработан План действий по региональным научным исследованиям и инновациям. План выдвинул идею создания центров экспертизы (то есть региональных центров развития технологий) и реализации региональных программ, направленных на увеличение использования персонала с академическим образованием на малых и средних предприятиях. Датское правительство согласилось выделить на эти цели соответствующие финансовые ресурсы. В реализации новой инновационной стратегии на региональном уровне важная роль отводится инкубаторам новых технологий, инновационным консорциумам, центрам экспертизы, региональным центрам экономического развития. Особое внимание будет уделяться кооперации между производственными предприятиями и научными и инновационными учреждениями.

Разработана программа развития информационных технологий для Ютландии и острова Фюн (поскольку именно здесь сосредоточены датские университеты) на период 2002–2005 гг., на которую центральное правительство выделяет значительные средства. Программа финансируется на паритетных началах, так как в финансировании участвуют местные органы власти[1].

Таким образом новая структура датской инновационной системы, которая ныне переживает этап реформирования, призвана усилить кооперацию между различными секторами экономики, а также активизировать региональный потенциал.

В настоящее время в Дании функционирует семь научных парков, приоритетными направлениями инновационного развития являются информационные технологии, фармацевтика, медицинская техника, биотехнологии. В Дании существует 181 биотехнологическая компания, бóльшая их часть была создана в 1990-е гг., и она вышла на 5-е место в ЕС по числу биотехнологических компаний после ФРГ, Англии, Франции и Швеции. Одна четвертая всех затрат на НИОКР, которые осуществляются в частном секторе Дании, направляется на исследования по биотехнологиям. Значительная часть таких исследований

---

[1] См.: Annual Innovation Policy Trends and Appraisal Report. Denmark. 2004–2005. European Trend Chart on Innovation, EC. P. 9.

осуществляется в районе большого Копенгагена, а также в Орхусе, Оденсе и Ольборге.

Большую роль в инновационном развитии Дании играет новый европейский регион Эресунн, который возник после введения в эксплуатацию моста через морской пролив. Регион, объединяющий датскую Зеландию и шведскую Сконе, вышел на 3-е место в ЕС по размерам привлекаемых инвестиций после Лондонского и Парижского регионов, и на него приходится 38% всех инвестиций во всю Скандинавию[1]. Развитие региона отличается высокой динамикой. Регион Эресунн, выгодно расположенный на входе в Балтийское море и Северную Европу, обладает высоким инновационным потенциалом, так как здесь расположено 14 университетов, в которых работает 10 тыс. научных сотрудников. Регион Эресунн специализируется на развитии информационных технологий, телевизионной связи, электроники, медицины, биотехнологии, бизнес-услугах производственным предприятиям. Например, биотехнологические предприятия и научно-исследовательские учреждения региона образовали инновационную сеть под названием «Медикон Велли Академи» («Medicon Valley Academy»), которая объединяет 300 исследовательских коллективов, 26 больниц, шесть научных парков, 13 университетов, 115 биотехнологических компаний, 130 компаний, производящих медицинскую технику, и 70 фармацевтических фирм. Благодаря кооперации участники этой инновационной сети получают возможность использовать эффект синергии для повышения качества датских лекарственных препаратов и укрепления позиций датских фирм на мировом рынке.

Другим примером датских инноваций является успех в использовании энергии ветра для получения электричества. После того как датское Министерство по окружающей среде было слито с Министерством энергетики, производство энергии на основе возобновляемых источников стало приоритетным. В настоящее время Дании удается 20% потребления электроэнергии покрывать за счет «зеленых» источников, прежде всего энергии ветра. В ЕС достижения такого показателя запланировано лишь на 2020 г.

В качестве примеров можно назвать два энергетических комплекса по производству электричества за счет энергии ветра, один из которых был создан фирмой «Элькрафт» в 1991–1992 гг. около Виндбю на острове Лолланд, а другой — в 1994–1996 гг. фирмой «Эльсам»

---

[1] resund Region Third Hottest in Europe for FDI. 2004. Ernst & Young, Copenhagen Capacity.

около Орхуса. Датско-шведское предприятие по производству электроэнергии на основе энергии ветра построило самую большую в мире ветряную электрическую станцию, на которой установлено 72 ветряка, мощность которой позволяет обеспечить электроэнергией 145 домашних хозяйств в течение года. Энергетический комплекс находится в море около острова Лолланд. Всего в Дании было установлено 5,5 тыс. ветряных турбин, 3/4 из которых находится в собственности кооперативов[1].

Потребление альтернативной энергии стимулируется датским государством, которое обязывает всех потребителей, кроме самых крупных, не менее 20% объема своего потребления покрывать за счет «зеленых» источников. Выполнение данного требования достигается с помощью продажи потребителям так называемых зеленых сертификатов. Те потребители, которые не выполняют это требование, вынуждены покупать электроэнергию по более высокому тарифу, причем каждый киловатт-час в этом случае будет стоить в 2,7 раза дороже.

В настоящее время Дания находится на передовых позициях в области развития ветроэнергетики и производства оборудования для энергетических комплексов. Датские фирмы производят 38% ветряных турбин в мире, ежегодно их стоимость составляет около 3 млрд евро, в этой отрасли занято в Дании 20 тыс. человек. 90% производимых в Дании ветряных турбин идет на экспорт, большая часть — в ФРГ. Крупнейший в Дании производитель турбин для ветровых ЭС — «Вестас Винд Системс».

Из этих примеров видно, что датские НИОКР, так же как и датская экономика в целом, носят специализированный характер, что помогает этой стране поддерживать высокий уровень конкурентоспособности и качества жизни. Особое внимание в Дании уделяется развитию информационных технологий, фармацевтики и биотехнологий, а также развитию ветроэнергетики. В числе предприятий, действующих в наукоемких отраслях, можно назвать датскую инженерную компанию «Данфосс», фармацевтические фирмы «Ново Нордиск», «Лундбек» и т.д. Большая часть датских компаний относится к компаниям малого или среднего размера, поэтому они придают большое значение кооперации с другими компаниями, прежде всего связанными с ними по технологической цепочке, в процессах создания новых продуктов.

---

[1] Mattias Akselsson. *The World's Leader in Wind Power.* Monthly Magazin «Scandinavica», 2004.

Считается, что относительно высокая социальная однородность датского общества содействует образованию так называемого социального капитала, что является фактором, содействующим инновациям. Малые страны, благодаря своему гомогенному составу населения в национальном и социальном отношении, получают преимущества в создании новой экономики, развитие которой основано на знании. В таких странах легче организовать научно-техническую кооперацию, осуществлять нововведения, распределять между разными участниками риски и нести совместную ответственность за издержки, которые связаны с нововведениями.

«Признаком прочного государства всеобщего благосостояния является не то, что мы можем достичь в условиях процветающей экономики, а степень стабильности в поддержании условий жизни обыкновенных людей, даже когда наступает экономический кризис»[1]

Глава 4. Опыт создания социально ориентированной модели развития экономики стран Северной Европы

4.1. Принципы и предпосылки североевропейской модели

Теоретическая разработка и практическая реализация социально ориентированной модели экономического развития — это, пожалуй, самый важный вклад североевропейского региона в формирование европейской цивилизации, в мировое развитие как с политико-экономической, так и с идеологической точки зрения. Этот феномен, предпосылки которого возникли в 1930-е гг., сформировался на протяжении 1950–1970-х гг. как результат постепенных институциональных изменений, в основе которых лежит особый тип мировоззрения и организации всего комплекса общественных отношений.

Суть североевропейской модели состоит в создании экономики смешанного типа, которая развивается по так называемому третьему пути, когда производство организуется на основе рыночных механизмов, а распределение осуществляется с учетом социальных требований. В ее фундаменте лежит идея, что в целях достижения максимальной эффективности производство следует сосредоточить в руках частных предпринимателей, а государство с помощью на-

---

[1] Густав Мёллер, бывший министр социального обеспечения Швеции. (См.: Staffan Marklund. *Paradise Lost.* Lund, 1988. P. 13.)

логов и других средств макроэкономического регулирования будет сводить к минимуму отрицательные социальные последствия рыночной системы хозяйствования. Североевропейская модель развития представляет собой реальную альтернативу как системе централизованно управляемого социализма, так и капиталистической системе либерального типа.

Государственное вмешательство в североевропейской модели осуществляется по разным направлениям: регулируются размеры личного и общественного потребления, а следовательно, и совокупный спрос, в том числе через поддержание высокой занятости и высокой нормы капиталовложений; сохраняется относительно эгалитарное распределение доходов путем перераспределения значительной части произведенного в стране общественного продукта, с тем чтобы исключить крайние формы проявления социального неравенства и социальной несправедливости, смягчить социальную неоднородность и т.д. В свою очередь, это позволяет обществу избежать состояния социальной напряженности, а следовательно, достичь политической стабильности и привести общество к социальному миру, который покоится на политическом консенсусе и соблюдении законных, экономических и социальных прав всех основных слоев и социальных групп общества.

Политической основой развития по североевропейскому пути является широкий социальный и политический консенсус между главными политическими партиями и социальными силами страны (предприниматели, профсоюзы и государственный аппарат), который является главной целью партий социал-демократического направления. Социал-демократы длительное время были главной политической силой во всех странах североевропейского региона. Наиболее прочные позиции социал-демократы имеют в Швеции.

Североевропейская модель покоится на следующих основных принципах:

— Особый тип организации политической жизни. Он основан на культуре политического компромисса, который предоставляет возможности для выражения взглядов и защиты своих интересов для различных партий, общественных организаций и институтов. Он дает равные возможности участия в политической жизни для разных слоев и социальных групп, обеспечивая им действенную защиту своих коренных, жизненно важных интересов, а также возможности оказывать влияние на формирование политического курса страны.

— Особая форма социального устройства. Она не только поддерживает социальную справедливость, но и делает возможными и даже необходимыми социальные новации. Например, при переходе к информационному обществу обеспечивает увеличение вложений в развитие человеческого капитала через развитие систем общего и специального образования, медицинское обслуживание и универсальную систему социального обеспечения на все трудные случаи жизни (болезнь, потеря трудоспособности по достижении пожилого возраста, профессиональное заболевание, утрата работы из-за увольнения, потеря кормильца и т.п.).
— Специфическая организация экономической жизни. Она включает в себя сочетание крупного бизнеса с мелким и средним инновационным предпринимательством, сосуществование разных форм собственности (частная, государственная, муниципальная и кооперативная), сочетание частной инициативы с государственным регулированием, а также разные формы партнерства частного бизнеса и государства. Эта система основана на убежденности, что вмешательство государства в экономическую жизнь путем перераспределения значительной части произведенного национального дохода через налоговые и другие механизмы носит обоснованный характер, если оно позволяет достигать экономической и социальной безопасности общества. При этом допускается определенный отход от принципов чисто рыночного устройства экономики. Например, организация государственной поддержки сельскому хозяйству, науке, технологии и инновациям, защита социально уязвимых групп населения. Важным условием реализации социальной модели североевропейского типа является занятие выгодного места в системе международного разделения труда, позволяющее извлекать из международной торговли более высокую норму прибыли по сравнению со среднемировой.
— Особое мировоззрение и особый способ принятия и реализации политических решений. При этом приоритет отдается социальному прогнозированию (то есть предвидению тенденций общественного развития) и широко разделяемым и высоко ценимым идеалам и нравственным ценностям эгалитаризма и экономической безопасности (включая социальную справедливость), а также способности предвидеть и предупреждать вредные последствия принимаемых решений.
— Особая длительно выработанная этика предпринимательской деятельности, когда бизнес учитывает не только юридические

нормы и экономические параметры, задаваемые рынком, но и социальные и экологические критерии, задаваемые обществом.

Основные черты североевропейской социально-экономической модели сложились уже в 60-е годы XX в. Исходным пунктом перехода к особой модели развития можно считать увеличение доли государственных расходов в совокупном общественном продукте соответствующей страны. В Швеции, например, она выросла с 30% в 1950-х гг. до 45% в 1960-е гг., достигнув максимума на уровне свыше 60% в 1990-е гг. (см. раздел 2.1). Североевропейская модель появилась в результате длительного исторического поиска путей обеспечения социального, экономического и политического баланса. Он основывается на высоком уровне благосостояния и социальной обеспеченности, в результате чего политическая элита этих стран выработала особый стиль гибкого политического маневрирования, направленного на превентивное предупреждение политических, социальных и экономических конфликтов, которые, как известно, связаны с высокими социальными издержками.

В понятие североевропейской модели входят следующие элементы:

— развитый государственный сектор, особенно в области инфраструктуры и социальных услуг, частично охватывающий само производство (например, электроэнергии);
— гражданское согласие, социальный консенсус, достигаемый на основе взаимного признания законных, экономически обоснованных интересов всех основных групп населения и их вовлечения в процесс выработки государственной политики (помимо политических партий в этом участвуют профсоюзы, объединения предпринимателей, кооперативные организации, ассоциации арендаторов, другие общественные, культурные, образовательные, религиозные организации, средства массовой информации);
— устранение резкой дифференциации доходов и их относительно равномерное распределение в целях достижения общества всеобщего благоденствия североевропейского образца;
— сотрудничество между трудом и капиталом в форме социального диалога при государственном регулировании рынка труда;
— поддержание занятости на высоком уровне и создание универсальной системы социальной защиты для всех слоев населения.

Реализация такой модели развития на практике, естественно, не возможна без активного государственного вмешательства, использу-

ющего самые разнообразные инструменты регулирования экономической, социальной и политической жизни в целях достижения и поддержания состояния «экономической и социальной безопасности». В соответствии с концепцией государства всеобщего благоденствия североевропейского типа (шведский вариант — «Дом для народа») в это понятие включается относительное равенство в распределении доходов (что обеспечивает социальную однородность общества), а также равенство возможностей для молодых граждан страны независимо от финансового положения их родителей, благодаря бесплатному образованию, вплоть до высшего, и доступному (бесплатному или дотационному) здравоохранению, а также приоритет высокой занятости и развитие человеческого капитала.

Экономическая роль социально ориентированного государства выражается не только в перераспределении растущей части национального продукта, но и во вмешательстве на рынке труда (особенно активном, начиная с конца 1970-х гг.), в инвестиционные процессы. Предпринимательскому сектору предоставляются инвестиционные льготы и даже государственные кредиты благодаря созданию в 1960-х гг. системы государственных пенсионных фондов, поддержки инновационных процессов и внешнеэкономической экспансии.

Формирование особого североевропейского пути общественного развития стало возможным благодаря сочетанию комплекса внутренних и внешних условий и благоприятных предпосылок.

Во-первых, это — особенности исторического развития. Швеция, например, исключительно быстро развивалась на протяжении целого столетия — в период 1870–1970-х гг., в результате чего был достигнут высокий уровень экономического развития и благосостояния. В этот период Швеция превратилась в мирового чемпиона по темпам роста производительности труда. В начале 1970-х гг. Швеция находилась на 1-м месте в Европе по стоимости промышленной продукции, произведенной на душу населения. В Швеции и Финляндии ее становлению весьма содействовала политика нейтралитета, которая обеспечила Швеции длительный период мирного развития, а Финляндии — особые отношения с СССР, которые обеспечили ей благоприятные условия перехода от специализации на комплексе лесных и деревообрабатывающих отраслей к металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности, заложив основу для наукоемких технологий на стадии постиндустриального общества.

Во-вторых, политические предпосылки заключаются в том, что страны Севера Европы накопили длительный и богатый опыт мирного разрешения общественных конфликтов разного рода. Им удалось, напри-

мер, мирным путем, без гражданских войн и революций, перейти от феодализма к капитализму, избежать таких крайностей феодальной ступени развития, как суровый крепостной строй. На капиталистической ступени развития им удалось предотвратить крайние формы трудовых конфликтов, а если они все-таки возникали, их, как правило, разрешали мирным способом — путем переговоров и достижения консенсуса. В ходе исторического пути складывалась и доводилась до совершенства практика достижения социально-политической стабильности.

В-третьих, это особенности политического поведения населения, которое готово последовательно отстаивать свои законные интересы. За скандинавами и финнами закрепилась репутация невозмутимых, терпимых и сдержанных людей, однако это верно скорее только в психологическом и бытовом плане, но не в политическом. Если грубо нарушаются законные социальные или политические права, если попирается чувство справедливости, то реакция бывает крайне острой и адекватной ситуации.

В-четвертых, этим странам удается избегать крайних форм социального неравенства, чему весьма содействуют выгодное положение в системе международного разделения труда, длительные периоды экономического развития, на протяжении которых им удается по мере увеличения количественных показателей развития экономики, достигать улучшения качественных параметров экономического роста. Реализация такой стратегии развития требует проведения определенного политического курса, основанного на сочетании инновационной ориентации с социальной, а в последние годы и с экологической, что является североевропейской спецификой. Все североевропейские страны начинали свою индустриализацию с использования природных ресурсов, которые им достались в силу их географического положения, но все они постепенно переходили к специализации на производстве продукции с высокой степенью переработки исходных материалов, которая содержит высокую долю сложного труда, а следовательно, обладает повышенной внешнеторговой эффективностью. Выгодное положение в системе международного разделения труда связано с инновационным характером национальной экономики и высоким уровнем развития человеческого потенциала. Это позволяет предлагать на мировом рынке такие изделия, которые выигрывают в конкурентной борьбе скорее благодаря своим высоким потребительским свойствам (качество, надежность, новизна продукта, то есть преимущество потребительских свойств по сравнению с продукцией конкурентов), чем благодаря ценовым преимуществам. В результате все страны североевропейского регио-

на на рубеже двух веков стали мировыми чемпионами по конкурентоспособности.

Формирование социального государства североевропейского типа было бы невозможным, если бы параллельно развитию политических и экономических условий эта модель не получила бы теоретического обоснования, если бы не сложились ее идеологические основы. Такой фундамент заложила кейнсианская теория активного воздействия государства на совокупный общественный спрос, включая как потребительский, так и инвестиционный спрос. Помимо учения Дж.М. Кейнса, она имеет глубокие корни в развитии социально-политической мысли этих стран. В ее основе лежит концепция, выдвинутая лидером шведской социал-демократии П.А. Ханссоном еще в 1928 г., в соответствии с которой Швеция должна стать «Домом для народа» («Folkhem»). Этот тезис, воплощающий идеалы аграрной стадии развития Швеции, стал основой шведского варианта государства всеобщего благоденствия, достигнутого на поздней стадии индустриализации. В шведском «Доме для народа» заботу о всех своих гражданах взяло на себя государство: для одних — свобода предпринимательской деятельности при поддержке государства в некоторых ключевых вопросах (подготовка рабочей силы, научно-техническая база), для других — возможность повышать свой уровень жизни на основе высокого образования и профессиональной квалификации, для третьих (социально уязвимых групп) — социальная защита и поддержка в трудных случаях жизни.

Группа идеологов, во главе которой были Альва и Гуннар Мюрдаль, а также бывший министр финансов Швеции и одновременно идеолог шведской социал-демократии Эрнст Вигфорс, разрабатывала свою политическую платформу еще в 1930-е гг. на основе идеи рационально организованной централизованной экономики, социальной инженерии и социального планирования. Уже тогда предполагалось, что крупное промышленное производство вкупе с социальной инженерией позволит построить общество, развитие которого контролируется и направляется, позволяя на рациональной основе организовывать деятельность отдельных индивидуумов и общества в целом. Придя к власти в 1932 г., шведская социал-демократия начала закладывать основы для такого общества, приняв в 1934–1935 гг. законы о страховании от безработицы и пенсиях по старости. Исходя из этих постулатов в послевоенные годы, сформировалась доктрина «функциональной социализации», которая лежит в основе текущей политики социал-демократов не только шведского образца, но и других стран Севера Европы. В соответствии с этой идеологией государство получает право и возможность осуществлять контроль над распределением доходов и прибыли, использовани-

ем рабочей силы и капитала в масштабе всего общества. В результате следования по этому пути во всех странах региона была создана смешанная экономика. Этот тип экономической системы покоится на использовании разных форм собственности (частной, государственной и кооперативной), разных форм организации предпринимательства (малом, среднем и крупном), разных форм регулирования (рыночном и централизованном государственном, осуществляемом в основном косвенными методами, то есть с помощью налоговых и финансовых инструментов).

Практическая политика разрабатывается на основе признания необходимости и полезности государственного вмешательства в экономическую жизнь, осуществляемого в целях минимизации отрицательных последствий действия рыночных механизмов при приоритете экономической и социальной безопасности.

Если говорить о роли государства на рынке труда и его отношений с капиталом, то это направление политики теоретически основывается на модели Ё. Рена и Р. Мейднера, которые в свое время были ведущими экономистами Центрального объединения профсоюзов Швеции. Эта модель обосновывает необходимость сочетания регулирования государством совокупного спроса через налоги, кредиты, субсидии и систему социальной защиты с активной селективной политикой в области капиталовложений, направленной на поддержку экономического роста отдельных нуждающихся во временной помощи отраслей, регионов и групп населения, и служит теоретическим обоснованием принципа солидарной заработной платы.

Важной частью североевропейской модели является система социального обеспечения, которая носит всеобъемлющий и универсальный характер. Она включает в себя общее страхование (по болезни, для медицинского обслуживания, на случай рождения детей и по старости), страхование по безработице и страхование на случай профессионального заболевания или несчастного случая на производстве. Социальное страхование, помимо функции социальной защиты, выполняет роль инструмента государственного управления совокупным спросом, оно служит финансовым инструментом воздействия на все народное хозяйство. То есть оно является средством текущего регулирования состояния экономики, в том числе в целях сглаживания резких перепадов конъюнктуры (антициклическое регулирование).

Всеохватный характер североевропейской системы социального обеспечения привел к преобладанию средних слоев населения в социальной структуре общества с низкой долей бедного населения. Социальная поддержка и защита носят универсальный характер. Она

распространяется на все слои населения. Пособия и пенсии предоставляются вне зависимости от классовой, национальной, половой, религиозной или этнической принадлежности. Некоторые виды социальных выплат поставлены в зависимость от стажа и уровня получаемой ранее заработной платы. Процент замещения в Скандинавских странах и Финляндии — высокий. В Швеции, например, пенсии выплачиваются в размере 65% заработной платы, а пособия по безработице и болезни — до 90% зарплаты[1].

Источником финансирования социальных услуг в странах североевропейского региона являются центральный и местные бюджеты, предпринимательский сектор также участвует в их наполнении наряду с простыми налогоплательщиками. В Скандинавии и Финляндии установлен довольно высокий пенсионный возраст (65 лет в большинстве стран) в связи с тем, что в этих странах наблюдается высокая продолжительность жизни и эффективная система здравоохранения и социальной поддержки на трудные случаи жизни, что позволяет сохранять работоспособность дольше, чем в большинстве других стран мира. В Швеции, например, пенсии выплачиваются по достижении 65 лет, а средняя продолжительность жизни достигла 78 лет для мужчин и 83 года для женщин.

Североевропейская модель, в основных своих чертах сформировавшаяся в 1950–1970-е гг., явилась результатом длительного исторического развития по пути формирования механизмов мирного разрешения политических, экономических и социальных конфликтов, взаимного признания социальными партнерами, выступающими на рынке труда, законных, жизненно важных интересов всех основных слоев и групп общества.

Если смотреть с экономической точки зрения, то североевропейская модель сочетает в себе пять особенностей:

— стабильные темпы экономического роста (в отдельные периоды, особенно в годы структурной перестройки экономики — даже высокие), постоянное повышение эффективности общественного производства на основе роста производительности труда;
— сочетание высокой занятости (в отдельные годы — почти полной) с низкой инфляцией;
— высокая конкурентоспособность на мировом рынке и выгодное положение в системе международного разделения труда на основе опережающего структурного и инновационного развития;

---

[1] Нынешнее правительство снизило норму компенсации до 80%.

— относительная равномерность в распределении доходов благодаря прогрессивным налогам и системе социальной защиты для всех слоев населения, что действует как фактор расширения внутреннего рынка, создавая спрос на инновационные товары (компьютеры, мобильные телефоны и т.д.) и товары длительного пользования (дома, квартиры, мебель, электронная бытовая техника, автомобили и т.д.);
— постоянное поддержание состояния экономической безопасности, например, в Норвегии это выражается в отсутствии внешнего долга, в длительном проведении политики активной поддержки сельскохозяйственного производства за счет государственного бюджета, чтобы не позволить разориться фермерскому хозяйству и избежать продовольственной зависимости от импорта.

Одним из важнейших условий существования государства всеобщего благоденствия является концентрация в руках государства значительной части общественного продукта, создаваемого в стране за год. Во всех странах — членах ЕС эта доля превышает средний уровень для стран — членов ОЭСР, а в североевропейских странах она превышает показатели ЕС, варьируя в разные годы от 43 до 68% *(см. табл. 2.1)*.

Второе условие социального государства состоит в том, что в структуре расходов государственного бюджета значительную роль играют социально значимые расходы, они могут даже стать преобладающими, что, собственно говоря, и позволяет говорить о социальной ориентации развития соответствующих государств *(см. табл. 2.1)*. И первое, и второе условие сохраняются в экономике всех стран Европейского Севера на протяжении длительного периода времени *(см. табл. 4.1)*.

Поддержанию социальной ориентации содействует то, что общеэкономическая ситуация в странах ЕС и на Севере Европы в девяностые годы, несмотря на некоторые колебания конъюнктуры, развивалась в благоприятном направлении. Размер валового внутреннего продукта, производимого на душу населения, во всех странах Европейского Севера заметно выше, чем среди 15 стран ЕС в среднем (в Норвегии — значительно выше). Северная Европа переживает период низкой инфляции, что опять-таки отличает ее в лучшую сторону по сравнению с ЕС. Благодаря тому, что показатели экономического развития в Скандинавских странах и Финляндии превышают средние для ЕС, реально социальные выплаты, которые приходятся на одного жителя Северной Европы, заметно превышают средние для Европейского союза показатели. Высокий уровень экономического развития в странах — членах ЕС сопровождается относительно

низкой дифференциацией доходов и умеренной долей бедного населения *(см. табл. 4.2)*.

Таблица 4.1

Доля социальных расходов в ВВП (%)

	1975	1985	1995	1999	2006*	2006**
Дания	27	28	32,6	39,0	28,4	47,7
Исландия	–	–	18,6	19,1	12,1	34,7
Норвегия	18	22	26,9	27,7	19,7	38,6
Финляндия	17	23,5	32,2	26,0	22,3	35,9
Швеция	27	32	35,2	32,8	26,0	41,6

Источник: Yearbook of Nordic Statistics. 1986. Table 215; Nordic Statistical Yearbook. 2001. Vol. 39. P. 228; 2007. Vol. 45. P. 189, 222.

* Социальные расходы без здравоохранения и образования.

** Социальные расходы в широком смысле слова (то есть включая здравоохранение и образование).

Таблица 4.2

Доля бедного населения в странах ЕС* в 1999 г.

	Порог бедности (евро)	Доля бедного населения (%)
Дания	16 200	11
Исландия	15 553	–
Норвегия	18 001	–
Финляндия	14 201	11
Швеция	15 064	9
15 стран ЕС	13 988	15

Источник: The Community Economic and Social Area Report. 2000. P. 32. Europe. No 1287. 10.05.2003.

* Критерий бедности — это обладание доходом ниже 60% среднего в соответствующей стране.

Все Скандинавские страны, благодаря социальным трансфертам, проводят курс на уменьшение бедности и социальной изоляции.

В настоящее время, несмотря на тенденцию к сближению их социально-экономических моделей, страны ЕС все еще сильно различаются между собой по размерам социальной поддержки в расчете на душу населения, а также по структуре и уровню взимания налогов.

Третье условие социально ориентированного государства состоит в том, что оно в своем развитии опирается на развитый государственный сектор экономики и существование государственных предприятий. Они играют особенно важную роль в оказании инфраструктурных (в том числе коммунальных) и других социально значимых услуг, а именно: водоснабжение, энергетика, общественный транспорт, здравоохранение, почтовые отправления, телефонная и телевизионная связь, уход за престарелыми и инвалидами, присмотр за малолетними детьми, торговля некоторыми социально значимыми товарами (алкоголь, лекарства) и т.д. Передача этих услуг частным предприятия, как правило, влечет за собой сокращение численности занятых (а следовательно, интенсификацию труда, возрастание заболеваемости и травматизма), рост цен на оказываемые услуги, что увеличивает расходы государства на компенсацию соответствующих расходов.

Если еще в 1980-е гг. госсектор в отдельных странах ЕС, таких как Швеция, Австрия и Финляндия, превышал 20% ВВП, производимого в стране, то в настоящее время в большинстве европейских стран, включая североевропейские, он не выходит за пределы 5–10%[1]. В 1990-е гг. во всех европейских странах проводилась приватизация, причем в тех странах, где государственный сектор экономики был более развитым, этот процесс принял более крупные масштабы. Исключение представляет Норвегия, где приватизация осуществлялась в скромных размерах[2] (см. главу 2). По числу занятых в государственном секторе экономики в рамках ЕС также лидируют страны североевропейского региона. В Дании, Норвегии и Швеции эта доля достигала на пике развития государственной собственности 20–30%; сейчас она не выходит за пределы 190–200 тыс. человек[3].

Британский ученый Декстер Уайтфильд оценивает политику приватизации следующим образом: «Приватизация не только обедняет государственный сектор. Это — широкомасштабная стратегия, на-

---

[1] См.: Regulation, Productivity and Growth: OECD Evidence. Economic Department Working Paper. No 347. By G. Nocoletti and S. Scarpetta, 13.01.2003. P. 23–24; Heritage Foundation, Index of Economic Freedom.

[2] См.: Privatisation in OECD Countries: Theoretical Reasons and Results Obtained. F. Schneider. 20.08.2003. OECD.

[3] См.: Enhancing the Effectiveness of Public Expenditure in Norway. Economic Depart-ment Working Paper No 343, by I. Joumard and W. Suyker, 03.10.2002. P. 15. Privatization Barometer.

правленная на пересмотр государства всеобщего благоденствия и сужения социальных услуг, оказываемых государством в интересах капитала»[1].

4.2. Причины и направления реформирования социальной сферы

С 1970-х гг., когда произошел энергетический кризис, в социально-экономическом развитии Скандинавских стран (за исключением Норвегии) стали накапливаться негативные тенденции: замедлился экономический рост, ухудшилось состояние государственных финансов, стала увеличиваться неравномерность в доходах, а в 1990-е гг. под угрозой оказалась финансовая устойчивость. Доля государственного бюджета и социальных расходов в валовом внутреннем продукте страны приблизилась к максимально возможным показателям.

Одновременно увеличивалась доля населения, основным источником доходов которых стали государственные пособия и пенсии. В Швеции, например, она возросла до 2/5 в 1995 г. (против 1/5 в 1960 г.), а вместе с государственными служащими достигла 2/3 населения (против менее 1/3 в 1960 г.). Соответственно доля занятых в рыночном секторе экономики сократилась до 1/3 (против более чем 2/3 в 1960 г.). Число занятых в государственном секторе экономике Швеции вместе с живущими на социальные пособия превысила в середине 1990-х гг. число занятых в рыночном секторе. Аналогичные тенденции имели место в Дании. Такая ситуация, естественно, усиливала финансовое давление на государственный бюджет. Все это вело к замедлению темпов экономического роста, снижению международной конкурентоспособности и усилению вывоза капитала из страны, так как предприниматели стремились избежать чрезмерно высоких расходов на наем отечественной рабочей силы. Стало ясно, что необходима корректировка курса. Был достигнут политический консенсус относительно того, что масштабы государственного вмешательства достигли своего «потолка» и наступило время, когда модель нуждалась в трансформации.

В Швеции необходимость реформирования стала особенно острой на рубеже 1980-х и 1990-х гг., чему способствовало:

---

[1] Whitfield Dexter. Public Services or Corporate Welfare (www.velferdsstaten.no/privatisation).

а) Усиление «бегства» шведского капитала за границу из-за высокой стоимости национальной рабочей силы. В тот период объем капитала, вывезенного за границы Швеции, заметно превысил объем иностранных инвестиций внутри Швеции.
б) Предстоящее присоединение Шведского королевства к Европейскому союзу требовало согласования общеэкономической стратегии страны с теми принципами, которые применяются в рамках ЕС.
в) Стали нарастать некоторые отрицательные явления, такие как усиление дефицита государственного бюджета, замедление темпов экономического развития, рост безработицы, увеличение социальных выплат со стороны государства, снижение стимулов к повышению образования и трудовой квалификации из-за низкой дифференциации оплаты труда, снижение конкурентоспособности некоторых компаний из-за политики солидарной зарплаты. В результате Швеция переместилась с 4-го места в мире по размерам ВВП на душу населения в 1970 г. на 16-е место в 1995 г. среди стран — участниц ОЭСР. Идеологической подоплекой реформы послужило усиление влияния неолиберальной идеологии в условиях глобализации, присоединения к ЕС, валютно-финансовых затруднений в тех странах, которые развивались по социально ориентированной модели. Аналогичные тенденции, хотя и в менее острых формах, проявлялись и в других североевропейских странах (кроме Норвегии), что привело к падению популярности и влияния партий социал-демократического толка и ликвидировало их преимущественное положение внутри своих стран. В Дании и Норвегии нормой стал приход к власти коалиционных правительств парламентского меньшинства.

Трансформация североевропейской модели осуществляется по следующим основным направлениям: проведение налоговой реформы; уменьшение дефицита госбюджета; некоторое сокращение финансирования социальных программ, введение адресной социальной поддержки вместо универсальной; интенсификация использования человеческих ресурсов, увеличение расходов на образование, повышение квалификации и переподготовку рабочей силы; проведение широкомасштабной приватизации государственных предприятий. Все это сопровождается усилением инновационной и экологической составляющей экономического развития, что подтверждает, что эти страны не собираются сворачивать с пути социальной ориентации.

Для разработки практических шагов по реформированию экономики и разработки среднесрочной программы действий шведское правительство создало государственную комиссию из независимых экспертов во главе со шведским ученым, профессором Стокгольмского университета Ассаром Линдбеком. Комиссия, проанализировав состояние экономики Швеции, пришла к выводу, что кризис является следствием комплекса причин, и она выработала рекомендации по выходу из сложившейся ситуации, обеспечению экономической стабильности, роста производства и его эффективности, бóльшая часть которых была реализована на практике коалиционным правительством.

Это была программа реформирования шведской экономической модели на основе применения монетаристких, либерально ориентированных методов, и ее реализация привела к сокращению государственных расходов, жизненный уровень сократился, правда, незначительно (около 10%). Но на следующих выборах население проголосовало за возврат к власти социал-демократического правительства. На смену правительству Ингвара Карлссона пришло социал-демократическое правительство Йорана Перссона, которое, однако, продолжило курс либеральной реформы, так как этого требовало присоединение Швеции к ЕС. В настоящее время Швеция восстанавливает свои рейтинги по основным показателям, характеризующим качественное развитие экономики, а по рейтингу в сфере инноваций является мировым чемпионом, что позволяет положительно оценивать перспективы развития шведской экономики. После прихода осенью 2006 г. нового коалиционного правительства в Швеции ее социально-экономическая реформа продолжается.

Реформирование социальной сферы осуществляется во всех североевропейских государствах в два этапа: первый — в 1970-е гг., а второй — в 1990-е гг. Последнее десятилетие XX в. характеризуется распространением неолиберальной доктрины, воплощаемой на практике в неолиберальной политике. Поскольку, как признали П. Химанен и М. Кастелс[1], само становление социального государства произошло под давлением «угрозы социализации», то устранение социализма в Европе с исторической арены имело своим следствием ослабление позиций социального государства и в теоретической, и в практической сфере.

Критика в 1970-х гг. принципов и практики государства всеобщего благоденствия в 1990-е гг. вылилась в более кардинальное реформирование (по сравнению с первой попыткой) социального государства,

---

[1] *Химанен П., Кастелс М.* Информационное общество и государство благосостояния. Финская модель. М.: Логос, 2002. С. 153.

включая приватизацию, дерегулирование, жесткую финансовую дисциплину, свертывание социальных услуг, оказываемых государством путем частичной их передачи на конкурсной основе частным предприятиям и т.д.

Не в пользу социального государства действует ряд серьезных факторов:

— Для всех стран ЕС характерно возрастание удельного веса пожилых возрастов и увеличение безработицы, что делает поддержание социального государства все более дорогостоящим. Так называемое старение населения, представляет собой отдаленное «эхо» женской эмансипации и представляет собой своеобразную демографическую расплату за политику социально-экономического равенства полов, которая имеет своим неизбежным следствием катастрофическое падение рождаемости.
— Глобализация ведет к усилению влияния ТНК и иностранного капитала на развитие национальной экономики, в том числе и в североевропейских странах, длительное время слабо участвующих в процессах международного перелива капиталов. Происходящее ныне взаимное переплетение капиталов и воспроизводственных процессов ведут к унификации социально-экономических условий и моделей. Игнорирование возможностей, вызываемых глобализацией, грозит утечкой капитала в страны с дешевой рабочей силой и низкими социальными стандартами, что повлечет за собой сокращение темпов экономического роста и возрастание безработицы.
— Критерии евро, накладывающие жесткие ограничения на государственные финансы, устанавливают потолок дефицита государственного бюджета на уровне 3% ВВП.
— Лиссабонская стратегия, согласованная странами — членами ЕС, требует повышения международной конкурентоспособности европейской промышленности, чтобы выдерживать конкуренцию со странами с дешевой рабочей силой. Расширение ЕС на Восток дает возможность понизить планку социальных завоеваний рабочего класса в Западной Европе в связи с возможностью социального демпинга со стороны стран — новичков в ЕС.
— Утверждение в соответствии с указаниями органов ЕС практики проведения открытых торгов или принудительных тендеров на оказание общественных услуг, например, транспортных, что открывает этот сектор экономики для частного капитала.

— Сокращение государственного сектора экономики в результате приватизации и так называемой корпорационализации (то есть происходит преобразование государственных служб и ведомств, оказывающих социальные услуги или выполняющих важные социальные функции в акционерные общества, что чаще всего, служит подготовкой к последующей приватизации).
— Разработка и принятие в ВТО Генерального соглашения по торговле услугами требует выравнивания условий конкуренции на рынке услуг, в том числе услуг социального характера и т.д.

В результате социал-демократическая модель социального государства всеобщего благоденствия, получившая распространение в странах Северной Европы, начала своеобразный дрейф в направлении так называемой неокорпоративной модели (см. раздел 4.4). Из-за ужесточения бюджетной дисциплины проводятся реформы социальных и пенсионных систем, здравоохранения, ограничивается рост заработной платы, то есть пересматриваются сложившиеся механизмы социальной поддержки и защиты и даже подвергаются пересмотру некоторые основополагающие принципы государства всеобщего благосостояния. Например, вводится пенсионное страхование через частные пенсионные фонды, происходит заметное усиление дифференциации доходов и зарплат и т.д.

Относительная устойчивость позиций социального государства на Севере Европы объясняется тем, что основные направления реформирования системы социального обеспечения и рынка труда должны получить одобрение социальных партнеров в ходе диалога, который является неотъемлемой частью социально-политической системы этих стран, и получить одобрение избирателей в результате очередных парламентских и муниципальных выборов.

Реформирование социальной сферы обычно начинается с пересмотра ее законодательной основы. В Швеции, например, новый подход к социальной политике был разработан в 1995 г. Специально созданная Комиссия подготовила идеологию реформы и разработала конкретные предложения по реформированию всей социальной сферы. Датский фолькетинг принял решение о пересмотре всей законодательной основы для оказания социального обеспечения в 1997 г. Реформа в Дании состоит из четырех частей: Акт об активной социальной политике, Акт об оказании социальных услуг, Акт о применении законодательства в отношении социальной помощи и социальных услуг, Акт о социальной пенсии. В Норвегии вопрос о реформе социальной сферы был поднят в Белой книге 1995 г., посвященной анализу благосостояния и перспек-

тивам его развития в XXI в. Затем в 1998 г. было подготовлено два правительственных доклада «О финансировании национальной пенсионной системы» и «Гибкая система выхода на пенсию».

Философия реформы социальной сферы состоит в том, чтобы усилить связь между социальными правами и обязанностями граждан, стимулировать получателей пособий по безработице к более активному поиску работы. Реформа усиливает персональную ответственность граждан за свое социально-экономическое положение, а социальные пособия рассматриваются как временная мера, рассчитанная на определенный период и имеющая целью содействие тому, чтобы гражданин добился самообеспеченности.

В ходе реформирования, одной из главных целей которого является сокращение государственных расходов, применяются следующие методы:

— Введение в государственном бюджете верхнего предела социальных расходов, замораживание социальных расходов в целом или по отдельным статьям.
— Изменение правил индексации социальных пособий в зависимости от темпов инфляции, которые медленнее компенсируют уменьшение доходов из-за роста цен, например, путем увеличения сроков, когда осуществляется пересмотр индекса или исключение из индекса каких-то категорий цен, которые влияют на рост стоимости жизни.
— Введение в действие различных мер, направленных на увеличение вклада граждан в покрытие социальных расходов, повышение индивидуальной ответственности за личное благосостояние путем расширения практики личного страхования различного вида.
— Децентрализация отдельных социальных функций, передача ответственности за их реализацию с центрального уровня на региональные и местные власти, сопровождаемая переводом некоторых социально значимых функций (например, транспорт, содержание детских учреждений) в руки частных компаний.
— Предпринимаются также попытки уменьшить нагрузку на государственный бюджет по социальным обязательствам путем перераспределения расходов между государством, предпринимательским сектором и самими трудящимися.
— Происходит переход от принципа универсализма к селективному предоставлению социальных выплат и пособий, то есть социальная помощь со стороны государства начинает предоставляться с учетом личных доходов граждан. Вводятся обяза-

тельные в ряде случаев проверки экономического положения в качестве предварительного условия получения социальных выплат, ограничение размера и возможностей получения различных социальных выплат путем установления пороговых значений для претендентов. Это приводит к ужесточению условий предоставления социальной помощи, увязывает ее с различными факторами.

— Усиливается связь между величиной предоставляемых государством пособий и заработной платой трудящихся, которая определяет размер накоплений в виде страховых взносов.

— Осуществляется политика приватизации, призванной развивать конкурентные начала в сфере предоставления услуг социального назначения, но на практике это приводит, как уже было сказано, к снижению занятости и повышению цен и даже может стать причиной внедрения частных монополий в новые для них сферы, связанные с обслуживанием населения (например, автобусного сообщения в Швеции), следствием чего является удорожание услуг.

Таким образом, социальное государство в результате реформирования становится менее щедрым и более избирательно подходит к претендентам на получение социальной помощи или поддержки в трудных случаях жизни. В ходе реформирования изменяются не только отдельные инструменты оказания социальной помощи, но могут подвергаться пересмотру и трансформации некоторые фундаментальные принципы социально ориентированного государства; например, принцип универсальности в предоставлении социальных благ, обеспечивающий демократичный доступ к социальным услугам и социальным пособиям.

В период становления социального государства, которое привело к возникновению общества всеобщего благоденствия, социальные функции и круг лиц, пользующихся ими, расширялся. Т. Маршалл сформулировал сущность этого процесса следующим образом: «От политики, обращенной к бедным, к политике, направленной на всех трудящихся, а затем к политике, действующей по отношению ко всем гражданам»[1]. Но на каком-то этапе стало ясно, что этот процесс имеет свои пределы. В Швеции и Финляндии понимание этого ускорило экономический кризис начала 1990-х гг., что пошатнуло сложившуюся на Севере Европы модель государства всеобщего благосостояния.

---

[1] Marshall T.H. *Class Citizenship and Social Development.* N.Y. 1965. P. 21.

Как известно, тремя главными направлениями деятельности социального государства являются: пенсионное обеспечение, пособия по безработице; социальная поддержка тех, кто в настоящее время не может работать (больные, малоимущие, матери с младенцами, несовершеннолетние дети, инвалиды и т.д.). Кроме того, социальное государство берет на себя оказание так называемых социальных услуг: образование, детские сады, уход за престарелыми, коммунальные услуги и общественный транспорт и т.д. Рассмотрим особенности процесса реформирования социальной сферы по этим направлениям.

4.2.1. Изменения на рынке труда

Период 1974–1985 гг. ознаменовался низкой безработицей на Севере Европы, когда она находилась на уровне 2–4%, за исключением Дании (в 1983 г. — 10%) и Финляндии (в 1978 г. — 8%). Как правило, увеличение безработицы на Севере Европы происходит ритмично, в соответствии со спадами экономической активности, которые имели место в 1972–1973, 1977, 1981, 1985, 1992–1993, 1995–1997, 1999, 2001–2003 гг. (между отдельными североевропейскими странами отмечается некоторая асинхронность экономического цикла, вызываемая различиями структуры их производства и экспорта). В девяностые годы безработица в Скандинавских странах была ниже, чем в ЕС в среднем, но выше по сравнению с периодом 1970–1980 гг. Исключением является опять-таки Финляндия, где безработица резко выросла. Росту числа безработных содействует увеличение доли иммигрантов, среди которых уровень безработицы более высокий. Часть иммигрантов не может социально адаптироваться и вынуждена жить за счет детских пособий и других видов социальной помощи.

В Дании в 1998 г. был принят Акт об активной социальной политике, ставшей началом процесса пересмотра всей юридической базы, на основе которой функционирует система социального обеспечения. Закон устанавливает более тесную связь между правами и обязанностями трудящихся и нацеливает граждан на более активный поиск работы. Вводятся экономические стимулы, побуждающие к активизации поисков работы, все затруднительнее становится уклонение от предлагаемой работы, закрепляется положение о том, что безработный должен заниматься активным поиском работы не менее 30 часов в неделю, иначе пособие по безработице уменьшается или вовсе отменяется. Чтобы сократить уровень безработицы, а вместе с тем и расходы на пособия, развивают гибкие формы занятости, в некоторых случаях допускается более ранний выход на пенсию, на-

пример для лиц, с ограниченной способностью к труду, таких как пожилые работники, не достигшие еще пенсионного возраста, но с ограниченной работоспособностью из-за состояния здоровья. Государство субсидирует создание рабочих мест, которые рассчитаны на эту категорию граждан.

Другой способ уменьшения численности безработных состоит в том, чтобы направить часть безработных на повышение профессиональной подготовки или на переподготовку. Допускается также временный уход с рынка труда по семейным обстоятельствам. Такие люди переходят на получение социального пособия вместо пособия по безработице, и тогда они уже не учитываются как безработные.

Для каждого безработного разрабатывается индивидуальный план действий на срок до 3 лет. Если безработный нарушает план, то право на получение пособия по безработице утрачивается. После получения пособия по безработице в течение года безработный обязан принять любое предложение о работе или пройти профессиональную переподготовку. По прошествии 4 лет, если ни государственное, ни частное бюро по трудоустройству не смогут предоставить безработному рабочее место, то он переходит на получение социального пособия, которое предоставляется через муниципалитеты.

В Финляндии реформа рынка труда осуществляется с конца 1900-х гг. Цели реформы — такие же, как и в Дании: уменьшение безработицы, а также снижение государственных расходов на выплату пособий по безработице. Поиск работы перестал быть частным делом безработного, теперь он осуществляется при активном участии государственных бюро. Помощь оказывается также путем учреждения для безработных специальных курсов, на которых проводятся тренинги по поиску работы, оказывается содействие в составлении резюме и т.д. Те предприниматели или муниципалитеты, которые нанимают бывших безработных, получают от финского государства финансовую поддержку, применяется так называемая комбинированная субсидия, когда часть средств, предназначенных для выплаты пособий по безработице, переадресуется тем нанимателям, которые обеспечивают работой бывших безработных. Высокий уровень безработицы превратился в ахиллесову пяту финской экономики, от которой она не может избавиться на всем протяжении последнего десятилетия, с тех самых пор, как изменение общеполитического положения устранило особые экономические отношения с СССР, а сам Союз прекратил свое существование *(см. табл. 4.3)*.

Таблица 4.3

Безработица в Финляндии в 1989–2006 гг.
(% к численности занятых)

1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	2004	2005	2006
3,5	3,4	7,6	13	17,7	18,4	17,2	15,8	14,4	8,9	8,5	7,8

Источник: http: // www.europar.eu.in; Nordic Statistical Yearbook. 2007. Vol. 45. P. 144.

Особенно страдают от безработицы две категории финских граждан: молодежь до 25 лет (33% без работы) и длительно не работающие безработные (30% общего числа безработных). Финское законодательство устанавливает минимальный размер пособия по безработице в день, при этом оно не должно превышать 90% прежнего дневного заработка. Если работник увольняется по собственному желанию, то устанавливается карантин продолжительностью в 8 недель, когда пособие по безработице не выплачивается.

В Норвегии все жители охватываются Национальной системой страхования от безработицы. Пособие по безработице находится ниже уровня средней заработной платы по стране, а продолжительность его выплаты варьирует в зависимости от величины заработной платы работника и, соответственно, от величины средств, накопленных им в специальных фондах. Максимальная продолжительность получения пособия зависит от величины дохода, получаемого в период, предшествовавший безработице[1]. Так же как в других Скандинавских странах, трудоустройством безработных в Норвегии занимается Государственная служба занятости, причем безработный лишается пособия по безработице, если он откажется от той работы, которая будет ему предложена.

В Швеции трудоустройством безработных граждан занимаются государственные бюро по трудоустройству, созданные при Национальной администрации по регулированию рынка труда. Как и в других странах региона, шведские бюро располагают полномочиями по лишению безработного получаемого им пособия, если он отказывается от предлагаемой ему работы. В 1993 г. были открыты

[1] Если заработная плата была не менее 98 180 крон в год, то это дает право на получение пособия в течение 3 лет. Если зарплата была меньше этой суммы, то срок получения пособия по безработице сокращается до 1,5 лет.

частные бюро по трудоустройству. Плата за трудоустройство взимается только с работодателей. Официально в Швеции безработица находится на уровне, приближающимся к 10%, но фактически количество людей, которые не имеют своего рабочего места, выше, так как около 5% шведских безработных принимают участие в различных социальных программах для безработных, рассчитанных на повышение их шансов найти работу, которые не учитываются в качестве безработных. Пособие по безработице в Швеции установлено в размере 80% заработной платы. Новое законодательство требует, чтобы безработный искал себе новое место работы в более широком географическом диапазоне и по более широкому кругу занятий, чем это практиковалось ранее, то есть вел более активный поиск работы, не исключая необходимости смены места жительства. Через каждые 100 дней личный план поиска работы пересматривается. Отказ от работы влечет за собой санкции в виде уменьшения пособия на 25% после первого предложения работы, на 50% после второго отказа и отмену выплаты пособия после третьего отказа. Установленный максимальный размер пособия по прошествии первых 100 дней уменьшается.

Меры, применяемые в Швеции для уменьшения безработицы, подразделяются на активные и пассивные меры. К активным мерам относят услуги бюро по трудоустройству безработных, программы повышения профессиональной квалификации и приобретения опыта работы по новой специальности, субсидирование предпринимателей, соглашающихся нанять дополнительно рабочую силу из числа безработных. К пассивным мерам относят меры, направленные на активизацию поиска работы самими безработными. Для уменьшения безработицы допускается более ранний выход на пенсию, несмотря на то что это увеличивает расходы на пенсионное обеспечение.

Новое коалиционное правительство, которое пришло к власти в Швеции после выборов осенью 2006 г., приняло более жесткие правила страхования от безработицы, которые уменьшают величину выплат страхового пособия, выплачиваемого в случае утраты работы, вводит прогрессирующее снижение выплат по прошествии определенных отрезков времени (200 и 300 дней). Размеры взносов самих трудящихся в страховые кассы были повышены, а сроки работы, предоставляющие право воспользоваться пособиями по безработице, увеличены. То есть новые правила заметно более жесткие, чем те, которые были установлены раньше при социал-демократах, поэтому эти правила вызвали острую критику со стороны профсоюзов.

4.2.2. Реформа пенсионной системы

Главным обоснованием необходимости проведения пенсионных реформ является так называемое старение населения, то есть увеличение доли людей пожилого возраста, а основные изменения, к которым приводит реформирование, состоят в следующем:

— Увеличение личной ответственности граждан за собственное благополучие в старости путем осуществления страховых взносов на протяжении всей трудовой карьеры.
— Увеличение дифференциации доходов пожилых людей (то есть пенсий) в зависимости от величины отплаты их труда в допенсионный период.
— Частичный перенос финансовой ответственности за выплату пенсий с государственного пенсионного фонда на частные пенсионные фонды.
— Проведение селективной политики в отношении социальной поддержки пенсионеров (например, при выплате жилищных пособий пенсионерам), введение принципа проверок доходов граждан в целях определения наличия других источников доходов.
— Увеличение пенсионного возраста и ограничение возможностей для досрочного выхода на пенсию, которое было введено в свое время для такой категории безработных, которые длительное время не могли найти себе работу.
— Введение налогообложения на все виды доходов, включая пенсии, социальные пособия и выплаты.

Пенсионный возраст в Дании установлен на уровне 65 лет. Допускается более ранний выход на пенсию, например, для длительно безработных, но размер пенсии в этом случае устанавливается на более низком уровне. Большинство датских пенсионеров получает государственную народную пенсию. Существуют также дополнительные так называемые трудовые пенсии, о которых была достигнута договоренность в ходе переговоров между социальными партнерами, выступающими на рынке труда. Дополнительная служебная пенсия выплачивается из утвержденного законодательно пенсионного фонда, которым управляют профсоюзные организации и который формируется за счет средств работодателей и самих работников по формуле 2 : 1. Размер взносов определяется в зависимости от фонда заработной платы со-

ответствующего предприятия. Эта форма пенсионного обеспечения охватывает 2/3 работников.

Существует также частное пенсионное страхование по специальной системе пенсионных сбережений, когда дополнительная пенсия обеспечивается за счет страховых взносов. В результате реформирования датская пенсионная система была приближена к европейской, а сама пенсия может состоять из трех частей: базовая социальная пенсия по старости (так называемая народная пенсия), дополнительная отраслевая пенсия, получаемая в соответствии с коллективными договорами (договорная пенсия), и пенсия, выплачиваемая из пенсионных накоплений граждан (страховая пенсия). Примерно такая же система действует и в других североевропейских странах.

Народная пенсия в Дании финансируется за счет государственного бюджета, а дополнительная пенсия — из взносов самих трудящихся и их нанимателей, часть граждан получает доплаты к пенсии из частных фондов. В настоящее время размер пенсии датского пенсионера зависит от четырех слагаемых: продолжительности жизни в Дании, принадлежности к той или иной отрасли и профессии, размера накоплений на пенсионном счету, а также от размера добровольных пенсионных взносов. Таким образом датская пенсионная система частично утратила государственный характер.

В Финляндии было введено налогообложение пенсий, в некоторых случаях допускается более ранний выход на пенсию. Пенсии по старости организуются через систему частных страховых компаний, но обязательное пенсионное страхование строго регулируется государством в отношении уровня доходов страховых компаний, их финансовых обязательств и их финансовых вложений. Пенсионный возраст установлен в 65 лет, но принимаются активные меры по его увеличению до 67 лет. С 2000 г. осуществляется пенсионная реформа.

Если трудящегося увольняют в возрасте 55 лет или старше, то ему предоставляют пособие по безработице на протяжении более продолжительного периода, чем обычно (обычный срок — 500 дней). Оно выплачивается вплоть до достижения возраста в 60 лет, когда может быть оформлен ранний выход на пенсию, то есть до достижения нормального пенсионного возраста в 65 лет, но в этом случае пенсия устанавливается не в полном объеме.

Наемным работникам старше 56 лет предоставляется право работать не полный рабочий день и получать при этом одновременно заработную плату за отработанные часы и пенсию в частичном размере. Целью является удержать часть пожилых работников на рынке труда, так как в Финляндии приближается неблагоприятная ситуация, свя-

занная с выходом на пенсию людей, которые родились во время послевоенного демографического бума.

В Норвегии установлен самый высокий возраст выхода на пенсию в Северной Европе — 67 лет по сравнению с 65 годами в других странах региона. Планируется дальнейшее увеличение пенсионного возраста до 70 лет. Размер пенсии зависит от продолжительности трудового стажа и величины заработной платы. В большинстве случаев пенсия составляет половину прежде получаемой заработной платы, но многие предприятия осуществляют дополнительное пенсионное страхование своих работников, тогда пенсия может достигать 2/3 прежней зарплаты. Некоторые норвежцы пользуются также услугами частных пенсионных фондов. В Норвегии тоже возможен более ранний выход на пенсию — с 62 лет, но тогда пенсия назначается на более низком уровне. Полная основная пенсия выплачивается тем, кто имеет стаж не менее 40 лет. Условия получения служебной пенсии оговариваются в коллективных соглашениях.

До реформы в Швеции пенсия состояла из трех частей: государственная пенсия по старости; отраслевая пенсия, получаемая по условиям коллективного договора; дополнительная пенсия, получаемая на основе добровольного пенсионного страхования.

В свою очередь, государственная пенсия состояла из двух частей: базовая пенсия и дополнительная пенсия. Базовая пенсия устанавливалась независимо от размера заработной платы, и предоставлялась всем гражданам Швеции по достижении ими возраста в 65 лет.

Базовую пенсию получали только те граждане, у которых не было трудового стажа или он был незначительным. Остальные наряду с базовой пенсией получали дополнительную пенсию, размер которой зависел от заработной платы, и она рассчитывается по специальной формуле. Финансирование пенсионных выплат осуществлялось из трех источников: предприниматели, трудящиеся и государственный бюджет.

В настоящее время в Швеции осуществлен переход к смешанной системе пенсионного обеспечения, когда пенсии выплачиваются частично из государственных, частично из частных пенсионных фондов. Реформа осуществляется по решению риксдага, который принял соответствующий Закон в 1998 г. Новая система была введена только для тех шведских граждан, которые родились в 1954 г. или позднее. Для лиц 1938 г. рождения и старше будет по-прежнему действовать старая система, а для тех граждан, которые родились между 1954 и 1983 гг., действует смешанная система.

Новая пенсионная система позволяет уменьшить финансовое давление на государственный бюджет. Следовательно, открывается

потенциальная возможность для уменьшения налогов (согласно расчетам, если бы в Швеции была сохранена нынешняя пенсионная система, то к 2025 г. ставка подоходного налога должна была бы вырасти с нынешних 20 до 36%). При этом появляется возможность более тесно увязать размер пенсии с размером заработной платы (то есть увеличить дифференциацию доходов для пенсионеров) и увеличить личную ответственность шведских граждан за свое благополучие в старости. При этом сохраняется возможность гибкого выхода на пенсию в зависимости от возраста в диапазоне от 63 до 68 лет (ранее с 60 до 65 лет) при обычном пенсионном возрасте в 65 лет. Более продолжительная работа до выхода на пенсию не только допускается, но и финансово стимулируется.

В Швеции сохраняются весьма привлекательные условия жизни в пенсионном возрасте. Гарантированный государством размер пенсии был установлен в размере 83 709 шведских крон в год, что соответствует 954 долл. в месяц[1]. Девяносто процентов пенсионеров по возрасту получают наряду с этим дополнительную пенсию, выплачиваемую по условиям коллективного трудового договора[2]. Однако размер пенсионных выплат может быть уменьшен при условии ухудшения экономического положения в стране, так как вводится так называемый принцип тормоза.

Существенной особенностью шведской пенсионной реформы является введение новых механизмов финансирования. Пенсионные взносы граждан делятся на две части: в целях финансирования будущих пенсий отчисляется 18,5% дохода граждан, из которых 16% направляется на финансирование пенсий для нынешних пенсионеров, а 2,5% накапливается на индивидуальных пенсионных счетах в частных пенсионных фондах. Остается страховочная сетка для наименее обеспеченных слоев населения, размеры отчислений с зарплаты которых могут оказаться недостаточными для того, чтобы накопить достаточный финансовый ресурс, позволяющий выплачивать пенсию, обеспечивающую минимальный уровень дохода. Для таких людей государство устанавливает гарантированный законом минимальный размер пенсии, выплата который обеспечивается за счет государственного бюджета.

Сравнение направлений реформирования пенсионных систем во всех североевропейских странах позволяет сделать вывод о том, что

---

[1] The Swedish National Pension System. Stockholm. 2000. Ninistry of Health and Sodial Affairs.

[2] См.: The Swedish National Strategy Report on Adequate and Sustainable Pensions. 07.2005. Regeringskansliet, P. 7–8.

оно происходит на основе общих принципов. Реформа включает в себя частичное разгосударствление пенсионных систем, вводит дополнительные пенсионные схемы путем осуществления добровольных отчислений в частные пенсионные фонды, это имеет своим следствием усиление дифференциации размеров пенсий в зависимости от размера ранее получаемой заработной платы.

4.2.3. Реформа системы социальной защиты

Основные направления реформирования системы социальной защиты в североевропейских странах состоят в следующем.

Соотнесение возможности получения социальных пособий отдельными гражданами с доходами, которыми располагает данная семья, то есть происходит частичный отход от принципа универсальности в предоставлении социальной поддержки.

Развитие наряду с государственными и муниципальными услугами, которые частично предоставляется бесплатно или на льготной основе, предоставления услуг социального характера частными предприятиями, то есть развивается частный рынок социальных услуг. Это — принципиально новый элемент социального государства на Севере Европы. Данное явление распространяется на здравоохранение, образование, дошкольные учреждения, коммунальные услуги, общественный транспорт и т.д. Ранее эти социальные услуги полностью или по большей части являлись функцией центрального или местных правительств. Изменяется порядок индексирования социальных выплат разного характера таким образом, что они уже не компенсируют рост цен так эффективно, как раньше, однако сам принцип индексации сохраняется.

В Дании, например, пересмотр условий предоставления многих видов социальной поддержки был проведен еще в 1975–1979 гг. Пособия на детей стали носить менее универсальный характер, так как их стали предоставлять только после проверки уровня финансовой обеспеченности семьи. Введена проверка уровня доходов для получателей пенсий и выплат по инвалидности, для лиц старше 70 лет, а также для получателей детских пособий, сокращены субсидии на лекарства, были заморожены все виды социальных пособий, кроме пенсий. Те, кто по тем или иным причинам остался без средств к существованию и при этом не может в настоящее время приступить к работе, имеет право на получение социальной помощи. Но на иностранцев данное право распространялось только при том условии, если они проживали в Дании не менее 7 лет. Однако с 2002 г. была

введена так называемая стартовая помощь для иностранцев, ранее не имевших права обращаться за социальным пособием, хотя ее размер ниже, чем для датских граждан.

В отличие от других Скандинавских стран, в которых условия социальной поддержки усложняются, в Норвегии она продолжает развиваться и расширяться. Например, в Норвегии введена полная компенсация дохода, утраченного из-за болезни с первого дня заболевания. Социальное обеспечение по-прежнему носит универсальный характер, и он распространяется не только на граждан, но и на всех постоянных жителей, а право на социальную помощь имеют все жители в случае болезни, старости или безработицы. Законодательную базу составляют два закона: Закон о национальном страховании, который вводит государственную ответственность за социальное обеспечение всех граждан страны за счет специальных страховых отчислений и Закон о социальной защите, который устанавливает ответственность местных органов власти в оказании социальной поддержки населению. В соответствии с этими законами и здравоохранение, и социальная поддержка в трудных случаях жизни финансируются за счет государственных средств через общенациональную систему отчислений, взимаемых со всех видов заработной платы в форме так называемых социальных страховых налогов. Безработные, неработающие супруги, студенты, которые не делают никаких отчислений на эти цели, так как они не получают заработной платы, тем не менее обладают правом на получение социальных пособий в необходимых случаях. Медицинские услуги предоставляются по потребностям вне зависимости от уровня доходов, а расходы, сверх установленного предела, оплачиваются за счет муниципалитетов. Муниципальные бюро по обеспечению благосостояния помогают решать проблемы, возникающие у граждан с жильем, предоставляют финансовую помощь в трудных случаях жизни, оказывают практическое содействие нуждающимся.

Те женщины, чей трудовой стаж составляет не менее 10 месяцев, обладают правом на получение оплачиваемого отпуска по случаю рождения ребенка, который предоставляется на протяжении 42 недель с полным сохранением заработной платы или на более продолжительный срок при условии выплаты пособия в размере 78% заработной платы. Женщины, которые не имеют права на получение оплачиваемого отпуска по рождению ребенка, получают единовременное пособие. Норвегия является единственной в мире страной, в которой установлен институт специального омбудсмена, который наблюдает за тем, чтобы не нарушались права детей. Муниципалитеты имеют

право вмешиваться в жизнь семьи, если дети содержатся в ненадлежащих условиях.

В Швеции быстрый экономический рост на протяжении 1970–1980-х гг., когда темпы прироста были высокими, а безработица — низкой (менее 2%), позволил сформироваться одной из самых щедрых и универсальных систем социального обеспечения в мире. Например, детские пособия выплачиваются независимо от уровня благосостояния их родителей. Пик роста социальных расходов был достигнут в 1982 г., когда государственный бюджет достиг 67% ВВП, но уже к 1988 г. эта доля сократилась до 60% (в настоящее время она составляет 61% — см. табл. 2.1). Кризис 1990–1993 гг. положил начало проведению реформы социального обеспечения, которая продолжается по настоящее время. Функции социального обеспечения в Швеции в значительной мере выполняют местные органы власти, что имеет длительную традицию, местные бюджеты, включая социальные расходы, в значительной степени формируются за счет местных налогов.

Несмотря на ужесточение всех социальных гарантий, они остаются в Швеции достаточно прочными и привлекательными. Например, шведские трудящиеся располагают правом отсутствовать на работе на протяжении 60 дней, если близкий родственник серьезно заболел. Отпуск предоставляется на срок не менее 25 рабочих дней.

Подводя итоги рассмотрения процессов реформирования социальной сферы в отдельных странах Северной Европы можно выделить основные принципы ее осуществления, тенденции, которые выявляются в процессе их реализации, а именно:

— Происходит относительное сокращение государственной ответственности за социальное благополучие граждан и увеличение их личной ответственности путем участия в частных страховых фондах.
— Усиливается социальная дифференциация граждан из-за того, что социальные выплаты ставятся в зависимость от размеров заработной платы трудящихся.
— Возрастает гибкость рынка труда на основе изменения механизмов его регулирования (стимулирование более активного поиска работы, более жесткая политика при назначении пособия по безработице, лишение пособия в случае отказа от предлагаемой работы и т.д.) и перехода к применению так называемых активных мер на рынке труда.
— В целях увеличения занятости стали шире применять нетрадиционные методы борьбы с безработицей (усиление программ переобучения и повышения квалификации; временный уход

с рынка труда по семейным обстоятельствам или для продолжения образования).

— В целях уменьшения нагрузки социальных расходов на государственный бюджет и роста занятости имеет место стремление повысить пенсионный возраст, ограничиваются возможности для раннего выхода на пенсию, и, напротив, стимулируется более поздний выход на пенсию.

— Происходит отход от принципа универсальности в предоставлении социальных услуг и более широко применение получает принцип селективности, вводятся различные условия и проверка доходов при предоставлении социальной помощи.

4.3. Развитие отношений на рынке труда в странах Северной Европы в условиях глобализации

Политическая устойчивость, экономическое и социальное благополучие в странах Северной Европы во многом достигаются благодаря такому инструменту, как социальный диалог, целью которого является установление социального консенсуса с помощью трехстороннего партнерства. Эта система взаимоотношений, позволяющая регулировать мирным путем отношения на рынке труда, стоимость рабочей силы и избегать острых классовых битв в форме забастовок, сложилась как один из элементов социального государства. Достижение социального баланса обусловлено высокой степенью юнионизации трудящихся Северной Европы (профсоюзы объединяют около 80% рабочей силы) и высокой организованностью рабочего движения (коллективными договорами охвачено около 90% трудящихся). Эта система регулируется частично законодательным путем, частично осуществляется на основе традиций без четко установленной законодательной базы. Практически она реализуется в ходе проведения переговоров между предпринимательскими и профсоюзными организациями о заключении коллективных договоров, в которых устанавливается минимальный размер оплаты труда, другие условия труда (безопасность на рабочих местах, отпуска, условия увольнения и т.д.), другие вопросы отношений между трудом и капиталом.

Отличием североевропейской модели социального партнерства, складывающегося в ходе социального диалога, в первые послевоенные десятилетия было установление централизованной системы проведения коллективных переговоров, которая позволяет вывести эту проблему на политический уровень. Это усиливало позиции профсоюзов

в переговорах, позволяя им использовать силу государства для защиты своих интересов и достижения социального баланса. Особенно эффективной была такая поддержка для североевропейских профсоюзов потому, что они тесно сотрудничают с социал-демократами, которые длительное время находились или продолжают находиться у власти.

Длительный период времени отношения между трудом и капиталом в североевропейских странах развивались в условиях доминирования позиций профсоюзов. Это, вкупе с сильными политическими позициями социал-демократии, способствовало утверждению в регионе социально ориентированной модели экономического развития. Эта модель, с одной стороны, делает возможным более или менее равномерное распределение доходов между разными слоями и группами общества, включая прибыли от экспорта наукоемкой продукции (получая которую эти страны реализуют свою технологическую монополию на мировом рынке). С другой стороны, это позволяет избегать разорительных забастовок, которые осложняют реализацию выгодной специализации на мировом рынке, основанной на технологической монополии и высокой международной конкурентоспособности.

Экспортная специализация на производстве наукоемкой продукции содействовала росту жизненных стандартов всего населения североевропейских стран при относительной социальной однородности, что сопровождалось возрастанием политического влияния североевропейских профсоюзов, а также превращением их в значительный финансовый фактор, так как они управляют различными фондами (прежде всего, страховыми кассами и др.). Дифференциация доходов в североевропейских странах отличается более низким уровнем по сравнению с другими промышленно развитыми странами, что связано с более низкой дифференциацией заработной платы, которая фиксируется в тарифных соглашениях (так называемый принцип солидарности), а также с системой социальной поддержки наиболее уязвимых групп населения[1].

Социальные завоевания североевропейских трудящихся напрямую связаны с действующей в этих странах системой социального диалога, в ходе которого устанавливается динамическое равновесие между сторонами, участвующими в социальном диалоге. Сложившаяся система коллективных переговоров ведет к регулярному перезаключению коллективных договоров между предпринимателями и

---

[1] Следствием является низкая доля бедных: 9–11% населения в странах Скандинавии против 19% в Италии и Испании и 21–24% в Ирландии, Греции и Португалии. См.: The Community Economic and Social Area Report, 2000. P. 32.

наемными работниками на взаимно согласованных условиях. Таким образом они заключают между собой социальный контракт. Эта система социальных отношений на рынке труда, в этих странах имеет во многом общие характеристики. Рассмотрим ее на примере Швеции, так как здесь эта система была установлена раньше, чем в других странах Европы. Точкой отсчета может служить так называемый декабрьский компромисс 1906 г., который означал взаимное признание прав со стороны шведских профсоюзов и со стороны объединения шведских предпринимателей. Следующим важным событием, содействующим становлению шведской системы социального партнерства, явилось знаменитое Сальтшёбаденское мирное соглашение 1938 г., которое, по сути, означало заключение мирного договора между Конфедерацией шведских профсоюзов (LO) и Объединением шведских предпринимателей (SAF). Таким образом, в области социального диалога и социального партнерства Швеция является первопроходцем и основоположником.

Благодаря длительному периоду усиления позиций профсоюзов, был принят ряд законов, инициированных профсоюзами и эффективно защищающих интересы трудящихся. Особенно важные законы были приняты в период 1940-х гг. Они касались здравоохранения, обеспечения безопасности труда, профессионального образования, рабочих советов. В 1970-х гг. была принята еще одна серия законов, наиболее важными из которых для профсоюзов являются три закона, которые в условиях проведения неолиберальной политики вызывают растущее неудовольствие у шведских работодателей.

— Закон о гарантированной занятости, который требует наличия объективной причины для увольнения рабочего или служащего и предварительного уведомления о предстоящем увольнении[1].
— Закон о рабочих представителях, который дает им право выполнять свои функции по защите интересов трудящихся в рабочее время.
— Закон об участии профсоюзных представителей в управлении производством. Этот закон ввел два института, эффективно защищающих интересы трудящихся. Первый из них — это рабочие представители, делегируемые трудовым коллективом для осуществления надзора за состоянием техники безопасности на

[1] Срок уведомления при увольнении для лиц моложе 25 лет составляет один месяц, он постепенно увеличивается для лиц старшего возраста, достигая 12 месяцев для людей старше 55 лет.

производстве, которые обладают правом запрета вредных или опасных работ. Второй институт — это создание ряда центров профилактики и лечения профессиональных заболеваний и реабилитации.

Влияние шведских профсоюзов, которое привело к выработке всеобъемлющего и льготного для трудящихся законодательства, основывалось на прочном политическом союзе с Социал-демократической рабочей партией Швеции (СДРПШ), которая находилась у власти большую часть XX в., начиная с 1932 г. (за исключением 1976–1982 и 1986–1994 гг.). Этот альянс позволил увеличить и финансовую мощь шведских профсоюзов — они сконцентрировали под своим управлением в страховых кассах и в так называемых конфликтных фондах довольно значительные суммы.

В ходе кризиса и реформы 1991–1993 гг. соотношение сил между профсоюзами и предпринимателями стало изменяться. Недаром в Швеции пользуется признанием концепция кризисного управления, которое позволяет многого добиться в конфликтной ситуации — через конфликт в условиях кризиса удается получить то, что ранее считалось немыслимым. В частности, были сокращены расходы на социальные программы при одновременном понижении корпоративных налогов, налогов на богатство[1], была предпринята попытка вывести из-под профсоюзного управления страховые кассы, которым было предъявлено обвинение в неэффективном управлении, однако профсоюзам удалось отбить эти атаки и сохранить контроль за собой.

Своей вершины влияние профсоюзов в Швеции достигло в 1983 г., когда через риксдаг был проведен Закон о создании «Инвестиционных фондов трудящихся». В соответствии с этим актом, инициированным социал-демократическим правительством Улофа Пальме и проведенном при поддержке шведских коммунистов, было создано пять региональных инвестиционных фондов, в которые отчислялись средства от прибылей предприятий (была введена схема обязательного участия инвестиционных фондов в прибылях частных компаний), а на собранные средства предполагалось покупать акции частных компаний. В правлении этих фондов из общего числа в девять человек, пять мест отводилось профсоюзам, то есть реально контроль отдавался в руки профсоюзных организаций. Деньги в эти фонды отчисляли в течение семи лет: с 1984 по 1990 г.

---

[1] Отменены правительством Ф. Райнфельдта.

Сама идея создания инвестиционных фондов трудящихся лежит в русле деятельности, направленной на усиление заинтересованности работников в эффективной деятельности предприятий, которая в англоязычной литературе называется программа PEPPER[1].

История «инвестиционных фондов трудящихся» в Швеции развивалась следующим образом. Предложение об их создании было поддержано Конгрессом шведских профсоюзов в 1976 г., а идея была высказана еще в начале 1970-х гг. видным профсоюзным деятелем Швеции Р. Мейднером. Реализация этой программы в Швеции в полном объеме означала бы создание мирным путем так называемого фондового социализма, образующегося путем распространения тех элементов социализма, которые уже получили применение при распределении общественного продукта в Швеции, на систему общественного производства. В 1991 г. решение о создании «Инвестиционных фондов трудящихся» было отменено. Сначала риксдаг по предложению консервативного правительства Карла Бильдта принял решение о роспуске правления пяти инвестиционных фондов, а затем в 1992 г. — об использовании средств, которые к этому времени накопились на их счетах, на проведение НИОКР и поддержку малых и средних инновационных предприятий. Таким образом шведские предприниматели отразили попытку усиления «социализации» шведской экономики путем постановки производства под контроль профсоюзов, идею Мейднера реализовать не удалось.

Начиная с кризиса 1991–1993 гг., соотношение сил между партнерами по социальному диалогу в Швеции стало меняться не в пользу профсоюзов. В частности, это привело к изменению всей системы проведения коллективных договоров о заключении тарифных соглашений. Раньше такие переговоры проводились на трех уровнях (национальном, отраслевом и низовом); теперь шведские работодатели отказались вступать в переговоры на уровне конфедераций. Это ослабляет позиции профсоюзов, так как теперь они не могут использовать в своих интересах поддержку социал-демократических правительств.

Шведская система заключения коллективных договоров была установлена в условиях, когда шведские профсоюзы были достаточно сильны и хорошо организованы, чтобы заключить с предпринимателями коллективный договор на приемлемых условиях даже без вмешательства правительства. В этих условиях коллективный договор заключался сначала на национальном уровне, а главной целью

---

[1] PEPPER — Promotion of Employee Participation in Profits and Enterprises Results — усиление участия трудящихся в прибылях и результатах деятельности предприятий.

являлось обеспечение классового мира, так как в условиях отсутствия коллективного договора разрешаются различные виды действий трудящихся вплоть до забастовок. И наоборот, во время действия коллективных договоров, все забастовки считаются незаконными. Государство было обязано вмешаться в переговоры о заключении коллективного соглашения только в том случае, если не удается заключить соглашения в течение 14 дней переговоров между социальными партнерами. Коллективные договоры носят рамочный характер. Компаниям и профсоюзам не разрешалось заключать договоры на худших условиях, чем те, которые зафиксированы в национальном коллективном договоре. На таких условиях происходили переговоры об установлении заработной платы в период с 1950-х по начало 1980-х гг. Эта процедура встречала все более резкое противодействие со стороны предпринимателей, которые жаловались, что такой порядок не позволяет дифференцировать условия договора в зависимости от конкретных условий отрасли. В 1983 г. шведская ассоциация предпринимателей в области машиностроения заключила сепаратный коллективный договор с профсоюзом машиностроительных рабочих. При этом не были учтены рекомендации, выработанные на национальном уровне. Поэтому в 1990 г. Конфедерация шведских предпринимателей отказалась от участия в переговорах о заключении коллективных договоров на национальном уровне, таким образом, перенесла их с политического на экономический уровень. С 1997 г. в Швеции не проводится ни консультаций, ни переговоров о заключении коллективных договоров на национальном уровне. Так сложилась новая система проведения переговоров о заключении коллективных договоров.

Похожие тенденции проявились в Дании. Датская конфедерация профсоюзов (LO) и Датская конфедерация предпринимателей (DA) с конца 1980-х гг. отказались от практики заключения коллективных соглашений по всем вопросам регулирования рынка труда на национальном уровне. Большинство таких вопросов, включая установление заработной платы по разным специальностям в различных отраслях, решается теперь на микроуровне, в то время как на общенациональном уровне остались только проблемы более общего характера, такие как определение минимума заработной платы, право на проведение забастовок, продолжительность отпуска, условия труда и пенсионного обеспечения. Датские профсоюзы добились права на 6-недельный отпуск, начиная с 2002 г. В свою очередь датские бизнесмены завоевали право более гибко варьировать продолжительность занятости. Растет доля трудящихся, занятых на производстве неполную рабочую неде-

лю. Применение новых методов борьбы с безработицей, таких как неполная занятость, позволяет предпринимателям добиваться снижения средней заработной платы, так как при этом не возникает необходимости выплачивать сверхурочные. Спорные вопросы, возникающие при реализации на практике коллективных соглашений, разрешаются в так называемом Индустриальном суде, состав которого формируется из представителей профсоюзов и бизнеса по формуле 50 : 50.

В отличие от Швеции и Дании, в Финляндии пока сохраняется централизованная система проведения переговоров о заключении коллективных соглашений по заработной плате и другим условиям труда. Например, централизованное соглашение по доходам было заключено между представителями центральных профсоюзных организаций и работодателей Финляндии осенью 2002 г. сроком на ближайшие два года. Стороны договорились о повышении заработной платы в 2003 г. на 2,9%, а в 2004 г. — на 2,2%. Правительство поддержало достигнутые договоренности, предложив меры по снижению налогов, поддержке занятости и инвестиций, помощи в строительстве и ремонте жилья. В Финляндии тоже усиливается критика со стороны работодателей и банкиров солидарной политики доходов, которая является результатом централизованной системы заключения коллективных договоров, которая, обеспечивая одинаковое повышение зарплат для разных отраслей (то есть вне зависимости от реального роста производительности труда), уменьшает дифференциацию оплаты труда. Финляндия парадоксальным образом продолжает лидировать в ЕС и по темпам экономического роста, и по безработице. Таким образом, в Финляндии готовится почва для изменений на рынке труда в том же направлении, что и в других странах Северной Европы.

В Норвегии трехстороннее сотрудничество имеет длительные традиции, в отличие от других Скандинавских стран, в которых социальное партнерство осуществляется, как правило, без прямого вмешательства правительства. Коллективные переговоры осуществляются при участии так называемого Контактного комитета, в котором сотрудничают представители правительства, предпринимателей и профсоюзов. Этот орган играет главную роль в выработке норвежской политики доходов. Социальный диалог в Норвегии осуществляется на общенациональном и отраслевом уровне.

Если все Скандинавские страны присоединятся к Экономическому и валютному союзу (ЭВС) и единой европейской валюте, то это кардинально изменит социальную и экономическую обстановку. Во-первых, это усилило бы позиции предпринимателей при проведении переговоров о заключении коллективных договоров, содействова-

ло бы унификации налогов в североевропейских странах по среднему для ЕС уровню. Во-вторых, это будет содействовать глобализации их экономики (см. раздел 4.4). В-третьих, национальные правительства тех стран, которые вступают в ЭВС, лишаются таких инструментов повышения конкурентоспособности, как абсолютно самостоятельная валютная, налоговая и бюджетная политика. ЕС влияет на всю систему сложившихся в отдельных странах политических и социально-экономических механизмов, включая такие, как система социального партнерства и социальный диалог. Эта система взаимоотношений не во всем переведена на язык законодательных актов и во многом осуществляется на основе традиций, что позволяет легко ее дезавуировать при изменении социально-экономической ситуации. Североевропейская система социального партнерства, первоначально сложившаяся как централизованная, в преддверии присоединения к ЭВС и евро стала эволюционировать в направлении децентрализованной. Профсоюзы, пользуясь поддержкой сильных социал-демократических партий, которые традиционно обладают политическим влиянием, проводили принцип солидарной заработной платы, что приводило к низкой дифференциации оплаты труда, который является негативной чертой с точки зрения предпринимателей, но зато он соответствует системе ценностей социально ориентированного общества.

Таким образом, хотя система социального диалога позволяет мирно решать спорные вопросы, однако она не отрицает самой возможности возникновения весьма острых конфликтов, хотя по большей части в североевропейских странах их удается улаживать мирными средствами. Например, в Швеции на протяжении 1990-х гг. имело место три весьма острых социальных конфликта. Один из них решился в пользу профсоюзов, другой — в пользу предпринимателей, и еще один не получил своего окончательного решения. Имеются в виду история создания и ликвидации «Инвестиционных фондов трудящихся», попытка отобрать у профсоюзов контроль над страховыми кассами, а также столкновение интересов трудящихся и предпринимателей в связи с перспективой возможного вступления Швеции в ЭВС и зону евро. Последний вопрос имеет значение не только для Швеции, но и для Дании. Оба этих скандинавских королевства медлят со своим присоединением к еврозоне по одним и тем же мотивам, а именно: такое присоединение представляло бы серьезную угрозу для сложившейся в этих странах системы социальной защиты населения, которая отличается полнотой охвата и универсальностью.

Для того чтобы выработать свою позицию по ЭВС и евро, шведский парламент поручил коллективу ученых из Стокгольмского уни-

верситета подготовить научный доклад со всесторонней оценкой этого шага и его возможных последствий. Такой доклад был подготовлен коллективом авторов под руководством Ларса Калмфорса — профессора Стокгольмского университета и вышел в свет в 1997 г. В докладе содержится признание того факта, что экономических аргументов за вступление в еврозону не существует. Что касается политических аргументов, то они сводятся к призрачной для малых стран возможности оказывать влияние на политику ЕС. Исходя из этого шведский риксдаг принял в 1997 г. решение остаться вне Европейского валютного союза, создаваемого на базе евро. После убедительной победы СДРПШ на очередных выборах новое правительство наметило на осень 2003 г. провести всенародный референдум по этому вопросу. Предварительная оценка расстановки политических сил в Швеции не давала однозначного ответа, куда склоняется общественное мнение, так как есть силы, которые выступают против, и есть также сторонники присоединения к ЭВС.

В итоге, возможность присоединения своих стран к третьему этапу ЭВС и евро отвергли и Дания, и Швеция с небольшим перевесом голосов противников евро. В Дании референдум по евро состоялся в сентябре 2000 г. 53% датчан проголосовало против отказа от датской кроны в пользу евро. (Явка избирателей составила 90%.)

В Швеции референдум был проведен в сентябре 2003 г. Против евро выступило 56% шведских избирателей (явка — 80%). Основными причинами того, что жители двух Скандинавских стран отвергли валютный союз ЕС и евро, явилось опасение демонтажа сложившейся системы социального обеспечения и самого государства всеобщего благосостояния, а также протест против усиления притока иммигрантов, связанный с интеграцией рынков труда внутри ЕС и свободой перемещения граждан.

Укреплению позиций работодателей в странах Севера Европы в современной ситуации способствуют следующие факторы:

— усиление интернационализации шведской экономики, которое ведет к укреплению позиций транснациональных компаний (ТНК);
— усиление конкуренции на мировых рынках в связи с экспортной экспансией со стороны новых индустриальных стран, что часто используется как аргумент в переговорах для снижения заработной платы и сокращения социальных программ;
— ускорение европейской интеграции, прежде всего в связи с созданием ЭВС и институциональной реформой в ЕС. Это после-

довательно ведет к постепенной унификации социально-экономических моделей всех стран — участниц ЕС, причем ЭВС и переход к единой валюте евро является поворотным пунктом, после которого такой процесс становится необратимым, так как национальные правительства утрачивают часть своих полномочий и передают их на интеграционный уровень.

Все это дает предпринимателям на руки сильные козыри, которые позволяют ужесточать условия на рынке труда при заключении коллективных договоров с представителями профсоюзов. Скандинавские страны и Финляндия длительное время относились к группе таких стран, которые активно вывозят капитал, но почти не допускают проникновения иностранного капитала внутрь экономики. Теперь положение стало меняться. В Швеции и других североевропейских странах заметно выросло число филиалов иностранных ТНК. В настоящее время более 14% трудящихся Швеции работает на предприятиях, которые принадлежат иностранцам[1]. Иностранными вкладчиками капитала являются, как правило, крупные компании класса ТНК. Это непосредственно затрагивает интересы трудящихся, так как ослабляет позиции профсоюзов, в том числе в ходе социального диалога, так как транснациональные компании не придерживаются тех договоренностей, которые достигаются в ходе коллективных переговоров между социальными партнерами, что ведет к двойственности на рынке труда и подрывает принцип солидарности. Предприятия, принадлежащие европейским странам — партнерам по ЕС, ориентируются на Директиву ЕС «О европейском предприятии».

Вступление Швеции и Дании в еврозону закрепило бы новое соотношение сил между профсоюзами и предпринимателями, отличное от ситуации 1960–1970-х гг., когда профсоюзы добились принятия ряда важных законов, эффективно защищающих интересы трудящихся. Глобализация ведет к усилению конкуренции между тремя центрами мировой экономики (показателем служит повышение безработицы в Западной Европе в 1990-е гг.), к усилению натиска новых индустриальных стран, а также к углублению экономической интеграции в рамках ЕС. Все это содействует трансформации сложившейся в Скандинавских странах модели социально-экономического развития, включая систему социального диалога. В Швеции первый удар по позициям профсоюзов был нанесен во время кризиса начала 1990-х гг., но тогда модель устояла. Ныне угроза состоит даже не в том, что произойдет

[1] World Investment Report. 2007. UNCTAD. P. 10.

так называемая португализация Скандинавских стран, на самом деле вопрос стоит более остро. Дальнейшая конвергенция национальных моделей, неизбежная в условиях ЭВС, будет сопровождаться социальным демпингом в масштабах всего Европейского союза (в том числе эти процессы коснутся ныне относительно благополучных стран североевропейского региона) в результате притока рабочей силы из стран-новичков в Центральной и Восточной Европе.

Таким образом, Скандинавские страны и Финляндия вступили в такой период, когда условия достижения социального баланса будут определяться при все возрастающем влиянии внешних факторов, что усложняет положение профсоюзов и трудящихся. Это уже привело к заметному изменению всей социально-политической ситуации во всех странах Северной Европы, выразилось в ослаблении влияния традиционных партий социал-демократической ориентации и Центра, усилении правого и левого радикализма, проявлениях антиинтеграционных и антиглобалистских настроений, формировании новых политических партий и движений.

До сих пор все спорные вопросы и социальные конфликты в странах североевропейского региона удавалось решать на основе социального и политического баланса и культуры политического компромисса, который имеет длительную традицию в этих государствах. Но сейчас позиции профсоюзов стали ослабляться под влиянием, прежде всего, внешних обстоятельств. В этих условиях социальный диалог из средства достижения политического и социального баланса может превратиться в средство давления более сильной стороны на более слабую, и таким образом стать средством камуфлирования нарушения паритета сил.

Образование в ЕС единого социального пространства несет для Скандинавских стран перспективу ухудшения социальных стандартов, сокращения числа экономических инструментов, позволяющих решать внутренние экономические и социальные вопросы. Например, кризис 1991–1993 гг. в Швеции во многом был разрешен благодаря переходу шведской кроны на режим свободного плавания, который сделал возможным обесценение кроны и увеличение шведского экспорта. Экономический кризис в Дании в середине 1990-х гг. был преодолен с помощью налоговой реформы, введения так называемых зеленых налогов. Присоединение к евро приведет к тому, что экономические затруднения внутри стран (например, задача повышения конкурентоспособности датских и шведских товаров) будет невозможно решать за счет изменения валютного курса, то есть девальвации или налоговых методов, так как такие страны,

которые входят в зону евро, должны проводить единую валютную и налоговую политику. Это значит, что временные экономические затруднения придется решать с помощью других методов. Например, путем ускорения инновационного развития на основе внедрения достижений НТП (что уже происходит, но это — капиталоемкий, трудный и относительно медленный путь повышения конкурентоспособности), за счет снижения социальных затрат, а также путем усиления территориальной и социальной мобильности рабочей силы в масштабах всего Европейского союза. До сих пор это было затруднено из-за внутренних социальных и политических факторов. Сейчас для этого возникают благоприятные условия, благодаря интенсификации интеграции в связи с ЭВС, институциональной реформе и вступлению в ЕС ряда бывших участниц СЭВа, которые имеют более низкие жизненные стандарты, чем скандинавские страны и ныне догнавшая их Финляндия.

Именно в этой связи Швеция и Финляндия взяли курс на заметное усиление инновационной ориентации своей экономики, в результате чего эти две страны вышли в мировые лидеры по степени финансирования сферы НИОКР.

Таким образом, перспектива заката скандинавского варианта государства всеобщего благоденствия в его ныне существующих формах становится весьма реальной, ведь социальный баланс — это такое же временное явление, как вертикальное положение маятника. Даже не само присоединение к единой валюте евро, а только его потенциальная возможность изменила характер социального диалога и соотношение сил между трудом и капиталом, позволив предпринимательским организациям отказаться от ранее успешно функционировавшей системы проведения коллективных переговоров, включающей переговоры на общенациональном уровне.

Следствием присоединения Скандинавских государств к ЭВС на основе единой валюты (евро) будет не только уменьшение национальной компетенции в области валютной, налоговой, бюджетной и социальной политики, но и ускорение их включения в единое социальное пространство, ныне активно формируемое внутри ЕС. Ведь пока Дания и Швеция взвешивают все «за» и «против» присоединения к евро, ранее принятые их правительствами решения уже поместили народы этих стран в единое социальное пространство ЕС. И Швеция, и Дания, и тем более Финляндия уже являются частью европейского социального пространства, и они участвуют в социальном диалоге на уровне ЕС. Дания, например, задействована в пилотном проекте КОМЕС (Европейский союз на уровне коммун), в котором участвуют профсоюзы и

работодатели коммунального уровня пяти стран ЕС: Дании, Германии, Великобритании, Италии и Франции. В рамках этого проекта вырабатываются условия проведения переговоров об установлении заработной платы для персонала средних школ, муниципальных поликлиник и местных органов государственного управления.

Оставаясь вне ЕС, Норвегия участвует в организации и проведении социального диалога на уровне ЕС. Норвежские профсоюзные и предпринимательские организации входят в Европейскую конфедерацию профсоюзов (ETUC), Европейскую конфедерацию промышленников и предпринимателей (UNICE) и Европейское объединение государственных предприятий, на которые в ЕС возложена ответственность за организацию социального диалога на интеграционном уровне. ЕС вступил на путь постепенного формирования Единого социального пространства после заключения Амстердамского договора (см. статью 2 Договора), в том числе организуется проведение социального диалога на уровне ЕС. В 1998 г. Комиссия ЕС выпустила документ «Адаптация и продвижение социального диалога на уровень ЕС». Маастрихтский договор вместе с Соглашением по социальной политике расширил ответственность партнеров по социальному диалогу. Амстердамский договор положил начало социальному измерению европейской интеграции. В июле 1999 г. Комиссия ЕС выпустила Сообщение о выработке стратегии ЕС в области модернизации системы социальной защиты. Уже заключено три рамочных соглашения между социальными партнерами на уровне ЕС: об отпусках для родителей от 14 декабря 1995 г.; о работе на неполный рабочий день от 15 декабря 1997 г. и о контрактах на срок от 17 марта 1999 г. В 1998 г. Комиссия ЕС приняла решение начать отраслевые переговоры между социальными партнерами на уровне Союза, в соответствии с которым было создано более 20 комитетов по социальному диалогу в области транспорта, телекоммуникаций, сельского хозяйства и т.д.

Поле для сохранения национальных особенностей в организации социального диалога между всеми странами — членами ЕС, включая североевропейские, все более сужается. Трехстороннее сотрудничество во все большей мере будет осуществляться по единым правилам и на основе гармонизированных процедур. Маастрихтский и Амстердамский договоры, создавшие юридическую базу для социальной политики ЕС (а также Лиссабонская стратегия, которая определила довольно жесткие рамки для социальной политики), образуют собой последовательные фазы реализации курса ЕС на создание единого социального пространства. Этот курс в наибольшей мере затрагивает

интересы тех стран — участниц ЕС, которые сильнее отличаются по социальным стандартам от среднего уровня, особенно это касается североевропейских государств.

4.4. Североевропейская модель в контексте ЕС

Среди западноевропейских стран можно выделить три типа моделей.

— Корпоративная модель, которая ориентирована на отдельные предприятия и индивидуальный вклад его работников в обеспечение своего благосостояния, например, такая модель существует в ФРГ или Франции.
— Либеральная модель, которой придерживается Великобритания, а вне Европы Канада и США.
— Социал-демократическая модель, по которой развивается социально ориентированное государство в пяти странах Северной Европы.

Некоторые варианты социально ориентированного государства отличаются тем, что местный уровень власти играет активную роль в выполнении социальных функций. В первую очередь сильное местное самоуправление, в том числе в области оказания социальной защиты, характерно для Германии, Нидерландов и стран Северной Европы. В этих государствах оно основано на длительной исторической традиции.

Если представить типы социального государства в наиболее общем виде, как две тенденции или два направления развития, то все многообразие их видов можно свести к двум разновидностям: германской и британской модели, так как скандинавскую или североевропейскую модель можно представить как наиболее развитый вариант германской модели.

Североевропейский тип социально ориентированного развития отличают следующие особенности.

— Щедрая и универсальная система социальной поддержки населения, оказываемая во всех трудных случаях жизни (болезнь, инвалидность, старость, потеря работы, необходимость ухода за нетрудоспособными членами семьи и т.п.).
— Частичное перераспределение с помощью налогов доходов, которые члены общества получают в соответствии с действием

рыночных законов таким образом, чтобы устранить чрезмерно резкие различия в уровнях благосостояния и создать более эгалитарное общество по сравнению с тем, которое диктует «свободная игра рыночных сил». Те слои или группы общества, которые располагают самыми низкими доходами, получают некую страховочную сетку, которая не позволяет им опуститься в буквальном смысле слова на «дно общества». Разумеется, выравнивание доходов носит относительный характер.

— Курс социальной политики имеет целью не только относительное выравнивание доходов, но и относительное равенство жизненных возможностей и карьерных шансов для молодежи независимо от уровня жизни их родителей. Это обеспечивается благодаря бесплатному образованию всех уровней (включая высшее), качественному и доступному медицинскому обслуживанию, оказанию поддержки семьям с детьми путем выплаты детских пособий, а также выплате в необходимых случаях жилищных пособий и компенсаций расходов на наем жилья малообеспеченным гражданам и т.д. Таким образом, дети из менее обеспеченных семей получают возможность достичь высокого положения в обществе и раскрыть свои способности, использовать их на благо общества.

Предполагается, что есть некоторый базовый набор социальных услуг, которые общество обязано предоставлять на демократической основе всем членам. В значительной мере такие услуги предоставляются предприятиями и учреждениями, которые находятся в государственной или муниципальной собственности и предоставляются на бесплатной или льготной основе. Таким образом существование государственных предприятий является частью социальной политики социального государства.

Один из исходных принципов состоит в том, что предприниматели несут не только коммерческую и юридическую, но и социальную ответственность. На практике этот принцип приводит к тому, что предпринимательский сектор участвует в финансировании социальных расходов наряду с государством и самими трудящимися.

Развитое гражданское общество позволяет передать некоторые важные сферы социально-экономической политики в руки его гражданских институтов при возможном вмешательстве государственных органов в случае затруднений в достижении необходимого компромисса (механизм проведения переговоров о заключении коллективных договоров, сильное профсоюзное и кооперативное движение,

общества по защите прав потребителей, институт омбудсмена и т.д.). Профсоюзы и другие общественные организации имеют возможность принимать участие в организации политической и государственной жизни и оказывать влияние на управление государством.

В социально ориентированном государстве существуют специальные институты, которые обеспечивают поддержание социально благополучной обстановки (социальный диалог и социальное партнерство) в интересах сохранения классового мира и международной конкурентоспособности, а социальные конфликты разрешаются, как правило, путем переговоров на основе компромисса.

Из-за этих особенностей социальное государство, особенно в его североевропейском варианте, не может существовать без высоких налогов, значительного в международном сопоставлении государственного сектора экономики, социальной ориентации бюджетной политики, причем местные бюджеты ориентированы на выполнение социальных функций даже еще больше, чем бюджет центрального правительства. Структуру источников финансирования социальной политики иллюстрируют данные таблицы 4.4.

В исследуемый отрезок времени произошли заметные изменения в структуре финансирования социальных расходов. Как следует из таблицы 4.4, доля государства сократилась во всех североевропейских странах, а доля трудящихся выросла в Дании и Швеции. Доля бизнеса также выросла во всех странах, кроме Исландии.

Таблица 4.4

Финансирование социальной сферы в странах Северной Европы в 1995–2005 гг. (% к итогу)

	Дания		Исландия		Норвегия		Финляндия		Швеция	
	1995	2005	1995	2005	1995	2005	1995	2005	1995	2005
Государство	71	63	61	33	62	58	46	44	50	48
Бизнес	9	10	31	26	22	26	34	38	37	41
Трудящиеся	14	18	8	6	15	14	14	11	5	9
Др. источники	6	8	–	35	–	1	7	6	8	2

Источник: Nordic Statistical Yearbook. 2001. Vol. 39. P. 113; 2007. Vol. 45. P. 104.

Фундаментальность принципа социальной ориентации экономического развития подтверждает ее относительная независимость от колебаний экономической конъюнктуры. Министр социального обеспечения Швеции Густав Мёллер выразил основную идею социального государства следующим образом: «Признаком прочного государства всеобщего благосостояния является не то, чего мы можем достичь в условиях процветающей экономики, а степень стабильности в поддержании условий жизни обыкновенных людей, даже когда наступает экономический кризис»[1]. В Швеции и Финляндии социальное государство выдержало испытание экономическим кризисом в начале 1990-х гг.

Хотя бóльшая часть мировой экономики развивается таким образом, что различия в уровнях экономического благосостояния между странами и социальными слоями увеличиваются, в Северной Европе сохраняется относительно эгалитарное общество. Социально ориентированный государственный бюджет; образующие особый сектор экономики государственные предприятия; организованное профсоюзное движение; высокая степень участия трудящихся в профсоюзах; структурированное гражданское общество с его разнообразными институтами; высоко развитое местное самоуправление — все это обеспечивает относительную устойчивость существования на Севере Европы государства всеобщего благосостояния.

В условиях глобализации и дальнейшего развития интеграции происходит реформирование социального государства во всех европейских странах ЕС, в том числе на Севере Европы, в направлении усиления личной ответственности граждан за свое благосостояние при соответствующем уменьшении нагрузки на государство. Однако на Севере Европы такая трансформация осуществляется по ряду причин более плавно и постепенно по сравнению с другими странами Евросоюза. Здесь оказывают свое действие, прежде всего, три фактора. Во-первых, сильная приверженность широких слоев населения принципам социального государства, несмотря на связанную с ним высокую налоговую нагрузку. Во-вторых, социальная ориентация переплетается с инновационной, что позволяет занимать выгодное положение на мировом рынке, поддерживая тем самым сохранение развитой системы социальной защиты. Общий итог от глобализации для стран Северной Европы на настоящий момент оказался положительным, что помогает им сохранять социальное государство даже в условиях неблагоприятных тенденций. В-третьих, пересмотр действующей модели может осуществляться только на основе консенсуса

[1] Цит. по: Marklund S. *Paradise Lost?* Lund, 1988. P. 13.

между социальными партнерами. При этом традиции местного самоуправления и гражданского общества не позволяют резко дезавуировать социальные завоевания 1950-х и 1970-х гг. Поэтому в настоящее время даже приватизация и неолиберальная волна не привели к кардинальному изменению сути модели социально-экономического развития на Севере Европы, хотя общий климат изменяется не на пользу укрепления государственного сектора и расширения функций социального государства.

Политика глобализации и европейская интеграция, стратегия крупных ТНК, которые «уводят» капитал из стран с высокими налогами и высокой заработной платой, ставят государство всеобщего благоденствия во все более жесткие и узкие рамки. Социальное государство в Северной Европе отличается относительной устойчивостью, так как оно опирается на сильные социал-демократические традиции и поддержку высоко организованного профсоюзного движения. Интересно сопоставить различные стратегии, применяемые в разных странах Северной Европы для сохранения социального государства в изменяющихся условиях. Дания и Швеция уклоняются от участия в ЭВС и предпочитают в настоящее время оставаться вне зоны евро. Швеция и Финляндия усиливают курс на инновационную ориентацию, обеспечивающую экспортные преимущества, хотя Финляндия частично утратила свободу маневра из-за отказа от национальной валюты в пользу евро. Наиболее активно защищает традиционно сложившуюся модель социально ориентированного развития Норвегия, которая остается не только вне еврозоны, но и вне ЕС. Она отказалась также от масштабной приватизации, продолжает сохранять государственный контроль над нефтяными ресурсами, использует разные социальные новации, например государственный Нефтяной фонд Норвегии (ныне — Пенсионный фонд Норвегии), другие социально ориентированные фонды (например, норвежский государственный Фонд для субсидирования студентов и учащихся). Государственный сектор экономики в Норвегии стал самым крупным на Севере Европы, хотя раньше лидерами были Швеция и Финляндия.

Социально ориентированное государство в Норвегии отличается наиболее высокой стабильностью в силу того, что норвежское государство сохраняет контроль над нефтегазовым сектором, который частично находится в государственной (общественной) собственности (см. раздел 3.4), норвежская экономика сочетает в себе преимущества, связанные с экспортом топлива и инновационной направленностью. Благодаря этому Норвегию отличает высокая стабильность госу-

дарственных финансов, так как они опираются на Нефтяной фонд Норвегии (НФН), в котором накопились средства, превышающие размер годового государственного бюджета и сопоставимые с ВВП страны. Средства Фонда, размещаемые ныне в иностранные ценные бумаги, предназначены для регулирования в будущем социальной сферы: пенсионного обеспечения, здравоохранения, ухода за престарелыми. Норвегия, выделяя в процентном отношении на социальные цели примерно столько же, сколько и другие Скандинавские страны, в абсолютных цифрах тратит заметно больше, так как она опережает своих соседей по размеру душевого ВВП.

Тем не менее, учитывая международную ситуацию и обязательства Норвегии по ЕЭП, трудящиеся Норвегии активно поддерживают сложившуюся систему социальной защиты и противостоят попыткам ее жесткого реформирования. В 1999 г. шесть норвежских профсоюзов объединились для того, чтобы противостоять политике неолиберализма, которая несет с собой сначала приватизацию и дерегулирование, а потом, как логическое завершение — сужение социальных функций государства. Затем к этому союзу присоединилось еще 20 организаций и ныне в стране развернулось движение в защиту государства всеобщего благосостояния, в котором участвует 1 млн трудящихся, что примерно равняется половине всей рабочей силы в стране.

Итак, устойчивость социальной ориентации развития экономики в Северной Европе обусловлена переплетением ее с инновационной ориентацией, прочностью социал-демократических традиций, культурой политического консенсуса, выгодным местом в системе международного разделения труда, что позволяет поддерживать высокие социальные стандарты без негативных последствий для платежного баланса или государственного бюджета.

В странах Северной Европы государство продолжает сохранять основные черты социально ориентированного государства, а именно:

— Высокая доля госбюджета в ВВП, а также высокий удельный вес социальных расходов в государственном бюджете и общественном продукте.
— Щедрая и универсальная система социального обеспечения и защиты от всех трудных случаев жизни (болезнь, инвалидность, безработица, старость и т.д.).
— Доступные и качественные общественные услуги, выполняемые, как правило, государственными или муниципальными предприятиями и учреждениями.

— Частичная компенсация неравномерности по уровню получаемых доходов, связанная с необходимостью воспитывать детей или платить за квартиру людям с низкими доходами и т.д.

В настоящее время кризис социального государства из идеологической сферы стал распространяться на экономическую, прежде всего путем приватизации, которая постепенно устраняет одну из экономических опор государства всеобщего благоденствия. Идеологическое наступление на социальное государство идет начиная с 1970-х гг., когда обозначился кризис самой идеи.

Начало дискуссии, которая поставила под сомнение ценностные ориентации общества всеобщего благосостояния, положил известный экономист П.Ф. Дракер в статье «Больное правительство»[1]. В статье читаем следующее: «Есть много признаков того, что правительство обращает на себя внимание скорее своей величиной, чем мощью... что оно стоит дорого, а делает мало... что граждане теряют доверие к правительству... и вообще правительство — имеет "нездоровый характер"».

К социально ориентированному государству предъявляется целый набор стандартных упреков и претензий. П.Ф. Дракер сравнивает государство всеобщего благосостояния с огромной страховой компанией[2]. Другой типичный упрек социальному государству — то, что оно плодит бюрократию. Другая статья обвинения — социальное государство не отличается гибкостью, выводит социальное обеспечение за рамки допустимого и разумного, превращая достижение всеобщего благосостояния в политический принцип.

Довольно резко отзывается об обществе всеобщего благосостояния Клаус Оффе. Дискредитируя саму идею социального государства, он сравнивает население социального государства с цыплятами, выращиваемыми на птицефабрике, где они находятся в искусственных условиях, в отличие от тех, которые выращиваются на ферме. Он полагает, что граждане социального государства слабо социально адаптированы по сравнению с гражданами общества с высокой социальной и экономической конкуренцией. В соответствии с его метафорой социальная поддержка так же вредна и не естественна, как искусственное содержание цыплят на птицеферме, порождая зависимость от искусственных систем жизнеобеспечения[3]. Следуя логике К. Оффе надо отменить все сельское хозяйство и вернуться к охоте и собирательству.

---

[1] Drucker Peter F. *The Sickness of Government* // Public Interest. 1969. Vol. 14. P. 3–23.

[2] Ibid.

[3] См.: Offe Claus. *Contradictions of the Welfare State*. London. 1984. P. 165.

Несмотря на разговоры о кризисе социального государства, широкие слои населения североевропейских стран во время очередных выборов в национальные парламенты, проведения общенациональных референдумов или опросов общественного мнения регулярно демонстрируют свою твердую приверженность ценностям социально ориентированного государства всеобщего благоденствия. Его особенностью является то, что социальная защита распространяется не только на граждан страны, но и на всех его жителей, в том числе вчерашних иммигрантов.

По мере развития интеграции в рамках ЕЭС/ЕС, она оказывает все более сильное влияние на проведение социальной и экономической политики стран-участниц. Это воздействие оказывается не только посредством тех решений, которые ЕС принимает в социальной сфере, но и через его общеэкономическую политику, через законодательство ЕС и директивы Комиссии, а также через решения Европейского совета ЕС, которые всегда служили поворотными пунктами, разделяющими разные этапы экономической и социальной интеграции внутри этого блока. Начало развитию социальной интеграции, как известно, было положено Маастрихтским договором, который вместе с Социальным протоколом заложил юридическую основу для социальной интеграции и социального диалога на уровне ЕС. Амстердамское заседание Европейского совета поставило задачу развивать социальное измерение политики ЕС. В Лиссабоне в качестве приоритета европейской интеграции была провозглашена социальная защита населения и повышение его занятости. Социальные параметры так называемой Европейской модели до сих пор не получили ясного определения, но была поставлена задача повышения конкурентоспособности, что, по-видимому, означает, что интеграция в социальной сфере будет развиваться в зависимости от экономических успехов. Лиссабонская стратегия заключается в решении превратить ЕС в самый динамично развивающийся и конкурентоспособный сектор мировой экономики. Она предполагает повысить занятость с нынешних 60 до 70% к 2010 г., а также реформировать социальную политику в странах-участницах. (На Севере Европы, правда, этот уровень занятости уже достигнут, кроме Финляндии.) Для повышения занятости главным ресурсом является уменьшение безработицы, для этого применяется несколько методов. Во-первых, совершенствование профессионального образования, с тем чтобы устранить несоответствие между квалификацией имеющихся ресурсов рабочей силы и спросом на нее. Развитие образования и профессионального обучения в ЕС осуществляется на основе концепции обучения на продолжении всей жизни. Приме-

няются нетрадиционные методы борьбы с безработицей, такие как временный уход с рынка труда в целях ухода за нетрудоспособными членами семьи или повышения образования или профессиональной квалификации, а также ранний выход на пенсию при условии уменьшения пенсионного пособия по сравнению с обычным.

Другим средством реализации Лиссабонской стратегии ЕС является развитие так называемой новой экономики, которую образуют наукоемкие отрасли промышленности, такие как информационные технологии и технологии коммуникации. Именно эти отрасли составляют основу экономического развития североевропейских стран, которые являются лидерами в Европе в этих отраслях, особенно выделяются Швеция и Финляндия.

Вокруг европейской социальной модели много споров и дискуссий, при этом между собой конкурируют два подхода к определению европейской социальной модели:

— традиционный социал-демократический подход, которому следуют североевропейские страны;
— подход, основанный на том, что европейские предприниматели должны быть конкурентоспособными на мировом, ныне глобализированном рынке, а следовательно, не должно быть социальных ограничений, накладываемых на бизнес. Именно этот подход получил отражение в Лиссабонской стратегии.

В настоящее время, пока европейская социальная модель еще не получила четкого определния, ЕС влияет на социальную политику стран-участниц главным образом через валютно-экономическую интеграцию и через социально-экономическую политику, что закладывает довольно жесткие параметры для будущей европейской социальной модели. ЕС поддерживает политику приватизации в странах — членах ЕС, выступает за обязательное введение конкуренции со стороны частных предпринимателей государственным и муниципальным предприятиям и учреждениям, которые оказывают социальные услуги, например, на транспорте.

Европейская интеграция на стадии ЭВС и единой валюты евро покоится на более глубоком взаимодействии между экономическими комплексами стран-участниц, чем на стадии Таможенного союза или Общего рынка. Эта ступень требует не только тесного согласования макроэкономической политики по всем важнейшим параметрам, но и постепенной унификации их моделей социально-экономического развития. «ЭВС задумывался как средство, стимулирующее

реформу европейской социальной модели»[1], — признает профессор О. Буторина.

В этом же направлении действует политика гармонизации налоговой и бюджетной политики, которая уже давно проводится органами ЕС. Создание в рамках ЕС единого внутреннего рынка ведет к конкуренции налоговых систем между странами-участницами, которая представляет собой серьезную угрозу для дальнейшего существования щедрого социального государства на Севере Европы. До сих пор внутри ЕС сохраняются различие факторных условий, например, в силу различия профессиональных характеристик рабочей силы, выступающей на рынке труда, уровня развития национальных инновационных систем и т.д., но начало в масштабе 25 стран конкуренции налогов, несомненно, усилит «бегство» капиталов в страны с низким налогообложением. Например, в Польше налоги на корпорации снижены до 22%, что на 7–8% ниже, чем в странах Северной Европы. Это способно подорвать основы государства всеобщего благосостояния.

Задача унификации налогового законодательства и налоговых ставок в ЕС поставлена уже давно — еще в 1985 г. в так называемой Белой книге. Однако, в отличие от таможенно-торговой политики, гармонизация в этой области происходит намного сложнее и медленнее. Даже накануне введения единой валюты евро налоги в значительной степени оставались прерогативой национальных правительств.

Налоговые системы в рамках ЕЭП[2] слабо унифицированы: ставки налогов на корпорации установлены в диапазоне от 18% (Исландия) до 38,9% (ФРГ), а ставки подоходного налога — от 33,6% (Греция) до 56,5% (Швеция) *(см. табл. 4.5 и 4.6)*.

Таблица 4.5

Ставки корпоративного налога в 15 странах — членах ЕС в 2001 и 2004 гг. (%)

	2001	2004		2001	2004
Бельгия	39,0	34,0	Дания	30,0	30,0
Греция	37,5	35,5	Великобритания	30,0	30,0
Италия	36,0	33,0	Люксембург	30,0	30,4

[1] *Буторина О.* Хватит ли благоразумия? // Европа. 2005. № 7(52). Июль-август. С. 14.

[2] ЕЭП — Европейское экономическое пространство, охватывающее ЕС и ЕАСТ.

Продолжение таблицы 4.5

	2001	2004		2001	2004
Нидерланды	35,0	34,5	Финляндия	29,0	29,0
Испания	35,0	35,0	Швеция	28,0	28,0
Австрия	34,0	34,0	ФРГ	25,0	38,9
Франция	33,33	35,4	Ирландия	10,0	12,5
Португалия	32,0	27,5	Исландия	–	18,0
Норвегия	–	28,0	ЕС	–	31,1

Источник: Company Taxation in the Internal Market. Commission Staff Working Paper. Com. (2001), 582, final. EC; OECD Factbook. 2007. OECD.

Таблица 4.6

Ставки личных подоходных налогов в странах ЕС в 2004 г. (максимальная ставка налогов, %)

Австрия	42,9	Люксембург	33,9
Бельгия	45,1	Нидерланды	52,0
Германия	47,5	Португалия	35,6
Греция	33,6	Великобритания	40,0
Дания	55,0	Финляндия	50,3
Ирландия	42,0	Франция	36,7
Испания	45,0	Швеция	56,5
Италия	41,4	Исландия	42,0
Норвегия	47,5	ЕС	43,8

Источник: OECD Factbook. 2007. OECD.

Североевропейские страны выделяются среди других стран — участниц ЕС более высоким уровнем налогообложения, что необходимо для поддержания их щедрой социальной системы и проведения политики относительного выравнивания доходов между различными слоями, которая получила у них развитие в соответствии с утвердившейся

социал-демократической доктриной «функционального социализма». В результате они стали чемпионами среди ЕС по доле налогов в валовом внутреннем продукт *(см. табл. 4.7)*. Это несет с собой не только социальные, но и экономические последствия и обусловливает более развитую инфрастуктуру, обеспечивающую преимущества для предпринимательского сектора, а также более высокое качество рабочей силы — необходимых условий для инновационной специализации североевропейских стран.

Разница по доле налогов в ВВП между Севером Европы и ЕС в среднем может достигать 10%, то есть страны, занимающие более высокие позиции по этому показателю (а именно, Скандинавские страны и Финляндия) в случае унификации по среднему уровню должны лишиться заметной части государственных доходов в размере до 1/10 по отношению к ВВП. Такие суммы сопоставимы со статьями расходов на образование, на здравоохранение или на социальное обеспечение. Особенно болезненными могут стать такие утраты для Дании и Швеции.

Таблица 4.7

Налоговая нагрузка (доля налогов в ВВП, %)

	1990	1995	2000	2004	2005**
Дания	47,1	49,4	49,5	48,8	50,0
Исландия	31,5	31,8	38,3	38,7	41,3
Норвегия	41,5	41,1	39,0	44,0	44,2
Финляндия	44,6	45,1	47,3	44,2	44,5
Швеция	51,9	48,5	54,0	50,4	51,1
ЕС (15)	39,2	40,1	41,4	39,7*	–

Источник: OECD Factbook 2005. OECD. OECD Factbook 2007. OECD; Nordic Statistical Yearbook. 2005. Vol. 43. P. 215; Nordic Statistical Yearbook. 2006. Vol. 44. P. 221; 2007. Vol. 45. P. 189, 221.

* 2004 г. (27 стран).

** Расчет.

Решение по гармонизации бюджетной политики стран — участниц зоны евро было принято на заседании Европейского совета в Барселоне в марте 2002 г. Это значит, что и в этой сфере странам — участницам ЕС предстоит передать свои полномочия на наднациональный

уровень, что сужает их возможности для проведения самостоятельной политики в области социального обеспечения, образования, здравоохранения, науки и технологий и т.д. Уже сейчас страны, присоединившиеся к зоне евро, должны проводить бюджетную политику по единым, установленным в Европейском союзе правилам. Это решение во многом объясняет, почему Дания и Швеция медлят с присоединением к еврозоне. Гармонизация налогов и бюджетной политики в североевропейских странах по уровню ЕС — это серьезный удар по сложившейся модели социально-экономического развития.

Известно, что специализация на производстве готовых изделий, в том числе продукции машиностроения, и особенно наукоемкой продукции, превосходит по своей эффективности топливно-сырьевую специализацию. Этот вывод подтверждает своими расчетами Ю.В. Яковец, по данным которого технологическая рента превышает топливно-сырьевую ренту в десятки раз[1]. Этим во многом объясняется более высокий уровень жизни, достигнутый в странах Северной Европы, широкие возможности для проведения сильной социальной политики, утверждение социально ориентированного типа развития. В условиях глобализации система «функционального социализма», которая сложилась в странах Северной Европы, стала вызывать все более сильное недовольство у предпринимателей. По их мнению, это подрывает экспортные позиции скандинавских ТНК на мировом рынке. Одновременно усиливалась конкуренция между тремя центрами мировой экономики, в которой Европа в 1980-е гг. все больше стала проигрывать своим конкурентам; показателем этого служит высокий уровень безработицы и более низкая доля наукоемкой продукции в экспорте. Однако в странах Северной Европы она — даже выше, чем в ЕС.

Распространение экономической интеграции с экономической сферы на социальную, а также развитие глобализации, приводят к изменению социально-экономических моделей развития разных европейских стран в направлении сближения и постепенной унификации. Раньше теоретической основой социального государства служила теория Фрайбургской школы экономики (В. Ойкен, А. Мюллер-Армак), программа Л. Эрхарда, доктрина социальной инженерии, концепция «Дома для народа» и шведского пути, разработанных шведскими теоретиками и разделяемых СДРПШ (А. и Г. Мюрдаль, П. Ханссон, Э. Вигфорс, Ё. Рен, Р. Мейднер). На роль теоретиков новой социально-экономической модели, по которой будет развиваться Евро-

---

[1] См.: Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М.: Экономика, 2003. С. 260.

пейский союз, претендуют Энтони Гидденс с его теорией «третьего пути»[1], а также Герхард Шрёдер и Тони Блэр с концепцией «Новая середина/Третий путь»[2]. Социал-демократическая модель социального государства всеобщего благоденствия постепенно трансформируется под влиянием реформ 1990-х гг. в некую неокорпоративную модель, которая, по-видимому, возобладает на всем пространстве ЕС.

Наиболее последовательно и глубоко социальная ориентация развития выражена в Дании и Швеции. Именно в этих странах отмечается самый высокий удельный вес госбюджета в ВВП и самая высокая доля расходов на социально значимые цели (см. раздел 2.1). Ассигнования на три важнейшие социальные цели (образование, здравоохранение и социальное обеспечение) в Швеции наиболее сбалансированы. Если по уровню экономического развития Швеция заметно отстает от Норвегии, то по размеру социальных расходов на душу населения ее отставание — намного меньше. Социальные расходы являются самой крупной статьей госбюджета во всех Скандинавских странах и в Финляндии. Среди расходов на социальное обеспечение во всех североевропейских странах самой крупной статьей является финансирование пенсий по старости и пособий по болезни, на 2-м месте — пенсии по инвалидности или пособия по безработице или семейные и детские пособия.

Социальное обеспечение финансируется в первую очередь за счет государства, то есть фактически — за счет самих трудящихся, которые выплачивают бóльшую часть налогов в форме подоходного налога в пользу государства. На 2-м месте находится предпринимательство, а на 3-м месте — страховые взносы самих трудящихся *(см. табл. 4.4)*.

Число получателей социальных пособий за последние 15 лет в абсолютном и относительном выражении уменьшилось в трех североевропейских странах (Дании, Норвегии и Швеции), а в двух (Финляндии и Исландии) оно, напротив, увеличилось *(см. табл. 4.8)*.

Социальная ориентация экономического развития североевропейских государств ярко подтверждается данными об использовании ВВП. Например, в 2005 г. от 42% (Норвегия) до 60% (Исландия) созданного продукта было потреблено домашними хозяйствами. 20% (Норвегия) — 27% (Швеция) было потреблено государством (которое, как было отмечено выше, главную часть своих расходов направляет на финансирование социальных целей). На капиталовложения было направлено от 17% (Швеция) до 29% (Исландия)[3].

---

[1] Giddens A. *The Third Way*. London. 1996.

[2] Tony Blair and Gerhard Schroder. Europe: The Third Way/Die Neue Mitte. 1999.

[3] Nordic Statistical Yearbook. 2001. Vol. 39. P. 196; 2006. Vol. 44. P. 191.

Экспортная ориентация сильнее всего в Норвегии из-за роста спроса на углеводороды *(см. табл. 1.1)*. Инвестиции быстрее всего растут в Исландии из-за принятой стратегии на диверсификацию экономики. Государственное потребление выросло во всех североевропейских странах, кроме Швеции, так как ранее она заметно опережала другие североевропейские страны в этом отношении. Анализ развития социально-экономических моделей, применяемых в отдельных странах Северной Европы, показывает, что фактически они развиваются по одной и той же модели, так как все важнейшие макроэкономические и социальные параметры варьируют в узких пределах, а между собой они отличаются меньше, чем по отношению к соответствующим показателям ЕС. Страны этого региона сохраняют социальную направленность экономического развития, постепенно усиливая инновационную ориентацию, которая сильнее всего выражена в Швеции и Финляндии, а менее всего — в Норвегии, что является одним из признаков так называемой голландской болезни[1].

Таблица 4.8

Получатели социальных пособий в странах Северной Европы в 1990–2005 гг.

	Дания	Исландия	Норвегия	Финляндия	Швеция
Тыс. чел.					
1990	235,2	4,6	178,3	255,6	339,4
2000	172,8	4,9	150,7	334,7	340,3
2005	179,3	5,3	150,6	279,6	271,6
% численности населения старше 18 лет					
1990	5,8	2,6	5,3	5,9	5,0
2000	4,1	2,4	4,4	8,3	4,9
2005	4,3	2,4	4,2	6,7	3,8

Источник: Nordic Statistical Yearbook. 2001. Vol. 39. P. 116; 2006. Vol. 44. P. 106; 2007. Vol. 45. P. 106.

[1] Голландской болезнью называют негативное воздействие на экономику увеличения курса национальной денежной единицы из-за быстрого роста экспорта топлива.

4.5. Современные проблемы социального развития на Севере Европы

В регионе Северной Европы на протяжении многих десятилетий сложилась и в целом успешно действует своеобразная социальная модель, на основные составляющие которой ориентируются в определенной мере некоторые страны третьего мира и «переходные», то есть бывшие социалистические государства. Эта модель явилась результатом длительного развития и целеустремленных действий левых политических партий и близких к ним профсоюзов северных стран.

Первые законы, регулирующие социальную сферу, были приняты в северных странах еще до Первой мировой войны. Так, пенсионный закон в Дании был утвержден в 1891 г., в Швеции — в 1913 г. Система страхования по болезни возникла в Швеции в 1891 г., Дании в 1892 г., Норвегии в 1909 г., вскоре после получения ею государственной независимости[1].

В межвоенный период строительство социальных структур продолжалось. В 1938 г. в пригороде Стокгольма Сальтшёбадене было подписано первое в мире трехстороннее (правительство — организации работодателей — профсоюзы) соглашение, положившее начало сотрудничеству между трудом и капиталом[2].

Особого размаха достиг процесс оформления государства всеобщего благосостояния (vaelfaerdsstaten) в годы после Второй мировой войны, особенно в 1950–1970-е гг. Кстати, этот термин правильнее было бы, наверное, переводить как социальное государство. При этом, если в Дании и Норвегии оно в значительной мере, особенно в области трудовых отношений, базировалось на коллективных соглашениях сторон рынка труда, то в Финляндии и Швеции — на основе государственных законов[3].

Рассмотрим процесс становления шведского социального законодательства.

В 1928 г. был принят закон о коллективных соглашениях, по которому трудовые споры переносятся в трудовой суд или на третейское разбирательство. В 1973 г. утвержден закон о преподавании швед-

---

[1] The Nordic Model and the Modernization of Social Protection in Europe, by J. Palme. Nordic Council of Ministers. Copenhagen. 1999. P. 31.

[2] См.: Социальное партнерство. Словарь-справочник. М.: АТиСО, 2002. С. 198.

[3] Koncernfackligt samarbete i Norden. Nordiska Raad, Nordiska Ministerraad. 1988:1. S. 65–66.

ского языка, обязывающий предоставить иммигранту, имеющему разрешение на работу в Швеции, возможность получать в течение 2 лет бесплатное обучение шведскому языку. В 1974 г. — закон о доверенном лице, который дает право проводить профсоюзную работу в оплаченное рабочее время и обязывает работодателя предоставлять профорганизации помещение, телефон и другое оборудование для работы. В 1974 г. — закон о защите занятости, по которому работодатель должен представлять обоснование для увольнения любого работника и был закреплен принцип «последний нанятый уходит первым». В 1974 г. — закон о поощрении к труду, который облегчает получение работы инвалидами и другими лицами с физическими и умственными недостатками. В 1975 г. — закон об учебном отпуске, согласно которому работник может уйти в такой отпуск, не теряя рабочего места. В том же году он был дополнен законом о материальной поддержке, предоставляемой на учебные цели, по которому можно получить почасовую, месячную или годовую сумму на обучение или на участие в системе непрерывного образования. В 1976 г. принят закон об участии (который отменил § 32 устава Шведского союза работодателей об их праве «руководить работой и распределять ее, свободно нанимать и увольнять работника»), который дал профорганизациям возможность обсуждать с работодателем ряд производственных вопросов. В 1976 г. — закон о представительстве в правлении компаний, который предоставил профсоюзам право назначать представителей в правления компаний с совещательным голосом. В 1978 г. — закон о равноправии, который запрещает любую форму дискриминации по гендерному (половому) признаку как при найме на работу, так и при продвижении по службе[1].

Финляндия приступила к подобному процессу позже, но положения ее социальных законов нередко более проработаны; это, например, особо относится к закону об участии, где четко прописаны вопросы, по которым работодатель не вправе принять решения, не проинформировав профсоюз.

Трудовые вопросы в Норвегии в существенной степени решаются через систему коллективных договоров, но и в этой стране имеется достаточно развитое социальное законодательство. Так, например, в 1936 г. был принят закон о пенсионном обеспечении. В 1938 г. — закон о пособиях по безработице. В 1946 г. — введены детские пособия и создано общество по строительству дешевого жилья для нуждающихся. В 1947 г. — учреждена государственная касса по выдаче займов

---

[1] Metallarbetaren. 1992. No 16–17. S. 21–22

на обучение. В 1956 г. — введены пособия по временной нетрудоспособности. В 1957 г. — создан пенсионный фонд. В 1958 г. — фонд компенсации за трудовые увечья. В 1960 г. — принят закон о несчастных случаях на производстве. В 1964 г. — созданы фонды для выплаты пособий по материнству и по потере кормильца. В 1965 г. — введена целостная система соцобеспечения. В 1969 г. — принят закон об обязательном 9-летнем образовании. В 1971 г. — создана государственная пенсионная касса. В 1974 г. — принят закон о праве на 12-летнее образование. Таким образом, и в этой стране «социальное государство» располагает значительной законодательной базой[1].

Что касается Дании, то ее министр по делам занятости рекомендовал странам Центральной и Восточной Европы «изучить датское трудовое законодательство и колдоговорную практику» в качестве своего рода эталона[2].

Следует подчеркнуть, что хотя становление «социального государства» проходило в северных странах не без трудностей, оно не сопровождалось серьезным обострением обстановки. Например, в Швеции, когда в начале 1970-х гг. начал обсуждаться закон об участии, председатель союза работодателей заявлял: «Демократии не место на предприятии. Это слово должно быть оставлено для политической жизни»[3]. Но в 1997 г. 2/3 шведских частных предпринимателей положительно оценили практику применения этого закона и сотрудничество с профсоюзами в ходе его осуществления[4]. А уже в 2002 г. шведское правительство провело встречу с 40 крупнейшими работодателями страны, призвав их усилить ответственность за соблюдение этических норм и прав человека на своих предприятиях на основе Глобального пакта ООН и Основных направлений Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) для транснациональных корпораций (ТНК)[5].

Один из известных исследователей «северной социальной модели» Йоаким Пальме, сын убитого шведского премьера У. Пальме, называет такое развитие осуществлением «принципа Робина Гуда»[6]. Эта модель никоим образом не противоречит основным законам рыночной экономики. Но, если, скажем, в США общество (социум) не считает

---

[1] Nettverk. 2000. No 2. S. 24–25.

[2] Decent Work in Denmark. Ed. by Ph. Egger and W. Sengenberger. ILO. Geneva. 2003. P. 11.

[3] VPK — kongress — 72 G eteborg, 1973. S. 61.

[4] LO — tidningen. 24.10.1997.

[5] Siftidningen. 2002. No 4. S. 57.

[6] The Nordic Model and the Modernization of Social Protection in Europe, by J. Palme. Nordic Council of Ministers. Copenhagen. 1999. P. 41.

себя обязанным заботиться об отдельном своем члене и предоставляет ему помощь только в случаях, если он в силу каких-либо причин (старость, болезнь, инвалидность, отсутствие работы по независящим от него обстоятельствам) сам не может обеспечить свое существование, то в северных странах исходят из того, что общество заинтересовано в максимально спокойном развитии и обеспечении в этих целях каждому индивидууму условий жизни, которые не вызывали бы у него излишнего недовольства, не побуждали бы его к протесту.

Думается, на практике такой подход имеет несколько причин, и одной из них является желание повысить конкурентоспособность экономики (тем более, что она исторически сложилась как в значительной мере экспортная) за счет соблюдения классового мира. По мнению Й. Пальме, «северная социальная модель имеет универсальное значение», поскольку она доказала способность эффективно бороться с нищетой и социальным неравенством, и она была с самого начала ориентирована на международное (в масштабах пяти стран региона), а не на узконациональное применение[1]. С этим мнением, видимо, следует согласиться, так же как и с утверждением о том, что данная модель демонстрирует возможность совмещения экономической эффективности с социальным равноправием, что особенно важно, в частности, в условиях «открытия экономик Восточной Европы»[2].

В последнее десятилетие эта модель сталкивается с серьезными угрозами. Для этого имеются как объективные, так и субъективные факторы. К объективным относятся те, что связаны с возрастающими нагрузками на социальную сферу. Так, на пенсионную систему «давит» фактор старения населения, проблему занятости осложняет мировая конкуренция и политика «делокализации», то есть перевода производства или его части в страны с более низким уровнем зарплат и социальных льгот, проводимая в сегодняшнем развитом мире. Ряд социальных достижений северных стран выше средних по Европейскому союзу, куда вступило большинство из них, вследствие чего нормы ЕС нередко провоцируют снижение «северных» социальных показателей и т.д.

К числу субъективных можно отнести отстранение от власти в некоторых странах Севера социал-демократов, что привело, в частности, к новой волне приватизации, которую бывший шведский премьер-министр И. Карлссон назвал «идеологической»[3].

---

[1] The Nordic Model and the Modernization of Social Protection in Europe, by J. Palme. Nordic Council of Ministers. Copenhagen. 1999. P. 10.

[2] Ibid. P. 26.

[3] ИТАР-ТАСС. Компас. № 162/1994. С. 27–28.

Одним из ключевых понятий, характеризующих североевропейскую социальную модель, можно считать понятие «солидарная система заработной платы». Это означает, что соотношение максимальных и минимальных заработков сознательно держалось на уровне, не превышающем 5 : 1, что значительно ниже, чем в большинстве других развитых странах рыночной экономики и обуславливает более низкую дифференциацию доходов, чем в других странах. В Дании, к примеру, по данным Международной организации труда, квинтильный коэффициент, то есть соотношение среднего дохода 20% самых богатых к такому же показателю у 20% беднейших слоев населения составлял 2,9 : 1 в то время, как в Европейском союзе в целом — 5,2 : 1, а минимальная зарплата — 53% средней в обрабатывающей промышленности, в то время как в США, для сравнения, — 31%[1].

Такое состояние обеспечивается благодаря высоким подоходным налогам, взимаемым по прогрессивной шкале — в Дании налог с физических лиц составлял в 1998 г. 55% общей суммы налоговых поступлений, Финляндии 35%, Швеции 38%[2], а также проведением согласованной с помощью социального диалога (между правительством, организациями работодателей и профсоюзами) «политики доходов». Причем в Финляндии, к примеру, в это понятие входят даже такие вопросы, как инвестиции и меры в области занятости[3]. Даже если эта договоренность не оформляется в письменном виде, она осуществляется в соответствии с пониманием, достигнутым между тремя сторонами на рынке труда или по линии «правительство — профсоюзы».

Следует, однако, отметить, что в последние годы дифференциация доходов стала увеличиваться, например, оклады высших чиновников, равно как и директоров частных предприятий резко выросли. Появилась практика так называемых парашютных выплат, то есть крупных сумм, выдаваемых должностным лицам при уходе со своего поста, что противоречит принципу солидарной системы зарплат.

Принцип «солидарности» взят за основу и в системе пенсионного обеспечения, принятой в Северной Европе. В отличие от накопительной, эта система зиждется на том, что нынешнее трудящееся поколение содержит на свои средства тех людей, которые находятся на пенсии сегодня, а получит свою пенсию (по выходе на нее) от того поколения, которое к тому времени достигнет трудового возраста.

---

[1] См.: Decent work in Denmark. P. 11.

[2] См.: *Taxes, Growth and Employment.* An Interim Report from the LO. Stockholm, 1998. P. 31–32.

[3] См.: Loentagaren. 2004. No 7. S. 6–7.

Другой важный принцип, в течение многих лет применяемый в странах Северной Европы — это «политика полной занятости». Это, конечно, не означало полного отсутствия безработицы, что невозможно в условиях рыночной экономики, но ее размеры длительное время, действительно, были достаточно малы. Однако с начала 1990-х гг. она стала быстро расти, особенно в Финляндии, а также среди молодежи всех северных стран. Профсоюзы потребовали принятия действенных мер борьбы с нею, они открыли собственный банк данных по имеющимся вакансиям. Исключением оставалась Норвегия с ее нефтедобычей, но и в этой стране в 2002 г. зафиксировано увеличение численности безработных. Особенно тревожным явлением является появление категории длительно остающихся без работы людей.

Существенным средством борьбы с безработицей в странах Севера Европы стала так называемая активная политика занятости. В нее входят такие меры, как профессиональное образование и профессиональная подготовка безработных, включая производственное ученичество, реабилитация инвалидов, содействие переходу части безработных на положение мелких предпринимателей, не использующих наемную рабочую силу. В Швеции в 1990–1996 гг., например, на борьбу с безработицей расходовалось 4,25% валового внутреннего продукта, из них почти половина — на активную политику занятости, а в Дании 7,47% ВВП, в том числе на активную политику — свыше трети этой доли; для сравнения: в Британии в тот же период — только 1,47% ВВП[1].

В результате к 2003 г. положение с безработицей несколько стабилизировалось: в Дании она стала равна 5,5% рабочей силы, Исландии — 1,1, Норвегии — 4,5, Финляндии — 9 и Швеции — 4,9%[2]. Это, естественно, не дает гарантий сохранения высокой занятости, тем более, что Север Европы во все большей мере втягивается в орбиту деятельности транснациональных корпораций, а ТНК, как сказано выше, активно проводят «делокализацию» промышленности, которая сопровождается массовым закрытием предприятий в североевропейских странах и ростом в них безработицы.

Вместе с тем в северных странах проблем в области занятости остается немало. Среди них — значительное количество работников, которые трудятся на «ненадежных» рабочих местах. В Швеции, к примеру, в 1998 г. постоянно занятыми считались 70% трудящихся, 12% работали по срочным (кратковременным) трудовым контрактам, 10% являлись предпринимателями, не имеющими наемных

---

[1] См.: L'Assistenza Sociale. 1998. No 3/4. P. 102–103.

[2] См.: Supplement to the Bulletin of Labour Statistic, 2004-1, ILO, Geneva.

работников[1]. По срочным трудовым контрактам в Финляндии в том же году работали 27% членов профсоюзов, входящих в основной профцентр — ЦОПФ, а в частном секторе их доля была еще выше — 47%[2].

В Дании по таким контрактам в 2003 г. работали 10,2% рабочей силы (при среднем показателе по ЕС — 13,4%), а на основе частичной занятости (менее 30 рабочих часов в неделю) — 15,7% работников (в Европейском союзе 16,3%), из них «вынужденная» частичная занятость равнялась 13,6% общей частичной занятости (в ЕС 15,8%), причем ее объем в отличие от других развитых стран за последние годы неуклонно снижался[3].

В 2002 г. Центральная организация профсоюзов Дании (ЦОПД) выступила против правительственного законопроекта, по которому работодателю имелось в виду предоставить право заключать индивидуальные трудовые контракты с работниками своих предприятий без учета условий действующих на них коллективных соглашений. Заявив, что такой закон подорвал бы всю систему коллективных договоров в стране, ЦОПД пригрозила «снять с себя ответственность за поддержание социального мира». Угроза подействовала, и правительство объявило, что «отказывается от вмешательства на рынке труда»[4].

Пособия по безработице в различных северных странах весьма разные — и по сроку выплаты (от 300 дней до 7 лет), и по размеру (от 45 до 90% последней зарплаты), и по времени начала выплаты (с первого дня после потери работы в Дании и с шестого — в Финляндии и Швеции). В страхкассу по безработице взносы делают трудящиеся из каждой зарплаты — до середины 1990-х гг. они отчислялись вместе с профсоюзными взносами, поскольку все страхкассы по безработице находились в ведении профсоюзов. В 1990-х гг. буржуазные правительства ряда северных стран попытались отобрать страхкассы у профсоюзов, создав государственные кассы (в Швеции, к примеру, по закону от 1997 г.), но абсолютное большинство работников предпочли остаться в профсоюзных кассах. В Дании аналогичная попытка была предпринята в 2002 г., но и там большинство трудящихся остались в профсоюзных страховых кассах[5].

Наряду с вышесказанным, в понятие североевропейской социальной модели входят также гендерное равенство и охрана окружающей и производственной среды.

---

[1] См.: SIF. 1998. No 5. S. 18.

[2] См.: Loentageren. 1999. No 7. S. 7.

[3] Decent Work in Denmark. P. 7.

[4] Metal. 2002. No 1. S. 10; 2002. No 5. S. 11.

[5] Loentageren. 2002. No 6. S. 17.

Говоря о первом из них, отметим, что по данному показателю северные страны считаются едва ли не мировым образцом. Уже в 1990-е гг. в Швеции, например, трудовой деятельностью было охвачено 88,7% проживающих в стране женщин, в Финляндии — 84,5%, в Норвегии — 79,1%; для сравнения — в Германии 64,1%[1].

Вместе с тем в среднем трудящаяся женщина получает в Дании и Швеции лишь 83% фактической зарплаты работника-мужчины (в госсекторе экономики — 85%)[2]. В области занятости женщины отстают от мужчин на 2,9% в Швеции, на 5,5% в Финляндии и 8,3% в Дании[3]. В то же время, по данным ООН, все пять стран Северной Европы входят в число тех восьми (из 188) стран — членов этой Организации, которые достигли гендерного равенства в таких вопросах, как доступность образования и представительство в парламенте (у женщин не менее 30% мест в парламенте)[4]. Женщины занимают посты президента страны (Финляндия), глав профсоюзных центров (ЦОПШ и САКО в Швеции), ряда крупнейших отраслевых профсоюзов. Причем появилось все это не в результате какой-то системы искусственного квотирования, а как естественный итог подлинного гендерного равенства в общественно-политической жизни этих стран.

В первых рядах страны Северной Европы находятся в мире и по такому показателю, как продолжительность оплачиваемых отпусков по беременности и родам. Предродовой и послеродовой отпуска равны в Дании соответственно 20,8 и 7,2 недели, в Финляндии 29 и 14,8, в Швеции 42,6 и 21,7 недели[5]. Во всех северных странах введен послеродовой отпуск для мужей (или постоянных сожителей) рожениц, причем в Исландии он впервые в мире приравнен по продолжительности к послеродовому отпуску женщин[6].

Опыт северных стран был положен в основу Директив Комиссии Европейского союза от 2001 г. о праве трудящихся женщин возвращаться на прежнее место работы по окончании отпуска в связи с рождением ребенка. Там же говорится о неправомерности постановки при приеме на работу вопроса о том, не является женщина, претендующая на данное рабочее место, беременной. Кстати, в 2004 г. Датский союз торговых и конторских работников довел до Верховного суда страны дело об увольнении беременной работницы и выиграл это дело, полу-

---

[1] National Family Policy in the EC Countries. EC. 1992.

[2] Statstjaenstemannen. 2003. No 14. S. 2.

[3] Lavoro. 14.01.2003.

[4] Loentageren. 2000. No 5. S. 22.

[5] См.: International Labour Review. Vol. 138. No 4. P. 372.

[6] См.: HK-nytt. 2004. No 9. S. 22.

чив разъяснение, что работодатель должен в подобных случаях доказать, что не беременность стала причиной увольнения[1].

В Скандинавских странах законодательство охраняет женщин от сексуальных домогательств на рабочем месте. В той же Дании произошел такой случай: суд приговорил к денежному штрафу не только конкретных виновников такого правонарушения, но и фирму, на предприятии которой оно имело место, за то, что там «не было создано нормальной трудовой обстановки»[2].

Что касается охраны производственной среды, то сам этот термин был введен впервые в мире именно в северных странах. В него включаются условия труда в самом широком и современном толковании, в том числе воздействие на организм работника стрессов, связанных с морально-психологической обстановкой в трудовом коллективе, с применением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), угрозой насилия, сексуальными домогательствами на рабочем месте и т.д.

Социологические исследования, проведенные в странах Западной Европы, показывают, что в последние годы постоянно увеличивается неудовлетворенность трудящихся ростом стрессовых явлений на рабочих местах, включая трудовой темп, неправомерные требования со стороны начальства, неблагоприятную атмосферу в коллективе и т.п. В 1995–2001 гг. степень их недовольства увеличилась в Швеции с 69% до 80% опрошенных, Финляндии с 61 до 75% и лишь в Дании снизилась с 61 до 58%[3]. В североевропейском регионе возникло и понятие «зеленые рабочие места», то есть такие, которые соответствуют самым высоким мировым нормам. В 1999 г. член Комиссии Евросоюза шведка М. Валльстрём даже призвала североевропейское профдвижение «пойти на баррикады» ради защиты данного принципа[4].

В последние годы в странах Северной Европы были приняты меры по улучшению производственной среды. Так, в Финляндии в 2001 г. принят новый закон об охране труда, в котором учтены воздействие на работников «моббинга», то есть третирования на рабочем месте и опасность насилия (в частности, для работников городского транспорта и торговли)[5], и утверждена государственная программа сокращения производственного травматизма на 2001–2005 гг.[6]

---

[1] См.: Solidaritaet. 2001. No 936. S. 5.
[2] LO-tidningen. 20.11.1998. S. 16.
[3] TCO-tidningen. No 19. 2000. S. 7.
[4] Ibid. 1999. No 19. S. 1–2.
[5] Aktuelt. 2002. No 12. S. 41.
[6] Ibid. 2004. No 3. S. 12.

В Норвегии в октябре 2001 г. было подписано соглашение о «консолидированной трудовой жизни» (inkluderende arbetsliv — IA). В нем намечены меры по уменьшению количества пропущенных по причинам болезни и производственных травм рабочих дней, росту числа лиц с ограниченными трудовыми способностями (инвалидов), которым предоставлена работа, снижению реального пенсионного возраста и др. Соглашение подписали Министерство труда, союз коммун (муниципалитетов), союзы работодателей и профсоюзные центры Норвегии[1].

К нему на конец 2003 г. присоединились 5,6 тыс. компаний, на которых трудилось 951 тыс. работников, что составляло 51% всей рабочей силы страны[2]. В результате действия соглашения, по профсоюзным данным, за период по июнь 2004 г. на присоединившихся к нему предприятиях среднегодовое количество пропущенных по болезни дней упало с 6,6% общего рабочего времени до 6,4%, в то время как на предприятиях, которые к нему не присоединились, оно выросло с 6,7% до 7%[3]. А производственный травматизм на охваченных соглашениям предприятиях за 2004 г. снизился на 24%[4]. В конце 2005 г. Правительство договорилось с профцентрами и союзами работодателей о продлении действия соглашения[5].

В Швеции увеличилось число доверенных лиц профсоюзов по охране труда, по закону располагающих довольно значительными полномочиями в этой области. Только за 2001 г. оно увеличилось с 87,4 тыс. до 93,5 тыс.; правда, эта цифра не достигла рекордного показателя 1992 г. — 116 тыс.[6] Тем не менее состояние здоровья на рабочем месте продолжает внушать тревогу — только за 2000 г. число случаев заболеваний, связанных с трудными условиями и опасностями на рабочем месте, увеличилось в стране на 25%[7].

Однако, несмотря на указанные выше и некоторые другие трудности и проблемы, североевропейская социальная модель остается одной из наиболее передовых — если не самой продвинутой в мире. Поэтому она, на наш взгляд, заслуживает глубокого изучения, прежде всего, на предмет возможного использования в условиях России тех ее компонентов, которые могут быть вписаны в российскую действительность — нынешнюю и перспективную.

---

[1] Fabrikkarbeideren. 2004. No 4. S. 17.
[2] Aktuelt. 2005. No 6. S. 6.
[3] Loentageren. 2001. No 9. S. 6.
[4] Ibid. 2002. No 2. S. 7.
[5] Fabrikkarbeideren. 2006. No 1. S. 10.
[6] TCO-tidningen. 2001. No 18. S. 4.
[7] Ibid. 2001. No 2. S. 19.

4.6. Основные социальные права в северных странах и система их реализации

Существенным элементом социальной модели стран Северной Европы является социальный диалог, стремление к достижению согласованного, компромиссного решения. Участниками социального диалога в северных странах являются государство, профсоюзы и союзы работодателей. Кратко охарактеризуем роль каждого из них.

Государственная власть — как центральная, так и местная (муниципальная) — выступает в социальном диалоге в двух качествах. С одной стороны, она является инстанцией, устанавливающей его законодательные и иные правовые рамки, арбитром в решении возникающих в производственном процессе споров между участниками рынка труда, то есть работниками (трудящимися) и работодателями (предпринимателями). С другой — одним из хозяйствующих субъектов — собственников значительной части производительных сил и, тем самым, работодателем. Применяемое в северных странах понятие «общественный сектор экономики» включает в себя промышленные предприятия, а порой целые отрасли (нефтедобыча и нефтепереработка в Норвегии, железорудная индустрия в Швеции и т.п.), принадлежащие государству, а также основные средства транспорта и связи, учреждения образования, здравоохранения, электро-, газо- и водоснабжения.

Несмотря на то что в этих странах проходит в настоящее время уже третья волна приватизации, позиции государства в экономике остаются достаточно сильными: в Норвегии, например, в союз работодателей общественного сектора (NAVO) входят свыше 190 компаний, в которых трудятся около 40 тыс. работников[1].

Нынешний этап приватизации, включающий в себя продажу в частные руки «общественно необходимых служб», встречает сопротивление во всех северных странах, прежде всего, со стороны профсоюзов. Так, в Швеции в 2004 г. под их давлением была назначена правительственная комиссия по оценке результатов дерегуляции (частичной приватизации) железных дорог, почты, телеграфа, электроснабжения, внутренних авиалиний и таксомоторных парков. Комиссия под руководством главного экономиста основного профсоюзного центра (ЦОПШ) пришла к неутешительным для приватизаторов выводам[2].

---

[1] Kartelnytt. 2002. No 1. S. 4.

[2] ST-press. 2004. No 1. S. 10.

К этому добавляется недовольство усилением влияния иностранного капитала в экономике стран Северной Европы и возрастающей угрозой «делокализации», то есть перевода рабочих мест в страны с более низким уровнем заработков и социальных льгот. Из опроса директоров крупных шведских компаний около 1 тыс. сообщили, что либо уже перевели часть производства за рубеж, либо намереваются это сделать, что чревато потерей в стране почти полумиллиона рабочих мест[1].

Профсоюзное движение в северных странах традиционно сильно; оно хорошо организовано, пользуется сильной политической поддержкой, объединяет значительное большинство трудящихся этих стран. Охват трудящихся профдвижением составлял 81% в Финляндии и Швеции, 76% в Дании и 70% в Норвегии[2]. Еще выше процент трудящихся, охваченных системой коллективных переговоров, в Финляндии и Швеции их доля составляет почти 90%[3], да и в целом северные страны — сейчас единственный регион мира, где столь высоки показатели профсоюзного членства и охвата работников коллективными договорами[4].

Одним из инструментов социального диалога стала система участия трудящихся в управлении производством. В Финляндии и Швеции она основана на законодательных актах, в остальных странах формируется и поддерживается при помощи коллективных договоров.

Наиболее широкий круг вопросов (которые не могут решаться без консультации с органом участия) зафиксирован в финском Законе «О сотрудничестве внутри предприятия», принятом в 1978 г. Вот их перечень: продажа и приобретение предприятием машин и оборудования, которые могут иметь существенное влияние на положение персонала; изменения в производстве и сервисе, методах работы и организации труда; значительное расширение или сокращение деятельности предприятия либо ее прекращение для всего предприятия или его части; рационализация производства; увольнения или принудительные отпуска из-за недостатка заказов; принципы найма и увольнения работников; меры по распространению информации внутри предприятия; жилищные вопросы сотрудников; льготы, предоставленные им со стороны предприятия — например питание на рабочем месте, детские учреждения, если на них выделяются средства предприятия[5].

---

[1] Aktuelt. 2005. No 6. S. 10.

[2] ST-press. 2004. No 5. S. 2.

[3] Organizing for Social Justice. Global Report under the Follow-up to the ILO-Declaration on Fundemental Principles and Rights at Work. Geneva. ILO. 2004. P. 60.

[4] TCO tidningen. 20.11.1998. S. 2.

[5] Tiitinen Kari Pekka. *Procedures and Structurs of Collective Bargaining at the Enterprise and Plant Level in Finland.* P. 51–52.

Органы участия действуют во всех северных странах и могут учреждаться на всех предприятиях, кроме самых мелких. Они состоят из равного числа представителей трудящихся (обычно — доверенных лиц их профсоюзных организаций) и работодателя. В транснациональных компаниях, действующих на территории стран Северной Европы, еще с 1980-х гг. введена практика создания «профсоюзных контактных групп» с участием не менее двух представителей профсоюзов от каждой страны, где такие предприятия расположены[1]. Этот порядок лег в основу принятой в Европейском союзе в 1994 г. Директивы Комиссии ЕС[2] о «советах европейских предприятий» (European Works Councils — EWC) — информационно-консультативных органах, которые работают в настоящее время в более чем 800 компаниях, владеющих предприятиями[3]. Отметим, что в северных странах находятся штаб-квартиры многих из них. Кроме того, североевропейские ТНК практикуют заключение «глобальных соглашений» с международными отраслевыми профобъединениями, которые содержат общие принципы отношений компаний с профсоюзами и регулируют условия труда на предприятиях ТНК. Среди таких ТНК — шведские «ИКЕА», «СКФ», «Сканска», «Н & М», норвежские «Статойл» и «Норске Ског», датская «ИСС» и т.д.[4] Профсоюзы считают, что соглашения с североевропейскими ТНК нередко содержат более выгодные для трудящихся пункты, чем подписанные с ТНК других стран.

Доверенные лица профсоюзов пользуются в северных странах достаточно широкими полномочиями. Так, по шведскому закону, который вступил в силу 1 июля 1974 г., доверенное лицо освобождается от работы с сохранением зарплаты для выполнения профработы, которая включает в себя проведение коллективных переговоров с работодателем и подготовку к ним, профсоюзную учебу и другие мероприятия. Доверенное лицо вправе посещать любое подразделение предприятия, где оно избрано, работодатель обязан предоставить ему необходимое для работы помещение и оргтехнику. Закон распространяется и на освобожденных (выборных) профсоюзных работников, которым предоставлены гарантии возвращения на прежнее или равнозначное место работы по истечении мандатного срока, а также на профсоюзных инспекторов по охране труда[5].

---

[1] Koncernfucklight samarbete i Norden. Nordiska Ministerraad. 1988. No 1. S. 65–66.

[2] Workers' Participation in Central and Eastern Europe. ILO. Budapest. 1998. P. 166–171.

[3] Lavoro. 02.07.2004.

[4] Metal World. 2002. No 4. P. 23.

[5] См.: Facklig foertroendeman. Jobbet och lagarna. Sthlm. LO-82.02.

Шведским Законом о представительстве в правлении компаний от 1976 г. профсоюзам предоставлено право назначать представителя с совещательным голосом в руководящие органы акционерных обществ и фирм при условии соблюдения им коммерческой тайны[1]. Во многих компаниях голос профсоюзных представителей учитывается и в вопросах распределения дивидендов, хотя прямо в законодательстве это не оговорено. Фактом является то, что в некоторых из них применяется выплата определенной доли прибылей в качестве годовых премий трудящимся. В значительной степени благодаря деятельности представителей работников в руководстве компаний на крупных предприятиях в той же Швеции были организованы здравпункты (они уже в начале 1990-х гг. охватывали 80% работников), сауны, бесплатное или льготное питание в рабочее время, детские учреждения и т.п.[2]

Правда, по мере транснационализации предприятий борьба за достижение конкретных результатов такого рода становится, по мнению профсоюзов, все более сложной, так как в странах, где расположены штаб-квартиры ТНК, подобные условия нередко не приняты.

Буржуазные правительства в период нахождения у власти в северных странах в 1990-х гг. не покушались на эту систему. Это в какой-то мере объясняется, видимо, тем, что дух социального диалога за прошедшие годы достаточно глубоко проник в общественное сознание североевропейских стран. Практически ни один закон или правительственное распоряжение по социальной проблематике в этих странах не принимается без его проработки, зачастую в неофициальном порядке, на трехсторонней основе — нередко даже по таким вопросам, какие не предусмотрены законодательством.

Важным инструментом социальной структуры стран Северной Европы являются системы трудовых судов и службы государственных посредников. Трудовой суд в Норвегии был создан еще в 1915 г. Он состоит из назначаемых правительством судей, рекомендуемых сторонами рынка труда, то есть организациями работодателей и профсоюзами. Председатель суда и его заместитель подбираются самим правительством из числа известных в стране юристов. Трудовой суд рассматривает только дела, связанные с выполнением тарифных соглашений[3]. В Швеции аналогичная инстанция возникла в 1929 г.; она не входит в общую судебную систему, а подчинена Министерству

---

[1] См.: Metallarbetaren. No 16.17.92. S. 21–22.

[2] См.: SIF-tidningen. No 29/91. S. 19.

[3] См.: Aktuelt. 2002. No 16. S. 2–3.

экономики. В ее составе — восемь юристов, назначенных правительством, семь — выдвинутых предпринимательскими организациями и семь — профсоюзами. Все члены суда принимают присягу и не выступают в судебных заседаниях как представители той или другой организации. Трудовой суд может выполнять роль суда первой инстанции или служить апелляционным судом в случае, если одна из сторон не удовлетворена рассмотрением дела в обычном суде[1].

Важную роль в социальном диалоге и предотвращении конфликтов на рынке труда имеют в северных странах службы государственных посредников. Государственный посредник назначается в Финляндии президентом страны, в Норвегии и Швеции — правительством, в Дании — министром труда (там назначаются три посредника), обычно по предложению сторон рынка труда или по согласованию с ними. Он имеет небольшой аппарат, включая представителей в регионах. Стороны рынка труда обязаны уведомить посредника о случаях не достижения согласия на коллективных переговорах и о намерении объявить забастовку или локаут в качестве средства давления на противоположную сторону (в период действия коллективного соглашения и то, и другое является незаконным). Обе стороны (и работодатели, и профсоюзы) могут обратиться в таком случае к государственному посреднику с просьбой о вмешательстве и вынесении своего решения по тем пунктам проекта коллективного соглашения, какие остались спорными и могут привести к силовым акциям сторон (забастовке или локауту). Однако посредник вправе и сам вмешаться в указанных случаях и предложить сторонам свое решение. На период, когда ведутся посреднические усилия (как правило, до 2 недель), начало стачки или локаута откладывается. Практика показывает, что в большинстве случаев стороны принимают решения государственного посредника[2].

Несмотря на такую отлаженную правовую систему, направленную на урегулирование отношений между трудом и капиталом, забастовочное движение в странах Северной Европы отнюдь не исчезло. Так, в Норвегии в наиболее «боевом» за последний период 2000 г. было проведено 29 забастовок с 94 тыс. участников и в результате потеряно 496,5 тыс. рабочих человеко-дней[3]. В 2004 г. при меньшем количестве стачек и их участников (17,5 тыс.) было потеряно 302,5 тыс. человеко-дней[4]. В Швеции в 1990-е гг. прошлого века было потеряно более 1,6 млн дней, из

---

[1] См.: Vaardfacket. No 7/01. S. 11.

[2] См.: Statstjaenstemannen. No 5/98. S. 24.

[3] См.: Aktuelt. 2001. No 10. S. 9.

[4] См.: Aktuelt. 2005. No 4. S. 6.

них половина — в ходе незаконных забастовок[1]. В 2003 г. (последние имеющиеся в нашем распоряжении данные) в забастовках участвовало около 80 тыс. трудящихся и было потеряно 630 тыс. рабочих дней[2]. В Дании самым активным был 2002 г., когда основные показатели стачечного движения выросли вдвое, и было потеряно 71 тыс. человекодней[3]. В 2003 г. в Гренландии впервые была проведена 5-дневная всеобщая забастовка[4]. Большое внимание в мире привлекла проведенная исландским профцентром АСИ в 1995 г. забастовка, в которой принял участие значительный процент членов профсоюзов. Поводом для нее послужило повышение окладов членам парламента (альтинга) на 20%, в то время как средняя зарплата по стране за тот же период выросла менее чем на 7%[5].

В последние годы в регионе Северной Европы произошли заметные сдвиги во взаимоотношениях профсоюзов и политических партий. Традиционно профдвижение в регионе имело тесные — не только политические, но и организационные связи с социал-демократией. Вот как говорил об этом бывший председатель ЦОПШ Б. Йонссон: «Мы образовали политическую партию, чтобы продвигать свои требования в парламенте — Социал-демократическую рабочую партию, которая показала себя самой успешной из шведских политических партий XX века»[6].

В Норвегии и Швеции профсоюзы в течение многих лет были коллективными членами партий социал-демократического направления, правда, к концу века такая форма партийно-профсоюзных отношений была аннулирована. В Норвегии, например, это произошло в начале 1997 г.[7], но уже в 2000 г. Норвежская рабочая партия (НРП) подтвердила уставное положение о том, что член партии обязан входить в профорганизацию по месту своей работы, подчеркнув тем самым желание продолжать тесные связи с профдвижением[8].

Руководители профсоюзов входят в состав выборных органов социал-демократических партий. Профсоюзы выделяют средства из своих бюджетов в поддержку социал-демократического движения, особенно в предвыборные периоды, а также имеют совместные с ним

---

[1] TCO-tidningen. 2000. No 12. S. 6.
[2] Aktuelt. 2004. No 3. S. 11.
[3] Kartellnytt. 2003. No 3. S. 18.
[4] Loentageren. 2003. No 7. S. 6.
[5] SIF. No 16/95. S. 17.
[6] World Wide Workers. Sthlm, Brevskolan, 1998. P. 14.
[7] LO-aktuelt. 1996. No 20. S. 18.
[8] Kartellnytt. 2000. No 10. S. 21.

предприятия — банки, страховые фирмы, туристические бюро, образовательные учреждения («высшие народные школы»), библиотеки, научные центры и т.д.

Однако по мере появления и роста других политических партий и движений левого толка профсоюзы должны были определять политику по отношению к ним. Речь идет, прежде всего, о сменивших после крушения социалистического лагеря свои названия и, частично, программные установки коммунистических организациях. Практически во всех северных странах левосоциалистические партии стали пользоваться уважением, а иногда и финансовой поддержкой профдвижения. Так, левая партия Швеции в 2001 г. получила, согласно надежным социологическим опросам, поддержку 19% членов профсоюзов, входящих в ЦОПШ, хотя еще за 5 лет до этого она пользовалась ею лишь у 5% таких профсоюзников[1]. Не случайно в мае 1997 г. состоялась первая официальная встреча руководства ЦОПШ и левой партии Швеции[2].

Схожее развитие проходит в Норвегии, где руководитель левых социалистов (ЛСП) была впервые приглашена на съезд ЦОПН по инициативе профсоюза транспортников[3], а председатель этого союза вошел в правление ЛСП[4]. В ряде профсоюзов, особенно в финляндских, представители левых партий входят в состав руководящих профсоюзных органов всех уровней.

С другой стороны, в профдвижении проявляют активность и правые политические партии, например, в Норвегии на последних выборах существенная часть членов профсоюзов голосовала за «прогрессивную партию». По данным социологов, ее поддержка в период с 2001 г. по конец 2004 г. выросла с 10 до 16% членского состава профсоюзов[5], с чем руководство профдвижения вынуждено считаться. Пытаются играть роль в профсоюзах и христианские демократы.

Все это повлияло на взаимоотношения «партии — профсоюзы» в целом. В некоторых случаях профсоюзы стремятся в какой-либо форме подтвердить независимость от партий или готовность сотрудничать с различными политическими силами. Председатель ЦОПН Г.Л. Валла направила послание в 2001 г. премьеру правоцентристского правительства М. Бунневику. В нем были выдвинуты 10 требований профсоюзов в социально-экономической области. Одновременно

---

[1] Aktuelt. 2001. No 1. S. 13.
[2] LO-tidningen. 22.08.97.
[3] Aktuelt. 2001. No 6. S. 8.
[4] Ibid. 2005. No 7. S. 7.
[5] Ibid. 2005. No 9. S. 3.

в нем было заявлено о готовности профдвижения к сотрудничеству с «любым» правительством страны[1]. В то же время в 2004 г. ЦОПН выделила обеим левым политическим партиям «на проведение партийно-политической работы» 25 млн крон (около 120 млн руб.) на ближайшие 3 года[2]. В Дании — противоположная ситуация. ЦОП Дании осуществил формальный разрыв с социал-демократами в 2003 г. и провозгласил «полную партийно-политическую независимость» профдвижения, одновременно было принято решение о прекращении выплаты средств в какие бы то ни было фонды социал-демократической партии[3].

Особо следует сказать об отношении профсоюзов этих стран к возникшему на рубеже столетий антиглобалистскому (его часто называют «альтерглобалистским», то есть выдвигающим альтернативу глобализации) движению. В Северной Европе раньше, чем во многих других регионах, профсоюзы начали участвовать в действиях антиглобалистов. Затем они установили организационные связи с ними: ряд известных профсоюзных деятелей были избраны в руководящие органы антиглобалистов, профорганизации различного уровня официально направляют делегатов на проводимые антиглобалистами или по их инициативе всемирные и европейские форумы и конференции, их представителей приглашают на профсоюзные мероприятия и т.д.

Одним из завоеваний профсоюзного движения в североевропейских странах является сильная система социального обеспечения. Общая схема пенсионного обеспечения в северных странах выглядит следующим образом. Все граждане имеют небольшую, но достаточную для нормальной жизни пенсию (в Швеции она называется «народной»), независимо от того, работали ли они и сколько за свой труд получали. Трудящимся же выплачивается еще и «трудовая» или «служебная» пенсия, размер которой рассчитывается, исходя из трудового стажа и объемов заработка, причем за основу последнего берется определенное количество лет, наиболее выгодных для уходящего на пенсию работника.

Характерным является для северных стран также возможность выхода на пенсию при определенных условиях (например, для длительно безработных пожилых людей) досрочно, например, колдоговорная пенсия в Норвегии или «послеоплата» в Дании, поскольку

---

[1] Aktuelt. 2001. No 18. S. 33.

[2] Aktuelt. 2004. No 15. S. 4–5.

[3] Ibid. 2003. No 3. S. 10.

законодательный возраст выхода на пенсию по возрасту довольно высок — 65–67 лет. Все пенсии ежегодно индексируются, хотя инфляция в северных странах обычно составляет лишь 1–2% в год.

Однако в 1990-е гг. практически во всех странах региона было проведено наступление на солидарные пенсионные схемы с целью замены их накопительными. Такая политическая линия велась в основном правительствами буржуазных партий, которые на более или менее длительный срок приходили к власти в северных странах. В настоящее время в них действуют смешанные пенсионные системы, то есть старшие возрастные категории получают пенсии по прежним схемам, а более молодые — уже по новым.

Развиты в северных странах и иные виды социального страхования. Так, пособия по болезни равны 80–100% зарплаты работников, полностью или частично оплачиваются визиты к врачу (кроме стоматолога), лекарства[1]. В последние годы, однако, и в этом деле намечается определенный откат: например, увеличивается число первых неоплачиваемых дней болезни. В Швеции, скажем, 1-й день отсутствия на работе по временной нетрудоспособности не оплачивается вообще, 2–14-й дни оплачиваются в размере 50% основной зарплаты, за 15–90-й дни работник получает 90%[2].

Выплачивается достаточная по размеру компенсация за трудовое увечье или профессиональное заболевание[3]. Пособия по инвалидности исчисляются, исходя из процента потери трудоспособности[4]. Детские пособия на одного ребенка равны 2,5–3,5 тыс. руб. в месяц по валютному курсу 2005 г. и выплачиваются, как правило, до совершеннолетия, при наличии нескольких детей в семье суммы пособий на каждого увеличиваются по прогрессивной шкале. Выдаются пособия по уходу за больным ребенком. Предусмотрена возможность получения работником учебного отпуска, оплачиваемого работодателем[5].

Для всех пособий установлен максимум, с тем чтобы выплачивались они только действительно нуждающимся. Существенным можно считать размер социальной помощи неимущим — в Дании, к примеру, ее максимальный объем превышает 10 тыс. крон в месяц, или почти 50 тыс. руб.[6] Перечень социальных пособий и льгот мож-

---

[1] Statstjaenstemannen. 2001. No 14. S. 20–21.

[2] Siftidningen. 2005. No 9. S.16

[3] Erstatsningsansvar ved arbejdsskader. K benhavn. DA. 21.09.1989. S. 10.

[4] Kartellnytt. 2002. No 2. S. 6.

[5] Staatstjaenstemannen. 2000. No 3. S. 20–21.

[6] Desent Work in Denmark. P. 22.

но было бы и продолжить, но ясно одно: их объем и разнообразие намного превышает аналогичные показатели большинства других стран мира.

В последнее время все большее влияние на рынок труда оказывает трудовая миграция. В нынешний период ее масштабы пока несравнимы с другими европейскими странами. По данным Международной организации труда, в Дании в 2003 г. мигранты составляли 4,9% населения, в Норвегии — 4, в Финляндии — 1,7, в Швеции — 5,5%[1]. Доля трудящихся мигрантов в общем массиве рабочей силы составила в Дании 3% (84 тыс. человек), в Норвегии 2,6% (55 тыс.), в Финляндии 1,3% (34 тыс.), в Швеции 5,1% (218 тыс.)[2]. Мигранты нередко занимают те рабочие места (малооплачиваемые и не престижные), на какие не претендуют граждане самих северных стран. Однако следует учитывать, что среди мигрантов налицо немалый процент безработных (в Финляндии в 2000 г. таковых было 31%)[3], значительная часть их имеет ненадежную работу (в Дании 37% мигрантов, Финляндии 42%)[4] и сконцентрирована в ограниченном количестве отраслей и профессий. Все это в сумме порождает напряженность в трудовых отношениях на ряде участков экономического спектра.

В качестве примера можно привести «дело Ваксхольма», которое возникло в Швеции в 2004 г. На стройке в пригороде Стокгольма, были задействованы рабочие — строители из Латвии, которым положили нищенскую зарплату по шведским меркам, но вполне приличную по латвийским: 35 шв. крон (около 140 руб.) в час. Шведский союз строителей организовал бойкот стройки, требуя, чтобы латышам выдали заработки по шведским нормам. Дело дошло даже до Европейского суда. Это, кстати, не единственный случай обращения североевропейских профсоюзов в суд в защиту трудящихся мигрантов: еще в 1992 г. датская ЦОПД добилась выдачи полякам, независимо от того, являлись ли они легальными или незаконно прибывшими в страну мигрантами, налоговых карточек, что лишило работодателей возможности платить им чрезмерно низкую зарплату[5].

Рассматривая такую практику как «социальный демпинг», левые партии и профсоюзы северных стран принимают меры к предотвращению угрозы превращения миграции в источник серьезных социальных

---

[1] Travailers et travaileses migrants. Geneve. BIT, Education ouvrier. No 129. P. 139.

[2] Stalker P. *Workers without Frontiers*. Geneva. ILO. 2000. P.42.

[3] Loentagaren. 2002. No 2. S. 15–16.

[4] Analyses and Documents Economique. 2004. No 96. P. 53.

[5] Fagbladet. No 2/92. S. 1.

проблем и к содействию интеграции мигрантов в общественно-политическую жизнь и трудовые отношения в своих странах.

Одновременно профдвижение выступает против «дальнейшего открытия дверей» для миграции, как это сформулировала ЦОПН, чтобы в стране не появился «класс Б на рынке труда»[1], а ЦОПФ — против создания предприятий с чисто иммигрантской рабочей силой, что, по ее мнению, усилило бы эксплуатацию трудящихся мигрантов и оказало бы давление на финляндский рынок труда[2].

---

[1] Aktuelt. 2001. No 14. S. 6.

[2] Loentagaren. 2002. No 2. S. 25.

«Не пора ли выбрать уроки русского?»[1]

Глава 5. Многообразие форм многостороннего сотрудничества на Севере Европы

5.1. «Северное измерение» — инструмент стратегии ЕС по отношению к России

В отличие от отношений между РФ и ЕС, которые на коммунитарном уровне временно заблокированы польским вето на переговоры о заключении нового соглашения о сотрудничестве, «Северное измерение» в настоящее время находится на подъеме, что связано с действием следующих 2факторов.

1. «Северное измерение» начиналось как политика ЕС, обращенная на север европейского региона и России. Такой односторонний подход тормозил его реализацию. Теперь принят новый формат: оно отныне рассматривается как равноправное сотрудничество четырех равных сторон: России, ЕС, Норвегии и Исландии. Одновременно с принятием в ЕС 10 стран-новичков, в ЕС укрепилось понимание, что Россия является ключевым участником этого инструмента сотрудничества.
2. Роль «Северного измерения» повышается в связи с тем, что было принято решение рассматривать его как региональное воплощение четырех общих пространств, создаваемых Россией и ЕС. Начиная с 2007 г. главная роль в «Северном измерении» со стороны ЕС отводится новому инструменту, направленному на новых соседей и партнеров ЕС.
3. В 2006 г. было принято два принципиально важных документа по «Северному измерению» — Рамочный документ по «Север-

[1] Turun Sanomat. 26.01.2007.

ному измерению» и Политическая декларация по «Северному измерению». Эти документы закрепляют новые подходы к этому направлению сотрудничества, определяют его развитие на годы вперед, уточняют его принципы и механизмы реализации, в том числе в области финансирования. Главным принципом утверждается принцип паритетного финансирования.

4. Несмотря на многие шероховатости и реальные трудности развития сотрудничества в рамках «Северного измерения», за истекшие годы были достигнуты реальные значимые результаты. А именно:
   — реализовано два Плана действий по «Северному измерению» на 2001–2003 гг. и 2004–2006 гг.;
   — создана информационная система по «Северному измерению»;
   — реализуется электронный план действий по «Северному измерению»;
   — развивается сотрудничество в форме Партнерства по двум важным направлениям: по экологии и в области здравоохранения и социального обеспечения. Обсуждается возможность развития третьего направления — по транспорту и логистике.

Идея «Северного измерения» возникла в 1997 г., а реально оно развивается с 1999 г. «Северное измерение» распространяется на широкий европейский регион: от Исландии на западе до Ненецкого АО на востоке, от Шпицбергена на севере до южного побережья Балтийского моря. В регионе проживает около 80 млн человек, в том числе 24 млн — в Скандинавских странах и Финляндии, около 8 млн — в странах Балтии, 15 млн жителей — в российских западных и северо-западных регионах, остальные — в прибалтийских районах Польши и Германии.

Регион отличает огромный природно-ресурсный потенциал: здесь расположены на шельфе Баренцева моря мощные нефте- и газоносные месторождения, на Кольском полуострове — крупные месторождения цветных металлов, минералов, а также регион богат лесными и рыбными ресурсами. Бóльшая часть природных ресурсов располагается в российской части североевропейского региона. Например, Штокмановское газоконденсатное месторождение, по оценкам экспертов, считается пятым по величине в мире. Если по большинству видов первичных природных ресурсов (кроме некоторых руд цветных металлов) преобладает Российская Федерация, то по важнейшим экономическим показателям (таким, как: уровень ВВП на душу населе-

ния, а также объем и доступность финансовых ресурсов) преобладают партнеры России. Экономический потенциал стран-участниц характеризуется данными, представленными в таблице 5.1.

Таблица 5.1

Сравнение экономического потенциала пространства «Северного изменения» и ЕС в 2007 г.

	Россия	Норвегия	Исландия	ЕС
Население (млн человек)	141,4	4,6	0,3	491,0
ВВП (млрд долл. США)	2076	254	11,9	14 450
ВВП в расчете на душу населения (долл. США)	14 600	55 600	39 400	29 429

Источник: CIA — The World Fact Book. 2008.

Первоначально идея «Северного измерения» была высказана премьер-министром Финляндии Пааво Липпоненом в речи, произнесенной в сентябре 1999 г. в столице Лапландии — Рованиеми. Замысел «Северного измерения» состоял в том, чтобы привлечь финансовые ресурсы и организационные возможности ЕС для развития на паритетных началах североевропейского региона как единого целого, для того чтобы ввести в хозяйственную эксплуатацию его богатейшие природные ресурсы. Пройдя несколько этапов рассмотрения, идея получила одобрение на сессии Европейского союза в Вене в декабре 1998 г., а 31 мая 1999 г. очередное заседание Совета наметило направления и приоритеты политики «Северного измерения». Таким образом финская идея переросла в концепцию ЕС. Позиции стран ЕС по «Северному измерению» были уточнены и согласованы на саммите ЕС в Кёльне 4 июня 1999 г., когда ЕС одобрил Коллективную стратегию по отношению к России. В октябре 1999 г. в Хельсинки президент России В.В. Путин представил лидерам ЕС Стратегию развития отношений Российской Федерации с ЕС на среднесрочную перспективу (2000–2010). И в том, и в другом документе «Северное измерение» получило признание. Предложения России по развитию сотрудничества с ЕС содержали утверждение, что Россия поддерживает политику «Северного измерения» и будет сотрудничать с ЕС по освоению неф-

тегазовых месторождений, созданию энергетических и транспортных объектов и сетей, а также в сфере создания единого европейского энергетического пространства и выработки совместной энергетической политики.

Заседание Европейского совета в Хельсинки в декабре 1999 г. поручило Комиссии подготовить План действий на 2000–2003 гг. по «Северному измерению». Затем политика «Северного измерения» была конкретизирована в Плане действий, который был принят в 2000 г. в Фейра (Португалия) на саммите ЕС. План был рассчитан на период 2001–2003 гг. По своему содержанию этот документ может быть охарактеризован скорее как план намерений ЕС, перечень направлений, по которым ЕС собирался развивать сотрудничество с Россией по североевропейскому направлению, чем конкретный план действий.

Семнадцатого мая 2001 г. Романо Проди и В.В. Путин сделали совместное заявление о необходимости создания единого экономического пространства Россия–ЕС и начале энергетического диалога. Затем страны — участницы «Северного измерения» приступили к созданию специальных финансовых инструментов, предназначенных для практической реализации «Северного измерения» — в начале 2001 г. был создан Фонд ЕС «Экологическое партнерство в рамках “Северного измерения”».

Европейский совет в Гётеборге в июне 2001 г. рассмотрел первый полный отчет по реализации политики «Северного измерения», и были выбраны три приоритета: экология, проблема Калининградского анклава и борьба с преступностью.

Итак, в период с 1997 по 2000 г. «Северное измерение» сначала переросло в концепцию ЕС, а затем — в конкретную политику ЕС. Что же из себя представляет «Северное измерение»? Это — сложное, многоплановое, неоднозначное и уникальное явление, эта программа имеет как минимум четыре «измерения».

Во-первых, она представляет собой политику ЕС в определенном географическом направлении. Образование ЕС вызвало необходимость организации (в той или иной форме) отношений со странами, расположенными на внешних границах Европейского союза, и в этом аспекте она имеет несколько аналогов в виде средиземноморской политики, политики по отношению к странам — участницам Ломейских конвенций, политики по отношению к странам Центральной и Восточной Европы.

Во-вторых, «Северное измерение» — это инструмент сотрудничества — по терминологии Самюэля Хантингтона — через цивилизационный разлом; и в этом смысле ее можно сравнить с Хельсинкским

процессом, который был направлен на преодоление раскола Европы путем наведения мостов между Западом и Востоком. «Северное измерение» открыло возможности развитию нового европейского региона, рамки которого определяются не национальными границами, а экономическими соображениями.

В-третьих, «Северное измерение» — это механизм координации различных инициатив, направленных на Север Европы, таких как североевропейские региональные организации и разные программы ЕС, для которых такая политика — по замыслу — должна выполнять роль зонтика или интегратора. В идеале подобная координация должна привести к повышению эффективности работы организаций и программ, концентрируя их вокруг единой цели — развития нового европейского экономического региона, объединяющего территорию Балтийского и Баренцева морей в некое новое экономическое пространство. В этом отношении регион «Северного измерения» можно сравнить с европейскими мегарегионами, которые образуются на границе национальных границ. Например, такие образования возникли на стыке территорий Франции и Италии, ФРГ (Бавария) и прилегающими районами Австрии, а также между территориями датского города Хельсингер и шведских городов Хельсинборг—Мальмё, где стал складываться еврорегион после строительства моста через пролив Эресунн и т.д.

В-четвертых, оформление «Северного измерения» в виде особого направления политики Европейского союза можно рассматривать как крупный успех Финляндской Республики, один из немногих случаев, когда небольшая по своему экономическому потенциалу страна сумела оказать влияние на европейскую политику, придать ей новое направление. Секрет отзывчивости такого мощного блока, как ЕС, на инициативу маленькой Финляндии состоит в том, что ее правительству удалось сформулировать предложение, отвечающее интересам ЕС и Европы в целом.

Из всех предложений, направленных на развитие регионального сотрудничества на Севере Европы, финское предложение по «Северному измерению» оказалось самым широким в географическом и содержательном планах. Географическое расширение ЕС происходит таким образом, что на его внешних границах возникает зона притяжения к ЕС. Такие зоны образовались по всему периметру ЕЭС/ЕС, а в новой ситуации, сложившейся на Севере Европы в 1990-е гг., стало возможными реализовать такую инициативу и в этой части европейского континента.

Действительно, расширение сотрудничества между Россией и ЕС на Севере Европы в рамках «Северного измерения», хотя и несет для

Российской Федерации и ЕС асимметричные результаты, но в случае его развернутой реализации обеспечивает решение для участвующих стран насущных для их социально-экономического и политического развития проблем:

— расширение ресурсной базы для ЕС;
— содействие экономическому развитию на Севере Европы, особенно в тех ее регионах (в Норвегии, Швеции и Финляндии), где уровень безработицы наиболее высок;
— усиление экономического потенциала Европы и ее роли в мировой экономике;
— повышение энергетической безопасности ЕС;
— улучшение экологической ситуации в России и Западной Европе на основе улучшения структуры энергобаланса за счет увеличения поставок природного газа из России;
— улучшение условий жизни коренных народов Севера Европы, новые возможности для сохранения традиционного уклада их жизни.

С самого начала два процесса — «Северное измерение» и отношения между Россией и ЕС — разворачиваются хотя и параллельно, но взаимосвязано, причем со временем прямая зависимость между ними стала даже более очевидной. Эти два направления политики различаются лишь своими географическими масштабами. Реализация идей, заложенных в основу организации энергетического диалога, о котором было объявлено в совместном заявлении В.В. Путина и Романо Проди от 17 мая 2001 г., невозможна без развития и реализации «Северного измерения» в его широком толковании. Эта зависимость со временем стала более явной, особенно в период после 1999 г., когда последовательно появились идеи «позитивной взаимозависимости», энергетического диалога и единого экономического пространства ЕС и Российской Федерацией.

В настоящее время перспективы «Северного измерения» улучшаются, так как тенденция к росту цен на углеводороды на мировом рынке открывает возможности для широкого освоения месторождений на шельфе Баренцева моря.

От этапа к этапу, от ступени к ступени замысел «Северного измерения» уточнялся и конкретизировался. На сессии Совета ЕС в Гётеборге в июне 2001 г., когда были избраны в качестве приоритетов «Северного измерения» три конкретных направления: экологическая защита, борьба с организованной преступностью и проблема

Калининградского анклава, на том этапе фактически возобладал балтийский подход. Ведь именно эти три направления выделились как определяющие в рамках системы сотрудничества в рамках СГБМ. Выбор приоритетов определил использование финансовых средств.

С самого начала было решено, что никаких дополнительных средств из бюджета ЕС на политику «Северного измерения» выделено не будет, то есть речь может идти только о перераспределении ассигнований, выделяемых по другим каналам, и первоначально не предусматривалось создания никаких специальных программ или финансовых институтов.

Финская консалтинговая фирма «ЛарКон и Пааккари» еще в марте 1998 г. оценила потребности российского северо-запада в финансировании, необходимые для его эффективного участия в реализации «Северного измерения». Согласно их оценкам, инвестиционные потребности северо-запада Российской Федарации — около 82 млрд евро в период 2000–2020 гг. В том числе: 37 млрд евро (45%) необходимо инвестировать в нефтяной и газовый сектор, а 45 млрд евро (55%) — в другие сектора. (Среди них — электроэнергетика, горнорудная промышленность, транспорт, лесное хозяйство, охрана окружающей среды и радиационная безопасность[1].) В таком объеме средства, необходимые для полноценного участия северо-западных регионов России в реализации «Северного измерения» в первые годы проведения политики «Северного измерения» изыскать не удалось.

Поскольку «Северное измерение» не имеет собственных источников и особых инструментов финансирования, то его реализация вынуждена опираться на сочетание различных механизмов: национальные ресурсы, международные финансовые институты и организации, координацию различных международных программ. В их число входят такие МФО, как: ЕИБ, ЕБРР, СИБ, НЕФКО, а также новый фонд «Экологическое партнерство в рамках “Северного измерения”» (с 2001 г.). Специальный Фонд финансирования экологического партнерства был создан в 2003 г. в размере 2 млрд евро и предназначен для реализации экологических проектов. ЕБРР был выбран в качестве финансового менеджера по реализации проектов партнерства. Россия приняла решение выделить 10 млн евро в совместный фонд. Финансирование конкретных проектов осуществляется

[1] The Ministry for Foreign Affairs. Northern Dimension. Sectors, Projects and Financing, Working Paper. March 1998. LarCon Oy & Paakkari Consulting Oy. P. 66.

на возвратной основе, частично оно осуществляется в виде кредитов, частично в форме грантов.

Первоначально ресурсы фонда составили: 123 млн евро — в виде грантов, предоставляемых Российской Федарации через ТАСИС и 500 млн евро — в виде льготных кредитов на период до 20 лет с льготным периодом (беспроцентным) в 7 лет. В число координируемых в целях реализации «Северного измерения» программ вошли следующие программы ЕС: ТАСИС, ФАРЕ, ИНТЕРРЕГ, а также Баренцева программа по линии СБЕР.

Программа ТАСИС, направленная на все постсоветское пространство и Монголию, с 1991 по 2000 г. привела к реализации 1500 проектов. В 1995 г. северо-западные области России получили приоритетный статус в рамках этой программы, что принесло в эти регионы дополнительные средства в размере 13% общих ассигнований по ТАСИС. В том числе на севере России были профинансированы следующие проекты: приграничный индустриальный комплекс в Костомукше, строительство очистных сооружений в Сортавале, строительство международного пропускного пункта в Суоперя на севере Карелии, еврорегион «Карелия» и т.д.

Сугубо внутренняя программа ЕС ИНТЕРРЕГ, предназначенная для тех его регионов, которые не достигают 85% среднего уровня его развития, может быть использована на территории вне ЕС в связи с политикой «Северного измерения». Например, Республика Карелия получила по этой программе финансирование в объеме 28 млн евро[1] для развития еврорегиона «Карелия». По программе ИНТЕРРЕГ в период 1995–1999 гг. на регион Балтийского и Баренцева морей было выделено 207 млн евро из общего бюджета программы в 3,5 млрд евро[2]. Северный инвестиционный банк открыл кредитную линию в 100 млн долл. для финансирования экологических проектов на Севере Европы. ЕБРР при участии североевропейских стран создал фонд для повышения радиационной безопасности на Севере Европы в размере 250 млн евро (приоритетным районом выбран Кольский полуостров) и региональный фонд для девяти северо-западных областей Российской Федерации в размере 50 млн долл. НЕФКО финансирует малые и средние проекты экологической направленности и в области внедрения чистых промышленных технологий.

---

[1] *Шлямин А.* Россия в «Северном измерении». Петрозаводск, 2002. С. 98.

[2] A Northern Dimension for the Policies of the Union: an Inventory of Current Activities. EC. Working Document of the Commission Services.

В период до 2004 г. на североевропейский регион приходилась крайне незначительная часть расходов по программам ЕС, предназначенным для европейских стран с переходной экономикой, включая Российскую Федерацию. Поскольку финансирование программы ФАРЕ примерно в три раза превосходило в тот период программу ТАСИС, разработанную для стран СНГ и Монголии, в которых проживает в 2,5 раза больше населения, то в среднедушевом исчислении размер финансового содействия странам — кандидатам на присоединение к ЕС на порядок превысил содействие России. Программы содействия ЕС странам Центральной и Восточной Европы (ФАРЕ, САПАРД и ИСПА) носили более целенаправленный и прагматичный характер, чем программы технического содействия ЕС России, ведь большая часть отпускаемых по ним средств была направлена на реальные инвестиции в экономику и инфраструктуру.

В то же время основная часть ассигнований по программе ТАСИС, для Российской Федерации и других стран СНГ и Монголии предназначается для консультирования и технического содействия. На реальные инвестиции в разные годы выделялась незначительная часть средств — сначала 10%, а с 1995 г. — 25%. Однако поскольку изначально Россия в этом отношении сильно отставала от стран Центральной и Восточной Европы, то изменение статуса ее северо-западных регионов в программе ТАСИС принципиально не изменило этого положения.

Что касается направлений кредитной деятельности международных финансовых институтов и банков для реализации «Северного измерения», то в период 1-го Плана действий по «Северному измерению» они отдавали явное предпочтение кредитованию проектов экологической направленности. В 2001 г. был создан новый финансовый инструмент — «Экологическое партнерство в рамках «Северного измерения», который объединил средства пяти мощных инвесторов: Комиссии ЕС, ЕИБ, Северного инвестиционного банка, ЕБРР и НЕФКО. Руководящая группа этого партнерства в сотрудничестве с РФ отобрала 15 природоохранных проектов на общую сумму инвестиций более 2 млрд евро[1]. Кредиты предоставляются на благоприятных условиях: рассрочка на 20 лет с льготным сроком погашения в 7 лет. Кроме того, в этих же целях было выделено еще 123 млн евро в виде грантов, предоставляемых России через ТАСИС.

Посмотрим теперь, как обстоит дело с частными капиталовложениями, доля которых в реализации «Северного измерения» по замыс-

[1] www.ndep.org/RUS/Projects.asp.

лу должна со временем возрастать. Россия не менее, чем в два раза отстает от Польши по размерам накопленных прямых иностранных инвестиций, а если пересчитать на душу населения, то отрыв, естественно, увеличивается. Таким образом политические факторы, а именно задача подготовить Польшу и страны Балтии к вступлению в ЕС, на первом этапе реализации «Северного измерения» превалировали над экономическими. Поэтому основной поток финансовых ресурсов в тот период пошел в направлении стран-кандидатов на присоединение к ЕС в регионе Центральной и Восточной Европы и стран Балтии, которые явно выигрывали в конкуренции за капиталовложения по сравнению с североевропейскими проектами. Таким образом проявилась конкуренция между разными европейскими мегарегионами: Североевропейским, Центрально-Европейским и Средиземноморским. Произошел крен в сторону проблем, возникающих в рамках Балтийского региона.

В отличие от финансового механизма организационный механизм реализации «Северного измерения» приобрел определенность гораздо быстрее. В Гётеборге в 2001 г. было принято решение о том, что раз в два года будет созываться конференция на уровне министров или старших должностных лиц для рассмотрения хода реализации «Северного измерения». Европейский совет, начиная с 2002 г., ежегодно рассматривает отчеты Европейской комиссии по «Северному измерению». Ежегодно министры иностранных дел стран ЕС обсуждают вопросы реализации этого направления политики, в том числе проводится обсуждение с участием России. Североевропейский форум с широким составом участников, представляющих деловой мир и гражданское общество, организуется каждые два года.

Практические результаты и перспективы развития «Северного измерения», в конечном итоге, будут определяться тем, в каких масштабах оно способно привести к переориентации финансовых потоков. Этот регион богат природными ресурсами и полезными ископаемыми, но беден финансовыми ресурсами, так как здесь нет крупных финансовых центров международного значения и наблюдается дефицит внутрирегиональных инвесторов. Без привлечения дополнительных инвестиций ввести в хозяйственный оборот те природные, людские и научно-технические ресурсы, которыми регион обладает, не представляется возможным.

На первых порах встретило затруднения решение вопроса о финансировании строительства нового крупного газопровода от Штокмановского месторождения природного газа в Баренцевом море до Санкт-Петербурга с ответвлением в Финляндию, а возможно,

и в Швецию. Это месторождение расположено в Баренцевом море на расстоянии 550 км от Мурманска, а его стоимость оценивается в несколько десятков миллиардов долларов. В настоящее время строительство трубопроводов, связывающих российские месторождения углеводородов с ЕС, перешло в практическую плоскость. В 2005 г. началась реализация проекта Североевропейского газопровода стоимостью 2 млрд долл. и протяженностью 2187 км, из которых 1200 км приходятся на море и 917 км — на сушу. Газопровод планируется провести от российского Выборга до немецкого Грайфсвальда. По-прежнему остро стоит проблема привлечения средств для развития транспортно-коммутационной инфраструктуры российского севера и северо-запада.

Причины дефицита капиталов, которые не удается привлечь для реализации политики «Северного измерения» в необходимых объемах, следующие:

а) факторы международного характера;
б) причины европейского плана;
в) причины, связанные с особенностями российской экономической ситуации.

Рассмотрим сначала факторы международного уровня. Для существенного притока в Россию инвестиций, необходимых для освоения ее топливных ресурсов в трудно доступных регионах Севера, необходимо соответствующее состояние мирового рынка и, прежде всего, высокий уровень цен на топливо. Рынок диктует вовлечение в хозяйственный оборот в первую очередь наиболее легкодоступных месторождений сырья и топлива, таких как, например, месторождения в странах Ближнего Востока или в бассейне Каспийского моря. Месторождения нефти и газа Северного моря стали широко осваиваться только после нефтяного кризиса 1970-х гг., вызвавшего взрывной рост цен на нефть. Точно так же освоение запасов топлива на шельфе Баренцева моря стало возможным только после существенного роста цен, наблюдаемого в последние годы, так как эти месторождения требуют более высоких удельных капиталовложений.

Бóльшая часть российских топливных и минеральных ресурсов (по некоторым оценкам от 70 до 90%) расположена в труднодоступных условиях севера. Они представляют собой кладовую полезных ископаемых, которые возможно использовать только тогда, когда другие источники, более удобные и легкодоступные, будут истощены. Именно в этом состоит их роль в мировой экономике и их ми-

рохозяйственное предназначение — служить природной кладовой мирового хозяйства.

Наконец, на российском уровне тоже возникает ряд проблем, которые во многом препятствуют активному участию России в этой программе. Экономическая реформа привела к инвестиционному кризису в России и массовому оттоку частных капиталов за границу в основные финансовые центры мировой экономики и офшорные зоны. Эти средства отвлекаются от развития экономики России, в том числе они не могут быть использованы и для «Северного измерения».

Трудности экономического взаимодействия внутри североевропейского региона обусловлены большой разницей в уровнях экономического развития (между западной и восточной (российской) частями), различной динамикой промышленного и экономического роста, существованием разрыва в уровнях жизни. Это обусловливает более слабые инвестиционные возможности России для развития инфраструктуры по сравнению с ее партнерами. Размер ВВП на душу населения в североевропейских странах превышает 30 тыс. долл. (в Норвегии даже более 40 тыс.), в то время как на северо-западе России в тот период, когда встал вопрос о «Северном измерении», объем регионального продукта на душу населения — не более 5 тыс. долл.

Ограничением иностранных инвестиций в освоение российского севера выступает несоответствие законодательной базы России западноевропейским требованиям. Инвестиционный климат для иностранных вкладчиков улучшает вступление в силу Закона о земле, принятого в России и разрешающего продажу земли. Для иностранцев законодательно допустимой стала длительная аренда, что позволяет использовать землю в качестве гарантий для получения кредитов. Вступил в действие Закон о разделе продукции. Эти два закона очень привлекательны для иностранных инвесторов.

Участие России в проектах «Северного измерения» осложняет тот факт, что в ходе рыночной реформы в стране резко упало значение территориального планирования, практически отсутствует региональная политика. Это во многом делает беспредметным вопрос о критериальной оценке тех или иных региональных проектов, выполнение которых связано с участием России в «Северном измерении». В настоящее время в Российской Федерации фактически отсутствуют органы государственного управления, в функции которых входила бы экономическая оценка региональных проектов и ранжирование предложений по развитию международного сотрудничества, которые представляются с местного уровня власти на федеральный. В этих условиях федеральные органы оказались не готовы к тому, чтобы предоставлять в ЕС

всесторонне взвешенные и основанные на экономических расчетах предложения по участию России в реализации политики «Северного измерения». В результате портфель инвестиционных предложений, поступивших от России в адрес ЕС и направленных на ее участие в «Северном измерении», который был представлен на рассмотрение Комиссии ЕС (КЕС) в период подготовки Первого плана действий, был составлен как простое сведение вместе в один документ предложений российских регионов. Технико-экономическая составляющая и согласование проектов отсутствовали, что затруднило их оценку со стороны Комиссии ЕС.

Усилить приток инвестиций из-за рубежа возможно с помощью изменения применяемых в России погранично-таможенных процедур, введения дифференцированного подхода. Например, возможно использование такого инструмента стимулирования международного экономического сотрудничества, как введение Преференциального таможенного режима для адресных проектов на Северо-западе Российской Федерации, которые представляют первоочередной интерес для российской экономики.

Особую проблему представляет собой бюрократизм и коррупция в России, решение этого вопроса выходит за рамки экономики и упирается в политику. Экономическая реформа, осуществляемая в России на протяжении последних 15 лет, привела к расцвету коррупции, которая достигла небывалых ранее масштабов.

Итак, «Северное измерение» политики ЕС представляет собой многоплановую и уникальную концепцию, являясь одновременно инструментом региональной политики, средством единения восточной и западной частей Европы, а также координационным механизмом для ряда программ и отдельных проектов. Идея «Северного измерения» несет в себе потенциальные возможности для повышения безопасности всего североевропейского региона в разных его аспектах: военно-политическом, экономическом, энергетическом, экологическом, социальном и т.д. Практическая реализация политики «Северного измерения» может служить предпосылкой налаживания новых торговых путей (сухопутных и морских), связывающих Европу и Азию через территорию России, которые требуют формирования всеобъемлющей трансконтинентальной инфраструктуры, что создало бы мощные импульсы для развития российской экономики.

Однако выработка и реализация политики «Северного измерения» на первых этапах в период до 2004 г. приносила успехи скорее в дипломатической и политической сферах, чем в экономике, так

как его реализация была ограничена инвестиционными возможностями.

Расширение ЕС на Восток негативно повлияло на реализацию политики «Северного измерения», сместив его приоритеты в сторону Балтийского региона. Однако «позитивная взаимозависимость» между ЕС и Россией, провозглашенная стратегической задачей для ЕС в ее отношениях с нашей страной, не может быть достигнута без усиления сотрудничества в энергетике, в строительстве газо- и нефтепроводов, в научно-технической области, а именно тех направлений, которые являются главными в «Северном измерении». Именно поэтому роль «Северного измерения» в общей стратегии ЕС в современной обстановке повышается, а его переплетение с общей стратегией отношений Россия—ЕС усиливается. Жизнеспособность «северного маршрута» автоматически обеспечивает динамичность и жизнеспособность отношений между Россией и ЕС в целом, так как именно на Севере эти две хозяйственные системы сопрягаются в такой сфере, которая важна для энергетического сотрудничества, представляющего сердцевину их хозяйственного взаимодействия.

По мере реализации политики «Северного измерения» — от Первого ко Второму плану действий она принимала более прагматический характер, из области намерений стала переходить в практическую плоскость. Если в период до 2004 г. восточное направление политики ЕС было обращено в первую очередь к бывшим странам — членам СЭВа, которые образовывали для него в тот период ближнее зарубежье для ЕС. Сейчас ситуация изменилась, и теперь Россия и европейские страны — члены СНГ образуют ближнее окружение ЕС. Поэтому на новый период действия «Северного измерения» на 2004—2006 гг. Комиссия ЕС выдвинула новую инициативу «Широкая Европа — политика по отношению к новым соседям».

Первый план действий ЕС по «Северному измерению» был рассчитан на период 2001—2003 гг., а Второй план действий — на 2004—2006 гг. С 2002 г. Комиссия ЕС ежегодно готовит доклады по реализации «Северного измерения», которые рассматриваются на заседаниях Европейского совета. Введена в действие информационная система «Северного измерения», которая позволяет анализировать ход его реализации, осуществляемой по разным программам ЕС при помощи различных международных организаций, вся информация по которым концентрируется в Комиссии ЕС.

Первый план действий содержал три приоритета (экология, Калининградский анклав, борьба с преступностью), кроме того, он включал также широкий спектр вопросов перспективного характера. Среди

них — энергетика, транспортная и приграничная инфраструктура, приграничное сотрудничество, сотрудничество в области юстиции и внутренних дел, содействие инвестициям, поощрение телекоммуникаций, применение информационных технологий, кооперация в проведении научных исследований, поощрение обмена студентами и научными сотрудниками, сохранение традиционного уклада жизни малочисленных народов Арктики, решение проблем, возникающих в связи со вступлением ряда стран региона «Северного измерения» в ЕС.

Обеспечение безопасности сотрудничества в приграничных областях, осуществляемого в условиях больших различий в уровнях жизни, потребовало налаживания тесного сотрудничества правоохранительных органов, так как при таких условиях возникает питательная среда для криминальной деятельности.

Уже Первый план действий позволил внести некоторые важные новации, например, был разработан так называемый План действий по «Электронному Северному измерению». Во-вторых, был образован Фонд поддержки экологического партнерства по «Северному измерению», который начал свою деятельность в 2002 г. Комиссия ЕС согласилась выделить в этот Фонд 60 млн евро, в первую очередь предназначенных для проектов по обеспечению в РФ ядерной безопасности. Затем в 2003 г. была согласована и подписана Многосторонняя ядерная экологическая программа для России (МНЕПР), которая устанавливает правовые рамки для западных компаний, участвующих в сотрудничестве по обеспечению ядерной безопасности в Российской Федерации. Калининградская область превратилась в приоритетный для ЕС регион, сотрудничество с которым включает широкий спектр проектов различной направленности. С 2003 г. осуществляется партнерство в области здравоохранения и социального благосостояния.

С самого начала проведения политики «Северного измерения» ЕС делал упор на координацию различных программ и финансовых инструментов под зонтиком «Северного измерения». Действительно, «Северное измерение» превратилось фактически в рамочную или зонтичную программу, механизм действия которой основан на взаимном дополнении действий, предпринимаемых по целому ряду программ ЕС, таких как: ФАРЕ, ТАСИС, ИНТЕРРЕГ, Сапард, ИСПА. При этом используются различные финансовые институты: ЕБРР, ЕИБ, НЕФКО, СИБ, Проектный фонд стран Северной Европы[1], а также

[1] The European Bank for Reconstruction and Development (EBRD); The European Investment Bank (EIB); The Nordic Environment Finance Corporation (NEFCO); The Nordic Investment Bank (NIB); The Nordic Project Fund (NOPEF).

различные международные организации: СГБМ, СБЕР, Арктический совет, «Арктическое окно», Совет министров северных стран. Поскольку на территории, охватываемой «северным измерением», действует четыре еврорегиона — Карелия, Неман, Сауле и Балтика, созданные в 1997–1999 гг., то они тоже играют определенную роль в реализации целей «Северного измерения».

Линию, начатую Первым планом действий, продолжил Второй план действий[1]. Этот план был подготовлен в период председательства Дании в ЕС и утвержден в Люксембурге в конце 2002 г. Обсуждение проекта Второго плана действий началось на министерской конференции в Илюлиссате (Гренландия) 28 августа 2002 г., продолжилось на заседании Министров иностранных дел в Люксембурге 21 октября 2002 г. Конференция одобрила основные направления Второго плана действий по «Северному измерению» и поручила Комиссии ЕС представить конкретные предложения, основываясь на одобренных рекомендациях. Шестнадцатого января 2003 г. Европейский парламент обсудил и одобрил резолюцию по «Северному измерению», которая была учтена КЕС при выработке ею предложений по Плану действий. После всесторонних консультаций Комиссия ЕС разработала такие предложения и опубликовала их 10 июня 2003 г. в качестве основы для обсуждения на заседании ЕС. Итальянский председатель в ЕС на рабочей встрече 16 сентября 2003 г. обсудил эти предложения с внешними для ЕС участниками, а именно: с Россией, Норвегией и Исландией. После этого переработанный План действий ЕС по «Северному измерению» был утвержден на заседании Совета ЕС в сентябре 2003 г. Области сотрудничества по этому Плану образуют пять приоритетных направлений действий: 1) экономика, бизнес и инфраструктура; 2) человеческие ресурсы, образование, культура, научные исследования и здравоохранение; 3) окружающая среда, ядерная безопасность и природные ресурсы; 4) трансграничное сотрудничество; 5) правосудие и внутренние дела.

Сотрудничество в области экономики, бизнеса и инфраструктуры по «Северному измерению» на данном этапе определяет совместное решение России и ЕС о создании Общего экономического пространства, а с новыми членами ЕС — принятие ими на внутреннем рынке европейского законодательства (acquis communautaire). Это создает благоприятный фон для активизации экономического взаимодействия в рамках «Северного измерения». Общее экономическое пространство понимается в ЕС прежде всего как приближение рос-

---

[1] Поскольку при его выработке не были учтены предложения нашей страны, то Россия не считала себя связанной этим планом.

сийского законодательства к законодательству ЕС. Предполагается, что это сближение будет сопровождаться соответствующими институциональными изменениями. В качестве инструмента, обеспечивающего взаимодействие, по-прежнему используется программа ТАСИС. Используются такие организационные механизмы, как Подкомитет по торговле и промышленности, созданный в соответствии с Соглашением о партнерстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и ЕС, а также Круглый стол промышленников России и ЕС, которые выдвигают совместные рекомендации в адрес Комиссии ЕС и Правительства России. При Круглом столе созданы рабочие группы по торговле и инвестициям, по комплексу лесных отраслей промышленности, по энергетике, а в 2003 г. была создана еще одна группа — по информационным технологиям.

Предполагается, что реализации «Северного измерения» будет содействовать проект «Лауфцеттель» («Laufzettel»), осуществленный Балтийской таможенной конференцией по линии СГБМ. В рамках этого проекта был произведен замер времени, затрачиваемого грузовиками на пересечение границы и таможенные процедуры, с целью выявить причины, препятствующие его сокращению и выработке мероприятий, направленных на ускорение таких процедур.

По энергетике главной задачей признается обеспечение притока инвестиций, необходимых для гарантирования устойчивости поставок энергоносителей в ЕС в предстоящие годы, предназначенных в первую очередь для освоения обширных запасов газа. Важным направлением энергетического сотрудничества ЕС считает включение всех стран — участниц «Северного измерения» в единый европейский энергетический рынок. Третья задача — обеспечение безопасности транспортировки нефти и нефтепродуктов морским путем, учитывая, что 90% потребляемой в ЕС нефти доставляется морем, а также предстоит увеличение объема нефтяных поставок, осуществляемых по трубопроводам.

В рамках энергетического диалога решаются различные вопросы, касающиеся усовершенствования законодательства, повышения безопасности транспортировок энергоносителей, законодательного обеспечения сотрудничества, развития транспортной инфраструктуры, технологического сотрудничества, эффективности использования энергии. Комиссия ЕС разработала концепцию энергетического сотрудничества, которая представлена в документе «Энергетическая структура Европы»[1].

---

[1] Document of the Commission of the EC. European Infrastructure for Energy (COM(2001))775.

План действий по «Северному измерению» опирается на договоренности, достигнутые в мае 2003 г. на встрече представителей России и ЕС в Санкт-Петербурге относительно создания четырех общих пространств (общего экономического пространства, пространства свободы, безопасности и правосудия, пространство внешней безопасности, а также общего пространства в области научных исследований и образования, а также культуры). Чуть раньше, тоже в мае, было подписано соглашение о Многосторонней ядерной экологической программе для России, которая хотя и не означает создания общего экологического пространства, но является первым шагом в этом направлении.

План действий выделяет в качестве особых субъектов «Северного измерения» регионы со специфическими потребностями, а именно: арктические и субарктические области и Калининградский регион. Соответственно Комиссия ЕС учредила в рамках программы ТАСИС на 2004–2006 гг. специальную программу для Калининграда.

ЕС в рамках политики «Северного измерения» поддержал проект соединения электроэнергетических сетей России и ЕС, освоение Штокмановского месторождения и строительство северного трансевропейского газопровода и нефтепровода Ямал–Европа. Для двух последних проектов ЕС взял на себя подготовку ТЭО, ведь конечной целью является единый рынок энергии.

ЕС выразил готовность оказать содействие в повышении эффективности использования электрической энергии в России и предоставить опыт в подготовке законодательства, предназначенного для стимулирования экономии энергии. По программе ТАСИС ЕС оказывает содействие повышению эффективности использования энергии в трех областях России: Калининградской, Архангельской и Астраханской.

В порядке развития сотрудничества по энергетике были образованы две организации «БАЛТРЕЛЬ» («BALTREL») и «Балтийский газ». Эти две организации занимаются исследованием положения с электричеством и газом в регионе Балтийского моря. Конечной целью является создание единого в рамках Балтийского региона рынка электричества и газа, обеспечение надежности поставок, объединение электрических систем разных стран региона, так как пиковые нагрузки в этих странах не совпадают[1].

Второй план действий по «Северному измерению» ставит задачей создание мульти-модальной транспортной системы, несмотря на

---

[1] Скандинавские страны еще раньше объединили свои электрические системы в систему «Nordel» для обмена электрической энергией.

трудные природные условия, так как регион граничит с арктическими и субарктическими территориями, а частично и вторгается в них. Комиссия ЕС выдвинула на первый план реализацию транспортной системы «Автострады Балтийского моря». Согласно этой концепции Европейская транспортная сеть состоит из трех элементов: 1) европейская транспортная сеть на территории ЕС (проект TEN–T); 2) транспортные коридоры в странах Центральной и Восточной Европы и СНГ; 3) единое транспортное пространство, включающее развитие морского транспорта.

К региону, охватываемому Северным измерением, относятся транспортные коридоры I (Хельсинки–Варшава–Гданьск через Таллин, Ригу, Каунас) и IX (Хельсинки–Санкт-Петербург–Москва–Псков–Киев–Александрополис), а также Баренцево Евроарктическое транспортное пространство. Вне ЕС финансирование транспортных проектов осуществляется по программам ТАСИС, ИНТЕРРЕГ, а в странах Центральной и Восточной Европы — по программам ИСПА и ФАРЕ. После последнего расширения ЕС бóльшая часть транспортных коридоров этого региона оказалось внутри территории ЕС.

В Балтийском регионе отмечается очень напряженное движение грузовых и пассажирских перевозок, особенно в Финском заливе. Значителен объем перевозок нефти нефтяными танкерами, в том числе с одной стенкой корпуса, что поднимает вопрос безопасности транспортировки нефти морским путем на уровень важной политической проблемы. Расширяется экспорт нефти через нефтяные терминалы в Приморске и Мууге. Как отмечает Хельсинкская комиссия, опасности экологических аварий возрастают зимой из-за льдов.

В результате многолетней работы, направленной на улучшение экологической обстановки на Севере Европы, включая российскую часть, удалось увеличить финансирование проектов по охране окружающей среды. Всего для проектов по охране окружающей среды в Российской Федерации удалось мобилизовать в виде кредитов и ассигнований 2 млрд евро[1]. В эту сумму входит специальный фонд экологического партнерства по «Северному измерению», который выделил 225 млн евро[2].

Реализация электронного плана действий по «Северному измерению», начавшаяся во время Первого плана действий, продолжилась

---

[1] См.: речь министра иностранных дел Финляндии Э. Туомиойя на семинаре в Лаппеенранта 10 октября 2005 г. на тему: «Будущее “Северного измерения”».

[2] См.: документ финского парламента «“Северное измерение” — отправные позиции Финляндии по дальнейшей перспективе». Хельсинки, 2006. С. 3.

в ходе реализации Второго плана действий. Электронный план содействует внедрению информационных технологий во все сферы жизни балтийских стран в целях развития информационного общества. Согласовано семь направлений сотрудничества, соответственно, создано семь рабочих групп:

1. Высокоскоростные электронные сети для обмена научной информацией.
2. Безопасность информационных и коммуникационных технологий.
3. Электронные технологии: обучение и применение в Калининграде и Санкт-Петербурге.
4. Электронная торговля.
5. Применение электронных технологий в работе правительственных учреждений.
6. Показатели развития и применения электронных технологий.
7. Применение электронных технологий для охраны окружающей среды.

По программе ТАСИС получили финансирование ряд проектов, включенных в Электронный план действий по «Северному измерению»: «Электронная Карелия», «Электронные знания и технологии», «Электронные технологии для малых российских предприятий», «Высокоскоростные сети для НИОКР и связи».

Разработка и практическая реализация Первого и Второго плана действий по «Северному измерению» сопровождалась развитием механизмов финансирования. ЕИБ получил разрешение предоставлять кредиты России и европейским странам — членам СНГ[1]. Новая инициатива ЕС «Широкая Европа — политика по отношению к новым соседям» предполагает выработку и применение нового подхода к этим странам. Теперь их рассматривают как новых соседей ЕС. Двадцать пятого ноября 2003 г. ЭКОФИН принял решение увеличить предоставление кредитов (в размере 500 млн евро на период 2004–2006 гг.) через ЕИБ для России и европейских стран СНГ. Кредиты предоставляются для реализации проектов, соответствующих приоритетам «Северного измерения»: окружающая среда, транспорт, телевизионная связь, энергетическая инфраструктура.

«Северное измерение» предоставляет возможность России участвовать в некоторых видах научно-исследовательской деятельности.

---

[1] Document of the CEC. COM (2003) 603.

В первую очередь это арктические темы, наблюдение за состоянием лесов, энергетическая безопасность, защита почвы и картография. В рамках 5-й Рамочной научно-технической программы ЕС в области НИОКР была реализована программа «Коперник», которая позволила получить результаты по экологии Белого моря, защите от ионизирующих излучений в Арктике и т.д. В рамках 6-й Рамочной программы ЕС на 2002–2006 гг. финансовую поддержку получили проекты по изучению состояния морской экосистемы Белого моря и другие проекты по состоянию экологии вдоль российского Арктического побережья. Начиная с 6-й Рамочной программы России был предоставлен доступ ко всем тематическим направлениям.

Десять научных организаций ЕС и России участвуют в программе «Экологическая сеть для европейского Севера и российской части Арктики» (2003 г., по программе ЭНРА — ENRA[1]), а также в программе «Европейская сеть для исследований в области глобальных изменений (климата)», которые имеют научно-исследовательскую и экологическую направленность. В связи с проведением в 2007 г. международного года Арктики от России поступило предложение организовать широкое международное сотрудничество по полярным исследованиям климата. Объединенный исследовательский центр (ОИЦ — JRC) выразил готовность принять участие в исследованиях по картографии лесов и тундры, экологическим аспектам применения углеводородов в качестве топлива, измерениях вечной мерзлоты, мониторинга вылова рыбы в Баренцевом море. ОИЦ КЕС и Центр экологии леса и производительности РАН разработали карту Евразии с высоким разрешением при помощи спутника.

В программу ТАСИС на 2004 г. был включен совместный проект России и ЕС под названием САПИТС[2], который направлен на обеспечение безопасности северных трубопроводов и связанных с ними транспортных систем с использованием наземных и спутниковых методов контроля за уязвимыми участками газопровода.

В начале 2003 г. получила официальное одобрение новая программа — ИНКО[3], которая предоставляет возможности исследователям из стран СНГ и ЕС в рамках «Северного измерения» обмениваться материалами и осуществлять научные исследования по темам, которые соответствуют приоритетам «Северного измерения».

---

[1] ENRA — программа создания экологической сети на Севере Европы, включая российскую часть Арктики.

[2] SAPITS — программа по обеспечению безопасности северных трубопроводов.

[3] INCO — программа НИОКР по линии СИ.

Продолжается программа ИНТАС[1], в которой участвуют Россия, все Скандинавские государства и страны Балтии, некоторые ее проекты вписываются в программу «Северного измерения». Например, по этой программе ЕС финансирует 20 проектов в области охраны окружающей среды от загрязнения.

В области здравоохранения сотрудничество осуществляется в направлении контроля за контактными заболеваниями, организованного по линии СГБМ, в том числе осуществляется два проекта: «Здравоохранение в тюрьмах» и «Обучение в системе здравоохранения». В 2002 г. было принято решение создать международную Временную рабочую группу по партнерству в области здравоохранения и социального благосостояния в рамках «Северного измерения». В ее работе (которая в течение первых двух лет осуществлялась под председательством Швеции) принимает участие 17 стран и несколько международных организаций, а также Комиссия ЕС. Был проведен ряд встреч Комитета старших должностных лиц Партнерства в области здравоохранения и социального благосостояния, образовано пять рабочих групп: по борьбе со СПИДом, первичному здравоохранению, охране здоровья в тюрьмах, общественному здравоохранению в регионе Балтийского моря и образованию Фонда добровольных взносов.

Было внесено предложение о создании рабочей группы по устойчивому развитию. В этих целях Финляндия, Россия и Эстония установили совместную систему наблюдения за транспортировкой грузов в Финском заливе. ЕС в соответствии с Планом действий по «Северному измерению» поддержал строительство завода по очистке сточных вод в Сортавала и Санкт-Петербурге (введен в эксплуатацию в 2005 г.; с его помощью будет очищаться 85% сточных вод этого мегаполиса), а также улучшению качества воды в Калининграде.

В соответствии с задачей обеспечения ядерной безопасности Литва взяла на себя обязательство в соответствии с протоколом, прилагаемым к соглашению об ее вступлении в ЕС, закрыть первую очередь Ингалинской АЭС в 2005 г., а вторую — в 2009 г. ЕС и Литва договорились об осуществлении «Ингалинской программы», которая предусматривает помощь со стороны ЕС в размере 285 млн евро на период 2004–2006 гг. Создан Фонд поддержки этого проекта, который управляется через ЕБРР. ЕС финансирует также Литовское учреждение по ядерной безопасности и агентство по управлению радиоактивными отходами.

---

[1] INTAS — программа по научному сотрудничеству между ЕС и странами СНГ, в том числе по охране окружающей среды.

В рамках «Северного измерения» была достигнута договоренность об экологическом партнерстве (NDEP) и созданию Фонда поддержки для осуществления экологических инвестиций на северо-западе России. Семь стран ЕС предоставили в этот фонд средства в размере 122 млн евро, в том числе 60 млн — от имени Комиссии ЕС. Совет Фонда одобрил четыре проекта по экологическому партнерству, включая завод для очистки отходов, плотину для защиты от наводнений, установку для сжигания отходов (все три проекта в Санкт-Петербурге), а также Муниципальную программу по окружающей среде для Ленинградской области. Проекты по обеспечению ядерной безопасности реализуются по Многосторонней ядерной экологической программе для России, которая была подписана в Стокгольме в мае 2003 г.

В рамках программы ЕС ИНТЕРРЕГ III в регионе «Северного измерения» реализуется 5 проектов. Кредиты предоставляет ЕФРР. Несмотря на то что этот фонд предназначен, прежде всего, для внутренних проектов, теперь допускается также кредитование отдельных проектов в России. В 2004 г. некоторые из программ ИНТЕРРЕГ получили возможность преобразования в программы добрососедства. В регионе Баренцева моря осуществляется программа «Стратегия и План действий для Баренцева региона до 2010 г.» Пилотные проекты по этой программе направлены на лесоводство, добычу полезных ископаемых, в том числе на морском континентальном шельфе. Россия и Финляндия разработали программу «Развитие сотрудничества между экологическими компаниями и образовательными учреждениями», которая опирается на помощь Центра новаций и технологии при участии Ленинградской области и области Лахти — Лаппеенранта. Проект нацелен на развитие кооперации между русскими и финскими университетами, институтами и компаниями по передаче технологии и активизации инновационной деятельности.

В документе «Расширение Европы и соседи: новые рамки отношений с нашими восточными и южными соседями» был принят новый подход, который основывается на опыте ТАСИС, ФАРЕ и ИНТЕРРЕГ. Она направлена на вновь обретенных после расширения 2004 г. восточных соседей ЕС. На первом этапе главным будет улучшение координации, а на втором предполагается создать новые законодательные инструменты в поддержку международного трансграничного сотрудничества. Новая программа добрососедства охватывает широкий диапазон действий.

В области внутренних дел сотрудничество организует Балтийская целевая группа по борьбе с организованной преступностью (с 1996 г.),

в первую очередь ее работа направлена против торговли наркотиками, украденными автомобилями, незаконной миграции и отмывания грязных денег. Это направление сотрудничества стало приоритетным для ТАСИС на 2000–2003 гг., а Юридическая академия в Домодедово получила финансирование от ЕС.

После переговоров между Россией, ЕС и Литвой была установлена новая система легального транзита между Калининградом и Россией.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что разработка и реализация Первого и Второго плана действий по «Северному измерению» позволили разработать механизмы его практической реализации, включая финансирование, что позволило существенно расширить сотрудничество по «Северному измерению». Были введены новые программы и инструменты, такие как: Электронный план действий (2002); Экологическое партнерство по «Северному измерению» (2001) и Фонд его поддержки (2002), а также Многосторонняя программа по окружающей среде для РФ (2003); Партнерство в области здравоохранения и социального обеспечения (2003)[1].

Обсуждается предложение ЕС дополнить «Северное измерение» партнерством в сфере транспорта и логистики. Новый этап расширения сотрудничества по «Северному измерению» происходит в связи с тем, что восточная граница ЕС теперь вплотную приблизилась к России и европейским странам СНГ. Поэтому осуществляется трансформация ныне действующих программ в программы добрососедства, включая возможное создание нового финансового инструмента ЕС, специально предназначенного для «Северного измерения»[2]. В финском парламенте был поставлен вопрос о целесообразности выделения в государственном бюджете страны отдельной строки «ассигнования на “Северное измерение”».

Финляндия была намерена также поставить вопрос о том, чтобы выделить в бюджете ЕС расходы, которые уже сейчас осуществляются на проекты по линии «Северного измерения», отдельной строкой. Это позволило бы более четко представлять их реальные размеры (сейчас эти расходы размазаны по разным статьям и программам ЕС), более точно анализировать ход выполнения политики «Северного измерения» и обоснованно ставить вопрос об их увеличении, если это

---

[1] В отличие от экологического партнерства, партнерство в области здравоохранения и социального обеспечения не имеет собственного фонда, а только Фонд добровольных взносов.

[2] С 2007 г. используется для реализации политики «Северного измерения» новый финансовый инструмент ЕС (European Neighbourhood and Partnership Instrument — ENPI).

будет необходимо. Это предложение было внесено финской стороной в период, когда председательство в ЕС перешло к Финляндии во второй половине 2006 г.

Во время реализации Первого и Второго плана действий по «Северному измерению» ЕС выбрал в качестве приоритетов следующие направления сотрудничества: окружающая среда, ядерная безопасность, борьба против организованной преступности и инфекционных болезней, содействие развитию делового и торгового сотрудничества.

Другой важной проблемой, которую предстоит решать в ходе реализации «Северного измерения» (наряду с разработкой финансовых механизмов и инструментов), является согласование ее содержания между ЕС и теми его участниками, которые остаются вне ЕС, то есть Россией, Норвегией и Исландией. Фактически эти две проблемы и определяют успех реализации данной программы. На первых порах ЕС проводил более активную политику, молчаливо предполагая, что Россия должна принимать все инициативы и подключаться к их осуществлению, используя свои природные, финансовые и прочие ресурсы. В финансировании тех проектов, которые реализуются на территории Российской Федерации, доля кредитов со стороны ЕС составляет, как правило, меньшую часть, большую часть приходится изыскивать по другим каналам. Таким образом чем активнее Россия участвует в «Северном измерении», тем большее бремя ложится на ее финансовую задолженность перед Западом, естественно, это ограничивает ее активность в «Северном измерении». Кроме этого, препятствует расширению сотрудничества в рамках «Северного измерения» конкуренция между разными географическими направлениями политики ЕС: средиземноморское, восточное и северное, за каждым из которых стоят интересы разных стран и групп стран ЕС. Вплоть до 2004 г. северное направление политики ЕС явно проигрывало в конкуренции другим направлениям его внешней политики. Германия больше всего проявляла интерес к странам Центральной и Восточной Европы, Франция — к Средиземноморью, в то время как «Северное измерение» имеет высокий приоритет, прежде всего, у Финляндии и в некоторой мере у Швеции.

Есть проблема согласования интересов ЕС и России, которые далеко не всегда совпадают, есть трудности в совмещении подходов. Например, для ЕС приоритет № 1 — это ядерная и энергетическая безопасность, а для России эта проблема уступает по своей значимости экономическим проблемам.

Возникает также конкуренция между отдельными проектами, отбираемыми для «Северного измерения», иногда их нелегко проранжировать и расставить приоритеты. Поэтому за истекшее время с 1997 г. МИД России неоднократно критиковал политику ЕС по «Северному измерению», в частности Первый и Второй планы действий. Поэтому в 2005 г. ЕС предложил Российской Федерации разработать политическую декларацию и подписать рамочный документ по политике «Северного измерения» на период после 2007 г., когда истекает срок действия Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС.

Политика ЕС по «Северному измерению» всегда рассматривалась в контексте общей политики ЕС по отношению к России, например, многие проекты «Северного измерения» фактически осуществляются за счет фондов, выделенных на реализацию программы ТАСИС. Эта связь становится еще более тесной в контексте новой стратегии ЕС — «Широкая Европа — политика по отношению к новым соседям» и разработкой на саммите Россия–ЕС в мае 2005 г. дорожных карт, предназначенных для достижения четырех общих пространств, договоренность по которым была достигнута еще в 2003 г.

Дорожные карты, как известно, включают в себя обширный список практических мер, согласованных Российской Федерацией и ЕС для реализации, правда, у них есть такой же недостаток, от которого страдает политика «Северного измерения»: отсутствуют ясные критерии, по которым следует расставлять приоритеты и устанавливать очередность реализации конкретных проектов. Финляндия выдвинула предложение рассматривать политику «Северного измерения» как региональный инструмент реализации четырех общих пространств. Если такой подход возобладает, то «Северное измерение» получит мощный импульс к развитию. «Северное измерение» получило усиленную политическую поддержку со стороны парламентариев России и ЕС, которые 7 апреля 2005 г. провели в Оулу конференцию по «Северному измерению».

Особенность взаимодействия России и стран ЕС на данном этапе состоит в том, что в соответствии с достигнутыми договоренностями «Северное измерение» должно превратиться в совместную инициативу всех стран Европейского Севера (в том числе России, Норвегии и Исландии) и ЕС, хотя до сих пор эта политика являлась инструментом стратегии ЕС, направленной на Север Европы.

5.2. Совет Баренцева Евроарктического региона — новая общность

«Баренцев регион — пространство, объединяющее силы добра»[1]

Совет Баренцева Евроарктического региона (СБЕР)[2] был основан на конференции министров иностранных дел в норвежском городе Киркенес в ноябре 1993 г. Ее учредителями явились шесть стран, расположенные в этом регионе, а именно: Россия, Финляндия, Швеция, Норвегия, Исландия и Дания, имеющая выход в регион через Гренландию. В число учредителей вошла также Комиссия Евросоюза (КЕС). Еще семь государств, окаймляющих регион по периметру: Польша, Германия, Канада, Нидерланды, Франция, Великобритания, США сочли необходимым принять участие в этой инициативе на правах наблюдателей. Аналогичный статус получили еще две страны — Япония и Италия, которые, несмотря на свою удаленность от региона, проявили заинтересованность в освоении Арктического региона, особенно Северного морского пути. Итого, под эгидой СБЕР объединились 15 стран, не считая исполнительного органа Европейского союза. Первоначально в СБЕР вошли губернии Лапланд (Финляндия), Финнмарк, провинция Тромсё и Нурланд (Норвегия), Нурботтен (Швеция), Архангельская и Мурманская области России. Позднее присоединились Республика Карелия, шведская провинция Вестботтен, финская губерния Оулу, Ненецкий АО.

В Баренцево сотрудничество вовлечен регион площадью более 1,2 млн кв. км с населением в 6 млн человек. Бóльшая часть этой территории, по размеру в три раза превосходящей Францию, расположена в приполярных или заполярных широтах, что накладывает определенные ограничения на хозяйственную деятельность. По линии СБЕР в международное сотрудничество вовлекаются следующие регионы России: Мурманская и Архангельская области, Республика Карелия и Ненецкий автономный округ. Они явно преобладают над своими зарубежными партнерами по Совету как по территории, так и по численнос-

---

[1] «Баренцев регион — сотрудничество и перспективы». Королевское министерство иностранных дел. Осло, 1998. С. 2.

[2] Последнее на сегодняшний день заседание СБЕР состоялось в Рованиеми в ноябре 2007 г.

ти населения. Еще более ощутимо российская часть СБЕР превалирует по запасам природных ресурсов: леса, рыбы, нефти, газа и других полезных минеральных ресурсов. Это самый богатый в Европе регион по своим природным ресурсам, в котором находятся залежи 700 различных минералов — 1/4 часть всех известных в мире, которые расположены по большей части на Кольском полуострове. Поэтому в инвестиционном сотрудничестве по линии СБЕР преобладают проекты, реализуемые на российской территории, как по числу, так и по масштабам инвестиций. Особенно остро стоит на севере проблема промышленного освоения природных и других экономических ресурсов с учетом интересов сохранения природной среды, что очень беспокоит партнеров Российской Федерации на Скандинавском полуострове, которые перешли на хозяйственное развитие на основе ресурсосберегающей, дружественной природе модели взаимодействия с природной средой. Поэтому правительства стран Северной Европы проявляют большую заинтересованность в экологическом сотрудничестве с Россией.

Основополагающим документом СБЕР является Киркенесская декларация. В ней сформулированы концепция Баренцева сотрудничества и его цели. В качестве целей называются: обеспечение стабильного развития региона, содействие международному миру и безопасности через развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества в области экономики, торговли, науки и техники, окружающей среды, инфраструктуры, образования и культурных обменов, туризма, улучшение положения коренных народов Севера[1], переход региона на устойчивое экономическое и социальное развитие. Как видим, цели сформулированы в довольно общем виде, что реально предоставляет широкие возможности для развития сотрудничества на практике. Фактически Киркенесская декларация представляет собой документ рамочного характера.

Диапазон сотрудничества в рамках СБЕР с самого начала был определен широко, он включает все основные формы и направления современных межгосударственных связей: взаимодействие организуется в области экономики, инвестиций, торговых и научно-технических связей, экологии, развития таможенной, транспортной и телекоммуникационной инфраструктуры, расширения культурных обменов и образовательных программ, туризма и т.д. Сотрудничество включает в себя особые проблемы, возникающие на полярных территориях: поддержание систем жизнеобеспечения народов Севера, чья жизнь протекает в экстремальных условиях, содействие их культурному и социально-

[1] Здесь проживают саами, ненцы или самоеды и вепсы.

экономическому развитию. Предпринимаются некоторые другие инициативы местного масштаба, такие как, например, достижение соглашения между норвежским правительством и властями Мурманской области по вопросам привлечения рабочей силы, которой не хватает в северных районах Норвегии. По признанию норвежской стороны эта форма сотрудничества способствовала ускорению развития северных губерний страны на протяжении 1900-х гг. В рамках гуманитарных программ в конце 1990-х — начале 2000-х гг. решаются некоторые специфические для региона вопросы, возникающие в области здравоохранения и социального развития в российской части региона.

Баренцево сотрудничество опирается на традиционный для многосторонних межправительственных организаций механизм реализации: регулярно организуются встречи министров иностранных дел и отраслевых министров, постоянно действует Комитет старших должностных лиц (КСДЛ), который осуществляет подготовку министерских конференций. При нем созданы четыре рабочие группы по экономическому сотрудничеству, окружающей среде, энергетике, здравоохранению и социальным вопросам. Работе СБЕР содействуют главы правительств стран-участниц.

Страны — участницы СБЕР создали национальные секретариаты содействия сотрудничеству (в Норвегии — в Киркенесе; в Финляндии — в Рованиеми; в Швеции — в Лулео; в России — в Мурманске). Начиная с 6-й сессии СБЕР, состоявшейся в марте 1999 г., по инициативе норвежской стороны был принят курс на повышение приоритетности Баренцева сотрудничества в направлении «гуманитарного измерения», то есть оно стало больше ориентироваться на проекты в области экологии, здравоохранения, расширения обменов в области науки и высшего образования. Гуманитарная направленность некоторых программ превратилась в отличительный признак этой организации.

Тема ядерной безопасности и обращения с радиоактивными отходами на Кольском полуострове стала центральной для СБЕР. Реализуется решение об усилении координации между проектами СБЕР и программой ЕС по субрегиональному сотрудничеству в бассейне Баренцева моря — ИНТЕРРЕГ, а также с политикой «Северного измерения».

Содействие экономическому сотрудничеству в рамках СБЕР сводится, главным образом, к устранению экономических, административных, законодательных и прочих препятствий для развития трансграничных хозяйственных связей. Эта задача решается через совместное развитие транспортной инфраструктуры, упрощение таможенных процедур, увеличение числа пунктов пересечения границ, гармонизацию некоторых законодательных норм и т.д. Этой

же цели подчиняется инвестиционное сотрудничество, осуществляемое с помощью инвестиционных конференций, а также путем реализации разного рода программ, в том числе с привлечением средств МФО и ЕС.

Постоянно действующая рабочая группа по экономическому сотрудничеству концентрирует свою работу на выполнение следующих задач:

— определение направлений сотрудничества и отбор для реализации конкретных проектов, их представление и рекомендация к получению финансирования через международные кредитные учреждения типа ЕБРР, финансовых институтов и программ ЕС (например, ТАСИС) и других МФО;
— разработка мер содействия развитию связей между деловыми кругами, включая вопросы финансового взаимодействия;
— рекомендации по гармонизации законодательства, регулирующего хозяйственную деятельность;
— согласование предложений по таможенной и транспортной инфраструктуре, а также средствам дальней связи;
— координация действий с другими рабочими группами СБЕР, а именно: по экологии, транспорту и энергетике.

Российские регионы, граничащие с другими странами — участницами СБЕР, стоят на 1-м месте по количеству предпринимаемых инвестиционных проектов. Реализуется комплексная программа «Чистое производство», которая охватывает как промышленное, так и экологическое сотрудничество. На рубеже двух веков количество проектов инвестиционного характера, получивших поддержку СБЕР, достигло 300.

В число проектов, рекомендованных СБЕР к финансированию на российской территории, вошли торговые морские порты и аэропорты в Мурманске и Архангельске, аэропорт Петрозаводска, модернизация горно-обогатительного комбината «Печенганикель», шоссе Киркенес–Никель–Мурманск, железнодорожная ветка Ледмозеро–Кочкома, инфраструктура телекоммуникаций на севере России, план действий по энергосбережению. Осуществляется широкая программа действий по обеспечению охраны природы, приоритетным является обеспечение ядерной и радиационной безопасности на Кольском полуострове.

Еще одна отличительная особенность СБЕР — это предпринимаемые попытки наладить сотрудничество в сфере инноваций. В этих

целях был создан в 1995 г. региональный «Фонд венчурного капитала для северо-запада России». Его капитал — 120 млн долл. при финансовом участии правительств Финляндии, Швеции, Италии и Норвегии, которые выделили на этот проект 27 млн долл., еще 60 млн долл. было получено в виде кредитов со стороны ЕБРР. Деятельность фонда концентрируется на долгосрочных наукоемких проектах, в том числе повышенного риска, связанного с технологической новизной, реализуемых в трех северо-западных областях России (Мурманская и Архангельская области, Карелия), в том числе на базе конверсионных разработок. Приоритетное значение при выделении венчурного финансирования получают средние предприятия с числом занятых от 150 до 5 тыс. работающих. Деятельностью фонда управляет норвежско-российская компания «Норум», которая инвестировала 3 млн долл.

Местные власти северных регионов России регулярно проводят в Мурманске для потенциальных заграничных вкладчиков капитала конференции, на которых они представляют свои инвестиционные проекты. Конференции организуются под названием «Возможности регионов Севера» и проводятся начиная с 1995 г.

Соглашение по СБЕР, открывающее пути для расширения сотрудничества, выявило неготовность транспортной инфраструктуры Севера Европы к удовлетворению новых потребностей. Дело в том, что в этом регионе слабо развиты транспортные артерии в направлении Запа–Восток через границу с Россией, так как на севере нашей страны традиционно преобладали транспортные потоки меридианной направленности. Новая ситуация, вызвавшая увеличение грузопотоков в широтном направлении, ставит задачу создания новой транспортной инфраструктуры, но изыскание необходимых финансовых ресурсов вызывает трудности в связи с большой инвестиционной емкостью транспортных объектов на Севере.

Решению этой проблемы было посвящено несколько встреч министров транспорта, министров транспорта и связи. В результате удалось ускорить открытие межрегиональных авиалиний. Были согласованы параметры кооперации в целях развития Баренцева Евроарктического транспортного пространства. ЕС поддержал проект строительства автотранспортной магистрали, которая соединит транспортные системы Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии с выходом на Германию, Россию и страны Центральной и Восточной Европы. Отдельные участки этой трассы уже готовы. Партнеры России по СБЕР приняли участие в строительстве железнодорожных веток Ледмозеро–Кочкома и Карпогоры–Венденга, а также в модернизации Архангельского мор-

ского порта. Была сооружена новая автотрасса, связывающая норвежский город Киркенес с Мурманском.

Девяностые годы значительно повысили для России значение Мурманского и других глубоководных незамерзающих портов на северо-западном побережье Кольского полуострова, так как все крупнейшие порты, расположенные на побережье Балтийского моря, оказались за границами России. В этих условиях потребовалось произвести модернизацию морского порта в Мурманске. Финансирование было осуществлено Министерством транспорта России и за счет местных ресурсов при содействии программы ТАСИС, в рамках которой были выделены средства на техническое содействие и подготовку кадров.

В рамках СБЕР был реализован проект по изучению экономических аспектов освоения североморского транспортного пути. Этот маршрут обеспечивает кратчайшее морское сообщение между бурно развивающейся Юго-Восточной Азией и интегрирующейся вокруг ЕС Европой. В этой связи освоение североморского пути, ранее (в годы «холодной войны») закрытого для международного судоходства, открывает для обоих мощных центров хозяйственной жизни огромные возможности.

Сначала три страны — Россия, Норвегия и Япония начали сотрудничество в рамках научного проекта ИНСРОП, направленного на изучение особенностей северного морского судоходства, затем к ним присоединились Франция, Финляндия и Нидерланды. В соответствии с программой исследований российское научно-исследовательское судно «Кандалакша» совершило опытный переход из Иокагамы в Баренцево море. Финский танкер в сопровождении двух российских атомных ледоколов прошел путь из Мурманска до бухты Провидения за 12 дней. Целью проекта ИНСРОП является увеличение времени арктической навигации и использование Северного морского пути не только для российской экономики, но и для нужд стран ЕС. Международная группа экспертов, работающая по проекту ИНСРОП, изучила все аспекты освоения североморского пути: от реконструкции ледоколов до развития портового хозяйства в пути следования судов и их страхования во время плавания. Некоторые судоходные компании уже приступили к использованию этого транспортного пути, например, финская судоходная компания «Немарк», начиная с середины 1990-х гг., перевозит грузы в сопровождении ледокола между Якутией и Таймыром и северными портами России и Европы.

Развитие Северного морского пути приобретает еще большее значение в связи с освоением Тимано-Печорского нефтяного месторождения, Ямальского газоконденсатного месторождения, нефтяных

залежей Северо-Восточной Сибири, а также газо- и нефтеносных участков морского шельфа Карского и Баренцева морей, особенно Штокмановского месторождения.

Серьезной проблемой для Севера Европы является защита окружающей среды, повышение уровня радиационной безопасности, снижения радиологического загрязнения, захоронение использованных в реакторах российских ядерных подлодок и кораблей расщепляющих материалов, их переработка или захоронение самих реакторов. Биосфера Севера Европы, где низкие температуры способны связывать на поверхности земли на многие годы опасные для окружающей среды вещества, а затем после потепления внезапно их освобождать, особенно уязвима. Программа «Экологически чистое производство» отражает наиболее прогрессивное и перспективное направление экологической защиты: не только бороться с последствиями загрязнения, но и предотвращать его. Поскольку экономика России в настоящее время не в состоянии адекватно реагировать на экологические вызовы, то североевропейские страны выразили готовность помогать России.

Обеспечение радиационной безопасности превратилось в главное направление экологического сотрудничества на Севере Европы. Одним из главных объектов, который вызывает озабоченность западных партнеров России, является комбинат «Печенганикель», который является одним из главных источников загрязнения на Севере Европы. Этот объект долгое время служил камнем преткновения в отношениях между Россией и Норвегией, по которому долго не удавалось найти взаимно приемлемые решения. Другое важное направление сотрудничества — это повышение радиационной безопасности ядерных объектов в России путем установки измерительного и контрольного оборудования на Кольской АЭС, сооружения установки по переработке жидких радиоактивных отходов в Мурманске, по переработке или захоронению высоко радиоактивного отработанного ядерного топлива по проекту «Лепсе»[1], а также по утилизации списанных атомных подводных лодок. Норвежское правительство оказывает финансовое содействие осуществлению этих проектов.

Поскольку успех экологического сотрудничества во многом определяется инвестиционным сотрудничеством, то совместное заседание рабочих групп по экономическому сотрудничеству и экологии обсудило приоритетные природоохранные проекты и меры по их реализации. В частности, в мае 1998 г. было подписано норвежско-рос-

[1] Судно «Лепсе» используется для хранения отработанного ядерного топлива.

сийское соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды в связи с утилизацией российских атомных подводных лодок, на аналогичной основе развивается сотрудничество между Россией и другими странами региона.

Вопросы охраны окружающей среды носят специфический характер, в этом регионе возникало и продолжает возникать много трудных и спорных вопросов между Россией и ее партнерами по СБЕР, которые не всегда находят приемлемые совместные решения. Крупным прорывом на этом направлении явилось подписание Многосторонней ядерной экологической программы для России.

Страны — участницы СБЕР резко отличаются по обеспеченности энергоресурсами: Норвегия и Россия являются экспортерами нефти и газа, а также электроэнергии, а Швеция и Финляндия — импортерами. По данным ЕС Россия обеспечивает около половины импорта газа в ЕС и треть импорта нефти[1]. В перспективе ее значение в качестве поставщика энергоносителей для Западной Европы должно увеличиться, так как российские разведанные запасы природного газа в десятки раз превосходят западноевропейские, в 13 раз — запасы Алжира и в 36 раз — запасы Норвегии. Россия обеспечена нефтью в шесть раз больше, чем Алжир и в пять раз, чем Норвегия[2]. Предстоящее увеличение роли нашей страны в обеспечении энергией ЕС уже в ближайшие годы связано с тем, что: во-первых, произошло расширение ЕС за счет стран Центральной и Восточной Европы, импортирующих топливо из России; и, во-вторых, наметилась тенденция к повышению удельного веса природного газа в энергобалансе ЕС из-за экологических соображений. Возможности СБЕР для сотрудничества в области энергетики с Россией исключительны, так как именно в тех регионах России, которые являются партнерами Скандинавских стран по линии Совета, сосредоточена бóльшая часть газовых ресурсов России.

Норвегия оказывает содействие России в осуществлении энергетических проектов на северо-западе, в том числе в целях повышения эффективности использования энергии. Однако сотрудничество в освоении нефтяных и газовых месторождений в Карском и Баренцевом морях долгие годы топталось на месте. Первым крупным проектом на Севере явилось соглашение между германской фирмой «Винтерхаль АГ» и российскими компаниями «Газпром» и «Росшельф» о совме-

---

[1] Northern Dimension, Sectors, Projects and Financing Requirements. Working Paper. 1998. LarCon Oy & Paakkari Consulting Oy. P. 16. Financing of Projects in North-West Russia. Ministry of Trade and Industry. Finland. No 30. P. 19, 130–131.

[2] Ibid.

стной разработке крупнейшего в мире месторождения «Приразломное». В настоящее время ведется подготовка к совместному освоению Штокмановского месторождения, заинтересованность в котором имеют крупнейшие норвежские нефтедобывающие компании: «Статойл» и «Норск гидро». Достигнуто соглашение о сотрудничестве между «Газпромом» и «Статойл Гидро».

Сложности инвестиционного освоения новых месторождений природного газа и нефти в северных регионах России связаны с тем, что они расположены на труднодоступных, слабо обустроенных в инфраструктурном отношении и малонаселенных территориях, что ведет к повышению общих и удельных капитальных затрат. Ситуация резко изменилась к лучшему, когда цены на нефть значительно выросли, и сейчас это направление сотрудничества оживленно развивается.

В области энергетики доминантой сотрудничества является мегапроект по транспортировке российского газа через Скандинавские страны в Западную Европу. Важно также, что Россия поставляет и может поставлять и в будущем своим партнерам по СБЕР электрическую энергию. И то, и другое направление сотрудничества служат обеспечению энергетической стабильности Севера Европы за счет более интенсивного использования энергетических ресурсов России. В целях развития экспорта электроэнергии из Российской Федерации в страны Северной Европы сооружается транзитная высоковольтная линия. Швеция инициировала программу по экономии энергии, более эффективного ее производства и распределения.

Сотрудничество в этой сфере с Россией для стран Северной Европы позволяет повысить энергетическую безопасность. Возможности энергетического сотрудничества существенно возрастают благодаря заинтересованности Германии в транспортировке нефти и газа из России через территорию стран Северной Европы, включая совместную работу в освоении новых месторождений нефти и газа.

Особенностью сотрудничества в рамках СБЕР является его многоуровневый характер, который выражается в одновременном существовании двух параллельных структур: Баренцев совет, который функционирует на уровне центральных правительственных органов, и Региональный совет, который работает на уровне местных властей. В региональных структурах представлены административно-территориальные единицы всего североевропейского региона, невзирая на их государственную принадлежность.

Взаимодействие на уровне административных единиц, образующих заполярные территории Норвегии, Финляндии, Швеции и Рос-

сии, является важным дополнением министерских встреч на уровне министров иностранных дел, а также руководителей отраслевых министерств и ведомств. Россия участвует в работе СБЕР на уровне Республики Карелия, Архангельской и Мурманской областей, а с мая 1996 г. и Ненецкого автономного округа. Создание Регионального совета на уровне руководителей административных единиц, образующих Баренцев регион, а также его исполнительного органа — Административно-регионального комитета является отличительной чертой механизма СБЕР. В этих двух органах представлены заполярные провинции, губернии, лены и фюльке Норвегии, Швеции, Финляндии и России (всего 10 административно-территориальных единиц). Это позволяет перевести межгосударственное сотрудничество на местный уровень, обеспечивая развитие непосредственных контактов между регионами через национальные границы, если этого требуют конкретные проекты.

Одним из продуктов деятельности Регионального совета явилась так называемая Баренцева программа. Первая из них была разработана в 1994 г. на ближайшие два года, затем в 1996 г. была принята вторая Баренцева программа, третья программа была рассчитана на 1997–1999 гг., четвертая — на 2000–2003 гг. В настоящее время реализуется программа на 2005–2008 гг. Все программы финансируются из местных ресурсов с привлечением средств ЕС и Северного совета. В рамках этих программ осуществляется несколько сотен проектов, которые в соответствии с концепцией программы относятся к категории мелких и средних. Общий объем финансирования программы составил около 25 млн долл. Упор сделан на реализацию надежных и быстро окупаемых инвестиционных проектов. Программе оказывается содействие со стороны Северного совета, а также институтов ЕС. Евросоюз согласует с Баренцевой программой свои программы ИНТЕРРЕГ-БАРЕНЦ и ТАСИС. В качестве отраслевых приоритетов Баренцевой программы были выбраны защита окружающей среды, сельское хозяйство и производство продуктов питания на промышленной основе, культура и социальное обслуживание.

Помимо упомянутого выше содействия по линии программы ИНТЕРРЕГ-БАРЕНЦ, ЕС выделяет средства на освоение северных регионов Европы за счет своих структурных фондов. Масштабы финансового участия ЕС в проектах, осуществляемых на территории северо-запада России, долгое время ограничивало то принципиальное положение, которое регулирует деятельность структурных фондов ЕС, а именно: невозможность финансировать объекты, находящиеся

за пределами Евросоюза. Ныне это ограничение при некоторых условиях снимается. ЕС предоставляет денежные ресурсы по программе ТАСИС с учетом интересов реализации северного сотрудничества. Помимо ЕС, финансирование осуществляется также из государственных бюджетов заинтересованных стран. На основе координации с программой ИНТЕРРЕГ-БАРЕНЦ правительства Швеции, Финляндии и Норвегии разработали свою собственную региональную программу «Северный Калотт ИНТЕРРЕГ-II», направленную на свои страны.

Развиваемое в рамках ИНТЕРРЕГ-БАРЕНЦ приграничное сотрудничество делает вклад в реализацию стратегии ЕС по созданию новых рабочих мест, что соответствует Лиссабонской стратегии, которая выдвигает обеспечение занятости в ЕС в качестве приоритетной задачи. Поэтому среди проектов ИНТЕРРЕГ-БАРЕНЦ лидируют проекты в сфере малого и среднего бизнеса, обучения частных предпринимателей, образования, проектов НИОКР, развития средств коммуникаций, а также в социальной области. Эти проекты обеспечивают либо расширение числа рабочих мест, либо закрепляют уже занятый персонал путем повышения качества его социального и медицинского обслуживания или повышения уровня профессионального образования[1].

Финская часть программы ИНТЕРРЕГ-БАРЕНЦ, а также финская программа «Карелия ИНТЕРРЕГ-II» учитывают интересы сотрудничества с северо-западными районами Российской Федерации. На финансирование программ выделяются средства ЕС и Финляндии на основе формулы 50 : 50. Финская часть программы ИНТЕРРЕГ-БАРЕНЦ ориентирована на Архангельскую и Мурманскую области, а «Карелия ИНТЕРРЕГ-II» — на российскую Республику Карелия.

Тот факт, что среди стран — участниц Совета (кроме, пожалуй, Швеции) нет крупных экспортеров капитала, налагает определенные ограничения на расширение сотрудничества в рамках СБЕР. Правда, Норвегия накопила значительные средства в Нефтяном фонде, но он имеет специфические цели. Расширить рамки сотрудничества помогает координация деятельности СБЕР с международными финансовыми организациями. К Северу Европы проявляют интерес такие МФО как: МБРР, ЕБРР, СИБ[2], НЕФКО, а также некоторые институты Евросоюза, которые используют для этого свои программы. Россия

---

[1] См.: Материалы 5-й (январь 1998 г., Швеция, Луллео) и 6-й сессий (март 1999 г., Норвегия, Буда) СБЕР.

[2] ЕБРР и СИБ активно участвуют в финансировании природоохранного партнерства по «Северному измерению» на территории РФ.

учитывает отдельные проекты СБЕР в рамках федеральных целевых программ, например программы «Мировой океан». Проявляют свою заинтересованность такие международные организации и финансовые институты как: Совет государств Балтийского моря, Северный совет, Арктический совет, Северный инвестиционный банк, Северная финансовая корпорация по охране окружающей среды (НЕФКО), «Северный форум» и т.д.

ЕБРР при помощи северных стран создал фонд ядерной безопасности в размере 250 млн экю, предназначенных в значительной мере для объектов Кольского полуострова, а также региональный фонд рискового капитала для северо-запада России в размере 60 млн долл. США. Северный инвестиционный банк (СИБ) открыл кредитную линию в 100 млн долл. для финансирования экологических проектов на Севере Европы, в том числе в бассейне Баренцева моря.

Чтобы оценить перспективы сотрудничества в рамках СБЕР, надо учитывать то, что в этот регион включены более отсталые по отношению к остальной территории регионы стран-участниц, что в немалой степени объясняется суровыми природно-климатическими условиями Севера: полярные и приполярные районы Норвегии, Швеции, Финляндии более слабо развиты в социальном и экономическом отношении по сравнению с теми регионами, которые обращены к бассейну Балтийского моря и участвуют в сотрудничестве по линии СГБМ. Правительства Норвегии, Швеции и Финляндии уделяют большое внимание тому, чтобы подтянуть развитие экономики отстающих районов Севера, содействуют притоку инвестиций, предоставляют местному населению социальную помощь, налоговые льготы для местных предпринимателей. Предпринимаются шаги по развитию инфраструктуры, позволяющей активизировать экономическую деятельность на местах путем создания там новых университетов и научно-исследовательских институтов, что способствует более сбалансированному развитию соответствующих провинций. Если включить в рассмотрение российские регионы, то диапазон региональных диспропорций увеличивается в десятки раз, что осложняет развитие сотрудничества в рамках региона.

Принципиально новым моментом сотрудничества в рамках СБЕР, отличающим его от многих организаций по формуле Восток–Запад, явились некоторые инициативы, направленные на решение острых социальных проблем на российском севере. Правительство Норвегии взяло на себя финансирование ряда здравоохранительных мероприятий в российской части региона. В течение периода с 1999 по 2002 г. оно ежегодно выделяло 10–15 млн норвежских крон

(около 2 млн долл.)[1]. Эти средства предназначены в первую очередь на борьбу с социально значимыми заболеваниями (особенно туберкулезом), охрану детства и материнства, улучшение медицинского обслуживания. Финляндия оказывает содействие по субрегиональным программам.

Когда правительство Норвегии выполняло функции председателя СБЕР (в период с января 1998 г. по март 1999 г.), оно объявило «гуманитарное измерение» приоритетным направлением. Конкретно это выразилось в усилении поддержки программ культурных и образовательных обменов, подготовке кадров, укреплении службы здравоохранения и развитии социальной сферы на российском северо-западе, развитии контактов между людьми и поддержке демократических институтов. Это намерение привело к заметной активизации действий Совета на этом направлении: Норвегия не только профинансировала ряд здравоохранительных проектов на территории Архангельской и Мурманской областей, но инициировала программу обменов в области образования и науки в регионе СБЕР. Правительства Швеции и Финляндии поддержали эту программу[2].

На 1999–2002 гг. Баренцев совет принял специальную Программу сотрудничества в области здравоохранения, которая была профинансирована Норвегией, Швецией, Финляндией, а также Советом министров северных стран. Приоритетами программы были выбраны борьба с инфекционными заболеваниями, поддержка детского здоровья детей и материнства, профилактика болезней, улучшение медицинских услуг населению, в том числе представителям коренных народов.

Основной причиной, которая заставила норвежское правительство изменить приоритеты сотрудничества в рамках СБЕР в направлении гуманитарного сотрудничества, поддержанное его партнерами, явилось стремление создать благоприятный социально-экономический климат, который позволил бы частным компаниям северных стран более смело вкладывать капиталы в российскую часть Баренцева региона. Ежегодно Министерство иностранных дел Норвегии выделяет для финансирования участия норвежских северных губерний в сотрудничестве по линии СБЕР 20–27 млн норвежских крон, часть из которых предназначается их партнерам по другую сторону границы. Всего в период с 1993 по 1999 г. норвежское правительство потратило на эти цели 128 млн норвежских крон[3].

---

[1] Данные из материалов 6-й сессии СБЕР (март 1999 г., Норвегия, Буда).

[2] Там же.

[3] Report concerning activities of the Barents Secretariat. Kirkenes (за соответств. годы).

Устойчивая тенденция высоких цен на нефть на мировом рынке открывает возможности для широкого освоения нефтяных и газовых ресурсов Баренцева моря и близлежащих арктических месторождений. Это повышает роль СБЕР, так как он способствует созданию условий для экономического взаимодействия. В последнее время появилось много совместных проектов по освоению ресурсов в этом регионе. В Ненецком АО создано совместное предприятие при участии американской «Коноко», «Филипс» и российской «Лукойл». Американская компания вложила 500 млн долл. и получила 30% акций новой компании, остальные 70% — в собственности «Лукойла», вклад которой — 3 млрд долл., поскольку «Лукойл» передал в новое предприятие активы, ранее принадлежавшие ОАО «Нарьянмарнефтегаз». Новая компания будет вести добычу нефти на 11 месторождениях в Тимано-Печорском бассейне[1]. Вся добываемая нефть (около 10 млн баррелей к 2008 г.) будет экспортироваться через терминал Варандей в Ненецком АО.

Представитель норвежской компании «Статойл» заявил, что компания заинтересована в сотрудничестве при освоении энергетических ресурсов Баренцева моря, в частности, хочет приобрести 25%-ную долю в Штокмановском проекте. «Статойл» явился первой иностранной компанией, которая выразила свою заинтересованность в участии в освоении Штокмановского месторождения, она готова предложить свой опыт и технологии, которые приобрела, разрабатывая месторождение «Сневит» («Белоснежка»). Оба проекта имеют много общего с технической и геологической точек зрения. Участие «Статойла» в освоении Штокмановского месторождения делает возможным для российских партнеров использование терминалов «Статойла» для транспортировки сжиженного газа в США. «Статойл» владеет заводами по сжижению природного газа на острове Мелкёйа и в Хаммерфесте, производственные мощности которых позволяют перерабатывать не только газ, добываемый на месторождении «Сневит», но и на российских месторождениях, включая Штокмановское. Представитель «Статойла» отметил, что в будущем компания собирается сотрудничать с нефтегазовой промышленностью России более глубоко и что она даже готова войти в число акционеров «Газпрома».

Новый российский закон о минеральных ресурсах накладывает некоторые ограничения на участие иностранных компаний в добыче полезных ископаемых на территории Российской Федерации, но этот закон не распространяется на морской континентальный шельф, так

---

[1] Ведомости. 03.06.2005.

как Россия нуждается в технологиях по их освоению. Исходя из того, что подобного рода проекты довольно капиталоемкие, чтобы осуществляться одной-единственной компанией, предполагается осваивать эти месторождения на морском континентальном шельфе на основе кооперации нескольких крупных компаний.

В июле 2005 г. в норвежском городе Киркенес на заседании министров по энергетике России, Норвегии, ЕС при участии руководителей нескольких крупных нефтяных компаний обсуждались перспективы разработки нефтяных месторождений Баренцева моря. Заседание проходило под названием: «Повестка дня Арктической энергетики». После длительных переговоров было достигнуто соглашение о разработке Штокмановского МСР новой компанией, акции которой распределились между «Газпромом» (51%), «Тоталь» (25%) и «Статойл Гидро» (24%).

Таким образом взаимодействие по линии СБЕР содействует созданию благоприятных условий для инвестиционного сотрудничества и совместного освоения углеводородных ресурсов, расположенных на континентальном шельфе северных морей, что становится актуальной задачей в современной ситуации.

5.3. Совет государств Балтийского моря — фактор создания нового мегарегиона

Цели многостороннего сотрудничества в регионе СГБМ и СБЕР во многом аналогичны, они направлены на содействие формированию целостной и стабильной, развивающейся Европы, не разделенной барьерами по политическим соображениям. СГБМ ориентирован на экономическое сближение между странами региона, поддержку рыночных реформ в странах Центральной и Восточной Европы и в России, на достижение сбалансированного экономического роста на основе развития рыночного хозяйства.

Начало истории Совета государств Балтийского моря было положено в 1992 г., когда Копенгагенская встреча министров иностранных дел 10 стран, расположенных в бассейне этого моря (а именно России, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Германии, Дании, Норвегии, Швеции и Финляндии), приняли решение о создании новой региональной организации. В 1995 г. к организации присоединилась Исландия.

Основы развития регионального сотрудничества на Балтике были заложены еще в 1969 г., когда был подписан Договор об охране водной

среды Балтийского моря. С 1992 г. этот вид деятельности организует Хельсинкская комиссия. В том же году было заключено соглашение более широкого характера — о создании Совета государств Балтийского моря, в котором приняли участие все государства региона, а также Норвегия и Исландия. Комиссия ЕС тоже стала участницей Совета. Польша и Прибалтийские республики получают содействие по программе ФАРЕ, а Россия — по программе ТАСИС. В качестве наблюдателей в работе СГБМ с 2002 г. принимают участие представители Великобритании (участвует в финансировании Еврофакультета), Италии, Нидерландов, Словакии, США, Украины и Франции. В качестве стратегических партнеров СГБМ выступает ряд организаций: Ассоциация торговых палат региона Балтийского моря, Форум развития Балтики, Форум «pro Baltica», Объединение профсоюзов Балтийского региона, Балтийский форум НПО, Хельсинкская Комиссия, Комитет по развитию Балтийского региона. Этот комитет содействует развитию балтийского сотрудничества в соответствии с концепцией «Представление о регионе Балтийского моря в период до 2010 г. и стратегии по его достижению» (Vision and Strategies around the Baltic Sea 2010). Статус специальных партнеров СГБМ имеют Парламентская конференция стран Балтийского моря, Союз балтийских городов, Субрегиональное сотрудничество Балтийских стран, Конференция периферийных прибрежных регионов Европы и т.д.

Суммарный валовой внутренний продукт всех стран Балтийского региона достигает 45% по отношению к совокупному ВВП, производимому странами — членами ЕС. Он в 2,25 раза превосходит по этому показателю регион СБЕР[1].

Состав СГБМ определяет его более противоречивый по сравнению со СБЕР характер: ведь здесь наряду с такими же ярко выраженными региональными диспропорциями по уровню благосостояния более широко представлен спектр политических ориентаций, присутствует группа стран Балтии, которая отличается особой линией поведения, в рамках СГБМ действует балтийский фактор. Скандинавские страны и Финляндия оказывают всестороннюю помощь и поддержку странам Балтии в целях закрепления их нового политического и экономического курса, в частности поддержали их вступление в Евросоюз и НАТО. Сложность положения трех Прибалтийских республик определяется тем, что политически они сделали выбор в пользу Запада и его военно-политических и экономических структур: НАТО и ЕС, а экономически все еще сильно зависят от России, более того, простая пе-

[1] Расчет по данным: CIA Factbook. 2007.

ревалка грузов между Россией и Западной Европой вкупе с прибылью от нефтепроводов дает от 15 до 25% поступлений в государственные бюджеты каждой из трех республик.

Сложности развития балтийского сотрудничества обусловлены также разноплановостью тех структурных проблем, которые приходится решать странам, образующим этот регион. На Севере Европы структурная перестройка хозяйства выражается в том, что акцент переносится с традиционных отраслей (металлообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность, цветная металлургия, АПК и т.д.) на ускоренное развитие промышленности средств связи, информационного комплекса, инновационного бизнеса, то есть наукоемких отраслей.

В странах Балтии была осуществлена рыночная трансформация, что позволило им в 2004 г. войти в единое европейское экономическое пространство ЕС. Либерализация условий для иностранных капиталов привела к тому, что капитал из стран Северной Европы ныне фактически контролирует теперь банковский сектор и развитие систем связи в трех Прибалтийских республиках.

Организационный механизм СГБМ также напоминает СБЕР: ежегодно проводятся совещания министров иностранных дел стран — участниц СГБМ[1]. В промежутках между заседаниями работает комитет старших должностных лиц (КСДЛ), которые ведут подготовку к очередной сессии СГБМ. Были учреждены три рабочие группы (по демократическим институтам, по экономическому сотрудничеству и по ядерной безопасности) и две группы экспертов (по гражданской безопасности и по Еврофакультету в Калининграде).

В 1996 г. произошло повышение политического уровня Балтийского совета, который впервые был проведен на уровне глав правительств, с тех пор такие сессии стали регулярными. На настоящий момент состоялось шесть встреч в верхах, последняя, шестая, встреча происходила в Рейкьявике. Главы правительств предприняли ряд важных инициатив по развитию балтийского сотрудничества, одобрив Повестку дня для Балтики на XXI в. (1998), Электронный план действий по «Северному измерению» (2001), они приняли решение о создании целевых групп по борьбе с организованной преступностью (2004), а также по борьбе с контактными заболеваниями (2000). В 1998 г. было принято решение об образовании постоянного секретариата СГБМ, который разместился в Стокгольме. Все принимаемые решения носят рекомендательный характер и финансируются из национальных государственных бюджетов. Функции Председателя СГБМ

[1] Последнее из них состоялось в Мальмё в июне 2007 г.

выполняют представители стран-участниц на ротационной основе, которые меняются через год.

Сравнение Балтийского совета с Баренцевым показывает, что в целом направления сотрудничества совпадают, хотя в системе балтийского сотрудничества более ярко выражен акцент на политических вопросах. Практически балтийское сотрудничество охватывает все направления современных международных межправительственных связей, кроме обороны. Диапазон балтийского сотрудничества, в целом, совпадает с направлениями Баренцева сотрудничества. Однако есть два исключения: надо вывести за скобки вопросы, связанные с поддержкой коренных народов Севера, а также некоторые направления гуманитарного сотрудничества, интенсивно развиваемые в СБЕР с 1998 г. Регулярно проводятся заседания отраслевых министров: по энергетике, защите окружающей среды, образованию, культуре, по труду и занятости, торговле и экономике. Приоритетами являются устранение экономических барьеров на пути торговым обменам и инвестициям, обеспечение безопасности ядерных объектов, содействие развитию приграничного сотрудничества между регионами.

В отличие от СБЕР в рамках СГБМ функционировал специфический институт — так называемый независимый Комиссар по демократическим институтам и гражданским правам, который наблюдал также за соблюдением прав национальных меньшинств. Этот институт был учрежден в 1994 г. по предложению России, и его мандат дважды продлевался. В июне 2000 г. было изменено название на Комиссар СГБМ по демократическому развитию, но в 2003 г. его мандат был прекращен по решению 12-й министерской сессии. Пост Комиссара СГБМ в те годы, когда он функционировал (то есть с 1994 по 2003 г.) помогал привлекать внимание к положению русскоязычного населения в странах Балтии и проблемам обеспечения их прав, так как обладая консультативными, рекомендательными и наблюдательными полномочиями, Комиссар имел право рассматривать индивидуальные жалобы и обращения.

Первая встреча глав правительств СГБМ уточнила стратегию балтийского сотрудничества, а главы внешнеполитических ведомств на встрече в Кальмаре утвердили программу действий в области экономики, экологии и гуманитарного сотрудничества по следующим направлениям: укрепление основ демократии и новых демократических институтов; экономическое сотрудничество и техническая помощь; гуманитарные вопросы и здравоохранение; охрана окружающей среды; энергоснабжение и энергетика; вопросы культуры, научного сотрудничества; образование и обмен информацией, а также туризм;

транспорт и коммуникации. Общая стратегия регионального сотрудничества в Балтийском регионе уточняется в конкретных проектах.

Для поддержки рыночной трансформации в бывших социалистических странах в рамках СГБМ была создана постоянная рабочая группа, которая организует обмен опытом в области законодательства, правового регулирования, функционирования системы парламентаризма и местных органов власти. Группа организует различные мероприятия в форме семинаров, симпозиумов, курсов и стажировок, которые ориентированы на обеспечение прав человека, развитие новых демократических институтов, развитие демократически организованного общества. Сотрудничество происходит путем обмена опытом работы демократических институтов в отношении законодательной деятельности, функционирования гражданского общества, государственного управления, доступности информации, развития местного самоуправления и демократии на местах, осуществления конкретных проектов, направленных на укрепление демократических институтов и соблюдение демократических принципов.

В области экономики главным для балтийских стран стало содействие взаимным инвестициям, становление рыночных механизмов, его основных институтов в странах с переходной экономикой, достижение «благоприятного инвестиционного климата», определение конкретных мер по его достижению, устранение препятствий дальнейшему развитию взаимной торговли. Большое внимание уделяется созданию современной транспортной, коммуникационной и информационной инфраструктуры, что является, как известно, необходимой предпосылкой для выхода экономического сотрудничества на интенсивные формы взаимодействия в форме промышленного сотрудничества. В этом же направлении работает Консультативный совет деловых кругов балтийских стран, дополняя работу межправительственных органов взаимодействием на уровне руководства частными компаниями. Был осуществлен, например, Бергенский план действий (2000) по развитию торговли и инвестиций в балтийском регионе, трансграничного сотрудничества. Эти планы направлены на создание благоприятных условий для малых и средних предприятий, совершенствование пограничных правил и процедур, содействие развитию предпринимательства, борьбу с коррупцией, создание общего инвестиционного пространства, поддержку предпринимательской деятельности в Калининградской области, координацию действий с политикой «Северного измерения». По некоторым направлениям предпринимаются действия на основе принципа *ad hoc,* а именно по охране интеллектуальной собственности, туризму, экономичес-

ким аспектам охраны окружающей среды в Балтийском регионе. На Балтике была создана зона свободной торговли, которая помогла ее участникам подготовиться к вступлению в ЕС, которое последовало в мае 2004 г.

Отличительной чертой экономической кооперации в СГБМ является разработка в 1992–1994 гг. комплексного плана, рассчитанного для реализации в период до 2010 г. (Vision and Strategies around the Baltic Sea 2010 — VASAB-2010)[1]. Этот план, одобренный четвертым заседанием министров стран — участниц СГБМ в мае 1995 г., направлен на обеспечение стабильного и интенсивного экономического развития всего Балтийского региона на основе развития его транспортной и энергетической инфраструктуры, достижение экологического баланса. План имеет культурно-исторические, туристические, региональные, образовательные и другие компоненты. Он носит рекомендательный характер и не опирается на конкретные источники или показатели финансирования. Однако частично он был конкретизирован в виде 14 задач, часть из которых уже реализована или реализуется. В число запланированных проектов вошли следующие:

— развитие городского хозяйства (ряд городов получил название «жемчужин» Балтии, которым предстоит быть объединенными в Балтийское «ожерелье»);
— сооружение транспортных «лент», связывающих Балтию в подлинно единый регион, в том числе были задуманы «Виа Балтика», связывающая Хельсинки с Таллином, Ригой, Каунасом, Варшавой и Берлином; «Виа Ганзеатика», соединяющая Санкт-Петербург с Тарту, Ригой, Шяуляем, Калининградом, Гданьском, Щециным и Любеком и другие транспортные линии;
— объединение энергосетей во всем Балтийском регионе в рамках Балтийского энергетического кольца (Baltic Ring), осуществляемое с 1997 г. на основе расширения созданной еще в 1963 г. Североевропейской системы электроснабжения;
— совершенствование системы защиты Балтийского моря от загрязнения и т.д.

Хотя план VASAB-2010 не был детально разработан с точки зрения его финансирования, но он создал перспективное ви́дение развития региона, и таким образом он помогает потенциальным инвесторам (в том числе институциональным) разрабатывать свои планы капи-

[1] См.: решения 4-го заседания министров СГБМ в мае 1995 г. в Гданьске.

таловложений, благодаря чему многие его проекты были приняты к реализации.

В сентябре 2001 г. заседание министров, ответственных за современные технологии информации и связи, приняло решение о разработке Электронного плана действий по «Северному измерению», а координацию процессов реализации Плана поручили КСДЛ СГБМ.

В 1997 г. был создан независимый орган — Консультативный совет деловых кругов, который выступает от имени бизнесменов балтийских стран и представляет в СГБМ рекомендации о развитии бизнес среды в Балтийском регионе. Совет активно участвует в деятельности рабочей группы СГБМ по экономическому сотрудничеству, представляет доклады для рассмотрения на заседаниях министров стран — участниц СГБМ.

В период 1995–2004 гг. большое внимание уделялось таможенному сотрудничеству. Было проведено три конференции, работа которых была направлена на ускорение прохождения таможенных процедур, распространение информации по таможенным правилам балтийских стран, переадресации основного внимания пограничных и таможенных служб на нерегулярную и нелегальную перевозку товаров. Было организовано сотрудничество между пограничными службами стран-участниц для обмена информацией, усиления сотрудничества с Интерполом и Европолом, улучшения пограничного контроля.

Так же как и СБЕР, в реализации региональных программ и проектов СГБМ рассчитывает на привлечение ресурсов международных финансовых институтов. В числе крупнейших проектов — Балтийское энергетическое кольцо и сооружение дополнительных трубопроводов для транспортировки российского природного газа в Западную Европу. В 2005 г. было достигнуто соглашение о сотрудничестве между Россией и Германий по строительству газопровода по дну Балтийского моря.

Рабочая группа по экономическому сотрудничеству своими задачами считает стимулирование инвестиций, обеспечение «благоприятного инвестиционного климата» и определение конкретных мер его достижения в странах, осуществляющих экономическую реформу. Группа разрабатывает программы действий, изучает конкретные предложения по осуществлению инвестиционных проектов, рекомендует проекты для финансирования ЕС и международным финансовым институтам. Рабочая группа занимается также разработкой предложений по унификации таможенных и коммерческих процедур, сближению и «гармонизации» экономического законодательства между странами региона, поддержке малых и средних предприятий, участвующих в региональном сотрудничестве.

СГБМ также участвует в консультациях по вопросам практической реализации «Северного измерения» политики ЕС.

Одним из первых документов, совместно разработанных в рамках СГБМ, явилась Декларация, принятая министрами культуры стран Балтийского моря, в которой страны-участницы выразили решимость встать на путь расширения и углубления культурных связей в регионе путем создания единого культурного пространства. Это понятие включает в себя интенсификацию взаимного обмена информацией о культурной жизни на двусторонней и многосторонней основе. В Польше была организована в 1994 г. конференция СГБМ по вопросам сотрудничества в борьбе с хищениями и незаконным вывозом культурных ценностей. В 1997 г. была образована рабочая группа старших экспертов по культурному наследию.

Сотрудничество между странами — участницами Совета в области образования вылилось в принятие решения об учреждении в 1994 г. в странах Балтии с западной помощью факультета в области права, экономики и администрации (Еврофакультет). В соответствии с этим решением в Риге, Вильнюсе и Тарту начали работу его отделения, организованные и совместно управляемые университетами трех Прибалтийских стран, а также Германией, Скандинавскими странами и Финляндией. Финансирование осуществляется совместно Комиссией ЕС и участвующими в работе факультета странами. Целью Еврофакультета для стран Балтии является реформа образования в области юриспруденции, экономики и государственного управления в трех Прибалтийских республиках. В сентябре 2000 г. отделение Еврофакультета было открыто также при Калининградском университете. По этому проекту оказывается поддержка экономическому и юридическому факультетам Калининградского университета в направлении сближения их учебных планов и методики обучения по этим специальностям с принятыми в ЕС стандартами.

Довольно острым для региона является вопрос борьбы с организованной преступностью в связи с существующей в регионе криминальной торговлей наркотиками и оружием, а также нелегальной иммиграцией, незаконным вывозом капиталов и другими опасными преступлениями. Благоприятную среду для трансграничной организованной преступности создают довольно резкие диспропорции между балтийскими государствами по уровню благосостояния и социальной защищенности. Усилению угроз в этой сфере положила пределы тесная координация действий соответствующих органов стран СГБМ, хорошо налаженное практическое взаимодействие между правоохранительными ведомствами стран региона. Решения глав правительств

и министров СГБМ заложили основу для разработки широкой программы совместных действий стран-участниц, направленных на укрепление общественной безопасности, была создана группа личных представителей глав государств Балтийского моря по борьбе с организованной преступностью, действующая на уровне министров внутренних дел. Предпринимаются меры по сокращению неконтролируемой миграции между странами СГБМ, а также из стран СНГ и третьих стран через их территории. В мае 1993 г. в Хельсинки на конференции были обсуждены вопросы миграции, а также встающие в этой связи социальные проблемы, требующие взаимодействия в Балтийском регионе. Для решения встающих в этой области проблем страны — участницы СГБМ создали в Хельсинки региональное бюро Международной организации по миграции.

Весьма «чувствительным» для Балтийского региона вопросом является экологическая защита. Согласно концепции стабильного экономического развития, выдвинутой в 1992 г. в Рио-де-Жанейро, в рамках СГБМ международное сотрудничество организуется в соответствии с «Повесткой дня на XXI век для Балтийского моря». Собственно говоря, она представляет собой региональный вариант реализации общей концепции. Она была утверждена в 1998 г. С 1999 г. эта программа уже реализуется сразу в нескольких областях экологической защиты, ее целью является перевод Балтийского региона на устойчивое развитие в течение 30-летнего периода времени. Программа учитывает три компонента устойчивого развития: экономический, социальный и экологический, сфокусирована на восьми направлениях, которые имеют критически важное значение для достижений вышеозначенной цели: сельское и лесное хозяйство, энергетика, рыболовство, промышленность, туризм, транспорт и образование. Балтика — это первый в мире регион, который поставил себе целью переход к устойчивому развитию. Реализацию программы координирует КСДЛ. Так же как и в СБЕР, в экологическом сотрудничестве на Балтике главное место уделяется обеспечению ядерной и радиационной безопасности. Объектами особого внимания явились три АЭС в России и один объект в Эстонии, а также Ингалинская АЭС в Литве. Конкретно экологическое сотрудничество осуществляется путем сбора информации по хранению радиоактивных отходов, выявления источников радиоактивного излучения и связанных с этим рисков, мониторинга различных проектов, направленных на обеспечение ядерной безопасности.

В области энергетики одним из самых крупных мероприятий является проект создания Балтийского энергетического кольца, которое

призвано объединить электрические сети всего региона (за исходную основу берется скандинавская объединенная сеть «Нордель», функционирующая с 1963 г.), что позволит уменьшить эксплуатационные расходы и рационализировать использование энергии. Сотрудничество приняло более конкретный характер, когда в Хельсинки в 1999 г. министры по энергетике стран — участниц СГБМ приняли решение перейти к организации энергетического сотрудничества в Балтийском регионе (BALTREL). В качестве целей сотрудничества были установлены следующие: поддержать развитие энергетического рынка на экономически эффективной, но экологически дружественной основе; изучить влияние энергетики на изменение климата; создать единый для Балтики рынок электрической энергии; содействовать повышению эффективности использования энергии, а также увеличению использования природного газа и биоэнергии.

Энергетическое сотрудничество между странами — участницами СГБМ включено и в Первый, и во Второй план действий по «Северному измерению». В рамках балтийского сотрудничества была выдвинута идея сооружения нового магистрального газопровода из России через Белоруссию и страны Балтии в Западную Европу, минуя Украину. Этот проект направлен на усиление энергетической безопасности стран ЕС.

Премьер-министры стран Северной Европы выдвинули предложение о создании объединенной Балтийской системы снабжения энергией и топливом, которая получила поддержку в рамках СГБМ. Энергетический рынок североевропейских стран слишком мал, чтобы они могли решать вопросы стабилизации энергоснабжения с Россией в формате «3+1», и поэтому для решения этого вопроса его необходимо перевести в более широкие рамки балтийского или даже европейского масштаба. Ведется работа по формированию регионального энергетического рынка, созданию Балтийского энергетического кольца, интегрированию газовых и электрических сетей в рамках региона. Идя навстречу требованиям повышения радиоактивной безопасности со стороны западных стран, Литва взяла на себя обязательство закрыть в два этапа Ингалинскую АЭС, которая давала более половины всего производства электроэнергии в стране.

Распад Советского Союза коренным образом изменил ситуацию с торговлей энергоносителями. Неблагоприятные условия транспортировки жидкого топлива в Западную Европу через территорию Украины и Прибалтийские республики вынудили российские власти принять решение о сооружении Балтийской трубопроводной системы (БТС), которая устраняет монополию на транзит топлива

из России в Европу. Нефтеналивной порт в Приморске, введенный в эксплуатацию в декабре 2001 г., вместе с портом в Усть-Луге и бухте Батарейная образует новую транспортную инфраструктуру на Балтике. В настоящее время для перевозок в Балтийском море все еще используются нефтяные танкеры с одной стенкой корпуса, которые не пригодны для плавания в условиях ледовой опасности, поэтому ставится задача постепенно заменить все суда, передвигающиеся в Финском заливе, на суда, отвечающие строгим экологическим требованиям безопасности.

Премьер-министры стран СГБМ поддержали идею создания на Балтике новой системы транспорта и коммуникаций. Упомянутая выше программа VASAB-2010 включает вопросы транспорта. Для организации практической работы в 2001 г. в Гданьске была создана рабочая группа *ad hoc* по транспорту. Целями транспортного сотрудничества были установлены: устойчивое развитие транспорта; создание транспортных коридоров, развитие морского транспорта, особенно на короткие расстояния; применение новых технологий на транспорте; развитие мультимодальной транспортировки грузов. Частью панъевропейской транспортной системы, которая предусматривает создание региональных коридоров, связывающих отдельные европейские регионы единой транспортной системой, является сеть автодорожных магистралей, в частности, Балтийский регион пересечет «Виа Балтика», связывающая Хельсинки с Таллином, Ригой, Каунасом и Варшавой, а также несколько других важных транспортных артерий. В перспективе транспортные инфраструктуры всех стран региона будут объединены в единую сеть с современной системой пограничного и таможенного контроля, а также оказания коммутационных и прочих услуг. Эта транспортная система важна не только для хозяйственного общения между странами региона, но также и для контактов в области культуры, научных и туристических обменов.

Новую, более важную, чем прежде, роль современного транспорта в современной экономике демонстрирует введение в 2000 г. моста между Данией и Швецией, что создало основу для образования нового европейского трансграничного субрегиона вокруг пролива Эресунн. Помимо моста был сооружен подземный туннель, связывающий Копенгаген со шведским городом Мальмё. Аналогичный, только еще более грандиозный, проект планируется осуществить между Данией и Германией, через пролив Фемарн, что позволит закольцевать сухопутные транспортные пути вокруг Балтийского моря.

По аналогии со СБЕР в рамках СГБМ предприняты меры по подкреплению межправительственного диалога на уровне министров

регулярным механизмом взаимодействия на уровне местных органов власти. Ежегодно проводятся конференции глав губерний и областей стран — участниц СГБМ, создан постоянный секретариат. Со стороны России в этом сотрудничестве участвуют руководители Калининградской, Ленинградской, Новгородской и Псковской областей, а также Санкт-Петербурга.

Новым явлением в хозяйственной жизни Балтийского региона явилось образование трансграничных субрегионов. Такие субрегионы возникли между Финляндией и Эстонией; между восточными провинциями Финляндии и Республикой Карелия; между районом Большого Копенгагена и Мальмё с пригородами; между Латвией, Литвой и Швецией создан регион «Сауле» («Солнце»); а местные власти Польши, Литвы и Белоруссии сотрудничают в рамках еврорегиона «Неман».

Особенностью Балтийского региона является то, что здесь граничат друг с другом в основном относительно небольшие по экономическому потенциалу страны (за исключением Германии и России). Это обуславливает все возрастающее участие их национального продукта в международной торговле, усиливая их зависимость от условий и форм регулирования международных экономических отношений. Здесь расположен один из важных центров мировой торговли, транспортный узел мирового значения. Поэтому именно здесь национальные структурные, отраслевые и прочие проблемы (например, транспортные и экологические) легко выходят за государственные границы, приобретая международное значение. Страны этого региона резко отличаются по своим экономическим параметрам, формам и масштабам участия в международном разделении труда, а также уровню материального благосостояния и развитию технологий. Усиление экологической и криминальной угрозы, другие вызовы подталкивают к кооперации в соответствующих областях. Несоответствие между национальными возможностями и интернациональной ответственностью (например, по отношению к окружающей среде), ощутимые различия экономического развития, отсутствие механизма разделения ответственности за загрязнение, экономический кризис в России, резко ограничивший ее финансовые ресурсы, — все это затрудняет переход региона к практической реализации концепции стабильного экономического роста. Однако, поскольку глобальные проблемы проявляются локально, в частности в бассейнах Балтийского и Баренцева морей, то для мирового сообщества очень важен опыт региональных организаций типа СБЕР и СГБМ. Решение экологической проблемы в регионе осложняет

тот факт, что на Балтике перекрещиваются транспортные пути мирового значения и число участников загрязнения не исчерпывается странами, окаймляющими Балтийское море.

Перспективы дальнейшего развития регионализма на Севере Европы — не однозначны, но вектор развития в общих чертах определился — это курс на интенсификацию сотрудничества. В XXI веке Северная Европа вступила как регион, активно поддерживающий тенденции к объединению. Скандинавские страны и Финляндия выступают за формирование внутри ЕС «социально ориентированной Европы». «Северная модель» социально-экономического развития превратила эти страны в процветающие государства с высокоразвитой конкурентной промышленностью инновационного типа, основанной на ее интеграции с наукой, сферой образования, а также высоким качеством жизни. Эта модель включает в себя налаживание эффективной защиты природной среды обитания человека и социальную защищенность на все случаи жизни, политическую стабильность, местное самоуправление и не только равенство всех граждан перед законом, но и относительное равенство жизненных возможностей. Скандинавы первыми в мире создали единое правовое, культурное, образовательное пространство, а также единый рынок труда (который существует с 1954 г.) и единую систему социального обеспечения в рамках Северного совета, предвосхитив некоторые достижения ЕС.

Швеция и Финляндия стремятся стать своеобразным центром формирующегося ныне Балтийско-Баренцева Евроарктического пространства, реализуя и развивая в условиях новых для Европы политических реалий успешный опыт многолетнего добрососедского сотрудничества с СССР. Этим целям соответствует их активное участие в работе региональных организаций СБЕР и СГБМ. «Северное измерение» играет роль зонтика для всех форм взаимодействия, опираясь на финансовые ресурсы международных финансовых организаций и ЕС. Основные результаты деятельности СГБМ сводятся к тому, что он послужил как бы первой ступенькой для стран Центральной и Восточной Европы в преддверии их присоединения к ЕС[1]. Однако Россия при этом оказалась как бы отодвинутой на второй план более актуальной для большинства участниц СГБМ задачи — подготовиться к вступлению в ЕС.

---

[1] См., например: решения 3-й Таможенной конференции стран Балтийского бассейна 9–10 сентября 1999 г. в Гданьске об уменьшении препятствий движению товаров через упрощение таможенных процедур и сотрудничество между таможенными службами.

Среди результатов деятельности СГБМ следует назвать достижение договоренности об обмене данными по радиоактивной обстановке в регионе (2001), решение о постепенном создании в Балтийском регионе Единого информационного пространства и устранению информационных барьеров (2005), выработку дорожной карты по содействию инвестициям (2006).

5.4. Неиспользованный потенциал Арктического совета

До недавнего времени вопросы развития Арктики, во всяком случае, арктических и субарктических районов России, решение существующих там проблем во многом оставались за рамками международного сотрудничества, как на европейском, так и на других уровнях. И это — при том громадном экономическом потенциале этого уникального региона, который не может быть эффективно использован без активного включения в мирохозяйственные связи, в европейскую интеграцию и трансатлантический контекст. Без привлечения международного опыта и содействия невозможно решить и сложнейшие экологические, социальные, гуманитарные и другие проблемы. Впрочем, для советского периода это было вполне объяснимо. Арктические районы были абсолютно закрытыми, не говоря уже о существовавшем долгое время традиционно негативном отношении Кремля к участию в западной интеграции. Однако те качественно новые моменты, которые возникли в последнее десятилетие в отношениях между Востоком и Западом, радикальные перемены в нашей стране создали благоприятные предпосылки для распространения международного сотрудничества и на Арктику, роль которой в европейском и глобальном масштабе трудно переоценить. Нужно отдать должное усилиям Финляндии, по инициативе которой 10 лет назад была создана «Стратегия охраны окружающей среды Арктики» (Arctic Environmental Protection Strategy — AEPS) и стартовал известный «процесс Рованиеми», к которому присоединилась и Россия, став затем и членом Арктического совета. Кстати, когда еще в последние годы СССР обсуждалась возможность участия в AEPS, были в Москве и сомневающиеся, и прямые противники — со ссылкой на опасность «интернационализации» важных с военно-стратегической точки зрения арктических районов. Нужно сказать, что этот синдром не исчез полностью и сегодня.

Однако в целом Арктика, ее возможности и проблемы, продолжает еще оставаться как бы на периферии европейского сотрудничества, в частности политики Европейского союза. Разворот Европейского со-

юза в сторону Арктики происходил и происходит пока медленно. Это наглядно подтвердила разработка и дальнейшее развитие концепции «Северного измерения» политики Евросоюза. Премьер-министр Финляндии Пааво Липпонен еще в феврале 1999 г. критически отмечал, что важный вопрос о разработке общей политики Евросоюза в отношении Арктического региона еще остается открытым и подготовленный Европейской комиссией доклад по «Северному измерению» не дает на него ответа. В одобренном на саммите ЕС в Кёльне в июне 1999 г. докладе Арктический совет лишь упоминался в числе инструментов, которые могли бы способствовать реализации концепции «Северного измерения». Некоторый сдвиг обозначился на встрече министров иностранных дел стран ЕС и государств-партнеров, охватываемых «Северным измерением», состоявшейся в Хельсинки в ноябре 1999 г. Именно тогда арктическая тематика прозвучала более отчетливо. Премьер-министр Гренландии Ионатан Мотцфельдт выдвинул инициативу о создании «Арктического окна» в «Северном измерении» политики ЕС, которая встретила в целом позитивный отклик. В заявлении Председателя конференции были подчеркнуты три в глобальном масштабе важных сферы арктического сотрудничества: охрана окружающей среды, устойчивое развитие и исследование Арктики. Конференция отметила, что инициатива о создании «Арктического окна» дает дополнительную мотивацию для развития более тесных связей между Европейским союзом и сотрудничеством в Арктике. Отмечалось также, что «Арктическое окно» позволит повысить внимание к коренным народам Севера в рамках «Северного измерения».

Однако какой-либо конкретизации эти заявления не получили в последующих документах Евросоюза. В целом, вопросы арктического сотрудничества в более широком комплексе и достаточно предметно пока еще не разрабатываются в рамках Европейской комиссии и ее подразделений. Со стороны Европейского союза пока не проявляется готовности распространить свою деятельность в области охраны окружающей среды, инвестиций и других составляющих «Северного измерения» на восточные арктические районы России. Премьер-министр Швеции Йоран Перссон подтвердил это, заявив: «Россия такая большая страна, что мы чувствуем, что нам следует сосредоточить наши ресурсы и возможности на тех районах России, которые географически ближе к нам и с которыми мы лучше знакомы». Есть немало и других подобных высказываний на этот счет.

Такой подход представляется узким и малоперспективным. Российская Арктика — а она занимает 2/3 всего Арктического региона — это понятие широкое и комплексное. Ее возможности, потен-

циал, проблемы нельзя разрывать на отдельные части. О мировом значении ресурсов российского севера говорят, например, такие цифры: здесь сосредоточено 42% мировых запасов природного газа (например, каждый третий кубометр газа, добываемого в мире, идет из Ямало-Ненецкого автономного округа), 13% нефти, 40–50% никеля, платиновых металлов, палладия. Около половины северных лесов планеты приходится именно на эти территории России. Особое значение Арктика имеет для России. От ее ресурсов, их рачительного и умелого использования во многом будут зависеть подъем и дальнейшее укрепление экономики нашей страны, а значит, и улучшение жизни россиян, повышение роли России в мировом как народно-хозяйственном, так и политическом контекстах. Ведь именно на севере России добываются 90% газа и 60% нефти, обеспечивая от 70 до 90% потребностей страны в этих энергоносителях. Каждый пятый киловатт-час электроэнергии вырабатывается на севере, эти регионы дают стране почти 100% алмазов, 90% никеля и кобальта, 60% меди и более 98% платиновых металлов. В итоге 2/3 валютных поступлений России и примерно 1/5 национального дохода обеспечиваются ее северными территориями. А уникальные возможности, которые откроет дальнейшее обустройство для коммерческого, в том числе и международного использования Северного морского пути? В последние годы грузовые перевозки по этой важнейшей морской артерии Севера сократились в четыре раза (в 1999 г. они составили всего 1,5 млн тонн). Сейчас государство начинает вновь обращать внимание на тот потенциал, который заложен в Северном морском пути. Разрабатываются планы строительства ледоколов, в том числе атомных, специализированных грузовых судов, модернизации существующих и создания новых портов, терминалов, разработки систем обеспечения навигации. Разумеется, здесь потребуется активное участие и федеральных властей, и регионов, и крупных фирм. По предварительным оценкам, перевозки по Северному морскому пути могли бы составить к 2010 г. 12 млн тонн, а к 2020 г. — 50 млн тонн, включая экспорт в Европу нефти и газа из Тимано-Печорской провинции, бассейнов Оби и Енисея, с Ямальского полуострова. Вполне естественным будет привлечение к реконструкции и использованию Северного морского пути третьих стран — разумеется, при том условии, что все это будет осуществляться при сохранении полной юрисдикции Российской Федерации. Полезный опыт здесь постепенно накапливается. Например, в конце 1990-х гг. в результате сотрудничества между финскими судостроителями и Мурманским пароходством было создано экспериментальное судно для работы

на Крайнем Севере — танкер с ледокольной оснасткой, который прошел успешные испытания в верховьях наших северных рек. Вполне возможно взаимодействие в строительстве атомных ледоколов для Северного морского пути (в свое время на финских верфях был построен ледокол с установкой на нем советских атомных двигателей для круглогодичного судоходства на реках Сибири), хотя у нас есть и собственные возможности, например судостроительные заводы «оборонки» в Северодвинске (Мурманская область). Международные эксперты подсчитали, что потенциальный объем ежегодных транзитных перевозок по Северному морскому пути между портами Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона может составить к 2020 г. до 50 млн тонн. Не случайно, что большой интерес к российской Арктике проявляют такие страны, как США, Канада, Япония. Освоение богатств российского севера невозможно без дальнейшего расширения железнодорожной транспортной сети. В этой связи уже намечается и осуществляется реализация многих проектов. Например, строится 500-километровая субарктическая железная дорога от станции Обская (Республика Коми) на полуостров Ямал. Особое значение — как североевропейское, так общеконтинентальное — приобретает строительство железнодорожной магистрали Архангельск–Сыктывкар–Пермь. Реализация этого проекта позволяет значительно сократить пробег из регионов Урала и Сибири к Архангельску и Мурманску, а завершение строительства дороги Ледмозеро–Кочкома (Республика Карелия) обеспечивает выход на Финляндию и через ее порты на Балтику и дальше в Европу. И не только в Европу. Через связь с Транссибирской магистралью и БАМом расширится возможность коммуникаций российского севера со странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Представляется, что было бы нелишним воспользоваться опытом других стран, имеющих арктические территории. Их политика строится на следующих принципах. Государство сохраняет регулирующую роль в отношении экономики северных регионов; региональная экономика дифференцируется путем создания предприятий для лучшего производства и обработки сырья, а также улучшения сервисного сектора; создаются специальные региональные кредитные фонды, в частности, для помощи в кризисных ситуациях. Оказывается экономическое и иное содействие не только добывающим сырье компаниям, но и другим предприятиям; стимулируется деятельность крупных корпораций, принадлежащих частично государству и частному капиталу (пример — канадская фирма «Петро Канада» с капиталом в 10 млрд долл. США); практикуется предоставление налоговых льгот с одновре-

менным увеличением государственных субсидий на душу населения. Государство постоянно и активно работает над решением проблем коренного населения.

Возвращаясь к упомянутой выше инициативе Европейского союза по созданию «Арктического окна» в рамках «Северного измерения», следует отметить лишь положительные стороны данного проекта. Но вопрос в том, как будет выглядеть его реализация на практике, каким материальным содержанием эта инициатива будет наполнена, не останется ли она только на бумаге. Требуется уточнение основных приоритетов и проектов.

Одна их главных проблем — нахождение источников финансирования и определение инструментов реализации программы. Напомним, что, выдвигая идею «Северного измерения», Европейский союз с самого начала четко оговорил, что каких-либо дополнительных средств из своего бюджета выделять не будет. Речь может идти лишь о перераспределении и более эффективном использовании уже выделенных ассигнований. Финансирование сотрудничества должно происходить за счет более активного привлечения национальных средств, частных инвесторов и международных финансовых институтов (Всемирный банк, ЕБРР, СИБ, ЕИБ). А соответствующие государства должны создать благоприятные условия для использования этих возможностей. Думается, что было бы целесообразно подумать и о расширении географической сферы деятельности существующих финансовых инструментов ЕС, таких как: ТАСИС, ИНТЕРРЕГ, ТЕМПУС и др. Например, по Регламенту ТАСИС на период 2000–2006 гг., предусматривавшему увеличение объема финансирования до 570 млн экю в год, 25% бюджета этой организации может быть использовано для финансирования крупных высокоэффективных проектов, предоставляемых на конкурсной основе всеми участниками СНГ и Монголии. Здесь использован опыт двух крупных комплексных проектов — ТРАСЕКА и ИНОГЕИТ (TRACECA & Innogate). Первый из них связан с созданием южного транспортного многоцелевого коридора, а второй — ориентирован на модернизацию нефте- и газопроводов. В результате были сформированы крупные инвестиционные проекты, финансируемые ЕБРР, Всемирным банком и Азиатским банком развития.

По аналогии с упомянутыми проектами, учитывая новый элемент регламента ТАСИС, можно было бы подумать о создании основы для формирования крупного комплексного проекта на Севере. Имея в виду создание северного транспортного многоцелевого коридора, включая нефте- и газопроводы, сооружение портов и т.д., в частности, с целью освоения углеводородных ресурсов Тимано-

Печорской нефтегазовой провинции, иных природных ресурсов всего северо-запада и севера России. Эти средства можно было бы подключить и к вопросам, связанным с использованием Северного морского пути.

В институциональном отношении необходимо повышение роли такого органа как Арктический совет, усиление его роли (не на словах, а на деле) в реализации концепции «Северного измерения», более активное взаимодействие с Европейским союзом и его органами, с другими организациями, участвующими в «Северном измерении», в частности со СБЕР. До недавнего времени Арктический совет (учрежден в 1996 г. как региональный межправительственный «форум высокого уровня» с участием Дании, Исландии, Канады, Норвегии, России, США, Финляндии и Швеции) был как бы в стороне от стратегических вопросов развития Европейского Севера, занимаясь прежде всего вопросами охраны окружающей среды. Сейчас задача заключается в том, чтобы привлечь внимание международного сообщества к арктическим делам, усилить эффективность и расширить сферу его деятельности, стать равноправным партнером для ЕС в вопросах «Северного измерения», найти свою «нишу» в этих вопросах. Несомненно, назрело время для того, чтобы Европейская комиссия стала бы, если не членом, то постоянным наблюдателем в Арктическом совете. В свою очередь, следовало бы подумать и о том, чтобы Арктический совет получил необходимый статус в рамках Баренцева Евроарктического региона. Полезным было бы подключение к деятельности Арктического совета Японии, других заинтересованных государств и международных организаций. Внимания заслуживает и совершенствование организационной структуры Совета, активизация сотрудничества на уровне административно-территориальных образований стран-членов. Опыт СБЕР, в рамках которого действует не только правительственный, но и местный уровень, Региональный совет руководителей административных единиц, показывает, что этот второй «этаж» сотрудничества позволяет более предметно рассматривать и решать существующие проблемы. Нужно подумать и о том, в какой форме Россия может оказывать более эффективное содействие деятельности Арктического совета. До сих пор вклад российской стороны осуществлялся «натуральным взносом» (научными разработками, материалами исследований, организационным содействием и т.д.). Основное бремя финансирования различных программ несут Скандинавские страны, США и Канада. При всех трудностях, которые испытывает наша страна, не настало ли время, учитывая особую важность для нас проблем Арктики, по-

думать и об участии в финансировании деятельности Арктического совета как на федеральном и региональном уровне, так и с привлечением российских компаний, заинтересованных в развитии Арктики. В целом, «Арктическое измерение» должно стать в ближайшие годы одной из приоритетных составляющих внутренней и внешней политики России, северные регионы которой активно выступают за это. Есть общее понимание и на федеральном уровне. Но нужны координация усилий, взаимодействие центра и северных субъектов Российской Федерации, учет особого положения, потребностей и проблем Севера, его значения для страны. В этой связи можно лишь выразить сожаление, что до сих пор не разработана федеральная целевая программа развития российского севера, а Госкомсеверу вообще не нашлось места в структуре нынешнего правительства. В Российской Федерации до сих пор нет четко сформулированной региональной политики, которая учитывала бы особенности субъектов Федерации. Нет соответствующей законодательной базы. Нужно подумать и о расширении спектра возможностей, которые позволяли бы России оказывать влияние на принимаемые в рамках «Северного измерения» решения, в том числе касающиеся и Арктики. Активизировать использование для этих целей механизмов Соглашения о партнерстве и сотрудничестве ЕС—Россия, прямого диалога с Европейским союзом, его органами и программами. Например, Канада активно ставит вопросы, касающиеся арктического сотрудничества, в своих контактах с Европейским союзом. Большой интерес к арктическому сотрудничеству, в том числе во взаимодействии с Евросоюзом, проявляют США. Высказывается, например, идея создания университетской сети (network) в регионе Арктики для развития сотрудничества между арктическими научно-исследовательскими центрами. Конкретные вопросы арктического сотрудничества в рамках «Северного измерения», возможное выдвижение совместных предложений должно быть предметом двусторонних контактов России со странами — партнерами по «Северному измерению», а также с США, Канадой и другими заинтересованными государствами.

И конечно, нужно полнее использовать потенциал общественных, неправительственных организаций. В этой связи хотелось бы отметить тот большой вклад в развитие арктического сотрудничества, который вносят Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (RAIPON), Северный форум, в который входят северные регионы России, США, Канады. Эти организации, сотрудничающие с Арктическим советом и поддерживающие тесные

контакты с такими организациями коренных народов, как Циркумполярная конференция инуитов (ICC), Советом саами (Saami Council), Международной ассоциацией алеутов (AIA), могут способствовать реализации идеи «Арктического окна».

5.5. Северная Европа и интеграция: превратности отношений с ЕС

Интеграция в странах Северной Европы происходит одновременно по нескольким направлениям:

— Общеэкономическая интеграция, осуществляемая по линии ЕАСТ, ЕЭС/ЕС, ЕЭП[1], ведет к повышению степени открытости их экономики по отношению друг к другу и содействует экспансии их компаний на мировом рынке.
— Межсекторная интеграция происходит между бизнесом, научной и образовательной сферой и ведет к созданию национальных и международных инновационных систем, она содействует переходу от индустриального этапа развития к инновационному этапу и формированию общества «инновационной культуры».
— Интеграция происходит между государственным и частным сектором экономики, что ведет к развитию частно-государственного партнерства, в том числе в новых формах. Это проявляется в усилении государственной поддержки НИОКР, сохранении государственной собственности на предприятия, оказывающие инфраструктурные и социальные услуги, информационном и другом содействии малым и средним предприятиям и инновациям, поддержке научно-технической кооперации, регулировании рынка труда и т.д.
— Вертикальная и горизонтальная интеграция, которая происходит путем концентрации капитала, контрактации (так называемый аутсорсинг) и волн слияний и поглощений. Она происходит, например, между пищевой промышленностью и сельским хозяйством, что ведет к формированию АПК, а также к укрупнению компаний и (если эти процессы происходят между компаниями, которые не связаны между собой технологически) усилению финансово-промышленных групп.

---

[1] ЕЭП — Европейское экономическое пространство — зона свободной торговли между странами — членами ЕС и ЕАСТ.

— Технологическая интеграция приводит к формированию крупных производственно-сбытовых систем, основанных на единых (прежде всего, информационных) технологиях и современных средствах накопления и передачи информации (телевизионная и оптоволоконная связь, мобильный телефон и компьютер).

Все североевропейские страны по-разному строят свои отношения с европейскими интеграционными объединениями. Исландия и Норвегия остаются участниками ЕАСТ, Дания — член ЕЭС с 1972 г., а в ЕС участвует с четырьмя оговорками. Финляндия и Швеция — участники ЕС с 1995 г. Таким образом, в рамках Западной Европы именно ее северная часть в наибольшей степени проявляет относительную автономность и самостоятельность политики по отношению к ЕС. В настоящее время две страны и две самоуправляющиеся территории Северной Европы, а именно: Норвегия, Исландия, Гренландия и Фарерские острова остаются вне ЕС. Из Северной Европы шесть раз прозвучало «нет» западноевропейской интеграции: имеются в виду два норвежских референдума, отклонивших возможность ее присоединения к ЕС, отказ Дании и Швеции присоединиться к зоне евро, отрицательный итог датского первого референдума по Маастрихтскому договору и выход Гренландии в 1985 г. из ЕЭС. Гренландия — самоуправляющаяся территория Датского королевства демонстративно вышла из ЕЭС из-за разногласий по квотам вылова рыбы вскоре после обретения ею права на самоуправление. Еще в 1972 г., когда в Дании проводился референдум по ЕЭС, 70% гренландского населения проголосовало против участия в ЕС.

Поскольку европейская интеграция несет с собой перспективу унификации социально-экономических моделей и формирование некой европейской модели, то интересно сопоставить стратегии защиты национальных моделей социального государства в отдельных странах Северной Европы в условиях интеграции и глобализации. Швеция и Финляндия пошли по пути усиления инновационной направленности, что ведет к интернационализации их экономики и экспорта, относительному сокращению значения рынка ЕС в их экспорте, так как экспорт наукоемкой продукции более рассредоточен по всему миру, чем традиционные статьи экспорта. Швеция и Дания воздерживаются от вступления в зону евро и от участия в третьей фазе валютного союза. Норвегия и Исландия предпочитают оставаться не только вне зоны евро, но и вне ЕС. Норвегия отказалась от масштабной приватизации, которая становится необходимой в соответствии с выработанной для всех стран — участниц ЕС интеграционной стратегией.

Различное отношение к валютной интеграции иллюстрирует различие стратегий североевропейских стран по отношению к ЕС. Среди этих государств только Финляндия вошла вместе с 12 остальными странами-участницами в валютный союз на основе единой европейской валюты и отказа от национальных денежных единиц, что составляет существо третьей фазы валютной интеграции внутри ЕС. Дания отказалась от введения евро, но привязала курс своей валюты к евро и поддерживает колебания кроны в пределах ±2,5%, то есть участвует во второй фазе ЭВС. Швеция была вынуждена отказаться от твердого курса своей кроны из-за широкого масштаба спекуляций в начале 1990-х гг., не берет на себя обязательств поддерживать колебания курса национальной валюты в узких пределах по отношению к евро, то есть остается вне второй фазы ЭВС. Курс исландской кроны определяется Центральным банком страны на основе валютной корзины. Норвегия также не берет на себя никаких официальных обязательств по отношению к евро, поддерживая стабильность своей валюты, не вступая в какие-либо формальные отношения с ЕС по этому поводу.

Дания, Швеция и Финляндия вступили в ЕС после пребывания в европейской зоне свободной торговли (ЕАСТ). Первой этот шаг осуществила в 1972 г. Дания, вслед за Великобританией. Дело в том, что, в 1950-е и 1960-е гг. эта страна была важным рынком сбыта для продукции датского сельского хозяйства, что определило вступление Дании сначала в ЕАСТ, а затем вместе с Англией — в ЕЭС. На первых порах Дания заметно выиграла в экономическом отношении от вступления в ЕЭС. Вплоть до начала реформирования единой аграрной политики финансовые отношения Дании с этим интеграционным союзом строились таким образом, что она получала от него больше, чем вносила в единый бюджет[1]. Разница составляла примерно 1% ВВП страны. Курс ЕЭС на продовольственную самообеспеченность и высокие цены на сельскохозяйственную продукцию был очень выгоден для Дании, которая в силу высокой конкурентоспособности национального сельского хозяйства смогла заметно увеличить свою долю на объединенном рынке. Большая часть гарантийных выплат ЕЭС в 1970-е гг. распространялась на четыре продукта: зерно, молоко, масло, говядину, которые составляют важнейшие статьи датского экспорта[2]. Зато налоговая гармонизация, которая имеет место на стадии ЭВС, происходит для Дании и других североевропейских стран

---

[1] Страны — участницы ЕС могут получать средства от ЕС через аграрный фонд ФЕОГА, региональный фонд ЕФРР и Социальный фонд.

[2] Еще одной важной статьей датского экспорта является свинина и изделия из нее.

крайне болезненно, так как они относятся к странам с высоким уровнем налогообложения.

В результате доля ЕЭС в датском экспорте выросла, и ныне она составляет около 2/3 датского товарооборота. Заметный эффект от участия в интеграции был получен несмотря на то, что Дания была страной с открытой экономикой и традиционно придерживалась политики свободной торговли. Повышение степени концентрации датской торговли на ЕС привело к усилению ее зависимости от этого рынка, зато появилась возможность использовать преимущества увеличения масштабов производства. Вхождение в ЕЭС/ЕС помогает Дании привлекать иностранные инвестиции, так как раньше узкий внутренний рынок препятствовал притоку иностранных инвестиций в эту страну. Многие ТНК выбрали Данию местом размещения своих штаб-квартир. Вместе с тем, другие страны Северной Европы, особенно в период между 1972 и 1995 гг., использовали свои отделения и филиалы в Дании как мост для проникновения внутрь Общего рынка. В 1980–1990-е гг. наблюдался резкий рост прямых инвестиций в датскую экономику из стран Северной Европы, которые стремились использовать преимущества создаваемого в ЕС единого внутреннего рынка. Таким образом, Дания выполнила роль связующего звена. Членство Дании в ЕС, а также начало добычи нефти на шельфе, позволили со временем решить проблему бюджетного дефицита, от которой страдала ее экономика в 1970-е и первой половине 1980-х гг. В 1990-е гг. ее платежный баланс достиг равновесия (так как вырос экспорт), одновременно вырос кредитный рейтинг Дании. Отрицательное сальдо торгового баланса после 1982 г. стало снижаться и сменилось положительным в 1986 г.

С 1973 г. Дания стала участником «валютной змеи» и поддерживала валютный курс по отношению к немецкой марке. Минус участия в валютном сотрудничестве в ЕЭС/ЕС для Дании заключался в том, что она была вынуждена следовать стабилизационной политике стран-партнеров, в первую очередь ФРГ. Дания вошла в соглашение ЭВС-II. С 1 января 1999 г. введен механизм связи между обменными курсами, который включает валютные курсы стран ЕС как участвующих, так и не участвующих в евро. Центральный курс датской кроны к евро определен на уровне 7,46038 датских крон за евро, а диапазон допустимых колебаний обменного курса составляет ±2,25%. Валютные интервенции Центральный банк Дании проводит совместно с Европейским центральным банком (ЕЦБ), что повышает их эффективность. Дания добровольно согласилась на поддержание такой системы управления валютным курсом датской кроны, и

это означает, что страна ориентируется на денежно-кредитную политику ЕЦБ. Дании не нужно было предпринимать специальных усилий, чтобы достичь соответствия Маастрихтским критериям. По формальным признакам она была готова к вступлению в ЭВС. Однако, поскольку Дания — маленькая страна, то, даже будучи вне еврозоны, она должна действовать таким образом, как будто она уже внутри нее, так как у нее нет свободы маневра для проведения валютной политики.

До 1993 г. Дания получала из единого бюджета больше средств, чем отчисляла в него, несмотря на то, что она является одной из самых богатых стран Союза. В 1993 г. позиция Дании изменилась: из нетто-получателя она превратилась в нетто-плательщика. Изменение положения страны связано с реформой аграрной политики ЕС, которая проводится, начиная с 1980-х гг., в результате чего предоставление субсидий аграрным производителям становится все более избирательным, а сами субсидии все больше переводятся с гарантирования цен и сбыта на структурные изменения.

Поскольку экономика Дании отличается высокой информатизацией и компьютеризацией, то она получает выигрыш от перехода ЕС к информационному обществу. В 1997 г. в рамках ИНТЕРРЕГ-II был начат проект «IT-Bridge», имеющий целью связать жителей Мальмё и Копенгагена через пролив Эресунн. Половина стоимости этого проекта, в котором приняли участие семь шведских и девять датских муниципалитетов, было профинансировано через ЕС. Другой инновационный проект, реализуемый в Дании — это проект NOVI в Ольборге (Северная Ютландия) по созданию научного парка, обеспечивающего переход региона от тяжелой промышленности к наукоемкому производству. Этот проект на 40% финансируется за счет ЕФРР ЕС, а остальные 60% — за счет Министерства исследований Дании и кредитных средств.

Взаимоотношения Дании с ЕС круто изменяет переход ЕС к реформе единой аграрной политики. В результате доля Дании в сельскохозяйственном производстве ЕС стала сокращаться, одновременно уменьшается доля продуктов питания в общем экспорте страны. Участие Дании в ЕС содействовало росту концентрации аграрного производства. Число аграрных хозяйств в Дании сократилось с 200 тыс. в 1960 г. до 48 тыс. в 2005 г.[1], а их средний размер увеличивается. Сельское хозяйство продолжает играть важную роль для датской экономики, так как помимо тех 3% населения, которые заняты в сельском хозяйстве,

[1] Nordic Statistical Yearbook. 2006. Vol. 44. P. 240.

еще 7–9% занято промышленной переработкой аграрной продукции. Датская экономика познала горечь положения в результате действия «ножниц цен» — стране приходится все время наращивать физический объем экспорта продовольствия для того, чтобы поддержать свои доходы от экспорта: физический объем сельскохозяйственного производства в Дании вырос на 45% по сравнению с 1970 г., хотя объем продаж и добавленная стоимость снижаются. После вступления Дании в ЕЭС, в ее сельское хозяйство увеличился приток инвестиций, а доля аграрного производства в ВВП стабилизировалась. С 1980-х гг. ЕЭС перешел к политике ограничения аграрного производства, за превышение квот производства взимаются штрафы. Все датские фермы, размер которых превышает 10 га, должны представлять в Министерство сельского хозяйства Дании план севооборота и использования удобрений, что говорит о высокой степени регулирования датского сельского хозяйства.

В датской политике по отношению к ЕЭС/ЕС можно выделить три этапа.

1. В 1972–1986 гг. был сделан акцент на экономическую природу сотрудничества: поддержка общей аграрной политики (ОАП), общего рынка и готовность участвовать в совместном финансировании деятельности ЕЭС. Дания выиграла от введения в ЕЭС общей политики в области рыболовства. Но уже в июне 1985 г. Дания выступила против идеи пересмотра Договора о ЕЭС — так называемый Единый европейский акт был отклонен датским фолькетингом и был ратифицирован только после референдума.
2. В 1986–1992 гг. Дания поддерживала курс на углубление интеграции, так как шло формирование единого внутреннего рынка ЕЭС, что соответствовало интересам страны. Дания даже приняла Социальную хартию, хотя она не совсем отвечает ее интересам в части гармонизации налогообложения. Дания выступила за распространение политики ЕЭС на новые сферы: здравоохранение, культуру, образование. В 1988 г. Дания либерализировала движение капиталов даже раньше, чем другие страны ЕС. Фолькетинг одобрил Маастрихтский договор подавляющим большинством голосов. Но первоначально он был отвергнут населением и утвержден решением всенародного референдума после внесения так называемых датских оговорок, касающихся валютной, военной и внешнеполитической сферы, а также интеграции в сфере юстиции и внутренних дел. Дания получила право не присоединяться к военному сотрудничеству, единой валюте и не участвовать в едином гражданстве и наднациональном пра-

вовом взаимодействии. Это позволяет ей сохранять право вето по оборонным, правовым (особенно чувствительным для Дании являются вопросы налогообложения), социальным и трудовым вопросам, касающимся регулирования рынка труда; а также по вопросам общего гражданства. Дания оговорила в протоколе о своем присоединении к Маастрихтскому договору, что она сохраняет запрет для иностранцев приобретать в Дании загородные дома.

3. После референдума 1992 г. в Дании возобладало более осторожное, чем раньше отношение к ЕС. Правительство твердо следовало ограничениям, записанным в Эдинбургском соглашении от декабря 1992 г. Поскольку экономический рост в Дании сопровождался увеличением безработицы в 1990-е гг., то сейчас акцент сделан на обеспечении занятости. Это по ее предложению в Амстердамский договор был включен специальный раздел по занятости. С 1986 г. Дания внутри ЕС заостряет внимание на экологической проблематике. Датские предприниматели усиливают свою поддержку ЕС, так как видят в нем инструмент для сокращения расходов на государство всеобщего благосостояния. Однако широкие слои датского населения настроены против создания на базе современного ЕС Соединенных штатов Европы. Ведь в Дании существует сильное антиевропейское движение еще с 1972 г., когда встал вопрос о вступлении в эту группировку. Дания стабильно выступает против унификации системы социального обеспечения между странами ЕС, а также против голосования по социальным вопросам на основе простого большинства, сохраняет свои особенности в отношении правил приема иностранной рабочей силы, хотя для квалифицированных кадров они являются более благоприятными. Страна выступает также против унификации налоговых систем странами — участницами ЕС. В частности, если ставка НДС снизится до уровня ЕС (с 25 до 15%), то датский бюджет станет дефицитным.

Несмотря на то что Дания, наряду со Швецией и Люксембургом, относится к самым богатым странам — участницам ЕС, ее влияние на общий курс интеграционной политики незначителен. До последнего расширения ЕС в 2004 г. Дания имела три голоса из 87 в Европейском совете и 16 мест из 626 в Европейском парламенте. В настоящее время она располагает семью голосами в Европейском совете (из 345) и 14 местами в Европейском парламенте (из 732). Это значит, что удельный вес ее голосов уменьшился в ЕС с 3,4 до 2%, а в Европейском парла-

менте с 2,6 до 1,7%. Точно так же представлена в руководящих органах ЕС Финляндия. У Швеции тоже 7 голосов в Европейском совете и 19 мандатов в Европарламенте, но удельный вес шведских голосов не намного превышает датские или финские: он упал в ЕС с 4,6 до 2,0%, а в Европарламенте — с 3,5% до 2,4% соответственно[1].

Вступление Дании в ЕС привело к крупным изменениям в датской политической системе, число партий увеличилось, но влияние отдельных партий уменьшилось. Поэтому к власти стали приходить, как правило, коалиционные правительства или правительства меньшинства. Поскольку рынок труда в Дании — высокоорганизован, а профсоюзы глубоко вовлечены в его управление, возможность растворения Датского королевства в ЕС и подчинения всех датских структур европейским несет с собой угрозу ослабления позиций датских профсоюзов. Это является одной из причин сохранения в современной Дании сильных позиций антиинтеграционного движения. Оно представлено двумя потоками: «Народное движение против ЕС» (которое сформировалось во время проведения в Дании первого референдума по ЕС в 1972 г.) и «Июньское движение» (которое сформировалось во время проведения в Дании референдума по евро). Например, по результатам выборов в Европарламент в июне 1999 г. голоса датских избирателей распределились следующим образом. Партия Венстре получила четыре места в Европейском парламенте, социал-демократы — три, консерваторы — три, «Июньское движение» — два, «Народное движение против ЕС» — два, народные социалисты — одно, радикалы — одно, итого из 16 датских мандатов четыре мандата досталось противникам участия Дании в европейской интеграции. Дания отказалась участвовать в европейских силах быстрого реагирования.

В сентябре 2000 г. в Дании был проведен референдум по поводу возможного вступления страны в валютный союз на основе евро. По результатам всенародного голосования датчане проголосовали против введения евро, так как датские избиратели опасаются, что это приведет к отказу от действующей системы соцобеспечения и от датских оговорок участия в ЕС, которые обеспечивают сохранение сложившейся в Дании социальной системы. Тема референдума вызвала большой интерес у населения Дании: во всенародном опросе приняло участие около 90% из 5 млн датчан — рекордный уровень для этой страны. По результатам референдума предложение правительства Да-

---

[1] Расчеты на основе распределения голосов согласно Договору о ЕС, заключенному в Ницце. (European Union Treaty of Nice. Luxembourg. 2001. P. 84–87.)

нии отказаться от национальной валюты — кроны в пользу евро было отклонено датскими избирателями большинством в 53%, что составляет около 48% общего числа жителей страны.

Результаты голосования разочаровали Брюссель, так как ЕС в соответствии с Маастрихтским договором через ЭВС и евро движется в сторону гармонизации национальных бюджетных политик и налоговых кодексов. На основе валютной интеграции планируется достичь политической и военной интеграции в ЕС. За результатами датского голосования по евро напряженно следили также в Лондоне и Стокгольме, поскольку перед этими странами предстояла перспектива той же процедуры. Это явилось индикатором того, что усиливаются тенденции к созданию в рамках ЕС многоскоростной Европы. Дания оказалась в группе стран, которая, по крайней мере в настоящее время, не хочет форсировать процессы углубления западноевропейской интеграции.

Дебаты, проводимые накануне референдума, показали, что большинство жителей Дании опасается евро и ЭВС из-за того, что видит в этом угрозу существованию одной из самых обширных и надежных государственных систем социального обеспечения. Действительно, датский студент, например, ежемесячно получает государственную стипендию в размере 300 евро, а датские безработные — пособие в размере 70% своей последней заработной платы. Государственные пенсии по старости достигают такого уровня, что большинство датских пенсионеров вполне удовлетворено своим уровнем жизни.

Швеция вступила в ЕЭС вскоре после его преобразования в ЕС. Адаптация шведской экономики, недавно вышедшей из экономического кризиса, который имел место в начале 1990-х гг., прошла удивительно гладко. Швеция быстро и полно инкорпорировала во внутреннее законодательство «aquis communautaire» ЕС. В отношении экологических законов Швеция зачастую выполняет роль лидера в ЕС, выступая за введение более полного регулирования этой сферы и установление более жестких норм загрязнения. Под влиянием ЕС Швеция подвергла свою экономику существенной либерализации и дерегулированию. В стране была приватизирована бóльшая часть ее ранее самого крупного на Севере Европы государственного сектора экономики. При этом была существенно расширена сфера действия рыночных механизмов, в том числе путем передачи в частные руки некоторых видов социальных услуг, оказываемых ранее государственными или муниципальными предприятиями (транспорт, коммунальные услуги). Были снижены налоги на прибыли корпораций и на доходы частных лиц.

Референдум в Швеции по евро, который состоялся 14 сентября 2003 г., показал, что отношения Швеции и ЕС не являются гладкими

и простыми. На референдум был вынесен вопрос о возможном участии страны в третьей фазе ЭВС и евро. 56,1% шведских избирателей, явившихся на избирательные участки, высказались против отказа от шведской национальной денежной единицы — кроны в пользу единой валюты ЕС и только 41,8% высказались за[1]. Явка избирателей, как обычно в Швеции, была высокой — в голосовании приняли участие около 80% шведов. Основными аргументами, склонившими чашу весов против участия страны в евроленде, явились опасения за судьбу шведского социального государства, обеспечивающего поддержку широких слоев шведского населения, а также недовольство политикой открытых дверей по отношению к иммигрантам, которая является следствием участия страны в европейской интеграции. Референдум показал, что шведы опасаются того, что введение евро вызовет рост цен, приведет к сокращению системы социального обеспечения, усилится влияние на состояние шведской экономики более низкого экономического роста в ФРГ и Франции. В настоящее время экономические показатели в Швеции лучше, чем в зоне евро, к тому же все страны, которые перешли на евро, столкнулись с ростом цен.

В 1994 г. государственная задолженность в Швеции достигала 76,5% (критерий евро — не более 60%), но в 2000 г. она уменьшилась до 55,6%, что означало, что страна достигла соответствия критериям евро. Государственный бюджет удается свести без дефицита. Швеция выдерживает также параметры по пакету требований по стабилизации и экономическому росту в соответствии с Лиссабонской стратегией. Комиссия ЕС выражает неудовлетворенность шведской конкурентной политикой из-за сохранения государственной монополии или доминирующих позиций на рынке авиаперевозок, железнодорожного сообщения, торговли медицинскими препаратами, а также непрозрачности государственных закупок. Несмотря на проведение приватизации, в Швеции сохраняется крупный по сравнению с другими странами — членами ЕС общественный сектор (на Севере Европы он выше только в Норвегии); сохраняются также отличия в области налогообложения. В Швеции более высокий уровень потребительских цен, чем в среднем по ЕС, из-за высоких косвенных налогов.

Развитие взаимоотношений Швеции с ЕС иллюстрирует та роль, которую страна играла во время ее председательства в Европейском союзе в период с 1 января по 1 июля 2001 г. В это время Швеция предложила своим партнерам по ЕС программу, получившую название три «е»: эко-

---

[1] См.: http://www.finance.regering.se/emu.

номика (занятость); расширение ЕС на Восток; охрана окружающей среды[1]. Обеспечение занятости стало приоритетом Швеции в период ее председательства в ЕС вследствие принятия так называемой Лиссабонской стратегии (2000). Решение этой задачи ЕС видит на пути проведения экономических реформ, развития инновационной деятельности, расширения применения информационных технологий, развития образования, социального обеспечения и повышения общественного благосостояния. Задача состоит в том, чтобы политика ЕС адекватно отражала демографические изменения в странах Союза.

В период председательства Швеции в ЕС начались переговоры о присоединении новых 10 членов к ЕС, в том числе и в ряде сложных областей. В области охраны окружающей среды Швеция видит свою роль в том, чтобы проводить курс на устойчивое развитие, в котором она добилась определенных успехов внутри страны. Важной составляющей этих усилий является включение экологического аспекта в различные направления политики ЕС: промышленную, научно-техническую, образовательную и т.д.

Важнейшим внешнеполитическим приоритетом в этот период явилось развитие отношений с Российской Федерацией. В рамках этой политики была выдвинута идея организации энергетического диалога, а также проведена встреча «Тройки» в Москве. ЕС уделяет внимание отношениям с Россией, прежде всего в контексте политики «Северного измерения». Стратегия Швеции исходит из того, что «Северное измерение» создает платформу для развития сотрудничества между ЕС и Россией на региональном уровне. Наиболее последовательно курсу на глубокую интеграцию в ЕС следует Финляндия — единственная на Севере Европы, которая вошла в зону евро.

Норвегия проводит наиболее автономный на Севере Европы курс политики по отношению к ЕС. Эта страна дважды на всенародных референдумах, проведенных в 1972 и 1994 гг., отвергла возможность присоединения к ЕС. В 1972 г. 53,5% норвежских избирателей проголосовали против вступления страны в ЕЭС (за — 46,5%), а в 1994 г. выступило против 52,2% (за — 47,8%), при высокой явке в 89%. Особенно резко против ЕС настроено население северных губерний Норвегии, в некоторых провинциях на Севере около 70% голосовало против ЕС, зато в столичном регионе, напротив, 70% проголосовало за вступление в ЕС. Позицию Норвегии по вопросу участия в ЕС определяет особый характер норвеж-

[1] Название программы происходит от английских названий перечисленных разделов программы (на английском это соответствует словам: «economy (employment), enlargement, environment», все слова начинаются на букву «е»).

ской экономики. Поскольку она участвует в едином европейском экономическом пространстве, то бóльшая часть директив ЕС (около 80%) была инкорпорирована во внутреннее законодательство. Под влиянием ЕЭП и директив Комиссии ЕС Норвегия была вынуждена либерализировать свою экономику, приступить к проведению приватизации, в том числе был продан пакет крупнейшей и экономически высоко эффективной государственной нефте- и газодобывающей компании «Статойл», которая по экономическим показателям приватизации не подлежала. Однако Норвегия подчинилась требованиям ЕС об открытии рынка газа и обеспечении конкуренции.

Взаимоотношения Норвегии с ЕС определяются тем обстоятельством, что Норвегия — это маленькая страна, которая обладает большими особенностями. Ее внутриполитическая жизнь протекает довольно бурно. В частности, она уже дважды сказала «нет» ЕЭС: в 1972 и 1994 гг. Гордое норвежское «нет» ЕС может прозвучать и в третий раз, если дело дойдет до еще одного референдума. Негативное отношение Норвегии к этому блоку в прошлом определялось действием ряда важных факторов, большинство из которых не утратило своего значения и поныне. Одним из неявных постулатов, на основе которых развивается европейская интеграция, является убеждение в том, что национальный суверенитет в современных условиях становится все более устаревшим понятием, которое должно уйти в прошлое. Для норвежцев такое отношение к суверенитету малоприемлемо, так как в отличие от большинства других стран Западной Европы Норвегия — это очень молодое государство[1], которое только что отметило первые 100 лет своего самостоятельного существования, которое начиналось с обретения независимости от Швеции в 1905 г. Превращение Норвегии в одно из наиболее процветающих государств мира, которое произошло в годы ее самостоятельного развития, никак не может привести норвежцев к разочарованию в национальной независимости. Экономическое благосостояние создает атмосферу социальной, политической и экономической безопасности, которая является неотъемлемой ценностью норвежского образа жизни, а с такими преимуществами добровольно не расстаются. Структура экономики Норвегии принципиально отличается от экономики стран ЕС. Во-первых, она обладает крупными нефтяными и газовыми ресурсами и является третьим по величине экспортером углеводородов в мире, в то время как ЕС является крупнейшим импортером топлива. Это ставит норвежскую экономику в уни-

[1] Впрочем, Финляндия — тоже молодое государство, которое еще не отпраздновало свой 100-летний юбилей, но ее экономика сильнее зависит от ЕС, чем норвежская.

кальное положение в Европе, во многом определяя ее экономическую политику. У Норвегии и ЕС разные интересы в отношении развития цен на топливо, масштабов его добычи, скорости использования топливных ресурсов норвежского морского шельфа, организации рынка топлива, налоговой политики, регулирования трудовых конфликтов в топливных отраслях и т.д. В отличие от большинства стран — членов ЕС развитие норвежской экономики в значительной мере основывается на использовании природных ресурсов: нефти и газа, руд цветных металлов, гидроресурсов, рыбных запасов. Именно здесь страна обладает компаративными преимуществами, которые реализуются в области цветной металлургии, рыболовства, судоходства и судостроения, гидроэнергетики, на основе которых формируется ее экспортный профиль. В области поддержки сельского хозяйства, развития энергетики, охраны окружающей среды, поддержания баланса между регионами и некоторых других областях экономики интересы Норвегии отличается от ЕС. Норвегия является пионером и основателем аквакультуры — новой формы экономической деятельности, не характерной для ЕС. Все это определяет существование здесь отличной от ЕС экономической и общественной структуры и диктует ей проведение иной экономической политики, чем у европейского блока 27 стран, который ныне стоит на пороге перерастания в некое супергосударство. Именно поэтому норвежскую экономику нецелесообразно подводить под общие западноевропейские правила и нормы. С другой стороны, сельское хозяйство, рыболовство, аграрные и северные коммуны, природа Норвегии нуждаются в более высокой степени защиты, чем это принято в рамках ЕС, что опять-таки ставит ее в особое положение.

Фактически Норвегия уже пользуется всеми теми преимуществами, которые может предоставить экономическая интеграция ЕС. Благодаря соглашению 1992 г. о создании Европейского экономического пространства Норвегия пользуется беспрепятственным доступом на внутренний рынок ЕС. Эвентуальное вступление в ЕС не принесет Норвегии новых экономических преимуществ, но наложит на нее дополнительные обязательства. Например, внутри ЕС Норвегия, скорее всего, стала бы одним из государств — доноров Союза. Аргумент в пользу вступления в ЕС, основанный на возможности оказывать влияние на политику ЕС, не состоятелен, такие надежды — скорее призрачны, чем реальны *(см. табл. 5.2)*.

Норвегия не испытывает тех валютно-финансовых трудностей и напряжений, с которыми сталкивается большинство государств ЕС, в том числе и такие крупные страны с надежной экономикой, как ФРГ или Франция. Перспектива старения населения не носит для нее такого уг-

рожающего характера, так как ресурсы государственного Пенсионного фонда, предназначенного для будущих поколений, по своей величине превышают государственный бюджет страны. Профицит государственного бюджета Норвегии достигает в отдельные годы 15 млрд долл., в то время как даже самые мощные экономики ЕС, которые долгое время служили локомотивами интеграции, столкнулись с трудностями в удерживании уровня дефицита госбюджета в рамках критериев евро. Если большинство западноевропейских стран по экономическим соображениям вынуждены пересматривать многие механизмы социальной поддержки населения и проводить реформы социальной системы, то Норвегия не испытывает финансового давления в этом направлении и в состоянии поддерживать существование общества всеобщего благосостояния, хотя на социальные нужды уходит до 2/3 государственного бюджета страны *(см. табл. 2.3)*. Короче говоря, норвежская экономика и экономическая политика плохо поддаются стандартизации в соответствии с условиями, характерными для ЕС. Первый норвежский парадокс состоит в том, что маленькая Норвегия — своеобразный европейский Кувейт — меньше заинтересована в ЕС, чем ЕС в Норвегии.

Действительно, во-первых, вступление Норвегии повысило бы топливную обеспеченность Союза, который испытывает опасную зависимость от поставок топлива извне. Во-вторых, после последнего расширения ЕС на Восток, устранение ЕАСТ путем поглощения его членов вместе или по одиночке, превратилось для ЕС в вопрос престижа. Решение этого вопроса в пользу ЕС должно символизировать полную победу интеграционной концепции общего рынка над идеей зоны свободной торговли. В-третьих, участие Норвегии в НАТО с одновременным неучастием в ЕС опять-таки ставит ее в уникальное положение и становится для ЕС неприятным вопросом в условиях, когда Европа переходит к общей внешней политике и политике безопасности, а также формирует европейский военный ограниченный контингент быстрого реагирования. Сохранение Норвегией принятого курса и уже выраженной блоковой ориентации можно интерпретировать как предпочтение атлантической солидарности по сравнению с европейской сплоченностью. В этом состоит второй норвежский парадокс. Само существование Норвегии вне экономического и валютного союза стран ЕС на пороге его перерастания в военный и политический союз является вызовом для ЕС, выражает стремление этой страны дистанцироваться от блока 27 европейских стран.

Развитие западноевропейской интеграции с 1957 г. оказало драматическое воздействие на Север Европы, так как оно вызвало раскол населения Скандинавских стран и их политической элиты на две ча-

сти, который сохраняется длительное время. Реальный ход событий устранил возможность сплочения североевропейских стран в единый политический и экономический блок. Это привело к переводу их эвентуального сотрудничества из военно-политической и экономической сферы (на основе широко обсуждавшейся в то время идеи НОРДЭК) в сугубо гуманитарную сферу, что получило, в конечном счете, воплощение в создании Северного совета и Совета министров северных стран в их нынешнем виде. Драма состоит в том, что три североевропейские страны перешли в ЕЭС/ЕС поодиночке (этого же Брюссель ожидает и от Норвегии), хотя был шанс войти туда единым блоком, что позволило бы оказывать более активное влияние на формирование европейской интеграции, чем это возможно ныне.

Процентное соотношение между двумя частями населения, которые отличаются своим отношением к ЕЭС/ЕС, складывается, естественно, по-разному в странах Европейского Севера; но сам факт раскола служит одним из важнейших детерминантов их политической, экономической и общественной жизни.

Влияние европейской интеграции на страны Северной Европы проявилось также в таком неординарном явлении, как формирование нового европейского региона, охватывающего датское и шведское побережье по обеим сторонам пролива Эресунн. Его образование развивается с 1991 г., когда было начато строительство моста через пролив Эресунн, который был введен в эксплуатацию в мае 1999 г. Общая территория региона только 4% территории Дании и Швеции, но он производит 20% объединенного ВВП двух стран. Здесь проживает 3 млн человек, в том числе здесь расположено 15 университетов и институтов, в которых обучается 120 тыс. студентов и работает 7,5 тыс. научных сотрудников. Ежегодные инвестиции достигают 15 млрд долл. Он занимает ведущее место в Европе по развитию НИОКР, особенно в области биотехнологии. Здесь сосредоточено большое количество компаний, действующих в наукоемких сферах производства: биотехнологии, медицинское оборудование, вычислительная техника и т.д. 65% фармацевтических компаний и предприятий медицинской техники всей Скандинавии расположены в этом регионе. Реализуется проект «Академия долины Медикон», в котором участвуют биотехнологические компании, предприятия по производству медицинской техники, а также больницы и НИИ. Регион занимает 3-е место в Европе по результативности и эффективности биотехнологических исследований (после Лондона и Парижа).

Этот регион представляет собой ворота в Балтийское море, через которые проходят 80% шведского экспорта. Из пяти важнейших пор-

тов Скандинавии три (Копенгаген, Мальмё и Хельсинборг) находятся в регионе Эресунн. Две трети всех грузов в Скандинавии перевозится на трейлерах, поэтому строительство моста через пролив заметно ускорило грузопотоки внутри Скандинавии. Значение региона вырастет еще больше после того, как будет построен мост через пролив между островами Ллоланд и Фемарн.

Несмотря на то что Дания, Швеция и Финляндия относятся к наиболее богатым странам среди участниц ЕС по уровню жизни и социального обеспечения, их влияние на макроэкономические показатели группировки и курс интеграции незначительны, поскольку все они отличаются малым экономическим потенциалом. Действительно, в этих трех странах проживает только около 4% общей численности населения ЕС. О степени их влияния на формирование политики ЕС можно приблизительно судить на основании их представительства в высших органах Европейского союза: Европейском совете, Европейской комиссии, Европейском парламенте до и после расширения. Возможности трех стран (Дании, Финляндии и Швеции) оказывать влияние на решения ЕС после его расширения на страны Центральной и Восточной Европы уменьшились *(см. табл. 5.2)*.

В настоящее время все североевропейские страны являются кредиторами (донорами) европейской интеграции (включая Норвегию, но без Исландии), так как их взносы в бюджет ЕС превышают те поступления из него, которые они получают по коммунитарным каналам (из аграрных фондов, Европейского фонда регионального развития или Социального фонда ЕС). Среди нетто-получателей средств ЕС североевропейские страны не фигурируют. Таким образом Северная Европа не только участвует в финансировании дальнейшего углубления европейской интеграции, но и содействует процессам выравнивания уровней экономического развития, которые поддерживаются внутри ЕС, в том числе по отношению к странам-новичкам. До 1993 г. Дания была нетто-получателем средств ЕС (в размере который соответствовал примерно 1% ее ВВП), но теперь баланс ее платежей складывается в пользу ЕС. На долю Дании приходится примерно 2% единого бюджета ЕС. Швеция вносит в единый бюджет ЕС 2,9%, и она вышла в число лидеров ЕС по величине платежей в ЕС, если их рассчитать по отношению к национальному доходу. Взносы Финляндии самые маленькие среди этой группы стран: они составляют около 1,5% единого бюджет. В бюджете ЕС на 2008 г. доля трех североевропейских стран — 6,1%[1].

---

[1] hppt://eur-lex.europa.eu/budget.data/D2008.

Таблица 5.2

Представительство стран Северной Европы в органах ЕС до и после его расширения в 2004 г.

		Европейский союз		Дания, Финляндия и Швеция	
		до	после	до	после
Европейский совет	число голосов	87	345	10	24
	%	100	100	11,5	6,9
Комиссия ЕС	число голосов	20	27	3	3
	%	100	100	15	11
Европейский парламент	число голосов	626	785*	54	47
	%	100	100	8,6	5,9
Экономический и социальный совет (ЭКОСОС)	число голосов	222	344	30	30
	%	100	100	13,5	8,7
Комитет регионов	число голосов	222	344	30	30
	%	100	100	13,5	8,7

Источник: European Union Treaty of Nice. Luxembourg. 2001. P. 84–87; Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union. O J. of the EU. C 306. Vol. 50. 17.12.2007. P. 160–163.

* Начиная с 2009 г. — 750.

Несмотря на то что Норвегия не является участницей ЕС, ее (по условиям ее участия в европейском экономическом пространстве — ЕЭП) обременили взносами в так называемый Фонд выравнивания социальных и экономических различий. В период 2004–2009 гг. она должна будет внести в этот фонд 567 млн евро[1].

[1] Agreement between the Kingdom of Norway and the EC on a Norwegian Financial Mechanism for the period 2004–2009.

В настоящее время экономическое положение в североевропейских странах — лучше, чем в среднем по ЕС, а степень социальной защиты — выше, зато безработица — ниже (за исключением Финляндии). Поэтому дальнейшее углубление экономической интеграции в рамках ЕС не сулит этим странам никаких дополнительных преимуществ, но, напротив, несет с собой усиление угроз. Поэтому североевропейские государства не проявляют заинтересованности в переводе интеграционных процессов на более высокие ступени. Даже в Финляндии, которая проводит наиболее лояльный курс по отношению к ЕС, растет число так называемых «евроскептиков», и, как показывают результаты последних опросов общественного мнения, опубликованные газетой «Хельсингин Саномат», уже 1/4 финнов желало бы выйти из состава ЕС. Действительно, если Скандинавские страны проведут гармонизацию своей налоговой системы по образцу ЕС, то их государственные бюджеты станут дефицитными. Распространение интеграции на социальную сферу грозит снижением социальных стандартов, гармонизация налогов грозит дефицитом государственных бюджетов, либерализация и приватизация ведут к усилению позиций иностранного капитала, единое европейское гражданство и свободный рынок рабочей силы усиливает приток мигрантов, которые разрушают тихий, но такой комфортный скандинавской образ жизни и т.д. Уже сейчас проведенные по требованиям ЕС дерегулирование экономики и приватизация государственной собственности заметно трансформировали сложившуюся в этих странах модель социально ориентированного государства, приближая его к европейским образцам.

5.6. Северный совет — система северного сотрудничества

Различные планы усиления сотрудничества между странами Северной Европы выдвигались неоднократно, в частности идея оборонительного союза (1949) и экономической интеграции (так называемый план НОРДЭК). Но все они потерпели неудачу, так как курсы во внешнеполитической сфере разошлись: Дания и Норвегия вступили в Атлантический альянс, в то время как Финляндия и Швеция выбрали политику неприсоединения к военным блокам. Все они, хотя и в разные сроки, прошли через европейскую зону свободной торговли — ЕАСТ.

Наряду с интеграцией план НОРДЭК включал в себя далеко идущие намерения координации экономической политики стран-участниц, но после достижения, казалось бы, принципиальной дого-

воренности по всем основным вопросам он был сорван вследствие реализации совместно с Великобританией более широкого экономического союза в виде ЕАСТ. В основе такого решения лежало то обстоятельство, что относительно узкий внутренний рынок региона уже не обеспечивал достаточно широких масштабов сбыта для высоко специализированной продукции этих стран, которые к тому времени оказались глубоко вовлеченными в интернациональные экономические связи европейского и мирового масштаба. Хотя при этом осталась не использованной ими возможность вступления в более широкие европейские интеграционные группировки единым блоком северных стран, что, вероятно, могло бы усилить их политические позиции внутри таких группировок. Сказались также опасения Норвегии относительно экспансии на ее внутренний рынок более сильного капитала потенциальных партнеров.

Однако стремление сблизиться на основе возвращения к культурно-историческим корням оставалось, поэтому был реализован другой план северного сотрудничества. Тринадцатого февраля 1953 г. в Копенгагене состоялось первое заседание Северного совета — органа межпарламентского сотрудничества пяти стран североевропейского региона, который позволил во многом эффективно координировать их экономическую политику, а также прямо договариваться о реализации некоторых важных региональных инициатив. Этот регион во многом опередил интеграционные мероприятия, которые в ЕЭС/ЕС были реализованы позднее. А именно они первыми создали паспортный союз (1952), общий рынок труда (1954) и единое социальное пространство (1955) на основе Североевропейского соглашения о социальной защите, в соответствии с которым все граждане Северной Европы наделяются равными правами в отношении социального обеспечения, независимо от места проживания. С тех пор жители стран Северной Европы не нуждаются в специальном разрешении, чтобы поменять место жительства, работы или учебы.

В 1971 г. с созданием Совета министров северных стран, который дополнил межпарламентское взаимодействие межправительственным, сотрудничество приняло более формальный и более прагматичный характер, так как новый орган позволял согласовывать решения исполнительных властей, то есть на уровне реализации тех решений, которые в рекомендательной форме были приняты на Северном совете. Затем был создан Секретариат Совета министров северных стран (1971) и Секретариат по вопросам культуры (1972).

Северный совет был создан по инициативе датских представителей, которые выдвинули такое предложение на сессии Межпарла-

ментского союза северных стран в 1951 г., и которое было поддержано другими странами региона. Наряду с четырьмя Скандинавскими странами и Финляндией (с 1956 г.), в сотрудничестве участвуют самоуправляющиеся территории: Гренландия (с 1984 г.), Аландские и Фарерские острова (с 1970 г.). На заседании 1951 г. был учрежден специальный комитет, который подготовил проект Устава Северного совета, впоследствии одобренный министрами иностранных дел на заседании Скандинавских стран: Дании, Исландии, Норвегии и Швеции. На 4-й сессии в Копенгагене в 1956 г. к Северному совету присоединилась Финляндия. Ее вступление состоялось с согласия Советского Союза: в тот период времени Финляндия была связана с СССР Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 6 апреля 1948 г., который требовал проведения консультаций в случаях такого рода.

Правовой основой взаимодействия явился Хельсинкский договор о сотрудничестве от 23 марта 1962 г., на основе которого развиваются связи на межпарламентском и межправительственном уровне и который устанавливает характер, формы и сферы деятельности Северного совета. Хотя решения Северного совета не являются обязательными к исполнению (так как нет надгосударственных полномочий у органов Северного совета) и носят всего лишь рекомендательный характер, однако они широко применяются в практической сфере. Дело в том, что они носят прагматический характер, вырабатываются по мере готовности стран к выходу на международный уровень сотрудничества, а сами страны обладают не только экономической взаимозависимостью (достаточно упомянуть высокий удельный вес внутрирегиональной торговли), но и культурно-исторической общностью. Это сводит к минимуму возможность выдвижения таких предложений, которые были бы неприемлемыми для отдельных стран-участниц. Реально взаимодействие происходит путем унификации правовых норм и правил в законодательной, социальной, экономической, культурной областях, в области признания свидетельств об образовании и квалификации. Оно организуется в различных областях, которые образуют основу для экономического взаимодействия, а именно: в сфере транспорта и коммуникаций, стандартизации технических норм, экологических требований, стандартов безопасности, предельных норм загрязнения окружающей среды и т.д. Экономическое и внешнеторговое сотрудничество осуществляется за рамками Северного совета по линии ЕАСТ, ЕЭС/ЕС и единого европейского экономического пространства.

Северный совет состоит из 87 членов, избираемых национальными парламентами стран-участниц: датского фолькетинга, исланд-

ского альтинга, норвежского стортинга, финского парламента (эдускунты) и шведского риксдага. Делегации всех североевропейских стран, кроме Исландии, состоят из 20 представителей, а исландская — из семи. В работе Северного совета участвуют также представители самоуправляющихся территорий: Гренландии, Фарерских и Аландских островов (по два депутата от каждой территории), но они участвуют в работе Северного совета не самостоятельно, а в составе соответствующих национальных делегаций. В заседаниях Северного совета участвуют также представители правительств северных стран (в том числе местных правительств территорий, которые обладают автономией). Все это помогает создавать на Севере Европы общее правовое пространство, которое североевропейские страны создали до того, как это понятие было сформулировано в ЕС и поставлено в качестве задачи. Выборы национальных делегаций проводятся ежегодно, при этом ставится условием, чтобы их состав отражал соотношение между политическими партиями в национальных парламентах. Представители партий, которые разделяют одни и те же или близкие идеологические установки (точно так же, как это происходит в Европарламенте), образуют межнациональные партийные фракции или парламентские группы. Работа Северного совета организуется путем проведения пленарных сессий, а также постоянной работы Президиума и комитетов.

По сложившейся практике функции Председателя Северного совета выполняет председатель той национальной делегации, которая организует очередное пленарное заседание. На протяжении года организуется до 10 заседаний в столицах северных стран. Некоторые заседания в обязательном порядке происходят в присутствии премьер-министров, министров иностранных дел и других членов правительств. Решения на Пленарной сессии принимаются открытым голосованием простым большинством голосов. Президиум Северного совета также обладает полномочиями обращаться к национальным правительствам или к Совету министров северных стран. Президиум координирует работу органов Северного совета, представляет планы его деятельности, распределяет средства бюджета по статьям в рамках ассигнований, предоставленных странами-участницами. Президиум состоит из президента и 12 членов, которые представляют национальные парламенты.

Несмотря на то что решения Северного совета носят рекомендательный характер, он наблюдает за ходом их выполнения, и таким образом осуществляется мягкий контроль (скорее мониторинг) за реализацией принятых решений. Договор о Северном совете обязывает правительства стран-участниц докладывать на каждом заседании

Северного совета о проделанной работе по реализации рекомендаций межпарламентского органа, о предпринятых мерах. Учрежденный позднее (в 1971 г.) Совет министров северных стран ежегодно представляет Северному совету отчет о развитии северного сотрудничества и планах его углубления на предстоящие годы. Совет министров, как правило, действует в рамках решений Северного совета, но может выдвигать и собственные инициативы.

Постоянно развивается организационный механизм сотрудничества. Каждая страна — участница Северного совета ввела в состав своего национального правительства специального министра по делам сотрудничества с северными странами, который подчиняется непосредственно премьер-министру. В 1973 г. был создан Секретариат Совета министров северных стран, который расположился в Осло. Отдельно стал работать Секретариат по вопросам культуры, который разместился в Копенгагене. Однако в 1986 г. оба Секретариата были переведены в Копенгаген.

Под эгидой Совета министров северных стран работают различные исполнительные комитеты. Если вначале министры иностранных дел проводили совместные заседания два раза в год, то с 1992 г. — уже по три раза. В связи с углублением интеграционного взаимодействия в Европе и появлением новых организаций регионального сотрудничества (прежде всего, СБЕР и СГБМ), соответствующие вопросы заняли свое место в работе Северного совета, так как многие аспекты участия в региональных организациях ставят перед североевропейскими странами сходные проблемы. Например, страны региона во многом поддерживают балтийское сотрудничество, реформы в странах Балтии, усиление связей с Калининградской областью, «Северное измерение» политики ЕС, и поэтому соответствующие их интересам инициативы они совместно продвигают в рамках ЕС, СГБМ и СБЕР. Волнуют их и вопросы безопасности на Севере Европы, в том числе экологической устойчивости региона, что также отражается в работе Северного совета.

Среди важных и полезных результатов северного сотрудничества следует назвать такие достижения, как заключение региональной конвенции об охране окружающей среды; введение единой системы регионального экологического контроля за качеством продуктов питания; выработка программы сотрудничества в области образования, включающей выплату стипендий для обучения в странах-партнерах; создание совместных образовательных учреждений; взаимное признание документов о получении высшего или профессионального образования; Северное соглашение по среднему образованию.

Сотрудничеству в реальном секторе экономики весьма содействует взаимодействие по разным направлениям инфраструктурного обеспечения экономических связей: в области воздушного транспорта (авиационная компания САС); по финансово-инвестиционному сотрудничеству, осуществляемому через Северный инвестиционный банк (Nordic Investment Bank) и специальный финансовый институт для финансирования мероприятий в области охраны окружающей среды (НЕФКО[1]); по объединению электрических сетей для стабильного снабжения электрической энергией («Нордель»); общей спутниковой связи («Инмарсат»); выработке и введению общего стандарта телекоммуникационной связи (NMT — Nordic Mobil Telecommunication — Nordiska Mobiltelefonengruppen) и т.д. Уже из простого перечня этих проектов видно, что они служат как бы стержнем или опорой для развития других форм экономического сотрудничества.

Одним из важных практических результатов взаимодействия северных стран явилось образование в 1974 г. «Северного инвестиционного банка» (Nordic Investment Bank) со штаб-квартирой в Хельсинки, а в 1990 г. — фонда финансирования экологического сотрудничества НЕФКО. Оба финансово-кредитных института принимают участие в «Северном измерении», а также содействуют сотрудничеству по линии СБЕР и СГБМ. Седьмого апреля 1997 г. в Москве было подписано соглашение о сотрудничестве России с СИБом. Этот банк предоставляет кредиты и банковские гарантии на обычных коммерческих условиях в соответствии с принятой банковской практикой и оказывает содействие осуществлению инвестиционных проектов и развитию экспорта. Был создан еще ряд финансовых организаций для содействия региональному сотрудничеству: Северный фонд развития (Nordic Development Fund), Северный проектный фонд (Nordic Project Fund).

НЕФКО участвует в финансировании экологических проектов на паритетных началах, предоставляя, как правило, не более 25–30% общей суммы затрат, максимальный вклад в отдельный проект не должен превышать 3 млн евро. Начиная с 1999 г. в его деятельности стали преобладать проекты в странах Балтии и Центральной Европы, осуществляемые в порядке их подготовки к вступлению в ЕС.

В настоящее время северное сотрудничество включает весь комплекс политических, социально-экономических, научно-технических и культурных отношений и развивается как на формальной, так и неформальной основе, а участвующие в нем страны по степени внут-

[1] NEFCO — Nordic Environment Finance Corporation.

ирегиональной интеграции, переплетения торговых и инвестиционных потоков, развития межчеловеческих контактов, степени единства экономического, правового, социального и культурного пространства опережают страны — участницы ЕС. Важно отметить, что подобное сближение, которое с полным правом можно охарактеризовать как интеграцию, осуществляется в таких формах, что происходит не столько унификация (то есть полное устранение отличий), сколько гармонизация (то есть взаимное приспосабливание к взаимодействию) при сохранении национальных особенностей, которые не исчезают и даже видоизменяются на основе концепции мультикультурного развития. Северный совет организует различные мероприятия, некоторые из которых не ограничиваются рамками североевропейского региона. Например, в апреле 1996 г. в Москве был проведен семинар «Северный опыт политического и регионального сотрудничества», который был организован Северным советом министров, а в августе 1997 г. — международная конференция в Хельсинки «Безопасность в североевропейских странах и прилегающих регионах». В Гётеборге в феврале 1998 г. состоялась конференция Северного совета «Север Европы — регион устойчивого развития накануне XXI века». Представители межпарламентской Ассамблеи стран-участниц СНГ регулярно приглашаются на заседания сессий Северного совета в качестве наблюдателей. Организуются встречи между представителями парламентов стран Балтии и стран Северного совета.

Хотя реально таможенное разоружение североевропейских стран произошло благодаря их участию в ЕАСТ и ЕЭС, а либерализация движения капитала — благодаря ВТО и ЕЭП (1994) , но в разворачивающихся процессах переплетения торговых и финансовых потоков всегда имеется довольно сильная нордическая компонента. Например, значение североевропейской торговли для большинства стран — участниц Северного совета варьирует по экспорту от 10% (у Исландии), до 23% (у Дании), а по импорту от 16% (у Финляндии) до 25% (у Норвегии) *(см. табл. 2.34)*. Все крупные компании располагают филиалами и отделениями по всему региону.

Глава 6. Военно-политическая ситуация в Северной Европе

6.1. Вашингтон вновь обращает свои взоры на северных соседей России
(Норвегия, Дания, Исландия)

Начнем с того, что существует определенная нестыковка, несбалансированность в оценке общей ситуации на Севере Европы, включая ее военно-политическое измерение. Иногда создается чересчур позитивная картина развития в этом регионе, иногда, наоборот, делается чрезмерный упор на негативных моментах, причем нередко в духе старого мышления. При всем том, что за последние годы на первый план выходят проблемы гражданской, «мягкой» безопасности развития сотрудничества в этих областях, тем не менее, и сегодня военно-политический аспект безопасности на Севере Европы, хотя он и не играет такой роли как раньше, нельзя полностью сбрасывать со счетов, в том числе при формировании общесеверной концепции безопасности и уж, конечно, российской внешней и оборонной политики.

В целом северо-западный фланг России, представляющий стратегически важную зону с точки зрения обеспечения национальной безопасности страны, на сегодняшний день остается наиболее спокойным. Государства этого региона сами по себе не несут ни военной, ни экономической угрозы интересам России.

Регион Северной Европы в общеевропейских рамках является по критериям безопасности, пожалуй, наименее проблемным и наиболее стабильным, во всяком случае, по сравнению со многими другими частями континента. Опасность возникновения открытых

конфликтов, а тем более, военной конфронтации пока представляется малореальной.

Но можно ли утверждать, что в военно-политическом отношении не существует вызовов и угроз для безопасности Северной Европы?

Не следует абсолютизировать положительную оценку ситуации и уж тем более — проецировать ее на все возможные сценарии европейского и мирового развития в будущем, включая развитие отношений между Россией и США. Несмотря на многие положительные факторы, возникшие за последнее десятилетие, в североевропейском регионе продолжают сохраняться элементы нестабильности, неопределенности и даже возможности возникновения конфликтов, в том числе вооруженных.

С точки зрения обеспечения национальной безопасности России особое значение Северной Европы, учитывая ее геополитическое положение, всегда было неоспоримо. В свое время бывший главнокомандующий оборонительными силами Финляндии, крупнейший специалист по проблемам безопасности Севера генерал Густав Хэглунд предложил проделать мысленный эксперимент: развернуть географическую карту не в традиционной проекции Запад–Восток, а через Северный полюс. Наглядный и наводящий на весьма серьезные размышления вывод: Северная Европа может переместиться на главное направление возможного обмена ядерными ударами между США и СССР. Именно здесь проходит кратчайший воздушный путь между основными населенными и промышленными пунктами двух великих держав — и, соответственно, маршруты межконтинентальных баллистических ракет (МБР), баллистических ракет на подводных лодках (БРПЛ), стратегической авиации. На этом театре могут разыграться и «космические войны». Даже если эти сценарии весьма схематичны и маловероятны в наше время, они заставляют серьезно задуматься...[1]

В годы «холодной войны» США и НАТО уделяли особое внимание военной инфраструктуре Северной Европы.

Не секрет, что, к примеру, Норвегии в годы «холодной войны» и военно-политического противостояния СССР и США в планах Вашингтона и НАТО отводилась особая роль. В непосредственной близости от берегов Норвегии базировался один из самых мощных в мире флотов — советский Северный флот с его атомными стратегическими подводными крейсерами с ядерным вооружением на бор-

---

[1] *Дерябин Ю.С.* Все ли спокойно на Севере Европы // Северная Европа. ИЕ РАН. 2003. № 4.

ту и стратегической ракетоносной авиацией. Кольский полуостров был одним из наиболее военизированных районов СССР, равно как и сухопутная граница Норвегии с Советским Союзом, американо-советский конфликт в любом уголке земного шара неизменно продолжился бы в районе Баренцева моря и в «зоне ответственности» Норвегии.

Морская стратегия США 1980-х гг. предусматривала, например, развертывание двух или трех авианосцев ВМС США в Норвежском море, каждый из которых обладал бы ударной мощью всех ВВС Норвегии. Особое место в возможных действиях на Северном фронте отводилось применению подводных лодок для уничтожения стратегических субмарин СССР прямо на базах для предотвращения нанесения ракетно-ядерного удара по территории США или в кратчайшее время после их выхода в море.

Напомним, что североевропейские государства — члены НАТО — Норвегия и Дания — заявили о своем отказе размещать в мирное время ядерное оружие и иностранные базы на своей территории, что, впрочем, не мешало той же Норвегии активно готовиться к быстрому приему иностранных войск «в случае необходимости». Естественно, что СССР делал все для поддержания военно-стратегического баланса в регионе и защите своих сил и интересов.

Несмотря на то что обстановка несколько изменилась с окончанием «холодной войны», прекращением идеологического и блокового противостояния, распадом СССР и, соответственно, с ослаблением его военной, в том числе ядерной, мощи, в последние годы, в связи с возрастающими претензиями США на роль единственного гаранта мира, причем с использованием военно-силовых методов, взоры Вашингтона вновь обратились к странам Северной Европы, на этот раз в отношении реализации планов национальной противоракетной обороны (ПРО).

Сегодня Россия, согласно официальным заявлениям, больше не является противником для США и НАТО. Однако на Севере многое осталось в принципе без изменений — те же боевые дежурства на десятках подводных лодок и надводных кораблей, та же постоянная разведка и наблюдение. То же военное противостояние, может быть не такое демонстративно нарочитое и с несколько другими количественными показателями вооружений и боевой техники. Суть осталась прежней.

6.1.1. НАТО активизируется на северном фланге

НАТО и США периодически отрабатывают различные сценарии на предполагаемом театре военных действий[1].

Учения НАТО в северном регионе происходят ежегодно и считаются одними из самых больших в деятельности НАТО вообще. Например, организуются традиционные сентябрьские военно-воздушные игры под кодовым названием «НАТО Эйр Мит» («NATO Air Meet»), считающиеся крупнейшими практическими учениями (с участием до 80–100 боевых самолетов), в ходе которых участники упражняются в уничтожении воздушных и наземных целей. В Норвегии они проходили в 2002 и 2005 гг., и в них принимали участие два вертолета Эстонии. Такие же учения прошли в Польше в 2003 г. на авиабазах «Кшецин» и «Повидза» при участии 15 стран — членов НАТО. Отрабатывались совместные тактические воздушные операции, направленные на подавление средств ПВО и радиоэлектронной системы противника.

Вообще, норвежские полигоны натовцы любят. Так, на полигоне в Халкаварре (Северная Норвегия) авиация стран — членов НАТО отрабатывает, в частности, бомбометание. Указывается, что полигон подходит для этих целей по многим компонентам, которые выдвигают натовские военные летчики. Он отвечает климатическим, топографическим требованиям, а также требованиям авиации для бомбометания со средних высот. При этом считается, что полигон в Халкаварре является чуть ли не «важнейшим в Европе». Конечно, от этого Норвегия, по мнению ее министра обороны Кристин Крон Деволд, «только выигрывает». В Москве же понимают, что особую ценность для натовцев полигон представляет тем, что район бомбометания находится в непосредственной близости от России и практически не отличается от ландшафта, к примеру, Кольского полуострова где базируются значительные силы российского Северного флота.

В сентябре 2007 г. в Норвегии прошли широкомасштабные учения НАТО «Смелый мститель-2007» («Bold avenger-2007») с участием 13 стран альянса, в том числе Польши, Румынии и Чехии. В них были задействованы более 100 самолетов, включая воздушные заправщики, самолеты дальнего радиолокационного обеспечения и электронной

---

[1] В разделе использованы фактические данные, содержащиеся в ежегодных публикациях Норвежского Атлантического комитета (DNAK), в частности «Nordisk sikkerhestbalansen» и «Nordisk sikkerhet» (1992–2005).

борьбы. Кроме того, участвовали 1450 человек наземного персонала. Все эти силы были размещены на базе в Орланде в центральной Норвегии. Командовал учениями главком ВВС НАТО американский генерал Уильям Хоббинс.

Главная цель учений — тренировка и отработка совместных действий с целью повышения боевого уровня и взаимосовместимости в сфере воздушных операций. По сценарию, возникший «инцидент» между Силами реагирования НАТО (NRF) и условным противником потребовал срочного вмешательства других членов альянса. Полеты происходили над Северным морем к югу от Норвегии.

Через несколько недель НАТО провело еще одни маневры — «Арктик Тайгер-2007» («Arctic Tiger-2007»), на этот раз в районе северной акватории Северного моря. ВВС альянса получили уникальную возможность попрактиковаться все с той же базы в Орланде в полетах в неблагоприятных условиях Арктики и горной местности. Маневры «Arctic Tiger-2007» привлекли особое внимание, поскольку были откровенно нацелены на Арктический регион, где в последнее время активизировалась борьба за гипотетические запасы углеводородов в районе Северного полюса[1].

Россию, конечно же, такая военная активность не может не беспокоить; Москва на разных уровнях доводила и доводит это до сведения официального Осло. В ответ она слышит, что в таких учениях отрабатываются ставшие чрезвычайно модными приемы борьбы с международным терроризмом. Это, конечно же, довольно странно, наверное, у натовских солдат должна быть особая подготовка — готовиться в холодных и заснеженных районах к боевым действиям в южных широтах, откуда, согласно всем натовским сценариям, и исходит главная угроза терроризма. Непонятно, почему к военным действиям в Афганистане или Ираке нужно готовиться за Полярным кругом, в непосредственной близости от границ России?

В северных водах в рамках программы «Партнерство во имя мира» (PFP) под командованием НАТО ежегодно проводятся военно-морские учения типа «Балтопс». После нескольких лет негативного к ним отношения, в этих учениях стала принимать участие и Россия.

Отдельной проблемой следует считать рост военного присутствия НАТО на границах России. Сюда можно отнести размещение контингента НАТО в Литве.

Перебрасываемые в страны Балтии силы незначительны, не представляют угрозы военной безопасности России и пока нет оснований

---

[1] Независимая газета. 04.09.2007.

связывать их размещение с агрессивными планами НАТО в отношении России. Для НАТО размещение столь небольшого контингента пока важно как факт, подтверждающий «равенство принципов и ценностей альянса для всех его членов, принцип неделимости безопасности».

Как гораздо большую опасность в России будут воспринимать воссоздаваемые и расширяемые военные объекты в странах Балтии, Польше, Норвегии. Пока это литовская авиабаза Зокняй под Шяуляем, аэродромы Вильнюса, Риги, Лиелварде, РЛС под Резекне, военно-морская база в Лиепае.

Не приходится сомневаться, что после вступления стран Балтии в альянс руководство Североатлантического союза намерено активно задействовать и расширить их военную инфраструктуру для проведения оперативной и боевой подготовки войск. Важнейшими аэродромами являются Лиелварде и Тукумс (Латвия), Зокняй, Кармелава и Паневежис (Литва), Эмари (Эстония). Из объектов военно-морской инфраструктуры наибольший интерес представляют порты Мууга (Эстония), Клайпеда (Литва), где создаются условия для временного базирования кораблей ВМС НАТО, а также военно-морская база Лиепая (Латвия). Система контроля воздушного пространства и управления воздушным движением (КВП и УВД) будет интегрирована в единую общеевропейскую систему, а в перспективе подключена к объединенной системе ПВО НАТО в Европе. Развернуты и введены в действие региональный и национальные центры системы КВП и УВД (Эмари, Рига). В районе населенных пунктов Юодкранте (Литва) и Раквере (Эстония) функционируют радиолокационные посты ПВО, которые позволяют альянсу осуществлять контроль над воздушной обстановкой над акваторией Финского залива, западными районами РФ вглубь до 330 км и почти над всей территорией Белоруссии. Всего на территории Прибалтийских государств намечается развернуть до 10 радиолокационных постов ПВО (четыре — в Латвии, по три — в Литве и Эстонии). Предполагается, что НАТО в ближайшие годы вложит более 400 млн долл. в военную инфраструктуру стран Балтии и Польши[1]. Появление новых объектов, безусловно, будет весьма подозрительно восприниматься Россией, о чем уже неоднократно заявляло высшее военное руководство страны.

---

[1] ВПК. 2007. № 14, 14-20.

6.1.2. Норвегию и Данию подключают к системе американской ПРО

Пожалуй, главным раздражителем российско-норвежских отношений является американская радиолокационная станция (РЛС) AN/FPS-129, расположенная в местечке Варде в 40 км от российской границы и совсем недалеко от стратегического российского космодрома «Плесецк», откуда осуществляются запуски российских межконтинентальных баллистических ракет. В Норвегии этот радар называется «Глобус-2». Ранее же он — под названием «Have Star» («Пристальный взгляд») — размещался на базе ВВС США Ванденберг (штат Калифорния), но был перевезен в Норвегию. В 1997 г. стортинг одобрил строительство на базе этого радара крупной РЛС в Вардё.

Официально «Глобус-2» является двусторонним военным проектом США и Норвегии — соответственно Космического командования ВС США и норвежской военной разведки. Хотя его эксплуатируют и обслуживают норвежцы, радар, по условиям американо-норвежского договора продолжает оставаться в собственности Соединенных Штатов.

Эта РЛС, как утверждается, является единственной в своем роде в мире и представляет собой радар X-связи (10 GHz) с высоким разряжением, одним узким антенным излучением и максимальным эффектом в 200 KW. Радар имеет управляемую параболоидную рефлекторную антенну. Парабола составляет 27 м в диаметре и закрывается куполом диаметром 35 м. Она монтируется на основании и способна «видеть» объекты в космосе на геосинхронной орбите до 41 тыс. км. Что уж говорить об объектах, расположенных на самой земной поверхности в нескольких сотнях километров.

В число задач, которые призван решать «Глобус-2», по официальным норвежским заявлениям, в частности, входят «наблюдение, слежение и каталогизация объектов в космосе, космического «мусора», исследования в космосе, исследования и наблюдения в области норвежских интересов, что предполагает сбор разведывательной информации». Но российские военные убеждены, и в этом российских специалистов поддерживают даже американские и норвежские эксперты, что радар в Вардё является важным элементом в создаваемой США системе противоракетной обороны и работает против России.

Согласно докладу, подготовленному членами Конгресса США, радар, являющийся единственным в своем роде и способный распознавать объекты размером с теннисный мяч, осуществляет непрерывную

передачу полученных данных в центры космического слежения США в штатах Колорадо и Вашингтон. Достоянием гласности (хотя эта информация засекречена) стало то, что Вашингтон оплатил все расходы, связанные с «Глобусом-2» и составившие 800 млн норвежских крон (около 123 млн долл.).

Причины столь пристального внимания из-за океана к этому норвежскому объекту стали понятны чуть позже, когда в октябре 2005 г. старший научный сотрудник Норвежского центра космических исследований Терье Валь сообщил, что радиолокационная станция контроля космического пространства «Глобус-2» активно использовалась во время реализации первой фазы операции коалиционных сил «Свобода Ирака» в марте–апреле 2003 г. По словам эксперта, РЛС позволила значительно повысить эффективность использования орбитальной спутниковой группировки, осуществлявшей слежение за иракской территорией и наведение высокоточного оружия.

Но еще яснее относительно истинных задач радиолокационной станции высказался представитель Министерства обороны США Филипп Койл. Согласно газете «Афтенпостен» (Норвегия) от 11 октября 2005 г., он заявил, что «Глобус-2» представляет собой «важную составляющую американской программы противоракетной обороны». Тем самым чиновник Пентагона фактически дезавуировал ранее звучавшие со стороны норвежского военного ведомства утверждения, что радар никак не связан с ПРО Соединенных Штатов и предназначен исключительно «для поиска, сопровождения и слежения за космическими объектами».

Надо сказать, что еще до выхода официального Вашингтона из Договора по ПРО от 1972 г. Россия постоянно поднимала вопрос о строительстве РЛС в Варде как о действии, ведущем к нарушению Договора, которое наступило бы с момента включения станции и начала ее работы. В феврале 2001 г. это произошло — радар в Варде заработал. Москва засыпала Вашингтон и Осло запросами об этом «инциденте», но получала лишь ответы, что станция «России не угрожает». Такая же реакция на все обращения и запросы поступает и до сих пор. Российские же предложения, направленные на то, чтобы снять озабоченность и, в частности, совместно с норвежскими парламентариями посетить сверхсекретный объект в Варде, положительного ответа не встретили.

Официальные норвежские власти продолжают утверждать, что никакого отношения к американской ПРО радар в Варде не имеет. Ведь, как сообщала Норвежская вещательная корпорация (НРК), 7 июня 2007 г. премьер-министр этой страны Йенс Столтенберг в ин-

тервью российским журналистам отметил критическое отношение Осло к планам Вашингтона в области ПРО и предостерег: это, мол, может привести к новому витку гонки вооружений. Более того, премьер подчеркнул, что «идея подобного щита на территории Норвегии неприемлема».

Как можно видеть, в действительности же дело обстоит иначе. Но в Осло в таком случае должны понимать, что Россия, не получая никаких доказательств того, что этот радар, расположенный на территории соседней Норвегии, не несет угрозы ее национальной безопасности, способна принять меры по нейтрализации его работы уже в первые минуты даже гипотетического вооруженного конфликта с США и НАТО[1].

В поле внимания России остается и усиление военной активности Норвегии и НАТО на архипелаге Шпицберген, долгое время бывшем «ничьей землей» и переданном по Парижскому трактату 1920 г. под суверенитет Норвегии на особых условиях. Одним из таких условий является демилитаризованный статус Шпицбергена. В последние годы в прилегающих к архипелагу водах натовские и американские боевые самолеты отрабатывают задачи боевого применения авиации в условиях Крайнего Севера. Например, в районе поселка Ню-Олесунн и расположен ракетный полигон с взлетно-посадочной полосой, центром космической связи, РЛС, помещениями для сборки и хранения, а также платформой для запуска геодезических ракет различных типов. Там же находится телеметрическая станция по наблюдению за орбитальными объектами. Через собственную связь она подключена к другим аналогичным станциям и специальной системе НАТО.

В том же районе расположен и мобильный ракетный полигон, для которого ведется строительство капитальной платформы. Естественно, Норвегии активно помогают в этой сфере США. Как сообщали иностранные СМИ, именно при содействии Пентагона норвежцы развернули ряд гидроакустических противолодочных рубежей, что дает возможность контролировать российские подводные лодки в Северной Атлантике. США помогают Норвегии проводить «научно-исследовательские работы» в архипелаге, в которых участвуют ВВС и ВМС США.

В административном центре Шпицбергена Лонгьире официально «для исследования атмосферных явлений аномального характера» установлена РЛС «Ейсат», которая в перспективе будет состыкована со

---

[1] NORDISK SIKKERHET. En sammenligning av landenes planer og tiltak for a mote de sikkerhetspolitiske utfordringer i den nye situasjon 1990-2005 av generalloytnant Tonne Huitfeldt, DNAK, Oslo, 2005.

станцией в Варде. Как считают специалисты, возможности станции гораздо шире. Она способна точно измерять траекторию полетов межконтинентальных баллистических ракет наземного базирования и МБР, запускаемых с ракетных подводных крейсеров стратегического назначения Северного флота в Арктике.

Центр спутниковой связи «СвальСат» в Лонгьире, элементы которого находятся также в Тромсё, губерния Тромс, позволяет принимать информацию с находящихся на полярных орбитах искусственных космических аппаратов. По мнению экспертов, особыми достоинствами комплекса являются выгодное географическое место расположения и развитая высокотехнологическая инфраструктура. В совокупности все это делает его единственным в мире объектом подобного рода.

Как попытку объединить в единую систему используемые в интересах ПРО элементы инфраструктуры можно рассматривать принятое после посещения директором НАСА США Шоном О'Кифом центра «СвальСат» решение о прокладке между Шпицбергеном и расположенным на материке в Андёйе терминалом норвежской сети телекоммуникаций оптоволоконного кабеля. Официальный ввод в действие проложенной по дну моря высокоскоростной линии связи (две ветки длиной 1400 км каждая) общей стоимостью 350 млн крон (около 50 млн долларов) состоялся 31 января. При этом Соединенные Штаты взяли на себя значительную часть финансовых издержек.

Но и это не все. В феврале 2007 г. в Северной Норвегии на острове Сенья состоялось открытие новой радиолокационной станции НАТО (работы по монтажу начались в 1987 г.; общая стоимость составила около 81 млн долларов). Она заменила устаревшую РЛС в Гомпене (губерния Тромс). Станция является автоматической и управляется дистанционно из Сёррейса (Тромс). Наличие обслуживающего персонала предусмотрено только на случай чрезвычайной ситуации. Данные с РЛС передаются в Сёррейса и на авиабазу Рейтан (Будё, губерния Нурланн). Совместно с аналогичными станциями в Хоннингсвог (Финнмарк) и Ньюнис (Тромс) новый радар станет важным элементом системы радиолокационного слежения НАТО, призванным осуществлять наблюдение за воздушным пространством на Севере Европы. Вся система из трех РЛС (проект «Синдре-2») обошлась в 1,6 млрд крон, около 75% из которых выплатил Североатлантический альянс.

Западные союзники тестируют систему ПРО. В конце январе 2004 г. Норвегия осуществила запуск с испытательного полигона Ню-Олесунн научно-исследовательской ракеты «Блэк Брандт». Она

была направлена по оптимальной траектории в сторону боевого поля в районе Гренландии (дальность — около 1 тыс. км). Как подчеркнул тогда российский специалист в области ракетно-космической обороны генерал-майор Виталий Дубровин, цель пуска состояла в «отладке комплексной боевой программы радаров США в Арктике». Траектория полета была выбрана так, чтобы маршрут проходил через зону ответственности РЛС, в том числе мощнейшей в мире размещенной в Гренландии «Глобус-2». По словам генерала, цель мероприятия состояла в «создании сплошного радиолокационного пояса на Севере» за счет использования в максимальной степени контролирующих Арктику средств радиотехнической разведки и слежения[1].

Напряженность в российско-норвежских отношениях — а в военно-политическом плане даже потенциальный повод для вооруженного конфликта — составляет и известная проблема разграничения континентального шельфа и экономических зон в Баренцевом море. Как прибрежные государства Баренцева моря, и Россия, и Норвегия создали исключительные экономические зоны, распространяющиеся на 200 морских миль от их побережья и оставляющие в середине, за пределами 200 миль от чьего-либо побережья, зону, не прикрытую юрисдикцией двух стран с точки зрения управления ресурсами. Спорный район составляет около 175 тыс. кв. км.

Россия выступает за «секторный принцип» (морская граница проходит по меридиану от сухопутной границы до Северного полюса), Норвегия — за «принцип равноудаленности» или серединной линии, что в таком случае смещает границу далеко на Восток. Переговоры по этому вопросу ведутся с 1970 г. В настоящее время согласовано примерно две трети спорного района. Остается делимитировать южный участок — по оценкам экспертов, наиболее перспективный в ресурсном отношении и чувствительный в военном плане. Поэтому сейчас на ведущихся переговорах прогресс ощущается не так, как раньше, стороны продвигаются навстречу мелкими шагами. Хотя норвежские военные и дипломатические представители периодически подливают масла в огонь, делая заявления типа «никто не может исключать, что наша свобода и независимость окажутся под угрозой, например, из-за споров о наших правах управлять и использовать ресурсы моря и шельфа».

Главные богатства этих вод — рыба и энергоносители. В отношении рыбы Москва и Осло «временно договорились» (была создана так называемая серая зона — определенный район, в котором ведут

---

[1] Независимое военное обозрение. 20.07.2007.

рыболовство как норвежские, так и российские корабли; данное соглашение ежегодно продлевается). Что же касается разработки недр весьма перспективного в ресурсном плане района, то и здесь Москва и Осло достигли джентльменского соглашения о введении моратория на ресурсную деятельность, который соблюдается обеими сторонами. Специалисты считают, что наиболее оптимальным в этом случае вариантом могла бы стать совместная разработка недр. Но это также вопрос серьезных переговоров. Договариваться двум странам по этим проблемам нужно уже сейчас. Потому что, когда дойдет дело до разработок тех же газовых месторождений, поделить спорные территории станет гораздо сложнее — ставка возрастет до десятков миллиардов долларов.

В целом создается впечатление, что Норвегии очень не хотелось бы терять тот свой особый статус, который она имеет в Вашингтоне и НАТО — «стратегический союзник» и «северный форпост» альянса. Надо сказать, что официальный Осло очень серьезно относится к своим обязательствам в рамках Североатлантического альянса. Норвегия активно участвовала в бомбардировках Югославии, одновременно, кстати, с миротворческими усилиями главы МИД королевства К. Волебэка, председательствовавшего в то время в ОБСЕ. Норвегия поддержала операции в Афганистане, предоставив для этого свой воинский контингент, и войну в Ираке.

Начавшаяся реформа НАТО в военных и внешнеполитических кругах Норвегии воспринимается однозначно: страна ни в коем случае не должна потерять своих позиций в альянсе, а, напротив, максимально их усилить. И, похоже, в чем-то Норвегии это удается. Как известно, в рамках реформы «для борьбы с новыми вызовами и угрозами», к примеру, число штабов НАТО в различных странах — членах НАТО сокращается с 20 до 11. В 1995 г. был закрыт штаб Объединенного северного командования НАТО, находившийся в Колсосе неподалеку от Осло. Однако с августа 2003 г. в норвежском местечке Йотто, близ города Ставангера, на юге страны заработала новая структура Североатлантического альянса — Объединенный центр по военным операциям НАТО. В центре сейчас работают около 300 человек, представляющие 26 стран НАТО. В его задачи входит, в частности, подготовка и проведение анализа совместных маневров альянса, а также выработка его новой стратегии. Министр обороны страны Кристин Крон Деволд заявила, что «создание этого центра именно в Норвегии было одной из важнейших задач». Это означает, что постоянное присутствие НАТО в Норвегии будет продолжаться еще долго.

Однако не исключено, что этот натовский центр будет переведен в северную часть Норвегии, в Буде — вслед за переносом туда Главного оперативного центра норвежских оборонительных сил. Другими словами эти структуры НАТО и Норвегии приблизятся к границам с Россией. Норвежские военные объясняют такие изменения объявлением Россией возобновления боевого дежурства своей дальней авиации[1].

В центре внимания США и НАТО продолжает оставаться и другой североевропейский член альянса — Дания. В последние годы проводится усиленная модернизация РЛС в Туле (Гренландия). Еще во времена «холодной войны» военно-воздушная база США, расположенная за Полярным кругом в 1,5 тыс. км от Северного полюса, считалась одной из крупнейших. Создана она была в начале 50-х годов в соответствии с американо-датским договором 1951 г. «О защите Гренландии» и считалась одним из основных элементов обороны США, прикрывая американскую территорию от возможного советского удара через Арктику.

На базе, способной размещать персонал до 10 тыс. человек, была построена мощная радиолокационная станция раннего предупреждения, способная наблюдать за воздушным пространством до границ СССР. Здесь были дислоцированы стратегические бомбардировщики с ядерным оружием на борту. К началу 90-х годов персонал базы был сокращен до 500 человек. Основное оснащение — радарные средства раннего оповещения, боевых самолетов на базе пока нет.

В последнее время в рамках разрабатываемой в США системы противоракетной обороны радиолокационной станции в Туле вновь стало уделяться большое внимание. С целью ее модернизации в августе 2004 г. подписаны новые американо-датские документы, представляющие собой дополнение к договору от 1951 г. При этом, правда, правительство Дании заявило, что выступает против использования РЛС в рамках ПРО США. Но оценка России была иной. Российский МИД заявил в связи с подписанием новых американо-датских документов, что «в американскую ПРО объективно уже сейчас закладывается определенный потенциал, способный нанести ущерб российской безопасности», и что Россия оставляет за собой право ответных действий.

Действительно, основания для опасений дает само географическое расположение РЛС в Туле. Если во главу угла системы ПРО ставить защиту от угрозы со стороны так называемых стран-изгоев, то зачем модернизировать радиолокационные станции системы раннего предупреждения, размещенные в Норвегии и Дании и направленные туда,

---

[1] Helsingin Sanomat. 13.09.2007.

где, по определению, трассы ракет этих стран проходить не могут? Для нас это тем более тревожный сигнал с учетом того, что американская сторона рассматривает возможность развертывания компонентов своей ПРО и в Восточной Европе, в непосредственной близости от российских границ. Можно предполагать, что РЛС в Туле будет состыкована с американскими радарами, которые США размещают на территории Польши и Чехии.

Нет оснований не верить в искренность заявлений Копенгагена, где говорится, что официальная позиция против превращения базы в Туле в часть американской ПРО. Протестует общественность страны, считающая, что такое развитие не укрепит, а, наоборот, подорвет безопасность Дании, Северной Европы и континента в целом, осложнит отношения с Россией. Но прислушаются ли США к этой позиции?

И еще один аспект. Гренландия имеет автономию в составе Дании, с собственными органами местного самоуправления — парламентом и правительством. Хотя вопросы внешней политики и обороны не входят в компетенцию гренландских органов, растут требования о том, чтобы их мнения принимались в расчет при решении проблем, связанных с договором 1951 г. и, конкретно с американской базой в Туле. Это и вопросы безопасности, окружающей среды (большой резонанс в январе 1968 г. вызвала катастрофа в семи милях к югу от базы Туле стратегического бомбардировщика B-52 с ядерными бомбами на борту, что привело к радиоактивному заражению значительной части территории) и т.д. Большие претензии эскимосы, составляющие почти половину населения Гренландии, имеют к американцам в результате ущемления их прав на использование окружающей среды. Однако до сих пор американцы оставляли эти законные претензии без ответа.

Следует иметь в виду, что особенность американо-датского договора о Гренландии 1951 г. заключается в том, что Дания не может в одностороннем порядке отказаться от него. Срок действия договора прямо увязан со сроком действия Североатлантического договора. А это означает, что, что американо-датский договор 1951 г. может быть денонсирован только если Дания или США выйдут из НАТО или если сам Североатлантический союз прекратит свое существование.

Кстати, договор 1951 г. дает США весьма широкие полномочия, которые существенно ограничивают возможности датских властей воздействовать на использование базы в Туле. В статье 2 подчеркивается, что США имеют право «подготовить и оснастить территорию Туле для военных целей», а также «возводить, устанавливать, содержать и

использовать сооружения и материалы». По мнению датских исследователей договор, таким образом, не требует получения американцами согласия от датчан на усовершенствование установок в Туле, имея в виду их включение в американскую систему ПРО.

Роль Дании в военно-стратегических делах на Севере может существенно повыситься. В последнее время резко возросла активность держав, имеющих отношение к Арктическому региону. Их руководство стремится доказать, что значительные части Арктики должны принадлежать именно этим государствам. Речь идет о России, Соединенных Штатах, Дании, Норвегии, Канаде. Хотя не исключено, что этот список пополнится и другими претендентами.

Следует напомнить, что все вышеупомянутые страны имеют непосредственное географическое отношение к Арктике. Конечно, сама Дания находится на весьма удаленном расстоянии от Северного полюса планеты. Однако Гренландия принадлежит именно ей. Таким образом, Датское королевство также может рассчитывать на обширные территории приполярного морского шельфа.

Сразу же после того, как российская экспедиция установила на дне Северного Ледовитого океана российский флаг, в качестве ответа к Северному полюсу отправилась датская экспедиция. Цель та же самая — обосновать претензии Дании на значительную часть арктического шельфа.

Борьба за арктические богатства постепенно накаляется. Сейчас очень широко обсуждается вопрос, можно ли подачу заявок в специальный комитете ООН считать первым раундом «схватки за Арктику» или это будет спокойный раздел. Реализация последнего сценария развития событий представляется маловероятной. И прежде всего по той причине, что в это противостояние уже вступили американцы, которые в ситуации спокойного раздела Арктики капитально проигрывают. Причем не только России.

Кроме того, в этот процесс обязательно вмешаются такие крупные державы, как Швеция, Франция и Китай, которые также заинтересованы в том, чтобы поставить под сомнение принцип секторального раздела Арктики. Известно, например, что китайцы очень активно начали работать с правительством Дании, которое даже пригласили приехать в Пекин. Не секрет и то, что в последнее время страну одна за другой посещают американские высокопоставленные делегации. В частности, совсем недавно здесь побывала спикер палаты представителей Соединенных Штатов Америки Нэнси Пэлози. А канадцы заявили о намерении построить в полярной части Арктики два военных объекта.

Сейчас идет усиленная обработка Дании как государства, которое через Гренландию имеет значительный выход на арктический шельф. Понятно, что Дания является маленьким государством и к тому же достаточно близким союзником США по НАТО. А поскольку у американцев уже имеется в Гренландии РЛС в Туле и готовится к размещению еще одна, — у них есть много шансов получить здесь особый статус, чтобы использовать территорию Гренландии как плацдарм для освоения арктического шельфа. Конечно, сама эта территория останется датской. Но Копенгаген, скорее всего, уступит США в Арктике «право первой ночи». Тем более что США в последнее время начали реализацию целой серии программ по оказанию финансовой помощи коренному населению острова.

6.1.3. «Непотопляемый авианосец Запада»

Есть еще одна проблема, которая накладывает военно-политический отпечаток на ситуацию в Северной Европе и не может не учитываться в российской политике национальной безопасности. Речь идет об Исландии.

В течение более чем 50 лет одним из важных объектов в военной стратегии США и НАТО, нацеленной на наш Север, служит военно-воздушная база в Кефлавике вблизи от исландской столицы. Она была создана в соответствии с подписанным в 1951 г. американо-исландским договором, согласно которому США взяли на себя ответственность за оборону Исландии от имени НАТО (сама Исландия собственных вооруженных сил не имеет, за исключением 120 служащих береговой обороны). Под командованием США были созданы военные подразделения, объединенные в Оборонительные силы Исландии (Iceland Defence Force). США подтвердили в 1996 г. свои обязательства в области обороны Исландии в соответствии с договором 1951 г. и подписали дополнительный протокол о продлении его действия

В результате изменений в международной обстановке в Кефлавике были предприняты некоторые сокращения и изменения, но и до последнего времени в состав американской военной структуры здесь входили более 25 командных подразделений — примерно 1800 американских военнослужащих, 100 гражданских и 850 человек исландского обслуживающего персонала, а также военнослужащие Нидерландов, Канады, Норвегии и Дании. Самолеты P-3C и AWACS размещались на базе для разведки северных морских акваторий.

Однако администрация США в конце концов пришла к выводу о нецелесообразности вообще сохранять в Кефлавике свои подраз-

деления. После длительных переговоров (исландское правительство было против, предлагало даже взять на себя расходы по эксплуатации базы, которые составляют сейчас 250 млн долларов и покрываются американцами). Была достигнута договоренность о выводе всех самолетов американских ВВС с базы, что и произошло в сентябре 2006 г.

Но из этого не следует делать далеко идущих выводов. Это отнюдь не означает, что военная база в США в Кефлавике прекратила свое существование. Некоторые российские СМИ поспешили написать, что «американцы повесили замок на военную базу в Исландии». Следовало бы уточнить, что ключ-то они оставили у себя и по-прежнему будут распоряжаться ею, как захотят. Решение администрации США связано с реструктуризацией НАТО, ее новой стратегией и является частью передислокации войск США по всему миру.

Все военные инфраструктуры в Кефлавике сохранятся (выделяется специальная территория, отгороженная от гражданского аэропорта) и будут поддерживаться исландцами в состоянии постоянной готовности, чтобы принять в случае необходимости военные самолеты США и других стран НАТО. Американцы подтвердили все обязательства по американо-исландскому договору, согласно которому США взяли на себя ответственность за оборону Исландии от имени НАТО, в том числе оплату расходов по содержанию объектов на базе (ранее оно обходилось в 250 млн долларов) Готовится новое соглашение, которое должно заложить основу для дальнейшего военного сотрудничества между Исландией и США на двусторонней основе и в рамках НАТО[1].

В общем, мало что изменится в той роли, которую Кефлавик играл в годы «холодной войны». База в Кефлавике имеет важное значение для раннего оповещения, противовоздушной обороны и морской разведки во всем Северо-атлантическом регионе. В случае кризиса или кризисной ситуации база должна сыграть особую роль для обеспечения связей между Западной Европой и США, в частности доставки подкреплений в Норвегию и Данию, а также страны Балтии.

Министр иностранных дел Исландии Х. Асгейрссон, подчеркивая роль американско-исландского договора 1951 г. и дополнений, сделанных к нему, заявил, что «Договор об обороне и участии Исландии в защите сотрудничества с нациями Запада является и навсегда останется краеугольным камнем политики безопасности Исландии».

Нужно сказать, что исландская оппозиция выступила с критикой решения США (фактически одностороннего) о выводе военных кон-

---

[1] Blotter.RU. 21.08.2006.

тингента с базы в Кефлавике, считая, что это ослабит весь северный фланг НАТО и безопасность самой Исландии. Не исключают, что может быть поставлен вопрос о денонсации договора с США или, во всяком случае, его значительном пересмотре. Высказывается мысль о том, чтобы потребовать помощь не только у НАТО, но у Евросоюза, присоединившись к зарождающейся военной структуре ЕС. В любом случае, Исландия рассчитывает и впредь оставаться «непотопляемым авианосцем Запада»[1].

6.1.4. Военное сотрудничество со странами Балтии

До августа 1991 г. северные страны занимали сдержанную позицию по отношению к стремлению Балтийских республик к независимости, опасаясь, что поддержка дезинтеграционных процессов в СССР приведет к ухудшению отношений с Советским Союзом и поставит под угрозу процесс демократизации СССР. Особенно осторожная позиция была у Швеции и Финляндии, и обусловлена она была их географической близостью к Советскому Союзу. Лишь после того, как СССР признал независимость Эстонии, Латвии и Литвы в 1991 г., последовало официальное признание и установление дипломатических отношений стран Балтии с Северными странами.

Сотрудничество в области безопасности со странами Балтии стало важным элементом внешней политики северных стран в 1990-е гг. Такое сотрудничество стало возможным с ослаблением влияния Советского Союза в Балтийском регионе и получило широкое развитие после исчезновения СССР.

Страны Северной Европы с самого начала оказывали содействие к подключению стран Балтии к военно-политическому сотрудничеству с Североатлантическим блоком, причем в достаточно конкретных формах. Взаимодействие между странами Балтии и северными странами в области обороны развивается как на многосторонней, так и на двусторонней основе и в различных международных организациях[2].

В рамках многостороннего сотрудничества в ряде проектов принимают участие такие страны НАТО, как США, Великобритания, Германия, Франция, Нидерланды, Польша. Цель сотрудничества — интегрирование стран Балтии в западные структуры безопасности.

---

[1] По материалам MigNews.com и www.iceland.ru.

[2] См., в частности: *Михайлов Д.* Политика национальной безопасности северных стран после окончания «холодной войны»: проблемы и перспективы северного сотрудничества // «Наследие.ru», 2003.

Сотрудничество включает оказание материальной (в том числе военно-технической) помощи, образовательные программы и дипломатическую поддержку стран Балтии в различных международных институтах (прежде всего в ЕС и НАТО). Цели, которые преследуют северные страны в Балтийской политике, схожи: поддержка реформ в странах Балтии, обеспечение стабильности и безопасности. Основная цель политики безопасности декларируется всеми странами Северной Европы как обеспечение стабильности в Балтийском регионе. А стабильность в Балтийском регионе прочно увязана с укреплением безопасности стран Балтии. Как отметил министр обороны Дании Х. Хэккеруп, «обеспечение безопасности Балтийских стран является центральным элементом стабильности в регионе Балтийского моря». Тем не менее конкретное содержание балтийской политики каждой из Северных стран различно и во многом обусловлено их географическим положением.

Дания как член НАТО играет лидирующую роль в военном сотрудничестве с балтийскими странами, причем именно военному сотрудничеству она отдает приоритет. В силу своей территориальной удаленности Дания не так чувствительна к позиции России, как другие северные страны. Эта «свобода действий» обусловлена еще тем фактом, что Дания, единственная из северных стран, является членом как ЕС, так и НАТО и может выступать выразителем интересов стран Балтии в обеих организациях. Дания была одной из первых северных стран (после Исландии, еще больше, чем Дания, удаленной от России), установивших прямые контакты с местными властями и признавших независимость стран Балтии.

В январе 1994 г. Дания заключила договор о военном сотрудничестве с Латвией. В сентябре 1994 г. аналогичные договоры были подписаны с Литвой и Эстонией. Они представляют собой рамочные соглашения, подразумевающие выработку конкретных годовых проектов. Таким образом, содержание сотрудничества может варьироваться в зависимости от особенностей отдельной страны. Военное сотрудничество между Данией и странами Балтии включает встречи военного командования, консультации, обучение офицерского состава, штабные и полевые учения. Особая важность придается семинарам по административному управлению для служащих министерств обороны стран Балтии (Defence Management). Подразделения из стран Балтии принимали участие в 1994–1995 гг. в миротворческой операции ООН в Хорватии в составе датского батальона UNPROFOR, а также в операции по поддержанию мира в Боснии в составе датского батальона сначала IFOR, затем SFOR под командованием НАТО.

Норвегия подписала со странами Балтии договоры об оборонном сотрудничестве (1995). Швеция придает балтийской политике столь же большое значение, как и Дания, выделяет на помощь странам Балтии больше средств (наблюдается даже некоторое соперничество между Швецией и Данией в вопросе, кто является основным защитником суверенитета стран Балтии), но основное внимание уделяет взаимодействию с балтийскими странами в области невоенной безопасности и отдает предпочтение сотрудничеству на многосторонней основе (в рамках СГБМ, ЕС) с вовлечением других государств в балтийское сотрудничество.

Финляндия была наиболее осторожной из всех северных стран в признании независимости стран Балтии. Вплоть до конца 1991 г. Финляндия довольно сдержанно относилась к движению за независимость, набиравшему силу в балтийских республиках, учитывая оппозицию Советского Союза. После распада СССР она в основном сосредоточила усилия на активном сотрудничестве с этнически и географически близкой Эстонией. Сотрудничество в области безопасности включает обучение эстонских офицеров в Финляндии, поставки вооружений, деятельность финских военных специалистов в Эстонии.

В рамках Совета министров северных стран получили распространение встречи министров иностранных дел по формуле «3+5» с приглашением министров иностранных дел Эстонии, Латвии и Литвы. С 1994 г. ежегодно проводятся встречи министров обороны северных и балтийских стран.

Наиболее продвинутыми формами военного сотрудничества являются БАЛТБАТ, БАЛТРОН и БАЛТНЕТ (BALTBAT, BALTRON, BALTNET).

В соответствии с проектом БАЛТБАТ в 1995 г. началось создание батальона с участием подразделений ВС балтийских стран для осуществления функций по поддержанию мира, которые позднее были дополнены функциями по установлению мира. Соглашение о создании Балтийского батальона подписали в сентябре 1994 г. страны Балтии, северные страны и Великобритания, оказывающие поддержку проекту. Позднее к проекту присоединились США, Германия, Франция, Голландия и Украина. Координатором и председателем Управляющего комитета, осуществляющего политическое руководство проектом, выступила Дания. К 1997 г. БАЛТБАТ был создан, и его подразделения принимали участие в операции по поддержанию мира в Боснии в составе датского батальона СФОР (SFOR). Северные страны оснащали батальон необходимыми средствами, в том числе и вооружением,

оказывали содействие в обучении и т.д. Например, Норвегия в период 1995–1999 гг. ассигновала на эти цели более 59 млн норвежских крон, выделила 10 гранатометов с боеприпасам, а также противотанковое оружие М-72.

По проекту БАЛТРОН (The Baltic Naval Squadron) в 1998 г. создана общебалтийская эскадра, главной целью которой является траление минных полей, борьба с контрабандой и незаконной миграцией, решение других задач, связанных с так называемыми конфликтами низкой интенсивности. Германия предоставила Эстонии два минных тральщика, Норвегия выделила балтийским странам три патрульных судна. Ее общие ассигнования составили 50 млн крон. Координатором проекта стала Германия.

БАЛТНЕТ (The Baltic Air Surveillance Network) представляет собой объединенную систему оповещения и контроля за воздушным пространством трех стран Балтии и приграничных территорий, формирование которой началось в 1997 г. Координирует этот проект Норвегия. Важную роль в создании этой системы сыграли США. По их инициативе в Литве был создан Региональный координационный центр контроля за воздушным пространством — Regional Air Surveillance Coordination Centre (RASCC), на функционирование которого американский конгресс выделил в 1998 г. 10 млн долл. С этим центром тесно сотрудничает БАЛТНЕТ, в рамках которого создаются радарные станции и другие инфраструктуры контроля. США предоставили прибалтам необходимые системы ЭВМ, Польша — радары, которые модернизируются Норвегией (15 млн крон). БАЛТНЕТ связан с соответствующими системами в Польше, Чехии, Словакии, Венгрии, Румынии и Болгарии, снабжающими НАТО необходимой информацией.

В 1999 г. начали функционировать общебалтийские штабные курсы БАЛТДЕФКОЛЬ (Baltic Defence College — BALTDEFCOL) по подготовке высшего и среднего офицерского состава. Помимо северных стран, в финансировании и преподавании принимают участие США, Великобритания, Германия, Франция, Польша, а также Швейцария.

Для координации различных форм и проектов военного сотрудничества со странами Балтии в 1998 г. была создана Группа содействия безопасности балтийских стран — Baltic Security Assistance Group (BALTSEA), в работе которой принимают участие представители 12 стран. С 1994 г. при правительствах Латвии, Литвы и Эстонии действует Международная консультативная группа по вопросам обороны — так называемая группа Джонсона, возглавляемая бывшим главнокомандующим ОВС НАТО в Северной Европе английским генералом Г. Джонсоном.

Разумеется, значение указанных форм военного сотрудничества выходит за рамки тех задач, которые официально формулируются на сегодняшний день. Речь идет о том, чтобы в случае возможного конфликта в районе Балтийского моря страны Балтии располагали такими хорошо подготовленными военными контингентами, которые имели бы практический опыт взаимодействия между собой и с вооруженными силами других западных государств.

Само по себе это понятно и отвечает определенной логике — через призму подходов Вильнюса, Риги и Таллина. Но если следовать более широкой логике, учету интересов безопасности всех стран Северной Европы и региона в целом, то не было бы естественным подключить и Россию к таким формам сотрудничества? Кстати, это относится и к таким проектам, как германо-датско-польский корпус.

Осенью 2000 г. был создан северный военный контингент (Nordic Coordinated Arrangement for Military Peace Support — NORDCAPS) для подготовки подразделений ВС северных стран, которые в случае необходимости могли бы в рамках общесеверного контингента (в формате бригады) участвовать в миротворческих операциях, в том числе по линии ООН, ОБСЕ, НАТО и, начиная с 2003 г. ЕС. В Стокгольме создан центр планирования для НОРДКАПС (NORDCAPS). Предусматривается возможность сотрудничества с другими странами — по примеру северно-польской бригады в КФОР. Для участия в проекте приглашена Великобритания. Это — важный шаг в расширении военно-политического сотрудничества северных стран, предусматривающий взаимодействие с другими странами региона и Европы, но опять-таки без России.

6.2. Эволюция в сторону НАТО (Финляндия, Швеция)

Принято говорить, что важным условием сохранения стабильности на Севере Европы является нынешняя политика неучастия в военных союзах Швеции и Финляндии. Фактически такой констатацией, во всяком случае, в официальных заявлениях, ограничивается российский подход к политике этих стран. Она же, как правило, лежит и в основе опубликованных у нас немногочисленных исследований на эту тему. Более нюансированный анализ, который просчитывал бы различные возможные варианты развития, встречается редко. При этом довольно определенно утверждается, что официальная позиция Финляндии и Швеции «достаточно ясна» и «не дает существенных оснований для ее трактовки или появления сомнений». Правда, в последнее время появился ряд

довольно критических статей в российских средствах массовой информации. В целом, вопрос о будущих направлениях внешней политики Финляндии и Швеции, о возможности их вступления в НАТО, вышедший в последнее время на одно из первых мест в финской и шведской внешнеполитической дискуссии, пока еще остается до конца не прояснённым. Во многом он остается и за скобками внешнеполитической дискуссии и глубокого анализа экспертов в нашей стране.

6.2.1. Трансформация внешней политики Финляндии и Швеции

С позитивной оценкой шведской и финской линии военного неприсоединения в целом нельзя не согласиться. Но нужно учитывать и то, что она находится в постоянной динамике, и время от времени в нее вносятся коррективы, причем существенные. Возможность сохранения этой политики на будущее не является бесспорной.

Об этом свидетельствуют те значительные изменения, которые произошли в политике безопасности Швеции и Финляндии за последние десять-пятнадцать лет.

Следует сказать, что политика безопасности Финляндии трансформировалась более быстрыми темпами и более радикально, чем в Швеции, вступившей на путь нейтралитета в начале XIX в. после череды войн, в том числе с Россией.

До начала Второй мировой войны Финляндия примерно с середины 20-х годов (после заключения с Советской Россией Тартуского (Юрьевского) мирного договора в мае 1920 г. и договора о пограничном мире (июнь 1922 г.), также официально проводила политику нейтралитета, во многом ориентируясь на Скандинавские страны. Эту линию многие финские политики и историки характеризовали как «блестящую изоляцию». Настроения в пользу нейтралитета увеличивались по мере того, как система безопасности Лиги Наций все больше и больше обнаруживала свою недееспособность.

Попыткам сохранить нейтралитет в условиях надвигающейся Второй мировой войны был положен конец «зимней войной» 1939–1940 гг., когда Советский Союз начал войну с Финляндией — после того как Финляндия, опять-таки ссылаясь на свой нейтралитет, отказалась пойти на территориальные уступки, которые хотел получить СССР для обеспечения безопасности своей северо-западной границы, прежде всего Ленинграда. По мирному договору 1940 г. СССР получил Карельский перешеек, западное Приладожье, Петсамо (около 10% финской территории) а также в аренду — военно-морскую базу Ханко на побережье Финского залива.

В июне 1941 г. Финляндия вступила в войну против СССР на стороне гитлеровской Германии с целью вернуть территории, отошедшие к СССР. Поэтому финны называют ее «Война-продолжение». Война закончилась поражением Финляндии и подписанием соглашения о перемирии в сентябре 1944 г., по которому восстанавливались границы 1940 г. В феврале 1947 г. был подписан мирный договор с Финляндией, где Финляндия взяла на себя обязательство «не заключать каких-либо союзов или участвовать в коалициях, направленных против другой Высокой Договаривающейся Стороны».

После подписания мирного договора начались поиски самостоятельного внешнеполитического курса. Но попытки вернуть нейтральный статус оказались нереальными, прежде всего из-за позиции Советского Союза, желавшего сохранить Финляндию в сфере своего влияния.

В основу «линии Паасикиви», бывшего президентом Финляндии в 1946–1956 гг., было положено установление дружбы и доверия с Советским Союзом и принцип оставаться в стороне от противоречий между великими державами, быть, как выражался Ю.К. Паасикиви, «невидимыми» на международной арене. Другими словами, закладывалась возможность проводить нейтральную политику, но на особых условиях.

Существенным ограничителем стал заключенный с СССР в апреле 1948 г. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, ключевыми моментами которого стали военно-политические положения (ст. 1 и 2), содержавшие обязательства совместно бороться против военной агрессии против Финляндии или Советского Союза через территорию Финляндии. Эти статьи и договор в целом, хотя и более ограниченный по содержанию, чем соответствующие договоры СССР со странами Восточной Европы, на долгие годы стал эффективным инструментом влияния Кремля на политику Финляндии, как внешнюю, так и внутреннюю.

Напомним, что в преамбулу договора 1948 г. было включено (по предложению Паасикиви, против которого Сталин и Молотов не возражали) положение о стремлении Финляндии «оставаться в стороне от противоречий между интересами великих держав», которое позднее стало активно использоваться сторонниками укрепления Финляндии на позициях нейтралитета.

Однако для того чтобы обрести статус Финляндии как действительно нейтральной страны, вначале де-факто, а затем де-юре, потребовались десятилетия, энергичные и умелые действия финских руководителей, глубокие изменения в Европе и мире.

Особая заслуга в этом принадлежит У.К. Кекконену, сменившему Паасикиви на посту президента в 1956 г. (при активной поддержке Москвы) и остававшемуся на нем до 1982 г. В отличие от своего предшественника, Кекконен стал все чаще употреблять слово «нейтральная» в применении к внешней политике своей страны, которая стала именоваться «линией Паасикиви–Кекконена». Более того, выступая в декабре 1961 г. в Вашингтоне, он назвал нейтралитет «делом всей своей жизни».

С распадом Советского Союза и окончанием блокового противостояния Договор 1948 г. прекратил свое существование, отпало главное препятствие для проведения Финляндией политики нейтралитета. С Россией в январе 1992 г. был заключен новый договор, который не содержал никаких ограничений для проведения Финляндией самостоятельной внешней политики и основывался на принципах Устава ООН и документов СБСЕ.

С этого момента начался новый этап финской политики безопасности. Нейтралитет стал общепризнанным понятием. В 1992 г. была принята формулировка «военного неприсоединения и самостоятельной обороны». Позднее правительство исключило понятие «нейтралитет» в докладе парламенту по проблемам безопасности 1995 г. В очередном докладе, представленном в 1997 г., более определенно было сказано о возможности получения военной помощи извне: «...если собственные ресурсы Финляндии окажутся недостаточными, она может, в соответствии с Уставом ООН, обратиться за помощью к другим странам для отражения нападения». Соответственно, вместо «самостоятельной обороны» стали говорить об «убедительной обороне»[1].

Затем появились новые подвижки, содержащие опасность дальнейшего размывания нейтральных основ внешней политики Финляндии.

Финны раньше и более артикулировано, чем шведы, начали говорить о возможности любых «опций» для политики безопасности страны, не исключая и вступление в НАТО. Особенно это проявилось в период, когда президентом был социал-демократ Марти Ахтисаари (1994–2000), который фактически закрепил возможность вступления Финляндии в НАТО, не принимая при этом во внимание мнение России.

Правда, в официальных заявлениях подчеркивалось и подчеркивается, что «в настоящее время Финляндия не испытывает дефицита безопасности» и не собирается, соответственно, вступать в НАТО.

---

[1] The White Paper on Finnish Security and Defence Policy (2001) // http://www.nnss.org.

Тарья Халонен (также СДПФ), сменившая Ахтисаари на посту президента, занимает достаточно определенную позицию. Еще выступая на инаугурации, она заявила: «Финляндия, насколько это зависит от меня, останется неприсоединившейся страной». Эту позицию президент подтверждала и позднее. В одном из последних выступлений она вновь подчеркнула, что причин для изменения политики неучастия в союзах в настоящее время нет, и Финляндии необходимо сохранять положение, при котором, не будучи членом НАТО, можно участвовать в системе европейской безопасности[1].

Дальнейшее направление внешнеполитической линии Финляндии подробно рассматривался при подготовке очередного доклада правительства парламенту о внешней политике и безопасности стран подготовленного в 2004 г. на последующий четырехлетний период.

В связи с подготовкой доклада правительства высказывались различные предположения. Многие ожидали, что — при подтверждении линии на военное неприсоединение — будет более четко сказано о возможности присоединения Финляндии к НАТО, что ускорит решение этого вопроса. В докладе действительно подтверждено намерение продолжать линию неучастия в военных союзах. И это не может не вызвать удовлетворения. Правда, в отличие от предыдущих докладов и заявлений правительства, где в течение многих лет военное неприсоединение было одним из краеугольных камней финской политики безопасности, в нынешнем докладе оно упоминается как бы вскользь, а некоторые политики (из числа депутатов СДПФ) предлагают вообще отказаться от этого термина. Более определенно, чем раньше, хотя и довольно расплывчато (что вызвало критику открытых сторонников НАТО) говорится, что и дальше сохраняется возможность вступления в НАТО. Хотя премьер-министр Матти Ванханен высказал мнение, что в обозримом будущем нет причин, которые обусловили бы присоединение Финляндии к НАТО, но практика военно-политического сотрудничества с этим союзом должна развиваться, чтобы не стать препятствием для возможного членства. При этом в правительственном докладе НАТО характеризуется как главная организация трансатлантической политики безопасности и сотрудничества в этой области, подчеркивается, что расширение этого союза будто бы способствовало для укрепления стабильности в Северной Европе.

Интересно сравнить финскую позицию со шведской, изложенной в докладе «Оборона для нового времени», опубликованном в том же

---

[1] Helsingin Sanomat. 29.05.2002.

2004 г. В шведском докладе говорится, что «военное нападение только на Швецию по-прежнему не представляется вероятным в обозримом будущем» и поэтому Швеция должна поддерживать способность к обороне, опираясь на собственные силы. Подчеркивается, что Швеция проводит линию военного неприсоединения и не заключает соглашений о связывающих ее гарантиях безопасности. Вопрос о возможности вступления в НАТО не упоминается вообще, но это, разумеется, не означает, что он снят с повестки дня.

Швеция изменила формулировку официальной политики безопасности лишь не так давно. Начиная с 1992 г. правительство неизменно заявляло, что «политика военного неприсоединении Швеции, которая имеет своей целью позволить нашей стране остаться нейтральной в случае войны в нашем регионе, остается неизменной».

В конце 90-х годов эта формулировка стала предметом оживленной дискуссии и критики (в первую очередь со стороны буржуазных партий) как «нерелевантная «в меняющихся условиях (имелось в виду расширение НАТО). В итоге социал-демократическое правительство в феврале 2002 г. достигло договоренности с оппозицией о новой формулировке. В ней не упоминается о необходимости сохранения нейтралитета, говорится о большей «открытости» военного неприсоединения в мирное время в вопросах сотрудничества и о том, что «наиболее эффективно противостоять угрозам миру и безопасности можно лишь путем коллективных действий и в сотрудничестве с другими странами»[1]. Хотя, разумеется, НАТО прямо не упоминается, многие — и сторонники, и противники вступления в союз — толкуют новую формулировку как открывающую возможность приготовлений к такому варианту.

Правда, подобные мысли высказывались и ранее некоторыми представителями шведского правительства. Так, еще в марте 1997 г. министр иностранных дел Л. Йельм-Валлен в совместной статье с финским министром (им тогда была Т. Халонен) говорила, что Швеция и Финляндия «...сохраняют свободу в выборе содержания и форм их связей с политическим и военным сотрудничеством, развивающимся в Европе»[2]. Однако официально эта позиция была зафиксирована лишь пять лет спустя.

В принципе, сама по себе концепция «опций», то есть допущение различных вариантов развития политики безопасности, особых возражений вызывать не должна. Она так или иначе присутствует

---

[1] Svenska Dagbladet. 25.03.2002.

[2] Helsingin Sanomat, Svenska Dagbladet. 15.03.1997.

во внешнеполитических и оборонных доктринах многих стран, в том числе и России, не противоречит одобренному в рамках ОБСЕ положению о праве каждой страны самостоятельно принимать решения в области обеспечения своей безопасности. Однако возводить это право в абсолют было бы неверным. При выборе того или иного варианта следует также учитывать интересы безопасности других стран, их возможные озабоченности, взвешивать, как это скажется на положении в окружающем регионе и на международной ситуации в более широком плане.

6.2.2. На острие дискуссии

Как бы то ни было, дискуссия в Финляндии и Швеции вокруг вопроса о членстве в НАТО набирает обороты, и идет уже не на уровне экспертов и в прессе, как это было еще несколько лет назад, когда эта тема оставалась в тени. К ней все больше подключаются и официальные лица. Особенно дискуссия оживилась после того, как в Североатлантический союз были приняты страны Балтии. По своей интенсивности она сейчас превышает споры в связи с вступлением этих стран в Европейский союз в 1995 г. Думается, что в предстоящие годы она выйдет на новый, возможно, завершающий виток.

Не могу не вспомнить в этой связи одного эпизода из моей деятельности в качестве первого российского посла в Финляндии[1]. В марте 1995 г. в интервью газете «Васабладет» был затронут вопрос о возможном членстве Финляндии в НАТО. Я сказал тогда, что это, несомненно, вызвало бы негативную реакцию со стороны России и высказался в пользу открытой дискуссии. В результате меня пригласили в финский МИД, где в завуалированной форме было выражено недоумение по поводу упомянутых высказываний и дано понять, что дискуссия по этому «гипотетическому» вопросу неуместна. А одна из газет даже потребовала объявить меня «персоной нон грата».

В целом набор аргументов в пользу вступления в НАТО, высказываемых в Финляндии и Швеции, во многом перекликается с другими странами, претендовавшими или претендующими на вступление в НАТО. Правда, «русская угроза», в смысле возможности военного нападения нынешней России, в отличие, скажем, от государств Балтии, прямо не упоминается — в нее мало кто верит. Согласно опросу общественного мнения, проведенному в сентябре 2007 г., более чем

---

[1] В 1992–1996 гг. Ю.С. Дерябин занимал пост первого российского посла в Финляндии.

3/4 финнов считают, угроза для безопасности Финляндии со стороны России за последние годы в результате ее нынешнего политического развития не увеличилась[1]. Больше говорят о рисках, связанных с возможной дестабилизацией в России, экологических и других проблемах. Утверждается также, что членство в НАТО позволит более эффективно бороться с международным терроризмом.

В последнее время появился и активно продвигается некоторыми финскими исследователями и политиками тезис о том, будто членство Финляндии в НАТО будет даже способствовать интересам России. Например, финские исследователи К. Пурсиайнен и С. Саари, признавая, правда, определенные риски для финляндско-российских отношений, утверждают: «Членство Финляндии в НАТО может стать инструментом содействия развитию сотрудничества между Россией и Западом. Финляндия получит новый канал для продвижения интеграции России в западные институты. Финляндия может содействовать развитию роли НАТО, особенно в Северной Европе, в направлении, которое будет отвечать интересам Финляндии и которое также Россия может воспринимать как конструктивное»[2].

Многие в самой Финляндии высказывают сомнения в обоснованности такого аргумента. Так, бывший президент Финляндии М. Койвисто (1982–1994), ссылаясь на Косово, заявил, что стало вновь очевидным доминирование великих держав в НАТО, и сделал вывод: если Финляндия присоединится к НАТО, то ее шансы оказывать влияние на принятие решений в союзе будут маргинальными[3]. Сомнения высказываются и в кругу финских военных. Генерал Г. Хэгглунд, возглавлявший оборонительные силы Финляндии, уже несколько лет назад высказал убежденность в том, что «...через НАТО Соединенные Штаты хотят получить власть для оказания политического влияния». Действительно, что касается возможности влияния на решения, принимаемые в НАТО, особенно по конкретным военным и политическим вопросам, то, как показывает практика, дело это маловероятное. В лучшем случае это может свестись к оговоркам, так называемым сноскам (footnote), которые фиксируются, но не препятствуют консенсусу. Такую линию проводили, например, Дания и Норвегия, а в последнее время Турция. Случаев, когда какая-либо малая страна НАТО воспользовалась фактическим правом вето, не

---

[1] Helsingin Sanomat. 10.09.2007.

[2] Pursiainen Ch., Saari S. *Et tu Brute!* Finland`s NATO Option and Russia. UPI Report1, 2002, Helsinki. P. 5, 46.

[3] Ilta-Sanomat. 20.09.1999.

припоминается. Ну а если консенсус все-таки не сложится, есть немало возможностей его обойти.

В дискуссии вокруг членства в НАТО выдвигается немало весомых аргументов против. Остановимся на некоторых из них.

Высказывается мнение, что членство в НАТО нарушит особые отношения Финляндии с Россией, может спровоцировать Россию на ответные шаги и нарушить сложившийся баланс в Европе. Упомянутый выше генерал Г. Хэгглунд заявил в интервью агенству «Рейтер» в 1999 г.: «У нас хорошие отношения с Россией, зачем их уничтожать ради такого членства, в котором мы не нуждаемся... Кроме того, оно породило бы ненужную напряженность в отношениях между Россией и Западом». Некоторые эксперты предупреждают, что нельзя недооценивать реакцию российского общественного мнения — Финляндия предстанет не только недружественной, но и в чем-то, может быть, вероломной страной, учитывая ее образ, который сложился в России за послевоенные десятилетия.

Приводя аргументы противников вступления в НАТО, финский исследователь Т. Рис (сам он принадлежит к числу наиболее активных сторонников) пишет: «...Финляндия фактически, особенно учитывая ее геополитическое положение, оказывается на линии политического и, если так случится, то и военного фронта между Россией и Западом, будучи вынужденной занять опасное место на стороне Запада в его возможном конфликте с Россией. В периоды напряженности выдвинутая позиция Финляндии сделает ее уязвимой для политического давления и повысит склонность России к нанесению превентивного удара против нее. В случае открытого конфликта территория Финляндия станет полем боя между Востоком и Западом, а в худшем — объектом для нанесения ядерных ударов»[1].

Многие противники отказа от военного неприсоединения задают вопрос: а разве членства в ЕС недостаточно для обеспечения безопасности Финляндии? Напомним, что президент М. Койвисто в своих мемуарах пишет, что главной причиной желания Финляндии вступить в ЕС были соображения обеспечения безопасности. Экономические мотивы носили второстепенный характер[2]. Расширение НАТО, в том числе за счет Финляндии и Швеции, существенно снизит возможности этих стран сохранять влиятельную роль в рамках Европейского союза, которую они могли играть до сих пор (пример — финская инициатива о «Северном измерении»). После последней волны рас-

---

[1] Ries. T. *In from the cold. Finland's security political course after the cold war.* Oslo, 1999. P. 6.

[2] Koivisto M. *Witness to History.* Hurst & Co, London,1997. P. 246.

ширения НАТО количество государств — членов ЕС, одновременно участвующих в альянсе, составило 21 из 26. Ясно, что неприсоединившимся странам придется выступать в ЕС с общих позиций, определяемых в НАТО.

Можно предположить, что пострадает сложившаяся система регионального, субрегионального сотрудничества, прежде всего с Россией. Окончательно потеряет свой смысл и жизнеспособность «Северное измерение» политики ЕС, в основе которой лежит «позитивная взаимозависимость». Нельзя исключать и того, что под «зонтиком» НАТО могут оживиться настроения в пользу возвращения Карельского перешейка и других территорий, отошедших к СССР после Второй мировой войны. Впрочем, большинство финнов считает это нереальным, а позиция внешнеполитического руководства страны вряд ли изменится.

В целом нельзя не согласиться с мнением, высказываемым, например, финским исследователем П. Висури о том, что «не видно, чтобы членство в НАТО дало Финляндии такие выгоды, которые перевесили бы отрицательные моменты и риски, связанные с участием в военном союзе... В мире, где господствует политика с позиции силы, полезно по-прежнему помнить мудрость, высказанную Паасикиви, о том, что следует держаться в стороне от противоречий между великими державами. Это было исходной точкой основной линии политики безопасности Финляндии во времена «холодной войны» и сохранило свою актуальность и в условиях членства в ЕС. Вступление в НАТО лишит финнов этой возможности».

Следует отметить, что большинство среди политической элиты и общественного мнения в Швеции и Финляндии сейчас выступает за сохранение нынешней политики военного неприсоединения и против реализации натовской «опции».

Согласно опросам общественного мнения, проведенным в Финляндии в 1995–2007 гг., позиция в отношении членства в НАТО показывает постоянные колебания, хотя сторонники все время находятся в значительном меньшинстве. Их наибольшее число составило 29% в ноябре 1998 г., наименьшее — 19% в декабре 1999 г. (после Косово). В декабре 2000 г. «за» высказались 25%, «против» — 66%. В ходе опроса, проведенного в феврале 2003 г., количество сторонников НАТО составило 24%, а противников — 56%[1].

Проведенный в июне 2004 г. опрос общественного мнения показал, что большинство финнов по-прежнему против изменения нынешней политики неучастия в военных союзах, хотя их число несколько сокра-

[1] Helsngin Sanomat. 01.02.2003.

тилось: в декабре 2000 г. — 66%, сейчас — 61%. Сторонники НАТО составляют 23%, а 16% пока затрудняются определить свою позицию.

Эта тенденция подтвердилась в ходе опроса в мае 2007 г.: 63% «против», только 27% — «за». Наибольшее количество сторонников вступления в НАТО среди консерваторов (НКП) — 55% за, а противников — среди социал-демократов (73%) и центристов (69%). Кстати, в Финляндии усиливаются настроения в пользу того, что главным гарантом безопасности должна быть не НАТО, а Европейский союз. Финляндия должна участвовать более активно в создаваемой Евросоюзом политике безопасности и внешней политике. Так, тот же генерал Г. Хэгглунд, занимавший до недавнего времени пост председателя военного комитета ЕС, заявил что «нужно делать ставку на ЕС и прекратить дискуссию о членстве в НАТО».

В любом случае, более 3/4 финнов считают, что по столь важному вопросу следует провести общенациональный референдум, как это было перед вступлением Финляндии в Европейский союз в 1995 г. Однако большинство финских политиков не поддерживают идею общенационального референдума, считая, что решение должно быть принято на государственном уровне. Такова же позиция их шведских коллег.

Влиятельных политиков, которые открыто выступают за вступление в НАТО, в Финляндии пока не очень много. Наиболее заметен из них тот же Ахтисаари, который недавно заявил: «Я считаю, что мы должны быть полными членами и НАТО, и ЕС». Близок к этой позиции и бывший председатель социал-демократической партии Пааво Липпонен, возглавлявший до марта 2004 г. правительство, а затем ставший спикером парламента. В своих выступлениях он проводит мысль о том, что членство в НАТО — лишь вопрос времени. Возможное вступление в НАТО впервые было четко обозначено в резолюции совета СДПФ в марте 2004 г. Достаточно сдержанно относятся к возможному вступлению в НАТО представители Партии центра (ранее — Аграрный союз). Бывший министр обороны Сеппо Кярияйнен заявил, что «необходимо точно и беспристрастно определить, что дало бы и чего потребовало бы от Финляндии членство в НАТО». В то же время в резолюции съезда этой партии в июне 2004 г. эта возможность упоминается как одна из альтернатив.

После съезда в июне 2004 г. активизировалась в этом вопросе ведущая оппозиционная правая коалиционная партия, председателем которой был избран Юрки Катайнен, сразу же заявивший, что Финляндия должна вступить в НАТО после очередных парламентских выборов в марте 2007 г.

Этого не произошло. На выборах большинство сохранили партии, выступающие за сохранение политики военного неприсоединения, хотя и понесли некоторый урон. Статус крупнейшей в стране сохранила Партия центра, которая набрала 23,1% голосов (на 1,6% меньше, чем на предыдущих выборах 2003 г.) и получила 51 мандат в парламенте, утратив 4 мандата. Проигравшие выборы социал-демократы получили поддержку 21,4 избирателей, потеряв 3% голосов. В парламенте у них сейчас 45 мест вместо 53, которые они имели после выборов 2003 г.

В то же время значительный рывок вперед сделала коалиционная партия, завоевавшая 22,3% голосов (прибавив 3,7%) и увеличившая свое представительство в парламенте на 10 мандатов, получив 50 мест. Войдя в правительство, консерваторы, выступающие за вступление в НАТО, получили ряд ключевых постов, в том числе министра иностранных дел и министра обороны, а ее представители возглавили парламент и комиссию по обороне, серьезно увеличили возможность влиять на внешнюю и оборонную политику страны. Председатель парламента Саули Нинисте заявил, что на следующей волне расширения НАТО, наряду с Балканскими странами — такими как Албания, Македония, Хорватия — неизбежно вступление в НАТО и Финляндии. А министр обороны Юри Хакамиес, выступая в Вашингтоне в сентябре 2007 г., заявил, что наиболее серьезной угрозой для безопасности Финляндии является Россия. Думается, что и время, и место для такого заявления выбрано не зря. С одной стороны, чтобы подогреть дискуссию и повлиять на противников и сомневающихся в необходимости вступления в Североатлантический блок, с другой стороны — это, несомненно, жест в сторону США, расчет повысить свои политические акции в глазах американцев, может быть, получить от них деньги на какие-то военные программы и убедить их в том, в лице Финляндии, в случае ее вступления в НАТО, они будут иметь верного союзника.

Видимо, новый доклад правительства о внешней политике и политике безопасности Финляндии на 2009–2012 гг., который сейчас готовится, скажет о возможности присоединения к НАТО более определенно, чем предыдущий.

Среди тех, кто симпатизирует идее членства в НАТО, много представителей финского и шведского бизнеса. Влиятельный Центр финского предпринимательства и политических исследований ЭВА опубликовал специальный доклад «Что же такое НАТО?», авторы которого пытаются снять опасения по поводу возможных последствий вступления страны в этот блок. Активно проводит свою линию изве-

стный дипломат Макс Якобсон (в свое время ярый сторонник нейтралитета Финляндии)

Что касается финских военных, то у них явно преобладают настроения в пользу вступления в НАТО. Например, позиция нынешнего командующего оборонительными силами адмирала Юхани Коскеала более определенна, чем его предшественника генерала Густава Хэглунда, который, как уже отмечалось, выражал довольно скептические взгляды. Из документа, представленного специальной рабочей группой военного ведомства весной 2004 г., напрашивался главный вывод — присоединение Финляндии к НАТО отвечало бы ее интересам «в целях предотвращения военного нажима, угрозы нападения или военной агрессии».

В общественном мнении Швеции также преобладают настроения против вступления в НАТО. Согласно опросу, проведенному в мае 2007 г. Гётеборгским университетом, лишь 22% опрошенных высказались за (в 2004 г. — 20%). Количество противников составляет 46%.

На уровне руководства политических партий наиболее позитивно к вступлению в НАТО относятся Умеренная коалиционная партия (УКП, бывшая Правая партия), где 35% составляют сторонники НАТО и Народная партия (бывшая Либеральная партия). Наиболее сильны антинатовские настроения в Партии центра (бывший Крестьянский союз). За сохранение политики военного неприсоединения — левые партии, в том числе социал-демократическая (СДРПШ)[1].

На последних выборах в парламент в сентябре 2006 г. победил блок буржуазных партий, объединившийся в так называемый Альянс и получивший 178 мест в парламенте из 349. Лидером стала УКП, набравшая 26,2% голосов (в 2002 — 15,2%) — больше, чем три другие партии блока вместе взятые. Для СДПРШ, руководившей государством в течение 65 лет, результаты выборов оказались наихудшими с выборов 1920 г. — 34,9% голосов избирателей (в 2002 г. — 39,8%).

Нужно сказать, что вопросы внешней политики не были доминирующими на этих выборах. Борьба шла вокруг социально-экономических проблем. Руководство УКП не заостряло внимание на вопросах вступления в НАТО, опасаясь увеличения количества противников в других партиях. Ведь именно при социал-демократическом правительстве было налажено весьма тесное сотрудничество с НАТО, хотя перед

[1] Dagens Nyheter. 03.09.2006.

выборами представители СДРПШ заявляли, что членство в НАТО не укрепит безопасность Швеции, в то время как неучастие в военных союзах дает свободу действий для проведения самостоятельной политики в кризисных ситуациях.

Видимо, расчет был на то, что в течение предстоящих четырех лет удастся объединить вокруг этого вопроса партнеров по коалиции, поколебать позиции других партий и к следующим выборам в 2010 г. подвести избирателей к положительному решению о вступлении в НАТО.

Фактически премьер-министр Фредерик Райнфельдт (УКП) уже сделал свою заявку. В заявлении нового правительства от 18 сентября впервые не говорится, что Швеция будет продолжать политику свободу от военных союзов. Вместо этого акцент делается на том, что будет проводиться более активная внешняя политика во взаимодействии с другими странами, то есть Евросоюзом и НАТО.

Оппозиция расценила неупоминание политики неприсоединения как выражение скрытого, постепенного присоединения к НАТО. Райнфельдт подчеркнул: «НАТО является гарантом безопасности... Переговоры о членстве должны быть проведены в максимально тесном сотрудничестве с Финляндией и с учетом наших общих интересов в области безопасности».

6.2.3. Все готово к вступлению в НАТО?

Не секрет, что приготовления к возможному вступлению в НАТО уже ведутся и в Финляндии, и в Швеции.

Еще в 2002 г. известный финский журналист П. Эрвасти и депутат парламента, заместитель председателя комитета по обороне Я. Лааксо в книге «Из объятий соседа-медведя в подмышку к НАТО» писали, что «совмещение оборонительных сил Финляндии со структурами НАТО и гармонизация внешней политики и политики безопасности страны с политико-военными целями ЕС и НАТО происходит исподтишка, частично тайно. Большинство граждан вряд ли знают, насколько глубоко Финляндия уже находится в западном военном лагере и какие обязательства и обязанности из этого вытекают». Подчеркивается, что «все происходит без открытой и честной гражданской дискуссии. Идет процесс, который характеризуется утаиванием, введением в заблуждение и высказыванием полуправды. Решения принимаются в узком кругу...»[1].

---

[1] Ervasti P., Laakso J. *Karhun naapurista NATON kainaloon*. WSOY, Helsinki, 2002. S. 127.

Что касается шагов по пути сближения Финляндии и Швеции с НАТО, то сделано здесь действительно немало, и развитие идет по возрастающей. Это и перевод вооруженных сил на стандарты НАТО, и отработка взаимодействия с НАТО путем участия в совместных маневрах, использования для углубления «оперативной совместимости» мероприятий в рамках «Партнерства во имя мира» и многое другое. Причем до некоторого времени Финляндия действовала с опережением. Финские исследователи Т. Ваахторанта и Т. Форсберг, сравнивая подход обеих стран к членству в НАТО, делали вывод, что Финляндия глубже втягивается в западную интеграцию в области безопасности, нежели Швеция[1]. Однако сейчас шведы явно догоняют финнов.

Обе страны активно сотрудничают в военной области с НАТО в рамках программы «Партнерство во имя мира». Они участвуют в руководимых НАТО операциях по управлению кризисами КФОР в Косово (400 финнов и 440 шведов) и ИСАФ в Афганистане (100 финнов и 260 шведов), в 2006 г. их ВС были задействованы в крупнейших маневрах («Combined Endeavor») и штабных учениях НАТО в Норфолке (США).

В мае 2007 г. в Гётеборге стартовали крупнейшие в Балтийском море после окончания «холодной войны» десятидневные учения серии «Нобл», в которых участвовали 43 военных корабля и 7 тыс. военнослужащих из 17 стран. Флагманом был британский авианосец «Арк Ройял», который, кстати, участвовал в операции против Ирака в 2003 г. Одновременно проводились военно-воздушные и штабные маневры. Целью, как было объявлено, являлось налаживание оперативного взаимодействия в рамках создаваемых НАТО Сил быстрого реагирования (СБР; NRF — NATO Response Forse). Шведские и финские ВМС и ВМФ также участвовали в натовских маневрах, хотя еще не принято окончательного решения о присоединении к этим силам. Депутат парламента от оппозиционной партии умеренных П. Родберг заявил в этой связи, что «шведское правительство все ближе и ближе подползает к НАТО, и в конце концов вопрос о самом членстве становится простой формальностью».

Новым шагом на пути вступления Финляндии и Швеции в НАТО станет ожидаемое решение об участии этих стран в СБР, созданных по решению саммита в Праге в ноябре 2002 г. Вопрос для нейтральных стран непростой. Цель СБР, как говорится в решениях пражской встречи способствовать подготовке к «отражению угроз безопасности нашим

---

[1] Vaahtoranta T., Forsberg T. *Post-Neutral or Pre-Allied,* SUPI Working Papers 29(2000). Helsinki, 2000. P. 41.

вооруженным силам, населению и территориям... включая угрозу терроризма и распространение оружия массового уничтожения и средств их доставки... *откуда бы они ни появились*» (курсив мой. — *Авт.*)

Таким образом, речь пойдет об участии финских и шведских солдат в военных (а не только миротворческих или гуманитарных) операциях за пределами их границ, причем решения будут приниматься в НАТО. Хотя по численности СБР невелики — примерно 25 тыс. военнослужащих, они включают подразделения сухопутных сил ВМФ и ВМС, оснащенные самыми современными видами оружия, будут способны к автономным действиям и быстрой переброске в любое нужное место, как это решит Совет НАТО.

Пока речь не идет об использовании СБР, скажем, в Афганистане. Но теоретически нельзя исключать, что сама угроза применения этого «инструмента» может стать средством политического давления и воздействия в духе НАТО в конфликтных регионах мира, в том числе соседних с Россией.

Вопросы, связанные с возможным участием в СБР, вызывают острую дискуссию в Финляндии и Швеции, пересекаясь с вопросом о вступлении в НАТО. Как заявил премьер-министр Финляндии Матти Ванханен в апреле 2007 г., между правительствами обеих стран достигнуто согласие направить совместное уведомление НАТО о готовности их стран принять участие в СБР. Предполагалось, что официальное решение будет принято парламентами, скорее всего в течение года, хотя ряд политиков и военных призывают не торопиться, а посмотреть сначала, как пойдут дела с Силами быстрого реагирования, создаваемыми Евросоюзом. Оппозиция в обеих странах считает, что участие в СБР будет означать принципиальный отход от политики военного неприсоединения и новый, еще более существенный шаг в вопросе о вступлении в НАТО. Президент Финляндии Тарья Халонен занимает пока довольно осторожную позицию. Выступая 26 августа 2007 г., она заявила:

«Особый вызов в отношении участия в СБР заключается в том, что мы не будем иметь права голоса в вопросе о том, начинать или нет ту или иную операцию. Принимать решение об участии в такого рода деятельности весьма затруднительно. Что касается СБР, как и другой деятельности по управлению кризисами, мы продолжим тесное взаимодействие со Швецией, но, как всегда, будем принимать собственные решения независимо, в соответствии с исходными пунктами и интересами».

Новым стало и усилившееся в последнее время стремление наладить военное и военно-техническое сотрудничество между север-

ными странами — членами НАТО и странами, пока не входящими в Североатлантический союз. Так, в августе 2007 г. командующие оборонительными силами Швеции и Норвегии Хокон Сирен и Сверре Дизен выдвинули предложение о сотрудничестве между этими странами в производстве подводных лодок, танков и других видов вооружения, совместной подготовке военнослужащих, координации военных доктрин. Этот план, если он будет одобрен правительствами, имеется в виду реализовать к 2012 г. За аналогичное сотрудничество между Швецией, Финляндией и Норвегией высказался шведский министр обороны Свен Тольгфорс. Если такое сотрудничество будет осуществлено, то скандинавский компонент в НАТО усилится и, соответственно, возрастет роль этих стран внутри альянса.

Тем более, такие прецеденты уже есть. В 1997 г. страны Севера Европы приняли программу совместного участия ВС стран региона в миротворческих операциях (НОРДКАПС), в рамках которой последовательно и настойчиво отрабатываются вопросы развертывания многонациональной бригады в составе воинских подразделений от ВС Дании, Норвегии, Финляндии и Швеции. С 1 января 2008 г. будет действовать северная группа быстрого реагирования «Нордик Бэтл Груп» («Nordic Battle Group») для участия в операциях ЕС. В нее войдут военнослужащие Швеции (которая возглавит группу), Финляндии, Норвегии, Ирландии и Эстонии. Подразделение будет действовать в координации с Великобританией. Финны участвуют также в другом корпусе быстрого реагирования ЕС — вместе с Германией и Нидерландами.

Нетрудно заметить определенную закономерность: в составе многонациональных формирований наряду с традиционно нейтральными государствами и странами, стремящимися в НАТО, обязательно присутствуют члены альянса, а сами воинские подразделения и части создаются при региональных военно-политических структурах, созданных для решения задач миротворчества. Естественно, что в сочетании с программой ПРМ и деятельностью СЕАП (Совет Евро-Атлантического партнерства) такая активность в укреплении безопасности ведет к дальнейшей консолидации стран европейского субконтинента вокруг НАТО без формальной привязки к Североатлантическому союзу. Как сообщила американская газета «Йелах», США разрабатывает планы «продвинутого партнерства» со Швецией и Финляндией (а также с Австралией и Новой Зеландией). Министр обороны Швеции Лени Бьёрклунд уже заявила о заинтересованности в этом плане.

Как сообщала финская газета «Хельсингин Саномат» 12 декабря 2006 г., накануне саммита НАТО в Риге в декабре 2006 г. Финляндия и Швеция внесли предложение о расширении сотрудничества с НАТО в рамках Совета евроатлантического сотрудничества и программы «Партнерство во имя мира». Речь идет о том, чтобы допустить страны, не являющиеся членами НАТО, к более активному участию в принятии решений и планировании операций. Однако это предложение не получило поддержки, но было обещано вернуться к нему позднее.

Конечно, расценивать указанный процесс можно по-разному. И как стремление создать лучшие предпосылки для участия в миротворческих операциях совместно с НАТО, и как подготовку к вступлению в недалекой перспективе в эту организацию. Будущее покажет. Во всяком случае, когда руководство Финляндии и Швеции окончательно определится в этом вопросе, необходимая работа к этому времени уже будет проделана, и каких-либо трудностей, связанных с военными аспектами членства — в отличие от многих других стран «второй волны» расширения — не возникнет. Вновь процитируем генерала Г. Хэгглунда. Еще в 1999 г. он отмечал: «Мы говорим с НАТО на одном языке, и Финляндия во всем существенном готова для членства в НАТО». А тогдашний министр обороны А. Тайна выразилась, хотя и метафорически, но еще более определенно: «Мы помолвлены, но день свадьбы еще не определен». Преемник Хэгглунда адмирал Ю. Каскеала подтвердил, что финская армия полностью готова к вступлению в НАТО[1].

Короче говоря, если отказ от военного неприсоединения станет фактом, то это произойдет не потому, что упомянутые выше военные или другие угрозы приблизились. К этому приведет сама логика и динамика развития «шаг за шагом» сближения и военно-политического взаимодействия со структурами НАТО.

6.2.4. Когда и как это может произойти?

Представляется, однако, что принятие политического решения в отношении вступления Финляндии и Швеции в НАТО потребует еще некоторого времени, в перспективе следующих 4–5 лет, в связи с очередными парламентскими выборами в этих странах (в Швеции в 2010 г., в Финляндии в 2011 г.). А в 2012 г. истекает срок полномочий президента Финляндии Тарьи Халонен, которая до сих пор последовательно заявляла, что в настоящее время нет причин для изменения нынешней

[1] Keskisuomalainen. 03.09.2002.

внешней политики страны. Нет оснований сомневаться в искренности нынешней позиции президента Финляндии. Но следует помнить, что политика «опций» сохраняется, и возможные сценарии зависят не только от доброй воли президента. Тем более что внешнеполитические прерогативы президента в соответствии с конституционной реформой 2000 г. существенно сократились в пользу премьер-министра и парламента. А в декабре 2005 г. в парламент было внесено новое предложение об ограничении полномочий президента.

Стоит отметить, что в соответствии с опросами общественного мнения 49% финнов заявили, что, если руководство Финляндии все же решит подать заявку в НАТО, они будут готовы поддержать это решение, «если для этого будет достаточная мотивировка».

Видимо, можно ожидать, что Финляндия и Швеция в вопросе о возможном вступлении в НАТО будут действовать скоординированно и подадут заявки одновременно (как это было в случае с ЕС).

Правда, некоторые исследователи не исключают, что в Финляндии само принципиальное решение о вступлении в НАТО будет принято раньше, не дожидаясь шведов. При этом ссылаются на то, что в последние годы финны проявляют большую склонность действовать в вопросах безопасности независимо от Швеции. Это наглядно проявилось в вопросе о евро. Финляндия присоединилась к Европейскому валютному союзу, мотивируя это, в частности, соображениями обеспечения своей безопасности, в то время как Швеция предпочла остаться вне зоны евро.

Однако подобный вариант в отношении членства в НАТО представляется маловероятным. Для Швеции геополитическое положение Финляндии как страны, расположенной между ней и Россией, всегда имело специфическую важность. Вряд ли шведы захотят, сохраняя политику неприсоединения, иметь между собой и Россией натовскую Финляндию. Да и вообще, захотят ли они остаться в одиночестве на Севере Европы и Балтике, если все другие страны этого региона будут членами НАТО, а она окажется «неприсоединившимся анклавом» внутри североевропейского фланга НАТО?

Председатель комиссии по обороне финского парламента Юха Коркеаойя (Партия центра) заявил, что Финляндия не должна вступать в НАТО, если Швеция останется вне альянса.

6.2.5. Вопросы без ответа

В связи с перспективами вступления Финляндии и Швеции в НАТО возникает немало вопросов — и не только у жителей этих стран.

Многих волнуют, например, такие проблемы, как возможное участие финских и шведских солдат в военных операциях за пределами своей территории, втягивание в конфликты, за которыми стоят нефтяные и другие интересы США. Под вопросом могут оказаться традиционные принципы строительства финской и шведской оборонительной системы — всеобщая воинская повинность и территориальная оборона (в НАТО считают такой подход устаревшим). Не до конца прояснен вопрос, во что же обойдется участие в НАТО. Правда, например, рабочая группа Министерства обороны Финляндии утверждает, что расходы составят не более 70 млн евро в год и могут уложиться в рамки нынешнего бюджета, но многие считают эти подсчеты заниженными.

Многих, особенно финнов, конечно, заботит вопрос о реакции России (хотя ряд политиков призывают не обращать на это внимание), о том, как это скажется на двусторонних отношениях с Россией.

Об этом сейчас трудно сказать что-либо определенное. Ясно, что никто не собирается оспаривать право Финляндии и Швеции как суверенных государств самостоятельно принимать решения в области обеспечения своей безопасности. Если и эти наши северные соседи все же вступят в НАТО, то это произойдет независимо от того, нравится ли нам это или нет. При этом мы уверены, что Финляндия и Швеция, как и другие государства региона, сами по себе не несут какой-то угрозы интересам России.

Не думаю, что в плане двусторонних отношений России с этими странами принципиально вряд ли что изменится. Но новые моменты могут появиться. Президент В.В. Путин, отвечая на вопрос об отношении России к возможному вступлению Финляндии в НАТО, заявил на пресс-конференции 1 февраля 2007 г.: «Мы не уверены, что расширение военно-политических блоков вообще, и Североатлантического союза в частности будет помогать безопасности в мире». Что касается российско-финляндских отношений, то президент подчеркнул: «Приближение военной инфраструктуры к российской границе не будет способствовать улучшению сотрудничества между нашими странами».

Вопрос должен рассматриваться в более широком контексте российских озабоченностей в связи с изменениями ситуации на Севере Европы и конкретной дальнейшей линией НАТО. Есть ряд проблем, которые непосредственно или косвенно затрагивают национальные интересы России, которые нельзя игнорировать.

Речь в первую очередь идет о том, что вступление Финляндии и Швеции в НАТО завершило бы начатое первой и второй волнами

расширения НАТО радикальное изменение военно-политической конфигурации и баланса сил на всем Севере Европе, который всегда был стратегически важной зоной с точки зрения обеспечения национальной безопасности России и оставался до сегодняшнего дня наиболее спокойным. Исчезла бы такая важная составляющая сложившегося баланса сил и сохранения стабильности в регионе, как финская и шведская политика военного неприсоединения. Если использовать терминологию НАТО, то, в отличие от стран Балтии, Финляндию и Швецию с их высоким и самым современным уровнем обороноспособности (в сочетании с активно развивающимся с сотрудничеством с НАТО) и предсказуемости никак нельзя причислить к «серой зоне».

Замкнулся бы круг охвата Североатлантическим альянсом нашей страны с северо-западного направления в дополнение к другим периметрам на Западе и Юге. Непосредственное соприкосновение блока и его военных структур с нашими рубежами возросло бы на 1300 км российско-финляндской границы, являющейся самой протяженной линией соседства России с Западом в Европе. Если к этому добавить общие границы со странами Балтии и Норвегией, то разделительная линия с НАТО пройдет по всему Северу Европы и региону Балтийского моря.

Фактически все воздушное пространство Северной Европы оказалось бы под контролем НАТО. Балтийское море стало бы «морем НАТО» — за исключением его российской части в Финском заливе и в районе Калининграда. Прорубленное Петром для российского флота «окно в Европу» превратилось бы в «форточку», которую при определенных сценариях легко захлопнуть.

Нас хотят успокоить тем, что между НАТО и Россией в связи с присоединением стран Балтии к Североатлантическому альянсу достигнуты договоренности о правилах поведения альянса в новых условиях на Севере Европы, которые будут действовать и случае его дальнейшего расширения в этом регионе. Заявления представителей нашего МИДа о том, что российские озабоченности теперь сняты, не очень убедительны, хотя, видимо, на дипломатическом уровне достигнут максимум в возможном компромиссе. Но ведь компромиссные формулировки часто могут быть предметом различных толкований.

Что касается размещения ядерного оружия, то в отношении Финляндии данный вопрос вообще не возникает, и это не зависит от НАТО. Финны взяли на себя обязательство не иметь такого оружия еще по мирному договору 1947 г. и не собираются от него отходить. Другое дело — размещение иностранных военных структур на терри-

тории Финляндии, ее приспособление и освоение для нужд НАТО, которые далеко не всегда могут совпадать с потребностями обороны самой Финляндии.

Суть договоренностей (насколько юридически обязывающими они являются?), достигнутыми 2 апреля 2004 г. на заседании Совета Россия–НАТО, сводится к тому, что новые члены союза будут «воздерживаться» от размещения на «постоянной основе» на своих территориях «существенных» иностранных боевых сил — как наземных, так и воздушных. Вопрос о постоянном базировании не нов. Он постоянно возникал, например, в отношении Норвегии, которая еще при вступлении в НАТО в 1949 г. провозгласила так называемую внебазовую политику. И действительно, постоянного размещения иностранных войск на ее территории не было. Однако указанная политика шаг за шагом размывалась, осуществлялось своего рода переменное базирование, освоение военных инфраструктур, в том числе путем совместных учений с участием подразделений НАТО.

При нынешней технологии военных действий вопрос «постоянного» базирования и «существенных» боевых сил, как думается, уже не имеет такого значения, как раньше. Главное — узаконивается возможность размещения иностранных боевых сил и соответствующих военных объектов на территориях всех новых членов НАТО — непосредственных соседей России.

Представляется, что есть и еще один важный аспект, который не должен не беспокоить не только непосредственных северных соседей России, но и другие страны, обретшие свою независимость в результате распада СССР. Ведь дальнейшее расширение НАТО в Северной Европе — это часть глобальной политики Вашингтона, который все больше претендует на роль единственного гаранта мира, причем с использованием военно-политических методов, и, если потребуется, в обход ООН. Налицо попытки атлантизации всего постсоветского пространства по всем периметрам, включая западный и южный, в том числе Украину, Белоруссию, Киргизию, Узбекистан, Закавказские республики.

Вряд ли, например, такая страна как Белоруссия, среди важных составляющих политики которой фигурирует и бассейн Балтийского моря, может спокойно реагировать на военную активизацию НАТО в этом районе. Недавно принятые в Североатлантический союз страны Центральной Европы, соседствующие с Украиной, уже почувствовали дискомфорт от размещения на их территории военных объектов. Новые угрозы для безопасности этих стран создают планы США по размещению противоракетных систем в Чехии и Польше.

Что касается общего уровня вооруженных сил в Северной Европе, то возлагаются надежды на присоединение стран Балтии к адаптированному Договору об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) после его ратификации. Неизвестно только, как скоро она совершится — США, насколько известно, не отказались еще от увязки ее с отказом России от военных баз в Грузии и Молдавии. Для Финляндии проблем здесь не видно — еще в 1987 г., заявив (в одностороннем порядке) о прекращении действия статей мирного договора 1947 г., устанавливавших количественные пределы для финских вооруженных сил, она заверила, что не собирается выходить за них.

6.2.6. Россия не может оставаться пассивной

Какие ответные шаги предпримет Россия, сейчас говорить преждевременно, возможны различные сценарии. Ясно одно — Россия не сможет оставаться пассивной, если НАТО вплотную приблизится к ее северо-западным рубежам. Но при этом ответные шаги должны основываться на наших действительных возможностях, а не носить характера словесных угроз и драматических заявлений, которыми характеризовалась российская позиция ранее, когда обозначилась возможность расширения НАТО на Восток.

В 1997 г. Россия в одностороннем порядке сократила на 40% количество своих вооруженных сил и вооружений в Ленинградском военном округе — проблема, которая немало волновала финнов. Восстановление прежних уровней, в случае необходимости, вполне возможно. Точно так же могут потребоваться меры в связи с тем, что Калининград, который играет особую роль в оборонной политике России, сейчас, по сути дела, превратился в «российский анклав» не только внутри Евросоюза, но и НАТО. Нельзя исключать, что количество вооруженных сил и вооружений, которые до сих пор дислоцировались в этом регионе, и которое было значительно ниже фланговых уровней, определенных ДОВСЕ, придется поднять до установленных пределов.

Уже начата серия российских военных маневров на западном направлении, которые, видимо, станут более интенсивными в связи с действиями НАТО по расширению на Восток. Недавно прошли учения на Балтике, возможны и другие подобные мероприятия в Ленинградском военном округе.

В российской печати появились сведения о том, что в Белоруссии, помимо ракет С-300, могут быть размещены воинские части и подразделения российских вооруженных сил. Кроме средств ПВО, в белорус-

скую армию будут поставлены на льготных условиях новые оперативно-тактические комплексы «Искандер», имеющие радиус дальности до 500 км и по своим поражающим факторам аналогичные ядерным боеприпасам малой (радиус поражения до 800 м) и сверхмалой мощности (до 400 м). Если они будут размещены и в Калининградской области, то практически возникнет возможность контролировать воздушное пространство Польши и стран Балтии. В связи с американскими планами создания системы ПРО с сентября 2007 г. поставлены на боевое дежурство самолеты дальней авиации.

Нет сомнений в том, что российские военные рассматривают и другие варианты. Важно, однако, что окончательные решения будут приниматься на высшем политическом уровне.

В любом случае России следует и дальше не только внимательно отслеживать происходящее на Севере Европы в контексте своих национальных интересов, но и иметь более четкую, многовариантную — и взвешенную — линию. И не только доводить позицию до своих партнеров, но и откровенно, предметно обсуждать ее с ними. Короче говоря, желательно более активно вводить эту проблематику в повестку дня контактов со странами Северной Европы и НАТО — как официальных, так и неофициальных, — наладить действительный диалог с целью нахождения баланса интересов, чтобы сохранить стабильность и конструктивное взаимодействие в регионе Севера Европы.

Варианты могут быть различными. Россия уже заявляла о готовности обсудить вопрос о гарантиях безопасности странам Северной Европы на взаимной, односторонней или «перекрестной» основе. Можно вспомнить и примеры Норвегии и Дании, которые при вступлении в 1949 г. в НАТО взяли на себя обязательства (правда, в одностороннем порядке, но закрепленные решениями парламентов) не размещать на своих территориях (за исключением Гренландии) иностранных вооруженных сил и ядерного оружия в мирное время, и в целом их выполняют.

Для того чтобы снять взаимные озабоченности в области военной безопасности (а они существуют и у северян в отношении нашего Северного флота, обладающего ядерными подводными лодками, других военных объектов на Кольском полуострове, в Калининграде, в Ленинградском ВО) можно обсудить более конкретные меры, которые обеспечивали бы прозрачность и предсказуемость действий сторон, предотвращение недоразумений, а тем более конфликтных ситуаций. Особое место следует отвести совместной разработке новых мер укрепления доверия, безопасности (МДБС) — с использованием опыта СБСЕ/ОБСЕ, но применительно к специфике Северной Европы.

И здесь есть немало вариантов, и многие из них уже предлагались Россией. Например, установка «горячей линии» между военным командованием в Калининградской области и в странах Балтийского региона, договоренность о взаимном посещении военных объектов, совместные учения и др. Можно было бы обсудить и другие меры доверия, которые выходили бы за рамки венских документов и положили начало новому поколению МДБС. Необходимо развить понятие региональных мер доверия — вначале применительно к Балтике, затем ко всему Северу Европы, а в последующем — и к другим регионам континента.

Особое значение, как представляется, имела бы разработка мер доверия в области военно-морской деятельности. Ведь эта важная деятельность до сих пор остается за скобками и европейских мер доверия, и всего процесса разоружения в Европе. Например, обсудить такие меры, как ежегодный обмен планами военно-морских учений, определение акватории Балтийского моря, в которых страны будут воздерживаться от военно-морских учений, уведомление о военно-морской деятельности, в том числе проводимой совместно с ВМС небалтийских государств.

А почему бы не подумать о создании совместного центра контроля над воздушным пространством стран Балтии, сопредельных российских областей, северных стран, Германии, Польши? Кстати, сходную идею выдвигал в свое время Улоф Пальме, правда, применительно к Центральной Европе. Такой совместный центр мог бы быть создан, к примеру, на Готланде или на Аландских островах. Создание подобного международного центра не ущемляло бы национального суверенитета соответствующих стран.

В целом же отказ от форсированного процесса вступления Финляндии и Швеции в НАТО мог бы стать важным элементом укрепления доверия, сотрудничества и безопасности на Севере Европы и в регионе Балтийского моря. Если все же вступление станет фактом, то нужно заранее, совместно, с учетом взаимных интересов подумать о том, как минимизировать отрицательные последствия этого факта для сохранения стабильности в Северной Европе и предотвращения новых конфликтных районов в мире.

6.3. Северные страны и военное измерение Евросоюза

Из стран — членов Евросоюза наиболее положительное отношение к общей внешней политике и политике в области безопасности (ОВПБ) проявляют вступившие в ЕС в 1995 г. и проводящие до сих пор полити-

ку военного неприсоединения Финляндия и Швеция, хотя в их линии есть свои нюансы, накладывающие отпечаток на их общую политику в сфере безопасности и обороны. Свою особую позицию занимает Дания, ставшая одним из основателей НАТО и являющаяся единственной из северных стран, входящих в ЕС, одновременно и членом НАТО[1].

6.3.1. Финляндия

Изменения во внешней политике Финляндии после окончания «холодной войны», ее европеизация, в самой существенной степени связаны с членством в ЕС. Решение о подаче заявки на членство в ЕС было одним из центральных элементов в формировании новой внешнеполитической линии. Хотя внешне изменения выглядели быстрыми, они проходили в несколько этапов — при сохранении там, где это было возможно, преемственности прежней линии (в отличие от стран бывшего Варшавского договора). «Старая» политика не была объявлена неудачной, просто она во многом не отвечала новым реалиям[2].

Став членом ЕС, Финляндия поддержала ОВПБ и распространение сотрудничества на военную сферу, выразив готовность принять участие в общей европейской политике безопасности и обороны (ЕПБО).

При подписании Амстердамского договора 1997 г. она вместе со Швецией предложила включить в него так называемые петерсберг-ские задачи (по названию резиденции Петерсберг вблизи Бонна, где в июне 1992 г. проходило заседание ЕС, которое определяло задачи гуманитарного и спасательного характера, операций по поддержанию мира и «управлению кризисами», включая силовые методы).

На саммите в Хельсинки в декабре 1999 г. все члены ЕС, включая проводящих политику военного неприсоединения и исключая Данию с ее оговорками в отношении ОВПБ, поддержали идею создания к 2003 г. общего военного контингента для управления кризисами. При этом подчеркивалось, что это не означает создания общей обороны ЕС. Важную роль в принятии такого решения сыграл балканский кризис.

Финляндия с самого начала активно участвовала в развитии деятельности ЕС по управлению кризисами[3]. В период председательство-

---

[1] Grieger Nina, Larsen Henrik, Ojanen Hanna. *The ESDP and the Nordic Countries. Four Visions on a Theme.* NDCFP. 2002. No 16.

[2] Forsberg Tuomas. *Suomen ulkopolitiiikan europpalaiastuminen.* Europpa — tiedotus. 2002. No 2.

[3] Конкретные данные по отдельным странам даются по соответствующим сайтам Интернета программы CFSP Watch, составляемой с 2003 г. на основе национальных отчетов стран, участвующих в ОВПБ.

вания Финляндии в ЕС на саммите в Хельсинки в декабре 1999 г. было принято решение о создании до конца 2003 года общего контингента для управления кризисами (Helsinki Headline Goal) численностью 50–60 тыс. человек с двухмесячной готовностью. Одновременно высказывалась и идея о необходимости создания более мобильных подразделений быстрого реагирования.

На первой межправительственной конференции в ноябре 2000 г. она заявила о готовности выделить в распоряжение общего контингента ЕС 1500 военнослужащих, а затем увеличила свою квоту до 2000 человек. Новым элементом стало создание северного контингента НОРДКАП (Nordic Coordinated Arrangement for Peace Support, NORDCAPS), в распоряжение которого Финляндия выделила 400 человек. Финны активно участвуют в работе органов ЕС, занимающихся развитием ресурсов для операций по управлению кризисами (European Capabilities Action Plan — ECAP).

В 2001 г. началось создание специальных военно-штабных и других структур в области управления кризисами. Первым председателем одного из важнейших органов — Военного комитета в 2001 г. стал финский генерал Густав Хэгглунд (ушел в отставку в 2004 г.).

Поскольку Финляндия занимает особое геополитическое положение (общая граница с Россией), ее линия по некоторым вопросам отличается от других стран ЕС.

Финны не поддержали и не поддерживают идею перехода к созданию общей обороны ЕС, хотя, по словам президента Т. Халонен, это может стать одной из альтернатив в будущем. Она также выступила против идеи гармонизации национальных решений в области обороны в рамках ЕС.

Финляндия является единственной из стран ЕС, не подписавшей Оттавскую конвенцию 1997 г. о запрещении противопехотных мин. В результате давления со стороны других стран ЕС и неправительственных организаций финское правительство обязалось поддержать договоренности, которые позволили бы заменить противопехотные мины.

Будучи членом ЕС, Финляндия присоединилась ко многим западным взглядам на международные кризисы. В отличие от линии, проводившейся во времена «холодной войны», Финляндия признала применение силовых методов в обход ООН, но только в исключительных ситуациях. Основываясь на полномочиях ООН, страна оказала поддержку военным операциям в Персидском заливе. Также Финляндия одобрила позднее бомбардировки Багдада, поскольку Ирак отказался сотрудничать.

Труднее оказался выбор в косовском кризисе, где применение силы США не имело мандата ООН. Вначале Финляндия не поддерживала, но и не осуждала бомбардировок. Позднее в совете ЕС министр иностранных дел Т. Халонен заявила, что, хотя она не считает бомбардировки отвечающим международному праву, Финляндия согласна с формулировкой о том, что эти меры были «неизбежными и оправданными». Президент М. Ахтисаари в свою очередь вскоре после начала военных операций четко начал поддерживать НАТО.

При вступлении в ЕС особо сложной проблемой для Финляндии считали ОВПБ. За последние годы положение изменилось. Финляндия стала одной из наиболее активных сторонниц и участниц ОВПБ. Это стало возможным благодаря тому, что сохраняется граница между управлением кризисами и общей, коллективной обороной[1].

Внешняя политика Финляндии как члена ЕС следует стратегии «образцового ученика». Она стремится показать, что страны, проводящие линию военного неприсоединения, не мешают укреплению ОВПБ. Проявляя активность и положительное отношение, Финляндия стремится обеспечить себе и влиятельное положение в ЕС. Ее голос слышат. Президент Халонен считает, что «влияние Финляндии на важные вопросы в ЕС, несомненно, более значительно, если бы она осталась вне союза».

В целом, Финляндии в рамках ЕС удалось пока сохранить свою линию в отношении политики военного неприсоединения, не теряя своего положения в принятии решений по вопросам ОВПБ. Хотя, если вспомнить дискуссии перед вступлением в ЕС, то можно, пожалуй, констатировать, что Финляндия подошла к военному присоединению ближе, чем думали, но негативные последствия такого сотрудничества, прежде всего для отношений Финляндии и России, оказались менее существенными, чем предполагалось.

Сразу же после вступления в ЕС Финляндия четко дала понять, что ее прежняя политика нейтралитета не будет налагать каких-то ограничений на ее участие в ОВПБ. Как и другие неприсоединившиеся страны, Финляндия выразила желание получить статус наблюдателя в ЗЕС в начале 1995 г. Это не вызвало особых политических дискуссий в стране.

Тем не менее стало ясно, что в новой политической ситуации политика неприсоединения должна проводиться с большей гибкостью, чем это было возможно во времена «холодной войны».

---

[1] Teija Tiilkainen. *Finland as Active Member of the Common European Security and Defence Policy* // www.etla.fi Articles 4/2001).

Межправительственная конференция 1996 г. поставила вопрос об углублении сотрудничества в области обороны в центр политической дискуссии, и вынудила правительство найти соответствующую формулировку политики по этому вопросу. Финляндия разработала линию, которая позволяла сохранить определенную преемственность в отношении общей политики ЕС в области обороны. Эта линия стала основой совместной финляндско-шведской инициативы на межправительственной конференции 1996 г. Обе страны подчеркнули необходимость создать возможности применения военной силы ЕС для управления кризисами, а также предусмотреть возможность для неприсоединившихся стран — членов ЕС принимать участие в такой деятельности в рамках их политики. Цель указанной инициативы была двойственной. С одной стороны, выразить готовность двух неприсоединившихся стран — членов ЕС участвовать в расширении интеграции в военной области. С другой, выразить стремление ограничить сферу интеграции в военной области проблемами управления кризисами, оставляя вопросы территориальной обороны за НАТО.

Хотя правительство Финляндии стремилось свести оборонительное измерение ЕС к управлению кризисами, это не противоречило — во всяком случае, официально — более далеко идущим формам интеграции в этой области. В позиции Финляндии на конференции 1996 г. подчеркивалось, что управление кризисами может быть отделено от обычных функций обороны, которые для стран — членов НАТО находятся под контролем и ответственностью этой организации, а для неприсоединившихся стран является их собственным делом.

Амстердамский договор 1997 г. принес, судя по всему, облегчение для неприсоединившихся стран, поскольку он соответствовал необходимости углублять оборонительное измерение путем создания военных возможностей ЕС для управления кризисами. Это был успех для Финляндии и Швеции, хотя одно важное изменение было сделано по настоянию ряда ведущих членов ЕС (в меморандуме Финляндии и Швеции задачи нового управления кризисами формулировались как «гуманитарные задачи и управление кризисами военными способами и другие элементы общей политики в области обороны, которые будут определены в долгосрочной перспективе». Окончательно принятая формулировка соответствовала тексту петерсбергских задач (Petersberg Declaration, WEU Council of Ministers 1992), согласно которому речь шла о том, что управление кризисами «...должно включать гуманитарные и спасательные задачи, миротворчество и задачи

боевых сил в управлении кризисами, включая установление мира (peace-making)».

Однако ситуация изменилась в результате саммита в Сан-Мало осенью 1998 г., после неожиданного поворота в позиции Великобритании, которая вместе с Францией выступила за ускорение создания общей обороны.

Это вызвало озабоченность Финляндии. Воспользовавшись своим председательством в ЕС в 1999 г., она перевела эту проблему в плоскость создания системы и средств для операций по управлению кризисами, включая создание общего контингента ЕС для этих целей и соответствующих структур, а также подразделения быстрого реагирования.

Финляндия, начиная с 1956 г., одной из первых активно включилась в миротворческие операции. В них приняли участие более 40 тыс. финских миротворцев, в среднем 2000 в год — больше, чем предоставляли многие другие страны мира. В 2007 г. было принято решение об участии финских военнослужащих в Чаде и Центрально-Африканской Республике.

До 1995 г. законодательство Финляндии об участии в миротворческих операциях основывалось на двух принципах. Первый — необходимость мандата ООН или ОБСЕ. Второй — запрет участия в операциях по установлению мира (peace enforcement). Финским солдатам разрешалось применять оружие только в целях самообороны. Более гибкую позицию Финляндии пришлось занять после вступления в ЕС. Был внесен ряд поправок в законодательство с целью позволить принимать участие в новых типах операций по управлению кризисами, зафиксировано право на «расширенное миротворчество», подразумевая и применение силовых методов. Новая поправка в 2001 г. еще больше адаптировала законодательство Финляндии к договорам ЕС, которые начиная с 1999 г., давали право ЕС на проведение любых форм операций по управлению кризисами. Был отменен запрет на участие в операциях по установлению мира. В парламенте обсуждается новый закон об участии финских военнослужащих в операциях по управлению кризисами. Внесено положение, что решение об этом принимается президентом Республики.

Финляндия весьма активно участвует в реализации идеи подразделений быстрого реагирования ЕС. Она участвовала в первой военной операции ЕС «Алтейя» в Боснии–Герцеговине (направлено 200 военнослужащих). Она полностью поддержала решение совещании министров обороны ЕС, принятое в ноябре 2004 г. в Брюсселе о создании до конца 2007 г. 13 специальных подразделений быстрого

реагировании, с численностью каждого до 1500 человек. Финляндия сразу же объявила о намерении создать совместно со Швецией и Норвегией общий контингент быстрого реагирования, в распоряжение которого будет выделено 200 финских военнослужащих. Первый контингент будет предоставлен в распоряжение ЕС на период 1–30 июня 2008 г. Координация его деятельности возложена на Швецию. Предусматривается также практическое сотрудничество с Постоянным объединенным штабом Великобритании. К участию в финляндско-шведско-норвежском контингенте приглашены и другие страны. Финляндия взяла на себя также обязательство выделить 130 солдата для участия в совместном с Германией и Нидерландами контингенте быстрого реагирования.

В связи с решением ЕС о создании совместных военных контингентов для операций по управлению кризисами и подразделений быстрого реагирования в Финляндии возникла оживленная дискуссия вокруг вопроса, кто должен принимать решение об их применении. До сих пор национальное законодательство предусматривало, что миротворческие операции могут быть осуществлены только по мандату Совета Безопасности ООН или ОБСЕ. Эту линию отстаивала и президент Т. Халонен в связи с операциями по управлению кризисами, хотя премьер-министр М. Ванханен придерживался иного мнения.

Однако весной 2005 г. Халонен внесла существенные коррективы в свою позицию. Находясь во Франции с официальным визитом, она заявила в одном из интервью, что «готова согласиться с участием Финляндии в новых подразделениях быстрого реагирования, даже если их операции не будут иметь поддержки ООН»[1]. «Конечно, могут возникнуть ситуации, когда не будет приниматься решение Совета Безопасности ООН», — заявила президент Финляндии, но добавила, что такие исключения не должны стать руководящим принципом операции ООН. Участие в операциях ЕС по быстрому реагированию требует внесения изменений в финское законодательства, чем сейчас занимаются правительство и парламент.

Халонен упомянула о некоторых сценариях, когда будет невозможным получить мандат ООН. Например, когда одна из сторон, участвующих в конфликте, сама обратится за помощью к ЕС. Или она заблокирует решение, сославшись на его несоответствие целям ООН. Кроме того, Совет Безопасности ООН может разойтись во мнении относительно одобрения мандата. Однако она уклонилась от ответа на вопрос, какой из упомянутых вариантов сделает легитим-

[1] Helsingin Sanomat. 03.03.2005.

ным исключение из до сих пор существовавшего порядка[1]. Халонен также напомнила, что члены ЕС Франция и Великобритания являются одновременно постоянными членами Совета Безопасности ООН, и если они выступят против решения, то и ЕС не сможет достигнуть единогласия.

Серьезные разногласия возникли в Финляндии в связи с вопросом о принятии Европейской конституции (ЕК). В мае 2006 г. 50 депутатов финского парламента (то есть 1/4) в основном из числа оппозиции внесли предложение о проведении консультативного референдума, мотивируя это тем, что Европейская конституция фактически лишает народ права принятия решений по важнейшим вопросам и передает его Евросоюзу.

При обсуждении проекта ЕК в части, касающейся гарантий безопасности, Финляндия выступила за более мягкую формулировку о солидарности и была поддержана новыми членами ЕС, которые не хотели брать на себя новых обязательств сверх того, что на них накладывает членство в НАТО.

Финляндия способствовала модификации положения о взаимной обороне. Она не согласилась с положениями о связывающих гарантиях безопасности, поскольку это противоречило бы ее политике неприсоединения.

Начиная с переговоров по Амстердамскому договору, Финляндия поддерживала возможность квалифицированного большинства при голосовании по вопросам ОВПБ. Финляндия поддерживает создание военно-гражданской структуры (cell) в рамках Военного штаба ЕС (EUMS), считая, что гражданские и военные аспекты деятельности ЕС по управлению кризисами должны развиваться в тандеме. Поэтому важно укреплять механизмы их взаимной координации.

Позиция Финляндии в отношении возможного создания полномасштабного оперативного штаба (командования) является сдержанной. Финляндия не считает, что создание постоянного оперативного командования пока является желательным, поскольку это станет сигналом к большему углублению интеграции в области обороны, чем это было согласовано до сих пор. Вместо этого, оперативные штабы должны функционировать гибко по принципу *ad hoc*.

Как основной принцип, Финляндия считает, что новые положения, касающиеся обороны, и развитие различных институтов не должно привести к милитаризации ЕС и создать впечатление, что союз стремится стать великой военной державой.

---

[1] Demari. 03.03.2005.

Во время переговоров по проекту ЕК Финляндия согласилась с тем, что все члены в принципе обязаны защищать друг друга — пока не включено упоминание о формальных взаимных обязательствах в области обороны. На заключительной стадии переговоров в декабре 2003 г. Финляндия не согласилась с формулировкой о взаимных оборонительных гарантиях, предложенной Италией, и выдвинула формулировку, которую поддержали другие неприсоединившиеся страны: «В случае, если государство — член союза станет жертвой агрессии, это может потребовать, чтобы другие государства — члены союза оказали ей помощь и содействие всеми средствами, имеющимися в их распоряжении, военными или иными, в соответствии со статьей 51 Устава ООН».

В окончательную формулировку положений о взаимной обороне (ст. 1–41.7) проекта, принятого в июне 2004 г., была включена оговорка о том, что «они не создают прецедента для сохранения особого характера политики безопасности и обороны отдельных государств — членов союза». Это было приемлемо для Финляндии и других неприсоединившихся стран.

Однако линия правительства Финляндии относительно гарантий безопасности подверглась критике во внутренней финской дискуссии, как подрывающая общее положение Финляндии в союзе и являющаяся «двусмысленной». Например, руководство коалиционной партии, которая до парламентских выборов 2007 г. была крупнейшей из оппозиционных (после выборов она вошла в правительство), заявило, что Финляндия могла бы быть в наибольшем выигрыше от гарантий безопасности как страна, не являющаяся членом НАТО.

Финляндия вначале с большой сдержанностью отнеслась к идее постоянного структурированного сотрудничества. Вообще, по ее мнению, не следовало бы создавать какую-то внутреннюю группу для развития политики безопасности и сотрудничества, состав которой определяли бы сами страны, входящие в нее. По мнению правительства Финляндии, этим должен заниматься весь Евросоюз как таковой и поэтому все члены должны иметь возможность участвовать во всех аспектах ОВПБ.

Финляндия поддерживает идею о том, чтобы Агентство по оборонительным вооружениям (АОВ — DEA) стало институциональным ядром — но не для централизованно управляющего органа ЕПБО, а для централизованно координирующего. По мнению премьер-министра Матти Ванханена, от этого получила бы пользу оборонная промышленность Финляндии. Финляндия не поддерживает идею создания специального бюджета ЕС для обороны.

6.3.2. Швеция

Позиция Швеции во много сходна с линией Финляндии, и нередко они действуют совместно.

При обсуждении проекта Европейской конституции Швеция выступала за то, чтобы главным принципом было единогласие, но допускала и квалифицированное большинство, когда, по мнению некоторых стран, предлагаемые решения противоречили их национальным интересам.

Считая принцип единогласия в вопросах, касающихся военных и оборонительных аспектов весьма важным, Швеция рассматривает ОВПБ как сферу, где важно иметь полную поддержку всех ее участников.

ЕПБО должна развиваться в соответствии с изменениями проблем глобальных угроз и проблем безопасности. Поэтому развитие петерсбергских задач рассматривается в этой связи как естественный процесс. Идея же структурированного сотрудничества, однако, может вызвать напряженность между членами союза и ослабить ЕПБО. Все члены должны участвовать в принятии решений.

Являясь неприсоединившейся страной, Швеция поддерживает сотрудничество с НАТО в урегулировании кризисов, за исключением вопросов, определенных ст. 5 Североатлантического договора. Шведы считают, что более глубокое политическое сотрудничество, усиление возможностей ЕС в области политики безопасности и обороны как глобального фактора имеет центральное значение в укреплении более равноправного трансатлантического сотрудничества[1].

Предложение о солидарности Швеция также поддерживает, но при условии, что она не отождествляется с какими-либо обязательствами в области обороны. Возможные различные толкования указанного предложения, по мнению шведов и финнов, ослабляют общую внешнюю политику союза, для которой важно, чтобы ЕС выступал с единых позиций.

В отношении взаимной обороны должна проявляться гибкость — вступая в ЕС, Швеция обещала не чинить препятствия другим странам в осуществлении их прежнего тесного сотрудничества в части, касающейся совместной обороны, но выражает сожаление по поводу акций, которые ведут к созданию разграничительных линий внутри

---

[1] Lindh A. *Sweden in Europe.* Stockholm: speech addressed at the Swedish Institute of International Affairs, 16 December, 1998.

ЕС и тем самым затрудняют выработку общей политики по отношению к третьим странам.

Руководство Швеции считает, что, возможно, для неприсоединившихся стран легче выполнять задачи ОВПБ, поскольку тогда не приходится вступать в конфликт между задачами НАТО и ЕС.

Европейская стратегия безопасности и создание возможностей по управлению кризисами рассматриваются Швецией как имеющие весьма важное значение для продолжения развития, при котором ЕС может стать одним из главных факторов безопасности в мире.

Доклад правительства по вопросам обороны от 23 сентября 2004 г. отдает высокий приоритет управлению международными кризисами и подчеркивает необходимость для Швеции участвовать в этих операциях, а также необходимость для ЕС взять на себя больше ответственности на глобальном уровне и повысить свои возможности в этой области.

В соответствии с этим одним из центральных вопросов является вклад в потенциал ЕС по управлению кризисами и, в частности, создание контингента быстрого реагирования под руководством Швеции. Контингент (1500 человек) включает 1100 шведов, а также финнов и норвежцев. Он должен быть в оперативном состоянии к 1 января 2008 г. Предполагается, что шведские подразделения будут участвовать в двух крупномасштабных операциях — в каждой силами до батальона. Одновременно шведские подразделения смогут участвовать еще в трех, менее крупных миссиях.

Шведские подразделения смогут участвовать в выполнении любых операций ЕС, в том числе и под командованием НАТО, включая укрепление мира, не считая, что это противоречит политике военного неприсоединения. Правительство внесло также предложение создать гражданские группы быстрого реагирования, в дополнение к военным. Доклад правительства 2004 г., который стал частью новой оборонной доктрины, предусматривающий переход от традиционной (территориальной) обороны, базирующейся на угрозе агрессии, к более гибкой и мобильной системе с упором на участие в управлении международными кризисами, вызвал в стране оживленную дискуссию, поскольку предполагал сокращение расходов на оборону и структурную реорганизацию вооруженных сил, прежде всего упразднение подразделений полкового уровня.

Операции ЕС по управлению кризисами в целом, по мнению Швеции, были успешными. Шведы участвовали в «Конкордии» и «Артемисе», затем в «Проксима», «Темезисе» и «Алтейе». Положительную оценку шведы дали действиям ЕС по урегулированию

кризиса в Македонии в 2001 г., где ЕС и НАТО осуществляли взаимодействие, и считают, что такая линия союза могла бы стать моделью на будущее.

В связи с Ираком Швеция (позиция которой была близка к французской и не исключала военных операций, но при условии мандата Совета Безопасности ООН) неоднократно выражала сожаление, что не удалось добиться единой позиции внутри ЕС.

Иракский конфликт был расценен как неуспех для политики ЕС (как и НАТО). Швеция, вообще, не исключала возможных военных операций против Саддама Хусейна, но только по решению Совета Безопасности ООН. Шведы считали, что военным инспекторам (а их возглавлял швед Ханс Бликс) нужно было дать больше времени для расследований. Военные операции, осуществленные без мандата СБ ООН, по мнению Швеции, являются явным нарушением международного права. Швеция считает важным, чтобы ООН как единственная организация, которая может придать международную легитимность применению силы, стала более эффективной в решении новых задач.

Швеция придает большое значение деятельности ЕС по управлению кризисами не только в Европе, но и в более глобальном масштабе, включая Африку, Ближний Восток и Азию. Помимо операции ЕС «Артемис», шведские подразделения принимали участие в операции ООН МОНУК (MONUC) в Конго и миссии ООН в Либерии.

Швеция поддержала идею постоянного структурированного сотрудничества в той формулировке, в которой оно вошло в проект Европейской конституции. Важным элементом шведы считают возможность всех государств — членов ЕС присоединиться к ней. Положительно они относятся и к идее создания военно-гражданской штабной структуры, которая, однако, не должна превращаться в постоянное командование.

Что касается положения о взаимной обороне, то правительство в докладе парламенту в сентябре 2004 г. заявило, что «...хотя Швеция проводит политику военного неприсоединения и поэтому не заключает соглашений, касающихся обязательств по обороне других стран, Правительству трудно представить, что Швеция останется нейтральной в случае, если на другую страну — члена ЕС будет совершено нападение».

Швеция поддерживает создание АОВ (DEA). Это важная область сотрудничества для Швеции с ее сравнительно крупной военной промышленностью. Один из четырех постов директоров АОВ (DEA) предоставлен Швеции. Агентство рассматривается как важный шаг

на пути устранения имеющихся проблем в области вооружений, повышения их эффективности и увеличения потенциала ЕС для операций по управлению кризисами. Во время обсуждения этого вопроса в парламенте представители некоторых партий (умеренные и либералы) высказывали опасения, чтобы деятельность такого агентства не привела к европейскому протекционизму в области производства и торговли оружием. Швеция, во всяком случае на данном этапе, не поддержала идеи о том, чтобы АОВ (DEA) стало своего рода институционализированным ядром производства и поставок вооружений и высказалась против специального бюджета ЕС для обороны. Выступая в Берне 22 октября 2004 г. и сравнивая политику Швеции и Швейцарии, министр обороны Швеции Лени Бьёрклунд, подчеркнул важность того, что «никто из нас не дает или не связан обязательствами по коллективным гарантиям безопасности». Есть и различия, которые связаны с членством в ЕС. Участие Швеции в союзе и, конкретно, в ЕПБО привело к изменениям в основных элементах политики Швеции в области обороны.

Новая ситуация стала главной причиной того, почему Швеция, как и многие другие страны в Европе, отходит от национальной обороны, которая базировалась только на угрозе агрессии. Вместо этого страна стремится к формированию более гибкой, современной обороны, которая была бы способной к быстрым и эффективным международным миссиям.

В самой Швеции продолжается процесс адаптации к новой ситуации, проводится реформа вооруженных сил, которая началась в 90-х годах.

Целями оборонительной доктрины Швеции, как это сформулировано в докладе правительства, одобренном парламентом в 2004 г., является сохранение мира и независимости страны путем содействия предотвращению и управлению кризисами и конфликтами в окружающем мире; отстаивания территориальной целостности; обороны Швеции от вооруженных нападений; защиты гражданского населения и обеспечения наиболее важных общественных функций в случае войны.

Одной из движущих сил для реформирования вооруженных сил Швеции является создание групп быстрого реагирования. Это будет вызовом для вооруженных сил, до сих пор участвовавших в международных операциях и основывающихся на воинской повинности и добровольцах. В Швеции разрабатываются новые формы набора и подготовки для групп быстрого реагирования, включая возможность привлечения контрактников. Это будет означать

повышение пропорции профессиональных военных в международных операциях.

Швеция считает, что не менее важны современная технология и вооружение. Одним из главных элементов реформы является более взаимоувязанная стратегия поставок оборонительного материала, включая координацию НИОКР в области обороны и техническое развитие.

Важным компонентом будет развитие обороны на основе использования информационных коммуникаций и технологий. Швеция будет также обращать особое внимание на развитие промышленного «ноу-хау» в специфических областях, имеющих значение для безопасности, и концентрировать усилия на развитии более ограниченного числа сфер военной промышленности, например, для военно-воздушных сил и командно-контрольных систем, основанных на информационно-коммуникационных технологиях.

Несмотря на общее сокращение оборонительных расходов, Швеция будет увеличивать ассигнования на операции по управлению кризисами.

Сегодня Швеция участвует в четырех крупных операциях по управлению кризисами и конфликтам, а также в ряде небольших миссий. Общее количество персонала, задействованного во всех указанных операциях, на сегодняшний день составляет около 800 человек. Наиболее крупные из операций КФОР (KFOR) в Косово, ИСАФ (ISAF) в Афганистане и УНМИЛ (UNMIL) в Либерии. В докладе правительства 2004 г. предлагается, чтобы шведские подразделения приняли участие еще в двух крупномасштабных операциях (на уровне батальона) и трех более мелких.

Развитие ситуации в Ираке, Северной Корее и Иране, риск того, что международные террористические организации могут попытаться завладеть оружием массового уничтожения (ОМУ) показал, что необходимость увеличения усилий в области разоружения и нераспространения ОМУ возрастает как никогда прежде. На этом фоне тогдашняя министр иностранных дел Швеции Анна Линд в марте 2003 г. выступила с инициативой начать обсуждение повышения роли ЕС в этих вопросах. В июне 2003 г. саммит в Тессалоники принял соответствующую декларацию, принципы стратегии против распространения ОМУ и план действий ЕС в этой области. Осенью 2003 г. эти три документа были сведены в единую Стратегию ЕС против распространения ОМУ. Эта инициатива Швеции была тем более важна, что позиции стран ЕС не всегда совпадали, когда вопросы о ядерном разоружении обсуждались в ООН. Швеция активно действу-

ет также в вопросах, касающихся так называемого легкого оружия, распространения баллистических ракет.

6.3.3. Дания

Позиция Дании в отношении военного сотрудничества с Евросоюзом, хотя она является одним из наиболее его активных участников, имеет ряд особенностей, отличающих ее линию от других северных стран.

Датская политика безопасности исходит из признания ведущей роли США и НАТО и ограниченного участия ЕС в вопросах обороны Европы. Дания всегда более скептически относилась к европейскому измерению обороны, чем большинство других европейских членов НАТО. Основные датские опасения связаны с тем, что участие в оборонительном сотрудничестве с ЕС может ослабить трансатлантические связи с США и НАТО, которые остаются для Дании главными гарантами безопасности.

Именно вопросы формирования общей оборонной политики, которая со временем могла бы быть преобразована в общую оборону, зафиксированные в Маастрихтском договоре 1991 г., стали одной из главных причин бурных дискуссий в Дании.

На референдуме 1992 г. по Маастрихскому договору большинство, хотя и незначительное (50,7% — «против» и 49,3% — «за») выступило против участия в договоре. Однако правительство, получив поддержку семи из восьми партий в парламенте, сумело найти компромисс и получило согласие других членов ЕС на ряд оговорок, в том числе в области ОВПБ, которые и были зафиксированы в Эдинбургском договоре (декабрь1992 г.) и позднее подтверждены в ряде других документов ЕС (Амстердамский договор, договор Ниццы при подготовке Европейской конституции).

Особая датская позиция была оформлена в виде протокола, приложенного к Эдинбургскому договору, в котором говорится, что «ничто в Договоре о Европейском союзе не обязывает Данию стать членом ЗЕС. Соответственно, Дания не участвует в разработке и реализации решений и действий Союза, которые могут иметь последствия для ее обороны, но не будет препятствовать развитию более тесного сотрудничества между государствами — членами Союза». Дания фактически получила статус наблюдателя в ЗЕС, но никогда не претендовала на статус полного члена. В результате Эдинбургский договор с указанными оговорками был одобрен национальным референдумом в 1993 г.

Особая позиция Дании в качестве отдельного протокола была зафиксирована и в Амстердамском договоре 1997 г., пересмотревшим ряд положений Маастрихтского договора и придавшим более конкретные очертания ОВПБ, оборонная составляющая которой довольно четко обозначена на саммите ЕС в Хельсинки в декабре 1999 г.

Однако с середины 90-х годов датское правительство стало более активно поддерживать, хотя и сохраняя низкий профиль, развитие общей политики обороны Европы. В кругах политической элиты все чаще высказывается мнение, что неучастие Дании в ЕПБО ослабляет ее роль в ЕС, возможность влиять на европейские дела.

Правда, Дания принимает участие в гражданских аспектах ЕПБО (например, связанных с полицейскими и юридическими вопросами — представитель датской полиции возглавлял такую миссию в Боснии и Герцеговине), но не участвует в военных операциях по управлению кризисами. Указанные выше оговорки ограничивают представительство Дании во всех органах ЕС, которые занимаются вопросами ЕПБО.

Постепенно стали намечаться некоторые подвижки в позиции Дании в отношении использования военных контингентов для гуманитарных операций. На межправительственной конференции по подготовке Амстердамского договора Дания, хотя и не поддержала прямо, но и не выступила против предложения Швеции и Финляндии о включении в текст договора петерсбергских задач. При разработке Европейской конституции в марте 2003 г. правительство признало, что «развитие после 1992 г. показало большую необходимость усиления сотрудничества в ЕС в области безопасности и обороны. Европейские реалии в новом столетии существенным образом отличаются от периода, когда мы сделали наши оговорки более чем 10 лет назад. Сегодня эти оговорки не соответствуют интересам Дании. В то же время важно, чтобы политика Дании в ЕС по этим вопросам основывалась на необходимой поддержке населения. Отказ от этих оговорок потребует нового референдума».

После того как в июне 2004 г. на саммите ЕС в Ницце была достигнута договоренность о тексте Европейской конституции премьер- министр Дании провел ряд консультаций с партиями, представленными в парламенте, с целью согласовать основу для широкой поддержки. Партии, входящие в правительство (Венстре, Консервативная народная партия), а также находящиеся в оппозиции СДПД, Социалистическая партия и Радикальная Венстре заключили 2 ноября 2004 г. политическое соглашение, в котором указывается ряд областей сотрудничества, где Дания будет играть активную и конструктивную роль. В

отношении ряда особо чувствительных для Дании областей, включая отношение к ЕПБО, сделаны оговорки, в основном повторяющие прежние. Особая позиция Дании зафиксирована в тексте ЕК. С учетом достигнутой договоренности основные политические партии Дании решили рекомендовать населению положительно проголосовать на референдуме по Европейской конституции.

Министр иностранных дел заявил в то же время, что не исключает изменения некоторых оговорок — например, об участии в сотрудничестве в полицейской и правовой областях. Дания будет решать вопросы, связанные с сотрудничеством в этих областях, в каждом отдельном случае. Но, при всех вариантах, это потребует новых обсуждений между сторонами и нового референдума.

В отличие от других северных стран Дания поддержала военные операции США против Ирака и добивалась единодушия среди стран ЕС в этом вопросе. Датское правительство возражало против утверждений, что иракский конфликт подорвет значение ОВПБ и что участие в антисаддамовской коалиции означает переориентацию внешней политики Дании или недовольство ОВПБ. Интересно, что иракский конфликт усилил позитивное отношение партий левой оппозиции к ЕС и к ОВПБ/ЕПБО, считающих, что сильная Европа может стать балансирующим элементом в отношении США. Правительственные партии не соглашаются с этим аргументом, а заявляют, что Североатлантический союз по-прежнему должен оставаться краеугольным камнем военной безопасности страны и Европы в целом.

Дания придает большое значение предотвращению и урегулированию кризисов не только в Европе, но и в Африке, и на Ближнем Востоке. Она активно поднимала эти вопросы, став непостоянным членом Совета Безопасности ООН в 2005–2006 гг.

Дания — единственная из северных стран — членов ЕС, которая, сославшись на свои оговорки, не будет выделять национальный военный персонал в состав Сил быстрого реагирования ЕС, решение о котором было принято на Хельсинкском саммите. Не приняла она участия и в финляндско-шведско-норвежской боевой мобильной группы «Нордик Бэтл Груп».

6.3.4. Норвегия

В Норвегии, не являющейся членом Евросоюза (на очередном референдуме во вопросу вступления в ЕС в 1994 г. 52,4% избирателей проголосовали против), до конца 90-х годов тема ЕС в контексте

проблем безопасности и обороны практически отсутствовала во внешнеполитической дискуссии, где на первом плане были вопросы НАТО. Отношения с ЕС строились в основном вокруг торговой политики. В норвежских дебатах встречала понимание характеристика ЕС как экономического гиганта, но политического гнома (еще в 2002 г. генеральный секретарь НАТО лорд Робертсон назвал ЕС «военным пигмеем»).

Официальные отношения с ЕС в области внешней политики были ограниченными. Политический диалог со странами ЕАСТ сводился к встречам (раз в полгода) на уровне министров иностранных дел и директоров политических департаментов, контактам экспертов с рабочими группами, в том числе по вопросам ОВПБ. При этом в большинстве случаев представителям стран ЕАСТ отводилась пассивная роль — либо присоединиться к тем или иным позициям ЕС, либо воздержаться.

В 1992 г. Норвегия подала заявку на ассоциированное членство в ЗЕС (официально такое членство было оформлено в 1995 г.), рассчитывая повысить свое влияние в европейских делах.

Идеи формирования ОВПБ поначалу встретили в Норвегии (которая во многом ориентировалась на позицию Великобритании в ЗЕС) большой скептицизм. Поэтому для норвежцев стали полным сюрпризом итоги франко-британской встречи в Сан-Мало в декабре 1998 г., где англичане заявили о решении не только присоединиться к планам создания ЕПБО, но и возглавить эту политику совместно с Францией и Германией.

Лишь постепенно и с неохотой норвежская политическая и военная элита стала признавать, что существует военно-политическое измерение ЕС, и что его значение будет возрастать, в том числе и для политики безопасности и обороны Норвегии.

Дискуссии вокруг этого вопроса продолжаются. Одни считают, что ЕПБО просто не нужна, пока Норвегия базирует свою безопасность на членстве в НАТО, и что может возникнуть дублирование структур НАТО. Другие опасаются, что ЕПБО приведет к маргинализации Норвегии, не являющейся членом ЕС, в европейской политике безопасности, если ЕС станет одним из ее главных факторов.

Правда, в 1999 г. МИД Норвегии разработал стратегию в отношении ЕПБО. Вначале норвежская позиция строилась на стремлении обеспечить максимально благоприятные позиции для Норвегии в структурах ЕС. В памятной записке, направленной министром иностранных дел Норвегии К. Воллебэком всем членам ЕС и НАТО в октябре 1999 г. накануне саммита ЕС в Хельсинки в декабре, подчеркивалась необхо-

димость нахождения таких вариантов, которые обеспечивали бы для стран — членов НАТО, не входящих в ЕС, удовлетворяющие их формы подключения к новым структурам ЕС.

Предлагалось, например, чтобы нечлены ЕС принимали участие в периодических консультациях и деятельности, касающихся вопросов безопасности и обороны, в рамках планируемого Политического комитета и соответствующих рабочих групп с правом выступать, вносить предложения и иметь доступ к соответствующим документам и информации. В разработке норвежской памятной записки активное содействие оказали представители Финляндии, председательствовавшей тогда в ЕС, а также других северных стран. В принципе норвежские предложения были зафиксированы в заключительном заявлении председателя Хельсинкского саммита. Однако на практике они не привели к существенному участию или ассоциации в структурах ЕПБО.

После решения саммита в Хельсинки об интеграции ЗЕС в ЕС Норвегия лишилась единственного институционализированного и официального канала сотрудничества с ЕС в области безопасности и обороны. Саммит ЕС в Ницце принял решение о проведении совместных встреч между Комитетом по политике и безопасности (PSC) и шестью нечленами ЕС (15+6) дважды в год.

МИД Норвегии охарактеризовал решения саммита в Ницце как отправной пункт для развития более тесного сотрудничества. Но в целом оно не было оптимальным для Норвегии, поскольку страна, как и другие нечлены ЕС, осталась отрезанной от главной информации и обсуждения главных вопросов политики безопасности и обороны ЕС.

Что касается практического и военного сотрудничества, саммит в Хельсинки заявил, что «соответствующие формы» участия неприсоединившихся стран в операциях по управлению кризисами будут определены на более поздней стадии. Год спустя в Ницце было решено, что нечлены ЕС, которые вносят существенный вклад военными подразделениями, в принципе пользуются теми же правами и обязательствами в отношении операций, проводимых под эгидой союза (то есть имеют доступ к командным структурам, определенному планированию и другой соответствующей деятельности) в рамках «комитета государств, вносящих вклад путем предоставления военных подразделений», который отвечает за повседневное проведений операций.

Несмотря на указанные ограничения, Норвегия считает, что лучше иметь небольшое влияние, чем вообще никакого. При подготовке пер-

вой конференции (Capabilities Commitment Conference) в Брюсселе в ноябре 2000 г. Норвегия была первой из нечленов ЕС, заявивших о готовности выделить подразделения для Сил быстрого реагирования ЕС. «Обеспечение сильного европейского потенциала для управления кризисами это то, почему мы хотим сделать свой вклад и взять на себя свою долю ответственности и риска», — заявил министр иностранных дел Воллебэк в январе 2000 г.

Однако на второй конференции в ноябре и саммите в Лэкене в декабре было принято решение, что нечлены ЕС будут приглашены принять участие в операциях только теми силами и средствами, которые сами члены ЕС не имеют в своем распоряжении. Это отводит нечленам ЕС лишь второстепенную роль в практическом осуществлении операций. Кроме того, проблематичным для этих стран является и то, что главные решения — политические цели и условия проведения операций — уже приняты, причем без их участия.

Весьма серьезным вызовом для Норвегии, как результат развития «военного измерения» ЕС и намерения союза действовать таким же образом как в отношении ЕПБО, стало создание Агентства по оборонительным вооружениям (АОВ). Руководство новой структурой возложено на Высокого Представителя ЕС и правление состоит из министров обороны стран ЕС. В конце 2004 г. агентство заменит Западноевропейскую группу по вооружениям (WEAG), которая в политическом и административном отношении была связана с ЗЕС и где Норвегия поэтому пользовалась правами члена. Теперь же Норвегия, как и Турция, тоже не входящая в ЕС, могла только участвовать в проектах и программах на условиях, определяемых правлением АОВ. Со стороны ЕС было заявлено, что, как в случае с ЕПБО, третьи страны могут быть приглашена к участию в деятельности нового агентства, но «это не должно создавать прецедента для автономности ЕС в принятии решений».

На практике это означает, что Норвегия не имеет доступа на стратегическом уровне к европейским организациям, которые осуществляют кооперацию в области развития оборонительных потенциалов, НИОКР, закупок, производства вооружений и т.п. Правительство Норвегии расценивает эту ситуацию как весьма серьезную. Во-первых, создание нового агентства нарушит сотрудничество с ее европейскими союзниками в этой области. Во-вторых, институционализация таких связей в рамках ЕС уменьшит и возможности Норвегии оказывать влияние на более широкие структуры и процессы в ЕС.

Глава 7. Проблемы демократии и гражданского общества. Некоторые тенденции развития культуры северных стран

7.1. Проблемы демократии и гражданского общества

Современная западная демократия формировалась в течение длительного времени. В этом сложном процессе участвовало множество государств, что наложило на нее свой отпечаток: помимо тех черт, которые имеют универсальное значение, в ней можно найти и своеобразные элементы, обязанные своим происхождением особенностям исторического развития отдельных стран. Будучи подвижной субстанцией, демократия даже в условиях стабильных общественных отношений претерпевает различные изменения. Это тем более очевидно в период значительных структурных перемен в мировой экономике, влекущих за собой изменения в социальных отношениях, новые явления в политической жизни, временами стремительно преобразующие привычную картину мира. Именно такое время переживает человечество на рубеже XX и XXI столетий. Технологическая революция, подтолкнувшая процессы глобализации, которая ныне правит бал в мировом промышленном и сельскохозяйственном производстве, кредитно-денежной и торговой сферах, информационных технологиях, привела к иной расстановке во взаимоотношениях между национальными и наднациональными структурами. Многие функции национальных государств, с помощью которых ранее осуществлялось регулирование экономической и хозяйственной жизни стран, постепенно переходят в ведение наднациональных структур. Подобная передача им части суверенитета происходит особенно болезненно в странах, чье экономическое и социальное развитие можно назвать относительно благополучным. К ним, без сомнения, относятся Скан-

динавские страны, большая часть граждан которых хотя и осознает необходимость присоединения к Евросоюзу, все еще делит мир на «свой» и «чужой», на «мы» и «они». Некое ностальгическое чувство заставляет их оборачиваться назад, когда государству было под силу решать сложнейшие социально-экономические задачи, и с растущим пессимизмом смотреть в будущее, задаваясь вопросом о возможных последствиях подчинения демократических институтов, создававшихся столетиями, бюрократическим наднациональным структурам.

В связи с этим особого внимания заслуживает такой фактор, как доминантное положение на протяжении длительного времени в Скандинавии социал-демократии, что имело важнейшее значение в период становления социального государства. Применяемые социал-демократами методы социальной инженерии предполагали активное использование методов жесткого государственного контроля, создания под эгидой центральных и местных властей такой системы распределения, с помощью которой граждане Скандинавских стран получали бы равные возможности доступа к социальным благам. Существование на протяжении длительного времени общественного сектора в сфере распределения, за которым стояло государство и почти полное отсутствие частной инициативы «успело» убедить скандинавов в силе и возможностях национального государства, руководствующегося принципами демократии и справедливости при решении национальных задач, в частности при распределении социальных благ. Тем труднее приходило понимание необходимости смены привычных стереотипов, и тем большими были сомнения в возможностях европейской бюрократии воспринять демократические основы общественного управления.

Демократические институты традиционно имеют глубокие исторические корни в регионе Северной Европы. Своеобразное развитие институтов демократии в Скандинавии являлось гарантом общественной стабильности, создания сильного гражданского общества, которое увеличивало возможности граждан оказывать влияние на принятие решений и осуществлять действенный демократический контроль над властными структурами. В мире, охваченном глобализационными процессами, выработанные годами национальные механизмы демократии не всегда оказываются востребованными, их механизмы работают с напряжением в условиях более анонимного процесса принятия решений. Поэтому задачей национальных демократических программ является сохранение и развитие их в новых условиях, поиски возможностей распространения их действия на наднациональные структуры.

Вклад Скандинавских стран и Финляндии в формирование представлений о демократии не подлежит сомнению. Демократичность скандинавов общеизвестна, она характерна для отношений в семье, школе, коллективе, в обществе в целом. Она уходит своими историческими корнями в эпоху формирования сословных обществ, не знавших по большей части крепостного права (исключение — полукрепостная зависимость в Дании). Чувство свободы и собственного достоинства издавна стало здесь естественным атрибутом человека.

Кроме того, отличие Скандинавии от остальной Европы состоит в относительно широком участии народа в управлении государством. Крестьяне и горожане издавна имели голос в органах законодательной и судебной власти, что воспитывало их самостоятельность, стимулировало стремление к получению образования, ибо оно было востребовано и необходимо для ощущения собственной значимости и приносимой общественной пользы. Шведские крестьяне, например, начиная с 1560 г. постоянно имели свое представительство в риксдаге. Помимо этого крестьяне заседали в органах правосудия, различных комиссиях, где рассматривались важнейшие повседневные вопросы. Власть пыталась вести со своим народом диалог. Не это ли объясняет отсутствие в истории Скандинавии кровавых революций, свойственных другим европейским странам?

В Скандинавских странах долго сохранялся общинный уклад, что по своему способствовало развитию институтов самоуправления, ставшего краеугольным камнем демократического устройства общества. Выработка коллективных решений и возможность для крестьян защищать свои интересы на местном уровне также способствовало развитию их самостоятельности и формированию демократии, приобретшей черты коллективизма.

Традиции коммунальной демократии в Скандинавских странах — давнишние и глубокие. Это — низовой уровень демократического участия населения в управлении, самостоятельная общественная сфера, относительно независимая в финансовом отношении от правительства. То, что коммуны имеют собственную налоговую базу, не только способствует их материальной независимости, но и придает самостоятельность органам местного самоуправления, представляющим собой, по сути мини-государства благосостояния.

Скандинавская история в большей степени, чем история в других регионах мира являла собой пример не только классового противостояния, но и сотрудничества, которое вырабатывалось не десятилетиями, а столетиями, и поэтому имело крепкие устои. «Идеология, которая обрамляет диалог государственной власти и народа, все время

колеблется между иерархией и взаимопониманием, приказаниями и переговорами», — констатирует шведский историк Эва Эстерберг[1].

Немаловажным фактором формирования современной скандинавской демократии выступает ведущая роль социал-демократии в социальных преобразованиях в XX в. Она выступала от лица рабочего класса и имела крепкие связи с сильным единым профсоюзным движением. Этот союз в значительной степени обусловил факт длительного пребывания социал-демократии у власти, что давало ей большие практические возможности для воплощения своих идей. Рекорд продолжительности пребывания у власти принадлежит социал-демократической партии Швеции, где бóльшую часть столетия она возглавляла правительства.

Скандинавы выдвинули идею внутринационального сотрудничества, которая была осуществлена там на практике. Заключение Сальтшёбаденского договора в Швеции в 1938 г. (то есть вскоре после прихода социал-демократов к власти), представляющего собой исторический компромисс между предпринимателями и профсоюзами, является наиболее ярким примером подобного сотрудничества, легшего в основу системы социального партнерства, взаимопонимания между различными классами общества. «Дух Сальтшёбадена» (то есть компромисса, основанного на принципе переговоров) был характерен для политического климата Швеции на протяжении большей части XX в., и думается, что даже в изменившихся общественных условиях он не исчез вовсе и все еще во многом определяет взаимоотношения различных политических сил. Известный перуанский писатель Марио Варгас Льоса заметил, что шведский опыт построения общества благосостояния, несмотря на многочисленные попытки повторить его, остался, недостижимым для подражания из-за того, что не удавалось воспроизвести климат социального взаимопонимания, существующего в этой стране. Сосредоточение социал-демократии на реформистской деятельности в полной мере соответствовало политической культуре и менталитету скандинавов. Возможно, именно этим объясняется ее многолетнее пребывание у власти и значительные успехи проводимых реформ в экономической, социальной, политической областях. Социал-демократия — плоть от плоти продукт истории каждой из Скандинавских стран, вобравший в себя ее особенности и характерные черты, развивший в новых условиях идеи демократии, давший народу ощущение равенства, которое вселяло уверенность в своих силах

---

[1] T nka, tycka, tro. Svensk historia underifr n. Red. G. Broberg, U. Wikander, K. mard, Stockholm, 1993. S. 144–145.

и в будущем, провозгласивший лозунг солидарности, наполненный вполне конкретным социально-экономическим содержанием.

Проблемы демократии всегда стояли на повестке дня политической жизни Скандинавских стран. Так было в 30-е годы XX в., когда партии пришли к власти, в 50-е, когда были поставлены вопросы достижения социальной демократии, в бурные 60-е, когда социал-демократы, пытаясь вернуть себе утерянную политическую инициативу, инициировали широкие дебаты по проблемам демократии. В Швеции, например, с инициативой этих дебатов не случайно выступила известная деятельница СДРПШ Альва Мюрдаль. Наконец, в 70-е, когда на первый план выходит тематика экономической демократии. В то время она обсуждалась в Европе повсеместно, однако именно шведский проект был наиболее радикальным, и он вызвал отклик и интерес со всем мире. Проект шведского экономиста Рудольфа Мейднера, предусматривавший создание фондов наемных работников, вызвал большой интерес во многих странах Европы, особенно у датчан, которые, однако, все же не позволили себе подобного радикализма.

Новый импульс дискуссии по проблемам демократии получили под влиянием процессов глобализации и интеграции, экономических и социальных перемен в мире, воздействовавших на традиционные демократические институты. Вместе с тем эксперты, занимавшиеся в то время проблемами демократии, отмечали, что стремительные изменения, происходящие в этой сфере, проявились не только благодаря давлению внешних факторов, этому способствовала и эволюция самого государства благосостояния, оказывавшая столь же ощутимое влияние на изменение самой международной политики[1]. Так или иначе, это нашло свое проявление в новых явлениях общественной жизни, которые явились своего рода вызовом традиционной модели демократии и вынуждали политиков искать более действенные пути управления. В Дании, Норвегии и Швеции в 80-х годах XX в. создаются специальные комиссии, призванные заниматься проблемами демократии в меняющемся на глазах мире (так называемые Maktutredningar).

Ключом к пониманию тех изменений, которые происходят в общественной жизни этих стран, является процесс индивидуализации. Индивидуальный выбор приобретает большее значение в ущерб коллективному, который в значительной мере был характерен для всех Скандинавских стран с их высокой степенью институционализации, развитым гражданским обществом, сильным единым рабочим и профсоюзным движением. Демократия здесь отличалась выражен-

---

[1] SOU. 1990. No 44. S. 382.

ными чертами коллективизма. Стремительный рост образованности населения, его благосостояния; изменения, происходящие в его профессиональной деятельности и выражающиеся в переходе значительной массы людей от труда в больших объединенных коллективах к более индивидуализированному труду с новыми информационными технологиями, — все это неизбежно вело к проявлению индивидуализма в политическом поведении, выражавшемся в отказе от традиционных семейных политических пристрастий, в потере традиционных профсоюзных связей, наконец, в поиске новых форм политического участия.

Индивидуализация сознания нашла свое проявление и в отношении к системе благосостояния, которая строилась на коллективистских началах, свойственных общественному сектору. То, что функционирование общественного сектора перестало на определенной стадии удовлетворять потребностям граждан, зависело не только от проблем финансирования и дефицита средств в секторе, но и от востребованности более многообразных форм социального обеспечения, требований большего плюрализма в предоставлении услуг. Это нашло свое отражение в развитии альтернативных, обеспечивавшихся прежде исключительно общественным сектором услуг, например, в сфере здравоохранения, образования.

Начиная с 1980-х гг., в Швеции и Дании происходят изменения в представительстве организованных интересов в политике, идет процесс постепенной декорпоративизации, растет число организаций, представляющих интересы того или иного общественного слоя, усиливается конкуренция в сфере их политического представительства. Все больше практикуются такие методы политического воздействия, как лоббирование, использование средств массовой информации. При этом уменьшается значение традиционных корпоративных институтов. Ярко выраженные черты корпоративного устройства, являвшегося основой отношений между предпринимателями, трудящимися и государством и представлявшего собой одну из главных составляющих скандинавской модели, все больше уступают место плюрализму в представительстве интересов различных групп. Этот неоднозначный процесс оценивается по-разному политическими силами и, несомненно, является отражением фрагментаризации рынка труда и растущего влияния международной экономической ситуации на экономики малых стран. В 1983 г. объединение металлистов Швеции впервые за три десятка лет идет на децентрализацию договорного процесса по заработной плате. Это объясняется, прежде всего, тем, что данная отрасль принадлежит к экспортным отраслям экономики, и именно здесь

централизованные переговоры в условиях обострения международной конкуренции стали путами, мешающими большей свободе в определении тарифов заработной платы. (Интересно, что 30 лет назад, в иных экономических условиях, именно это объединение выступило инициатором заключения централизованных переговоров, что тогда соответствовало его экономическим интересам.) В 1991 г. головная, центральная организация предпринимателей — Объединение работодателей Швеции (ОРШ) принимает решение об отзыве своих представителей из правлений Центральных административных управлений, а в 2001 г. ОРШ вовсе прекращает свое существование.

Скандинавская корпоративная система, сложившаяся в XX в. и теряющая ныне свое значение, опиралась на существование единых, централизованных организаций предпринимателей и трудящихся, которые обладали достаточной силой, чтобы фактически без вмешательства государства решать проблемы экономических отношений. Эта самостоятельность предполагала ответственность обеих сторон за проводимую политику, создавала благоприятный климат для нахождения компромиссных решений и их легитимности. В отличие от многих западноевропейских стран для взаимоотношений профсоюзов и предпринимателей была характерна практика переговорного процесса, а не законодательных актов, принимаемых государством[1].

Многие исследователи корпоративного устройства в Скандинавии считают, что подобная организация помогала избегать конфликтов, вела к стабильности в обществе. Монопольные организации имели возможность приглушать внутренние противоречия и критику, беря на себя ответственность за контакты с рядовыми членами своих организаций и создавая климат взаимопонимания, доверия и сотрудничества между трудящимися и работодателями[2]. Примечательны интервью с 50 бывшими членами государственных административных управлений, которые работали в их правлениях и представляли корпоративные организации. Из их ответов следует, что образовавшийся после ухода представителей этих организаций совещательный орган уже не был ареной плодотворных дискуссий, как это было, когда он обладал прерогативами принятия решений[3].

---

[1] В Швеции такая практика была нарушена в связи с принятием программы экономической демократии в 1970-е гг., когда профсоюзы прибегли к помощи государства для решения проблем демократии на производстве. В это время принимается ряд законов в области экономической и производственной демократии.

[2] См.: Naurin D. *Lobbyism, korporatism eller den stängda dörrens politik?* Stockholm, 2001. S. 59.

[3] Ibid. S. 60.

Вместе с тем у корпораций есть своя специфика. И, как отмечает известный политолог А.А. Галкин, «они жестко ориентированы на реализацию четко очерченных групповых интересов и структурированы не только по горизонтали, но и по вертикали с выходом на политическую систему»[1]. Многие корпорации представляют собой подобие партий или имеют (как в Скандинавии) теснейшие контакты с партиями. (Например, Центральные объединения профсоюзов — с социал-демократическими партиями.) И это нередко ведет к изменению прямых функций организации, бюрократизации ее, сращиванию с партийным аппаратом. Это вызывает все большую критику в различных политических кругах, которые считают, что если организации групп интересов получают политическую власть, то рядовые граждане теряют возможность нести политическую ответственность.

Происшедшие в последние годы изменения в корпоративной системе страны значимы с точки зрения изменений в идеологии, во властных отношениях, в формах демократии, гражданского общества. В 80-х годах XX в. до Скандинавии докатывается правая волна, здесь тоже усиливаются рыночные либеральные силы, стремящиеся пересмотреть сложившуюся систему власти. Усиливается противостояние профсоюзов и организаций предпринимателей, которые поддерживают правые партии. Борьба достигает крайних пределов при обсуждении проблемы фондов наемных работников.

Ревизия взглядов на корпоративное устройство общества стала ответом на те тенденции экономического и социального развития, которые характеризуют Скандинавские страны в конце XX в. В определенной степени традиционный корпоративизм становился препятствием в условиях глобализации, фрагментаризации интересов, которые стремятся быть представленными, но подчас не готовы к политической ответственности или представительным функциям. Бывший председатель ОРШ У. Лаурин выразил это достаточно откровенно еще в начале 90-х годов: «Развитие Швеции в 90-х годах должно происходить под знаком перемен. Интенсификация связей с Европой и увеличивающаяся международная конкуренция выдвигают серьезные требования нашему динамизму. Наша старая культура национальных, коллективных единых решений не отвечает запросам 90-х годов. Уже в 80-х годах существовали определенные трудности.

Нам нужна более открытая, подвижная страна, которая не испытывала бы страх перед такими словами, как «многообразие», «индивидуализм», «разнообразие» и «конкуренция»[2].

---

[1] *Галкин А.А.* Размышления о политике и политической науке. М., 2004. С. 27.

[2] Lewin L. *Samhället och de organiserade intressena.* Stokholm, 1992. S. 105.

Действительно, в 80–90-х годах XX в. происходит рост числа организаций, представляющих различные интересы, одновременно уменьшается число местных союзов, входивших в профобъединения. В Центральном шведском союзе работников с высшим образованием (SACO) в 1970 г. состояло 64 местных союза, а в 1990 г. — 25. Число местных отделений ЦОПШ сократилось с 2425 в 1970 г. до 1009 в 1990 г.[1] Четкая картина представительства интересов времен классического корпоративизма меняется, становится более хаотичной. С разрушением системы централизованных переговоров, что произошло по инициативе предпринимательской стороны, политическая инициатива переходит к предпринимателям, ЦОПШ же теряет отлаженный инструмент воздействия на предпринимателей. Сами механизмы демократии становятся более индивидуализированными.

На дискуссии по проблемам демократии наложили свой отпечаток тенденции, проявившиеся, хотя и в разной степени, во всех индустриально-развитых странах. Речь идет об изменениях в партийно-политических системах этих стран. Трансформация их не обошла стороной и Скандинавию. Прежде всего, это выразилось в резком сокращении численности партий, трудностях с привлечением туда молодежи, которая предпочитает не связывать себя рамками одной партии, и с большей охотой участвует в разного рода движениях, занимающихся каким-либо одним конкретным вопросом. Уменьшается число доверенных лиц, выполняющих партийные поручения, собрания партий посещают все меньше людей. Налицо, таким образом, потеря привлекательности традиционных партийных структур, что, в свою очередь, грозит последствиями для демократических общественных институтов. Цифры говорят сами за себя. За 1990-е гг. шведские партии потеряли около 1 млн своих членов. То же происходит и с молодежными союзами, за 20 лет, с 1970 по 1990 г. их численность сократилась вдвое. Процесс продолжился и в 90-х годах, и только к концу последнего десятилетия XX в. (после проведения ряда целенаправленных мероприятий правительства) наметился небольшой рост молодежных и других общественных организаций. Потеря населением политической активности — симптом, тревожащий руководство политических партий и руководство страны, тем более, что цифры потерь правящей социал-демократической партией активных членов, посещающих партийные собрания в своих коммунах, намного выше, чем у других партий (40 и 28% и соответственно за период с 1979 по 1998 г.). Из этого следует, что недовольство политикой социал-демократичес-

[1] Ibid. S. 111.

кой партии значительно, и люди перестают видеть в политике этой партии действенную альтернативу, способную выразить их чаяния. Недовольство политикой традиционных партий проявилось в появлении большого количества небольших местных политических партий, как правило, концентрирующих свои усилия на решении какой-либо одной проблемы, и добивающихся хороших результатов на местном уровне. Примером таких образований в 1990-х гг. могут послужить партии, появившиеся на местах в ответ на сокращение социальных расходов, и использовавших недовольство граждан для привлечения новых членов в свои организации. Так происходит отток членов от традиционных партий.

Еще одним показателем, вызывающим очень серьезные опасения в действенности механизмов прежних форм демократии в будущем, является постоянно снижавшееся в последние два десятилетия число голосующих на парламентских и коммунальных выборах. Эта проблема характерна для большинства стран ЕС. В документах ЕС выражаются опасения, что если подобная тенденция продолжится, то к 2020 г. 1/3 населения вообще не будет участвовать в парламентских выборах[1].

Скандинавским странам (особенно Швеции) свойственна традиционно высокая политическая активность населения на парламентских и коммунальных выборах, поэтому в сравнении с другими странами снижение числа голосующих здесь не выглядит столь драматично, да и тенденция эта проявилась в различных северных странах не в одинаковой степени. С другой стороны, игнорирование населением участия в выборах настораживает здесь политиков куда больше, чем во многих других странах. В этом видят разрыв с многолетней традицией, знак политического неблагополучия, которое угрожает самому общественному укладу стран и демократическим принципам, на которых он зиждется.

Надо отметить, что наиболее неблагополучными из всех северных стран по данному показателю являются Швеция и Норвегия. В 1990 г. количество участников в выборах здесь уменьшилось соответственно на 6% (с 87,5 до 81,5%) и 7% (с 82 до 75%). В Финляндии снижение хоть и происходило в отдельные периоды, но в целом, если рассматривать период с конца 1980-х до наших дней, то здесь произошло хоть и незначительное, но даже повышение числа участников выборов (с 68 до 70%). В Дании же, напротив, происходил медленный, но неуклонный рост участников парламентских выборов (с 83% в конце 1980-х до 87% в 2003 г.)[2].

---

[1] *Demokrati i Norden.* Nordisk Ministerr d 2004. ANP 2005:701. S. 70.

[2] Ibid.

Значительно более настораживающими являлись результаты муниципальных выборов, интерес к которым и участие всегда ниже, чем на парламентских выборах. Система местного или коммунального самоуправления считается основой демократической модели, ареной низового участия граждан в управлении. Общие изменения, характерные для мира в целом вносят существенные коррективы и в представительную демократию на местном уровне. Надо учитывать, что сама система коммунального самоуправления, ее механизмы, функции, способы решения проблем разнятся в северных странах. В последнее десятилетие и в Швеции, и в Норвегии, и в Финляндии происходит сокращение числа участвующих в голосовании на муниципальном уровне. Лишь в Дании наблюдается, начиная с 2000 г., его рост. Наиболее неблагополучным представляется положение в Финляндии и Норвегии, где цифра участников избирательных кампаний самая низкая по сравнению с другими северными странами (58% — в Финляндии, 59% — в Норвегии, 85% — в Дании, 78% — в Швеции в начале 2000 г.)[1]. Не случайно поэтому, что проблемы местной демократии и реформирования коммунального устройства стоят в повестке дня неотложных задач во всех Скандинавских странах и Финляндии. Предполагается проведение крупных структурных реформ коммунального устройства, которое последний раз реформировалось около 40 лет назад.

Падение политической активности в большинстве северных стран вызывает серьезные опасения политиков. В определенной степени такое развитие стало результатом объективного процесса усложнения решаемых на местах политических задач и следствием укрупнения коммун. Оно началось повсеместно во второй половине XX в., позволив экономически усилить коммуны, повысить профессионализм администрации, но, одновременно вело к углублению процесса неуклонного отчуждения власти на местах, росту бюрократизма, сокращению возможностей граждан влиять на принятие решений. (В 1952 г. в Швеции было 2500 коммун, сейчас 290, в Дании — 271, и предполагается их сокращение до 100. В этих двух странах — самые крупные коммуны[2].) Одновременно резко сократилось число выборных представителей в органах местного самоуправления, за вторую половину XX в. численность в Швеции, например, сократилась более, чем в 4 раза. Число выборных представителей разнится от страны к стране, так, в Дании их 4,6 тыс. человек, в Норвегии — более 11 тыс., в Финляндии около

---

[1] Ibid. S. 45.

[2] Ibid.

12 тыс., в Швеции — более 13 тыс.[1] Резко уменьшается и число поручений, даваемых выборным представителям. Таким образом, помимо процесса унификации коммун, что отдаляет население от принятия решений, заметна тенденция к бюрократизации власти на местах. Это оказало негативное воздействие на развитие прямой демократии в органах коммунального самоуправления.

Помимо выборных представителей в местных органах самоуправления есть также много невыбираемых доверенных лиц, выполняющих отдельные поручения в правлениях, комитетах и других органах. Большие изменения коснулись числа даваемых поручений, а также числа органов, где представлены доверенные лица. В Финляндии число поручений в коммунах сократилось за период с 1993 по 2003 г. на 3 тыс. В Швеции — только за 1998–2002 гг. на 2 тыс.[2] Снизилось и количество желающих брать на себя подобные поручения. В Дании — с 21,5 тыс. в 1970 г. до 19,9 тыс. в 2001 г. В Финляндии с 60 тыс. в начале 1970-х гг. до 40 тыс. в начале 2000-х гг. Многие добровольно уходят из этой сферы деятельности, избирая иные жизненные пути, причина ухода других — разочарование в политике и возможностях влияния на нее (особенно у молодых людей)[3].

Многие упоминали трудность совмещения трудовой деятельности, семейных обязанностей с политическими. Как бы то ни было, но цифры свидетельствуют о потере былого интереса к политике, а также о том, что некоторые категории населения (женщины, молодежь, иммигранты, служащие частного сектора) представлены хуже, чем другие в органах местного самоуправления. Пессимизм молодых людей основывается на убеждении, что усилия рядовых политиков неэффективны в настоящее время при отсутствии связей с политической элитой. И совсем новая тенденция, которая была отмечена в отчете комиссии по вопросам демократии в Швеции — это страх перед угрозами и даже насилием по отношению к выборным представителям. Это касается Швеции и отчасти Дании. Политические убийства сыграли здесь свою роковую роль. И все же, как отмечает исследователь коммунального устройства в Швеции А. Густавссон, 15–16% взрослого населения готовы взять на себя выполнение различных поручений в администрации коммун. Прежде всего, это люди среднего возраста и пенсионеры, для которых традиция участия все еще близка и необходима.

---

[1] Ibid. S. 32.

[2] Ibid. S. 48.

[3] По материалам опроса, проведенного в Финляндии в 1998 г., 2002 г. Aars, Pikkaka (1998). См.: *Demokrati i Norden*. S. 48.

Процессы, происходящие в системе коммунального самоуправления, сложны и неоднозначны, они отражают стремительную ломку привычных представлений, которая вызвана изменениями в мире, подверженном процессам глобализации, будь то изменения в экономике, социальных отношениях или политике. Коммуна, как низовое звено управления, испытывает на себе давление таких факторов, как усиление межкоммунальных связей, трансформация роли государства в управлении местными органами власти, финансирования, наконец, влияния европейской интеграции, которая влечет за собой смещение традиционных властных центров и необходимость подчинения коммун решениям, принимаемым в Брюсселе. Это явление названное политологами фрагментаризацией коммунальной деятельности, стало особенно заметно проявляться, начиная с 1990 г. Несомненно, это влечет за собой коммерциализацию коммунальной деятельности когда «многое в демократическом образе мышления вытесняется в пользу экономического взгляда на общественную деятельность»[1]. С другой стороны, вышеназванная фрагментаризация коммунальной деятельности означает усиление влияния некоторых общественных групп и большую свободу выбора для граждан. «Локальное расширяет свои границы и меняет предпосылки самой политики на местах»[2]. Сканди-навским странам и Финляндии присущи глубокие демократические традиции, поэтому новые явления, проявляющиеся в области общественного управления и вызывающие опасения с точки зрения потери потенций демократии, вызывают незамедлительную реакцию как политиков в центре, так и на местах, а главное — реакцию гражданского общества, призванного быть приводным ремнем между различными уровнями власти и народом и поддержкой демократии.

Проведенные опросы населения, где надо было ответить на вопрос об отношении к функционированию демократических институтов, показали, что в Скандинавских странах и Финляндии народ более позитивно оценивает ситуацию в своих странах, чем население Германии или Великобритании, считая, что демократия функционирует достаточно хорошо. Наиболее позитивно настроены датчане, потом идут финны, далее шведы и норвежцы. Наибольшим доверием у населения пользуется судебная власть, затем идет парламент и только потом правительство. Оценка действий политиков ниже, чем оценка институтов демократии, причем половина опрашиваемых считает, что у них есть возможности политического влияния через органы местно-

---

[1] Norlin M. *Baklänges revolutionen*. Stockholm, 1994. S. 32.

[2] *Demokrati i Norden*. S. 30.

го самоуправления и только 1/4 считает возможным осуществить это через центральные органы власти[1].

Растущая интернационализация Скандинавских стран и встраивание их в современные международные структуры стали еще одной основополагающей проблемой для северных стран. В 1990-е — начале 2000-х гг. она остро обсуждается на Севере Европы в связи с вступлением Швеции в ЕС, выборами в Европарламент, референдумом по переходу на евро. О решении нейтральной Швеции подать заявку на вступление в Европейский союз было объявлено в 1990 г. Это решение, которое касалось отнюдь не только перемен во внешнеполитическом курсе страны, означало, что процессы интернационализации, уже затронувшие экономику Швеции, как страны, зависимой от внешних рынков, пойдут теперь значительно быстрее и в других сферах.

До принятия решения о вступлении в Европейский союз, в Швеции состоялся референдум, который должен был выявить отношение шведского народа к этому важнейшему политическому шагу. Результаты референдума показали, что число сторонников и противников вступления в ЕС практически одинаково. Сторонники интеграции победили с мизерным перевесом голосов (52,3%). Фактически это означало, что в стране произошел раскол по проблеме дальнейшего развития страны. То же случилось и с большинством политических партий. Известный политолог У. Петерссон отмечает, что внутренний политический конфликт затронул саму партийно-политическую систему: «Вопрос о вступлении в ЕС уменьшил возможность многих партий сформулировать четкие перспективы развития, создать общественное мнение, быть внутренне сплоченной дееспособной силой»[2]. Референдум, по его мнению, дорого обошелся партиям, эффективность которых оказалась парализованной. Ситуация фактически усугубилась при проведении в Швеции в 2003 г. референдума по проблеме присоединения к зоне евро. Результаты голосования, которые показали, что противников евро все же больше, чем сторонников, стали свидетельством того, что раскол внутри партий и в стране не преодолен.

Швеция продолжает оставаться одной из наиболее критичных по отношению к Евросоюзу стран, и едва ли не главным аргументом является то, что интеграция несет в себе риск для демократии, суверенитета страны. Надежды на то, что ЕС будет лишь межгосударственной организацией и ограничится решением экономических вопросов, не оправдались. Кроме того, как подметил У. Петерссон, многие

---

[1] European Social Survey 2002. См: *Demokrati i Norden.* S. 66–67.

[2] Petersson O. *Har svensk demokrati påverkats av EU-medlemskapet?* SNS 2004. S. 6.

шведы считают, что их стране нечему учиться у других, и нежелание партнеров следовать шведской модели удивляет, и тем паче обескураживают призывы измениться, обращенные к самим шведам[1]. Однако взаимодействие различных политических культур в Евросоюзе определенным образом стимулировало более критическое отношение к себе в Швеции. Подвергается сомнению даже такая, казалось бы, незыблемая ценность шведской демократии, как искусство обретения консенсуса при столкновении массы различных политических интересов. Живые дискуссии в Европарламенте помогают лучше видеть свои проблемы в Скандинавии. Такое взаимовлияние культур и есть, по всей видимости, то ценное, что несет в себе интеграция.

Последние 10 лет были отмечены постепенным приспособлением, притиркой национальных политических механизмов к процессам интеграции. Стараясь сделать более понятным процесс принятия решений в европейских институтах власти для шведских граждан и сохранить по возможности их влияние на властные структуры, шведские политики говорят о необходимости не только максимально широкой информации о деятельности ЕС, но и налаживании диалога между структурами Евросоюза и простыми гражданами. Шведские политики, давая свои комментарии к Белой книге по проблемам управления, специально отмечали важность понимания своими гражданами процесса принятия решений и диалога для укрепления легитимности ЕС[2]. Вместе с тем Швеция, «отдавая» часть своего суверенитета, надеется усилить свое влияние на Европейский союз, сделать так, чтобы специфика демократической практики, развившейся в ходе исторического развития страны и ставшей определяющей при принятии решений, стала достоянием других стран. Некоторые уникальные демократические завоевания Швеции действительно становятся неким «экспортным товаром» для Европы, другие — примером для подражания.

7.1.1. Принцип гласности и его экспорт в ЕС

После 13 лет пребывания Швеции в Европейском союзе можно констатировать, что принципы демократии, характерные для этой страны и сложившиеся на протяжении многих лет, а может быть, и столетий, оказали определенное влияние на эту международную организацию. Особенно успешно действовали шведские политики, когда в 2001 г.

---

[1] Ibid. S. 8.

[2] Svenska komentarer p vitboken om styrelseformerna i EU. Regerinskansliet. Utrikes–departementet. 2002-03-22.

Швеция председательствовала в Евросоюзе. Именно тогда знаменитый шведский «принцип гласности» или, как он еще называется, принцип свободного доступа к официальным общественным документам, которым справедливо гордятся шведы (существует с 1766 г.), был принят Евросоюзом, и свободный доступ общественности к документам этой организации стал правилом. Открытость и прозрачность процесса принятия решений, по убеждению шведов, — одно из условий функционирования демократического общества. Это дает возможность контроля над деятельностью политиков и чиновников, сокращает вероятность коррупции и облегчает работу общественных организаций и средств массовой информации, дает, наконец, возможность оказывать влияние на процесс принятия политических решений. Свободный доступ к официальным документам (без грифа секретности), имеют не только шведские граждане, но и иностранцы, при этом они могут не сообщать цель ознакомления с документами и оставить в тайне свое имя. Доступны не только официальные протоколы или решения властей, но и частная переписка чиновников, касающаяся их профессиональной деятельности. Даже письма, посланные на домашний адрес чиновника или политика, должны быть достоянием гласности. Швеция — бюрократическая страна, и это подчас вызывает недовольство ее жителей, но вместе с тем они признают эффективность своей бюрократии, организация и работа которой вызывала восхищение еще Петра I.

В 1766 г. Финляндия была частью Швеции, и в 1774 г. принцип гласности примерно с теми же правилами стал действовать и в Финляндии. В Норвегии же его никогда не существовало. В Дании и некоторых других странах был принят Закон о свободе доступа к информации, но это произошло только 20 лет назад, и здесь нет речи о традиции как части политической культуры страны. В Европейском союзе этот принцип стали продвигать Швеция и Финляндия.

Принятие на вооружение Евросоюзом шведского принципа гласности шло совсем не гладко, и переговоры по этому вопросу были трудными и длительными. Когда Швеция еще только подала заявку о вступлении в Европейский союз, единственным пунктом, по которому шведские политики не были готовы идти на компромисс с этой международной организацией, был именно принцип гласности. Было даже заявлено, что если это предварительное условие не будет принято европейскими политиками, то вступление Швеции в ЕС станет невозможным.

В 1997 г. шведский принцип гласности стал все же экспортным товаром и был принят на вооружение в ЕС. Однако его приня-

тие с необходимостью потребовало приспособления европейской юридической практики к новому закону. В конечном итоге компромисс был найден, но не без потерь для первозданного шведского варианта. Принцип гласности входит в текст шведской конституции и не раз обновлялся. Последнее обновление было связано с процессом компьютеризации и касалось доступа к компьютерной информации. Это в значительной степени распространялось на работы журналистов и потребовало выработки новых дефиниций относительно доступа к персональным сведениям.

Надо сказать, что правило свободного доступа к информации не является чисто теоретическим построением, пришедшим из далекой истории и уже не находящим практического применения. Напротив, в последние два десятилетия в Швеции достоянием общественности стали дела, связанные с коррупцией, использованием служебного положения в корыстных целях, несвоевременной уплатой налогов, использованием общественных средств на личные нужды благодаря применению на практике принципа свободного доступа к информации. В некоторых случаях эти правонарушения были серьезными, иногда, даже с точки зрения западноевропейских политиков, — смехотворными. Практически во всех скандалах были замешаны лица из высшего эшелона власти. Наиболее нашумевшим стал скандал с кандидатом на пост премьер-министра страны, популярной женщиной-политиком Моной Салин, которая пострадала за то, что использовала служебную кредитную карточку для незначительных личных покупок. Это лишило ее тогда реальной возможности стать высшим лицом в правительстве. И хотя часто говорили, что она пострадала из-за того, что в Швеции не хотели иметь женщину на посту премьер-министра и использовали подвернувшийся шанс для ее отстранения, огромное большинство простых шведов уверенно утверждали, что честность политика превыше всего и прозрачность политического пространства — порука этой честности. В отставку после публичных разоблачений пришлось уйти многим: пострадали три министра юстиции, высшие должностные лица полиции, губернаторы. Этот список говорит сам за себя, даже весьма незначительные правонарушения делаются незамедлительно предметом гласности. Вместе с тем политический климат в стране таков, что даже разговор о возможности смягчения или отказа от данного принципа обернется политической смертью для осмелившегося предложить нечто подобное политика.

7.1.2. Независимые административные управления

Другим потенциально «экспортным товаром» шведской демократии является организация органов общественного управления. О том, что это может стать предметом обсуждения в ЕС, упоминалось в докладе группы экспертов, которые занимаются проблемами демократии в специально созданном органе — Совете по проблемам демократии[1]. Речь идет о специфической шведской черте в организации органов общественного управления, при которой помимо министерств создаются так называемые административные управления, занимающиеся экспертной работой по тому или иному вопросу данной отрасли, подчиненные напрямую правительству, но не министерствам. Министерства же в отличие от многих других стран представляют собой небольшие по численности органы, выражающие политическую линию правительства. Таким образом, происходит разделение функций в принятии решений и усиливается база для достижения консенсуса при проведении той или иной реформы. Подобную систему унаследовала со «шведских времен» и Финляндия, и она эффективно действует там по настоящий момент. Напротив, ее нет в Дании и Норвегии, и процесс принятия решений и управления выглядит там иначе.

7.1.3. Политика равноправия полов

Наиболее значимые демократические завоевания в последние три десятилетия произошли в области равноправия женщин, расширения их демократических прав, выравнивания положения между полами. Хотя эта проблема стояла в центре политических дебатов и практической деятельности во всех развитых странах Запада, северные страны определенно задавали тон в дискуссиях. Стремительность происходящих процессов; быстрое завоевание нового политического пространства, когда представительство женщин становится на один уровень с мужским; наконец, тот факт, что борьба женщин за свои права уже не ограничивается рамками женских организаций, а становится элементом политической жизни данных стран — все это свидетельствует о силе нового движения, которое превратилось в настоящее народное движение. Оно становится важнейшей составляющей гражданского общества, которое, выдвинув новые требования, планомерно борется за их осуществление, задействовав для этого механизмы государствен-

---

[1] Demokratir dets Rapport 1999. Demokrati p svenskt vis. Stokholm, 1999. S. 144.

ной власти и корректируя согласно этим требованиям сам политический курс данных стран. Успех женского движения подтверждается и тем фактом, что в Скандинавских странах и Финляндии практически существует консенсус относительно основных принципов гендерного равенства, и мнения различных политических сил различаются лишь в деталях.

Еще одной характерной чертой женского движения стало то, что равноправие стало рассматриваться не только с точки зрения расширения прав и возможностей участия в экономической и политической жизни женщин, но и более широко — как изменение традиционной роли полов в обществе. Не только рынок труда, но и семья становятся объектом внимания женского движения. Таким образом, в сферу политики равноправия уже в конце 1970-х гг. попадают проблемы нового ролевого статуса мужчин, который не ограничивался отныне трудом вне дома, на производстве, но стал включать в себя и активную роль мужчины в семье (присмотра за детьми и их воспитания). Ранее эти функции практически целиком лежали на женщине.

То, что в Скандинавии, и прежде всего в Швеции, такая постановка проблемы стала возможна уже в 1970-е гг., объяснялось спецификой экономического развития. В 1960-е гг. наблюдался быстрый рост общественного сектора, в который включает такие области, как организация органов здравоохранения, уход за больными, престарелыми, присмотр за детьми. Многие функции этой сферы труда выполнялись ранее женщинами на дому. Теперь они получили возможность работать, получая заработную плату за свой труд, что укрепляло их экономическую независимость. Именно решение проблем экономического статуса, что включало в себя и введение раздельного налогообложения мужа и жены (в Швеции такая налоговая реформа была принята уже в 1971 г.), дало мощный толчок борьбе женщин за свои права. В Скандинавии традиционно высокий процент работающих женщин, в последние десятилетия эти цифры растут. Так, в 1970 г. работало 60% шведских женщин в возрасте от 20 до 64 лет, в 2003 г. работающих женщин стало 79%[1]. В Норвегии их — 73,8%, в Дании — 71,4%, в Финляндии — 66,6% (данные за 2001 г.)[2]. Средняя цифра для стран Евросоюза в это время — 54,8%. Это во многом объясняет тот факт, что число детей от 1 до 6 лет, посещающих коммунальные детские учреждения в Швеции, увеличилось с 1972 по 2003 г. в семь раз.

---

[1] См.: www.regeringen.se/naring Gender Equality in Sweden — a summary.

[2] См.: www.ssb.no/english.magazine/art-2002-10-25-01-en.html Labour Market Statistics.

Красноречивы и цифры, свидетельствующие о политическом участии женщин, в частности о представительстве их в парламентах, муниципальных органах власти. Так, в Швеции после выборов 2006 г. — 47,3% депутатов-женщин и 52,7% мужчин, в то время как в 1973 г. было лишь 15% женщин и 85% мужчин. Более чем троекратное увеличение за 30 с лишним лет говорит само за себя. 44% женщин — в комитетах риксдага, причем в некоторых комитетах они составляют большинство. То же можно сказать и о представительстве женщин в местных органах власти, там их более 40% (42,3%). Половина шведских министров — женщины. Скандинавские страны находятся в первых строках списка государств с паритетным представительством в органах политической власти.

За последние 20 лет увеличилось и число женщин, представленных в правлениях государственных компаний (в Швеции с 16% в 1986 г. до 47% в 2001 г.)[1]. Хуже обстоит дело с представительством женщин в частных компаниях. Несмотря на внимание к этому вопросу, работу различных комиссий, множество предложений, цифры остаются на низком уровне, хотя и имеют тенденцию к росту. Соотношение мужчин и женщин в правлениях частных компаний, исключая представителей организаций трудящихся и числом занятых более 200 человек, в Швеции составляет 92% мужчин и 8% женщин в 2002 г. (Для сравнения: эта пропорция составляла соответственно 98% и 2% в 1993 г.) Хотя в Швеции и говорят о введении принудительного квотирования в этой области, оно до сих пор применено не было. По всей видимости, здесь играет роль политическая традиция, основанная на решении проблем за столом переговоров. Во всяком случае, несмотря на развернувшуюся в стране дискуссию, политики пока ограничиваются переговорами. Иначе обстоит дело в Норвегии. Недавно здесь был принят закон о принудительном квотировании представителей женщин в частных компаниях. Через два года 40% высшего персонала компаний должны составлять женщины. Норвежский пример вдохновляет финских женщин. В Финляндии, в отличие от Швеции, более активно используется законодательство для решения подобных проблем, министр социальной защиты и здравоохранения Т. Хаатайнен высказалась в пользу норвежского варианта. Если учесть, что степень взаимовлияния в решении политических проблем в северных странах велико, то можно ожидать, что норвежский пример станет заразительным и для других стран.

Значительно более сложной задачей, ибо она содержит в себе элемент борьбы с традиционной культурой поведения полов, была задача

---

[1] См.: www.sweden.se/templates/cs/Print_BasicFactsheet_____4123.aspx. S. 3.

изменения роли мужчин в обществе. Мужское сообщество с большей легкостью допускало решение проблемы экономической занятости женщин, тем более что это предопределялось экономической необходимостью и труднее воспринимало последующий логический шаг — свою новую роль в семье. Сейчас, по прошествии двух-трех десятилетий, уже можно констатировать, что в северных странах эта задача решается достаточно успешно и является неким примером, которому следуют другие западные страны. В 1995 г. в Швеции вступил в действие закон об обязательном использовании одного месяца освобождения от работы в связи с рождением ребенка для отца, в 2002 г. — срок был увеличен до двух месяцев. Обязанность оставаться с ребенком и ухаживать за ним становится все более привычным делом для мужчин в Швеции. Исследования свидетельствуют, что сейчас более 50% мужчин используют возможность остаться дома с ребенком уже в течение первого года его жизни.

В 2002 г. в северных странах и странах Балтии было проведено восемь пропагандистских кампаний, направленных против сексуальной эксплуатации женщин и торговли сексуальными услугами. Инициатива исходила от шведского министра по вопросам равноправия женщин Маргареты Винберг и была поддержана всеми странами этого региона. Позже к ней подключились органы правосудия в лице министров юстиции, чтобы дополнить инициативу необходимой законодательной базой. В Швеции обсуждение проблем торговли и сексуальной эксплуатации женщин было очень острым и закончилось принятием нового закона и дополнением уголовного кодекса. Законодательство отныне рассматривает мужчину в качестве основного виновника сексуального преступления и преследует его по закону, который предусматривает от двух от 10 лет лишения свободы за использование и покупку сексуальных услуг. Так в Швеции решается проблема проституции: отсутствие спроса на товар должно приостановить и его предложение, полагают здесь. Одновременно с этим предпринимаются активные попытки решить и проблему искоренения причин женской проституции, заключающейся, прежде всего, в бедственном материальном положении. Этот акт шведской юстиции был большой победой женского движения, и шведы испытывают естественное чувство гордости за смелость и неординарность этого решения.

Из сказанного выше следует, что за последние 25 лет женское движение превращается в мощную силу, диктующую свою волю политикам и быстро преобразующую действительность. Решаются проблемы не только расширения экономических и политических прав женщин, но меняются сами общественные традиции, а с ними и сам подход

к решению назревших задач. Женское движение — наиболее сильное и массовое движение в современном мире, в его лице в XX в. были возрождены традиции народных движений, которые, казалось бы, увяли с институционализацией и бюрократизацией, наложившими отпечаток на развитие разного рода движений в этот период времени. Женское движение — это функция сильного гражданского общества северных стран, его демократический потенциал, который, рождаясь в недрах общества, уверенно пробивает себе путь в сферу принятия политических решений.

7.1.4. Интеграция иммигрантов в общество

Во второй половине XX в. миграция населения становится одним из важнейших факторов экономического и социального развития во всех регионах мира. XXI столетие обещает продолжить эту тенденцию. Растущая и принимающая новые формы миграция, несомненно, является результатом усиливающейся глобализации. Распад Советского Союза, межнациональные конфликты, явившиеся следствием глубоких перемен в социально-политическом устройстве стран Восточной Европы, также повлекли за собой резкое усиление миграционных потоков. Эти процессы оказывают значительное влияние не только на мигрантов, но и на население стран их принимающих, на их культурные и демократические традиции, их национальную идентичность, наконец, на политику этих государств и их политические институты. Скандинавские страны и Финляндия, являющиеся высокоразвитыми странами с отлаженной системой социальной защиты, привлекают к себе внимание людей, ищущих новые места обитания в надежде обрести мир, работу и социальный комфорт. Во второй половине XX в. эти государства превращаются из государств эмигрирующего[1], по большей части моноэтнического населения, в принимающие иммигрантов и беженцев, становясь мультиэтническими сообществами. Сейчас Скандинавские страны населяют люди, говорящие примерно на 200 языках народов мира[2].

---

[1] Норвегия и Швеция были странами, откуда в поисках лучшей доли за океаном уехало огромное число коренных жителей: общая численность уехавших из Норвегии и Швеции людей за 100 лет, начиная с 1830-х по 1930-е гг. перевалила за миллион с лишним жителей из каждой страны. По соотношению числа уехавших к общему числу жителей первенство — за Британскими островами, далее идет Норвегия, далее — Швеция.

[2] В соответствии с данными Центрального статистического бюро, в Норвегии проживает около 330 тыс. человек с иностранными корнями — 7,3% населения, при этом 30% иммигрантов — выходцы из западных стран, 70% — из незападных. В Дании люди

Такие разительные перемены произошли стремительно, из-за чего возникли затруднения во взаимопонимании коренного населения и иммигрантов, усложнился процесс интеграции последних в общества северных стран. Дело осложняется малочисленностью населения северных стран, которое испытывает естественный страх перед хлынувшим туда потоком иммигрантов, опасаясь со временем утерять свою национальную идентичность. Кроме того, за последние два десятилетия поменялся сам характер иммиграции: если раньше превалировала рабочая иммиграция, то в последнее время — это беженцы, ищущие защиты от катаклизмов, происходящих на их родине. Вырванные из привычной жизни люди, часто имеющие низкий уровень образования, испытывающие трудности с устройством на работу, не готовы быстро интегрироваться в новые структуры. Растущее число иммигрантов угрожает в будущем, по мнению многих, безработицей, иммигранты часто рассматриваются как соперники на рынке труда, отбирающие у коренного населения рабочие места. Но самое главное — это огромная нагрузка на систему социального обеспечения, ибо общества благосостояния, основанные на принципах эгалитаризма, и ведущей роли государства в организации социальной сферы, с самого начала практически во всех рассматриваемых странах предполагали равные возможности для коренного населения и приезжих в получении социальных благ. Если в период рабочей иммиграции 1960-х гг., работающие иммигранты были исправными налогоплательщиками, труд которых приносил в казну значительные средства, то сегодня ситуация изменилась. С наплывом беженцев и ростом безработицы среди иммигрантов непомерно растет нагрузка на социальный сектор[1]. По сравнению с коренным населением процент занятости у иммигрантов значительно ниже. Это объясняется как уровнем образования приезжих, их трудностями с интеграцией в исторически сложившиеся общества, так и существующей повсеместно в северных странах дискриминацией иностранцев, прежде всего тех, кто приехал из бедных стран. Даже в Швеции, где по сравнению с другими северными странами с интеграцией иммигрантов дело обстоит лучше (сравнительный индекс ин-

---

с иностранными корнями составляют около 8,4% всего населения. В Швеции — их больше 12%, а если прибавить сюда и рожденных ими детей, то около 20%. Самая маленькая цифра — в Финляндии — 1,9%, самый низкий показатель для стран ЕС.

[1] Так, в 1970 г. в Швеции от налогов, взимаемых с иммигрантов, общественные финансы получали 6 млн крон, сегодня ситуация противоположна — в виде выплат на пособия иммигрантам в связи с безработицей и на социальную помощь идет 20 млн крон ежегодно. См.: Ederlund L. *From immigration policy to integration policy* // www.sweden.se.

теграции здесь 553 — 2-е место среди стран ЕС, в Дании — же самый низкий показатель — 410[1]), лишь 64% иммигрантов имеют работу. Особенно страдают от безработицы вновь прибывшие. Примечательно, что в 50–60-е годы XX в. не было большой разницы в уровне трудовой занятости иммигрантов и коренных жителей, теперь же она разительна и в годы низкой экономической конъюнктуры безработица подчас в четыре раза выше у иммигрантов, чем у шведов. Особенно велика безработица у группы внеевропейских иммигрантов, в начале 90-х годов XX в. она в два раза превышала безработицу иммигрантов, родившихся в Швеции (как правило, натурализовавшихся граждан) и иммигрантов из европейских стран.

Критики традиционной политики социал-демократии в отношении иммигрантов полагают, что идеи социальной инженерии, которыми она проникнута, мешают и делают невозможным на нынешнем этапе решение проблемы иммиграции. Принцип универсальности, на котором основаны социальные выплаты и стандартизированные государством услуги, начинает давать сбои в силу нехватки средств и вызывать все большее недовольство коренного населения. Кроме того, тот факт, что государство является главным распорядителем в области политики по отношению к иммигрантам, якобы затрудняет возможности гражданского общества активно участвовать в интеграции иностранцев в общественные структуры северных стран. Помимо этого, щедрые социальные пособия, выдаваемые иммигрантам, порождают у них настроения иждивенчества, вызывая все большее раздражение коренных жителей северных стран, трудовая этика которых традиционно исходит из протестантских моральных принципов.

Приверженцы же традиционной политики, оппонирующие подобным взглядам, ставят во главу угла сохранение социального консенсуса, стремятся, чтобы бедность, значительная имущественная дифференциация, побежденные в целом в послевоенный период, не возродились с появлением мигрантов из других стран, что неизбежно повлечет за собой социальную напряженность. Именно профсоюзы Скандинавских стран играли в формировании иммиграционной политики ведущую роль, руководствуясь не только необходимостью и желанием приспособиться к новым тенденциям на рынке труда, но и стремлением воздействовать на механизмы этого рынка и управлять ими. До сих пор линия водораздела в позициях относительно политики по отношению к иммигрантам лежит между профсоюзами и предпринимателями. Последние, исходя из интересов получения мак-

[1] Nordic News. 20.04.2006.

симальной прибыли, выступают за ориентацию на так называемую американскую модель иммиграционной политики, а, следовательно, за более свободный въезд рабочей силы в свои страны и меньшую опеку их государственными учреждениями. Надо отметить, что северные страны не являются исключением: здесь, как и в других странах Западной Европы в недалекой перспективе будет ощущаться значительная потребность в рабочей силе в связи с увеличением продолжительности жизни и ростом доли нетрудоспособного населения. Остается открытым вопрос о том, как решат политики эту непростую проблему в будущем.

Резкое увеличение числа иммигрантов из так называемых незападных стран, рост среди них удельного веса беженцев привел к созданию поля напряженности в области иммиграционной политики. Те механизмы, которые действовали в условиях менее значительной иммиграции, перестают быть эффективными, несмотря на то, что происходит постоянное обновление лозунгов и политических подходов к проблеме. Начиная с 70-х годов, политика по отношению к иммигрантам становится все более ограничительной, въезд в принимающие иммигрантов страны затрудняется. Сейчас въезд в страну разрешен только для беженцев и для въезжающих в связи с воссоединением семей. Несмотря на все усилия правительств, проблемы иммигрантов все более волнуют рядовых избирателей, растут националистические настроения, партии, провозглашающие националистические лозунги, становятся все более популярными. Это особенно касается Дании и Норвегии, где подобные партии (Народная партия Дании и Партия прогресса в Норвегии) не только представлены в парламенте, но имеют растущий успех у избирателей. На выборах 2005 г. в Норвегии Партия прогресса, например, увеличила число мандатов с 26 до 38. В отличие от этих стран в Швеции националистические партии пока слабы и не имеют представительства в парламенте. Партия «Шведские демократы» не преодолела 4%-ный барьер на парламентских выборах 2006 г.[1] и довольствуется пропагандой своих взглядов через собственный печатный орган. В Швеции экстремистские националистические настроения выражены гораздо слабее, чем в других северных странах, или, по крайней мере, они не проявляются столь открыто. Таким образом, несмотря на множество общих для Скандинавских стран и Финляндии проблем в сфере иммиграционной политики,

[1] Партия добилась однако значительных успехов, набрав 3% голосов, а на муниципальных выборах в некоторых коммунах — до 20%, что очень настораживает общественность и политиков.

здесь есть весьма значительные различия. И объясняются они отнюдь не только малочисленностью населения таких стран, как Норвегия, Дания, Финляндия по сравнению с большей по числу жителей Швецией, но и различием политических культур внутри региона, исторических традиций, расстановкой там политических сил. Стремление к консенсусу и нелюбовь к конфликту у шведов, являющееся по всей вероятности отражением длительного периода неучастия в войнах и благосостояния, наложили отпечаток и на политику по отношению к иммигрантам. Множество различных программ, широко обсуждавшихся и принимаемых властями, доказывает их стремление найти приемлемое решение сложной проблемы и по возможности избежать открытой конфронтации. Уже в ранних программах по иммиграционной политике говорилось о необходимости воспитания терпимости, уважения по отношению к приезжающим у самих шведов. Последние события с опубликованием карикатур на пророка Мухаммеда с очевидностью свидетельствовали о различии взглядов и поведения простых людей и политиков в северных странах. Лишь в Швеции эти карикатуры не были перепечатаны центральными газетами, на это осмелилась лишь небольшая газета националистической партии «Шведские демократы», да и то не на первых страницах своего издания. Это находило понимание граждан, не желавших конфликта в стране, где проживает большое число выходцев из мусульманских стран.

Во всех северных странах на вооружение принята программа интеграции иностранцев в общества своих стран. В отличие от большинства стран Западной Европы во всех северных странах иммигранты, прожившие от трех до пяти лет в стране (зависит от страны), имеют право голоса на коммунальных выборах, а в Норвегии и Швеции и на региональных выборах. Эти законы были приняты уже в конце 70-х — начале 80-х годов XX в. Однако надо заметить, что шанс политического участия используется иммигрантами недостаточно, они гораздо реже приходят к избирательным урнам, чем коренные жители, да и число тех, кто приходит на выборы год от года уменьшается. Так, в Норвегии, например, 59,3% коренных жителей участвуют в выборах, и только 41% иммигрантов[1]. В Швеции, где право участия в выборах было дано иммигрантам уже в 1976 г., их пришло тогда на выборы 60%, а через 20 лет лишь 40%[2]. В 2002 г. шведов пришло на выборы 79%, а иммигрантов — 35%. Это, несомненно, отражает

---

[1] Immigration and immigrants 2004. P. 103.

[2] Political and Social Participation of Immigrants Throught Consultative Bodies. Council of Europe. 1999. P. 101.

изменение контингента въезжающих в страну, последствия разразившегося в 1990 г. экономического кризиса и, как следствие — увеличение безработицы, но и определенное разочарование в возможностях действенного использования своих политических прав для изменения положения дел и своих судеб. Связь ухудшения экономического положения, зависимости иммигрантов от социальных пособий и степени политического участия, а следовательно, и интеграции иммигрантов в общества принявших их стран находятся в прямой зависимости.

Проблемы создания равноправного мультикультурного общества едва ли не самые трудно решаемые в странах Запада. Но общества с единой национальной культурой явление прошлого, проблемы интеграции иммигрантов — актуальнейшая задача политической жизни.

7.2. Культура северных стран на рубеже веков

Важной характеристикой культуры Скандинавских стран стала ее многонациональность, притягивавшая к себе пристальное внимание в последнее десятилетие. Увеличение притока иммигрантов в Швецию, Данию, Норвегию, где наиболее либеральное законодательство в этой области по сравнению с другими европейскими странами, изменило в том числе и культурный климат. Все больше начинают обсуждать феномен столкновения культур, необходимость изучения национальных менталитетов и их различий. Тема иммигрантов присутствует и в современной художественной литературе и искусстве Скандинавских стран.

Вместе с тем интеграционные процессы последнего десятилетия в самой Европе заставляют скандинавов больше изучать и собственный национальный менталитет, национальные особенности, характер и обычаи. На фоне процессов глобализации и объединения Европы заново уточняется скандинавская региональная специфика, общность скандинавской культуры.

Начиная с 1962 г. в Скандинавских странах присуждается общая для них литературная премия Северного совета. В последнее десятилетие ее получали такие известные писатели, как Тумас Транстрёмер и Черстин Экман (Швеция), Пер Хультберг и Пиа Тафдруп (Дания), Эйстейн Лённ (Норвегия) и др. Общескандинавская литературная антология, изданная в 2000 г., свидетельствует о жизнеспособности единого культурного пространства и о культурном обмене в этом регионе[1]. Вместе с тем литература как таковая стала также предметом

[1] См.: *Sju år i Norden. Nordisk litteratur 1993-99.* Stockholm, 2000.

оживленных дискуссий в Скандинавских странах в связи с бурным развитием информационных технологий (ИТ).

По использованию Интернета в 1990-е гг. на 1-м месте в ЕС находилась Швеция, за ней следовали Дания и Финляндия. Американский журнал «Ньюсуик» (февраль 2000) посвятил целый номер Стокгольму как городу, который является теперь «Интернет-столицей Европы». Шведы названы «электронными викингами» (e-vikingar). Действительно, Швеция занимает лидирующее место в Европе в сфере ИТ, телекоммуникаций, программирования и компьютерной защиты. Информационные технологии стали важной статьей шведского экспорта. В этом контексте рассматривается положение и дальнейшее развитие литературы, а шире — книжной культуры, — в условиях общества информационных технологий, новый, интерактивный, вид существования литературного текста и его чтения. Первыми скандинавскими исследованиями в этой области стали книги норвежца Эспена Орсета и шведа Юхана Сведьедаля[1]. До них эта тема разрабатывалась американскими авторами, которые, собственно, и ввели термин «гипертекст» (hypertext), утверждая, что Интернет впервые реализовал теории Ролана Барта и Жака Дерриды о тексте как бесконечной смысловой структуре.

Современная аудиовизуальная культура отличается подвижностью границ между языками, ей свойственно многоязычие, в котором на первый план все же выходит английский как язык международного общения. Вопросы сохранения национального языка неизбежно встают при обсуждении будущего национальной культуры в целом. Литературовед и социолог Юхан Сведьедаль оценивает подобные «угрозы» как мнимые и пишет об этом: «Меня не тревожит то, что шведский язык якобы исчезнет как литературный язык или что книга якобы исчезнет как средство передачи информации. Напротив, они будут сохраняться до тех пор, пока выполняют существенные функции в обществе. Но им будет труднее заявлять о себе среди множества других способов передачи информации и других языков»[2].

Многие произведения современной скандинавской культуры по праву можно считать вкладом в мировую культуру, обогатившим и литературу, и искусство последнего десятилетия XX в. Поистине мировое признание завоевал скандинавский дизайн. Именно искус-

---

[1] Aarseth E. *Cybertext*. 1999; Svedjedal J. *The Literary Web. Literature and Publishing in the Age of Digital Production*. 2000.

[2] Svedjedal J. *Terror på Biblioteksgatan* // F nster mot framtiden. Tankar om ekonomi, vetenskap, konflikter och kultur. 2002.

ство дизайна сделалось отличительной приметой 1990-х гг. и вышло на международную арену. Впечатляющие архитектурные проекты в Скандинавских странах получили общеевропейское признание. Стали широко известными международные театральные фестивали Скандинавии. Многие скандинавские режиссеры театра и кино удостоены в последние годы престижных международных премий и наград. Скандинавская литература, отражающая изменения в современном обществе и мироощущение людей, переводится на другие языки, расширяя круг своих читателей.

Швеция. Одной из приоритетных областей культурного развития Швеции является дизайн, представленный во многих музейных экспозициях. В 1990-е гг. искусство дизайна стало одним из признанных факторов развития не только социально-культурной сферы, но и экономики. Конкурентоспособность шведской экспортируемой продукции на мировых рынках часто определяется высоким уровнем дизайнерского решения. 2005 год был объявлен в Швеции годом дизайна.

К значительным явлениям в сфере проектирования относится завершение в 2000 г. строительства моста через пролив Эресунн. Мост связал собой Швецию и Данию (Мальмё и Копенгаген), способствуя возникновению нового транснационального региона вокруг Эресунна. Образцами современной шведской архитектуры последних лет можно считать здания концернов «Астра» и «Эрикссон», Музея современного искусства в Стокгольме. Оригинальным решением стал Музей корабля «Васа», открытый в 1990 г. Наряду со Скансеном, это самый посещаемый в Швеции музей. Конкурс на строительство музея выиграла фирма «Монссон Дальбек Аркитектконтур АБ»[1].

В шведском кинематографе последнего десятилетия актуальными темами становятся конфликт поколений, мир подростков, любовь и семья, отношение к иммигрантам. Одной из наиболее талантливых шведских актрис последних лет критики называют Тюву Новотни, которая снялась, в частности, вместе с легендой датского кино Гитой Норбю в фильме «Четыре недели в июне» (2005), где отчетливо прозвучала тема «шведы—иммигранты».

Имя режиссера Лукаса Мудиссона связано в первую очередь с нашумевшим фильмом «Lilja 4-Ever» (2002), который спровоцировал политические дебаты о проституции, разгоревшиеся на различных уровнях — от шведского риксдага до Европарламента. Общественный резонанс вызвал и фильм «Гамсун» (1996) известного режиссера Яна Труэлля, посвященный трагической судьбе норвежского писателя,

---

[1] См.: Kvarning L.- ., Ohrelius B. *Vasa, kungens skepp*. Stokholm, 1990.

питавшего симпатии к гитлеровской Германии. (Главную роль в фильме сыграл Макс фон Сюдов.)

Своеобразным продолжением «Сцен из супружеской жизни» назвали критики фильм Ингмара Бергмана «Сарабанда» (2003). Бергмановские герои Юхан и Марианн (актеры Лив Ульманн и Эрланд Юсефсон) встречаются через 30 лет после того, как они расстались. Таким образом, в этом фильме вновь возникает тема брака, сквозная для всего творчества Бергмана, но также тема вины и стыда перед оставленными детьми. Ингмар Бергман как театральный режиссер был отмечен в Швеции и за рубежом своими постановками Шекспира (1990-е гг., Драматен).

На сцене Драматена играли или играют такие известные и прославленные актеры, как Эрланд Юсефсон, Макс фон Сюдов, Бёрье Альстедт, Пернилла Август и др. Легендой шведского театра стала Маргарета Крук (1925–2001), а ее роли в постановках Драматена — мамаша Кураж, Медея, Мария Каллас, Александра Коллонтай — неизменно пользовались успехом. Способность играть самые различные роли — от трагедийных до комических, — обусловила уникальное положение этой актрисы театра и кино в шведской культуре.

В 1990-е гг. происходит возрождение знаменитого Интимного театра Августа Стриндберга, где в начале XX в. были поставлены пьесы и самого писателя, ставшего сегодня классиком шведской и мировой драматургии. Традиционным стал в последнее десятилетие Международный театральный фестиваль Стриндберга в Стокгольме.

Наиболее известным драматургом современной Швеции, бесспорно, является Ларс Нурен (р. 1944). По замечанию критиков, он всегда умел показать в своих драмах тлеющие конфликты, деструктивное, разрушительное начало. Его пьесы 1990-х гг. отражают впечатления от общения автора с пациентами психбольницы, с заключенными в тюрьме. В 2002 г. увидели свет четыре пьесы Ларса Нурена, посвященные смерти: «Стоячая вода», «Тихая музыка», «Зимнее хранилище», «Ноябрь». По словам автора, он хотел описать состояние умирания в самой жизни, когда человек еще жив, но умирают его друзья, родственники, надежды, любовь и т.д. Ларс Нурен как драматург достиг мировой известности, и его пьесы ставятся во многих странах мира.

Анализируя тенденции в развитии современной художественной литературы, шведские критики отмечают, что трудно говорить о появлении нового поколения 90-х годов. Молодые писатели не издают своих журналов, не пишут общих манифестов, заявляя о себе в литературе. Представляя обзор шведской прозы, критик Юнас Тенте считает, что дебютанты 1990-х гг. были слишком робкими и боязливыми,

тогда как именно известные, уже признанные писатели, наследники постмодернизма 1980-х гг., прокладывали новые пути в литературе последнего десятилетия и смело брались за новые темы[1]. Критик видит причину такого положения в том, что молодые писатели взялись за перо в новой Швеции, новой реальности, пытаясь понять, что же осталось от прежней, надежной и стабильной страны. Отсюда, по мнению критика, интерес молодых к «простым людям», тяготение к краткому жанру новеллы, раздробленность прозы, «реализм будней». Герои новой прозы — чаще всего одиночки, без семьи, вне социального окружения, и их жизнь — крах. Это люди потерянные, ими владеют силы, которым они не могут противостоять, они пытаются обрести свою идентичность, не зная, в чем она заключается, или же погибают. Об этих героях повествуют произведения таких молодых авторов, как Оке Эдварссон, Малин Линдрут, Лотта Лотасс, Матс Чемпе, Алехандро Лейва Венгер и др.

Наиболее значительные романы последних лет принадлежат известным прозаикам старшего поколения — Агнете Плейель, Класу Эстергрену, Перу Улову Энквисту, Йорану Тюнстрёму, Торгни Линдгрену, Леннарту Хагерфорсу, Яну Гийу и др. В их творчестве представлены роман психологический, исторический, обращение к воспоминаниям детства, роман о личности и обществе.

Традицию документальной прозы, где почти неразличима грань между вымыслом и документом, где присутствует авторская интерпретация исторических материалов, продолжает в своем творчестве писатель и драматург Пер Улов Энквист (р. 1934). Известны его биографические пьесы о знаменитых писателях — А. Стриндберге, Х.К. Андерсене, С. Лагерлёф. В 1999 г. Энквист получил шведскую литературную премию Августа за роман «Визит лейб-медика». Этот роман пользовался также большим успехом в Германии, Франции, Италии, Великобритании.

Дания. Девяностые годы XX в. в датском искусстве были отмечены влиянием постмодернизма. К крупнейшим проектам в области архитектуры относятся завершение строительства Глиптотеки в Копенгагене (1996) и открытие музея искусств Аркен. В 1999 г. архитекторы провели реконструкцию Королевской библиотеки, возведя так называемый Черный диамант, нечто вроде монументального монолита в стиле неомодернизма (архитектурное бюро «Шмидт-Хаммер-Лассен»). Датские архитекторы, как и в целом в Европе, все больше прибегают в последнее время к использованию стали и стекла, придер-

[1] Dagens Nyheter. 26.09.2003.

живаясь эстетики минимализма, с ее строгостью и динамичностью внешних и внутренних форм.

Наиболее успешным и интересным в 1990-е гг. среди Скандинавских стран по праву считается датский кинематограф. Многие датские фильмы были отмечены призами международных кинофестивалей. Наибольшие дискуссии в 1990-е гг. вызывали фильмы Ларса фон Триера (р. 1956), который стал одной из культовых фигур современного мирового кинематографа. В числе некоторых других датских режиссеров, Ларс фон Триер подписал манифест «Догма-95», выступив тем самым в оппозиции официальному кинематографу. Фильмы «Догмы» возвращают кино к повествовательной эстетике и исключают эффекты коммерческого кинематографа. Первыми фильмами нового манифеста стали «Праздник» Томаса Винтерберга и «Идиоты» Ларса фон Триера (1998).

Фильм фон Триера «Рассекая волны» (1996) был удостоен премии жюри Каннского кинофестиваля в 1997 г., а «Танцующая в темноте», с известной исландской певицей Бьёрк в роли беженки Сельмы, получил в Каннах Золотую пальмовую ветвь (2000).

Один из последних его фильмов, «Догвилль» (2003), с Николь Кидман в главной роли, стал, по замыслу режиссера, первой частью будущей трилогии «США — страна возможностей». Две следующие части (последнюю планируется завершить в 2008 г.) — «Мандалай» и «Вашингтон». Таким образом, режиссер обращается в своих последних работах к американской теме. Фильм об Америке времен Великой депрессии, «Догвилль» снимался в шведском городе Трольхэттене. Старые нобелевские цеха превратились в период съемок в сценическое пространство, где улицы и дома были условно обозначены мелом на полу. Критика писала о «Догвилле», что в этом фильме Ларс фон Триер нарушил границы кино и создал, по сути, трехчасовое театральное действо, экспериментальную студию, где практически отсутствует сценография. Сам режиссер признавался в одном из интервью, что его интересует возврат кинематографа к театру.

«Догвилль» — психологическая драма о власти и морали. Истоки ее эстетики критики усматривают в театре Брехта. Метафизический план — о добре и зле во всех людях, — получает конкретное выражение в истории героини, оказавшейся во враждебном ей окружении, во власти людей, почувствовавших вкус к насилию. Тема чужака, пришельца, иммигранта узнаваема и по фильму «Танцующая в темноте», где героиня-беженка из Восточной Европы становится жертвой американского правосудия. Обращение к этой теме в творчестве Ларса фон Триера не случайно, ибо сам режиссер относится к резким

критикам ужесточения датской политики в области иммиграции и в связи с этим ухудшения положения иммигрантов в современном датском обществе.

В самой Америке «Догвилль» был встречен достаточно противоречиво. Многие критики в США упрекали режиссера за слишком длинный и претенциозный фильм, за то, что он всегда жестоко обходится с главными героинями своих фильмов. Однако вместе с тем они признавали, что «Догвилль», с его черным юмором и гипнотичностью, — это интеллектуальный вызов Америке.

Тема чужака и чужой культуры или менталитета проявляется и в художественных произведениях последнего десятилетия. В целом датская литература 1990-х гг. представляет собой широкую панораму новых имен, произведений, направлений. В эти годы продолжали писать уже известные авторы, которые дебютировали ранее. Это Пер Хультберг, Вибеке Грёнфельдт, Клаус Хёк и др. Писатель Иб Микаель (р. 1945) напоминает своим творчеством о магическом реализме южноамериканцев. Наиболее известными стали в последние годы его романы, где присутствует смешение воображения и действительности («Принц», 1997; «Атлас императора», 2001).

Этот гибридный жанр литературы, который соединяет в себе реализм и сказку, действительное и фантастическое, — магический реализм, — приобрел, после Иба Микаеля, свою специфическую датскую форму в произведениях Питера Хёга, ставшего известным по переводам широкому кругу иностранных читателей. Питер Хёг (р. 1957) — единственный современный датский писатель, книги которого переведены на более чем 30 языков мира, а в самой Дании выходят миллионными тиражами. «Смилла и ее чувство снега» (1992) — самый известный роман писателя, по мотивам которого снят одноименный голливудский фильм. Полудетективный, полумистический сюжет романа, где действие происходит то в Дании, то в Гренландии, позволяет автору размышлять о столкновении различных культур и менталитетов, об их праве на существование во всем своем многообразии, и шире — о судьбах современной европейской культуры. Критикуя европейский этноцентризм и некоторые этнологические клише, сохранившиеся до наших дней, автор, в частности, пишет: «Любой народ, если его оценивать по шкале, установленной европейскими естественными науками, будет представлять собой культуру высших обезьян. Выставление оценок бессмысленно...»[1]

Молодое поколение в датской литературе 1990–1996 гг. получило название «поколение Ritter Sport», за свою компактную, лаконичную

[1] Цит. по: *Хёг П.* Смилла и ее чувство снега. СПб., 2002. С. 226–227.

прозу «в формате шоколадной плитки». Большинство из этих дебютантов были женщины, с их именами и связано экспериментирование в области формы. Это Кристина Хессельхольдт (р. 1962), Хелле Хелле (р. 1965), Катарине Гульдагер (р. 1966) и др. Разрыв с «поколением Ritter Sport» произошел в 1997 г., когда увидел свет сборник новелл «Радиатор» Яна Соннергора (р. 1963). Критика сразу же заговорила о «новом реализме».

Сборник «Радиатор» стал первой частью трилогии о датском обществе 90-х годов XX в. Вслед за ним вышли в свет сборники новелл «Последнее воскресенье октября» (2000) и «Я боюсь Каспара Микаеля Петерсена» (2003). В трилогии Яна Соннергора вырастает образ современного автору Копенгагена, где встречаются история и сегодняшний день, индивид и общество, ставятся вопросы о моральном потенциале общества, о свободе и насилии, о страхе и предательстве.

Норвегия. Одним из наиболее заметных архитектурных проектов в 1990-е гг. в Норвегии стал Нефтяной музей Ставангера (архитекторы Ивар Лунде и Мортен Лёвсет). Он был открыт в нефтяной столице Норвегии в 1999 г., его экспозиция рассказывает об истории добычи нефти в стране, об открытии нефтяных месторождений в Северном море. Фасад ставангерского музея сделан из черно-серого гнейса, что, по мнению архитекторов, должно напоминать о норвежских скалах, а три башни из стекла и стали символизируют собой нефтяные платформы.

Норвежские архитекторы пользуются заслуженной популярностью как у себя в стране, так и за рубежом. Международный конкурс на лучший проект новой библиотеки в Александрии выиграло в 1989 г. норвежское архитектурное бюро «Снохетта». Строительство Александрийской библиотеки было завершено в 2001 г., а «Снохетта» заняла достойное место среди ведущих мировых архитектурных фирм. Именно она получила контракт на строительство Оперного театра в Осло. Новое здание Оперы планируется построить к 2008 г. «Снохетта» проектирует также новый музей в Нью-Йорке, посвященный трагической дате 11 сентября 2001 г. Этот музей рассчитывают открыть в 2009 г.

2006 год был объявлен в Норвегии годом Хенрика Ибсена. Столетие со дня смерти великого драматурга отмечалось во всем мире. В Осло продолжается традиция проведения международных ибсеновских фестивалей, первый из которых открылся в 1990 г. На сцене Национального театра показываются пьесы Ибсена как в постановке самих норвежцев, так и приехавших на гастроли зарубежных режиссеров.

В Норвегии, как и в Скандинавии в целом, политические дискуссии о будущем этого региона в рамках нового сотрудничества с Европой не в последнюю очередь оказывают влияние и на переоценку цен-

ностей в сфере литературы и культуры. Для того чтобы постичь свое настоящее и будущее, норвежцы все чаще обращаются к прошлому, к национальной классике. Произведения Ибсена, а также Унсет, Гамсуна словно переживают новую жизнь. Лауреат Нобелевской премии Сигрид Унсет стала одной из знаковых фигур норвежской культуры XX в. В 1990-е гг. выходят новые труды и монографии о ее жизни и творчестве. Инсценировки исторического романа «Кристин, дочь Лавранса» с успехом идут в норвежских театрах. Не обошел своим вниманием знаменитую эпопею и кинематограф. Большим культурным событием 1995 г. стал фильм «Кристин дочь Лавранса», где режиссером выступила Лив Ульманн. Известная актриса, она прославилась в фильмах Ингмара Бергмана и Яна Труэлля. В 1990-е гг. Лив Ульманн стала выступать как режиссер и сценарист.

90-е годы XX в. были названы в литературной критике десятилетием норвежского романа. И действительно, наиболее значительные, ставшие известными и переведенные на другие языки произведения созданы в жанре романа, который признан лучшим в современной скандинавской литературе. Среди норвежских писателей-романистов всеобщее признание завоевал Ян Хьярстад (р. 1953), который дебютировал в 1980-е гг. сборником новелл «Тихо вертится земной шар». Автор новелл, романов и эссе, он в 1985–1989 гг. был редактором литературного журнала «Виндует» («Vinduet»). В 2001 г. удостоен литературной премии Северного совета за роман «Изобретатель» (1999), последнюю часть трилогии (первые два романа — «Соблазнитель» (1993) и «Завоеватель» (1996)). Автор создал эпическую трилогию о послевоенной Норвегии, а его герой, Юнас Вергеланн, телепродюсер, путешествует по всему миру. В его романах присутствует смешение реальности и фантастики, где картины вселенной чередуются с картинами современного Осло. Известный шведский критик и писатель Ула Ларсму считает, что творчество Яна Хьярстада находится в русле общескандинавской традиции, которая может характеризоваться как искусство гротескной прозы[1]. К этой традиции принадлежат также датчане Карен Бликсен и Питер Хёг, шведка Сельма Лагерлёф. Вместе с тем Хьярстад — постмодернист, который возводит гигантские сооружения со многими помещениями и лабиринтами. В его творчестве всегда плодотворна встреча техники коллажа и элементов триллера.

Главную роль, по мнению критики, играли в 1990-е гг. те писатели, которые были наиболее продуктивны и в 70–80-е годы XX в. Их творчество как продолжает традиции психологического реализма,

[1] См.: Dagens Nyheter. 03.02.2001.

так и содержит модернистское экспериментирование. Литературной премии Северного совета были в разные годы удостоены известные норвежские писатели, которые продолжали писать и в последнее десятилетие: Хьяртан Флёгстад (р. 1944), Хербьёрг Вассму (р. 1942), Даг Сульстад (р. 1941), Эйстейн Лённ (р. 1936).

Юстейн Гордер (р. 1952) написал книгу для подростков, ставшую бестселлером, — «Мир Софии. Роман об истории философии» (1991), который был переведен на 44 языка, а его автор достиг большей известности в мире, чем любой другой норвежский писатель со времен Ибсена и Гамсуна.

Новое поколение норвежских писателей, дебютировавших в девяностые годы, — Туре Ренберг, Линн Ульманн, Карл Уве Кнаусгорд, Эрленд Лу, Ханне Эрставик и др. — ищет выход из тупика маргинализации, которая угрожает литературе в информационном обществе, в эпоху массмедиа. В их произведениях описывается общество, где рушатся старые иерархии, где на развалинах возникает чувство смятения. Эти писатели часто изображают конфликт поколений, рисуют образы детей и родителей. Меняется и тон повествования. Туре Ренберг написал в своем манифесте «12 мыслей о литературе», что стремится к большей эмоциональности, даже патетичности и сентиментальности, которых не следует бояться и избегать в художественном произведении.

И все же норвежские критики очень осторожны в характеристике девяностых годов как цельного литературного десятилетия. Даже на его исходе никто не дает этому периоду исчерпывающего определения. Годом прорыва молодого поколения в норвежской литературе считается 1998-й, когда вышел роман-дебют Линн Ульманн «Прежде чем ты уснешь». Линн Ульманн (р. 1966) — писатель, журналист, литературный критик. Ее романы отличает психологизм и точность передачи современного мироощущения («Когда я у тебя», 2002; «Милость», 2003). В одном из интервью она сказала, что у норвежских писателей давно сложилась традиция размышлять над тем, что означает «быть норвежцами», присутствует стремление к поиску национальной идентичности. По ее мнению, встреча патриархального и современного, дома и чужбины, города и деревни и делает современную норвежскую литературу такой разнообразной[1].

Финляндия. За последнее десятилетие в различных городах страны появились новаторские здания культурного назначения, свидетельствующие о высоком уровне финского проектирования. В Хельсинки в 1998 г. было завершено строительство музея современного искус-

[1] См.: Мы здесь пока живем. СПб., 1999.

ства «Киасма». Это футуристическая конструкция с асимметрично перекрещивающимися арками (архитектор — Стивен Холл). Музей финского и зарубежного современного искусства стал теперь самым посещаемым в столице. Он расположен прямо в центре Хельсинки, рядом с памятником маршалу Маннергейму. К футуристическим проектам Хельсинки относят также новые здания Консерватории (1992) и национальной Оперы (1993). Известный архитектор Пекка Хелин спроектировал в 1997 г. здание компании «Нокиа» в Эспоо, в виде стеклянных блоков разных форм, соединенных переходами. Наконец, один из современных финских проектов был отмечен международной архитектурной премией «World Architecture Award». Она была присуждена в 2001 г. за здание посольства Финляндии в Берлине (архитекторы Рауно Лехтинен, Пекка Мяки, Тони Пелтола).

В 1990-е гг. появился целый ряд всемирно известных торговых марок, продукция которых не в последнюю очередь зависит от уровня промышленного дизайна: «Нокиа», «Суунто», «Понссе», «Полар» и др. Примером новых веяний стала работа группы «Сноукрэш», основанной в конце 1990-х. Обратив на себя внимание на Миланской международной выставке мебели, группа со своей продукцией приобрела мировую известность.

В Финляндии существует собственная уникальная оперная культура. К середине 1990-х гг. финские композиторы сочинили около 160 опер. К наиболее известным композиторам относятся Э. Раутаваара, А. Саллинен, П. Хейникен, К. Ахо и др. Признание во всем мире получил международный Оперный фестиваль в Савонлинне. Впервые он был проведен в 1912 г. и впоследствии стал ежегодным. Оперный фестиваль часто называют визитной карточкой Финляндии в мире культуры. Проходит он в средневековой крепости Олавинлинна, внутренний двор которой вмещает более 2 тыс. зрителей. Фестиваль обычно проводится в июле или августе, и его репертуар включает около 30 спектаклей (ежедневно в течение месяца). В постановках заняты ведущие финские и зарубежные оперные исполнители мирового уровня, режиссеры и дирижеры. В 90-е годы постоянным участником фестиваля был Мариинский театр. А в 2001 г. в рамках Оперного фестиваля состоялся сольный концерт Дмитрия Хворостовского.

Самым «русским» финном называют критики в России актера Вилле Хаапасало (р. 1972). Он снимался в комедиях Александра Рогожкина «Особенности национальной охоты» (1995), «Особенности национальной рыбалки» (1998), а также сыграл роль финского солдата Вейко в драме того же режиссера «Кукушка» (2002). Последний

фильм, получивший множество призов, рассказывает о событиях Второй мировой войны, о русском и финне, которые оказываются в сентябре 1944 г. на хуторе у саамки Анни. Для нее они не враги, а просто люди. Главную женскую роль в «Кукушке» сыграла финская актриса Анни-Кристина Юусо.

В современной финской литературе наиболее известен Кари Хотакайнен, лауреат литературных премий Северного совета и «Финляндии». Его роман «Улица Окопная» (2002, русский перевод — 2004) стал, по мнению критиков, крупнейшим финским бестселлером. Это заключительная часть трилогии писателя (первые две — «Классика» и «Сердечные приступы, или как снимали крестного отца»). Новый роман переведен на 14 языков. Литературовед Стефан Мостер пишет о книге Хотакайнена, что она отражает попытку человека, не имеющего достаточных средств, любым способом заполучить себе дом, в надежде воссоединиться с семьей. Герой романа Матти Виртанен в итоге терпит неудачу. «Трагикомическая история Хотакайнена, — пишет Мостер, — о мечте иметь свой дом уже стала одной из самых успешных книг в истории финской литературы. Она проницательно и живо рассказывает о человеческих страстях, предлагая читателю узнать себя самого в этой обыденной ситуации. Роман подхватывает традицию, начатую Алексисом Киви в “Семерых братьях” (1870), первом финноязычном романе»[1]. В «Улице Окопной» мы видим жизнь разных поколений и человеческие взаимоотношения на фоне «жилищного вопроса».

В современной финской литературе есть целый ряд и других известных имен. По статистике Ассоциации издателей Финляндии за 2002 г., больше всего в стране издается именно отечественной литературы. Известна в мире шведоязычная литература Финляндии.

Плодотворно творчество Фредрика Лонга и Томаса Варбюртона, Мерете Маццареллы и Моники Фагерхольм. В критике была отмечена эпическая трилогия Уллы-Лены Лундберг об Аландских островах (место компактного проживания шведского меньшинства).

Финская культура в целом всегда оказывалась на стыке других культур в своей истории — шведской, русской... В сборнике эссе Юханнеса Салминена «Синий камень» (1994) находит подтверждение мысль о плодотворности такого взаимодействия. Автор считает, что даже национальный эпос «Калевала» является, по сути, встречей Востока и Запада в финской традиции.

---

[1] *Мостер С.* Вес письменного слова // Литература Финляндии. 2003. № 6. С. 7.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для Российской Федерации Север Европы был и остается одним из важнейших сопредельных регионов, имеющих особое значение во многих аспектах, и сегодня всестороннее сотрудничество со странами – нашими ближайшими соседями является взаимной объективной необходимостью, и оно должно стать более значимым, чем раньше, перспективным компонентом российской внешней политики.

Активизация взаимодействия России с динамично развивающимися государствами Северной Европы, использование их опыта, особенностей, результатов и моделей экономического развития позволят более эффективно решать проблемы развития демократии в нашей стране, преодолевать трудности в социально-экономическом реформировании.

Все это будет способствовать интеграции России в общеевропейское пространство во всех его измерениях и поможет активно развиваться по различным направлениям, в том числе с помощью уже сформировавшихся структур, включая субрегиональные в районе Балтийского и Баренцева морей.

В развитии интеграционных процессов немалую роль могут сыграть традиции многолетнего добрососедства, накопленный опыт взаимодействия в различных областях. Между нашими странами нет крупных нерешенных проблем.

Главное сегодня – определить на ближайшие годы и на более отдаленные перспективы основные ориентиры, важнейшие приоритеты и границы реальных возможностей. При этом не следует игнорировать и те сложности, которые имеются или могут возникнуть в будущем

с учетом возможных изменений в международной обстановке, в том числе и на Европейском континенте.

Продолжая курс на развитие двусторонних и многосторонних отношений со странами Северной Европы, Россия должна уже сегодня и в еще большей степени в будущем учитывать проведение ими общей линии в сфере внешней политики и политики безопасности в рамках ЕС, а также согласование позиций по многим вопросам общеевропейского и глобального характера.

При этом важно откровенно сказать и о тех сложностях, которые все же имеются в отношениях России с государствами Североевропейского региона, о вопросах, которые возникают и могут еще возникнуть в будущем с учетом происходящих уже сегодня серьезных изменений в международной обстановке, в том числе на Европейском континенте. Необходимо искать пути решения проблем на основе баланса взаимных интересов.

Мысли эти, разумеется, не новы. Они, например, высказывались в специальном докладе Совета по оборонной и внешней политике в 2001 г., в подготовке которого принимали участие и представители Института Европы РАН[1], а также в публикациях и докладах ряда российских исследователей, в том числе и авторов настоящей монографии.

Однако радикальных сдвигов пока не наблюдается. Новые импульсы стали появляться в результате активизировавшихся 2004–2006 гг. контактов президента В.В. Путина, членов российского кабинета с руководством североевропейских стран. Но многие из достигнутых принципиальных договоренностей предстоит еще реализовать. И многое здесь зависит от России.

Активизация диалога со странами Северной Европы по самому широкому кругу проблем объективно необходима на всех уровнях – от федерального до регионального, включая неправительственные организации, представителей деловых кругов, ученых. Он должен быть направлен, прежде всего, на то, чтобы этот важный для нашей страны регион по-прежнему оставался зоной стабильности, каким он был даже в наиболее напряженные годы «холодной войны». Основанное на взаимной выгоде, учете обоюдных интересов (не в ущерб интересам других стран) сотрудничество стран Северной Европы и России может послужить убедительным примером плодотворности регионального сотрудничества на Европейском континенте, во многом определяющего нынешнее и будущее развитие Европы.

---

[1] См.: Интересы России на Севере Европы: в чем они? СВОП, М., 2001.

Сведения об авторах

Антюшина Наталия Михайловна — сотрудник Института Европы РАН с 1990 г., кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра Северной Европы с 1999 г. Автор многочисленных научных публикаций. Специалист по проблемам экономики и социального развития северных стран, а также по вопросам регионального сотрудничества.

Дерябин Юрий Степанович — сотрудник Института Европы РАН с 1999 г., руководитель Центра Северной Европы. В 1954–1996 гг. находился на дипломатической работе, был первым послом России в Финляндии (1992–1996). Автор 10 книг по проблематике Северной Европы и вопросам европейской безопасности, в том числе изданных за рубежом (под псевдонимом «Юрий Комиссаров»), а также более 500 статей.

Можаев Всеволод Евгеньевич — кандидат исторических наук, многие годы посвятил дипломатической службе в странах Северной Европы. В настоящее время — заведующий сектором международного отдела Исполкома Всеобщей конфедерации профсоюзов. Автор более 350 научных публикаций, большая часть которых посвящена анализу социального развития североевропейских стран.

Плевако Наталия Сергеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра Северной Европы Института Европы РАН. Автор многочисленных работ по различным проблемам истории и социально-экономического развития Швеции.

Чеснокова Татьяна Анатольевна — кандидат филологических наук, сотрудник РГГУ. Литературовед, переводчик со скандинавских языков, автор многих публикаций о скандинавской литературе и культуре, вышедших в России и за рубежом.

Указатель имен

Альстедт Бёрье 492
Андерсен Ханс Кристиан 16, 493
Андерсен Даг Терье 89
Асгейрссон Х. 413
Ахо К. 499
Ахтисаари Марти 421, 422, 428, 445

Барт Ролан 490
Бергман Ингмар 16, 492, 497
Бильдт Карл 267
Бликс Ханс 453
Бликсен Карен 497
Блэр Тони 289
Боньер, семья 120
Бунневик М. 307
Буторина О. 285
Бьёрк, певица 494
Бьёрклунд Лени 434, 454

Ваахторанта Т. 437
Валла Г.Л. 307
Валленберги, семья 120
Валльстрём М. 299
Валь Терье 404
Ванханен Матти 422, 433
Варбюртон Томас 500
Варгас Льоса Марио 466
Вассму Хербьёрг 498
Венгер Алехандро Лейва 493
Вигфорс Эрнст 239, 288
Виксель Кнут 16
Винберг Маргарета 483
Винтерберг Томас 494
Висури П. 427
Воллебэк Кнут 36, 408, 459, 461

Галкин А.А. 470
Гамсун Кнут 497
Ганивет Анхель 197
Гарбо Грета 16
Гидденс Энтони 288
Гийу Ян 493
Гордер Юстейн 498
Грёнфельдт Вибеке 495
Григ Эдвард 16
Гульдагер Катарине 496
Густавссон А. 474

Деволд Кристин Крон 400, 408
Деррида Жак 490
Джонсон Г. 417
Джонсон, семья 120
Дизен Сверре 434
Дракер Питер Фердинанд 282
Дубровин Виталий 407
Дэннисон Э. 182

Иб Микаель 495
Ибсен Хенрик 16, 496, 497

Йельм-Валлен Л. 423
Йонссон Б. 306

Кагарлицкий Борис 204
Калмфорс Ларс 270
Карина Анна 16
Карлссон Ингвар 294
Каскеала Ю. 435
Кастелс Мануэль 182, 203, 204, 247
Катайнен Юрки 428
Кейнс Дж.М. 239
Кекконен У.К. 421
Кендрик Дж. 182
Кидман Николь 494
Кнаусгорд Карл Уве 498
Койвисто Мауно 425, 426
Койл Филипп 404
Коркеаойя Ю. 436
Коскеала Юхани 430
Крук Маргарета 492
Кьеркегор Сёрен 16
Кярияйнен Сеппо 428

Лааксо Я. 431
Лагерлёф Сельма 493, 497
Ларсму Ула 497
Лаурин У. 470
Лёвсет Мортен 496
Лённ Эйстейн 489, 498
Лехтинен Рауно 499
Линд Анна 455
Линдбек Ассар 247
Линдгрен Астрид 16
Линдгрен Торгни 493
Линдрут Малин 493
Липпонен Пааво 92, 315, 367, 428
Лонг Фредрик 500
Лотасс Лотта 493
Лу Эрленд 498
Лундберг Улла-Лена 500
Лундвалль Б.О. 17, 181, 193, 194
Лунде Ивар 496

Маршалл Т. 251
Маццарелла Мерете 500
Мейднер Рудольф 17, 240, 267, 288, 467
Мёллер Густав 279
Молотов В.М. 420
Мостер Стефан 500
Мотцфельдт Ионатан 367
Мудиссон Лукас 491
Мюллер-Армак А. 288
Мюрдаль Альва 239, 288, 467
Мюрдаль Гуннар 16, 239, 288
Мяки Пекка 499

Ниниисте Саули 429
Нобель Альфред 206
Новотни Тюва 491
Норбю Гита 491
Нурен Ларс 492

Ойкен В. 288
О'Киф Шон 406
Олин Бертиль 17
Орсет Эспен 488
Оффе Клаус 282

Паасикиви Ю.К. 420, 427
Пальме Йоаким 293, 294
Пальме Улоф 266, 293, 442
Пелтола Тони 499
Пернилла Август 492
Перссон Йоран 247, 367
Петерссон У. 476
Плейель Агнета 493
Проди Романо 53, 316, 318
Пурсиайнен К. 425
Путин В.В. 53, 315, 316, 318, 437
Пэлози Ненси 411

Райнерт Эрик 67
Раутаваара Э. 499
Райнфельдт Фредерик 431
Рен Ёста 17, 240, 288
Ренберг Туре 498
Рис Т. 426
Рогожкин Александр 499
Родберг П. 432

Саари С. 425
Салин Мона 479
Саллинен А. 499
Салминен Юханнес 500
Сведенборг Эмануэль 16
Сведьедаль Юхан 490
Сёдеберг, семья 120
Сибелиус Ян 16
Сирен Хокон 434
Согнер Кнут 182
Соннергор Ян 496
Сталин И.В. 420
Стенбек, семья 120
Столтенберг Йенс 404
Стриндберг Август 492, 493
Сульстад Даг 498
Сундквист Ульф 99
Сюдов Макс фон 492

Тайна А. 435
Тафдруп Пиа 489
Тенте Юнас 435
Тиихонен Сеппо 96
Тольгфорс Свен 435
Торвальдс Линус 202
Транстрёмер Тумас 489
Триер Ларс фон 16, 494
Труэлль Ян 491, 497
Туроу Л. 182
Тюнстрём Йоран 493

Уайтфильд Декстер 95
Ульманн Лив 492, 497
Ульманн Линн 498
Унсет Сигрид 497

Фагерхольм Моника 500
Флёгстад Хьяртан 498
Форсберг Т. 432

Хаатайнен Т. 482
Хаапасало Вилле 499
Хаген К.И. 223
Хагерфорс Леннарт 493
Хакамиес Юри 429
Халонен Тарья 422, 423, 433, 435, 444, 445, 448, 449

Ханссон Пер Альбин 17, 239, 288
Хантингтон Самюэль 316
Хворостовский Дмитрий 499
Хёг Питер 495, 497
Хейникен П. 499
Хёк Клаус 495
Хекшер Эли 17
Хелин Пекка 499
Хелле Хелле (наст. имя Хелле Кроу Хансен) 496
Хессельхольдт Кристина 496
Химанен Пекка 203, 204, 247
Хоббинс Уильям 401
Холл Стивен 499
Хотакайнен Кари 500
Хультберг Пер 489, 495
Хусейн Саддам 453
Хьярстад Ян 497
Хэгглунд Густав 398, 425, 426, 428, 430, 435, 444
Хэккеруп Х. 415

Чемпе Матс 493

Шрёдер Герхард 289
Шумпетер Й. 181, 193, 194

Эдварссон Оке 493
Экберг Анита 16
Экман Черстин 489
Энквист Пер Улов 493
Эрвасти П. 431
Эрставик Ханне 498
Эрхард Л. 288
Эстерберг Эва 466
Эстергрен Клас 493

Юсефсон Эрланд 492
Юусо Анни-Кристина 500
Юхантало Кауко 99

Якобсон Макс 430
Яковец Ю.В. 288

Серия: Старый Свет — новые времена

Последние два десятилетия стали для Европейского континента временем серьезных перемен. Глубина и масштаб произошедших изменений очевидны, однако их существо и перспективы неоднозначны. Перемены затрагивают все уровни социальной организации стран Европы и осуществляются как на национальном, так и на наднациональном уровне; как в регионах, охваченных интеграционным процессом в рамках Европейского Союза, так и за его пределами.

Изучению этих многоплановых перемен, прямо затрагивающих и самое большое европейское государство – Россию, посвящена новая монографическая серия Института Европы РАН под общим названием «Старый Свет – новые времена», издание которой ИЕ РАН осуществляет совместно с издательством «Весь Мир» при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Подготовка серии представляет собой масштабный и долговременный научный проект, реализуемый преимущественно силами российских ученых. Руководитель научного проекта – академик, директор ИЕ РАН Николай Петрович Шмелёв.

В течение нескольких лет предстоит выпустить в свет ряд монографий, посвященных комплексному изучению современной социально-политической и социально-экономической истории отдельных стран и регионов Европы.

В 2007 году вышли в свет:

Великобритания. Эпоха реформ
Под ред. д.полит.н. Ал.А. Громыко

Франция. В поисках новых путей
Под ред. д.и.н. Ю.И. Рубинского

Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен
Под ред. д.и.н. А.А. Языковой

Испания. Анфас и профиль
Под ред. В.Л. Верникова

Серия: ТЕМА

В 2007 году вышла в свет:

Модернизация партийной системы Великобритании
Алексей Громыко

Российская академия наук
Институт Европы

Книга посвящена процессу модернизации партийно-политической системы Великобритании. В центре внимания автора находятся как ведущие, так и малые партии страны. Анализируются внутрипартийные механизмы принятия решений, структурные изменения британских партий, перемены в их идейном оснащении. Уделяется внимание динамике не только парламентских, но местных, европейских и региональных выборов. Рассматривается вопрос, насколько деятельность британских партий отвечает современным запросам развитого демократического общества.

Приобрести книги Издательства «Весь Мир»
можно во всех крупнейших магазинах.
Их адреса можно узнать на сайте издательства www.vesmirbooks.ru,
где можно ознакомиться с каталогом и сделать заказ на книги.

Наш адрес: 101000, Москва, Колпачный пер., 9а.,
тел.: (495) 623-68-39, 623-85-68, 625-37-70, факс: (495) 625-42-69.
Электронная почта: orders@vesmirbooks.ru

Северная Европа. Регион нового развития / Под ред. Ю.С. Дерябина, Н.М. Антюшиной. — М.: Издательство «Весь Мир», 2008. — 512 с. — (Старый Свет — новые времена)

С 28

ISBN 978-5-7777-0392-7

Монография посвящена «традиционным» северным странам — Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии, Швеции, которые в настоящее время являются мировыми лидерами по ряду показателей социального и экономического развития. В книге подробно проанализированы особенности североевропейской модели государства всеобщего благосостояния, рассматриваются процессы формирования информационного общества, переход на инновационное и устойчивое развитие, вопросы демократии и гражданского общества, проблемы военно-стратегической безопасности и участие региона в европейской интеграции и глобализации. В монографии подчеркивается значение североевропейского региона для внешней и оборонной политики России как стратегически важной зоны с точки зрения обеспечения национальной безопасности. Авторский коллектив представлен ведущими российскими специалистами в области изучения Скандинавских стран и Финляндии.

УДК 323+327(4-012.1)
ББК 66.3/66.4(41)

Серия: Старый Свет — новые времена

Северная Европа. Регион нового развития

Под ред. Ю.С. Дерябина, Н.М. Антюшиной

Редактор: *Ю.Л. Михайлова*
Оформление серии: *А.Н. Глухов, И.А. Глухов*
Верстка: *Е.А. Поташевская*
Корректор: *Н.С. Платонова*

Подписано в печать 31.07.2008. Формат 60 x 90 $^1/_{16}$
Печать офсетная. Гарнитура NewtonC.
Печ. л. 32,0. Тираж 1500 экз.
Изд. № 25/07-и

ООО Издательство «Весь Мир»
Юридический адрес: 127214, Москва,
ул. Софьи Ковалевской, д. 1, стр. 52
E-mail: orders@vesmirbooks.ru;
http://www.vesmirbooks.ru

Отпечатано в ОАО ПИК «Идел-Пресс»
в полном соответствии с качеством представленных материалов
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2

ISBN 978-5-7777-0392-7

Книга **«Северная Европа. Регион нового развития»** посвящена «традиционным» северным странам — Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии, Швеции, являющимся мировыми лидерами по многим показателям социального и экономического развития.

В книге подробно проанализированы особенности североевропейской модели государства всеобщего благосостояния, рассматриваются процессы формирования информационного общества, переход на инновационное и устойчивое развитие, вопросы демократии и гражданского общества, проблемы военно-стратегической безопасности и участие региона в европейской интеграции и глобализации.

В авторский коллектив вошли ведущие российские специалисты в области изучения Скандинавских стран и Финляндии.

www. vesmirbooks.ru